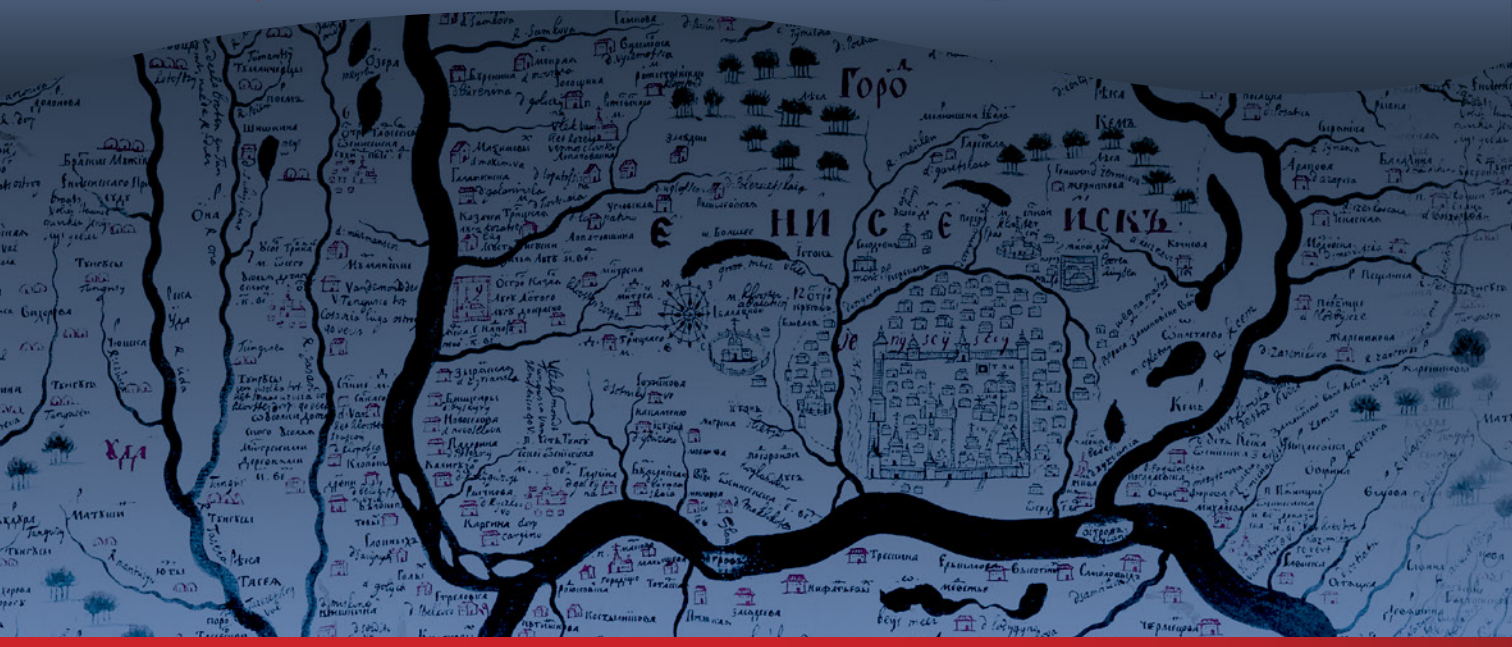
ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ
1822 1925
200
ОСНОВАНА В 1822

СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2021



КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ
ГУБЕРНАТОР

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Всероссийская общественная организация
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Основано в 1845 году

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ЕНИСЕЙСКАЯ СИБИРЬ
YENISEY SIBERIA
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ ХАКАСИЯ ТЫВА KRASNOYARSK REGION KHAKASSIA TYVA

Материалы VIII Сибирского исторического форума

Красноярск,
21-23 сентября 2021 г.

ОТ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ К ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

ДВА ВЕКА, ОДНА ИСТОРИЯ

АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири»

ББК 63.3(2Рос-4Крн)я43
УДК 94(571.51)(082)
О-80

О-80 **От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история** : Материалы VIII Сибирского исторического форума (Красноярск, 21–23 сентября 2021 г.) [Электронный ресурс] / АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири»; отв. ред. А. П. Дементьев. — Электронные данные. — Красноярск, 2021. — 23,6 Мб ; 552 с. — Режим доступа: https://sibhistory.ru/архив/.

ISBN 978-5-9903608-2-2

Сибирский исторический форум, состоявшийся в г. Красноярске 21–23 сентября 2021 года, был посвящен 200-летию основания Енисейской губернии и 120-летию Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

Участниками форума стали известные российские ученые, преподаватели, работники архивов и библиотек из 70 российских городов, а также из зарубежных стран, среди которых Индия, США, Великобритания, Монголия, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Украина, Эстония и другие.

Сборник, в котором опубликованы доклады участников форума не только исторической, но и культурологической тематики, будет интересен всем, кто занимается изучением истории России.

ББК 63.3(2Рос-4Крн)я43
УДК 94(571.51)(082)

ISBN 978-5-9903608-2-2

© Коллектив авторов, 2021
© АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири», 2021

Содержание

Предисловие 13–14

История науки, культуры и образования

В. Н. Асочакова
Миссионерская деятельность РПЦ в Енисейской губернии:
проблемы институализации 16–20

И. Н. Гридинберг, Н. А. Орехова
Буддизм на берегах Енисея: прошлое, настоящее и будущее 21–25

Ю. С. Дубовая
Деятельность Общества попечения о начальном образовании
в г. Енисейске в период с 1884 по 1912 г. 26–29

Н. Д. Ермишина, М. И. Смирнова
«Красноярские Столбы»: трансформация традиции
в востребованный национальный бренд 30–34

Т. А. Загидулина
Техноутопия и искусственный интеллект: репрезентация
в литературе начала XXI века (на материале либретто
электронной оперы «2032: Легенда о несбывшемся грядущем»
В. Аргонова) 35–43

Н. Н. Исаева
Структурные особенности
регионального художественного наследия: русское церковное
серебро в музейных собраниях Красноярского края 44–50

А. А. Калистратов
Енисейская православная гимназия:
история создания и деятельности первых лет 51–55

Д. В. Карпухина
Культура, досуг военного времени в Красноярском крае
по документам Красноярского архива 56–60

Ю. Н. Квашнин
Ненцы и энцы междуречья Таза и Енисея в трудах исследователей
конца XVIII — первой половины XX века 61–64

Я. Р. Корникова
Образ «новой женщины» на страницах
сибирского женского журнала середины 1920-х гг. 65–69

Н. В. Кострыкина
История региональной кинодокументалистики
(на материале Красноярского края) 70–72

Я. С. Крыжановская
Этнический театр нанайцев в контексте
межкультурной коммуникации 73–77

А. К. Кужугет
Норвежская экспедиция в Туву 1914 г. и книга Эрьяна Улсена 78–81

Н. А. Куперштох
Новосибирск — Красноярск: вектор научных коммуникаций 82–85

В. В. Менщиков
История Сибири в трудах курганских историков 86–89

Н. А. Орехова
Синагоги Енисейской губернии
как центры «духовной территории» евреев 90–96

Н. В. Перепич
Празднование трехсотлетнего юбилея царствования
дома Романовых в Красноярске: по страницам газеты
«Енисейская мысль» 97–101

И. Ю. Понкратова
Многослойная стоянка Ушки V (полуостров Камчатка):
научные открытия начала XXI века 102–106

Е. В. Прищепа
История развития традиционных жилищ хакасов в XVIII–XX вв. . . . 107–110

М. В. Сентябова
Детские дошкольные учреждения в социокультурном ландшафте
сибирских городов 1950-х — 1960-х гг. 111–115

О. С. Тараканова
Ассоциация «Сибирская лира» — новая форма
литературного сообщества 116–119

И. В. Уланов, Н. П. Макаров, А. В. Уланова
Посольская и усть-бельская керамика из окрестностей
г. Красноярска (по материалам фондов Красноярского
краевого краеведческого музея) 120–124

Н. Д. Фирер
Диалог культур: Сибирь глазами иностранцев 125–129

В. В. Цысь, О. П. Цысь
Организация и проведение Палестинских чтений сибирскими отделами Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX — начале XX века 130–135

М. П. Чебодаева
Посуда из кожи у хакасов (XVIII — нач. XX в.) 136–141

Ю. А. Чупилко
Становление системы народного образования в Сибири в XIX веке на примере Шушенской волости Енисейской губернии 142–144

Н. И. Чуркина
Школьная культура в формировании идентичности советских беби-бумеров (на материале научно-педагогического сообщества ОмГПУ) 145–150

Е. А. Шерстянникова
К вопросу об историческом терминологическом словаре 151–163

Л. А. Явнова
Формирование и развитие школьной системы в г. Бийске в 1919–1936 гг. 164–167

Общество и власть

Е. А. Воног
Визуализация Гражданской войны в Сибири на кадрах кинохроники американских интервентов 169–174

Е. Е. Гарин
119-я Красноярская мотострелковая дивизия накануне Великой Отечественной войны 175–180

А. П. Дементьев
Органы власти и земского самоуправления Енисейской губернии в годы Гражданской войны: к вопросу о взаимоотношениях 181–185

Р. С. Есин
Отношение крестьянства к сталинской коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края 186–190

Е. А. Игнатьева
Протестный потенциал населения в условиях насильственной этатизации сибирской деревни (вторая половина 1929 — 1930 г.) . . . 191–195

А. А. Кожаева
Уроки индоктринации: образ «лишенца» в газете «Пионерская правда» (1928–1936 гг.) 196–200

О. А. Литвинова
Дискуссии о левой оппозиции на собраниях партячеек Барнаульского округа: анализ политических практик середины 1920-х гг. 201–206

Д. А. Мамонтова
Движение преступности в Сибирском крае в 1926–1929 гг. 207–211

Е. П. Мамышева
Исторический опыт деятельности органов инородческого самоуправления в Енисейской губернии в XIX веке (на материалах минусинских и ачинских инородцев) 212–216

Д. В. Мариловцев
Деятельность Енисейского военкомата в годы Великой Отечественной войны 217–221

Д. И. Муренко
Современные проблемы изучения социального активизма научной молодежи новосибирского Академгородка 1958–1971 гг. в историографическом аспекте 222–226

М. В. Резник
История принудительных миграций: историческая (травматическая) память 227–230

С. Н. Рубцов
Самоуправление на территории Восточной Сибири в 1917 г. и способность российского общества действовать в условиях прямой демократии 231–234

Е. В. Самрина
Причины ликвидации и реорганизации степных дум хакасов в 30-х — 50-х гг. XIX века 235–239

С. П. Худышкина
Деятельность органов местного самоуправления Енисейского уезда при организации помощи пострадавшим от голода в Поволжье в 1921–1922 гг. 240–244

В. В. Чернышов
Вопросы народного здравия как сфера взаимодействия власти и общества Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. По материалам Государственного архива Красноярского края 245–250

А. П. Шекшеев
Политика государства и поведение крестьян Енисейской Сибири в 1920-х гг. 251–258

Вопросы сохранения исторической памяти

И. В. Бойко
Работа ИГУ по реализации программ фонда «Русский мир» (Русский язык в Монголии) 260–261

А. П. Борисова
Никто не забыт. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне . . . 262–265

Е. В. Буркина
Организация и проведение Больших семейных сборов 266–267

Л. В. Давыдова
Туринск — город декабристов (культурное и материальное наследие декабристов) 268–271

В. В. Ермилова
Усадьба декабриста И. В. Киреева в Минусинске 272–274

В. Г. Кокоулин
Сибирский поход Ермака в политике исторической памяти в советский период и в постсоветской России 275–281

Ю. О. Комарова
Проблемы изучения, сохранения и презентации истории Гражданской войны на южной территории Красноярского края (на примере фондов Музея-заповедника «Шушенское») 282–286

И. И. Негодина
Минусинский музей декабристов — единственный в Красноярском крае 287–290

В. А. Фисюков
Влияние коммеморативных практик на формирование идентичности: случай с установкой памятника Сталину в Новосибирске 291–293

С. Р. Хмырова
Влияние социально-политических изменений на отношение к историческому наследию (XX — нач. XXI в.) 294–296

М. К. Чуркин
Память о Великой Отечественной войне как фактор формирования поколенческой идентичности советских беби-бумеров 297–302

Деятельность Русского географического общества

Т. А. Кебак
Издания сибирских отделов Русского географического общества как источник изучения русского и инородческого населения Сибири во второй половине XIX в. — 1920-х гг. 304–310

А. В. Константинов
Записки Забайкальского отделения Русского географического общества (к 125-летию издания) 311–318

Е. И. Майзик, А. С. Вдовин, Н. П. Макаров, М. С. Баташев
Международные коммуникации Красноярского подотдела РГО в начале XX века 316–319

О. А. Милевский
Д. А. Клеменц — исследователь Енисейской губернии 320–324

А. А. Рябченко
Исследования сотрудников Императорского Русского географического общества на Алтае в последней четверти XIX — начале XX века 325–328

Е. Ю. Сидорина
История сотрудничества членов ИРГО и Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. Современность и пути развития 329–334

Т. В. Тишкина
Деятельность сотрудников Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1902–1920 гг. 335–339

Социально-демографические и политические процессы

Н. С. Байкалов
Формирование городских поселений в зоне строительства БАМа: проблемы проектирования и градостроительная практика (1970-е — 1980-е гг.) 341–344

Н. А. Баранцева
Социально-демографические аспекты развития городов Республики Хакасии: современная ситуация 345–346

В. П. Бойко, Е. В. Ситникова
Социально-экономическое развитие города Енисейска и местное купечество 347–351

Е. А. Брюханова
Информационная система по населению городов Сибири на рубеже XIX–XX веков: вопросы создания цифрового поля исследователя . . . 352–355

К. А. Голодяев
Финансовая помощь обороне СССР, оказанная жителями Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны . . . 356–361

Е. В. Демчик, Г. А. Гряникова
Продовольственное обслуживание в городах Сибири: на примере развития сети общественного питания Барнаула и Томска в 1960-х — 1980-х гг. . . . 362–366

Е. В. Демчик, И. М. Дубик
Частная торговля как фактор восстановления и развития экономики Сибири в годы нэпа . . . 367–370

А. В. Задорин
Демографическая ситуация в Красноярском крае в настоящее время . . . 371–375

Т. А. Кискидосова
Материалы региональной периодической печати о причинах роста преступности в городах Енисейской губернии в конце XIX — начале XX века . . . 376–380

М. В. Комгорт
Сибирская нефть в послевоенных планах СССР . . . 381–385

И. В. Копылов, Д. Ю. Хоменко
Лютеранское население Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века: социально-демографический аспект . . . 386–390

С. В. Кухта
Снабжение населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Красноярского края) . . . 391–398

Л. Н. Лазарева
Сталинская экономика в контексте поиска эффективной модели хозяйствования . . . 399–403

Е. В. Леонтьев
О состоянии воспроизводства населения по данным ревизских сказок первой половины XIX века (на примере населения юга Приенисейского края) . . . 404–408

В. А. Лукьянов
Освоение сибирских земель. История деревни Шарловки . . . 409–412

Д. С. Орлов
Зерновое производство Алтайского края
во второй половине 1980-х гг. 413–416

Д. О. Скобелев
Остров Молокова на Енисее — первая авиабаза
полярной авиации СССР 417–425

В. В. Топчеев
Негативные факторы, влияющие на жизнь населения
Минусинского уезда в годы Гражданской войны 426–431

В. В. Филиппов
Героизм и самопожертвование летчиков полярной авиации
как обыденная повседневность 432–439

В. В. Филиппов
Ленд-лиз на Северном морском пути 440–444

А. С. Хромых
Норвежские предприниматели и исследователи в истории
Сибири в конце XIX — первой трети XX века 445–449

Человек в истории

Б. Е. Андюсев
Личные воспоминания в изучении
трудармейской повседневности Кузбасса в годы войны 451–489

Н. Я. Артамонова
Научная деятельность и судьбы ученых Хакасии:
Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев 460–464

К. А. Вовченко
Александр Бестужев-Марлинский на Кавказе, 1830–1834 гг. 465–468

З. Ю. Доржу, О. Ю. Иргит
Хертек Анчимаа-Тока — первая в истории женщина —
глава государства 469–473

С. П. Звягин
Красноярский юрист Д. Е. Лаппо
в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) 474–478

В. А. Зырянова
Сибирская ссылка участника «Процесса 50-ти»
Филата Егорова (Лаврентьева) 479–484

К. Ю. Кладова, Г. А. Московченко
Уральский самородок (памяти А. П. Южакова) 485–488

М. В. Кузнецова, И. Б. Гуськова
К. В. Лукашевич — преподавательница Девичьего института Восточной Сибири, популярная российская детская писательница 489–492

С. Б. Ульянова, С. В. Кулик, И. В. Аладышкин
Вклад ленинградских ученых в развитие электроэнергетики Сибири в середине — второй половине XX века 493–497

И. В. Кучерова
Жизнь и хозяйственная деятельность П. И. Фаленберга и А. Ф. Фролова в Шушенском по данным архивных источников и дореволюционной литературы 498–501

Л. В. Малюченко
Канский краеведческий музей: первые лица 502–504

Л. Е. Мариненко
Деятельность городского головы П. С. Смирнова по благоустройству г. Красноярска 505–507

Л. Э. Мезит, О. Г. Софронова
Историк и его эпоха (о Юрии Васильевиче Журове) 508–512

Е. А. Мозгалевская
Андрей Васильевич Мозгалевский. Поиски корней своего семейного древа 513–518

А. С. Нилогов
Тайное и явное в родословной К. У. Черненко 519–526

Н. А. Орехова, Б. Е. Рычков
«Вера без дел мертва есть»: к 120-летию принятия монашества М. И. Сусловым 527–533

В. Ф. Семочкина
«И вижу Шалоболино — село...» 534–539

М. Е. Серебренникова
Семья красноярских купцов-золотопромышленников Кузнецовых в истории развития образования и культуры в Енисейской губернии 540–543

Список сокращений 544
Список авторов 545–551

Предисловие

VIII Сибирский исторический форум был посвящен замечательной исторической дате — 200-летию образования Енисейской губернии.

Енисейская губерния была образована в 1822 году по реформе М. М. Сперанского, ее первым губернатором стал А. П. Степанов.

На огромной территории, расположенной на берегах Енисея от гор Саянских на юге и до островов Северного Ледовитого океана на севере, до прихода русских жили коренные народы. Они занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей.

По берегам Енисея расположены уникальные памятники истории и культуры. Среди них Куртакский археологический район в Новоселовском районе, где 350 тысяч лет назад жили люди, Афонтова гора в городе Красноярске — уникальный археологический памятник, свидетельствующий, что первыми жителями города 32 тысячи лет назад были полиазиатские племена. Они, вероятно, были «сибирскими колумбами», проникшими через Беренгов пролив на территорию Американского континента. На территории юга Красноярского края — в Хакасии и Туве существовали древние государства с высокой культурой, здесь появилась орхоно-енисейская письменность, а торговые пути шли из Китая и Передней Азии.

Первые остроги построили отряды казаков на р. Турухан (с. Туруханск), на р. Енисей (г. Енисейск).

Енисейск, самый древний город Восточной Сибири, отец городов сибирских и дальневосточных, был центром русских великих географических открытий — Арктики и Северного морского пути, Магадана, Якутии и Чукотки.

В Красноярском крае в районе озера Виви находится географический центр России. Сибирь, согласно пророческим словам М. В. Ломоносова «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном», и сегодня является опорным регионом России, с ее природными ресурсами, экономикой, историей и культурой.

Все это создает духовный, интеллектуальный потенциал для дальнейшего исторического развития Сибири.

В работе VIII Сибирского исторического форума приняли участие более одной тысячи человек: ведущие ученые и руководители институтов Российской академии наук, научных исследовательских институтов, ректоры и преподаватели из более 85 российских и зарубежных вузов. На 40 площадках, секциях и круглых столах было прочитано 600 докладов учеными из 70 городов России: Петропавловска-Камчатского, Магадана, Южно-Сахалинска, Владивостока, Благовещенска, Читы, Улан-Удэ, Иркутска, Кемерово, Томска, Новосибирска, Омска, Шадринска, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и др.

Зарубежные ученые участвовали в форуме по видеосвязи.

Надо отметить два особых события в рамках форума — 120-летие Красноярского отделения Русского географического общества и I съезда краеведов Енисейской Сибири.

Енисейская Сибирь была представлена Тувинским государственным университетом, научно-исследовательскими институтами, музеями, Хакасским государственным университетом им. Н. Ф. Катанова, музеями. Научные сотрудники музеев Красноярского края активно участвовали в работе форума и съезда краеведов.

В рамках форума состоялись панельные дискуссии по проблемам сохранения историко-культурного наследия в России и Сибири, особенно в северных регионах, где происходит интенсивное освоение природных ресурсов.

Особое внимание в дискуссиях круглых столов уделялось вопросам состояния исторического знания среди населения в России, в том числе изучения истории Сибири, координации исследовательской и просветительской деятельности учебных заведений, музеев и общественных организаций Русского исторического общества, Военно-исторического общества, Русского географического общества, Российского общества «Знание» и др.

В рамках форума были организованы тематические выставки, подготовленные музеями, библиотеками, высшими учебными заведениями.

Сибирский исторический форум, несмотря на пандемию COVID-19, не утратил своего значения и широкого исторического формата в России и является в настоящее время одним из важнейших событий не только в Сибири, но и во всей стране.

В сборнике опубликованы материалы докладов, представленные участниками VIII Сибирского исторического форума 2021 года в городе Красноярске. Тексты докладов публикуются в авторской редакции

Н. И. Дроздов, *доктор исторических наук, профессор,*
профессор Гуманитарного института СФУ,
директор Сибирского института
Международного инновационного университета

История науки, культуры и образования

Миссионерская деятельность РПЦ в Енисейской губернии: проблемы институализации

В. Н. Асочакова,
доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме формирования основных институтов миссионерской деятельности РПЦ в Российской империи в XIX в. Охарактеризованы особенности структуры миссионерской деятельности в Енисейской губернии во второй половине XIX в. Ведущей тенденцией развития миссионерской деятельности РПЦ было формирование системы, акторами которого выступали церковь, государство и общество. В Енисейской губернии она слабо функционировала в силу особенностей региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА миссионерская деятельность, РПЦ, Сибирь, Енисейская губерния, Енисейская епархия, миссионеры, Православное миссионерское общество, миссионерское приходы.

Понятие «доктрины» (концепции) миссионерства в Русской Православной Церкви (далее — РПЦ) было введено в конце XX в. В 1995 г. была разработана «Концепция возрождения миссионерской деятельности РПЦ», в 2005 г. Святейший Синод ее утвердил. В рамках «Концепции миссионерской деятельности РПЦ» возрождаются основные институты миссионерства, сформировавшиеся во второй половине XIX в.: съезды епархиальных миссионеров, православные братства и др. Прописаны формы миссионерской деятельности: информационная, апологетическая, воспитательная и внешняя, издано учебное пособие для миссионеров [11]. Основное внимание уделено «внутренней миссии», а под «миссией внешней» понимается «свидетельство истины Православия среди народов, не имеющих христианских основ национальной традиции и культуры, но проживающих на канонической территории РПЦ» [8]. Федеральным законом (2016) в Федеральный закон (1997) «О свободе совести и о религиозных объединениях» введена глава «Миссионерская деятельность», в которой определены содержание и условия осуществления данного вида деятельности религиозных организаций [4]. Определены уровни церковной деятельности: приходской, епархиальный, общецерковный [14].

Значение терминов «миссионерская деятельность» и «внутренняя миссия» и «внешняя миссия» отличаются в церковной и исторической литературе. В светском понимании «миссионерская деятельность» — одна из форм деятельности религиозных организаций, имеющая целью обращение неверующих или представителей иных религий. В христианском же понимании миссионерская деятельность — это свидетельство по всему миру о Христе. В трудах церковных историков (В. Цыпин, П. В. Знаменский и др.) понятие «внутренняя миссия» отсутствует [14]. В. А. Федоров границы внутренней и внешней миссии РПЦ определяет границами государства. Область внутренней миссии — крещение народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока; возвращение в православие старообрядцев и сектантов, проживавших в пределах России, униатов, протестантов, мусульман, буддистов. Внешняя миссия — преимущественно за пределами России: в Северной Америке, Корее, Японии, Китае, на Среднем и Ближнем Востоке [16, с. 130]. Т. Н. Кузнецова, Н. А. Смирнов, Е. Ю. Ковальская, С. Г. Байстрюченко, напротив, полагают, что внутренняя миссия — церковный институт, направленный на борьбу с сектантством, старообрядчеством, атеизмом, на «охрану православия

и всего от религиозных заблуждений», внешняя — обращение в православие носителей иных конфессий, включая язычников Сибири [7, 9, с. 190].

Миссионерская деятельность РПЦ в дореволюционный период имела три направления: внешнее, внутреннее, заграничное. Внешняя миссия действовала главным образом среди иноверцев как внутри, так и вне государства; внутренняя — направлена против старообрядцев и сектантов, на «охрану православия и всего народа от религиозных заблуждений»; заграничная — действовала за пределами государства.

В первой половине XIX в. были созданы государственные структуры, функцией которых являлся контроль религиозной деятельности: особое ведомство — Главное управление духовных дел иностранного исповедания (1810). В 1817 г. оно вошло в состав Министерства духовных дел и народного просвещения, в 1824 г. — Министерства народного просвещения, в 1832 г. — Министерства внутренних дел в виде особого департамента духовного иностранного исповедания с информационными и контролирующими функциями, один из отделов ведал нехристианскими религиями, в том числе язычеством. В 1836 г. при МВД был создан Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. Одновременно произошла реорганизация системы управления в Сибири (1822). Реформа М. М. Сперанского позволила на правовой основе включить миссионерскую деятельность в круг государственных интересов.

Продолжено законодательное регулирование конфессиональной политики: о предотвращении отпадения от православия (1803), о наказаниях за небытие у исповеди (1810), об учреждении миссий в епархиях, населенных нерусскими народами (1828), о подготовке специальных миссионеров-проповедников, о статусе новокрещеных, о правилах крещения инородцев [13, № 154, с. 211–212; № 219, с. 314–315].

К началу XIX в. сформировались основные единицы и организационные формы миссионерской деятельности во всех уровнях структуры РПЦ. Введены должности синодального миссионера и создан Православный миссионерский фонд РПЦ; в епархиях — епархиального миссионера и епархиальный миссионерский фонд. Кроме того, в епархиях появились помощники Благочинного по миссионерскому служению. В церковных приходах — приходской миссионер из числа активных членов приходской общины. Сложилась вертикальная структура, занимающаяся миссионерской деятельностью: руководство осуществлялось епископом и епархиальными инородческими и противораскольническими миссионерами; епархия была разделена на миссионерские округа во главе с окружными миссионерами.

К середине XIX в. стало ясно, что разрозненная деятельность многочисленных миссионерских организаций не дала ожидаемых результатов, вследствие чего было принято решение перестроить всю систему миссионерской работы. В 1865 г. с целью объединения миссионеров создано Православное миссионерское общество (далее — ПМО), возглавляемое первоначально императрицей, с 1869 г. — митрополитом Иннокентием Вениаминовым, его членами были духовные и светские лица. Изменен устав ПМО, благодаря чему общество стало играть значительную роль в деле распространения православия. ПМО располагало комитетами по всей России, к 1888 г. уже в 43 епархиях существовали его отделения, а членами были 12 849 человек. Денежные средства исчислялись в 1 300 000 рублей, 50 % которых шло на содержание сибирских миссий [1].

Прихожан к работе миссий привлекали через институт церковных братств (далее — ПЦБ). 8 мая 1864 г. утверждены «Основные правила для учреждения православных церковных братств», они были первичными и основными носителями миссии. Православные общины и братства получили развитие с 1882 г. в связи с возрождением церковно-приходских школ. ПЦБ делились на две группы: просветительско-благотворительные и собственно миссионерские. К 1 января 1893 г. на территории России действовало 159 ПЦБ (в их работе участвовало 37 642 члена), многие

из них были миссионерскими, а в остальных активно открывались миссионерские отделения [17].

В связи с необходимостью координации разрозненных миссионерских усилий государства, РПЦ и общества стали проводиться Всероссийские миссионерские съезды. В 1887 г. в Москве был проведен первый съезд, до 1917 г. их состоялось пять [17, с. 17–18].

Таким образом, к концу XIX в. в структурах РПЦ окончательно сложились основные институты миссионерской работы.

Институализация внешней миссии РПЦ на территории Енисейской губернии осложнялась тем, что часть церквей новообразованной губернии (1822) неоднократно меняла церковно-административную принадлежность. До создания Енисейской епархии (1861) входила в состав Иркутской (1823–1834), а затем Томской епархий (1834–1861).

В область интересов внешней миссии РПЦ на территории Енисейской губернии входили этноконфессиональные группы, исповедующие нехристианские религии, новокрещеное население. Крещением коренных народностей занималась особая Енисейская миссия, состоящая из двух священников и псаломщиков, она делилась на Туруханскую и Минусинскую. Туруханские миссионеры не имели собственных приходов и вели проповедь в тундре до устьев рр. Таз, Енисей, Хатанга, Анабар. Миссионеры объезжали вверенные им районы, проводили религиозные беседы с православными и иноверцами и полемические — с раскольниками и сектантами. О своей деятельности представляли доклады и отчеты епархиальному начальству [6, с. 25].

Развитие миссионерской деятельности в губернии активизировалось при первом енисейском епископе Никодиме (1861–1873). Свою деятельность Никодим начал с обследования региона, по результатам которого составил рапорт «о необходимости перехода к системе миссионерско-приходской деятельности» [3, с. 168]. Церковная власть сформировала за короткий срок разветвленный аппарат управления в регионе. Эта система была бюрократизирована, существовала жесткая система контроля по всей вертикали власти: от епархии до прихода. При этом она не обладала самостоятельностью в законодательных, финансовых, материальных вопросах, в принятии решений [3, с. 166–167].

Практика инспекции церквей губернии была продолжена вторым енисейским епископом Антонием (1873–1886). Во время очередной поездки в Минусинский округ состоялось последнее массовое крещение хакасов (15 июля 1876 г.). Епископ писал, что им было крещено «3003 души, заблуждающихся во мраке язычества, в том числе 612 шаманов» [2, л. 27–28]. По ходатайству Антония в 1873 г. была упразднена Енисейская миссия, теперь заниматься просвещением нерусского населения губернии должны были приходские священники. Сумма, выделяемая на содержание миссии, была равномерно распределена между пятью приходами Туруханского края. Создано 12 миссионерских приходов, для христианизации язычников и «окормления» новокрещенов: семь в Минусинском и Ачинском округах (Боже-Озерский, Усть-Фыркальский, Усть-Есинский, Аскизский, Усть-Абаканский, Чебаковский, Верхне-Усинский); пять в Туруханском крае (Дудинский, Хатангский, Тазовский, Верхнеимбатский, Туруханский). Священникам этих приходов предписывалось решение двух задач: «понудить инородцев к принятию крещения», «утверждение православия среди инородцев, в разное время обращенных в православие, но младенствующих в вере» [6, с. 216, 253].

Комитет ПМО в Енисейской епархии образовался в 1873 г., первым председателем был епископ Евфимий, товарищем председателя — губернатор М. А. Плец [15]. Пятнадцать лет спустя в епархиальный комитет ПМО входило 63 человека, финансовый фонд был незначительным (4087 руб. 4 коп.), незначительными были и успехи — за год было крещено чуть более 70 человек. Большая часть денежных средств расходовалась на борьбу с раскольниками, активизировавшимися на юге Енисейской епархии [5].

Общество ежегодно проводило собрания, на которых обсуждались результаты миссионерской деятельности, проблемы и нужды приходов епархии, трудности, с которыми столкнулись миссионеры, меры по улучшению их работы и т. д. [12].

Руководство миссионерской деятельностью осуществлял епархиальный архиерей, которому подчинялись начальники миссий и станов. Возглавляемые миссионерами, миссионерские округа (станы) входили в состав церковно-административных округов.

Миссионерские обязанности продолжало выполнять приходское духовенство. Священники должны были совершать богослужения по воскресеньям и праздникам, посещать дома прихожан, объезжать все отдаленные улусы и проводить там литургии на «инородческих языках». В своей деятельности они использовали книги, изданные Алтайской миссией на шорском наречии. Материальное положение и миссий, и миссионеров в большинстве случаев было недостаточным, миссионеры имели годовой оклад от 85 до 214 рублей, в конце столетия — 500–800 рублей. Существенную поддержку миссиям оказывало ПМО [18].

Общей тенденцией развития миссионерской деятельности РПЦ в Российской империи было формирование системы, акторами которой выступали церковь, государство и общество. В Сибири институциализация миссионерской деятельности РПЦ произошла во второй половине XIX в.: сформировалась вертикальная структура управления, систематизированы учреждения и должности на все уровнях, а также церковно-общественные объединения со своими уставами, капиталом и органами самоуправления.

В Енисейской губернии этот процесс начался позже, чем в других епархиях РПЦ. Специальные миссионерские институты в виде епархиальных миссионеров не сложились, получила развитие приходско-миссионерская система. Успехи внешней миссии в губернии были незначительны, так как отсутствовали подготовленные кадры, финансовое обеспечение миссии было недостаточным. Администрация степных дум, местные органы власти, епархиальное духовенство практически не взаимодействовали из-за территориальных, административных и ведомственных трудностей и разногласий. Приходские общины отличались этноконфессиональной и социальной пестротой и не стали локальными сообществами.

Список литературы и источников

[1] *Бонч-Бруевич В. А.* Силы русского клерикализма // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 82–92.

[2] ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 206. К. 2041.

[3] *Дворецкая А. П.* Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. / А. П. Дворецкая, А. А. Терскова, Н. Л. Хаит. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. 314 с.

[4] *Дорская А. А.* Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной церкви в XVII — начале XX в. (на примере народов Сибири) // Журнал российского права. 2019. №11. С. 69–79.

[5] Епархиальная миссия и церковно-приходская школа // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. №1. С. 25.

[6] Извлечение из протокола Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. №18. С. 216–253.

[7] *Ковальская Е. Ю.* Внутренняя миссия как церковный институт во второй половине XIX — начале XX в. / Е. А. Ковальская, С. Г. Байстрюченко // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. Т. 2. №17. С. 51–55.

[8] *Корниенко Н. Н.* Историографические аспекты миссионерской деятельности Русской Православной церкви // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы X Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ — Посольск, 10–11 октября 2019 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2020. С. 11–115.

[9] *Кузнецова Т. Н.* Опыт противосектантской деятельности Русской Православной церкви в конце XIX — начале XX веков // Миссионерское обозрение. 2000. №10–12.

[10] *Матвеева Е. С.* Миссионерская и просветительская деятельность Русской Православной церкви в Центральной России второй половины XIX — начала XX вв. // История и современность. 2014. № 5 (35). С. 176–184.

[11] Миссиология: учеб. пособие / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Миссионерский отдел РПЦ, 2010. 400 с.

[12] Отчет Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. №13. С. 141–147.

[13] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: в 10 т. СПб.: Синод. тип., 1872–1911. 1869–1905. — Т. 9. 628 с.

[14] *Силаева З. В.* Феномен «миссионерской деятельности» в православии: истоки и современность / З. В. Силаева, Н. И. Фоменко // Социосфера. 2019. № 40. С. 42–49.

[15] Список действующих членов православного миссионерского общества, находящегося в Енисейской епархии за 1884 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. №11. С. 121–128.

[16] *Фёдоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917 гг. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

[17] *Шабунин В. К.* Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX — начале XX вв. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013. 24 с.

[18] *Юрганова И. И.* Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Сибири (XVII — начало XX вв.): истор.-аналит. обзор // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 110–120.

Буддизм на берегах Енисея: прошлое, настоящее и будущее

И. Н. Гридинберг,
член Красноярского буддийского центра, г. Красноярск

Н. А. Орехова,
кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу распространения одной из древнейших мировых религий — буддизма — на берегах Енисея, от появления первых данных до истории наших дней. Авторы статьи попытались найти доказательства присутствия буддизма, основываясь на архивных и статистических данных, коллекции экспонатов, отложившихся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Будущее буддийского центра видится авторам в организации проектов, направленных на межнациональные, межконфессиональные связи и исследовательские работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА буддизм, Енисейская губерния, краевой музей, буддийский центр.

В дореволюционный период Сибирь была особым регионом Российской империи, огромным по территории краем; с одной стороны — регионом интенсивной колонизации, с другой — местом ссылки и каторги. Енисейская губерния на протяжении всей своей истории представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России. Енисейская губерния граничила с востока и юго-востока — с Иркутской губернией, с юга — с Монголией: с территориями, исповедующими буддизм.

В России буддизм начал распространяться более 400 лет назад из Монголии и Тибета. На территории современной Тувы буддизм стал известен в IX в. Следующая волна распространения буддизма относится к периоду XIII–XIV вв., когда Тува входила в состав Монгольской империи. Этим же временем датируются самые ранние буддийские храмы, обнаруженные археологами на территории Тувы.

В 1914 г. в состав Енисейской губернии вошла на правах протектората Тува (бывш. Урянхайский край), народы которой частично исповедовали буддизм, и так было вплоть до 1918 г. (после чего она самоопределилась как самостоятельное государственное образование). Однако нами найдены более ранние статистические данные о жителях «далай-ламайского» вероисповедания в Енисейской губернии: в 1863 г. в Канском округе проживали 11 мужчин и в Минусинске — 1 мужчина [9, с. 186–187].

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, в таблице «Распределение населения по вероисповеданиям» в Енисейской губернии в 1897 г. значились буддисты и ламаисты — 25 мужчин и 3 женщины, 19 из них проживали в городах: Красноярск — 6 мужчин и 1 женщина, Енисейск — 7 мужчин, Минусинск — 5 мужчин. В округах без городов — 7 мужчин и 2 женщины, из них: в Ачинском округе — 1 мужчина, в Енисейском округе — 1 мужчина и 1 женщина, в Канском округе — 5 мужчин и 1 женщина [10, с. 50–51]. Всего в губернии проживал 570 161 человек, по этническому составу первое место занимали русские — 82,99 %; затем — тюркоязычные коренные народности — 6,61 % и украинцы — 3,75 %; татары — 1,05 %, поляки — 1,04 %, евреи — 0,88 %, мордва — 0,66 %, тунгусы — 0,51 %, самоеды — 0,57 %, латыши — 0,25 %, эстонцы — 0,24 %, немцы — 0,16 %, чуваши — 0,11 %,

белорусы — 0,07 % и еще меньше: калмыки — 0,006 %, китайцы — 0,003 %, буряты и корейцы — 0,0001 % [10, с. 3, 5].

Необходимо заметить, что в распределении населения Енисейской губернии по вероисповеданию и родному языку из 28 буддистов-ламаистов выделяются по языковой группе 15 мужчин «культурных народов» (14 китайцев и 1 кореец); 9 мужчин и 1 женщина монголо-бурятской языковой группы и по одной женщине из тунгусской и русской языковых групп, что может говорить о возможном начале ассимиляции буддизма среди местного населения [10, с. 58–59].

К началу 1906 г. в Усинском пограничном округе проживали 54 мужчины и 6 женщин, а в Енисейском уезде — один мужчина «далай-ламайского» вероисповедания [9, с. 6]. В «Статистическом обзоре Енисейской губернии за 1910 г.» к 1 января 1911 г. значилось уже 215 человек «далай-ламайского» вероисповедания, они проживали в основном в уездах.

Доказательством присутствия буддийской культуры на Енисее в Красноярске с конца XIX — начала XX в. является музейная коллекция (документы, фотографии, статуэтки и пр.), насчитывающая около 300 предметов [11, с. 458]. Она была сформирована в результате этнографических экспедиций сотрудников музея, дарения и закупок в период с конца XIX — начала XX в. и отражает ритуальную и обрядовую стороны одной из мировых религий — буддизма [11, с. 464].

С момента своего возникновения, более 2500 лет назад, в Северной Индии эта религия постепенно проникла в разные страны. В период с конца XIX — начала XX в. северный буддизм (ламаизм) естественно и исторически приблизился к российско-монгольской границе. В 1822 г. на территории России было «2532 ламы при 19 кумирнях и охватывало ⅔ инородческого населения Восточной Сибири» [8, с. 255]. Официальные данные свидетельствуют, что первые стационарные буддийские монастыри и храмы были построены на территории Бурятии в 1758 г.: Цогольский и Гусино-Озерский дацаны. Нами не найдено достоверных сведений о наличии буддийских культовых сооружений в Енисейской губернии в период XIX–XX вв.

Сообщения о наличии буддийских монастырей хурээ у тувинцев датируются 1914 г. Ко времени вхождения Урянхайского края в состав Российской империи на его территории действовали 22 буддийских монастыря, около 4000 лам всех степеней посвящения, что составляло около 10 % всего мужского населения [12]. Тувинские хурээ, как и тибетские монастыри, являлись не только религиозными, но и крупными хозяйственными, культурными и образовательными центрами. Приезжавшие из Монголии ламы обучали тувинских мальчиков-хуураков (послушников) монгольскому и тибетскому языкам, чтению, письму, математике, основам буддийской философии, астрологии. Высшее религиозное образование тувинцы получали в Монголии или Тибете. Можно предположить, что предметы культа: лампадки для свеч, статуи Будды, буддийские тексты — также могли быть привезены из Монголии, Тибета и Китая, попав в Красноярск.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея хранятся буддийские артефакты, обнаруженные на территории края. Из всех статуй выделяется огромная статуя размером около метра — Зеленая Тара (Монголия, XIX в.), которая поступила без лотоса. Зеленая Тара является особо почитаемой в буддийском мире, так как она помогает всем, кто обращается к ней с искренней просьбой в трудных ситуациях. Она также почитаема тувинцами, которые считают ее своей главной покровительницей. Лотос скульптуры утерян, вероятно, в период революционных событий 1920-х — 1930-х гг. В 1929 г. тувинские ревсомольцы начали громить и уничтожать буддийские монастыри. С 1930 г. началась эпоха гонений на церковные институты и политических репрессий против духовенства и всех, лиц, связанных с церковью [4, с. 137]. Поэтому не удивительно, что многие статуи в фонде краеведческого музея деформированы и утеряли свои атрибуты.

Кроме того, фонды музея пополнялись буддийскими артефактами благодаря исследованиям красноярских ученых-краеведов: А. Я. Тугаринова, А. П. Ермолаева и других; уникальными находками, датированными XX–XXI вв., которые были найдены на дне р. Енисей, в пещерах (тайниках) и на дачных участках в окрестностях Красноярска. В 1934 г. в гроте на скале Такмак Александром Леопольдовичем Яворским были обнаружены тибетские тексты и переданы в этнографический фонд краеведческого музея [3, с. 336].

В 1959 г. поступила статуя белого шестирукого Махакалы, его нашел на дне р. Енисей на острове Отдыха житель Красноярска Стороженко Федор Григорьевич, проживавший по адресу: о. Отдыха, дом 42 [2, с. 388], как записано в книге регистрации поступивших предметов в музей. В описании буддийской коллекции краевого музея оказывают активную помощь Красноярский буддийский центр и приезжающие учителя, что позволило открыть новые страницы истории буддизма на енисейских берегах.

История современного буддизма в Красноярске начинается с 18 октября 1991 г., когда была зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации единственная буддийская религиозная организация в Красноярском крае — Красноярский буддийский центр Школы Карма Кагью «Карма Кунзанг Дордже Линг», эта школа тибетского буддизма, она относится к уровню Алмазного пути (санскр. Ваджраяна).

Среди ранних мастеров этой традиции, сложившейся в XI–XII вв., в Индии и Тибете наиболее известны Сараха, Тилопа, Наропа, Майтрипа (Индия, VIII–XI вв.), Марпа, Миларепа, Гампопа (Тибет, XI–XII вв.). Задача буддийских центров Алмазного пути — развитие потенциала ума с помощью методов Будды и сохранение богатейшего наследия тибетского буддизма.

Название «Карма Кунзанг Дордже Линг» дал Центру Лама Оле Нидал в 1991 г. Что означают эти слова, мы поинтересовались у переводчиков тибетского языка: Карма — от имени Кармапы, религиозного лидера традиции Карма Кагью тибетского буддизма. В Центре Карма Кагью практикуют, сохраняют и передают медитационные методы именно этой традиции, не смешивая их с другими; Кунзанг значит «благой, хороший во всех отношениях, великолепный»; Дордже переводится как «алмаз» или «неразрушимый»; Линг означает «место». «Место Кармапы, Великолепный алмаз» — так может звучать один из вариантов русского перевода названия центра [5, с. 515–516].

Согласно традициям тибетского буддизма, в Алмазном Пути большое значение имеет принцип прямой передачи; Школа Карма Кагью особенно отличается силой своей линии передачи. Мы находим здесь лучшие примеры того, что благодарность и преданность учителю представляют собой наиболее благоприятные предпосылки для очень быстрого продвижения на духовном пути к конечной цели — к просветлению. Учитель играет большую роль в передаче учения от учителя к ученику.

Главным учителем для членов Красноярского буддийского центра является Лама Оле Нидал. С начала 1970-х гг. он путешествует, проводя лекции, курсы и основывая буддийские центры Алмазного Пути (более 700 во всем мире). У него более 80 тысяч учеников, в том числе больше пяти тысяч в России, включая Красноярск.

В 1991 г., когда распадается СССР и рождается новое государство с новыми ценностями, страну захватил ветер перемен, открываются границы для въезда в страну иностранных граждан. И уже известный на Западе Лама Оле Нидал смог свободно въехать в Россию по приглашению интересующихся буддизмом. Его первая лекция в Красноярске прошла в актовом зале политехнического института в 1992 г., организовала ее небольшая группа студентов. Вторая лекция в рамках тура Санкт-Петербург — Владивосток состоялась в марте 1993 г. в актовом зале Красноярского культурно-исторического музейного центра, присутствовало около 200 человек. С этого времени в городе организовалась группа, члены которой стали совместно проводить медитации по прямой передаче учения от Ламы Оле Нидала.

В 2000 г. появилась идея строительства собственного здания, так как численность практикующих увеличилась примерно до 30 человек. Весной 2002 г. Лама Оле Нидал выбрал место для строительства центра, когда он в очередной раз приезжал в Россию и проводил в Красноярске курс Махамудры. Оле увидел землю и сказал: «Этот участок должен стать нашим, и мы должны купить, это прекрасный вид» [1, с. 92–93]. Покровская гора — историческое место в городе, согласно градостроительному плану там разрешено малоэтажное жилье не выше трех этажей.

Трехэтажное здание Буддийского центра (ул. Полярная, 152) введено в эксплуатацию и зарегистрировано в регистрационной палате в 2007 г. Оно выделяется из общей картины частного сектора, на его крыше установлено огромное серто. Это золоченая остроконечная башенка — традиционный архитектурный элемент, венчающий буддийские здания. Обычно его устанавливают на крышах монастырей, королевских дворцов. Но с разрешения Ламы Оле такое серто появилось 30 августа 2011 г., освящение серто проводил Манива Шераб Гьялцен Ринпоче, высокопочитаемый лама линии преемственности Кагью. Титул «Манива» дается мастерам медитации на Бодхисаттву Любящие Глаза, которые более миллиарда раз повторили мантру ОМ МАНИ ПЕМЕ ХУНГ — пожелание всего наилучшего всем сочувствующим существам. Ринпоче, как и Лама Оле Нидал, является учениками Шестнадцатого Гьялвы Кармапы Рангджунга Ригпе Дордже — духовного лидера тибето-буддийской школы Карма Кагью.

Под руководством Шераба Гьялцен Ринпоче в Красноярске претворились в жизнь два проекта: установка серто и строительство Ступы Просветления рядом со зданием Буддийского центра высотой восемь метров из серого гранита, которая закрепила как печать буддийское учение в Красноярске.

Освящение Ступы Просветления прошло 9 июля 2017 г. Слово «ступа» имеет несколько значений: «макушка», «узел из волос», «куча камней и земли». Форма ступы выражает чистоту природы ума и является символом просветления. Настоящая ступа всегда заполнена. Внутри нее содержится множество священных предметов и реликвий: ритуальные тексты, статуи, золото, драгоценные камни, кости и волосы буддийских мастеров. Все это вместе символизирует тело, речь и ум Будды [6, с. 235]. Буддисты считают, что энергия, которую излучает ступа, оказывает благотворное воздействие на окружающее пространство; они обходят ступу кругом по часовой стрелке не меньше трех раз, произнося при этом мантры и пожелания, которые непременно исполняются.

Это огромный подарок для всех жителей миллионного мегаполиса. Ступа доступна для каждого жителя Красноярска, который может прикоснуться к учению Будды и получить от него благословение. Нас вдохновило предложение на будущее, которое прозвучало от Ламы Оле Нидала: «Давайте видеть эту Ступу Просветления как символ богатства Красноярска. И давайте пообещаем заботиться о Ступе, защищать ее и использовать все то, что вы найдете в библиотеке центра».

В век информационных технологий, когда стерлись все границы, это учение пользуется огромной популярностью и поддержкой в современном мире. Продолжая и сохраняя традиции предшественников, в XXI в. тибетский буддизм, можно сказать, пустил корни на берегах Енисея. В настоящее время в Енисейской Сибири, кроме красноярских буддистов, имеется три буддийских группы — в Ачинске, Канске и Кызыле.

Таким образом, среди религиозных конфессий в нашем многонациональном крае присутствует одна религия без бога — это буддизм. В исторической зоне Красноярска на восточном склоне Караульной горы формируется буддийский религиозный ансамбль: здание Красноярского буддийского центра, Ступа Просветления, и в перспективе парковая зона для жителей Покровки. Это будет уникальный архитектурный комплекс для небуддийской территории России. Центральной скульптурой парка будет двухметровый Будда Амитабаха из серого гранита, его установка, как сказал

Лама Оле Нидал, «это большое благословение для вашего региона». Впереди для членов красноярской буддийской группы и сотрудников краевого музея много интересной работы. Если мы думаем о себе, у нас возникают проблемы. Когда мы думаем о других, у нас появляются интересные задачи [7, с. 18].

Список литературы и источников

[1] *Гридинберг И. Н.* Красноярск: самая высокая точка // Буддизм.ru. 2006. №10. С. 92–93.
[2] *Гридинберг И. Н., Орехова Н. А.* Защитные Будда-формы в коллекции Красноярского краевого краеведческого музея // Буддизм Ваджраяны в России: На перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2018. С. 384–391.
[3] *Гридинберг И. Н., Орехова Н. А.* Тантрическая коллекция в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Буддизм Ваджраяны в России. Традиции и новации / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин, сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 336–343.
[4] *Дацышен В. Г.* Буддизм и тувинская государственность в XVIII — начале XX в. // Буддизм Вадржаяны в России: На перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2018. С. 132–139.
[5] *Дубич В. В.* История Красноярского буддийского центра традиции Карма Кагью и история Гуру Падмасабхавы: неожиданные параллели // Буддизм Вадржаяны в России: На перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2018. С. 514–521.
[6] *Леонтьева Л.* Путеводитель по буддизму: иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2012. 256 с.
[7] *Нидал О.* О богатстве ума / пер. с нем. Ю. Воротниковой. М.: Эксмо, 2013. 144 с.
[8] *Нил*, арх. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858. 358 с.
[9] Памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 гг. СПб., 1865. С. 186–187.
[10] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи: Изд-е Центрального Статистического Комитета МВД. Т. LXXIII. Енисейская губерния / Н. А. Тройницкий. СПб., 1904. 185 с.
[11] *Орехова Н. А.* Буддийская коллекция в собрании Красноярского краевого краеведческого музея: история комплектования // Буддизм Вадржаяны в России: На перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2018. С. 458–465.
[12] *Торчинов Е., Терентьев А.* На благо всех живых существ // НГ Религии. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2003-02-05/6_histori.html (дата обращения: 06.08.2021).

Деятельность Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске в период с 1884 по 1912 г.

Ю. С. Дубовая,
научный сотрудник, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск

АННОТАЦИЯ В статье представлен обзор содержания учредительных документов Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1884 и 1912 гг. Проведен анализ деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за период 1900–1903 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА гражданское общество, Общество попечения о начальном образовании в г. Енисейске, устав, общее собрание, совет общества.

Современная гуманитарная наука во все времена рассматривала общество как единый организованный механизм, имеющий две важных регулятивных функции — это способность к самоорганизации и саморегуляции. Однако этих функций недостаточно для успешной реализации задач институтов власти. Требуется иной путь влияния на социальный разум — создание зрелых форм организации общества, а именно становление гражданского общества. Известно, что гражданское общество формируют культурная и социальная базы. Создание этих базовых предпосылок, как правило, происходит за счет проведения реформационных процессов, затрагивающих все направления общественной жизни.

60-е — 70-е гг. XIX в России были отмечены проведением масштабного реформирования общественной и политической жизни общества. В течение десятилетия был проведен ряд важнейших реформ. К ним можно отнести реформу земскую, городскую, судебную и финансовую. Не обошли и стороной процессы реформации сферу народного образования.

Образовательная реформа служила толчком к распространению и развитию просветительской мысли. Кроме того, она позволила сделать образование доступным. Так, изданное 14 июня 1864 г. «Положение о начальных народных училищах» давало право общественным организациям и частным лицам под контролем уездных и губернских училищных советов открывать начальные образовательные учреждения [1, с. 81].

Это послужило толчком к появлению в Восточной Сибири обществ попечения о начальном образовании. Первое такое общество появилось в Томске в 1982 г., в 1984 г. — в Енисейске, а затем и в Красноярске [2, с. 17].

Общество попечения о начальном образовании с 1884 по 1912 г. содействовало распространению образовательной деятельности в Енисейске, Енисейском уезде и Туруханском крае. Главными задачами общества в разные годы было: изыскивать средства для организации образовательных процессов, обеспечить обучающихся пособиями для приобретения книг, одежды, платы за обучение, обращаться с ходатайствами в ведомства [3, с. 1].

Общество попечения о начальном образовании в г. Енисейске имело особый членский состав. Состояло оно из действительных членов, членов-соревнователей и почетных членов.

Действительные члены — это члены, вносящие ежегодно в кассу общества не менее трех рублей. Соревнователи, кроме того, что они уплачивали взносы, должны заботиться об увеличении средств общества. Почетные же члены утверждались по постановлению собрания общества. Требованием к членству данного вида является необходимость, независимо от других членских взносов, вносить в кассу общества ежегодно не менее 50 рублей. Все указанные взносы составляли капитал общества. К 1884 г. он был сформирован и разделен на три части:

— первая — это неприкосновенный капитал 1000 рублей, внесенных почетным гражданином Н. Н. Дементьевым;
— вторая — ежегодные взносы членов общества;
— третья — пожертвование частными лицами деньгами и вещами [3, с. 3].

Однако уже в 1912 г. капитал разделяется на более мелкие группы, а именно на капитал неприкосновенный, запасной, специальный и оборотный [4, с. 6].

Делами Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске занимался совет и общее собрание общества.

Совет в период с 1984 по 1912 год состоял из председателя, товарища председателя и трех непременных членов: директора прогимназии, городского головы, штатного смотрителя училища и трех выборных членов. Кроме того, в совете присутствовали секретарь и казначей, их избирали из своей среды.

Функции членов совета во все годы имели четкое разделение. Председатель проводил заседания, он владел правом подписи и следил за исполнением правил. Секретарь вел документацию, отвечал за входящую корреспонденцию и формировал ежегодные отчеты. Казначей принимал денежные взносы, готовил отчет о полученных суммах и расходах за истекший год.

Совет собирался по усмотрению председателя или по заявлению трех выборных членов. Спорные вопросы разрешались голосованием. При равном количестве голосов голос председателя имел перевес [3, с. 6].

Общее собрание общества было годовым и чрезвычайным. Годовое собрание созывалось в марте для заслушивания годового отчета совета, для проверки сумм расходов, для выбора членов совета, а также для обсуждения текущих дел и новых предложений. Но к 1912 г. перечень вопросов, решаемых на общих собраниях общества, значительно увеличился, появился ряд новых вопросов. Например, актуально был поставлен вопрос о приобретении и отчуждении движимого и недвижимого имущества [4, с. 11].

Годовой отчет представлялся в Министерство внутренних дел через губернатора, а также главному инспектору училищ Восточной Сибири. Кроме того, годовой отчет издавался отдельными брошюрами или публиковался в местной газете. После утверждения годового отчета совет из числа членов избирал на один год ревизионную комиссию из трех человек.

Заключение ревизионной комиссии должно быть сообщено не позднее как за месяц до дня общего собрания общества [3, с. 10].

Чрезвычайные собрания собирались в срочном порядке, но по требованию, подписанному не менее 10 человеками [4, с. 12].

Следует отметить, что устав Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1884 г. был более кратким первоначальным вариантом учредительной документации, чего не скажешь об уставе, опубликованном в 1912 г. Вторая редакция этого документа имела в своем содержании развернутый список положений, касающихся деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске.

Кроме уставов Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1884 и 1912 гг. в библиотечных архивах Енисейского краеведческого музея хранится и другая документация, но уже отчетного характера.

Например, отчеты Общества попечения о начальном образовании за период с 1900 по 1903 г. Эти документы позволяют сделать выводы о деятельности общества, осветив его главную цель — распространение образовательной деятельности в Енисейске, Енисейском районе и Туруханском крае. Цель реализовывалась через ряд благотворительных мероприятий, которые служили источником пополнения капитала общества. Рассмотрим их по годам.

1900 г. Было устроено одно гуляние и два спектакля.

Гуляние состоялось на корабле «Дедушка», который предоставил бесплатно Н. Н. Гадалов. Это гуляние, с исключением расходов, позволило заработать 100 рублей в оборотный капитал общества.

Спектакль, устроенный 29 октября М. В. Нарциссовой, принес доход на сумму 182 рубля 81 копейка. Рождественский спектакль не принес дохода.

1901 г. Общество попечения организовало одно гуляние и три спектакля. Гуляние состоялось на пароходе «Гленмор». Всего это гуляние пополнило казну общества на сумму 132 рубля 60 копеек. Спектакль, данный В. П. Бирюковой в январе, позволил пополнить капитал на 15 рублей, а спектакль, состоявшийся осенью, пополнил капитал на 103 рубля 64 копейки.

В 1902 г. было дано большее количество спектаклей в Народной читальне.

К сожалению, эти спектакли не принесли существенного фактического денежного вливания в капитал, так как на вырученные средства был обустроен театр, а остаток средств в сумме 113 рублей 61 копейка включили в капитал.

Таким образом, доход общества от благотворительных мероприятий за три года составил 632 рубля 66 копеек.

Кроме сбора благотворительных средств общество осуществляло и еще одну крайне важную функцию — обеспечительную. В период с 1900 по 1903 г. ученическая библиотека воскресной школы пополнилась 26 томами. Большая статья расходов уходила на содержание Народной читальни, а именно на покупку книг. Хозяйственные расходы по содержанию территории и здания в это время оплачивала семья Баландиных. На начало 1903 г. в читальне было 1275 томов. Число ежедневных посетителей читальни колебалось от 2 до 60 человек [5, с. 40].

С 1900 г. под руководством смотрителя Александровского приюта призрения бедных детей были открыты курсы ручного труда. Мальчикам из приюта преподавалось столярное мастерство [5, с. 54].

Отдельным пунктом в статье расходов общества был обозначен Народный театр. Благодаря деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске театр в 1902 г. приобретает имущество на сумму 310 рублей. Кроме этого в ведении общества находился и книжный склад.

Особым пунктом в отчете общества отмечено устройство зимнего катка. Он был открыт в 1900 г. недалеко от дома купца Евсеева. Расход на содержание катка был определен суммой в 276 рублей 69 копеек, в то время как его приход составил лишь 216 рублей 54 копейки [5, с. 60].

По итогам четырехлетнего периода (с 1900 по 1903 г.) члены общества отмечали, что средств капитала в сумме 1500 рублей уже недостаточно. Упадок торговой и промышленной жизни города вызывал затруднения в поиске источников доходности. Требовались более значительные вливания в капиталы общества.

29 октября 1903 г., рассчитав возможную выгоду, общество решило провести лотерею-аллегри и маскарад. Состоялась лотерея-аллегри с маскарадом 28 декабря 1903 г.

Жители города скоро и активно откликались на мероприятие, жертвовали как вещами, так и деньгами. Всего было собрано вещей на сумму 1286 рублей 65 копеек и денежных средств на сумму 272 рубля 9 копеек. Результаты лотереи дали возможность пополнить капитал общества на 1704 рубля 93 копейки [7, с. 14].

Краткое рассмотрение указанного временного отрезка позволяет сделать выводы, что вклад общества в развитие Енисейска имел огромную важность. Благодаря деятельности общества на протяжении нескольких десятилетий оказывалась посильная материальная помощь образовательным учреждениям и их воспитанникам. Кроме этого общество являлось попечителем Народной читальни, инициировало открытие досуговых мест в городе, участвовало в организации развлекательных общегородских мероприятий.

За годы функционирования обществу удалось сплотить достаточно широкий круг меценатов и добровольных помощников из числа активных горожан, всегда готовых откликнуться на призывы по обустройству городской среды и улучшению качества жизни жителей города.

Список литературы и источников

[1] *Рудник С. Н.* Великие реформы в России 1860–1870 годов: Эпоха и люди: монография. СПб.: Изд. РГГМУ, 2013. 176 с.

[2] Первое в Сибири общество попечения о начальном образовании в г. Томске: (1882–1906 гг.): автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук: специальность 07.00.02 / Т. П. Карташова; [Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2013. 28 с.

[3] Устав Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске. Енисейск: Тип. К. Н. Балакшина и К°, 1884. 11 с. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 373/У-79.

[4] Устав Енисейского Общества попечения о начальном образовании. Енисейск: Тип. А. Е. Грязнова, 1912. № 54/1. 19 с. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 373/У-79.

[5] Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1900, 1991 и 1992 гг. Енисейск: Тип. А. Е. Грязнова, 1903. 125 с. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 373/О-88.

[6] Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске за 1903 год. Енисейск: Тип. А. Е. Грязнова, 1904. 71 с. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 373/О-88.

[7] Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске по устройству Лоттереи-аллегри и маскарада 28 декабря 1903 года. Енисейск: Тип. А. Е. Грязнова, 1904. 16 с. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 373/О-88.

«Красноярские Столбы»: трансформация традиции в востребованный национальный бренд

Н. Д. Ермишина,
кандидат исторических наук, доцент, профессор,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва

М. И. Смирнова,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культурологии,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва

АННОТАЦИЯ Доклад посвящен уникальной культурной традиции, получившей название «столбизм». Приводится различная трактовка этого явления. Рассматриваются образ жизни, менталитет столбистов, их ценности и нормы. Аргументируется вывод о существовании столбизма как субкультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Столбы, столбизм, субкультура, экология, спортсмены, туристические потоки.

Уникальное природное и социальное явление — Красноярские Столбы и общественное движение столбизм — описано уже многими исследователями. Подробно описаны природные условия, история и традиции столбизма, биографии знаменитых столбистов, их особый язык. Однако до сих пор это явление продолжает оставаться неповторимым и интересным для изучения.

Красноярские Столбы — одна из старейших особо охраняемых природных территорий в заповедной системе России. О них было известно российской общественности с XIX в. «Зело превелики и пречудесны сотворены скалы», так описывал Красноярские Столбы исследователь Сибири Прохор Селезнев еще в 1823 г. [1]. Но заповедником Красноярские Столбы стали в 1925 г. по инициативе жителей города, дабы защитить скалы, служившие обычным строительным материалом, от полного разрушения. Столбами жители Красноярска стали называть сиенитовые скальные образования.

> Там, где скала была расчищена на протяжении столетия, не то что камнепад, но даже отшелушение кристалла — большая редкость [7].

Это дает возможность свободного посещения скал, что и стало традицией сначала для жителей Красноярска, а потом и для всех любителей естественной природной среды, пеших прогулок, туризма, альпинизма, скалолазания.

Благодаря Столбам Красноярск называют городом скалолазов. С 2018 г. Красноярские Столбы наделены статусом национального парка. Это означает, что туризм на Столбах окончательно узаконен. Однако Столбы остаются особо охраняемой природной территорией федерального значения. В настоящее время Красноярские Столбы стали не только региональным, но и национальным брендом.

Еще больший интерес для исследователей представляет общественное движение, получившее название «столбизм». Как и сама территория Столбов, это движение стало национальным брендом. Первые столбисты появились в Красноярске более 150 лет тому назад. На рубеже XIX–XX вв. Столбы стали местом вольнодумства. Енисейская губерния в XIX в. была местом ссылки политических заключенных. Они оказали боль-

шое идейное влияние на местное население [7]. Благодаря труднодоступности и удаленности территории здесь устраивались нелегальные собрания. В 1899 г. на Втором столбе на отвесной, неприступной части утеса появилась надпись двухаршинными буквами «Свобода», существующая и обновляющаяся энтузиастами до сих пор.

Существует много определений понятия «столбизм». Сначала столбистами называли сообщество красноярцев, любителей свободного лазания по скалам, часто посещающих Столбы и проводящих там совместный досуг. Со спортивной точки зрения столбизм — это свободное лазанье по стенам, скалам, ущельям. Сейчас это понятие, вышедшее далеко за пределы Красноярска, ассоциируется не столько со спортом, сколько с образом жизни, особым менталитетом. Столбизм определяют и как феномен народной культуры, сформировавшейся на Столбах, и как

> массовое спортивно-эстетическое движение, в основе которого лежит свободное лазание, коллективные восхождения на столбы с новичками и гостями, посещение изб и стоянок и многое другое [7].

Под столбизмом понимается общественное движение, для которого характерны занятие скалолазанием и общение в неформальной обстановке в природных условиях. В любом случае столбизм как явление стал социальным феноменом. Недаром неофициальное определение Столбов — «Территория Свободы».

В настоящее время ведутся споры по поводу определения столбизма как субкультуры. Среди социологов, культурологов, историков и обществоведов есть и сторонники, и противники такого соотнесения. При культурологическом подходе к определению термина «субкультура» как часть культуры общества, имеющая свои специфические особенности, социокультурный феномен «столбизм» по всем показателям явно оформился в субкультуру.

Как каждая субкультура, столбизм имеет основной костяк участников этого движения, своих приверженцев. Традиции, признак «своего» места отличают столбистов от иногородних скалолазов, часто приезжающих на Столбы [6]. Хотя приезжающие на Столбы из разных регионов России всегда бывают счастливы «прикоснуться» к этому культурному феномену, пожить жизнью столбистов, ощутить себя частью этой субкультуры. На Столбах заводят дружбу, знакомятся, создают семьи. Постоянная тренировка таких качеств, как выносливость, координированность движений, контроль и управление своим психическим и эмоциональным состоянием, принимает форму духовной практики с выраженными признаками медитации [4].

Столбисты выработали и охраняют свои нормы и ценности. Каждый столбист должен обладать мастерством лазания, проявлять гостеприимство, помогать новичкам, иногда быть проводником на Столбах. Становление традиций связано с именами знаменитых столбистов — А. Л. Качалова, А. С. Чернышева, А. Л. Яворского, братьев Нелидовых, Леушиных и др. В 1947 г. был принят первый «Наказ столбистам». Он состоял из 16 правил, каждое из которых предусматривало высокую дисциплину и организованность [5].

От спортсменов-скалолазов столбистов отличает свободный характер восхождения, так называемое чистое лазание: не скоростное, без технических приспособлений, основанное на продуманной системе движений, знании приемов и соответствующих ходов. До 1960-х гг. для страховки применялись кушаки примерно 10 метров в длину. Они носились намотанными вокруг талии, служили и вместо страховочного троса, и вместо спальника. Неписаная формула столбистов гласила: «Лаз, как бы сложен он ни был, может считаться взятым лишь в том случае, если он пройден в одиночку и без каких-либо приспособлений». Главное для них — покорить вершину, найти новые пути, освоить сложный элемент хода — хитрушку.

Одним из обычаев столбистов стало составление дневников и журналов. В них записывались стихи и тексты песен, посвященных Столбам, условия быта, записи прохождения трудных маршрутов, встречи с интересными людьми, курьезные случаи. Многое было издано самиздатом, особенно поэтические сборники. Одно время существовала и своя краевая печать — вестник «Столбист». Сейчас существует свой сайт. То есть возникла своя корпоративная ценность — словесность столбистов. В среде столбистов выработались свои обряды посвящения, проведения праздников. Сложился собственный фольклор, состоящий из легенд, анекдотов, баек, хохм. О столбах написаны поэмы [5, А. Л. Яворский. Столбы]. Выработались речевые традиции.

Но главной ценностью столбистов было и остается бережное отношение к природе. Превращение Столбов в национальный бренд связано прежде всего с ярким примером редкой гармонии природы и человека [3]. Движение столбистов складывается как особая культура общения с природой. Особенностью столбизма как процесса нахождения в условиях естественной природной среды стало освоение не только горизонтального, но и вертикального природного пространства. Столбистов называют трехмерными людьми. Как написал на своей странице знаменитый столбист Сергей Баякин:

> На плоскости у человека всего два измерения. Как только шагнул на вертикаль, в твоей жизни появляется третье измерение. И ты даже решения начинаешь принимать необычные — нестандартные для обычных, двухмерных людей [2].

Столбисты объединяются в устойчивые коллективы, компании с собственными названиями. Самые известные из них — «Фермеры», «Волки», «Беркуты», «Голубка», «Грифы», «Музеянка», «Эдельвейс». Некоторые носят названия основателей, например Нелидовка, компания Митича. В названиях встречается обращение к народной смехотворной культуре — «Абормоты», «Хилые». Такая корпоративная связь также отвечает понятию «субкультура». Компания избирает руководителей, имеет свою избу. Столбисты сохраняют историю возникновения компании, поддерживают выработанные правила, собственную эстетику. Многие компании вырабатывали собственный устав. Таким образом поддерживаются традиции.

Субкультура столбистов имеет свое особое мироощущение. Оно связано со смеховым, празднично-карнавальным началом. Удаляясь от цивилизации, от городской среды, столбисты включаются в неформальное, далекое от условностей общение. Они всегда вели яркую и неспокойную жизнь. Несмотря на то что лазание по скалам, сама жизнь в избах, а часто просто «под камнем», на поляне сопряжена с бытовыми трудностями, для мироощущения столбистов характерна атмосфера вольности, праздничности. Сама территория Столбов воспринимается как уникальное культурно-географическое пространство, куда не проникает субординация городов. Отсюда — атмосфера равенства. Хотя внутри корпорации столбистов существует своя субординация — старожилы, смотрители изб, руководители компаний, новички, — она не зависит от социального статуса, должностей или заслуг в городской среде. На Столбах свои законы общения, свой уклад.

Столбисты выработали свой язык, владение которым является признаком корпоративной принадлежности и одной из отличительных особенностей субкультуры. Объем языка столбистов в настоящее время насчитывает свыше 600 единиц. Специфика языка столбистов проявляется прежде всего в лексике и способах номинации [6].

Результат языкотворческих актов столбистов — своя ономалистика. Более ста скал имеют собственные имена — Дед, Цыпа, Жаба, Перья и т. д. Есть названия отдельных скальных выступов, вершин, троп, камней, площадок, даже пней. В собственных названиях на Столбах зафиксированы имена известных столбистов — Нелидовские камни, Качаловский ход, Леушинский ход, Дуськина щель и др. [3]. Важными моти-

вами при создании онима являются моменты образности, «ласкательной экспрессии» [6], что отражает своеобразие культуры столбистов.

Корпоративная терминология состоит из названий техники прохождения. Например, хитрушка — место на скале, прохождение которого требует особого мастерства. Важнейший термин, связанный с собственно столбистскими действиями, «ход» («лаз») обозначает путь, по которому можно подняться на скалу через какие-либо характерные элементы. Терминология лазания включает названия зацепок — карманы, полки, пупырьки, подхваты.

Став термином, слово продолжает свое развитие в специфической лексике столбистов. В значении «лезть, подниматься на скалу» столбисты употребляют глагол «идти». В значении «скользить по скале, срываться» — глагол «плыть». Специфическая лексика включает также предикаты (специфические суждения, высказанные о субъекте) и имена лиц — дериваты: подкаменщики — столбисты, ночующие в удобных скальных укрытиях; избачи — столбисты — хозяева изб; перисты — посетители избы Перушка; китайцы — столбисты и скалолазы, постоянно посещающие Китайскую стенку. В субкультуре столбистов культивируется вкус к языковой игре, своеобразные речевые жанры — советы, оценки, новости [6].

Важную часть субкультуры столбистов составляет одежда, в которой проявляется неформальное, смеховое начало. Неформальная обстановка породила особый субкультурный дресс-код. В начале движения это были плисовые шаровары, яркие косоворотки, вышитые тюбетейки, фески, жилетки, лапти, которые не скользили по склонам. С 1910-х гг. начали лазать в калошах. Это было связано с дешевизной и удобством такой обуви для лазания по скалам, так как многие маршруты на Столбах проходят «на трении», а калоши меньше скользят. Калоши были обязательным атрибутом всех настоящих столбистов до перестройки. До сих пор существует специальный обряд посвящения в настоящие столбисты — калошевание. В довоенное и послевоенное время многие компании даже имели собственную форму. Яркие одежды — давняя традиция Столбов.

С субкультурой столбистов связано бардовское движение. Многие столбисты стали известными бардами. Таким является Сергей Баякин — столбист, альпинист и бард. В избах и у вечерних костров в основном поются бардовские песни. Тексты песен, сложенные на Столбах, изобилуют корпоративной терминологией и лексикой, непременно отражают любовь к природе, Красноярскому краю, Столбам.

Столбисты регулярно проводят свои обрядово-зрелищные мероприятия — народные гуляния, фестивали, игры, соревнования. Существует даже «народный цирк» — демонстрация сложных трюков на скалах, красивое прохождение хода. В некоторых компаниях существовал свой «кукольный театр» — состязание на остроумие двух чучел, которыми управляли столбисты [6]. Такие мероприятия также говорят об особом типе культуры столбистов.

Субкультура столбистов переживала подъемы и трудности вместе со всей страной: революционный настрой конца XIX — начала XX в. — золотой век столбизма, когда закладывались первые традиции; репрессии 1930-х гг., когда были арестованы, по общим оценкам, около четверти столбистов. Во время Великой Отечественной войны на фронте проявились уникальные волевые качества красноярских столбистов. Они показывали образцы ловкости и выносливости. Часть столбистов служили в горно-истребительных батальонах, успешно действовавших против фашистских захватчиков в районах Кавказа и Карпатах [1]. В послевоенные годы многие столбисты возвращались в заповедник и становились в большинстве случаев хозяевами изб. Времена «оттепели» ветераны Столбов вспоминают как второй золотой век их культуры — веселое, азартное существование на лоне природы.

Благодаря уникальности природной территории, а также царящему здесь духу свободы и равенства Столбы называли и советским «Диким Западом», и государством

в государстве, и «Красноярской Швейцарией, и «Территорией Свободы». Красноярские Столбы стали настоящим национальным брендом. Столбисты, с одной стороны, поддерживают формирование экологической культуры, участвуют в создании экошкол, помогают бороться с замусориванием территории, но, с другой стороны, выражают протест против определенных ограничений, вводимых в национальном парке, отстаивая свободу при посещении Столбов. Главным идейным лозунгом субкультуры столбистов остается слово «Свобода».

Список литературы

[1] *Беляк И. Ф.* Край причудливых скал. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1952. 132 с. URL: http://stolby.ru/Mat/belyak/krai/001.asp.

[2] *Грек А.* Трехмерные люди. URL: https://nat-geo.ru/adventure/krasnoyarskie-stolby-trekhmernye-lyudi/ (дата обращения: 18.07.2021).

[3] Енисейский Энциклопедический Словарь. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия». 1998, С. 735.

[4] *Лаптенок В. Д.* Столбизм как феномен гармонии человека и природы. URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=7626 (дата обращения: 18.07.2021).

[5] Столбы: сайт: URL: http://stolby.ru/Mat/Yavorsky/Poema/0.asp.

[6] *Подберезкина Л. З.* Язык столбистов // Язык и личность. М.: Наука, 1989. URL: https://rus.1sept.ru/article.php? ID=200100307 (дата обращения: 23.07.2021).

[7] *Руденко Т.* 7 фактов о «Столбах», делающих заповедник уникальным // Аргументы и факты — Красноярск. 2014. 22 янв.

Техноутопия и искусственный интеллект: репрезентация в литературе начала XXI века (на материале либретто электронной оперы «2032: Легенда о несбывшемся грядущем» В. Аргонова)

Т. А. Загидулина,
кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Научно-технический прогресс, связанный с повсеместным распространением автоматизации и развитием сети Интернет, повлек за собой трансформацию способов производства и восприятия информации, что определило новые этические проблемы, связанные с технологиями и искусственным интеллектом. Эти проблемы находят свое отражение в художественной литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА утопия, техноутопия, искусственный интеллект, современная литература, гностицизм.

Введение

Исследование репрезентации техноутопии и искусственного интеллекта[1] актуально в силу того, что рубеж XX–XXI вв. явился переломным моментом в истории человечества — информация стала одной из основных движущих сил развития общества. Возросшие темпы производства информации, изменение способов передачи, создания информации, появление нейросети ставят перед человечеством совершенно новые задачи как технологического, так и этического характера. Т. Б. Медведева пишет:

> Обращение к технологической версии утопических представлений (техноутопии) на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии» является закономерным и необходимым, так как выявление модусов социальных феноменов в их связи с воображаемыми мирами утопического открывает возможность описать социокультурную реальность через категории возможного, желаемого и ожидаемого [Медведева, 2011, с. 60].

Именно поэтому рассмотрение этой проблематики в художественной литературе не может не привлекать внимания современного гуманитария.

Новизна данной работы состоит, во-первых, в установлении значимых оценок феномена технологической утопии и искусственного интеллекта современной литературой, во-вторых, в обнаружении самих элементов этой утопии в не исследованном ранее тексте либретто электронной оперы Виктора Юрьевича Аргонова «2032: Легенда о несбывшемся грядущем».

Цель исследования — выявление культурных и философских оснований функционирования техноутопии, одним из центральных элементов которой является искусственный интеллект.

---

[1] Хочется отметить, что робот и искусственный интеллект — принципиально разные феномены. Робот действует исключительно в рамках заложенной в нем человеком программы, ИИ — способен решать творческие задачи, которые традиционно решает человек (*Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.).

Жанровая природа текста сложна — в ней просматриваются черты киберпанка — киберпанковая литература, как правило, описывает

> высокотехнологический мир, переживающий социальный кризис, особое внимание в ней уделяется описанию высоких технологий и классовой борьбе [Новичкова, 2019, с. 226].

А. Т. Камалова рассматривает русский литературный киберпанк

> как своеобразный жанровый синтез научной фантастики и антиутопии. Основными составляющими его содержания являются антиутопический мир будущего на пороге социально-культурных перемен и фантастические последствия, обусловленные научными открытиями и технологическим прогрессом [Камалова, 2019, с. 20].

Произведение создавалось в период с 1999 по 2007 г., этапы создания подробно описаны на сайте «Complex numbers. Электронная музыка для интеллектуалов»[2]; исходные материалы оперы находятся в открытом доступе.

Сюжет основан на альтернативной истории: в конце 80-х Советский Союз не распался, а, напротив, укрепил свои позиции, расширив территории. Этому ощутимо поспособствовало создание АСГУ — Автоматической Системы Государственного Управления, первоначально разрабатывавшейся с 60-х гг. XX в. Киевским институтом кибернетики (кстати, это имеет реальную историческую основу[3], работа над созданием системы управления велась с конца 50-х до конца 80-х, но проекту не суждено было воплотиться в жизнь. В 2028 г. система была подключена к Государственной Информационной Сети, что в корне изменило «структуру нашей власти и жизнь миллионов советских трудящихся»[4]. Параллельно с этой сюжетной линией развивается еще одна — история любви школьницы Светланы Лимаевой к генеральному секретарю Милиневскому. Судьбы героинь (АСГУ и Светланы) похожи, и это сходство носит знаковый характер.

Методология и методы исследования

Одним из векторов развития утопического мировоззрения в настоящее время служат размышления о природе и сущности искусственного интеллекта (ИИ), а также влиянии ИИ на будущее. В этом смысле появление электронной оперы В. Аргонова закономерно и логично — ИИ играет в опере центральную роль. Автор подчеркивает близость разных родов утопий — утопии религиозной, эсхатологической (в тексте есть упоминание о философии Н. Ф. Федорова), коммунистической — с государством, во главе которого стоит искусственный интеллект. Примечателен гностический элемент — женские персонажи подсвечены образом Софии — софийные черты есть у АСГУ и Светланы Лимаевой. Таким образом, методология исследования, с одной

---

[2] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

[3] АСГУ имеет реальный прототип — ОГАС — Общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации, оригинальная идея системы управления принадлежала А. И. Китову (*Китов А. И.* Электронные цифровые машины. М.: Советское радио, 1956. 358 с.), в 70-х эта идея была подвергнута партийной критике из-за того, что внедрение технологии, по мнению членов партии, могло помешать государственному контролю. Однако академик Виктор Михайлович Глушков продолжал работать над проектом, но имели место проблемы с финансированием, а после смерти Глушкова (1982) интерес к проекту исчезает.

[4] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

стороны, носит мифопоэтический характер, с другой — опирается на литературную герменевтику, философию техники, а также трансгуманистическую философию.

Результаты исследования

Одной из черт Софии является ее двойственность — она первая и последняя, почитаемая и презираемая (низшая и высшая София в гностическом мифе, Дева и Блудница, небесная и тварная) [Йонас, 1998]. В тексте электронной оперы двойственность Софии подчеркивается разной природой воплощающих ее персонажей — живая девушка, с одной стороны, а с другой — порождение сумрачного советского гения — искусственный интеллект.

Две героини оперы — школьница Светлана Лимаева, признающаяся в любви к генеральному секретарю на школьном концерте, где тот должен присутствовать по долгу службы, и АСГУ — обладают одним голосом, говорят одними и теми же фразами. Вместе с тем АСГУ — система, которая может в том числе программировать саму себя, в тексте есть указание, что голос она выбрала себе сама и специально никто ее не озвучивал. Два женских образа связаны не только голосом, но и особыми отношениями с Анатолием Сергеевичем Милиневским, генеральным секретарем ЦК КПСС. Светлана томится от чувств, АСГУ ведет долгие разговоры с руководителем государства, полунамеками давая понять, что она не только машина, но что и у нее есть чувства и мнения.

В техноутопии нет видимой эротики. Однако есть опровержение сексуальной стихии. Светлана Лимаева признается Милиневскому в любви, но генеральный секретарь отвергает девушку. Ничего не происходит — отсутствие действия является знаковым в контексте упоминания идей Федорова и заморозки Светланы ради последующего ее воскрешения.

> Эротическое воздержание, рассматриваемое как необходимое условие для уничтожения смерти и достижения бессмертия тела, представляет собой оксюморонную сексуальную практику. Оно не только отвергает естественный закон продолжения рода и прославляет неутоленное эротическое желание, но и отражает радикальное представление о том, что отказ от секса является действующей силой. <...> символисты провозглашали эротическое влечение неотъемлемой частью преображающего воздержания [Матич, 2008, с. 9].

Отсутствие эротики логично: Лимаева — почти ребенок, АСГУ — машина.

Опасность искусственного интеллекта заключается прежде всего в обретении им субъектности. И именно этот процесс становится центральным в опере Аргонова — АСГУ диктует высшим менеджерам стратегии управления. Хотя основная магистраль развития нового мира генеральному секретарю не нравится, — ему кажется, что человечество будет деградировать, если выполнение задач, ранее решаемых посредством человеческой рабочей силы, будет поручено искусственному интеллекту:

> *Милиневский*. В твоей программе технология одна. Не вижу нравственного роста человека[5].

Таким образом, обретение машиной субъектности в художественном мире оперы может повлечь за собой лишение субъектности человека[6]. К тому же подобные стра-

---

[5] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

[6] И подобные исследования на сегодняшний день существуют, например работа А. Поздеева «Антиутопия или технокоммунизм: чем для человека обернется автоматизация труда», опубликованная в 2016 г.

тегии управления лишены идеологического элемента — АСГУ применяет математический расчет при планировании, ее решения не обусловлены коммунистической идеологией, что вступает в противоречие с новой советской государственностью. Этот конфликт важен для понимания смысла текста.

Грядущее, которое не сбылось, подразумевается в качестве совершенной технотопии. Но Милиневский берет на себя ответственность за остановку процесса становления идеально управляемого государства. Понимая, что расчет не всегда вписывается в коммунистические представления о бытии, он принимает решение внести изменения в программу АСГУ.

Еще в 1993 г. увидело свет эссе В. Виджа «Грядущая технологическая сингулярность. Как выжить в постчеловеческую эпоху» [Vinge, 1993], где описывается событие появления между 2005 и 2030 гг. сингулярности — искусственного интеллекта, превосходящего по мощности человеческий. Именно после наступления сингулярности, по мнению ученого, наступит постчеловеческая эпоха. Проблемой сингулярности активно занимаются зарубежные ученые [Kurzweil, 2005; Chalmers, 2010], размышляя об особенностях грядущего, когда машина обретет субъектность. Вероятно, это и есть то самое грядущее, о котором говорит автор либретто.

АСГУ — героиня оперы — не просто машина, обладающая искусственным интеллектом: она обладает сознанием: с одной стороны, делает умозаключения на основе алгоритма, заложенного создателями, с другой — ведет дискуссии, то есть обосновывает логичность своих умозаключений. Наличие сознания у машины — спорный тезис. Результаты эксперимента Джона Сёрла [Сёрл, 1990] опубликованы в 1980 г. Философ доказывает, что машина, действующая по алгоритму, демонстрирует лишь способность действовать по алгоритму, но не понимание процесса, поэтому сознания у машины быть не может. Например, отвечая на вопрос на китайском языке, машина может дать правильный ответ, но осознавать этот ответ, как, впрочем, и вопрос, она не будет.

Вопросы наличия/отсутствия сознания у машины рассматриваются философией техники и трансгуманистической философией [Bostrom, 2005]. Авторы электронной оперы допускают наличие сознания у машины (еще один значимый элемент в альтернативном футуристическом пространстве), тем самым моделируя мир, развивающийся по сценарию технологической утопии, принципы которой описал Бернард Гендрон [Gendron, 1997] (стабильный технологический рост, отсутствие товарного дефицита и уничтожение социальных зол). Мир, управляемый машиной, обладающей сознанием, но не сознанием коммунистическим, — ее подход к управлению Милиневский называет неоднозначным, выражая сомнения в правильности машинного подхода. Таким образом, можно увидеть противоречие — автоматический разум (интеллект и сознание — в художественном мире Аргонова) с его точным расчетом противопоставляется человеческому разуму с его интуитивно переживаемыми ощущениями и коммунистической картиной мира:

Милиневский. Абсурдно слышать в наши времена ошибку просветительского века[7].

Автор говорит о двух вариантах развития общества, где труда не хватит на всех. Один из этих вариантов — пессимистичен — снижение уровня доходов, рост безработицы и вследствие этого — социальный катаклизм. Поэтому рассуждения Милиневского небеспочвенны (*Поздеев А.* Антиутопия или технокоммунизм: чем для человечества обернется автоматизация труда // FURFIR. Ежедневный молодежный интернет-сайт и сообщество для читателей. URL: http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/218815-robots).

[7] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

АСГУ выдвигает оценочное суждение, Милиневский сомневается в обоснованности автоматизации больших объемов производств, полагая, что отсутствие производительного труда негативно скажется на нравственности граждан СССР.

На профанном (читательском) уровне мы можем наблюдать постановку этических проблем, связанных с искусственным интеллектом.

Вместе с тем у нарратора и автора возникают вопросы относительно духовного мира машины. В части «Догмы» рассказчик рассуждает о том, что АСГУ сама способна произвести истины, доступные разуму, которые, к сожалению, могут противоречить коммунистическим догматам. Рассказчик называет машину божеством (далее она именуется даже «рукотворным богом»), однако полагает, что божественное можно попрать ради идейного. Божество, по его мнению, может быть не правым. В следующей части «Сомнения» мы наблюдаем Милиневского, который подчеркивает свою правоту, но задается вопросом, не является ли осязаемая утопия результатом исключительно машинного подхода, то есть не является ли утопия искусственно созданным конструктом, а не делом рук человеческих и достижением цели — светлого будущего. Искусственность настигающей государство утопии заключается еще и в отсутствии религиозного, мистического компонента. Н. В. Ковтун пишет о том, что

> Пафос самозабвенного труда, жертвенности во имя дела Октября оказывается близок настроениям крайних сектантов, радостно всходивших на костер в надежде сохранить истинную веру, обрести рай немедленно [Ковтун, 2004, с. 249].

Но АСГУ лишает советских людей той самой жертвенности, того самого самозабвенного труда — математический подход приводит ее к логическому выводу о том, что благо не в труде, а это не соответствует догме. Ангел жизни новой оказался неправильным — он не несет благую весть, он не связывает с высшим, не служит, следовательно, ангел этот — ненастоящий. И здесь Аргонов спорит с традиционной гностической системой ориентиров социалистического толка [Ковтун, 2004] — сотворенное коммунистическим государством оборачивается против него, и, несмотря на очевидные блага, может это государство разрушить, саму его основу:

> Зло — незнание коммунизма, служение «ложным» целям — вызывает снисхождение к несчастным, неведающим людям, погрязшим во зле. Одновременно «принцип зла» позволяет оправдывать любые репрессивные меры против тех, кто сознательно уклоняется от истины коммунизма. Идея насилия смыкается с идеей прогресса [Ковтун, 2014, с. 18].

Таким образом, логика оперы подразумевает абсолютную правоту власти в решении перепрошить АСГУ, иначе она «зло». Здесь возникает противоречие — утопическое грядущее при таких условиях сбыться не может, движение вперед искусственно прекращается, АСГУ — уже не ангел жизни новой, не посланник богов (боги бывают разными), она духом — земная, то есть изменение ее природы ведет к тому, что подлинной АСГУ уже не существует (София соединяется с плеромой). И это вполне согласуется с выводом о том, что

> коммунистическое учение, провозглашая материализм, постоянно опирается на мистику, иллюзию, тайну, спиритуализацию материи [Ковтун, 2004, с. 254].

В технике нет мистики, поэтому техноутопия становится невозможной: круг замыкается, время останавливается, история не может идти по идеологической колее.

В интервью сайту «Правда-info» сам Виктор Аргонов рассуждает:

> Показанный сценарий все-таки не может претендовать на роль пророчества, пусть даже нереализованного. Здесь нет особого исторического реализма. Основные вопросы, которые хотелось показать, носят скорее не политический, а общефилософский характер, пусть и неотделимый от исторического контекста. Философская проблематика коммунистических идей очень многослойна, она сложнее, чем реально существовавшее и существующее отношение к ней большинства политических сил (как прокоммунистических, так и антикоммунистических). Но по мере удаления от советской эпохи у нас появляется шанс подойти к вопросу более взвешенно, не впадая в крайности[8].

Осмысление советского мифа здесь становится отстраненным, исключающим личное отношение — Виктор Аргонов родился в 1979 г., незадолго до начала перестройки.

Религиозно-мистический уровень прочтения романа помогает оценить видение автором технологической утопии на советском пространстве, явные софиологические мотивы позволяют сделать вывод о коммунистическом характере технологической утопии.

Обсуждение результатов

Два уровня прочтения либретто являются основанием для обсуждения трансформации советской утопии в пространстве альтернативной истории, где присутствует искусственный интеллект.

В опере разрушается патриархальный соцреалистический миф о большой семье — во главе стоит не Отец — генеральный секретарь не может быть Отцом, он не уникален, у него были предшественники — вожди (в тексте упоминается Романов, ставший в художественном мире оперы генеральным секретарем, выиграв в партийной борьбе у Горбачева). Его образ напоминает образ номенклатурного функционера эпохи застоя, Милиневский (даже фамилия подчеркивает не силу, не строгость, а некоторую мягкость, сладость — по созвучию), он не полноправный властелин нового мира, а скорее оператор, во всем полагающийся на искусственный интеллект АСГУ.

На фоне генерального секретаря машина еще больше проявляет свою субъектность — решения (даже по поводу времени подачи поезда для делегатов) принимает она, она же является воплощенным божеством:

> Но ты была сотворена как ангел жизни новой, твоя мечта за собой нас вела к мечтам пути земного, и день придет, и однажды тебе все снова станет ясно, и день придет, и мы скажем себе: «Стремленья не напрасны![9]

Это слова Милиневского, и можно сделать вывод о его полной зависимости от диктата машины. Это вызывает закономерный страх секретаря. Исследовательница темы искусственного интеллекта в научной фантастике Н. И. Верещагина пишет:

> Перспективы появления нового вида возбуждают в обществе страх восстания машин, которое может привести к уничтожению человечества, поэтому силы направляются на уничтожение умных машин и возникает тенденция к ограничению новых технологий. В конечном счете обществу удается сдержать восстание, что не приводит к полному уничтожению более совершенного вида [Верещагина, 2016, с. 72].

---

[8] *Чубатый В.* Легенда о несбывшемся грядущем. Интервью с «красным» электронщиком // Правда-info. 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravda.info/society/6590.html (дата обращения: 20.11.2020).

[9] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

Только в случае с АСГУ актуально не полное уничтожение, а перепрошивка — изживание субъектности.

Исследование религиозно-мистического уровня текста позволяет говорить о том, что АСГУ/Светлана воплощает образ Софии. Кроме иных, принятых характеристик, АСГУ/Светлана двойственна еще и потому, что предстает в двух ипостасях — машинной и человеческой. Эта трансформация идеи Софии примечательная в рамках развивающейся технологической утопии. АСГУ и Светлана практически ровесницы — первой — 13 (но создаваться она начала гораздо раньше), второй — 16 полных лет.

Песня Светланы, посвященная Милиневскому, наполнена намеками на неоднозначную природу девушки:

> Я искала встречи — встречи, о которой быть не могло и речи: сквозь толщу микросхем ваш взгляд, как звезда, далек на Пути на Млечном[10].

Указание на то, что поиск происходил сквозь толщу микросхем, и на то, что встреча невозможна, дает основания полагать, что Светлана обладает природой, отличающейся от обычной человеческой. Окончание сна в песне метафорически сравнивается с погасшим экраном — будто Светлана сама механизм. Помимо прочего, упоминание Млечного Пути отсылает к идеям Федорова о бессмертии и осеменении космоса.

После исполнения песни Светлана падает в обморок. Этот эпизод становится переломным — утопия не завершена, мир не идеален:

> И нереальна сегодня мечта, чтобы любить всех живущих на свете: вечной весны высота не взята в сказке этой[11].

Одновременно осуществляется искусственное введение идеологических аксиом в АСГУ — теперь ее решения будут приниматься не на основе точного расчета — коммунистическая идеология вновь станет фундаментом управления. Историческая параллель — отказ Советского государства от автоматизации экономики в 70-х дает повод полагать, что сама, по природе своей утопическая, идея построения коммунизма парадоксально невозможна в рамках данной идеологии.

За два месяца, прошедших после перепрошивки АСГУ, жизнь меняется — происходит сепаратистский переворот, который, однако, подавляется силовыми методами, все 17 (исторически их было 16, но в художественном мире оперы их больше) республик СССР снова в полном составе. Но это влечет за собой внешнеполитические изменения. АСГУ в своих рассуждениях доходит до того, что конфронтация со странами Запада может привести к новой революции. Оценивая мировую революцию позитивно, АСГУ ссылается на внушенные ей коммунистические догмы.

В разговоре с Милиневским АСГУ утверждает, что она всегда мертва, но это лишь подчеркивает ее нематериальность, то есть разум системы — это нематериальная сторона Софии, тогда как Светлана — материальная. Перепрошивка АСГУ приводит ее в тупик, выхода из которого искусственный интеллект не видит — нарушен баланс внутри Софии, соответственно, жизнь Светланы Лимаевой тоже находится под угрозой — она умирает в больнице в Зеленодольске-26. Сама Светлана говорит о своей грядущей смерти — «так надо» (но она не умирает полностью, в последний момент повергшись заморозке). АСГУ отключает Милиневский. София возвращается

---

[10] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

[11] Там же.

в плерому, утопия исчезает, материальный мир больше не наполняется духом, остается обычный мир, потенциально способный воспроизвести утопию в будущем. Как пишет Е. Черткова в статье «Утопия как тип сознания»:

> Трансцендентность утопии более радикальна: это выход за границы не только действительного, но и возможного, каким оно представляется в перспективе логики развития существующего мира. Временные каузальные связи предшествующего с последующим не имеют для нее никакого значения [Черткова, 1993, с. 72].

Искусственный интеллект встраивается в альтернативную интерпретацию советского утопического проекта.

Выводы

В статье рассмотрена проблема репрезентации феноменов техноутопии и искусственного интеллекта в современной литературе на примере либретто электронной оперы В. Аргонова «2032: Легенда о несбывшемся грядущем».

Культурным и философским фундаментом функционирования техноутопии в современной литературе являются гностическая философия, послужившая одной из основ советского утопического проекта, сам социалистический реализм, канон которого подвергается разрушению, а также дискуссионные идеи философии техники, связанные с искусственным интеллектом (центральным элементом техноутопии), наличием или отсутствием у него сознания и возникающими в связи с этим этическими вопросами.

Номинация оперы дает ключ к пониманию ее концепции — несбывшееся грядущее (где полноту мира создает присутствие Софии, воплощенной в образе АСГУ/Светланы) — это, с одной стороны, отрицание утопии, с другой — заморозка, остановка времени, но грядущее не эсхатологично — конец не предречен — есть надежда на встречу в другом, новом, уже утопическом мире:

> Когда-нибудь, через сотни, через тысячи лет люди смогут вернуть к жизни когда-либо живших, ведь так же? Ведь там мы сможем быть вместе. Ведь коммунизм — это когда каждый человек будет любить каждого. Ведь это правда?[12]

— мире, где будет возможность разморозки, обретения миром Софии. Божественное в опере приравнивается к математическому, техническому — расчет противопоставлен идеологии, АСГУ — ангел новой жизни — то, что наполняет мир духом, коммунистическая перепрошивка бесконечно отдаляет момент наступления светлого будущего — так автор осмысляет противоречивость как советской идеологии, так и советского проекта в целом. Невозможность воплощения репрезентируемой в либретто техноутопии заложена в ее основаниях, парадоксально противоречащих самой идее сингулярности.

[12] *Аргонов В.* 2032: Легенда о несбывшемся грядущем. Техно-опера. 2007 // Complex numbers: электронная музыка для интеллектуалов. URL: http://complexnumbers.ru/2032.html (дата обращения: 21.11.2020).

Список литературы

[1] *Верещагина Н. В.* Роботы, искусственный интеллект, восстание машин: мифология НТР и научная фантастика // Вестник Пермского национального исследовательского университета. 2016. № 3. С. 65–74.
[2] *Йонас Г.* Гностицизм. СПб.: Лань, 1998. 384 с.
[3] *Камалова А. Т.* К проблеме жанровой идентификации литературного киберпанка (на примере русского киберпанка 90-х — 2000-х годов) // ФИЛОLOGOS. 2019. № 2. С. 19–25.
[4] *Ковтун Н. В.* Русская литературная утопия второй половины XX века: монография. М.: Флинта, 2014. 353 с.
[5] *Ковтун Н. В.* Утопия соцреализма и гностицизм. К постановке проблемы // Европейские исследования в Сибири: материалы Всероссийской науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронтира: проблемы *идент*ичности». Томск, 2004. Вып. 4. С. 247–265.
[6] *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М.: Новое литературное обозрение. 2008. 400 с.
[7] *Медведева Т. Б.* Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, социология, право. 2011. № 20 (115). С. 45–61.
[8] *Новичкова А. В.* Киберпанк как литературное явление: жанровые черты и история // Межкультурные коммуникации: сб. студ. науч. работ Международной научной конференции. 2019. № 10. С. 224–230.
[9] *Сёрл Дж.* Разум мозга — компьютерная программа? // В мире науки (Scientific American. Изд. на рус. языке). 1990. № 3. С. 7–13.
[10] *Черткова Е.* Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
[11] *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14 (1), 2005. P. 112–131. Doi — 10.1.1.98.795.
[12] *Chalmers D.* The singularity: a philosophical analysis // Journal of Consciousness Studies. 2010. Vol. 17. No. 9–10. P. 7–65.
[13] *Gendron B.* Technology and the Human Condition. St. Martin's Press, 1977. 263 p.
[14] *Kurzweil R.* The Singularity Is Near. N. Y.: Viking, 2005. 672 p.
[15] *Vinge V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era, in Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G. A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129, 1993. P. 11–22.

Структурные особенности регионального художественного наследия: русское церковное серебро в музейных собраниях Красноярского края

Н. Н. Исаева,
профессор, доктор искусствоведения, КГПУ им. В. П. Астафьева

АННОТАЦИЯ В статье проанализирован состав коллекций русского церковного серебра в музеях Красноярского края. Выявлены пути формирования музейных коллекций, художественные особенности экспонатов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА художественное серебро, музейные коллекции, церковное серебро, Красноярский край.

Один из разделов художественного наследия, который содержит достоверные сведения о происхождении памятников, — это русское художественное серебро. Клеймение серебра началось в Москве в конце XVII в. Постепенно к годовому клейму добавились маркировки с именниками мастеров, пробирных мастеров и альдерманов, обозначения пробы серебра и городовые клейма. Из 150 выявленных произведений 100 хранятся в КККМ, остальные — в других региональных собраниях.

В коллекциях музеев Красноярского края представлено русское церковное серебро с конца XVII в. по 1910-е гг., однако самым ранним датированным памятником является серебряный ковш работы амстердамского мастера Абрахама Галлуса I, датированный 1637 г. Ковш использовался в качестве сосуда для теплоты в Енисейском Спасском монастыре.

С конца XVII в. до начала XX в. в собраниях края преобладают памятники московского серебряного дела. Наиболее раннее московское клеймо с буквенной датой 1698–1699 гг. имеет напрестольный крест из Богоявленского собора Енисейска. Он хранился как реликвия в алтаре Введенского придела Богоявленского собора. Ковчег-мощевик первой трети XVIII в., с резным изображением распятия с предстоящими и с именем Симеона Верхотурского среди множества перечисленных святых, также принадлежал Богоявленскому собору Енисейска.

Из числа произведений, происходящих из Туруханского Троицкого монастыря, наиболее ранними (кон. XVII — 1726) являются небольшой требный крест (с литой фигурой распятого Христа) и чеканный средник с просечной каймой из оклада нижней доски большого напрестольного Евангелия 1689 г. издания. Оба произведения, несомненно, сохранились в пожаре 1726 г.

Наиболее ранним памятником московской работы из Енисейского Спасского монастыря является архимандритская митра с 17 черневыми дробницами. Время создания митры устанавливается по историческим обстоятельствам и аналогиям — конец XVII — начало XVIII в. Москва является предположительным местом изготовления дробниц. Отсутствие клейм на дробницах связано с низкой пробой металла. Московские клейма имеют напрестольный крест 1731 г. работы мастера Герасима Федорова Копылова (1700–1736) и оклад иконы с преподобной Марфой на поле (1748) мастера Сергея Михеева Яковлева. В первой половине XVIII в. московские мастера следуют стилевым традициям XVII в.

Оклад иконы Димитрия Ростовского перед образом Богоматери Ватопедской (КККМ, найден на территории Эвенкии) изготовлен мастером Петром Афиногеновым в 1759 г. Влияние стиля рококо присутствует как в оформлении оклада, так и в композиции самой иконы.

Потир Туруханского Троицкого монастыря — одно из наиболее значительных произведений второй четверти XVIII в. в собрании КККМ. Для его формы и такого характерного элемента декора, как просечной чеканный кожух на поддоне, имеется достаточное число аналогий среди памятников московского серебряного дела 1730-х гг.

Присутствие качественных памятников московского резного и чеканного серебра в удаленном от столицы регионе свидетельствует о том, что понятие художественной провинции в XVIII в. актуально не для всех областей искусства. Расстояние и трудности доставки не стали барьерами для поступления в храмы столичных произведений высокого мастерства.

Памятники последней четверти XVIII в. оформлены в стиле классицизма. Это чеканный с черневыми дробницами оклад Евангелия 1786 г. из церкви Димитрия Ростовского с. Подсопочного Красноярского уезда, потир и дискос 1788 г. из тюремной Петропавловской церкви Красноярска.

Три оклада икон, датированные 1796 г. и имеющие клейма двух мастеров — Федора Алексеева и монограммиста «Е. Д.», представляют мастерство московских серебряников конца XVIII в. Чеканный оклад иконы Рождества Христова из Благовещенской церкви Красноярска, чеканный оклад иконы Троицы Ветхозаветной с иконы, находившейся в алтаре Входоиерусалимской кладбищенской церкви Енисейска. Второй оклад этого же мастера «Е. Д.» возложен на небольшую икону Воскресения Христова из Троицкой кладбищенской церкви Красноярска. Оклады показывают высокий уровень чеканного мастерства московских серебряников.

Три произведения начала XIX в. представляют филигрань как одну из излюбленных техник московских мастеров, представляющих поздний классицизм (ампир) в русском церковном серебре. Это оклад иконы великомученицы Варвары из Всехсвятской церкви Красноярска и напрестольный крест из Троицкой церкви с. Казачинского Енисейского уезда. Третий памятник московской скани — лампада 1816 г. из Туруханского Троицкого монастыря.

Филигранный декор с бирюзовой эмалью по скани присутствует в декоре еще одного характерного для центра и времени произведения — потира 1806 г. Монограммой «Г. К.» помечен сам потир, монограммой «К. С.» — оправы дробниц со стразами. Потир принадлежал Красноярскому Воскресенскому собору и входил в комплект с дискосом 1806 г. На дискосе имеется вкладная надпись. Стилистически и хронологически близкий потир 1815 г. из Спасского собора Минусинска хранится в собрании МКМ.

Кадило 1817 г., созданное мастером с инициалами «Ф:Н» имеет форму, напоминающую декоративную вазу. Увенчанное по традиции крестом, кадило имеет в основании креста шпиль вместо главки. Сама антикизированная форма предмета, его гибкий необычный силуэт, идеальная полусфера нижней емкости, вместе с аскетизмом декора, соответствуют эстетическим представлениям эпохи, последовавшей за 1812 г.

Единственная дарохранительница в собрании КККМ, датированная 1835 г., является памятником позднего ампира. Она принадлежала Успенской церкви Енисейска. Мотивы колоннады и триумфальной арки, зооморфное оформление ножек, пальметты в поясах чеканного декора, профилировки карниза и цоколя свидетельствуют об определенности в выборе стиля. Многообразие примененных техник и фактур в декорировании комплекса, полихромия эмалевых дробниц и блеск многочисленных стразов, разнообразие пластики (херувимы, ангелы, апостолы, Саваоф, композиция Положения во гроб) и обилие орнаментики показывают, что мастер далеко отошел

от аскетизма формы и декора кадила 1817 г. Клеймо с монограммой мастера пропечатано нечетко, вероятно, это инициалы «П. Н.» — мастер Павел Никитин (1814–1847). Близкая по времени и оформлению дарохранительница имеется в собрании МКМ.

Памятники московского серебряного дела первой половины XIX в. в собрании КККМ в отношении стиля последовательно представляют ампир и псевдорококо. Особо выделяется группа филигранных изделий периода расцвета этой техники в Москве. Типология серебряной утвари и окладов в этой группе весьма разнообразна. Половина именников на московских изделиях первой половины XIX в. не расшифрована. Однако по-прежнему в Москве действуют не мастерские или фабрики, а отдельные мастера. Это один из интересных и продуктивных периодов в истории отечественного серебряного дела.

Московское серебряное дело второй половины XIX в. может быть квалифицировано как художественный промысел или своего рода промышленность. Подавляющее большинство произведений этого времени являются тиражными, исключение составляет заказной оклад иконы Христа Вседержителя 1872 г., оклад иконы епископа Адрианополького Александра 1893 г. и некоторые другие.

В краевом наследии представлены произведения мастерских И. И. Овчинникова, П. П. Перепелкина, И. В. Захарова, Ивана Егорова, С. Прохорова, Д. А. Горбунова, Н. В. Алексеева, а также фабрик В. С. Семенова, А. И. Кузмичева, Е. А. Кузнецова. Штампованные облачения и профилированные рамки по краям пластины, плоскорельефные нимбы или накладные венцы с ажурным штампованным краем, некоторая доработка пластины резьбой, гильшировкой или чеканкой свойственны всем этим окладам. Созданные для подокладных икон, они выполняют не только декоративную функцию, но и изображают облачения, аксессуары.

Среди произведений второй половины XIX в. обнаруживаются отсутствующие в Указателе клейм монограммы. Мастер «СКЗ» представлен в регионе скромным окладом иконы Христа Вседержителя 1878 г. В 1903 г. клеймом «СКЗ» помечен великолепный заказной складень с многоцветной эмалью (Христос Вседержитель, Праведная Анна и Иннокентий Иркутский). Складень заказной, преподнесен от 52 поименно перечисленных сотрудников компании И. А. Субботину, одному из потомственных минусинских золотопромышленников.

Не полный именник мастера (или мастерской) на заказном окладе иконы Христа Вседержителя с видами 13 храмов второго Ачинского благочиния Енисейской епархии не позволяет установить изготовителя оклада 1872 г. Икона была написана в 1871 г. и поднесена сослуживцами благочинному протоиерею П. Г. Смирнову. Оклад для иконы сделан годом позднее в Москве. На нем в клеймах резьбой воспроизведены виды представленных на иконе церквей. При всей миниатюрности и схематизме изображений клейма являются важным документальным источником для истории сибирской архитектуры.

Несомненно, заказным является оклад иконы с изображением епископа Александра Адрианопольского в молении иконе Богоматери Казанской. Лучший в этом разделе коллекции КККМ оклад изготовлен в 1893 г. мастером С. М. Егорновым (1884–1908). Судя по чистоте работы и обширности палитры, С. М. Егорнов — один из выдающихся московских мастеров эмали, переживающей новый расцвет в конце XIX — начале XX в. Оклад происходит из Воскресенской церкви Енисейска. Два сюжета иконы объединены датой чествования — 22 октября.

Последнюю группу памятников московского серебряного дела составляют произведения, датированные по клеймам и аналогиям между 1899 и 1910 гг. Наряду с фабричными лампадами и окладами небольших икон под клеймами 1908–1917 гг. и фабрики П. А. Никитина итоговым памятником московского центра является изящный напрестольный крест с литой рельефной фигурой Христа, с прорезными вставками,

образующими круг у средокрестия. Крест происходит из Красноярска, но его церковная принадлежность не установлена.

Церковное серебро, произведенное московскими мастерами, показывает, что в музеях Красноярского края вместе с изделиями ординарными встречаются оклады и утварь, исполненные по индивидуальным заказам. Не все периоды и характерные явления истории московского серебряного дела отражены в достаточной мере, что связано с условиями формирования коллекции. Тем не менее преобладание памятников московского серебряного дела в церковном обходе сибирских церквей и в быту сомнений не вызывает.

Особо крупные имена исполнителей и комплексы авторских произведений в краевых собраниях отсутствуют. Однако региональная коллекция позволяет скорректировать хронологические рамки деятельности некоторых московских мастеров, ввести в научное обращение новые именники мастеров и расширить корпус произведений, доступных для дальнейшего исследования.

Вторая половина XVIII в. — исключительно продуктивный период в развитии провинциальных центров серебряного дела. В региональном фонде художественного наследия представлены как мастерские европейской части России, так и сибирские. По косвенным данным и по наличию церковной утвари, изготовленной из медных сплавов, нельзя исключить возможность работы по серебру в Енисейске, но собственного клеймения город не имел.

В коллекции КККМ хранятся четыре памятника тобольского серебряного дела. Два из них (оклады икон) имеют полные комплекты клейм. Оба оклада происходят из храмов Енисейска. На кадиле туруханского Троицкого монастыря имеется именник мастера и герб Сибири, дата его исполнения (1765) устанавливается по имеющейся на поддоне владельческой надписи.

Напрестольный благословенный крест — одно из лучших произведений русского церковного серебра XVIII в. Он происходит из Туруханского Троицкого монастыря. В связи с учреждением чина архимандрита (вместо игумена) монастырь обзавелся соответствующими предметами утвари. В Тобольске было заказано кадило (1765) и несохранившаяся архимандритская митра (1769). Благословенный крест отнесен к Тобольску как часть комплекса. Тобольские мастера имели навык создания подобных комплексов.

Автор напрестольного благословенного креста, изготовленного для удаленного заполярного монастыря, является одним из выдающихся мастеров серебряного дела своего времени. Он способен конкурировать с лучшими мастерами других центров серебряного дела, в том числе и столичных. Это был изощренный чеканщик и литейщик, способный тонко обыграть красоту гладкой нетронутой поверхности металла. Мастер благословенного креста владел техникой черни, он хорошо вписал черневые дробницы в ансамбль декора. Очень деликатно в композицию креста вкраплены драгоценные камни и жемчуг.

Судя по форме креста, его композиции и орнаментике, мастер не понаслышке был знаком со стилистикой рококо. Литая фигура Христа исполнена со знанием европейской или академической пластики. В качестве осторожного предположения можно допустить, что наряду с тобольскими цеховыми и городовыми мастерами в этом сибирском центре мог работать сторонний серебряник, например из числа ссыльных, что в какой-то мере может объяснить отсутствие городского и пробирного клейма. Датировка креста не выводится за пределы 1760-х гг., когда были изготовлены кадило и митра Туруханского Троицкого монастыря (1765 и 1769).

Два тобольских оклада икон в собрании КККМ принадлежали заказным образам, содержащим изображения святых, тезоименных заказчикам. Оклад иконы с изображением пяти избранных святых происходит из Спасского собора Енисейского

Спасского монастыря. Оклад 1790 г. работы Егора Зверева является одним из лучших памятников тобольского серебряного дела. Вероятным заказчиком иконы и оклада является одно из купеческих семейств Енисейска. Мастер воплотил в окладе особое представление своего заказчика о красоте как избыточном изобилии и разнообразии форм, не подчиненных чистоте стиля.

Оклад 1799 г. принадлежал иконе Богоматери Знамение с четырьмя избранными святыми в угловых клеймах. Оклад заказной, происходит из Воскресенской церкви Енисейска. Оклад имеет полный комплект клейм. Мастер Петр Тимофеев Брюханов упомянут среди цеховых серебряников Тобольска с 1780 по 1823 г., был старшиной цеха тобольских серебряников

Из других сибирских центров сибирского серебряного дела в коллекциях КККМ и МКМ представлены кресты, которые классифицируются как нагрудные. Они изготовлены из низкопробного серебра. Кресты одностороннего плоскорельефного литья носили на широких цепях. Их лицевая сторона слегка доработана резьбой. Православный миссионер М. Суслов, долгие годы работавший среди северных инородцев, отмечает, что его подопечные приобретали подобные кресты в Вилюйске.

Начало производства якутских крестов следует отодвинуть к середине XVIII в. Добыча серебра в Якутии известна на Вилючане с 1748 г., а с 1760-х гг. — на Верхоянском хребте. По данным О. Н. Вилкова, якутские ремесла развивались в Вилюйском округе. Среди якутов имелись живописцы и резчики (следует добавить литейщиков и ювелиров). Вместе со свидетельством М. Суслова данные О. Н. Вилкова позволяют предположить в качестве места производства якутских крестов, именуемых «сурэх», Вилюйск или Вилюйский округ.

Несомненно, памятники серебряного дела Великого Устюга имели распространение в Приенисейском регионе. Об этом свидетельствует частично сохранившийся оклад напрестольного Евангелия 1773 г. из Троицкой церкви Енисейска с клеймами пробирного мастера А. И. Торлова и гербом в виде двуглавого орла с буквами «В. У.». Отсутствие именных клейм мастеров может свидетельствовать об изготовлении оклада на фабрике А. и С. Поповых, существовавшей с 1761 г. На фабрике трудились около 30 мастеров. Особенностью оклада является изобилие сюжетных черневых дробниц в составе декора как верхней, так и нижней доски. Более ранний комплекс устюжского серебра принадлежал убранству большого напрестольного Евангелия 1759 г. издания из Богоявленского собора Енисейска. От убранства сохранилась только литая ажурная застежка с изображением апостола Петра, а также одна из девяти дробниц оклада верхней доски с изображением евангелиста Матфея. Оба фрагмента оклада не имеют клейм и датированы по аналогиям, с учетом года издания книги и указанием в акте передачи Евангелия в музей («оклад современен печати») около 1760 г.

Эти фрагментированные оклады Евангелий устюжского производства не только расширяют фонд известных в литературе памятников крупного провинциального центра, но и обозначают степень их продвижения в Сибири. Согласно имеющимся описаниям, большое Евангелие Богоявленского собора Енисейска было украшено, помимо черневых дробниц, чеканкой, резьбой и цветными камнями — сердоликами и изумрудами, имело литые застежки. Высокое качество и своеобразие «обронной» устюжской резьбы представлено на щитках оклада корешка Евангелия 1773 г.

Из среднеруских центров в коллекции КККМ достойно представлен калужский. Корпус составляют два Евангелия в окладах, два комплекта чеканных наугольников и средников для верхних досок Евангелий, одна икона в окладе и характерные для этого центра накладные полосы, из которых составлялись рамы, украшавшие поля икон. Все произведения исполнены между 1782 и 1799 гг. По имеющимся клеймам пять произведений из шести относятся к мастерской М. К. Золотарева. Один оклад Евангелия 1799 г. помечен клеймом мастера-монограммиста «АШ». Памятники калуж-

ского серебряного дела происходят из церквей Красноярска и Енисейска, что фиксирует область их распространения на востоке страны.

Лучшим образцом калужского серебра является оклад 1791 г. на Евангелии Воскресенского собора Красноярска. Он обильно украшен не только финифтяными дробницами и стразами, но и умело подобранными ограненными цветными поделочными камнями — аметистами, аметистовидными кварцами, гранатами.

Небольшая по объему калужская коллекция, в отличие от московской, представляет качественные произведения лучших мастеров периода расцвета этого центра серебряного дела, ориентированного на торговлю ими на всех крупных российских ярмарках.

Ярославское серебряное дело 1760-х гг. представлено в собрании КККМ чеканным окладом, возложенным на Евангелие 1703 г. издания, принадлежавшего Преображенской церкви Енисейска. Оклад помечен именником известного ярославского серебряника «ѲТ» — купца Федота Иванова Тукалова. Он участвовал в создании трех больших окладов Евангелий для ярославских храмов.

Мастер наиболее успешен в орнаментике, восходящей к традициям XVII в., и выполняет ее виртуозно. Он исполнил если не весь оклад, то большую и лучшую его часть с великолепным, тонко прочеканенным орнаментом в виде спирального лиственного завитка. Внутри каждой спирали изображен цветок. Подобная орнаментика архаична для своего времени, но стилистически вполне соответствует дате издания книги.

Единичными произведениями в музеях Красноярского края представлены работы мастеров Вятки и Киева. Согласно историческим данным, памятники малороссийского серебра бытовали на территории региона в XVIII в. Для Енисейского Спасского монастыря архимандрит Димитрий Смеловский лично доставил из Киева кованую митру, наперсный крест и посох. Эти предметы зафиксированы описями монастырского имущества.

Обзор коллекций русского церковного серебра позволяет выявить структуру наследия не только в плане распределения по отдельным художественным центрам и по хронологии, но и по представленным видам изделий. К числу уникальных памятников относится митра Енисейского Спасского монастыря, ковчег-мощевик и наперсный крест из Богоявленского собора Енисейска. Единичным примером является благословенный крест Туруханского Троицкого монастыря. Кадила представлены двумя произведениями 1765 и 1817 гг. Значительное число позиций занимают оклады Евангелий и их фрагменты, датируемые между концом XVII в. и 1874 г. Они же наиболее разнообразны в отношении центров их производства.

Три потира московского серебряного дела датируются между второй четвертью XVIII в. и 1806 г. Два дискоса датированы 1788 и 1806 гг. Единственная тарель относится к 1910-м. Два ковша для теплоты занимают полярные позиции по времени и месту их изготовления — один датирован 1637 г. и произведен в Амстердаме, другой датирован рубежом XIX–XX вв. и произведен в Москве. Дискосы и лжицы представлены единичными экземплярами.

Сохранилось достаточное число лампад, нательных и напрестольных крестов, один требный крест, два пресвитерских наперсных креста. Наиболее обширным разделом наследия являются оклады икон и их фрагменты. 47 памятников этого вида датируются между второй четвертью XVIII в. и 1910-ми гг. Оклады разнообразны по техникам, иконографии подокладных икон и центрам производства. Для значительной части памятников церковного серебра установлена их храмовая принадлежность, что повышает значимость коллекций.

Малые собрания церковного серебра, имеющегося в музеях Красноярского края, насчитывают 49 позиций. Произведения из коллекций АКМ, МКМ, КХМ, МЗШ и КанКМ

являются изделиями московского производства и датируются между 1810-ми — 1910-ми гг. Среди них выделяется оклад иконы Богоматери Казанской в собрании ЕКМ, датированный 1778 г. Оклад иконы Димитрия Ростовского 1797 г. в собрании КХМ является единственным памятником иркутского серебряного дела в музейном фонде Красноярского края. Имеющий клеймо литой нательный крест костромского производства середины XVIII в. в собрании КХМ важен для датировки других подобных крестов.

Особенностью состава коллекции МКМ является соответствующий числу престолов набор дарохранительниц Спасского собора второй четверти и середины XIX в., когда здание было расширено и получило третий придел. Дарохранительница 1887 г. из Троицкой церкви Минусинска может считаться одним из лучших произведений мастерской А. В. Степанова и характерным для своего времени памятником московского серебряного дела. На изготовление дарохранительницы ушло около трех килограммов серебра, она собрана из множества тщательно подогнанных деталей. Сама форма предмета свидетельствует о следовании неорусскому стилю.

Понятие «Культурная и художественная провинция» весьма условно, когда речь идет о произведениях русского церковного серебра, поскольку в сохранившемся региональном наследии две трети предметов изготовлены в столице. Об отсутствии культурной замкнутости региона свидетельствует и наличие значительного числа памятников, представляющих работу мастеров провинциальных центров, расположенных в Сибири и европейской части России.

Список литературы

[1] *Вилков О. Н.* К истории Якутска и Охотска в XVIII в. // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 204–223.

[2] *Исаева Н. Н.* Произведения тобольского художественного серебра XVIII в. из собрания Красноярского краеведческого музея // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999. М.: Наука, 2000. С. 426–438.

[3] *Исаева Н. Н.* Калужское серебро в коллекции Красноярского краеведческого музея // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2003. М.: Наука, 2004. С. 538–561.

[4] *Исаева Н. Н.* Произведения тобольского художественного серебра XVIII века из собрания Красноярского краевого краеведческого музея // Тобольское серебро с XVIII века до наших дней. СПб.: Альфарет, 2009. С. 206–227.

[5] *Исаева Н. Н.* Русское церковное серебро конца XVII — начала XX вв. в музейных собраниях Красноярского края. Сводный каталог. Монография / Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск: Литера-принт, 2014. 340 с.: ил.

[6] *Суслов М.* Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. Отдел неофициальный. С. 102–104.

Енисейская православная гимназия: история создания и деятельности первых лет

А. А. Калистратов,
научный сотрудник, Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова, г. Енисейск

АННОТАЦИЯ В статье исследуется история создания Енисейской православной гимназии, рассказывается о причастных людях и деятельности первых лет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА православие, гимназия, прогимназия, Енисейск.

Отечественное образование менее чем за 100 лет претерпело два кардинальных перелома вектора своего развития. Православная церковь имела значительное влияние на образование в Российской империи, начиная от церковно-приходских школ и заканчивая православными духовными академиями, церковные учебные заведения имели значительное количество учеников в своих стенах. Наиболее представленным видом учебных заведений были церковно-приходские школы, являвшиеся начальными школами. Система церковно-приходских школ получила массовое распространение в Российской империи после утвержденного указа «Правила о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 г. Быстрое и массовое распространение церковно-приходских школ объясняется их доступностью для наименее обеспеченных слоев общества, которые составляли подавляющий процент населения империи. На 1904 г. в Енисейске было пять приходских училищ и одна церковно-приходская школа, в Канске три приходских училища и одна церковно-приходская школа, в Ачинске два приходских училища и одна церковно-приходская школа, в Туруханске вовсе отсутствовали [1, с. 269]. Даже в относительно малонаселенном районе церковно-приходские школы имеют достаточное представительство. На примере Енисейской губернии можно увидеть степень вовлеченности церкви в начальное образование. В западных районах страны, как наиболее населенных, подобных школ было еще больше.

Однако с приходом новой власти все изменилось, вытеснение православной церкви из образования началось еще при Временном правительстве. Определением Временного правительства от 20 июня 1917 г. были переданы почти все церковно-приходские школы из введения Святейшего Синода в ведение Министерства народного просвещения. Окончательно Православная Церковь потеряла свои позиции в просвещении после Октябрьской революции 1917 г. Православные учебные заведения были окончательно ликвидированы после постановления Совета народных комиссаров от 24 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению». Таким образом, церковь потеряла не только начальное образование, к концу 20-х гг. школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза. Оставалась возможность только для частного индивидуального и нелегального преподавания, которое, по всей видимости, не прекращалось никогда.

С развалом СССР ситуация в стране кардинально изменилась, уже российское общество сменило вектор своего развития не только в экономическом плане, но и в культурном. Русская Православная Церковь (далее — Церковь) начала возвращать свои позиции в обществе.

Помимо восстановления храмов и епархий, Церковь начала возвращаться на все уровни образования. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 позволил религиозным организациям быть учредителями образовательных учреждений.

На момент 1993 г. в стране уже было несколько школ, учрежденных Церковью, однако на территории Красноярского края таковых не было. Начиная с момента своего основания в 1619 г., являясь региональным центром православия, Енисейск не остался в стороне от этих процессов. Идейным вдохновителем создания учреждения стал протоиерей Геннадий Фаст, человек интереснейшей судьбы. Родившись в 1954 г. в семье ссыльных немцев, исповедовавших протестантизм, обратился к православию в годы учебы в Томском университете. Несмотря на то что по образованию был физиком, решил посвятить себя служению Богу. С 1983 г. направлен священником в Енисейск. В 1985–1986 гг. отец Геннадий застал последнюю волну гонений на Церковь в СССР, на него было заведено уголовное дело по двум статьям, однако наступившая перестройка прекратила гонения на Церковь, и дела были закрыты. С 1990 г. отец Геннадий становится благочинным Енисейского благочиния в составе Красноярской епархии. Уже находясь в этом сане, отец Геннадий загорается идеей создания православной школы, чтобы ее учредителем была Церковь.

Обсуждал эту идею отец Геннадий с отцом Александром Васильевым, с Анатолием Лебедевым, делился этим и с Дмитрием Викторовичем Шашковым — главой города. Все соглашались с необходимостью создания такой школы, но все же и понимали нереальность этой идеи, прежде всего в финансовом плане [4, с. 307].

Однако в начале 1993 г. дело сдвинулось с мертвой точки, как вспоминает сам отец Геннадий:

> В 1993 году во время одной из встреч с Дмитрием Викторовичем тот сказал о том, что вышел закон, согласно которому религиозные организации могут быть учредителями учебного заведения, это заведение должно соответствовать образовательным стандартам [4, с. 307].

С 1993 г. начинается подготовка документов для получения лицензии на право ведения образовательной деятельности. Приказом по управлению образования администрации Красноярского края № 19-А от 05.04.1993 православная прогимназия получает лицензию на право ведения образовательной деятельности до 21.12.1999.

Первым директором прогимназии был Анатолий Иванович Лебедев. Во время его нахождения на должности директора в период 23.08.1993–18.08.1994 были подготовлены основные документы, необходимые для функционирования образовательного учреждения. Однако встретить первых детей на пороге прогимназии ему не довелось, эта честь была оказана матушке Галине Абрамович, занявшей должность директора с 19.08.1994.

Встал вопрос о размещении нового образовательного учреждения. Постановлением № 86 от 29 марта 1994 г. администрация города Енисейска закрепила за церковно-приходской школой здание на ул. Ленина, 101 (Дом Флеера) [4, с. 308].

Изначально планировалось назвать учреждение Енисейской церковно-приходской школой. 23 августа 1993 г. на приходском собрании был утвержден устав Енисейской церковно-приходской школы (зарегистрирован Постановлением главы г. Енисейска Д. В. Шашковым от 19.11.1993) [4, с. 307]. В свою очередь епископ Красноярской епархии Преосвященнейший Антоний 29 августа выдал лицензию на открытие Енисейской церковно-приходской школы. Но уже весной 1994 г. произошло переименование образовательного учреждения. В своем прошении на имя главы администрации г. Енисейска Д. В. Шашкова протоиерей Геннадий Фаст пишет следующее:

> Просим Вас о переименовании ЦПШ в Православную прогимназию с дальнейшим переходом в Гимназию [4, с. 308].

Днем рождения прогимназии считается 26 мая 1994 г., Енисейская Православная прогимназия во имя учителей словенских Кирилла и Мефодия была зарегистрирована в Едином государственном реестре юридических лиц. В этот же день регистрируется устав Енисейской православной прогимназии.

Приказом № 1 от 1 сентября 1994 г. были зачислены в 0-й класс (шестилетки) — 15 чел., в 1-й класс — 19 чел., во 2-й класс — 11 чел., 3-й класс — 9 чел., в сентябре в 3-й класс добавилось 5 человек и во 2-й класс — 2 человека [4, с. 308]. Всего в прогимназии на тот момент обучался 61 человек, такое малое количество учеников объясняется ограничением количества учеников в одном классе, прописанным в уставе. В дальнейшем численность обучающихся росла по мере роста количества классов и на момент мая 2000 г., когда в прогимназии сформировалось девять классов, в учреждении числилось 88 человек, первый выпуск составил 9 человек. Подробнее стоит рассмотреть два документа, регламентирующих деятельность образовательного учреждения, для понимания принципов работы прогимназии в первые годы существования. В частности, устав Енисейской православной прогимназии и учебный план позволят в этом разобраться.

Первоначальный устав имеет семь параграфов, во многом они схожи с уставами других общеобразовательных учреждений. В уставе определяются различные аспекты функционирования образовательного учреждения, многие из них не представляют интереса ввиду своей «рутинности», никак не выделяя особенностей заведения. Однако некоторые пункты параграфов имеют особенности, характерные для специфики заведения.

Первая особенность на тот момент еще прогимназии — это ее статус, прогимназия является негосударственным образовательным учреждением, что нам говорит о платном характере оказания образовательных услуг. В дальнейшем она приобретет статус частного образовательного учреждения.

Прогимназия имеет свою уникальную структуру управления. На вершине этой структуры находится попечительский совет, назначаемый приходским собранием. Председателем попечительского совета является настоятель Успенского собора [2, л. 4]. Попечительский совет из числа своих членов назначает директора [2, л. 4]. В параграфе устава регламентированы полномочия как попечительского совета, так и директора. В ведении попечительского совета находятся глобальные вопросы функционирования учреждения, например утверждение учебных программ и планов, контроль учебно-воспитательного процесса, внесение изменений в устав, создание условий для педагогического и правового образования родителей, вопросы о зачислении и отчислении, прием и увольнение преподавательского состава, определение оплаты за обучение. Директор же имеет полномочия решения повседневных задач (например, обладает правом подписи, является представителем прогимназии перед органами власти и управления в Российской Федерации), по приему и увольнению кадров обслуживающего персонала. Не все полномочия попечительского совета и директора были перечислены выше, задачей перечисленного было обозначить области полномочий в иерархии управления прогимназией.

Также интерес представляет параграф «Кадровое обеспечение прогимназии». В отличие от общеобразовательных учреждений Енисейская православная прогимназия, помимо требований к квалификации педагога, предъявляла требования к его личностным качествам. Педагог, преподающий в прогимназии, должен сочетать в себе следующие качества: православное вероисповедание, добрую христианскую нравственность [2, л. 5].

Вполне ожидаемо свои особенности имеет параграф «Цели и основные характеристики организации образовательного процесса». В первую очередь эти особенности отражаются в том, что в прогимназии сочетаются как элементы светского образования, предусмотренные Законом РФ «Об образовании» 1992 г., так и особенности православного образования. Некоторые из целей, которые православная прогимназия ставит перед собой:

— объединение общеобразовательного процесса с православным воспитанием детей в соответствии с программой учредителя;
— формирование высоконравственной личности, веры и христианского благочестия, укрепление русской православной культуры, милосердия и благотворительности;
— участие учащихся в храмовом богослужении и церковной жизни;
— обучение учащихся церковным и народным ремеслам, ведению домашнего хозяйства, начальным профессиональным навыкам с учетом нужд предприятия города;
— обеспечение уровня образования выпускников требованиям государственных образовательных стандартов и образовательных программ [2, л. 2].

Из вышеперечисленных целей отчетливо видно, что гимназия своей первоочередной задачей ставит осуществление государственных образовательных стандартов. Православные же компоненты реализуются параллельно базовому, не противореча ему, что видно из первого утвержденного учебного плана прогимназии. Первый утвержденный учебный план в базовом компоненте содержал в себе следующие предметы: родное слово, математика, история Отечества, народные промыслы, живопись, физическое развитие [3, л. 4]. Базовый компонент в неделю занимал 19 часов в первых двух классах, 20 часов — в последних двух классах. Общее количество часов в неделю колеблется от 30 до 33 по аналогии с прошлым примером. Как видно из плана, около ⅔ учебной недели отводилось базовому компоненту. В свою очередь около ⅓ недели отводилось школьному компоненту и факультативам, в рамках которых и реализовывался православный компонент образования, где встречаются такие предметы, как: основы духовной культуры, славянский язык, хор, древнерусское письмо, рукоделие, пение. Однако среди часов, отводящихся на школьный компонент и факультативы, имеются и вполне светские дисциплины, занимающие чуть менее половины часов, такие как английский язык, краеведение, этика.

На основании распределения часов можно сделать вывод, что на момент своего основания прогимназия в первую очередь давала светское образование, а православный компонент носил в первую очередь воспитательный характер и реализовывался в рамках внеурочной деятельности, например во время регулярных утренних молитв или же участия в церковной жизни. Также важное место в воспитательной работе имеют основные православные праздники, которые отмечаются в стенах учреждения. Прогимназия на момент своего появления заполнила вакуум в сфере церковного образования, образовавшийся после советской власти, привнеся разнообразие в выбор учебных заведений в городе. Во многом образование гимназии отображает дух того времени, проникновение принципов свобод и плюрализма во все сферы жизни общества. Прогимназия заняла важное место в образовании города, реализуя эти принципы в области просвещения.

Список литературы и источников

[1] Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX — начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / Аксенова А. А. [и др.]; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2019. 538 с.

[2] Устав негосударственного образовательного учреждения Енисейской православной прогимназии / КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». О/ф 10101–1.

[3] Учебный план Православной прогимназии г. Енисейска / КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». О/ф 10101–1.

[4] *Фаст* Г. Г., *Глухова* В. К. Енисейск православный: ист. очерк / 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Класс Плюс, 2018. 544 с.

Культура, досуг военного времени в Красноярском крае по документам Красноярского архива

Д. В. Карпухина,
ведущий архивист, КГКУ «*Государственный архив Красноярского края*», *г. Красноярск*

АННОТАЦИЯ Осмысливая опыт Великой Отечественной войны, нельзя не остановиться на работе учреждений культуры, во многом формировавших духовный настрой советских людей на Победу. Много уже было сказано о многочисленных трудностях того времени, но хотелось бы сказать и о том, что совершалось вопреки всей тяжести ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский край, военное время, культура, учреждения культуры, досуг.

Повседневные заботы почти не оставляли времени, но красноярцы и жители края все-таки находили возможность для посещения культурных мероприятий. В новых условиях деятельность краевого управления по делам искусств даже интенсифицировалась. В порядке шефства работники искусства обслуживали концертами госпитали, военные части и мобилизационные пункты. За первые полгода войны только по Красноярску краевым концертным бюро было дано 228 шефских концертов и 170 — силами художественной самодеятельности [1, л. 46].

Художественное сообщество внесло свой весомый вклад в дело приближения победы над врагом. За время войны для витрин ТАСС Красноярска Союз советских художников и товарищество «Художник» выпустили пять тысяч плакатов и карикатур антифашистского, патриотического и героического содержания [2, л. 4об.]. 15 июня 1942 г. в Доме Красной Армии была открыта постоянная выставка «Великая Отечественная война» из 86 живописных, скульптурных и графических работ. Наиболее актуальные по темам и интересные работы печатались на почтовых карточках и «секретках» — бланках для письма. Они пользовались и на фронте, и в тылу огромной популярностью (тираж каждой из них исчислялся десятками и сотнями тысяч экземпляров) [3, л. 4]. Так, стала узнаваемой картина Б. Ряузова «Подвиг капитана Гастелло», которая была воспроизведена на тысячах открыток [4. Л. 1]. Эта работа и «Могила фашистских пиратов» Б. Ряузова были особо отмечены среди картин краевых выставок. В 1942-м Ряузова приняли в Союз художников, но об этом он узнал уже в эшелоне, везущем его на фронт в составе 78-й Добровольческой бригады.

Красноярский драматический театр радовал зрителей разнообразными спектаклями: «Русские люди» К. Симонова, «Беспокойная старость» Л. Рахманова, «Женитьба Фигаро» Бомарше и др. В 1942 г. артисты театра им. Пушкина во время предоставленного отпуска разделились на четыре концертные бригады и выступали в колхозах, совхозах, МТС и на полевых станах Краснотуранского, Канского, Ачинского и Ирбейского районов.

В культурной жизни края также были представлены и театры, эвакуированные с запада страны. В Красноярск прибыл в своем основном творческом составе Днепропетровский государственный театр оперы и балета [5, л. 147]. Благодаря днепропетровцам красноярцы познакомились с операми «Риголетто», «Бал-маскарад», «Запорожец за Дунаем» и др. Этот театр проводил дневные и вечерние симфонические концерты и специальные представления для детей, практиковал выездные выступ-

ления, целые спектакли, а в рабочих клубах проводились лекции и тематические концерты, приуроченные к знаменательным датам.

В 1942 г. в Минусинске был размещен эвакуированный Ворошиловградский областной русский драматический театр [6, л. 122], в Канске — Украинский драмтеатр им. XX-летия Октябрьской революции [7, л. 47].

Даже в такое трудное время открывались новые театры. Исполкомом крайсовета и бюро крайкома ВКП(б) было 13.06.1943 принято решение о создании в Красноярске краевого театра оперетты на базе ансамбля оперетты под руководством З. Ю. Дагира. Его деятельность в помещении Дома культуры железнодорожников началась с оперетты «Марица» [8, л. 380–381].

Краевой кукольный театр, завоевавший признание не только детей, но и взрослых, за годы войны побывал во многих районах края, даже таких отдаленных, как Северо-Енисейский и Удерейский.

Были и оригинальные самодеятельные театры. Домохозяйка В. А. Григорьева в Норильске организовала кукольный театр, постановки которого с удовольствием смотрели не только дети, но и взрослые. В нем инсценировались материалы журнала «Крокодил», высмеивающие Гитлера и его приспешников. На фоне увеличенной обложки «Крокодила» и наиболее удачных карикатур кукла в виде Крокодила комментировала рисунки. Григорьева сама делала кукол и карикатуры, вела спектакль.

В Красноярском музыкальном училище работали классы фортепиано, скрипки, виолончели, вокальный, народных инструментов, баяна, духовых инструментов. Был создан женский струнный квартет. Проводились концерты, сборы с которых поступали, например, в фонд помощи детям фронтовиков.

В помещении Красноярского краевого краеведческого музея особый успех имела выставка Музея Арктики Главсевморпути о завоевании Севера, где были представлены портреты и автографы героев-летчиков, секстант, которым была определена точка Северного полюса, папанинская палатка с двухъярусными койками и научным оборудованием папанинцев, радиоаппаратура Э. Т. Кренкеля, позволившая станции «Северный полюс» сообщаться с миром во время дрейфа.

В архиве хранится афиша красноярской конторы «Главкинопроката» о выходе на экраны кинотеатров звукового документального фильма «Ленинград в борьбе». Это был полнометражный документальный фильм об обороне Ленинграда и жизни в блокадном городе в период с 22 июня 1941 г. по апрель 1942 г. В фильм вошли киносъемки фронтовых кинооператоров. Во всесоюзный прокат фильм вышел 9 июля 1942 г.

Объем работы библиотек, как говорится в докладной о работе Красноярской краевой библиотеки, в условиях военного времени увеличился: читателей на 01.07.1941 — 5459, выдано книг — 158 882, а на 01.01.1942: читателей — 9264, выдано книг — 261 343! За полгода было оформлено 12 выставок («Борьба русского народа против немецких и шведских интервентов в XIII–XV вв.», «Отечественная война 1812 года» и т. п.) [9, л. 4].

Раненые в госпиталях также не оставались без внимания. В протоколе заседания жюри по подведению итогов соцсоревнования госпиталей ВЦСПС Красноярского края в 1943 г. отмечалась политмассовая работа в госпитале № 3487: планово проводятся лекции, политинформации; систематически выпускается общегоспитальная газета и боевые листки; организованы кружки самодеятельности (хоровой, драматический), дают 15 раз в месяц кино и один-два раза в месяц концерты [10, л. 6–6 об., 7 об.].

Прикрепленные активисты-комсомольцы читали вслух газеты и художественную литературу, оказывали раненым помощь в написании писем, организации клубной и библиотечной работы, шахматных, шашечных соревнований, самодеятельности, художественном оформлении мероприятий и т. п. [11, л. 8–8 об.].

Представители трудовых коллективов брали шефство над госпиталями: проводили выступления агитбригад, приносили в госпитали книги, патефоны и комнатные цветы и т. п. [12, л. 21; 13, л. 32]. Сотрудники газеты «Красноярский рабочий» взяли шефство над госпиталем № 985: организовывали дежурства, в том числе ночные, дарили подарки к праздникам — яблоки, мыло, папиросы, печенье, конфеты [14, л. 26].

В госпиталях демонстрировались фильмы. Сохранилась заявка госпиталя № 1517 на кинопрокат в июле 1943 г. со списком фильмов: «Свинарка и пастух», «Чапаев», «Танкер „Дербент“», «Александр Пархоменко» и др. [15, л. 59].

Горком партии организовывал гуляния для бойцов РККА в Парке культуры и отдыха им. Горького, что отмечалось пациентами госпиталей как один из лучших видов культурного отдыха [16, л. 37–37 об.].

Проведение праздников в военное время отличалось от праздничных мероприятий мирных дней. Так, например, в Постановлении бюро Красноярского горкома ВКП(б) от 26.02.1942 говорилось о Международном коммунистическом женском дне 8 марта следующее:

> Обязать райкомы ВКП(б) 8 марта провести по городу как массовую политическую кампанию. Разъясняя огромную роль советских женщин, которую они играют в Великой Отечественной войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Восьмое марта необходимо ознаменовать увеличением числа новых стахановок, ударниц, выдвижением женщин на руководящую работу... организовать выставки, посвященные участию советских женщин в Отечественной войне... [20, л. 14–15].

В архиве хранятся документы, связанные с праздничными мероприятиями военных лет, например «План демонстрации в честь Дня солидарности трудящихся 1 мая 1942 года в г. Красноярске», плакат «Все на демонстрацию 1 Мая!» [17, л. 12–13; 18, л. 104 об.], «План демонстрации по случаю празднования годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1941 г. в г. Красноярске» [19, л. 25].

К праздникам разворачивалась активная торговля. В 1943 г. крайисполком принял решение о предпраздничной торговле основными продовольственными и промышленными товарами в городах и районах края, согласно которому с 27 октября по 8 ноября торговая сеть обязана была реализовать товаров на общую сумму в 33,9 млн рублей. Торгующим организациям было отпущено 2500 тонн картофеля, 1000 тонн овощей, 150 тонн рыбы, 90 тонн растительного масла, 60 тонн мяса, 20 тонн сливочного масла, 60 тонн сахара и конфет, 60 тонн кондитерских изделий, 2650 пар кожаной обуви, 3000 пар катанок, табак, папиросы и др.

Особое отношение было к празднованию Нового года и проведению зимних школьных каникул. Ведь так важно было подарить праздничное настроение детям — тем, кому сложнее всего в условиях нехватки порой самого необходимого — еды и одежды.

В Красноярске, Минусинске, Ачинске, Канске и Артемовске устраивались большие елки на городских площадях. Как и в наши дни, с 1 по 10 января проходили зимние каникулы школьников. 1 января в 12 часов дня на площади Революции торжественно открывали новогоднюю елку. На площади устраивали каток и ледяные горки для катания на санках, праздничное катание на лошадях. Городские организации предоставили для этого 15 пар лошадей, украшенных бубенчиками, лентами и цветами [21, л. 40].

Во всех школах проводились елки, школьные вечера, на которые приглашались артисты театров им. Пушкина, музкомедии и концертного бюро. В каждой школе были комнаты отдыха, где ребята слушали патефон, читали книги, пели песни, играли в шахматы и шашки. С 1 по 5 января проводились пионерские слеты и костры для учащихся младших классов, встречи с участниками Великой Отечественной войны.

В театре им. Пушкина для школьников давали спектакли. В Доме Красной Армии проводился 03.01.1945 бал-маскарад для учащихся 8–10-х классов с костюмированными танцами и призами за лучшие оригинальные костюмы.

Красноярские хлебозаводы готовили новогодние подарки для детей. Более 500 кг детского фигурного печенья выпустил хлебозавод № 2 для новогодних елок 1944 г. Один из цехов хлебозавода № 3 изготовил из карамельного леденца шесть тысяч различных фигурок всевозможных цветов. Фигурное печенье изготовлялось и на других хлебозаводах города.

В кинотеатре «Совкино» для школьников была организована специальная комната досуга с большой елкой. В комнате отдыха дети слушали сказки, рассказываемые артисткой концертного бюро А. Долинской, участвовали в массовых играх. Перед сеансами с детьми проводились веселые беседы.

Свыше 500 школьников 6 января 1945 г. участвовали в тактической военной игре «Борьба за знамя». В этой игре школьники применили свои военные навыки, полученные на военных занятиях в школах.

Школы проявляли заботу о семьях фронтовиков. Ученики школы № 40 организовали елки в семьях фронтовиков. Тимуровцы женской средней школы № 7, шефствующие над семьей погибшего на фронте Кулизина, к празднику организовали сбор подарков для этой семьи, обеспечили дровами, картофелем, одели детей в теплую одежду и обувь.

Главным праздником, конечно же, стал День Победы. Газета «Красноярский рабочий» от 10 мая 1945 г. разместила обращение Сталина к народу и сообщение, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая праздником Победы Совнарком СССР постановил считать 9 мая 1945 года нерабочим днем [22, л. 1].

В газете «Красноярский рабочий» была опубликована статья «Демонстрация торжества и силы» с фотографией «На митинге в Красноярске 9 мая 1945 года», передающая атмосферу того дня:

> В 6 часов утра диктор радио сообщил о победе. К 10 утра народ стекался к площади Революции. На улицах люди, встречая друг друга, вместо слова «здравствуй» говорили «С Победой!». 100 тысяч человек собралось на митинг. ...После митинга и вечером на площадях, в парках, скверах и прямо на улицах начались массовые гуляния... Праздник Победы продолжался до поздней ночи [23, л. 1об.].

Военный период стал одним из самых сложных и, конечно, примечательных в истории культуры Красноярского края. Информационный потенциал архивных фондов предоставляет широкие возможности для дальнейшего изучения данного направления.

Список источников

[1] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 812.
[2] ГАКК. Ф. П-877. Оп. 1. Д. 2.
[3] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 445.
[4] ГАКК. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 266.
[5] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 803.
[6] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 846.
[7] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 812.

[8] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 925.
[9] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 427.
[10] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 529.
[11] ГАКК. Ф. П-4047. Оп. 1. Д. 169.
[12] ГАКК. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 282.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 529.
[16] ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 759.
[17] ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 635.
[18] ГАКК. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 232.
[19] ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 635.
[20] Там же.
[21] ГАКК. Ф-41. Оп. 1. Д. 291.
[22] ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 118.
[23] Там же.

Ненцы и энцы междуречья Таза и Енисея в трудах исследователей конца XVIII — первой половины XX века

Ю. Н. Квашнин,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тобольск

АННОТАЦИЯ В сообщении дается краткий обзор научных и научно-популярных работ по истории Енисейской губернии конца XVIII — первой половины XX в. Отмечены основные исследователи, внесшие свой вклад в изучение этнических процессов в междуречье Таза и Енисея. Выявлено, что название «юраки», обозначавшее смешанную группу ненцев и энцев, так и не было расшифровано.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ненцы, энцы, Таз, Енисей, исследователи, юраки, этноним.

Работа выполнена в рамках государственного задания по теме «Социальное пространство и культурный ландшафт Западной Сибири в XVII–XXI веках: динамика, структура, функции» (№ АААА-А17–117050400150–2).

Любое научное исследование, как правило, начинается с рассмотрения источников и литературы по выбранной теме. И те и другие необходимо оценивать критически. Важно обращать внимание не только на текст произведения, но и на личность автора. Сегодня, в эпоху интернета, поиск как библиографических, так и биографических сведений стал проще, поэтому можно составить довольно полное обоснованное мнение об исследователе и его работе.

Поводом для написания данного сообщения стала проблема этимологии этнонима «юраки», которым начиная с XVII в. называли смешанную группу ненцев и энцев, кочевавших в междуречье Таза и Енисея.

В попытке расшифровки названия «юраки» мы обратились к исследованиям конца XVIII — первой половины XX в. Первые упоминания юраков в научных трудах мы находим в сочинении российского историографа Г. Ф. Миллера «Описание народов Сибири», написанном в середине XVIII в. на основе материалов Второй Камчатской экспедиции. Название «юраки», словно бисером, рассыпано по всему произведению, когда автор представляет одежду, пищу, оленеводство, рыболовство ненцев в сравнении с другими народами [20]. Ураками называет енисейских самоедов студент В. Ф. Зуев, совершивший в 1771–1772 гг. экспедицию в Березовский уезд Сибирской губернии по заданию академика П. С. Палласа [11, с. 53, 94]. В капитальном труде академика И. Г. Георги о народах, «обитающих в Российском государстве», в описании «семояди» кратко написано: «начиная от Мангазеи, еще многолюднейшие Юряки» [7, с. 4].

Два рода юраков, Береговой и Тазовский, называет в первой части своего произведения о Енисейской губернии ее первый губернатор А. П. Степанов. Правда, во второй части, описывая обычаи и обряды юраков, он не всегда отделяет их от обычаев и обрядов самоедов (энцев) [28, с. 62, 65–67, 77].

Целенаправленное изучение народов Приенисейского Севера началось со второй четверти XIX в. Первое этнографическое описание «самоедов со включением юраков» по материалам экспедиции 1842–1845 гг. в Северную и Восточную Сибирь сделал русский путешественник, географ и натуралист А. Ф. Миддендорф. Опубликованное в 1878 г., дополненное научными и статистическими материалами 1850-х — 1860-х гг., оно содержит сведения о родоплеменном составе самоедов и юраков, об особенностях

их быта, о традиционных верованиях и пр. [19, с. 660–688]. Масштабное исследование енисейских инородцев провел в 1845–1849 гг. основоположник сравнительной уралистики М. А. Кастрен. По пути следования своей экспедиции в междуречье Таза и Енисея он выделил границы расселения юраков, описал их традиционные промыслы, виды жилищ и одежды, пищи, определил особенности юракосамоедского наречия [12, 336, 337, 350–355, 359–361, 472–474, 479–482]. Небольшая этнографическая статья о юраках была написана енисейским губернским чиновником, членом-сотрудником СО ИРГО, князем Н. А. Костровым. Кроме собственных наблюдений он вставил в свою работу небольшие цитаты из сочинений А. П. Степанова и М. А. Кастрена [14]. Достаточно подробно о местах обитания юраков, их родовом составе, хозяйственных занятиях, особенностях повседневного быта, свадебных и похоронных обрядах, юридических обычаях рассказал в одной из своих работ писатель и краевед, член-сотрудник СО ИРГО А. А. Мордвинов [21, с. 28–30, 44–53]. Особенности одежды юраков (сходной с одеждой энцев) показал в сочинении о Енисейском округе врач, этнограф и фольклорист М. Ф. Кривошапкин [16, с. 151–152]. Описание жизни и быта туруханских юраков, построенное почти в той же последовательности, что и у А. А. Мордвинова, но отличающееся некоторыми деталями, имеется в книге уфимского литератора и исследователя Сибири П. И. Третьякова [31, с. 158–159; 161, 178–185]. Береговые юраки, по одежде и некоторым обычаям похожие на энцев, представлены в очерке путешественника, писателя и журналиста Вас. Ив. Немировича-Данченко [22, с. 453–459]. Лаконично, на двух страницах почти двухсотстраничного труда о Енисейской губернии, изложены сведения о юраках, занимавшихся оленеводством и рыболовством, ссыльным революционером С. Л. Чудновским [34, с. 45, 80]. Соотнести юраков с племенем Молгонзея, название которого встречается в различных источниках XV–XVII вв., попытался первый в России профессор географии, антрополог, археолог и этнограф Д. Н. Анучин [1, с. 35–37]. Пространно, но местами неточно, изобразил юраков в своем очерке золотопромышленник, писатель и географ Н. В. Латкин. Иногда у него встречаются описания обычаев и обрядов, почти дословно повторяющие отрывки из текстов А. А. Мордвинова и П. И. Третьякова [17, с. 135]. Не различая ненцев, энцев, нганасан, писал о самоедах Мангазейского уезда историк-архивист П. Н. Буцинский [5, с. 33–98].

Междуречье Таза и Енисея, имевшее большое хозяйственное значение для государства, и живущие там народы продолжали исследовать в XX в. Упоминания о юраках, занимавшихся рыбным промыслом на Енисее, встречаются в работах специалиста по рыболовству В. Л. Исаченко и управляющего государственными имуществами Енисейской губернии И. К. Окулича [23]. Краткие данные о численности юраков и сдаваемом ими в первой половине XIX в. ясаке имеются в очерке директора Минусинского городского училища и революционера И. Я. Чибизова, который обобщает сведения из работы губернатора А. П. Степанова [33, с. 386, 390]. О юраках, населявших «нижнее течение Таза до зимовья Седельникова», «по типу, языку, религии и образу жизни» не отличавшихся от тазовских самоедов, писал орнитолог, член-сотрудник нескольких научных обществ И. Н. Шухов [36, с. 36–37]. Береговому роду юраков посвящена статья ссыльного революционера, ставшего туруханским краеведом и сотрудником Академии наук К. М. Рычкова. Он говорит об этом роде как о «весьма интересном отростке Енисейских самоедов», показывая его численность и занимаемую территорию, подробно описывая образ жизни юраков [26, с. 154–191].

После революции 1917 г. интерес ученых к народам Приенисейского Севера возродился с новой силой. Описание жизни и быта юраков на р. Танама имеется у гидрографа А. Соболева [27]. Численность и места расселения юраков по материалам Всероссийской переписи населения 1920–1921 гг. показывает в одной из своих работ о туземцах Туруханского края этнограф, историк Л. Н. Доброва-Ядринцева [9, с. 8–9, 65–66]. Вслед за П. Н. Буцинским не разделил ненцев и энцев историк

С. В. Бахрушин, описывая самоедов XVII в. [4, с. 85–94]. Небольшие, но емкие характеристики туруханским туземцам дал орнитолог, председатель Красноярского отделения РГО А. Я. Тугаринов. В частности, он отметил, что юраки Таза и Енисея преимущественно малооленные, поэтому вынуждены заниматься рыболовством [32, с. 10–12].

Краткие упоминания о юраках встречаются в работах географа и геоботаника Б. Н. Городкова [8, с. 51, 63, 64], археолога Н. К. Ауэрбаха [2, с. 5, 6, 10, 11, 20], искусствоведа и этнографа Л. В. Костикова [13, с. 7, 11, 12, 49]. Границы кочевий туруханских юраков очерчены в книге географа Г. Н. Тарасенкова [29, с. 118, 130]. Этнографические заметки о самоедах-юраках Гыданского п-ова имеются в работах журналиста и писателя В. Тоболякова [1930] и енисейского губернского чиновника А. П. Куриловича [15, с. 133–139].

Во второй половине 1930-х гг. известный советский лингвист и этнограф Г. Н. Прокофьев в очерке «Ненецкий (юрако-самоедский) язык» писал, что под названием «юраки» известны ненцы «начиная с р. Таз и далее к востоку в пределах всего Таймырского национального округа и Туруханского района Красноярского края». При этом он не выделял их из общей массы ненцев ни по языку, ни по культуре [25, с. 6, 7].

Критический анализ работ предшественников провел в своей статье этнограф Г. Д. Вербов. В частности, он посчитал необоснованным соотнесение Д. Н. Анучиным племени Молгонзея с юраками [6]. Поддерживая в этом вопросе Вербова, о древних связях энцев с юраками-ненцами писал зоолог и географ Л. С. Берг [3].

Скудной и малоудовлетворительной по содержанию охарактеризовал литературу о енисейских ненцах, имевшуюся к началу 1940-х гг. в распоряжении ученых, ленинградский этнограф А. А. Попов, опубликовав свой очерк по социальному строю и религии юраков [24]. Отчасти с ним можно согласиться, ведь, как мы видим, большинство из вышеперечисленных исследователей не были профессиональными этнографами или, по крайней мере, не ставили перед собой задачу показать социальную организацию и культуру народов междуречья Таза и Енисея во всем их многообразии.

Качественно новый этап в изучении ненцев (в том числе юраков), а также энцев и нганасан начался со второй половины 1940-х гг. исследованиями этнографа Б. О. Долгих, ставшего впоследствии одним из крупнейших сибиреведов XX в. В частности, сопоставление полевых этнографических материалов с архивными данными позволило Борису Осиповичу проследить этническую историю народов, кочевавших в междуречье Таза и Енисея на протяжении нескольких столетий, уточнить происхождение этнических групп, больших и малых родов [10, с. 109–124; 1970].

Завершая обзор, необходимо сказать, что по исследованиям второй половины XVIII — начала XX в. можно составить лишь общее и не всегда ясное представление о юраках. К тому же большинство из вышеперечисленных авторов даже не пытались выяснить происхождение названия «юраки».

Список литературы

[1] *Анучин Д. Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточней стране». Археолого-этнографический этюд. М.: О. О. Гербек. 1890. 89 с.

[2] *Ауэрбах К. Н.* Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929. 30 с.

[3] *Берг Л. С.* О древнем расселении енисейских самоедов или энцев // Известия Всесоюзного географического общества. 1945. Т. 77. Вып. 5. С. 258–260.

[4] *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. // Северная Азия. 1925. № 5/6. С. 85–94.

[5] *Буцинский П. Н.* К истории Сибири. Мангазея и мангазейский уезд (1601–1645 гг.) // Зап. Императорского Харьковского университета. 1893. С. 33–98.

[6] *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 5. 1943. С. 16–23.
[7] *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 3. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 162 с.
[8] *Городков Б. Н.* Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири. М., 1926. 64 с.
[9] *Доброва-Ядринцева Л. Н.* Туземцы Туруханского края. Новониколаевск: Сибревком, 1925. 84 с.
[10] *Долгих Б. О.* О родоплеменном составе и распространении энцев // Советская этнография. 1946. № 4. С. 109–124.
[11] *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М.; Л.: Академия наук СССР, 1947. 96 с.
[12] *Кастрен М. А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М.: А. Семен, 1860. 495 с.
[13] *Костиков Л. В.* Законы тундры // Тр. полярной комиссии. Вып. 3. Л.: Академия наук СССР, 1930. 68 с.
[14] *Костров Н.* Юраки // Зап. Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Кн. II. 1856. С. 19–32.
[15] *Курилович А.* Гыданский полуостров и его обитатели // Советский Север. 1934. № 1. С. 129–140.
[16] *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. Т. 2. СПб.: В. Безобразов и К°, 1865. 381 с.
[17] *Латкин Н. В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.: В. А. Тиханов, 1892. 466 с.
[18] *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. IV. Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. С. 571–833.
[19] *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
[20] *Мордвинов А.* Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 28. 1860. С. 25–64.
[21] *Немирович-Данченко Вас. Ив.* Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1877. 528 с.
[22] *Окулич И. К.* Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. II / И. К. Окулич, В. Л. Исаченко. Красноярск: М. И. Абалаков, 1909. 31 с.
[23] *Попов А. А.* Енисейские ненцы (юраки) // Известия Всесоюзного географического общества. 1944. Т. 76. Вып. 2–3. С. 76–95.
[24] *Прокофьев Г. Н.* Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Госучпедгиз, 1937. С. 6–52.
[25] *Рычков К. М.* Береговой род юраков // Зап. Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. 3. 1916. С. 154–191.
[26] *Соболев А.* На реке Танаме // Известия русского географического общества. 1924. Т. 56. Вып. 2. С. 119–143.
[27] *Степанов А. П.* Енисейская губерния. Ч. I–II. СПб.: Конрад Вингебер, 1835. 364 с.
[28] *Тарасенков Г. Н.* Туруханский край: экономический обзор с историческим очерком. Красноярск, 1930. 517 с.
[29] *Тоболяков В. Н.* К верховьям исчезнувшей реки. М.: Работник просвещения, 1930. 120 с.
[30] *Третьяков П. И.* Туруханский край, его природа и жители. СПб.: В. Безобразов и К°, 1871. 316 с.
[31] *Тугаринов А. Я.* Туземцы Приенисейского Севера. Красноярск, 1927. С. 1–14.
[32] *Чибизов И. Я.* Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. 1914. № 9. С. 379–390.
[33] *Чудновский С.* Енисейская губерния. К трехсотлетнему юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1885. 195 с.
[34] *Шухов И. Н.* Общий обзор бассейна реки Таза. Ачинск: К. Ф. Крестников, 1915. 43 с.

Образ «новой женщины» на страницах сибирского женского журнала середины 1920-х гг.

Я. Р. Корникова,
студентка 4-го курса, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ С приходом к власти большевики центральной целью ставили укрепление своей легитимности путем расширения поддержки и доверия широких масс, где значительное место отводилось идеологическому воздействию на женскую часть населения страны. В статье автор анализирует характерные черты формируемого пропагандой собирательного образа «новой женщины», учитывая территориальные особенности Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СССР, Сибирь, «новая женщина», женский вопрос.

Октябрьская революция запустила необратимый процесс трансформации всех сфер жизни новой страны, но не менее важные изменения стали происходить в сознании российского народа. В апреле 1917 г. Максим Горький написал в своей статье: «Новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души» [8, с. 33]. Изменения «строя души» происходили под влиянием как объективных событий, так и благодаря идеологическому воздействию государства, которое нашло свое выражение в известной концепции «нового человека». На заре Советского государства российское общество было разнородно, и каждая отдельная категория населения имела свои интересы и особенности, которые власти следовало учитывать для наиболее эффективного воспитательного воздействия. Одной из самых многочисленных групп являлись женщины. Новые функции и личностные качества конкретно женского населения, соответствующие требованиям большевистского руководства, воплощались в собирательном образе «новой женщины». Основная цель данной работы — на основе материалов специализированного журнала «Красная Сибирячка» осуществить реконструкцию данного образа, формировавшегося региональной периодической печатью в середине 1920-х гг. В связи с этим поставлены и решены следующие задачи:

1. Установить личностные характеристики и поведенческие паттерны, приписываемые «новой» советской женщине, противопоставив тем самым образы «новой» и «старой» женщины.
2. Выявить используемые для этого периодикой наиболее эффективные для воздействия на массовое сознание женщин различные жанровые формы.
3. Установить характерные визуальные черты «новой женщины», использующиеся в иллюстративном материале «Красной Сибирячки».

Образ «новой женщины» — это идеологическая конструкция, включающая в себя новые женские личностные характеристики и социально одобряемые поведенческие паттерны и которая призвана служить своеобразным идеалом для советских гражданок. Как известно, условия нэпа допускали сосуществование нескольких культурных пространств — от официальной советской культуры до традиционной, сохранившейся в крестьянской среде. Рассматриваемый нами образ «новой женщины» формировался в рамках именно официальной советской культуры, но не являясь при этом единственным ориентиром для женского населения России в 1920-х гг.

Ключевым понятием в работе выступает «женский вопрос», для обозначения которого использовано следующее современное определение:

> Женский вопрос — это совокупность проблем правового, социального, политического, экономического, ценностно-нормативного характера, от решения которых зависит общественный и семейный статус женщин [2, с. 7].

Для рассмотрения исследуемой нами проблематики выбран период середины 1920-х гг. как наиболее яркий для решения женского вопроса силами Агитпропа, нацеленного на социальную мобилизацию человеческого потенциала страны для нужд форсированной индустриализации и коллективизации.

Любой образ, идеологический конструкт — это явление многомерное и разноплановое. Не претендуя на всестороннее рассмотрение вариантов трансляции образа «новой женщины», мы рассматриваем лишь небольшую часть культурного пространства, а именно региональную периодическую печать в лице журнала «Красная Сибирячка». Подобный выбор источниковой базы объясняется особым положением печатных средств массовой информации в 1920-х гг.

Целевой аудиторией журналов и газет была сравнительно небольшая часть женского населения Сибири. Во-первых, в середине 1920-х гг. грамотность женского населения была довольно низкой. По результатам переписи 1926 г., в городах и поселках городского типа процент грамотности женского населения составлял чуть больше половины — 51,1 %, а в сельской местности всего лишь 14,1 % [7, с. 49]. Значит, большая часть женского населения Сибири была просто не способна воспринять материал, публикуемый в газетах и журналах. Во-вторых, сама практика покупки и чтения журнала не была распространена в сибирских семьях, даже если в их составе есть грамотные члены. Как правило, чтение журнала осуществлялось коллективно, например в сельсовете или на лекциях делегатских собраний, то есть женщинами, которые уже пошли на сотрудничество с большевиками.

Интерес рассмотрения конкретно периодической печати объясняется тем, что именно данный способ трансляции новых идеологических установок формировал ту категорию, что называется лидерами общественного мнения. Эта категория предельно важна для пропаганды, так как она находится внутри сообщества и авторитетна для большинства. Журнал был создан по инициативе Сибженотдела — органа крайкома ВКП(б) и потому являлся транслятором директив партии в области женского вопроса, а соответственно и платформой формирования образа «новой женщины».

Работая с проблематикой «женского вопроса», невозможно обойтись без гендерной методологии, предполагающей, что гендер (социальный пол, или набор характеристик, которые позиционируются как «мужские» и «женские») конструируется в рамках определенных властных дискурсов. Данный подход сочетается со взглядами Мишеля Фуко, рассматривавшего власть как дисциплинирующую силу, управляющую своими гражданами с помощью идеологии и организации системы знаний в различных сферах, в том числе и гендерной. Таким образом, мы можем более полно рассматривать процесс формирования образа «новой женщины» раннесоветским государством в его динамике в региональных условиях Сибири. При изучении текстового массива журнальных публикаций нами применен количественно-качественный социологический метод контент-анализа, позволяющий выделить и охарактеризовать основные технологии пропагандистского воздействия на различные группы женского населения Сибири в середине 1920-х гг. Кроме этого в исследовании использованы историко-типологический и статистический методы. Методология работы с визуальной составляющей образа «новой женщины» подробно описана в диссертационной работе Е. А. Шабатура: на первом этапе необходимо истолковать видимый слой изо-

бражения, далее зафиксировать ассоциации, связанные с изображением как частью историко-культурного пространства, заключительный этап представляет собой расшифровку полученного «текста» с учетом его включенности в процесс исторической трансформации [9, с. 103].

Выпуски журнала «Красная Сибирячка» имеют достаточное количество иллюстраций, всего в 12 выпусках мы насчитали 106 изображений. Далеко не все из них несут в себе необходимую для нас информацию об образе «новой женщины». Изображения условно можно разделить на две большие группы:

1. иллюстрации с женскими персонажами — 48,1 % от общего числа изображений;
2. прочие изображения (пейзажи, мужские одиночные персонажи и пр.) — 51,9 %.

Наше внимание было сконцентрировано на женских персонажах, изображения с которыми, в свою очередь, также можно разделить на две группы: индивидуальные (84,3 %) и групповые (15,7 %).

Иллюстраций с группой женщин сравнительно немного, и, как правило, они содержат мало деталей. Женская масса изображена безликой, без каких-либо отличительных особенностей. Определить род деятельности персонажей или испытываемые ими чувства на подобных изображениях представляется возможным только при обращении к тексту, который данная иллюстрация сопровождает. Индивидуальные изображения, конечно, изобилуют деталями, благодаря которым можно определить род деятельности, классовую принадлежность изображенной женщины, ее эмоции, характер и т. д. Классифицировать индивидуальные изображения можно по классовой принадлежности: работницы, крестьянки и «классово-чуждые» представительницы буржуазии. Еще одна категория индивидуальных персонажей выбивается из ранее предложенного деления. Этой категорией являются так называемые восточные женщины — представительницы коренных народов Сибири. Две последние выделенные категории не относятся к образу «новой женщины», а скорее транслируются для противопоставления с ним.

Яркой отличительной чертой и работницы, и крестьянки является наличие косынки. Лишь на двух изображениях женщины изображены «простоволосыми», при этом интересно заметить, что одна из двух героинь находилась без косынки в положении домработницы у «буржуев», а во время разговора с красноармейцем о вступлении в женотдел косынка на месте. Помимо этого отличительной визуальной чертой «новой женщины» могут быть: наличие книги или материалов для письма, знамя, нахождение рядом с портретом Ленина или мавзолеем. Интересно противопоставление «новой женщины» с единственным на страницах журнала за 1925 г. образом «буржуйки». «Новая женщина» одета просто, но опрятно, здорова и сильна телом, фигура имеет грубоватые черты, что значит готовность к работе и новый статус женщины. Она больше не просто украшение, а полноценная работница и участница общественных процессов. «Буржуйка», в свою очередь, изображена со сложной укладкой и кистью для нанесения пудры в руке, воплощая собой прежние идеалы [3, с. 18]. Также противоположностью свободной «новой женщины» являются представительницы коренных народов Сибири. Яркой иллюстрацией их положения является изображение, на котором муж замахивается кулаком на свою жену [4, с. 6].

Еще одной формой подачи этих идей в «Красной Сибирячке» были литературные произведения (стихи, рассказы, иногда частушки). В структуре каждого выпуска журнала имелся раздел «Рассказы и стихи». Данные художественные средства выступали в качестве основного инструментария, так как советские идеологи полагали, что данный вариант воздействия на более эмоциональную женскую аудиторию наиболее эффективен. Различные произведения оказывали влияние именно на чувства, нежели на разум читательниц.

Наиболее важными считались такие жанры, как очерк и рассказ. Рассказы часто печатались в нескольких номерах с продолжением. Оба жанра позволяют не просто

«проиллюстрировать» актуальные лозунги, а создать убедительный жизненный сценарий, отличающийся сложностью и включающий множество аспектов. Подобные литературные произведения, как правило, состояли из типичных элементов, которые менялись в зависимости от повестки дня [5]. Для рассказов характерна определенная «правильная» модель поведения, а также привлекательный образ женщин-общественниц (они обладают лучшими личностными качествами). Стихи и частушки занимали очень важное место. Поэтизация становилась одним из важнейших приемов производственной пропаганды. «Новые» девушки и женщины в литературных произведениях, публикуемых в «Красной Сибирячке», отвергали религию и обычаи, стремились к грамотности.

Важным изменением, над которым работали советские идеологи, выступала выработка ориентиров при выборе мужа, где приоритет отдавался принадлежности избранника к комсомолу, партии. Соответственно в противовес честному бедняку формировался негативный образ «кулака». Вот как описывался «кулак», который решил жениться весной, чтобы не нанимать работницу за деньги:

> Подходит весна, ему нужна работница, а нанять — дорого стоит, да еще застраховать надо... Долго Кияров придумывал выход из тяжелого положения, наконец надумал. Позвал сына и сказал ему: «Ловко придумано», — если она будет твоей женой, не придется платить ей ни жалованье, ни страхование [1, с. 22].

Моделировались жизненные сценарии, где женщинам предлагалось самим занимать деятельную позицию, принимать решения для изменения своей нелегкой судьбы. Сама «нелегкая судьба» демонстрировалась с помощью «зарисовок из жизни»:

> Вот, например, такая картинка: в селе идет общее собрание. К месту собрания подходит пьяный мужик. Вызывает жену, которая присутствует на собрании вместо мужа. Когда жена вышла на улицу, муж погнал ее домой, сопровождая это побоями и матерщиной [6, с. 17].

Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием: предлагалось самостоятельно освободиться из «семейных оков». Советская власть уже положила этому начало. Авторы стихотворений вкладывают в уста своих лирических героинь слова о роли советской власти в раскрепощении женщин. Героиня при этом всегда морально сильна и готова аргументированно отстаивать свое новое положение перед самым ярым противником ее «раскрепощения» — мужем или отцом.

Таким образом, советская пропаганда создавала сразу два противоположных образа женщины 1920-х гг. На одном полюсе рисовался «темный мир прошлого», в котором женщина «закабалена» собственной семьей, на другом, соответственно, «новая советская женщина», которая общественно активна, политически эрудирована и имеет равные права с мужчиной. Важно понимать, что аудитория женских журналов была малограмотной, поэтому, например, повторение в образной, запоминающейся стихотворной форме наиболее важных в 1920-х гг. положений политики большевиков было действительно эффективно. «Красная Сибирячка» — журнал, который успешно справлялся с задачей формирования образа «новой женщины», сочетая в себе актуальное тематическое содержание и новые формы его преподнесения, тем самым выполняя важнейшие государственные задачи социально-экономического, политического и культурного характера.

Список литературы

[1] Иванкинская делегатка. Ловко придумано // Красная Сибирячка. 1925. № 6–7. С. 22–23.
[2] *Карченкова* Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 24 с.
[3] Красная Сибирячка. 1925. № 2–3. 40 с.
[4] Красная Сибирячка. 1925. № 5. 32 с.
[5] *Минаева* О. Д. Приемы производственной пропаганды для женщин в годы индустриализации (по материалам журнала «Работница») // Вестник Московского университета. 2014. № 4. С. 148–161.
[6] *Огурцов* А. Трудно перешагнуть // Красная Сибирячка. 1925. № 4. С. 17.
[7] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.
[8] *Хелльбек* Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
[9] *Шабатура* Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск. гос. университет. Омск, 2006. 230 с.

История региональной кинодокументалистики (на материале Красноярского края)

Н. В. Кострыкина,
соискатель кафедры культурологии и искусствоведения ГИ СФУ,
преподаватель кафедры журналистики и литературоведения ИФиЯК СФУ,
редактор УПЛ «ТВ СФУ»

АННОТАЦИЯ В докладе представлен авторский опыт изучения и восстановления исторических данных в сфере документального кино Красноярского края с момента его становления до 2012 г. Работая с комплексом фрагментарных сведений, автор в основных чертах восстанавливает и обзорно излагает ход истории региональной документалистики. Отсутствует достаточная теоретическая разработка имеющегося в наличии эмпирического материала: воспоминаний участников событий — красноярских сценаристов и режиссеров, публикаций в периодической печати, документальных кинолент. Существует обширная научная база по истории отечественного документального кино, но творчеству красноярских режиссеров не уделено должного внимания. Выборочная совокупность фильмов для анализа состоит из 97 кинодокументов разных периодов отечественной истории (1913–2012).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА история документального кино Красноярского края, красноярские кинодокументалисты, Красноярский филиал Свердловской киностудии, региональная кинодокументалистика, сибирские режиссеры, Красноярская киностудия, сибирская кинодокументалистика.

Истории отечественного документального кино посвящена богатая научная литература. Данная тема исследована в трудах Н. М. Зоркой, Г. С. Прожико, Л. Н. Джулай, М. С. Звонаревой, И. Беленького, Т. Н. Зориной, С. А. Муратова, Д. Вертова, Н. А. Агафоновой, Л. В. Кулешова, Н. Б. Кирилловой и др. [1, 2, 3, 4, 6, 7, 13, 16, 17]. Однако в работах этих авторов не нашла отражения история кинодокументалистики Красноярского края. Между тем творчество красноярских кинодокументалистов дает обширный материал для исследования.

Целью данной статьи является краткий обзор истории документального кино Красноярского края со времени становления до 2012 г. и создание теоретического фундамента для более полного и глубокого анализа ключевых событий и особенностей развития краевого неигрового кинематографа. Источниками для исторической реконструкции красноярской кинодокументалистики являются воспоминания сценаристов и режиссеров; публикации в периодической печати («Красноярский рабочий», «Тайга.Инфо», «Красноярская газета», «Петербургский некрополь»); научные статьи автора в журналах «Северные архивы и экспедиции», «Сибирский антропологический журнал» [10, 11]; документальные фильмы, принадлежащие Государственному фильмофонду, оцифрованному архиву Красноярской киностудии.

Зарождение кинематографа в Красноярском крае связано с именем первого в истории региона кинооператора, кинохроникера Красноярска М. П. Чулкова (1881–1942).

> Местный фотограф М. П. Чулков в 1913 году снял фильм «Живая хроника Красноярска», в котором нашло отражение пребывание в городе известного полярного исследователя Ф. Нансена [5].

Первый киносеанс состоялся в Красноярске в 1897 г., а в начале XX в. в городе действовало уже три частных кинотеатра. Сибиряки восприняли кинематограф не только как разновидность досуга, но довольно быстро овладели им как профессией [12].

Следующая веха в истории документалистики Красноярского края (60–80-е гг.) — творчество режиссера и оператора, заслуженного деятеля искусств РСФСР Ю. Ледина — сотрудника Норильской студии телевидения [10]. Его фильмы — победители и призеры престижных международных фестивалей («Белый медведь», «Северный морской котик» «А кругом тундра», «Олененок», «Моржи», «Краснозобая казарка», «На оленьей тропе»).

В это же время на красноярском телевидении развивает отечественную кинодокументалистику еще один автор-первопроходец — кинорежиссер и кинооператор Ю. Устюжанинов — обладатель звания «Почетный кинематографист России», лауреат международных, всесоюзных и всероссийских кинофестивалей. Его кинодокумент «Плотина» является хроникой строительства Красноярской ГЭС. Ю. Устюжанинов оставил землякам обширный киноархив, отражающий историю региона второй половины XX в. Среди его видеосвидетельств знаковых событий в крае — визит Фиделя Кастро в Красноярск и приезд Юрия Гагарина на Красноярскую ГЭС [11].

В 1982 г. по инициативе первого секретаря Красноярского крайкома КПСС П. С. Федирко в Красноярске открывается творческое объединение по производству хроникально-документальных фильмов, являющееся филиалом Свердловской киностудии [9], которая подчинялась непосредственно Государственному комитету по кинематографии при Совете министров РСФСР (Госкино), финансировавшему все российские киномастерские. Ежегодно в филиале выпускалось пять документальных фильмов и двенадцать киножурналов «Енисейский меридиан». Красноярская киностудия отличалась от всех других гораздо большей свободой творчества [10], где была проведена большая работа по формированию творческого коллектива, по отбору из числа выпускников ВГИК, наиболее способных и талантливых. В частности, Сергей Мирошниченко снял в Красноярске три сюжета: «Госпожа тундра» (1986), «Частушка — XX век», «А прошлое кажется сном» (1988). Именно в 80-х Красноярское творческое объединение считали полигоном для молодых дарований, открытым для реализации самых дерзких проектов.

Расцвет кинодокументалистики в Красноярском крае связан с фильмами В. Кузнецова («Плотина», «Такая долгая зима», «Русский узел», «Позиция», «Предчувствие»), С. Богданова («Где поле битвы — сердце человека»), Л. Улановой («Ибо я одинок»), В. Заволжина («Меня убили много раз»), А. Болотина («Отшельники»). Эти картины отличались смелостью, имели жесткое противостояние с прежней политической системой.

Красноярская киностудия как государственное предприятие перестала существовать в 2008 г. До этого времени она получала госзаказ и соответствующее финансирование, как и другие студии страны: Западно-Сибирская, Иркутская, Казанская, Нижневолжская, Саратовская, Ростовская, Северокавказская и т. д. В нулевых в Красноярске образовалось несколько частных творческих объединений: АНО «Киностудия АРС» документалиста И. Зайцевой, сохранившая бренд ООО «Красноярская киностудия» режиссера А. Калашникова, АНО «Архипелаг» Э. Астраханцевой и др. [10]. Эти творческие объединения самостоятельно изыскивали бюджет на производство фильмов. В 2014 г. министерство культуры Красноярского края объявит грантовый конкурс по программе «Документальное кино Красноярья», а первые фильмы по выделенным средствам снимут в 2015 г.

Проведя анализ некоторых документальных фильмов красноярских режиссеров, можно сказать, что, с одной стороны, их киноленты отражают историю России, глобальные социальные процессы и явления, касаются острой международной проблематики. С другой стороны, наши документалисты создают аутентичное — характерное именно для Красноярского края кино с определенным тематическим спектром, поднимая в своих кинолентах пласт локальных проблем, волнующих

в основном только самих жителей региона. Такой разносторонний подход режиссеров к выбору тем, их профессионализм, выраженный в объективности с умеренной субъективной составляющей авторского киноязыка, в раскрытии характеров и историй героев, удачном использовании различных художественно-выразительных технических средств, дают право считать их документальные фильмы феноменом культуры региона и страны, бесценными кинодокументами для сохранения культурного наследия Красноярского края.

Литература

[1] *Агафонова* Н. А. Искусство кино: этапы, стили, мастера: пособие для вузов / Н. А. Агафонова. Тесей, 2005. 192 с.
[2] *Беленький* И. Лекции по всеобщей истории кино: годы беззвучия. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина, 2008. 416 с.
[3] *Вертов* Д. Статьи, дневники, замыслы. Москва: Искусство, 1966. 320 с.
[4] *Джулай* Л. Н. Документальный иллюзион: отечественный документализм. Опыты социального творчества. М.: Материк, 2005. 240 с.
[5] *Зайцева* И. Б. Чулков Михаил Прокофьевич // Официальный портал Красноярского края. Режим доступа: http://www.krskstate.ru/nasledie/chulkov_mp (дата обращения 23 октября 2019).
[6] *Звонарёва* М. С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации (2019). Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41520454 (дата обращения 7 января 2020).
[7] *Зоркая* Н. М. История советского кино. СПб., 2005. 544 с.
[8] Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX века) / Г. Ф. Быконя, В. И. Фёдорова, В. А. Безруких. Красноярск, 2015.
[9] История Красноярского края. Т. 1. Культура. Красноярск: Буква, 2008. С. 66.
[10] *Кострыкина* Н. В. Воспоминания сценариста, руководителя Красноярской киностудии А. А. Михайлова как источник по истории региональной документалистики// Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №1. С. 104–112.
[11] *Кострыкина* Н. В. Становление и развитие кинодокументалистики в Красноярском крае // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №3. С. 205–215.
[12] Красноярье: пять веков истории. Ч. 1. Красноярск: Группа компаний «Платина», 2005. 240 с.
[13] *Кулешов* Л. В. Статьи. Материалы. Москва: Искусство, 1979. 239 с.
[14] *Муратов* С. А. Документальный телефильм. Незаконченная биография. Москва, 2009. 361 с.
[15] Фонд архива кинохроники и документальных фильмов. Режим доступа: https://www.net-film.ru/about/ (дата обращения 10 мая 2020).
[16] *Хилько* Н. Ф. Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество. Омск, 2010. 99 с.
[17] *Кириллова* Н. Б. Уральское кино: время, судьбы, фильмы: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 432 с.

Этнический театр нанайцев в контексте межкультурной коммуникации

Я. С. Крыжановская,
доктор культурологии, доцент,
зав. кафедрой культурологии и музеологии,
Хабаровский государственный институт культуры, г. Хабаровск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена первому нанайскому театру, работавшему в 1934–1940 гг. в национальном с. Найхин. На основе архивных источников восстановлен репертуар, включавший инсценировки сказок, обрядов, а также политически злободневные интермедии. В стилистике выявлено совмещение двух языковых кодов: «традиционного», связанного с фольклором, и «современного», появившегося под влиянием русского театра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА нанайцы, любительский театр, фольклорный театр, этнический театр, культура 1930-х гг.

Дальний Восток России — огромная территория со своей неповторимой культурной спецификой. Среди факторов, определяющих своеобразие региона, особое место занимает наличие палитры аборигенных культур. Уменьшенную модель полиэтнического взаимодействия представляет Амуро-Сахалинская этнографическая область, где наряду с палеоазиатами-нивхами проживает несколько тунгусо-маньчжурских этносов, наиболее многочисленным из которых являются нанайцы. Своеобразная культура этого народа с середины XIX в. привлекает внимание исследователей, однако практически отсутствуют работы, посвященные театральности. Словосочетание «нанайский театр» до сих пор воспринимается менее привычно, чем, например, «нанайский орнамент». Однако такой театр существует.

Этнический театр на юге Дальнего Востока стал детищем 1930-х гг. — сложного периода в истории региона, когда произошел резкий скачок уровня социальной и пространственной мобильности населения, связанный с началом социокультурных изменений. В рамках Сибирского форума, одним из направлений которого является история Сибири в контексте мировой и российской истории (а Дальний Восток долго рассматривался как часть Восточной Сибири), тема, связанная с деятельностью этого театра, актуальна по двум причинам. Во-первых, нанайский театр, работавший в с. Найхин с 1934 по 1940 г. и получивший статус профессионального, — это, как принято сейчас говорить, знаковое явление. В театрально-музыкальной сфере за советский период только два явления нанайской культуры имели подобный резонанс. Это найхинский театр 1930-х гг. и в более поздний период творчество заслуженного артиста России, нанайского певца Кола Бельды. Во-вторых, проблематика, связанная с театром (как и творчество К. Бельды), не может быть рассмотрена только в контексте нанайской культуры. Как ни парадоксально, но рождение этнического театра стало результатом межкультурного взаимодействия, — между русской и нанайской культурами.

Нанайская культура к началу XX в. не знала театральных форм. Однако зрелищная сфера, включающая шаманские камлания, ритуалы, игры, стала базой, на которой потенциально мог сформироваться театр. Предполагаем, что,

> находясь нанайцы еще какое-то время в условиях относительной культурной изоляции, они создали бы свой фольклорный театр [6, с. 65].

Но произошло иначе, — стремительное рождение театра было инициировано усилившимся влиянием русской культуры, а также активной национальной политикой государства.

Важной чертой постреволюционных десятилетий стало общественное внимание к искусству сцены. Новая власть всячески содействовала рождению самодеятельных театров на национальных окраинах, в том числе среди коренных малочисленных этносов Дальнего Востока, рассматривая театр как инструмент формирования нового понимания действительности. Появившийся в изменившихся исторических условиях, театр аборигенов формировался как результат межкультурного взаимодействия, его истоками стали не только фольклор, но и русский театр. Примером этого служит история единственного профессионального нанайского театра.

В начале 1930-х гг. преподаватели ленинградского Института народов Севера, готовящего педагогические и партийные кадры для туземных районов, заметили интерес студентов к театру и предложили его организовать, — с опорой на фольклор, но без искусственной консервации этнографической экзотики. Первым опытом стала пьеса «Сайла», созданная студийцами и посвященная судьбе нанайской женщины в дореволюционных условиях. Сюжет, весьма характерный для пропагандистских постановок послереволюционных лет, соединял реалии традиционной культуры с темой общественных изменений: нанайская девочка Сайла с рождения обещана богатому жениху, но жизнь меняется, и в день свадьбы героиня выступает против отжившего дедовского обычая. Спектакль прошел с успехом. И хотя на сцене присутствовал определенный этнографический натурализм в показе «старого» быта, противопоставляемого воспеваемой «новой» жизни, тема социального неравенства оказалась близка молодой аудитории.

Позднее, по возвращении домой, студенты-нанайцы решили возобновить театральный опыт, — и с 1934 г. в Найхине начал работу театральный кружок под руководством выпускника ИНСа Б. Ходжера. Спустя всего год местными властями было принято решение о создании

> нанайского передвижного театра с актерами в количестве восемнадцати человек с целью поднятия и развития национальной и общей культуры колхозников [5, с. 80].

Первые три года участники коллектива играли преимущественно пьесы собственного сочинения, основанные на местных реалиях, либо заимствованные и приспособленные к амурской специфике. Именно так в репертуаре появилась мелодрама А. Н. Островского «Без вины виноватые» на нанайском языке в национальных костюмах: приближение текста к местным условиям было понятнее жителям таежных стойбищ, чем быт русского купечества.

До наших дней тексты пьес не сохранились. Возможно, текст вообще отсутствовал (так как часть артистов была неграмотна) и исполнители пользовались сценарием, импровизируя на его основе. Такой характер исполнения соответствовал полуфольклорной природе спектаклей, где разговорные диалоги чередовались с вокальными и хореографическими номерами. Да и сама природа любительского творчества определяла отношение участников к постановкам как к «искусству здесь и сейчас», не рассчитанному на продолжительную жизнь.

Участники театра проявляли себя не только как драматические актеры, но и как певцы, танцоры и музыканты, что существенно расширяло возможности коллектива. Его выступления

> включали песни, танцы (в том числе русские, для которых были сшиты специальные костюмы), игру на музыкальных инструментах, акробатические этюды на популяр-

> ную оборонно-физкультурную тему, инсценировки национальных игр (фехтование на палках, борьба нанайских мальчиков и др.) [6, с. 62].

Традиционно пение и танец существовали у нанайцев лишь в контексте обряда. Под влиянием профессиональной традиции происходит вычленение элементов обрядового синкретизма. Песня становится самостоятельным произведением, появляется практика ансамблевого и хорового пения в сопровождении баяна, в результате трансформации ритуального танца рождается танец сценический. Если в народной традиции существовало сольное исполнение на музыкальных инструментах, то теперь появляется ансамблевая игра. Кроме привычных для нанайцев шаманского бубна и однострунной скрипки *дуучиэкэ* в театральных программах театра из Найхина звучали балалайка, баян, мандолина, скрипка, гитара, на которых участники исполняли фольклорные обработки и собственные сочинения.

Коллектив несколько лет был центром культурно-просветительной работы в регионе. Об огромном интересе, вызванном самобытным театром, говорит и то, что профессиональные художники создали портреты его участников, экспонируемые в музеях Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

В отчетах краевого управления по делам искусств театр значится как «стационарный нанайский драматический театр на 200 мест» [3, л. 94]. Он «обслуживал население соседних сел, леспромхозов, где артистов всегда встречали очень тепло, участвовал в краевых олимпиадах и фестивалях в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре» [1, л. 31]. В документах отмечается высокое качество спектаклей любительского коллектива, «по своему художественному уровню не уступающих постановкам крупных краевых театров» [2, л. 147]. Как следствие, с 1939 г. театр стал профессиональным, а его штат увеличился до 25 человек. При этом повышение статуса являлось политическим авансом: вряд ли коллектив, где участники не имели должной подготовки и совмещали игру на сцене с хозяйственными работами, мог считаться в полном смысле профессиональным.

В этот период появляются новые репертуарные перспективы. В начале 1930-х гг. из-за этнической специфики и удаленности у театра не существовало иной возможности, кроме самостоятельного создания пьес, но позднее центральные издательства осуществили перевод и публикацию произведений русской и советской литературы на национальных языках народов Севера. На найхинской сцене на нанайском языке ставят «Женитьбу» Н. Гоголя, отрывок из романа Д. Фурманова «Мятеж», лирическую драму А. Корнейчука «Платон Кречет», пьесу А. Арбузова «Шестеро любимых» и др. [3, л. 59–60].

К концу 1930-х гг. у успешного и очень популярного в регионе театра обнаружились проблемы, который коллектив не мог решить самостоятельно. Весной 1940 г. исполком нанайского Совета отмечает:

> ...качество работы нанайского театра в настоящий момент не удовлетворяет возросшим культурно-политическим запросам нанайского народа [4, л. 35].

Исходя из этого, исполком выступил с предложением к вышестоящему управлению по делам искусств принять срочные меры для исправления критической ситуации. Среди них —

> ходатайство о создании в 1940/1941 уч. г. нанайской студии-курса в Государственном театральном институте для подготовки актеров, помощь в создании репертуара — как национального, так и переведенного на нанайский язык, укрепление художественного руководства [4, л. 36].

Тихонов Н. С. Майла Бельды — нанайская артистка. 1937. ДВХМ, г. Хабаровск

Цивилев Г. А. Играющий на скрипке. 1935. ГКМ, г. Комсомольск-на-Амуре

К сожалению, ничего из предложенного на практике не реализовалось, и к осени 1940 г. нанайский театр был закрыт.

Подводя итоги его деятельности, отметим, что этот национальный коллектив, решавший просветительские и идеологические задачи, был создан местной интеллигенцией, молодежью как инструмент пропаганды новых ценностей. В ситуации отсутствия регулярного культурного обслуживания жителей отдаленных стойбищ участники играли свои постановки для людей, театра никогда не видевших. Спектакли решали задачи больше коммуникативные, чем художественно-эстетические, что определило наличие самостоятельных стилевых пластов или кодов, которые актуализировались в зависимости от конкретной ситуации. Само время обусловило присутствие в стилистике найхинского театра «современного» кода, возникшего благодаря взаимодействию с русским-советским театром (в том числе такой его разновидностью, как театр рабочей молодежи), привлекательного для молодой аудитории, ориентированной на «новую жизнь». Эстетика ТРАМа, носителями которой выступали в основном национальные кадры, вернувшиеся после учебы в ИНСе, была ориентирована на создание злободневных агитационно-политических спектаклей, где все элементы (слово, музыка, танец, песня, спортивные упражнения и т. п.) равноправны. Эти характеристики — в этнически окрашенном варианте — присутствовали и в нанайских постановках: песни, танцы, спорт являлись важной приметой нового молодежного быта.

Разумеется, актерского мастерства в профессиональном понимании у найхинских актеров не было и быть не могло:

> в деятельности нанайского театра «современная» стилистика в значительной степени была связана с решением злободневных политических задач, с карикатурным высмеиванием старого и воспеванием нового, с революционной образностью, которую с энтузиазмом воспринимали представители этнической интеллигенции. Художественные качества постановки оказывались вопросом второстепенным [6, с. 62].

Важнее и актуальнее в той ситуации оказывалось соответствие содержания спектакля общественным настроениям и вызовам, а зрительский успех напрямую зависел от злободневности представляемого на сцене.

Для раннего нанайского театра, полуфольклорного и полулюбительского, наряду с «современным» важен был «фольклорный» код, связанный с опорой на традиции этнозрелища. Все участники театра являлись носителями нанайской культуры и языка, владели основами этнической хореографии, манерой пения и инструментального музицирования. В спектаклях на местном материале неизбежно присутствовал показ традиционных вещей и костюмов, то есть элементы типичного для любого народного театра «вещного действа»:

> насыщенная фольклорно-мифологическими смыслами предметно-визуальная среда в значительной степени определяла художественные качества спектакля [6, с. 63].

Сценический жанр допускал театрализованное воспроизведение обряда, при этом происходящее теряло связь с религиозными представлениями и воспринималось лишь с художественной стороны. И в этом случае не важно, что ритуалы показывались как часть «ушедшей» жизни. Даже при гротескной трактовке нельзя не учитывать, что появление шамана на сцене давало легальную возможность показать красочный обряд как элемент спектакля, а исполнители шаманских плясок награждались аплодисментами.

Таким образом, в деятельности театра из Найхина, соединившего эстетику ТРАМа и традиции фольклора, народное начало уравновешивало и смягчало агитационную патетику. Однако, при всей уникальности, судьба театра оказалась недолгой. Причины ликвидации были связаны с новыми государственными приоритетами. К 1940 г. на смену национальной политике приходит классовый подход, нивелирующий этническую специфику. В целях объединения наций, формирования «советского народа» ликвидируются этнокультурные институты, в том числе театры. Все это не позволило единственному профессиональному нанайскому театру продолжить свою работу и стать серьезным явлением в театральной культуре Дальнего Востока.

Список литературы и источников

[1] ГАХК. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 2. Приказы по Дальневосточному краевому управлению по делам искусств за 1937 г.

[2] ГАХК. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 4. 6, 7, 8. Приказы по хабаровскому Управлению по делам искусств за 1939–1940 гг.

[3] ГАХК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 321. Материалы по социальному строительству в ДВК за 1923–1936 годы, о культурном строительстве в северных национальных районах.

[4] ГАХК. Ф. 1747. Оп. 1. Д. 14. 75, 78. Документы Исполнительного Комитета Нанайского районного Совета депутатов трудящихся (с. Троицкое на Амуре) за 1939–1940 гг.

[5] *Гамалей С. Ю.* Государственная политика в области театрального дела на советском Дальнем Востоке: 20-е — 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2005. 210 с.

[6] *Крыжановская Я. С.* Рождение амурского театра (1920–1940-е гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. №1. С. 58–66.

Норвежская экспедиция в Туву 1914 г. и книга Эрьяна Улсена

А. К. Кужугет,
доцент, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл

АННОТАЦИЯ В докладе представлены сведения о малоизвестной этнографической экспедиции в Туву норвежских ученых, состоявшейся в 1914 г. под руководством Эрьяна Улсена, и его книге по материалам путешествия «Et primitivt folk — de mongolske ren-nomader — med illustrationer», изданной в 1915 г. на норвежском языке, на других языках она не издавалась. В книге подробно описаны особенности материальной и духовной культуры тувинцев-тоджинцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА тувинцы-тоджинцы, образ жизни, традиционная культура, обычаи, религиозные обряды.

В конце XIX — начале XX в. Тува (тогда Урянхайский край, или Сойотия) вызывала небывалый интерес у ученых и путешественников из разных стран, особенно у русских исследователей, поскольку была отдельной соседней страной — биологов, этнографов, историков, инженеров, лингвистов, торговцев, золотопромышленников, разведчиков. За два-три десятилетия в ней было проведено около пятидесяти экспедиций, практически по каждой была написана книга в форме дневников, очерков, секретных донесений, научных трудов [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Точное количество написанных в то время трудов неизвестно, так как многие рукописи до сих пор не изданы, есть также книги на иностранных языках, и в России они не издавались.

Огромный вклад в популяризацию трудов о Туве данного периода внес президент РГО Сергей Шойгу, издавший уникальную антологию «Урянхай. Тыва дептер» в семи томах [8], включающую в себя десятки трудов, не доступных ранее простому читателю, поскольку хранились в архивах музеев, научных библиотеках, частных коллекциях.

Норвежский зоолог Эрьян Улсен — один из многих путешественников, которого не знают ни в России, ни в самой Туве. Известна только одна статья о нем исследователя Кристины Вешняковой «По следам потерянной экспедиции» [1]. В настоящее время нами готовится к изданию его книга «Et primitivt folk — de mongolske ren-nomader — med illustrationer» на русском языке (перевод с норвежского на английский Мортен Абилдснес и Пипа Пальякка, с английского на русский — Татьяны Мининой).

Надо сразу оговорить смысл названия: дословный перевод: «Примитивный народ. Монгольские кочевники-оленеводы». Однако, как нам кажется, более правильно автор книги охарактеризовал тоджинцев в главе «Национальный тип»: «Это в высшей степени самобытный народ, а посему он представляет наибольший интерес с точки зрения этнографии». Нами издано несколько старых рукописей, и стал уже привычным несколько пренебрежительный, колонизаторский, снисходительный тон по отношению к малым народам Севера и Сибири в конце XIX — начале XX в. В то время это было в порядке вещей, и современный тувинский читатель отчетливо это осознаёт, поэтому название книги останется дословным.

Экспедиция состоялась в 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны. Участниками экспедиции были четыре человека: Г. Принц, хранитель музея «Виденскабсселскабет» (научного общества) в Тронхейме, Андерс К. Улсен, геолог из Кристиании (старое название Осло), Фриц Йенсен из Ставангера и Иосиф Гущин

Тувинский шаман

Русские поселенцы

из Минусинска. Подготовка к экспедиции длилась два года, планировалось за два сезона собрать обширный материал по археологии, этнографии, антропологии, зоологии, минералогии.

К. Вешнякова выяснила, что «для того чтобы вести раскопки в Сибири, Ульсену было необходимо получить разрешение от Императорской археологической комиссии (ИАК), которая контролировала работы, проводившиеся систематически в Сибири. ИАК выдавала специальный документ, разрешающий ведение раскопок, и требовала подробного отчета о результатах работ... ИАК просит Красноярский музей сообщить подробности переговоров с норвежским музеем и напоминает, что музей не имеет права сам заниматься обменом экспонатов с норвежским музеем. Красноярский отдел Императорского Географического общества в свою очередь отвечает столичным чиновникам, что никаких предложений Норвежскому историческому музею не делал.

> «Красноярский музей есть прежде всего хранилище местных предметов. Красноярский музей, понимая задачи и цели своей работы, всегда отклонял и будет отклонять аналогичные предложения, руководствуясь в этих случаях интересами научных задач» (подп.: Консерватор музея А. Мураринов). В связи с таким ответом ИАК экспедиция была отложена [1, с. 165].

Тем не менее в 1914 г. поездка состоялась, ее финансировали меценаты, поскольку, по мнению К. Вешняковой,

> экспедиция, по всей видимости, представлялась неким национальным достоянием, стала символом национальной гордости, затрагивала вопросы этноса. Организация экспедиции стала некой патриотической идеей. Не стоит забывать, что это был вопрос также государственного имиджа — это должна была быть первая норвежская экспедиция, посланная в Сибирь [1, с. 166].

И это действительно так, в то время в Туве уже побывала на Тодже у тувинских оленеводов экспедиция англичанина Дугласа Каррутерса [9], и Улсен писал, что его книга наделала много шума в Европе, в частности в Норвегии, ученые просили его отправиться конкретно в Туву и выяснить, есть ли общие черты между тувинскими оленеводами и норвежским северным народом: саамы. Действительно, в книге описаны многие общие черты между двумя народами, но, очевидно, это связано в пер-

Эрьян Улсен

Тувинские ламы с буддийскими музыкальными инструментами на фоне Тоджинского храма

вую очередь со схожим образом жизни и хозяйственной деятельностью: кочевым оленеводством. Так, Улсен отмечал, что «сойотская песня очень похожа на саамский йойк». Рассказывая о тувинских шаманах, он также находил общие черты с обрядами саамских шаманов: «они также вводили себя в бессознательное состояние». Улсен писал, что «у сойотского шамана характерный способ путешествовать, о его встречах с медведем, кукушкой и филином — т. е. с животными, которые занимают особое место в саамской традиции». Схожие черты автор книги нашел и в традициях общения тоджинцев с духами: «обожествление природы тоже находится у сойотов на примитивном уровне. В этом они очень схожи с нашими саамами (какие те были в прошлом), а также с некоторыми народностями Северной Сибири». Священные птицы сойотов — кукушка, лебедь-кликун, а также тундровый или малый лебедь «почитаются таковыми и у саамов».

Наиболее ценными в книге Улсена являются этнографические материалы о тоджинцах. Он очень подробно описал образ жизни тувинских оленеводов: форму жилища, внутреннее убранство юрты, предметы одежды и атрибуты, оружие, рыболовные снасти, язык, календарь, административное деление и управление. Большое внимание уделил изучению сосуществования человека и оленя: традиции одомашнивания диких оленей, болезни и маркирование северных оленей, процесс отела и вскармливания потомства, правила забоя животных, перевозки грузов, сезонные перекочевки.

Духовную культуру, обычаи и обряды, религии, отношение к женщине, описание буддийского храма и шаманского камлания Эрьян Улсен также старался изучить и зафиксировать. Это действительно этнографическое исследование, тем более что времени на экспедицию оказалось из-за начавшейся Первой мировой войны крайне мало — несколько месяцев. Члены экспедиции срочно вынуждены были уехать в Норвегию.

И еще одна важная тема, которой Улсен посвятил последнюю главу: «Русские поселенцы». Он отмечал, что

> отношения между русскими и сойотами можно характеризовать как вполне дружелюбные... русские люди обладают всеми достоинствами, способными обеспечить им симпатии сойотов. Они по природе своей дружелюбны, добросердечны и госте-

> приимны и, к тому же, очень хорошо обращаются с подчиненными народами, уступающими им в развитии,

тем более что тувинцам было с чем сравнивать: в период господства Цинской империи (со второй половины XVIII в. по 1912 г.) жизнь коренного народа была намного тяжелее, были непомерные налоги со всего населения Тувы поголовно в виде пушнины. Улсен справедливо отмечал, что поселенцы жили по принципу самоуправления, старались не конфликтовать с местным населением, занимались торговлей и добычей золота. В заключение автор книги с характерным для того времени высокомерным европейским отношением к немногочисленным коренным народам Севера, Сибири, в целом Азии и в частности к своим саамам записал:

> Когда смолкнет последний шаманский бубен и прежнее население уступит место постоянно развивающейся белой расе, вот тогда на земле сойотов наступит эра процветания и благоденствия.

С тех пор прошло 107 лет, шаманы камлают, до процветания еще очень далеко.

Список литературы

[1] *Вешнякова К.* По следам потерянной экспедиции // Норвегия — Россия 2004/2005. Норвежско-русские связи 1814–1917: Материалы научной конференции при Норвежском народном музее 10–12 марта 2001 г. С. 164–167.

[2] *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / подгот. рукописи к печати, вступ. слово и коммен. А. К. Кужугет. Кызыл: ТИГИ, 2011. 383 с.

[3] *Минцлов С.* Секретное поручение. Путешествие в Урянхай: Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году / подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Кужугет / Русское географическое общество, ТИГИ, М-во культуры РТ. Кызыл, 2014. 256 с.

[4] *Сафьянов И.* Тува в прошлом: в 2 т. / подгот. рукописи к печати, коммент. А. Кужугет, Н. Моллерова, М. Татаринцева. М.: ТИГИ, 2012. 232 с., 316 с.

[5] Тувинские коллекции Феликса Кона. 1902–1903. Фотоальбом. Научное издание / авт.-сост. А. К. Кужугет. Новосибирск: Арсенал, 2019. 310 с.

[6] Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подгот. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. 224 с.

[7] *Турчанинов А. А.* Урянхайский край в 1915 году / подгот. рукописи к печати, предисл., послесл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: ТИГИ, 2009. 424 с.

[8] Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007–2008.

[9] *Carruthers D.* Unknown Mongolia. London, 1913.

Новосибирск — Красноярск: вектор научных коммуникаций

Н. А. Куперштох,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
ФГБУН «*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук*»,
г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В докладе исследуется проблема интеграции академических институтов и вузов Сибири, которая складывалась на протяжении длительного исторического периода, через призму истории двух «научных десантов» из Новосибирска в Красноярск: во главе с профессором В. С. Соколовым — в Красноярский государственный университет; во главе с профессором А. М. Ставером — в Красноярский политехнический институт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА мобильность кадров в науке и образовании, Новосибирский научный центр, вузы Красноярска, профессор В. С. Соколов, профессор А. М. Ставер.

Проблема мобильности научных кадров является универсальной для мирового научно-образовательного сообщества, и ее изучению посвящены многочисленные публикации российских и зарубежных ученых. Отметим, что в СССР мобильность кадров начала изучаться с конца 1960-х гг. в рамках становления нового междисциплинарного направления — науковедения. Профессором С. А. Кугелем и представителями его научной школы был внесен определяющий вклад в разработку понятия мобильности научных кадров, определения видов мобильности, в изучение последствий мобильности кадров в конкретные исторические периоды [4]. Важным выводом науковедов являлся тезис о том, что мобильность кадров выступает необходимым условием функционирования науки, а также своеобразным социальным механизмом развития новых научных направлений [6, с. 156]. В современной России изучение мобильности кадров все чаще рассматривается в международном аспекте — от трактовки явления как необходимого фактора при формировании единого мирового научного пространства до оценки негативных последствий «утечки мозгов» для отдельных стран.

В исторической литературе традиции изучения проблемы мобильности кадров в науке только начинают складываться. Что касается сибирского региона, то здесь определились следующие основные тенденции мобильности кадров. Среди видов профессиональной мобильности ученых можно выделить территориальную мобильность, которая возникала в связи с открытием новых научных и образовательных учреждений. Так, становление крупных вузовских центров Сибири, начиная с конца XIX столетия, происходило при активном участии научной интеллигенции европейской части страны. Взаимодействие между центральными академическими учреждениями и местными вузами значительно усилилось в период экспедиционного изучения производительных сил региона с 1930-х гг. Следствием этого процесса стало появление первых академических ячеек как в Западной, так и Восточной Сибири.

С созданием первого регионального отделения Академии наук СССР в 1957 г. начинается новый этап интеграции академической науки и вузов, а также мощного процесса территориальной мобильности научных кадров. Без преувеличения, первый крупный академический центр Сибири создавала вся страна. Спустя десятилетие Сибирское отделение АН СССР нарастило достаточный кадровый потенциал, прежде всего в Новосибирском научном центре (ННЦ), чтобы поделиться им с другими городами региона [5]. В историографии получила подтверждение точка зрения ряда

исследователей (Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох и др.), что наиболее яркой моделью интеграции в сибирском регионе явился ННЦ, в котором комплекс академических институтов создавался одновременно с вузом нового типа — Новосибирским государственным университетом (НГУ). Университет с самого начала своей истории тесно взаимодействовал с академическими институтами не только в деле подготовки кадров, но также в реализации совместных проектов [7]. В дальнейшем такой принцип интеграции был распространен на другие научно-образовательные центры Сибири.

В конце 60-х гг. XX столетия, в соответствии со стратегией развития научно-образовательных центров, прежде всего в крупных промышленных районах Сибири, руководители СО АН СССР выступили инициаторами такой формы территориальной мобильности, как «научные десанты» — переезд из Новосибирска групп молодых научных сотрудников во главе с научным лидером в другие города. Целью таких «научных десантов» было укрепление квалифицированными кадрами научно-образовательных учреждений, а также развитие новых научных направлений. Одновременно отток научных кадров из Новосибирска снимал остроту некоторых проблем, в частности жилищной проблемы, в ННЦ. Одним из направлений мобильности научных кадров стал Красноярск. Создание Красноярского государственного университета (КГУ) и Красноярского научного центра СО АН СССР было инициировано академиком В. Л. Киренским. Красноярский университет открылся в 1969 г. на базе филиала НГУ и филиала юридического факультета ТГУ. Его формирование проходило одновременно с академическими институтами Красноярска. Поэтому кадровая проблема решалась зачастую с помощью «научных десантов» из Новосибирска, Томска, других городов страны и региона. И в дальнейшем открытие новых кафедр и научных специальностей становилось возможным в значительной мере благодаря мобильности научных кадров.

Так, в 1975 г. ученый-физик из новосибирского Института теоретический и прикладной механики (ИТПМ) и одновременно декан физического факультета НГУ профессор В. С. Соколов (1935–2011) был назначен ректором КГУ. Его биография содержит много интересных фактов, показывающих становление ученого как научного лидера. Хотя родители В. С. Соколова были выходцами из крестьянских семей Вологодской области, отец Сергей Михайлович стал военнослужащим и был уволен в запас в чине полковника авиации. Вениамин Соколов, будущий ученый, родился в Костроме в 1935 г. и после окончания средней школы с серебряной медалью поступил в знаменитый Физтех — Московский физико-технический институт. После его окончания он получил диплом инженера-физика по специальности «Аэромеханика». В 1959 г. Вениамин Соколов прибыл по распределению в новосибирский Академгородок, в институт, который создавал академик С. А. Христианович. Его приняли в лабораторию магнитной гидродинамики М. Ф. Жукова, впоследствии академика, выдающегося специалиста в области аэродинамики и газоразрядной плазмы. В ИТПМ молодой ученый Вениамин Соколов стал участником экспериментальных исследований эффективности использования магнитных полей на действующем плазмотроне [3, л. 33].

Успешный научный старт в новосибирском Академгородке означал защиту кандидатской и докторской диссертаций, участие в престижных конференциях, известность в такой области знаний, как магнитная газовая динамика. В. С. Соколов стал автором открытия Т-слоя — явления образования самоподдерживающегося высокотемпературного электропроводного слоя при нестационарном движении в магнитном поле сжимаемой среды. Это открытие, казалось бы, открывало перед ученым новые перспективы. Однако реальных шансов развивать научное направление в ННЦ все не представлялось. В 1974 г., накануне отъезда в Красноярск, В. С. Соколов возглавлял лабораторию в ИТПМ и являлся деканом физического факультета НГУ. Научную и преподавательскую работу он совмещал с активной общественной деятельностью: являлся секретарем партбюро института, депутатом районного Совета

депутатов трудящихся [3, л. 17]. Руководство института отмечало в характеристике такие его черты, как принципиальность, целеустремленность, высокую организованность в решении различных задач.

Поэтому Красноярский краевой комитет КПСС одобрил кандидатуру В. С. Соколова в качестве ректора КГУ. Активно развивавшийся промышленный комплекс Красноярского края нуждался в квалифицированных специалистах, подготовленных на высоком уровне. А для этого необходимо было усилить научно-исследовательский потенциал самого вуза. Новый ректор прибыл в красноярский вуз с группой молодых ученых из академических институтов ННЦ и выпускниками НГУ. Представителями «научного десанта» из Новосибирска являются С. В. Алексеенко, А. З. Богунов, А. В. Бухаров, Е. Б. Бухарова, В. В. Данилов, В. А. Деревянко, В. П. Исаков, В. И. Кирко, А. А. Кузовников, А. В. Макуха, А. С. Проворов, В. С. Славин, А. А. Черемисин и др.

Также В. С. Соколов пригласил для развития научного направления в области магнитной газовой динамики, включая исследование Т-слоя, специалистов из других городов страны. Ректору КГУ В. С. Соколову удалось создать коллектив, который начал плодотворно развивать научное направление по нескольким взаимоувязанным проблемам: теоретическими вопросами занимался В. С. Славин, экспериментальными — В. А. Деревянко; в области космических технологий работали А. В. Макуха, В. В. Данилов, В. И. Кирко, Л. В. Границкий; оптическими системами занимался А. С. Проворов.

При новом ректоре значительно усилилась интеграция КГУ с промышленными предприятиями, включая оборонный сектор, академическими учреждениями и вузами. При активном участии ректора В. С. Соколова была создана кафедра теплофизики, специально для научного сопровождения КАТЭКа. Кафедру возглавил В. С. Славин из «команды» Соколова. Эта кафедра внесла заметный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров в области теоретической и практической теплофизики. Немного позже такая же кафедра появилась и в Красноярском политехе.

Для усиления межвузовского взаимодействия В. С. Соколов добился, чтобы пост ректора Красноярского политехнического института (вуз открылся в 1956 г. и являлся крупнейшим центром технического образования в Восточной Сибири) в 1983 г. занял профессор А. М. Ставер (1937–1996) из новосибирского Института гидродинамики. Изучение биографии Анатолия Михайловича Ставера также помогает понять, как из провинциального сибирского паренька вырос крупный организатор науки и образования. Родившись в 1937 г. в д. Васильевке Ужурского района Красноярского края в рабочей семье (его отец Михаил Иванович работал на железной дороге), Анатолий Ставер после окончания Крутоярской средней школы в 1955 г. поступил в Томский политехнический институт, получив диплом горного инженера. Распределившись после окончания вуза в профильный новосибирский Институт горного дела СО АН СССР, он проработал в нем пару лет и ушел сначала на комсомольскую, а затем на партийную работу.

Однако желание заниматься именно научной, а не общественной работой привело его в Институт гидродинамики, и с 1965 г. в лаборатории А. А. Дерибаса он занялся изучением взрывных процессов. А. М. Ставер внес существенный вклад в проблему изучения ударных волн в порошковых материалах, в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию «Исследование ударных волн в пористых цилиндрических телах». С 1972 г. А. М. Ставер преподавал в НГУ, являлся заместителем декана физического факультета, был избран доцентом по кафедре быстропротекающих процессов [2, л. 60].

Со временем А. М. Ставер расширил тематику исследований, сосредоточив внимание на изучении процессов образования алмазов при детонации взрывчатых веществ. В 1980-х гг. группа сотрудников Института гидродинамики СО АН СССР в содружестве с НПО «Алтай» впервые в мире выполнила целенаправленный синтез алмазов из мощных взрывчатых веществ.

В июле 1983 г. А. М. Ставер был назначен ректором Красноярского политеха. Для привлечения новосибирских кадров в Красноярск ректор Ставер пошел своим путем: он выступил с идеей организовать в Институте гидродинамики лабораторию синтеза ультрадисперсных материалов и перевести сотрудников в Красноярск вместе с группой выпускников НГУ. Это решение начало воплощаться в жизнь только после одобрения инициативы А. М. Ставера Минвузом РСФСР от 29 июля 1983 г. [2, л. 62]. 23 декабря 1983 г. дирекция Института гидродинамики приняла решение о создании лаборатории синтеза ультрадисперсных алмазов [2, л. 79]. В ее состав, кроме А. М. Ставера, вошли А. И. Бабушкин, А. Г. Белошапко, А. А. Букаемский, И. Г. Кузьмин, А. И. Лямкин, С. Т. Попов, Ю. В. Тушко, В. В. Харитонов, А. С. Чиганов и др. В 1991 г. красноярская лаборатория Института гидродинамики под руководством А. М. Ставера была преобразована в Отдел физики высокодисперсных материалов при президиуме Красноярского научного центра СО АН СССР [2, л. 39].

В 1986 г. ректор А. М. Ставер защитил докторскую диссертацию на тему «Ударные и детонационные волны. Получение новых материалов». Одной из проблем, получившей освещение в диссертации, является получение алмазов из взрывчатых веществ. Как верно заметила Л. Абрамова, «будучи горняком, А. М. Ставер не мог пройти мимо проблемы получения искусственных алмазов» [1]. В 1994 г. за разработку технологии и создание промышленного производства ультрадисперсных алмазов А. М. Ставер в составе авторского коллектива удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Таким образом, новое научное направление, развиваемое А. М. Ставером, «прижилось» на красноярской почве. По инициативе ректора Красноярского политеха в вузе была организована кафедра высокоэнергетических процессов обработки материалов, положившая начало не только подготовке кадров в этой сфере, но и развертыванию новых для Красноярска научных направлений в области материаловедения.

В заключение отметим, что разнообразные вопросы интеграции академических институтов и вузов, а также мобильности научных кадров даже внутри сибирского региона представляют слабоизученную проблему. Между тем опыт многолетней интеграционной деятельности научно-образовательного сообщества Сибири, складывающийся десятилетиями, может быть использован при формировании современных платформ для сотрудничества в таких проектах, как организация научно-образовательных центров (НОЦ) России, в программе стратегического академического лидерства и ряде других.

Список литературы и источников

[1] *Абрамова Л.* Памяти ректора Ставера [Электронный ресурс]. URL: https://gazeta.sfu-kras.ru/node/5433 (дата обращения: 10.07.2021).

[2] Архив Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН. Ставер Анатолий Михайлович. Дело № 6751.1 (1965–1988). 88 л.

[3] Архив Института теоретической и прикладной механики им. С. А. Христиановича СО РАН. Соколов Вениамин Сергеевич. Личное дело (1959–1975). 62 л.

[4] *Кугель С. А.* Профессиональная мобильность в науке. М.: Мысль, 1983. 256 с.

[5] *Куперштох Н. А.* Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 441 с.

[6] Научные кадры СССР: динамика и структура / под ред. В. Ж. Келле, С. А. Кугеля. М.: Мысль, 1991. 284 с.

[7] Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников; отв. ред. М. П. Федорук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 404 с.

История Сибири в трудах курганских историков

В. В. Менщиков,
доктор исторических наук, профессор,
Курганский государственный университет, г. Курган

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается процесс отражения истории Сибири в трудах курганских историков. Отмечается, что сибиреведческие исследования начинаются в Кургане еще в XIX в., но по-настоящему научные изыскания в этой области начались только во второй половине XX в. Открытие в Кургане Курганского государственного педагогического института и появление профессиональных историков создали все условия для превращения города в один из центров изучения Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Курган, история Сибири, аграрная история, Зауралье.

Курган и Курганская область в XX в. и сегодня связываются общественным сознанием с Уралом. В советское время эта территория вошла в состав Уральской, а затем Челябинской областей. С точки зрения эконом-географического районирования Курганская область была частью Уральского экономического района. В последние двадцать лет область является частью Уральского федерального округа. Однако в сознании жителей нашего края не все так однозначно, что привело к формированию нового ойконима, прочно вошедшего в повседневный обиход — Зауралье. В нем отразилось пограничное состояние этой территории, это уже не Урал, но еще и не Сибирь, тем более что современная территория Курганской области состоит прежде всего из трех частей, до революции 1917 г. входивших в разные губернии. Это Шадринский уезд Пермской губернии, Курганский округ Тобольской губернии и часть территории Оренбургской губернии. Уже в 1990-х гг., в условиях распада прежней государственности, общественное сознание требовало дополнительных оснований для территориальной идентичности, что и актуализировало ойконим Зауралье и его региональную принадлежность.

Первым исследователем стал уроженец Кургана Н. А. Абрамов, изучавший начальный период существования слободы Царево Городище (современный город Курган) в XVII в. [7]. Примерно в это же время Среднее Приисетье стало объектом этнографических исследований А. Н. Зырянова. Однако до XX в. серьезных научных изысканий в области истории Сибири в нашем регионе не проводилось. В 1920-х гг. краеведческое движение было сосредоточено исключительно на местных локальных проблемах.

В 1952 г. открывается Курганский государственный педагогический институт. В нем начинает работу ставший позднее крупным исследователем в области аграрной истории А. А. Кондрашенков, в дальнейшем ректор института. Именно он ввел в научный оборот понятие «Зауралье», сделав его историю неотъемлемой частью истории Сибири. Главным объектом его исследований стало крестьянство Зауралья в различных социально-экономических и социально-политических контекстах [4].

В 1968 г. А. А. Кондрашенков уезжает к себе на родину в Смоленск, но сформировавшаяся в пединституте группа исследователей отечественной истории продолжила научные изыскания в разных областях истории Сибири. Но отметим, что большинство историков занимались все-таки историей Урала, а история Зауралья становилась частью этого региона. Отметим, что история советского времени отличалась большим разнообразием, наряду с традиционной тематикой социально-экономического

характера в поле зрения историков попадали разные аспекты истории культурного строительства, истории образования и т. п.

Кардинальным образом ситуация поменялась с приездом в Курган историка Н. Ф. Емельянова из Омска в 1987 г. Он внес существенный вклад в развитие исторического образования и науки в Омске и Кургане. Именно он заложил основы научного изучения Томского края (Среднего Приобья), истории городов Томска и Кургана, даты основания нескольких сотен населенных пунктов Томской и Курганской областей. Уже есть первые исследования его творчества [11, 12] и документального наследия [3]. Н. Ф. Емельянов внес

> заметный вклад в изучение истории Западной Сибири нового времени. Детальный анализ источников и понимание исторической ситуации позволили их автору показать место вольной и государственной колонизации этого региона русскими, взаимоотношение засельщиков и чиновников с местным населением, проследить пути пополнения русского населения в Западной Сибири [12, с. 7].

Работы ученого характеризуются комплексным подходом, междисциплинарностью. Они написаны на стыке истории, исторической демографии и исторической этнологии, что в значительной степени было обусловлено тем, что исследованию подвергалось не только русское население, но и местное аборигенное. Это позволило автору сделать далеко не тривиальный вывод о сохранении положительной динамики демографического развития некоторых сибирских аборигенов после вхождения в состав Российского государства [12, с. 3].

Благодаря созданному Н. Ф. Емельяновым диссертационному совету по истории в Курганском государственном педагогическом институте, а затем и в Курганском государственном университете в 1990-х и начале 2000-х гг. возникла целая плеяда достаточно молодых исследователей истории Зауралья, Урала и Сибири. Сменились исследовательские акценты. История Зауралья становится самодостаточной темой, а исследовательские практики все больше смещаются в сторону истории Сибири. Расширяется тематика исследований. Помимо аграрной истории, важными становятся историко-демографические и историко-географические изыскания. В это время существенно увеличилась и интенсивность публикационной деятельности. Было выпущено семь томов «Истории Курганской области» и двадцать выпусков краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Сам Н. Ф. Емельянов [2], его коллега В. В. Пундани [14], ученики В. В. Менщиков, Г. Г. Павлуцких, В. А. Никитин [10] выпускают в это время ряд монографий, определивших основные научные направления исторических исследований в Кургане.

2000-е гг. принесли новые реалии в процесс исторического изучения Зауралья и Сибири в Кургане. С 2003 г. силами Курганского государственного университета и Курганского областного краеведческого музея проводится всероссийская краеведческая конференция «Зыряновские чтения», объединяющая исследователей-краеведов разных направлений от гуманитарных до естественнонаучных. А с 2006 г. курганские историки проводят сугубо историческую всероссийскую конференцию «Емельяновские чтения».

Наиболее важным новшеством стала научная и научно-организационная деятельность выпускника Курганского государственного университета Д. Н. Маслюженко, который в настоящее время является директором Гуманитарного института Курганского государственного университета. Занимаясь изучением тюркской государственности в Западной Сибири [6], он смог привлечь к этой деятельности многих своих коллег. Он стал одним из организаторов всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» [1],

которая объединила ведущих специалистов в России в этой области. Тем самым Курган сегодня стал важным центром исследования политических процессов в тюркском обществе в Сибири.

Заложенные А. А. Кондрашенковым и развитые Н. Ф. Емельяновым традиции изучения аграрной истории Зауралья и Западной Сибири были продолжены В. В. Менщиковым [9]. Он усилил историко-географический и историко-демографический аспекты истории Зауралья. В. В. Менщиков предложил новую версию основания города Кургана, бывшей слободы Царево Городище, пытается внедрить в исследовательские практики методы микроистории и исторической антропологии [8; 5, с. 3–8]. И. С. Менщиков и С. Г. Федоров активно занимаются изучением крестьянского правосознания [13]. Т. В. Козельчук исследует разнообразные аспекты истории повседневности города Кургана [5]. Конечно, мы назвали далеко не всех современных исследователей Кургана, занимающихся историей Сибири. Мы отметили лишь самые значимые, на наш взгляд, исследования, определяющие основной вектор развития исторических исследований. В стороне остались работы курганских археологов, но это тема отдельного, специального изучения. В любом случае мы можем констатировать, что Курган сегодня является одним из важных центров исторического изучения Сибири, со своей спецификой в тематике и методах исследования этого региона.

Список литературы

[1] История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы I–IV Всероссийской научной конференции / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011–2020.

[2] *Емельянов Н. Ф.* Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган: Изд-во Курган. гос. пед. ин-та, 1991. 160 с.

[3] *Емельянов Н. Ф.* Город Курган, 1782–1917: Социал.-экон. история. Курган: Изд-во Курган. гос. пед. ин-та, 1992. 253 с.

[4] *Козельчук Т. В.* Личный фонд Н. Ф. Емельянова в Государственном архиве Курганской области // Емельяновские чтения: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 11–13.

[5] *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1. Челябинск: Южн.-Урал. кн. изд., 1966. 176 с.

[6] Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение: монография / под ред. Т. В. Козельчук, Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. 284 с.

[7] *Маслюженко Д. Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.

[8] *Менщиков В. В.* Вклад Н. А. Абрамова в развитие сибирского краеведения (к 205-летию со дня рождения) // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2017. С. 412–414.

[9] *Менщиков В. В.* К вопросу о дате основания слободы Царево Городище на реке Тобол // Сибирские исторические исследования. 2013. № 2. С. 6–14.

[10] *Менщиков В. В.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004. 200 с.

[11] *Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А.* Заселение Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. Курган, 1992. 92 с.

[12] *Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А.* Освоение Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. Курган, 1993. 108 с.

[13] *Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А.* Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII–XIX вв. Курган, 1994. 82 с.

[14] *Менщиков И. С.* История заселения освоения Западной Сибири в XVII–XIX веках в работах Н. Ф. Емельянова // VIII Емельяновские чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Менщиков. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 3–7 [Электронное издание]. URL: http://dspace.kgsu.ru/ xmlui (дата обращения: 17.08.2019).

[15] *Менщиков И. С.* Н. Ф. Емельянов — историк Зауралья // Емельяновские чтения: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 10–11.

[16] *Менщиков И. С., Федоров С. Г.* Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 152 с.

[17] *Пундани В. В.* Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. 271 с.

Синагоги Енисейской губернии как центры «духовной территории» евреев

Н. А. Орехова,
кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье представлены результаты изучения проблемы, связанной с созданием «духовных территорий» — молитвенных домов, — с момента появления евреев на территории Енисейской губернии в первом десятилетии XIX в. и официальным признанием синагог во второй половине XIX в. Тема реконструирована на основе обращения к источникам и архивным материалам из истории Енисейской губернии первой четверти XIX в. — первой четверти XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА еврейская община, религия, раввин, Енисейская губерния, синагога, органы власти.

Сибирь была исключена из черты еврейской оседлости, однако небольшие колонии евреев уже имелись в ее восточных и западных районах в начале XIX в. Л. В. Кальмина, ссылаясь на ранее опубликованные материалы [38, с. 6–7], замечает, что в Енисейской губернии «первые признаки общинной жизни евреев отмечены раньше, чем где-либо на территории Восточной Сибири» [32, с. 238]. И это было связано, по нашему мнению, с более ранним появлением здесь первых молитвенных домов: с 1822 г. в Красноярске и «едва ли не с 1820-х гг.» в Канске [25, л. 20–21] — и выделением евреям земли для погребения умерших фактически в это же время. Считается, что наличие этих важных атрибутов внутриобщинной жизни является признаком того, что евреи уже обжились на енисейской земле. В Красноярске, предположительно, евреи поселились в первом десятилетии XIX в. [38, с. 3]. По официальным данным, до 1809 г. в городских документах они не значились [1, с. 12].

Евреев, где бы они ни находились, объединяла религия, в которой они «находили единственное утешение» [30, с. 3], и совместная жизнь в общине. Наибольшая часть евреев для отправления общественных молитв концентрировалась вокруг молельни. Во главе каждого молитвенного общества должен был стоять раввин, на него возлагались обязанности по ведению метрических книг, совершению обрядов обрезания младенцев и наречения имен, бракосочетания, расторжения браков и погребения. Раввин считался блюстителем и толкователем еврейского закона.

Самые ранние сведения о первом раввине Енисейской губернии имеются в путевых заметках норвежского ученого, профессора Христианского университета Х. Ганстена. Они были написаны им после путешествия по Сибири (1828–1830). На одной барке с ученым сплавлялся Шмерка Гиршович Марматов (настоящее имя Симеон). Он

> был раввином и резаком и два раза в год совершал объезд и закалывал животных для евреев, которые в остальное время жили без мяса (кошерного. — *Прим. авт.*); обязанности эти доверялись только тем, кто умел исполнять предписанные правила [28, с. 40–42].

В 1855 г. Красноярское еврейское мещанское общество впервые попыталось избрать раввина Пейсаха Файбишевича Колмановича. Но есть сведения о том, что официально он считался резником. Его помощником был Мордух Янкелевича Шмулевич. Сбор,

возложенный на старосту и казначея молитвенного дома, включая евреев Енисейска, Ачинска, Канска, Минусинска, должен был пойти на жалованье раввина [15, л. 9].

Евреи губернии не имели средств на содержание раввина ввиду своей малочисленности и бедности. В 1875 г. местными властями было предложено соединить все еврейские общества, находящиеся на ее территории, избрать одного раввина и содержать его на общие средства. В этом же году губернатором не был утвержден избранный Красноярским еврейским обществом раввин — могилевский мещанин Иосиф Лифшиц. Он не имел специального образования. Тем не менее Лифшиц совершал некоторое время религиозные обряды по просьбе еврейского общества [5, л. 3].

Сохранившиеся сведения о раввинах, отправлявших службы на территории Енисейской губернии, слишком скудны: Гоникман (Ачинск, 1882), Арий Берков Виленский (Канск, 1906), Герш Гроус (Канск, 1909–1912), Л. Глицбург (Канск, 1917), Иуда Исаакович Рубанович (Ачинск, 1917), и. о. раввина Б. Гехман (Енисейск, 1922). Более полная информация имеется о Копеле Исааковиче Шмерковиче, который исполнял обязанности раввина на территории Енисейской губернии с 1885 г.

С 1879 по 1885 г. мариинский мещанин Копель Исаакович Шмеркович был раввином Читы. Переехав в Енисейск, он в 1886–1889 гг. руководил постройкой новой молельни. Деньги на ее строительство пожертвовал купец Мильштейн. При помощи раввина с разрешения директора Енисейской гимназии Ветошинского было открыто еврейское училище, где он преподавал безвозмездно.

В 1887 г. указом Енисейского губернского правления Красноярское еврейское общество было причислено в ведение раввина города Енисейска — К. И. Шмерковича [6, л. 10]. Канскому же еврейскому обществу удалось убедить губернское правление в нецелесообразности этого указа: объяснялось это огромным расстоянием от Канска до Енисейска (600 верст) и невозможностью вызывать раввина по каждому конкретному случаю в округ (для наречения имен, обрезания, заключения брака). Поэтому был допущен к временному исполнению должности раввина при Канском еврейском молитвенном доме купец Абрам Борисович Каминер [27, л. 2–4].

Исполняя обязанности енисейского раввина, К. И. Шмеркович служил при Красноярской еврейской молельне сначала раввином с 1889 по 1890 г., затем с 16 июля 1890 г. по 17 декабря 1892 г. помощником раввина [26, л. 2].

В 1892 г. Министерством внутренних дел на основании Высочайшего повеления от 1 июня 1890 г. в изъятие закона К. И. Шмерковичу было разрешено баллотироваться на должность красноярского раввина. В октябре 1892 г. он приступил к своим обязанностям, хотя формально являлся енисейским и красноярским раввином с 1889 г. Этот факт подтверждается свидетельством, выданным ему Енисейским губернским правлением [14, л. 41]. Причем, помимо прямой своей должности, он исполнял обязанности раввина в Ачинском еврейском обществе (5 лет), а также заведовал молитвенными домами Енисейского (более 10 лет) и Канского (более 6 лет) еврейских обществ.

Из служебной записки раввина к енисейскому губернатору от 19 февраля 1909 г. узнаем, что

> он жил и служил ни для одного себя, а для общего, для блага общей Родины — России [22, л. 37].

Заслуги раввина были достойно оценены. 6 декабря 1905 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий сообщил енисейскому губернатору, что

> состоялось Высочайшее соизволение на пожалование Красноярскому, Енисейскому губернскому раввину К. Шмерковичу золотой медали «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте [23, л. 33].

Последнее упоминание о нем датируется 1922 г. Речь идет об изъятии Енисейской губернской комиссией церковных ценностей в помощь голодающим Поволжья. Из красноярской синагоги были изъяты предметы весом 8 фунтов серебра 61 золотника. Председателем еврейской общины и раввином был Копель Исаакович Шмеркович [7, л. 108]. Сохранился двухэтажный дом на углу ул. Маркса, 52, ул. Сурикова, 14, в котором жила семья раввина.

Процесс создания молитвенных домов, становления института раввината и обществ, связанных с сохранением религиозных традиций, в Енисейской губернии был сложным и долгим. Схожая ситуация была характерна в целом для религиозной жизни евреев Сибири. Зарождение и официальное утверждение молитвенных учреждений полностью зависели от российского законодательства и от решений властных структур, принимаемых на общероссийском и региональном уровнях.

При строительстве религиозных учреждений евреи должны были придерживаться правил, изложенных в четвертой главе строительного Устава «О построении еврейских синагог и молитвенных школ». Правительством разрешалось открывать молитвенную школу (дом) в тех местностях, где число еврейских домов доходило до 30, а синагогу там, где находилось 80 домов евреев. При наличии более 80 домов евреев им разрешалось на каждые 30 домов иметь по одной школе, или по одной синагоге на каждые 80 домов [43, с. 227]. Важно примечание к статье 152 строительного Устава, которое гласило, что вышеназванные ограничения не имели

> обратного действия на те школы и синагоги, кои до издания Положения о евреях 13 апреля 1835 г. уже учреждены и с ведома начальства существовали [43, с. 227].

На территории Енисейской губернии находились три таких молитвенных школы: Красноярская, Канская и Ачинская. К середине XIX в. здесь функционировали уже пять еврейских молитвенных учреждений. Кроме названных выше трех, они появились еще в Енисейске и в с. Рыбинском Канского уезда.

История зарождения еврейских молитвенных учреждений в Енисейской губернии была идентичной: большая часть из них была первоначально учреждена «неизвестно с чьего разрешения». Затем следовало разрешение Министерства внутренних дел «на их беспрепятственное существование», но получали его обычно через десятилетия после неофициального открытия. Официальное признание Красноярской молельни произошло только через 56 лет с момента ее открытия (в 1878 г.), молитвенной школы в с. Рыбинском через 35 лет (в 1885 г.), а Енисейской, Ачинской и Канской молелен соответственно через 55, 65 и 70–75 лет (в 1895 г.) [40, л. 67].

В 1878 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий приказал закрыть существующую еврейскую молельню, так как в Красноярске в наличии было 17, а не 30 домов евреев. Министерство внутренних дел приняло другое решение и разрешило 84 еврейским семействам отправлять службы в молитвенном доме, который появился «задолго до издания этих законов» (в 1822 г.). [11, л. 81–82]. В апреле 1881 г. во время страшного пожара в Красноярске сгорели еврейский молитвенный дом и бывшая при нем богадельня [31, с. 12].

Некоторое время «до постройки евреями собственного здания» молельня помещалась в здании бывшей пожарной команды, принадлежавшей городу [8, л. 1–4]. В 1884 г. духовное правление Красноярской молельни просило енисейского губернатора разрешить

> отправить одного из его членов для сбора добровольных пожертвований в Иркутской и Енисейской губерниях на строительство молитвенного дома в Красноярске [9, л. 47–49].

Через два года в городе было два молитвенных дома: малый и большой. Еврейскому обществу пришлось понести расходы на установку постамента для кивота (шкаф, в котором хранятся свитки Торы) в большом молитвенном доме [10, л. 33].

В 1903 г. на улице Песочной значился

> ...деревянный молитвенный дом, к нему была пристроена школа (Талмуд-тора. — *Прим. авт.*), крытая железом, и флигель деревянный одноэтажный [12, л. 33].

В этом же году еврейским обществом было решено сделать пристройку к молитвенному дому на добровольные пожертвования в сумме 1300 рублей [24, л. 5].

В августе 1916 г. Красноярское еврейское общество вновь приняло решение о строительстве нового здания, поскольку «существующая синагога крайне мала и не соответствует в настоящее время своему назначению». Для строительства избрали специальную строительную комиссию. Средств на строительство не было, но правление рассчитывало собрать нужную сумму добровольными пожертвованиями [3, л. 61].

Предположительно, в те же годы, что и в Красноярске, появился молитвенный дом у канских евреев. Неизвестно, по чьей инициативе он был учрежден и где располагался. Незначительная информация о нем представлена в материалах «Памятной книжки Енисейской губернии на 1863 г.». В 1861 г. в Канске имелась одна деревянная синагога, проживали 134 еврея. В Канском округе — один молитвенный дом (с. Рыбинское. — *Прим. авт.*), еврейское население состояло из 141 человека [39, с. 128].

Во время посещения Канска в 1894 г. енисейский губернатор «нашел неуместными» устроенный на крыше купола синагоги «в виде украшения вызолоченный шар» и находящуюся над входом надпись на еврейском языке с переводом на русский язык: «Сей храм сооружен в 1884 году». Евреи объяснили ему, что шар — это их символический знак, а надпись говорит о годе сооружения. О судьбе этого здания известно также, что в 1893 г. архитектором Худзинским был снят с натуры план, представленный в Енисейское губернское правление. В 1895 г. хозяйственное правление обратилось к енисейскому губернатору с просьбой подвести каменный фундамент под сгоревший во время пожара 1885 г. молитвенный дом [18, л. 42]. Это здание было переоборудовано под жилой дом, оно располагалось в начале улицы Ленина. В настоящее время оно снесено и на его месте поставлен знак, повествующий о том, что здесь когда-то находилась синагога.

Первый Ачинский еврейский молитвенный дом, по воспоминаниям евреев-старожилов, существовал с 30-х гг. XIX в. [41, л. 153]. Он находился в первой части города на берегу р. Тептятки в Тептятском переулке. Новый молитвенный дом был построен в 1874 г. на месте сгоревшего здания на деньги купца второй гильдии М. Д. Лейбовича. Неизвестно, было ли дано разрешение Енисейского губернского правления на его строительство [19, л. 8].

В начале XX в. еврейское население Ачинска значительно увеличилось, составив 572 человека в 1904 г. Старое здание молитвенного дома не могло вместить всех желающих отправлять службы (естественно, что не все евреи принимали участие в общественных молитвах одновременно). Ачинская еврейская община решила создать комиссию по постройке новой каменной синагоги (отметим, что число еврейских домов в городе превысило 80) [16, л. 1].

Здание Ачинской синагоги, построенной в 1905–1907 гг. по проекту архитектора В. А. Соколовского, сохранилось до настоящего времени (ул. Суркова, 27), сейчас в нем располагается больница скорой помощи. Это кирпичное здание, имеющее трехчастную осевую композицию базилики с большими арочными окнами, расположенными в два яруса. Над западной частью здания возвышаются две восьмигранные башенки. Строение выполнено по мотивам романского и готического стилей [2, с. 3].

О предположительной дате появления Енисейского молитвенного дома (1840-е) узнаём из сведений Енисейского губернского правления, направленных в 1890 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Сообщалось, что молельне

> уже около 50 лет, точных сведений о времени основания этого дома нет (так как дела уничтожены пожаром в 1869 г.), уцелел лишь план на существовавшую в Енисейске молельню, построенную в 1858 году [42, л. 42].

Вероятнее всего, сохранившийся план относился ко второму зданию Енисейского молитвенного дома. Он был построен и содержался на средства купца Каминера и частично на пожертвования Общества евреев города Енисейска [4, л. 1].

Проект нового молитвенного дома был рассмотрен и утвержден губернским архитектором В. Шкалиным в начале сентября 1886 г. [17, л. 21], а в 1887 г. купец Мильштейн пожертвовал деньги на постройку молитвенного дома [44, с. 99]. Вот что зафиксировал в 1887 г. очевидец тех событий, составитель «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг.» А. И. Кытманов:

> До сих пор евреи имели молельню в маленьком деревянном доме на Большой улице, а в настоящем году на том же месте построено громадное, хотя тоже деревянное здание синагоги. Ее постройка стоила еврейскому обществу 9 тыс. рублей, главным жертвователем был Марк Мильштейн. Шкаф для свитков пожертвовал Абрам Тонконогов (со слов П. А. Тонконогова). Мордух Мильштейн как строитель синагоги был избран старостой, навел в ней порядок, выписал хорошего раввина Шмерковича [33, с. 618].

Позднее описание еврейской молельни, находившейся на ул. Ленина, 97, встречается при передаче еврейской синагоги в пользование общины верующих в 1923 г. Это был деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте с 18 окнами. Был оценен в 7196 рублей [36, л. 1]. До настоящего времени здание не сохранилось, оно сгорело во время пожара в первой половине XX в.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий, контролируя духовные дела евреев, регулярно запрашивал сведения о числе молитвенных еврейских сооружений и количестве должностных лиц. В 1909 г. енисейский губернатор сообщил ему о наличии в Красноярске и Канске синагог во главе с раввином. В Енисейске молитвенный дом был, но раввина не было. В Ачинске был молитвенный дом, а при нем резник, староста и казначей, в с. Ужурском — молитвенный дом «с одним чтецом». В Минусинске и Минусинском уезде молитвенных сооружений не было [21, л. 5].

Более поздние сведения о наличии таких учреждений в Енисейской губернии датируются 1915 г.: синагоги — в Красноярске и Канске, молитвенные дома — в Енисейске, Ачинске и сс. Ужурском Ачинского уезда, Рыбинском и Иланском Канского уезда [20, л. 11]. Отметим также, что нами не было обнаружено архивных материалов о существовании в дореволюционные годы синагоги и еврейских общин в Минусинске и Минусинском уезде. Однако в сведениях о числе религиозных групп верующих по Минусинскому уезду за 1923 г. зафиксирована одна еврейская община в Минусинске. В списке священнослужителей значился резник Абрам Лабзовский [34, л. 3, 67]. Еще ранее, в 1920 г., минусинским евреям было передано по договору городское здание в аренду под молитвенный дом на ул. Октябрьской, 34, но в 1929 г. договор был аннулирован [35, л. 27–28, 134].

В конце 30-х гг. XX в. закрывались многие молитвенные учреждения на территории Сибири. По данным секретной части Красноярского краевого исполкома, в крае (кроме Бирилюсского, Богучанского, Кежемского, Н.-Ингашского и Ужурского районов) имелось шесть синагог в Ачинском, Боготольском, Енисейском, Канском, Красноярском и Минусинском районах [29, л. 2, 7].

Итак, для многих евреев Енисейской губернии синагога являлась «духовной территорией», в которой они собирались для совершения обрядов и молитв, составляя молитвенное общество. Отсутствие подготовленных специалистов (раввинов, резников, канторов) было характерной чертой духовной жизни евреев не только Енисейской губернии, сходные процессы были свойственны и для других сибирских общин.

Список литературы и источников

[1] 300 лет г. Красноярска, 1628–1928. Красноярск: Изд-е Городского Совета, 1928. 48 с.
[2] Аннотированный список памятников истории и культуры, объектов, состоящих на учете, и вновь выявленных объектов. СПб., 1995.
[3] Вестник Красноярского городского общественного Управления. № 17. 1916. 84 с.
[4] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 127. К. 1739. Л. 1.
[5] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 730. Л. 3.
[6] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 205. Л. 10.
[7] ГАКК. Ф. 1134-р. Оп. 1. Д. 127. Л. 108.
[8] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1027. Л. 1–4.
[9] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1144. Л. 47–49.
[10] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 184. Л. 33.
[11] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 730. Л. 81–82.
[12] ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 99. Л. 33.
[13] ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 231. Л. 61.
[14] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1706. Л. 41.
[15] ГАКК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1318. Л. 9.
[16] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 131. Л. 1
[17] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6811. Л. 21
[18] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6811. Л. 42.
[19] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6811. Л. 8.
[20] ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 328. Л. 11
[21] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1435. Л. 5.
[22] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437. Л. 37.
[23] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437. Л. 33.
[24] ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 349. Л. 5.
[25] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4487. Л. 20–21.
[26] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5395. Л. 2.
[27] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 898. Л. 2–4.
[28] *Ганстен* Х. Воспоминания о путешествии по Сибири / пер. с франц. V–VII гл. сочинения Х. Ганстена «Souvenirs d'un voyage en Sibérie». Библиографичесое бюро Приенисейского края. Красноярск, 1920 // КККМ. О/ф 7886/243. С. 40–42.
[29] ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 882. Л. 2, 7.
[30] *Гессен* Ю. 100 лет назад (Из эпохи духовного пробуждения русских евреев). СПб., 1900. 36 с.
[31] Действия комитета по раздаче пособий погорельцам г. Красноярска. Красноярск, 1882. 244 с.
[32] *Кальмина* Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 423 с.
[33] *Кытманов* А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Рукопись машинописная. С. 618. КККМ. О/ф 7886/229; Енисей. 1897. № 54. 9 мая.
[34] АГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 484. Л. 3, 67.
[35] АГМ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 71. Л. 27–28, 134.

[36] МУ «Енисейский архив». Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
[37] *Орехова* Н. А. Еврейская община города Красноярска: Краткая хроника (начало XIX — первая четверть XX вв.) / под ред. к. и. н. Я. М. Кофмана. Краснояр. краев. евр. нац.-культ. автономия «Гаскала». Красноярск, 2001. 24 с.
[38] *Орехова* Н. А. Первые документальные свидетельства о появлении евреев в Красноярске // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов I региональной научно-практической конференции / под ред. к. и. н. Э. И. Черняка и к. и. н. Я. М. Кофмана. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 3–7.
[39] Памятная книжка Енисейской губернии на 1863. СПб., 1863. 350 с.
[40] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 44. Л. 67.
[41] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 33. Л. 153.
[42] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 33. Л. 42.
[43] СЗРИ. Полный текст всех 16 т.: в 5 книгах / под. ред. И. Д. Мордухай-Болтовского (нач. кн. 3) (т. VIII, ч. II–XI, ч. 1). Кн. 4. Т. XI. Ч. 1 — XII. СПб., 1857. С. 227.
[44] *Царев* В. И., *Можайцева* Н. В. Градостроительная летопись Енисейска XVII–XX веков. Красноярск, 2005.

Празднование трехсотлетнего юбилея царствования дома Романовых в Красноярске: по страницам газеты «Енисейская мысль»

Н. В. Перепич,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки и композиции, Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В данной статье на основе изучения архивных документов и номеров газеты «Енисейская мысль» освещаются основные события, связанные с празднованием трехсотлетнего юбилея правления династии Романовых (1913) в Красноярске, с акцентированием значения видов искусства, в частности музыкального.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА трехсотлетие царствования дома Романовых, Красноярск, 21 февраля 2013 года, славильная музыка.

Среди церемониальных событий, нашедших яркое отражение в российской истории, одним из наиболее масштабных, очевидно, явилось празднование трехсотлетия царствования династии Романовых (1913), представленное циклом мероприятий на протяжении нескольких месяцев юбилейного года и охватившее различные населенные пункты державы. В публикациях отражен регламент торжеств, прошедших в Москве, Петербурге, Ярославле, Вятке, Петрозаводске, Чебоксарах, Омске, Томске и других городах. Однако нами не обнаружены работы, в которых раскрывались бы нюансы празднования в Красноярске. Их отсутствие отчасти призвана восполнить данная статья.

Красноярская периодика свидетельствует о проведении ряда юбилейных мероприятий, в которых отмечается значительная роль искусства в многообразных его проявлениях. Согласно хронологии отражения событий в газете «Енисейская мысль», впервые о предстоящих торжествах упоминается в номере от 14 декабря 1912 г., где сказано о заседании комиссии по выработке программы празднования[1]. 27 января 1913 г. художественно-декоративное ателье И. Л. Стернина разместило в газете объявление о приеме заказов «на всевозможныя украшения и убранства наружныя и внутренния, постановку эмблемно художественных живых картин», а также изготовление по указанному случаю плакатов, транспарантов, вензелей [13, с. 4]. Кроме того, в номере от 31 января сообщается о том, что городским самоуправлением был выписан бюст родоначальника дома Романовых, царя Михаила Феодоровича, и тематические картины для размещения в 22 школах, а губернским комитетом заготовлено большое число экземпляров брошюры «Россия под скипетром Романовых»[2] «для продажи их и раздачи ученикам городских начальных школ» [14, с. 2].

6 февраля редакция «Енисейской мысли» информировала читателя о возможности приобретения двухсотстраничной книги «Воцарение дома Романовых», выпущенной Русским народным союзом им. Михаила Архангела, «написанной языком живым, в высшей степени доступным для понимания» и включающей, помимо ред-

[1] Согласно архивным делам, она собиралась 11 и 31 декабря 1912 г., 16 января 1913 г. в квартире губернатора [1, л. 1].

[2] В архивных документах она значится как «История России под скипетром Романовых» [1].

ких фотографий и портретов представителей царского рода и памятников русского зодчества, юбилейную кантату «известного композитора Речкунова <...> с высокопатриотическими словами к этой кантате госпожи Федотовой» [15, с. 4].

Отмечалось, что данное сочинение рекомендовано к исполнению в учебных заведениях духовного ведомства Училищным советом при Святейшем Синоде.

Начиная с 10 февраля на страницах «Енисейской мысли» появляются публикации о грядущих событиях главного дня празднования — 21 февраля, объявленного неприсутственным, и особенностях их проведения. Анонсируется показ в Художественном электротеатре и Городском театре (популярный патеграф В. А. Полякова) с 13 февраля полуторачасовой кинокартины «1613–1913. Юбилей Дома Романовых. Триста лет государственной жизни Державы Российской»[3] с использованием документальных съемок, в которых приняли участие «масса войска и более 2000 статистов» [9, с. 3]. Сообщается о сопровождении показа оркестровой музыкой. С 16 февраля газета информирует о выходе новой картины фирмы А. А. Ханжонкова «Воцарение Дома Романовых» (в 3-х частях), превзошедшей предыдущую [4, с. 3]. В рецензии отмечается, что она «наиболее удачно скомпактована и не является отрывками из истории, а целым связанным сюжетом» [10, с. 3], отличается великолепием постановки, правдивостью отображения исторических данных и производит более глубокое впечатление на зрителя[4].

Таким образом, в подготовке торжеств отмечается преимущественная роль изготовления декоративной официозной атрибутики, продукции изобразительного[5] и фотоискусства, а также рекомендованных к распространению кинокартин, литературных и музыкальных образцов, имеющих и явное воспитательное значение.

19 февраля (№ 80–41) в рубрике «К юбилейным торжествам» была опубликована программа празднования, выработанная красноярской губернской комиссией. Основными ее пунктами явились следующие:

1. панихида с поминовением Царей и Цариц из дома Романовых 20 февраля в 12 часов;
2. Божественная литургия в Кафедральном соборе с 9 часов, торжественный молебен 21 февраля;
3. Парад войскам с прохождением мимо бюстов родоначальника династии и правящего Царя (без участия учащихся по причине зимней погоды);
4. Божественные литургии и Торжественные молебны во всех учебных заведениях (при отсутствии церкви — со сбором в приходских церквах);
5. сбор учащихся мужской и женской гимназий в Городском театре на «торжественный акт с произнесением подобающих событию речей, прочтением литературных произведений, исполнением музыкальных отрывков и проч. по программе учебнаго начальства» [10, с. 2], 21 февраля в 13:30;
6. сбор иных учащихся[6] в своих заведениях для прослушивания «популярных бесед и чтений, знакомящих с важностью и значением празднуемаго события» [10, с. 2]. Комиссией рекомендована организация для них хотя бы легкого угощения «с раздачей конфект и сластей», а также предоставление возможности бесплатного посещения кинематографа;

---

[3] «Трехсотлетие Царствующего Дома Романовых. 1613–1913. Исторические картины» А. О. Дранкова.

[4] По утверждению Т. В. Дадыгиной, данные две картины снимались параллельно и фирма братьев Пате взялась распространить их в один день, 16 февраля (однако в Красноярске, согласно сведениям в печати, первая картина показывалась с 13-го числа) [3].

[5] В честь трехсотлетия в свет вышли также юбилейные собрания портретов «Альбом царей и цариц из дома Романовых», «Российский царственный дом Романовых», появились бесплатные приложения к журналам, которые содержали подборки репродукций соответствующей тематики.

[6] Ранее отмечалось, что духовные учебные заведения будут праздновать 300-летний юбилей царствования совместно, в здании духовной семинарии [6, с. 2].

7. проведение Торжественного вечера в Городском театре (ответственная комиссия — Г. П. Полонский, А. В. Мельников, А. В. Соколовский, при участии губернатора), открывающегося исполнением народного гимна, с обязательной парадной формой одежды для присутствующих и входной платой, предназначенной к передаче на устройство приюта-убежища и школы для слепых;
8. проведение парадных чтений для широкой аудитории, с бесплатной раздачей народу юбилейных брошюр, портретов, картин, посвященных настоящему событию (отв. — А. П. Оносовский).

Организация поздравительной телеграммы от губернатора поручалась комиссии — прокурор В. С. Иванов и председатель педсовета женской гимназии А. П. Оносовский. Должное внимание уделялось украшению зданий с раннего утра флагами, а вечером — транспарантами, вензелями, а также иллюминации.

В день празднования — 21 февраля — в собрании Общества трезвости утром прошло бесплатное народное чтение, посвященное юбилею, с участием хора из десяти человек под управлением г. Смирнова и оркестра балалаечников. В 10:30 в красноярской еврейской синагоге началось Торжественное молебствие [11, с. 1]. В Кафедральном соборе была отслужена Божественная литургия с последующим молебном, после состоялось церемониальное прохождение войск мимо бюстов и торжественные собрания в учебных заведениях.

Общество «Сокол» с 13 до 19 часов организовало на катке бесплатное народное гулянье, включавшее катание с гор и на ледяных каруселях, народные бега на льду с призами. Вечером его кульминацией стал фейерверк.

В Городском театре с 17 часов популярный патеграф В. А. Полякова демонстрировал картину фирмы А. А. Ханжонкова «Воцарение Дома Романовых» в 3-х частях. А в 20 часов начался Торжественный вечер. В нем принял участие сводный хор мужской, женской гимназий и учительской семинарии в количестве 100 человек под управлением г. Смирнова, а также кружок любителей драматического искусства (реж. — г. Галин) и оркестр И. М. Суходрева. 14 февраля «Енисейская мысль» публиковала предварительную программу этого торжества в шести отделениях. Согласно ей, в начале вечера прозвучал гимн, после чего в первом отделении была исполнена увертюра из оперы «Жизнь за Царя» и поставлена живая картина «Смерть Сусанина», во втором отделении показана «Драматическая сценка» из сочинения Островского «Кузьма Минин-Сухоруков». В третьем отделении на рояле прозвучала кантата «В бурю, в грозу», четвертое отделение включало выступление двух оркестров, хора песенников и шествие солдат, постановку картины «Все народы России» (апофеоз). В пятом отделении публика услышала сцену-монолог и сцену в лесу из «Жизни за Царя», в шестом предполагалось финальное «Славься» и показ картин [8].

В 20 часов в общественном клубе Красноярского вольно-пожарного общества был показан юбилейный спектакль из фрагментов драматических сочинений (реж. Н. С. Инсаров): одноактная сцена «Царевна Софья» С. Я. Надсона (для которой специально создавались декорации боярского терема), сцена в корчме и сцена у фонтана из трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина[7]. В спектакле приняли участие г-жи Зимина, Картузова, Мамонтова, Мартьянова, Репьева, Трубникова, Скоп, Черепанова и Щукина, г-да Галин, Лисевич, Мареев, Забытый, Гаранец, Щербаков, Черепа. Планировалось завершить спектакль постановкой живой картины «Россия, окруженная своими народами», с последующим объявлением танцев. В 23 часа в Красноярском общественном собрании был дан праздничный бал. Также в полночь был открыт бал и в Переселенческом управлении.

[7] В анонсе же данного события от 10 февраля уточнялось, что будет поставлена также сцена в келье [5, с. 2].

Утром 22 февраля в помещении казенного винного склада состоялся танцевальный вечер, где приняли участие свыше 200 человек, в том числе енисейский губернатор и представители некоторых ведомств [12]. За Енисеем, на переселенческом пункте произошло освящение часовни, построенной Переселенческим управлением в память юбилейного события [4]. Вечером 22 февраля состоялся приуроченный к празднованию шестой музыкальный вечер в доме Токовинина (Овсяничковский переулок). Перед началом отделения Первый Сибирский великорусский оркестр под управлением И. Н. Плотникова исполнил Народный гимн. Наряду с остальными номерами в концерте прозвучала одночастная юбилейная кантата «Слава Дому Романовых» М. С. Гольтисона на слова С. Никитина. Информация о хоре, исполнившем кантату, отсутствует: по всей видимости, как и днем ранее, это был певческий состав под управлением Смирнова. По окончании концертной части был дан бал.

Анализируя программу центрального праздничного дня, отметим сочетание в ней духовного и светского компонентов, достаточное число мероприятий для различной аудитории (закрытых и широко доступных, проводимых в помещениях и на открытом воздухе, преподносимых и требующих активного участия гостей), особое внимание к празднованию в учебных заведениях. Наиболее ярко представленные виды искусства в торжественных концертных вечерах общегородского масштаба — драматическое театральное и музыкальное. Репертуар, охваченный силами актеров — сцены из сочинений А. С. Пушкина, А. Н. Островского, С. Я. Надсона в жанре исторической драмы, а также постановки зрелищных пантомим — живых картин патриотической тематики. Состав задействованных в торжествах музыкантов наиболее значителен: хор из 10 человек, смешанный хор из 100 человек п/у Смирнова, оркестр Суходрева, Первый Сибирский великорусский оркестр под управлением И. Н. Плотникова, оркестр балалаечников. Музыкальные номера, исполненные в концертах, достаточно разнообразны: Народный гимн «Боже, Царя храни» А. Ф. Львова, В. А. Жуковского, увертюра, монолог и сцена в лесу, «Славься» из «Жизни за Царя» М. И. Глинки, одночастная юбилейная кантата a cappella «Слава Дому Романовых» М. С. Гольтисона на слова С. Никитина, оркестровые и фортепианные номера.

Программа торжественного вечера в Городском театре оставляет некоторые вопросы. Так, планировалось исполнение увертюры к «Жизни за Царя» квартетом [8, с. 2–3], хотя в концерте задействованы два оркестра и увертюра следовала сразу за исполнением гимна. Конкретный состав квартета, причины обращения к нему и имена исполнителей в газетной заметке отражения не нашли. Также остаются неясными детали исполнения на рояле «кантаты „В бурю, в грозу“»[8] (сольное или ансамблевое, имена исполнителей и автора переложения). Не очевидно, является ли сцена-монолог из «Жизни за Царя» речитативом и арией Сусанина или она была представлена как драматический номер, без указания исполнителя. Не обозначены и оркестровые номера, прозвучавшие в IV отделении данного концерта и на шестом музыкальном вечере Первого Сибирского великорусского оркестра.

В праздничных актах учебных заведений наблюдается также большая роль поэтического и ораторского компонентов. Так, программа, прошедшая в Красноярском землемерном училище, была составлена из хоровых номеров (кантата В. И. Главача, народная величальная песня «Слава», «Молитвы за Царя», «В бурю, в грозу» и «Славься» из оперы «Жизнь за Царя», «Боже, Царя храни»), оркестровых («Слава», «Вниз по матушке по Волге», попурри из оперы «Жизнь за Царя», «Тоска по Родине»[9]). Словесные формы

[8] Данное название указано в заметке. Очевидно, речь идет о хоре из I действия оперы «Жизнь за Царя» «В бурю, в грозу».

[9] В программе, сохранившейся в архивном деле, указание авторства музыки и текста сочинений в основном заменено многоточиями [1, л. 18].

выступлений были представлены речью преподавателя Смирнова, а также чтением стихотворений «Избрание Михаила Феодоровича на царство», «Смерть Сусанина» Сурикова, «Пир Петра Великого» А. С. Пушкина, «Русь» Н. В. Гоголя (фрагмент) [1, л. 18].

Подводя итог, отметим, что избранные для концертных программ сочинения не стали оригинальными для красноярских торжеств. Так, исполнение гимна было церемониальной нормой, как и постановка оперы М. И. Глинки или фрагментов из нее. Одночастная кантата М. С. Гольтисона звучала в тот же день в городском училище в Чебоксарах, а днем ранее — в Тобольске силами учащихся ремесленного училища. Кантата М. Речкунова была рекомендована к исполнению на школьных торжествах, однако о ее исполнении в Красноярске не сообщается.

Очевидно, выбор сочинений для исполнения на красноярских торжествах был обусловлен предпочтением к образцам, предполагающим облегченность и мобильность исполнительского состава, которые допустимо, при необходимости, исполнить фрагментами. В отсутствие в городе филиала Императорского Русского музыкального общества, оперного театра и стабильного хорового коллектива, полноценная организация репетиционного процесса для подготовки к исполнению крупных вокально-симфонических кантат, созданных к юбилейной дате известными композиторами, была на тот момент, по всей видимости, невозможна.

Список литературы и источников

[1] ГАКК. Дело о праздновании трехсотлетнего юбилея царствования дома Романовых. Ф. 433. Оп. 1. Д. 71. 26 л.
[2] ГАКК. Протоколы особой комиссии о выработке программы празднования трехсотлетия царствования дома Романовых. Ф. 3 Оп. 1 Д. 184. 2 л.
[3] *Дадыгина* Т. В. Из опыта работы по источниковедческому анализу и восстановлению первоначального монтажа игровых фильмов фирм А. А. Ханжонкова и А. О. Дранкова, снятых к празднованию 300-летия Дома Романовых в 1913 г. // Четыре века Дома Романовых: материалы Международной научной конференции 6 марта 2013 г. М.: РГГУ, 2013. 828 с.
[4] Енисейская мысль. 1913. 21 февр.
[5] Енисейская мысль. 1913. 10 февр.
[6] Енисейская мысль. 1913. 12 февр.
[7] Енисейская мысль. 1913. 13 февр.
[8] Енисейская мысль. 1913. 14 февр.
[9] Енисейская мысль. 1913. 15 февр.
[10] Енисейская мысль. 1913. 19 февр.
[11] Енисейская мысль. 1913. 20 февр.
[12] Енисейская мысль. 1913. 27 февр.
[13] Енисейская мысль. 1913. 27 янв
[14] Енисейская мысль. 1913. 31 янв.
[15] Енисейская мысль. 1913. 6 февр.
[16] *Ищенко* О. В. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в праздновании 300-летия Дома Романовых // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №1. С. 32–35.
[17] *Козлов* Ф. Н. Празднование 300-летия Дома Романовых в учебных заведениях Чувашского края // Вестник архивиста. 2013. №4. С. 40–49.

Многослойная стоянка Ушки V (полуостров Камчатка): научные открытия начала XXI века

И. Ю. Понкратова,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан

АННОТАЦИЯ В результате исследования стоянки Ушки V в 2004–2021 гг. выявлено четыре культурных горизонта; установлены время первоначального заселения Камчатки около 13300 л. н. и зависимость населения от вулканической активности; обнаружены свидетельства использования органических красителей около 13 тыс. л. н.; предположено появление транспортного собаководства 8,5–9 тыс. л. н.; в ранненеолитическом слое зафиксирован факт использования керамического сосуда для квашения рыбы около 6 тыс. л. н.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Камчатка, Ушки, тефрохронологический метод, трасологический анализ, миграции, пигменты, тату-орудия, транспортное собаководство, ранненеолитическая керамика.

Многослойная стоянка Ушки V (п-ов Камчатка) исследуется отрядом Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) с 2004 г. под руководством автора. На стоянке вскрыто 148 кв. м; обнаружено более 12 тыс. артефактов, выявлено четыре периода ее заселения, на основе которых стало возможным предположить, что южный берег Большого Ушковского озера (п-ов Камчатка) на рубеже плейстоцена — голоцене был заселен не менее восьми раз: ранний период перехода от палеолита к неолиту (~13320–12022 кал. л. н.), поздний период перехода от палеолита к неолиту (12225–10131 кал. л. н.), начальный (~8608–8297 кал. л. н.), ранний (~6679–4406 кал. л. н.), средний (~2809–1516 кал. л. н.), поздний (~1059–996 кал. л. н., или 960–1020 гг. н. э.) неолит, первый (1200–1400 гг. н. э.) и второй (1650–1700 гг. н. э.) периоды древнеительменской культуры. Для каждого периода заселения стоянок Ушки выделены особенности [9].

Получение серии радиоуглеродных дат по углю из очага жилища наиболее раннего культурного слоя VII и подстилающего его слоя «ржавый пепел», ниже которого культурные остатки никогда не фиксировались, позволили датировать древнейшее заселение стоянки временем ~13320–12022 кал. л. н. Маркер этого периода — бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком. Их изучение методом трехмерного анализа (3D) с использованием геометрико-морфометрического программного обеспечения GLiMR позволило получить цифровую характеристику орудий исследуемой стоянки и стоянок Гоулт (~13230 кал. л. н.) и Купер Фери (13580–13460 кал. л. н.) северо-запада Американского континента [18], выявить сходство и выдвинуть предположение о миграции населения со стороны американского континента на Камчатку около 13300 л. н. [26].

Другим открытием при изучении артефактов первого периода заселения стоянки стало обнаружение пигментов на орудиях, бусинах и подвесках. Элементный анализ окрашенных артефактов с использованием сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии показал искусственное происхождение пигментов на предметах и разнообразный состав краски. Присутствие сульфатов, фосфатов, хлоридов, соединений мышьяка и пр. и анализ этнографических описаний позволили предположить, что в качестве добавок использовались такие биологические материалы, как икра рыб, кровь животных, человеческая моча, кора деревьев и т. д. [13].

Трасологический анализ окрашенных каменных орудий стоянки Ушки V позволил выявить морфологически не различимые и визуально определяемые как аморфные отщепы изделия с относительно сильной и более слабой изношенностью. Возможно, что орудия с сильной изношенностью использовались для обработки шкур или кожи животных и рыбы более продолжительное время. Орудия со слабо изношенностью рабочего края могли использоваться для разовых — непродолжительных работ по мягкому эластичному материалу (кожа животного или человека). С учетом наличия на них искусственных пигментов не исключаем их использование в качестве инструментов (тату-орудий) для прослеживаемой с этнографического времени традиции, характерной для населения Камчатки и всего Тихоокеанского региона — нанесения татуировок [14].

Особенность второго периода заселения стоянок Ушки (культурный слой VI, 12225–10131 кал. л. н.) — микропластинчатая технология изготовления каменных изделий техникой юбецу [20]. Сопоставление материалов этого периода ушковских стоянок и сопредельных территорий позволяет говорить о новой миграции населения на Камчатку около 12000–10100 кал. л. н., но ее направление остается дискуссионным. Орудия, изготовленные в технике юбецу, датируются около 30–25 тыс. кал. л. н. в Корее [22], Китае [27], на Хоккайдо [21] и Сахалине [1], что предполагает теорию первоначального появления микропластинчатой индустрии на Дальнем Востоке, а затем распространение ее на большую часть Северо-Восточной Азии [19, с. 21], в том числе на Камчатку.

Изучение тефростратиграфии на стоянке Ушки V третьего периода заселения (начальный неолит) показало, что жилищный котлован культурного слоя V «прорезал» пепловый слой извержения ^{14}C 8340±120 (8300) л. н. вулкана Шивелуч (пепел VI по Н. Н. Дикову [3, с. 81]). Получение новых дат по углю из жилища позволило датировать его в пределах ^{14}C 7705±38–7642±81 л. н. и уточнить время периода около 8608–8297 кал. л. н. В числе артефактов — одно- и двуплощадочные со встречным снятием пластин призматические нуклеусы, бифасиальные изделия, отщепы и пластины со следами утилизации, ножи и концевые скребки на пластинах, галечные орудия [7]. На Камчатке аналогичные комплексы были обнаружены на стоянках Анавгай II (слой I) и Раздельный I (слой III), датируемые по углю ^{14}C л. н. 8850±40 (IAAA-92681) и 8810±30 (IAAA-120929) [16] или 10158–9762 и 9938–9695 кал. л. н. соответственно.

Находки зубов собак в жилище культурного слоя V, синхронность комплексов и сходство каменного инвентаря сумнагинской культуры Якутии [4, 23] предполагают, что использование собак в упряжке на Камчатке могло начаться около 8,5–9 тыс. л. н. Одомашнивание собаки на Камчатке в предшествующий период [3], высокая мобильность населения с микролитической индустрией в мезолите Европы и Азии, складывание специализированного транспортного собаководства на полуострове в последующем [17] предполагают наличие у населения в указанный период специализированного транспорта, которым могла быть собачья упряжка [25].

Впервые в ранненеолитическом слое IV стоянки Ушки V (четвертый период, ^{14}C 5725–4055 л. н./6679–4406 кал. л. н.) были обнаружены фрагменты керамики. Сегодня это древнейший археологический памятник с керамикой не только на Камчатке, но и на всей территории севера Дальнего Востока России. Форма сосуда — шаровидная, со стенками, со слегка отогнутым наружу венчиком, под которым располагался ряд сквозных отверстий. В формовочной массе присутствуют минеральные примеси искусственного происхождения (дробленый обсидиан); сосуд формовался на специально подготовленной основе; обработка поверхности внешних стенок проводилась путем обмазки и «прокатыванием шнуром»; обжиг — костровый. Липидный анализ установил, что в сосуде находилась рыба (вероятно, лососевых пород) и, возможно, растения. Биомаркеры для нагрева водных масел отсутствуют, что позволяет пред-

положить использование сосуда в качестве емкости для хранения или приготовления рыбы квашением, что находит аналогии в этнографических описаниях народов Камчатки в XVIII в. [5]. В этот период использовались наземные жилища в виде чума или шалаша, с очагами без обкладки, площадки-мастерские, хозяйственные ямы. Каменный инвентарь включает призматические и конические нуклеусы, ретушированные наконечники на пластинах, пластинки и пластины и их фрагменты, которые применялись как ножи, использовались во вкладышевых орудиях; скребловидные орудия из обсидиана и базальта, резцы, отбойники из песчаника. Особого внимания заслуживают ножи в виде пластин с выемками для разделки рыбы [10]. Обнаружение предметов мелкой пластики с призматическими и коническими нуклеусами, наконечниками и резцами на пластинах в ранненеолитическом слое стоянки Ушки V позволяет включить их в число характерных признаков раннего неолита Камчатки. Возможно, что фигурки рыбок связаны с обрядами, посвященными «рыбьему богу» Хантаю [5].

Находки фауны и флоры (чешуя, кости и зубы рыб, зубы собак, скорлупа кедровых орехов и пр.), обнаруженные во всех культурных слоях стоянки Ушки V, свидетельствуют, что стратегия жизнеобеспечения населения всех периодов связана с охотой, рыболовством и собирательством.

В результате применения тефрохронологического метода в почвенно-пирокластическом чехле стоянки Ушки V идентифицировано 12 слоев тефр, систематизированы данные об их возрасте, мощности, составе, минералах-индикаторах, уточнена стратиграфия объекта [8]. Установлено, что территория исследования находилась в центре пеплопадов крупнейших катастрофических извержений вулканов, удаленных от места исследования от 30 до 630 км. Учитывая, что крупнейшие эксплозивные извержения вулканов Камчатки имели тенденцию к группированию во времени [15], предположено, что этапы заселения Камчатки человеком, смена населения и вместе с этим смена производственных технологий, возможно, были связаны именно с катастрофическими извержениями.

Изучение археологических коллекций, полевых отчетов и публикаций о каменном веке сопредельных территорий [1, 2, 4, 6, 21, 22, 27 и др.] установило более позднее по сравнению с другими территориями первоначальное заселение Камчатки (около 13300 л. н.), которое, возможно, связано с миграцией со стороны американского континента. Катастрофические извержения вулканов в конце плейстоцена — голоцене стали причиной перерывов в заселении и смене населения на Камчатке, тогда как на других территориях смена этапов происходила последовательно.

В целом же на основе детального изучения в начале XXI в. стоянки Ушки V и с привлечением данных об открытии новых стоянок и опубликованных ранее материалов о других археологических памятниках стало возможным определить время первоначального заселения полуострова [24], выделить этапы и критерии каменного века Камчатки [7, 10–12, 24].

Список литературы

[1] *Василевский А. А.* Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008.
[2] *Грищенко В. А.* Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сах. гос. ун-т, 2011.
[3] *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977.
[4] История Якутии: в 3 т. Т. I. Новосибирск: Наука, 2020.
[5] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1.

[6] *Медведев В. Е.* Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 244–248.

[7] *Понкратова И. Ю.* Начальный неолит полуострова Камчатка (по данным исследования стоянки Ушки V) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 13–20.

[8] *Понкратова И. Ю.* Тефрохронологический метод исследования стоянки Ушки V на Камчатке // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 2. С. 17–23.

[9] *Понкратова И. Ю.* Этапы заселения территории у Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена — голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 1. С. 41–51.

[10] *Понкратова И. Ю.* Ранний неолит полуострова Камчатка // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 1. С. 15–22.

[11] *Понкратова И. Ю.* Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 5: Археология и этнография. С. 86–102.

[12] *Понкратова И. Ю.* Поздний неолит полуострова Камчатка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2. С. 38–50.

[13] *Понкратова И. Ю., Лбова Л. В., Губар Ю. С.* Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Universum Humanitarium. 2019. № 1. С. 56–71.

[14] *Понкратова И. Ю., Губар Ю. С., Волков П. В., Лбова Л. В.* Окрашенные артефакты стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Краткие сообщения Института археологии. 2020. № 261. С. 50–66.

[15] *Пономарева В. В.* Крупнейшие эксплозивные вулканические извержения и применение их тефры для датирования и корреляции форм рельефа и отложений: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2010.

[16] *Пташинский А. В.* Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 3. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 120–128.

[17] Собаководство на Камчатке в XVIII–XX вв. в материалах путешественников и исследователей / сост. В. И. Борисов. Петропавловск-Камчатский, 2007.

[18] *Davis L. G., Madsen D. B., Becerra-Valdivia L., Higham T., Sisson D. A., Skinner S. M., Stueber D., Nyers A. J., Keen-Zebert A., Neudorf C., Cheyney M., Izuho M., Iizuka F., Burns S. R., Epps C. W., Willis S. C., Buvit, I.* Late Upper Paleolithic occupation at Cooper's Ferry, Idaho, USA, ~16,000 Years Ago // Science. 2019. Vol. 365. P. 891–897.

[19] *Gomez Coutouly Y. A.* The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon. 2018. Vol. 60. P. 821–855.

[20] *Gómez Coutouly Y. A., Ponkratova I. Y.* The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) // PaleoAmerica. 2016. Vol. 2. P. 303–331.

[21] *Iwase A.* A functional analysis of the LGM microblade assemblage in Hokkaido, northern Japan: A Case Study of Kashiwadai 1 // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 140–157.

[22] *Lee G.-K.* Lithic technology and the transition from the Middle to Upper Paleolithic in Korea // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2006. Vol. 4. P. 31–37.

[23] *Pitulko V. V., Kuzmin Y. V., Glascock M. D., Pavlova E. Yu., Grebennikov A. V.* «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // Antiquity. 2019. Vol. 93. Iss. 367. 2019. P. 28–44.

[24] *Ponkratova I. Y., Chlachula J., Clausen I.* Chronology and environmental context of the early prehistoric peopling of Kamchatka, the Russian North Far East // Quaternary Science Reviews. 2021. № 252 (106702).

[25] *Ponkratova I. Y.* From Continent to Continent: Proposed Pathways of Human Travel from Kamchatka to America in Ancient Times // 27th EAA Annual Meeting (Kiel Virtual, 2021). Abstract Book, 2021. P. 621.

[26] *Ponkratova I. Y., Devis L. G.* Technological characterization of late Pleistocene-aged stemmed projectile points from the Ushki site, layer VII, Kamchatka, Russia // 27th EAA Annual Meeting (Kiel Virtual, 2021). Abstract Book, 2021. P. 620.

[27] *Zhang J.-F., Wang X.-Q., Qiu W.-L., Shelach G., Hu G., Fu X., Zhuang M.-G., Zhou L.-P.* The Paleolithic site of Longwangchan in the Middle Yellow River, China: chronology, paleoenvironment and implications // Journal of Archaeological Science. 2011. № 38. P. 1537–50.

История развития традиционных жилищ хакасов в XVIII–XX вв.

Е. В. Прищепа,
кандидат исторических наук, ГБНИУ Республики Хакасия «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», г. Абакан

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию вопросов истории основных типов традиционных жилищ хакасов в XVIII–XX вв. Изучение жилищ выявило основные особенности и ключевые этапы исторического развития традиционных типов жилищ этноса в этнографическое время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА материальная культура, жилище, *иб*, хакасы, Хакасская автономная область, Хакасия.

На всем протяжении времени своего существования в XVIII–XX вв. традиционные типы жилищ хакасов проходили исторически обусловленные этапы развития. Этот процесс имел свои особенности, обусловленные множеством факторов и причин. Период XVIII–XIX вв. стал временем становления и развития традиционной культуры жизнеобеспечения хакасов, что оказывало влияние и порождало своеобразие изучаемой сферы жилищного строительства. На данный период приходятся процессы трансформации жилища, иноэтнического воздействия со стороны пришлых культур на основе межэтнических контактов, социально-экономических особенностей и процессов прекращения существования основных традиционных типов жилищ, что преимущественно характерно для конца XX в. Несмотря на всю проблематику развития жилищ, их изучение позволяет определить нам историческую динамику этого процесса.

Характерной чертой для периода XVIII в. являлось широкое бытование всех типов традиционных жилищ хакасов в зависимости от районирования. Так, в таежной местности преобладали жилища, более адаптированные для этого сурового климата: *тура*, *ат иб*, *одаг/отах*, *агас иб*. Войлочные и берестяные *иб* в период их массового бытования были наиболее распространены в степной части территории субрегиона. Отдельные типы жилищ, отличающиеся своей универсальностью и простотой конструкции, например, как *алачых*, использовались повсеместно. На рубеже XIX–XX вв. отмечается трансформация традиционного образа жизни коренного населения края, что сказывается и на изменениях в домостроительных традициях. Прежде всего это превалирование конструкций срубных жилищ хакасов под влиянием домостроительной культуры русских, жилища приобретают массовый характер. К концу XX в. традиционные хакасские жилища, прежде всего каркасной и каркасно-столбовой конструкции, такие, как *тос иб*, *киис иб*, уже не бытовали, за очень редким исключением.

Рассматривая каждый по отдельности тип жилища, можно выделить основные их исторические этапы. В истории развития переносной юрты (*тирмеліг иб*, *киис иб*, *хараачылыг иб*) [2, с. 9] можно выделить несколько ключевых этапов. Наибольшее свое распространение этот тип жилища хакасов получает преимущественно в степной части Хакасии в XVIII — первой половине XIX в. Рубеж XIX–XX вв. становится временем выхода из обихода войлочных юрт, как жилищ постоянных и сезонных. К концу XIX в. в ряде ведомств и улусов в незначительном количестве сохранялись перенос-

Фото 1. **Татары у** *алачых* **вблизи Минусинска** [1]

ные юрты, но они были либо нежилые, либо находились в ветхом состоянии [2, с. 12]. Особенностью является то, что бытование войлочных юрт у разных родоплеменных групп хакасов имеет разные хронологические рамки. У кызыльцев они выходят из обихода в период первой трети XIX в. В степной части они исчезают у бельтыр, койбалов и сагайцев на рубеже XIX–XX вв., у качинцев *киис иб* еще встречаются в середине XIX в.

Стационарное жилище *тос иб* приходит на смену войлочной юрте и до конца XIX в. остается основным распространенным типом летнего жилища хакасов, чему способствует переход на оседлый образ жизни. К концу XIX в. *тос иб* совсем не сохранилось у кызыльцев, у качинцев жилища в это время становятся редкостью и имеют характер всесезонного. Рубеж XIX–XX вв. становится временем фиксации единичных *тос иб* в Аскизской управе. Единичный случай фиксации жилого *тос иб* отмечен в Таштыпском районе Хакасской автономной области (далее — ХАО) в середине XX в. [7, с. 43].

Каркасное конусообразное наземное жилище хакасов *алачых* (*фото* 1) первоначально имело круглогодичный всесезонный характер использования и широкий ареал: бытовало как в летниках, так и в зимниках Хакасии. На рубеже XIX–XX вв. его использование уже было определено летним вариантом исполнения конструкции. Конец XIX в. становится временем трансформации и формирования новых особенностей его облика. К середине XX в. *алачых* фиксируется этнографами в единичных вариантах, что является временем его исчезновения [3].

Стационарное жилище хакасов каркасно-столбовой конструкции с усеченно-пирамидальной кровлей *ат иб* имело свое определенное бытование в материальной культуре на протяжении периода XVIII–XIX вв. В XIX–XX вв. его распространение отмечено в подтаежной и таежной частях Хакасии у сагайцев, койбалов и бельтыр, а в более ранний период первой половины XVIII в. — у качинцев. Процессы трансформации традиционной культуры хакасов на рубеже XIX–XX вв. и в последующий период на протяжении XX в. находят свое отражение в изменении традиционных форм изготовления жилищ каркасно-столбовой конструкции, в том числе это косну-

Фото 2. Жилище *агас иб*. Музей-заповедник «Хуртуях тас» (МАУК МЗ «Хуртуях тас»). Фото автора, 2019 г.

лось и жилища *ат иб*. *Ат иб* как один из типов жилища у таежных хакасов перестал бытовать во второй половине XX в. [4].

Период XIX — начала XXI в. стал временем бытования и использования сезонных жилищ *одаг/отах* в материальной культуре хакасов. Для XIX в. и рубежа XIX–XX вв. характерными формами каркасной конструкции жилищ являлась их сезонность. XIX в. стал временем развития жилища и своего наибольшего распространения. Вторая половина XX в. и последующий период до начала XXI в. *отаг* воспринимается уже как жилище исключительно сезонное во всех четырех его типах (*чамдых одаг*, *чарты*, *туюх одаг*, *от отах*). К концу XX в. меняются его конструктивные характеристики и происходит последующее его исчезновение в таежной части Хакасии. Жилище трансформируется, в результате чего мы наблюдаем замещение *одаг* на небольшие всесезонные избушки срубного типа — *турачах*, бытование которых в таежной части Хакасии продолжается по настоящее время. На местах покосов сохраняются редкие *от отах*.

Широкое распространение срубной техники конструкции жилищ в XX в. в Хакасии нашло свое отражение в изменении типологии традиционных форм этих жилищ у хакасов, их бытовании и последующем закономерном исчезновении. Срубные деревянного типа жилища с характеристиками практичности и долговечности приобретают особое развитие и определяют его тенденции в XX в.

Стационарное многоугольное деревянное срубного типа жилище с выпуклой крышей — *агас иб* получило свое широкое бытование в материальной культуре хакасов в XIX в. в качестве жилья и оставалось известным в летнем исполнении до конца XX в. XIX–XX вв. становятся временем широкого его распространения в материальной культуре хакасов. В конце XX в. многоугольные бревенчатые жилища еще сохранялись в ряде аалов Хакасии. Рубеж XX–XXI вв. стал временем, когда жилище *агас иб* утратило свое прежнее значение в материальной культуре этноса.

Жилище срубного типа — *столбалыг иб* впервые было описано на рубеже XIX–XX вв., что стало временем его бытования, впоследствии фиксировалось в ХАО в середине XX в., что явилось временем его завершающего этапа развития. Данный тип

жилища являлся одной из разновидностей объекта *иб* этнографического времени в материальной культуре хакасов [6].

Автохтонное жилище срубной конструкции *тура*, без чердака и с земляным полом, получило свое преимущественное существование и развитие в XVIII–XIX вв. в таежной местности ХМК. Начало трансформации конструкции *тура* относится к XVIII в. [5, с. 95]. В последующий период влияние русского деревянного зодчества на дальнейшее развитие жилища возрастало и заключалось в изменении его архитектурных форм. В процессе исторического развития это привело к переменам в планиграфии, устройстве крыши, полов, систем освещения и отопления и в конечном итоге — к вытеснению жилища в традиционных его формах и замене на схожее срубное жилище русского типа — избу в XX в.

На развитие жилищ оказывала влияние степень интенсивности культурных контактов. Там, где она была ниже, наблюдалось наименьшее влияние со стороны инокультурного мира, например, как это было у качинцев, дольше сохранялись и традиционные формы жилищ. Тенденцией конца XX в. становится запустение сел и аалов, избавление от предметов старины за ненужностью, перестройка традиционных жилищ в обычные летние кухни.

Развитие жилища продолжается и в настоящее время, а соединение в нем этнографических традиций, интерьерных и экстерьерных решений и новых конструктивных направлений в жилищном строительстве стало частью экспозиций музеев Хакасии (*фото* 2). Отрадно отметить, что некоторые типы традиционных жилищ, хотя и в единичных экземплярах, все еще встречаются в отдаленных аалах Хакасии, оставаясь неотъемлемой частью современной материальной культуры хакасов.

Список литературы

[1] Быт и культура хакасов в иллюстрациях (XIX — начало XX в.) / сост. К. М. Патачаков / Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 924, 1994 (4 конверта, 110 листов (фотографии).

[2] *Патачаков* К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 88 с.

[3] *Прищепа* Е. В. История жилища «алачых» у хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография. С. 122–130. DOI 10.25205/1818–7919–2021–20–3–122–130.

[4] *Прищепа* Е. В. История жилища ат-иб у хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 2. С. 13–19.

[5] *Прищепа* Е. В. К вопросу о генезисе жилища «тура» у хакасов // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 90–98. DOI: 10.17223/15617793/433/12.

[6] *Прищепа* Е. В. Проблемы генезиса жилища тура в неопубликованных работах Ю. А. Шибаевой в свете современных этнографических исследований // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 1 (33). С. 116–125.

[7] *Шибаева* Ю. А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения АН СССР. Вып. X. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 46–53.

Детские дошкольные учреждения в социокультурном ландшафте сибирских городов 1950-х — 1960-х гг.

М. В. Сентябова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии,
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме детских дошкольных учреждений городов Сибири в 1950-х — 1960-х гг. Автор рассматривает место и роль детских садов и яслей в повседневной жизни сибирских городов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА дети, детский сад, ясли, сибирский город, Красноярский край, Иркутская область, Восточная Сибирь.

Долгие годы существования СССР тема детских дошкольных учреждений привлекла исследователей лишь в двух узких аспектах. Один из них придавал существованию детских садов и яслей цель быть частью решения так называемого женского вопроса, то есть обеспечения трудового и социокультурного равноправия женщин. Так, тема дошкольных учреждений понималась в известном социологическом очерке «Женщина. Труд. Семья» [23] или в работе «Труд и быт советских женщин» [14].

Другой способ рассмотрения темы детских садов и яслей — через оптику народного образования в целом. Этой логики придерживались авторы педагогических работ, например труда «Народное образование в СССР» [22]. Ее же придерживались и ученые-статистики, что ясно демонстрирует раздел «Воспитание и обучение подрастающего поколения» статистического сборника «Женщины и дети в СССР» [15].

Роль и место детских дошкольных учреждений в повседневной жизни людей начинает переосмысляться историками только на рубеже XX–XXI вв. В этот период появляется множество работ, посвященных как истории советской системы дошкольного образования в целом [2], так и региональным аспектам этой проблемы [6, 21]. К сожалению, исследований, посвященных именно сибирскому аспекту темы, в настоящий момент явно недостаточно. На материале Красноярского края тему детских дошкольных учреждений поднимали Н. А. Баранцева и С. А. Рафикова [1, 27]. Последняя работа представляется особенно интересной, поскольку в ней автор поднимает тему важности детских садов для повседневной жизни горожан. Однако, на наш взгляд, далеко не все аспекты автору удалось раскрыть, чему и посвящено данное исследование.

Попытки создания системы дошкольных учреждений в городах Сибири начинаются еще в первой половине XX в. Так, уже к 1938 г. в городах Красноярского края действовало 55 детских дошкольных учреждений общей численностью на 3016 мест [1, с. 113]. Но охват населения дошкольным образованием в этот период следует признать явно недостаточным. Активно развиваться сеть детских садов и яслей в Сибири начинает в послевоенный период, вместе с промышленным развитием региона.

Во второй половине XX в. Сибирь переживает период ускоренной модернизации и индустриализации. С 1950-х гг. здесь развернулось бурное промышленное освоение, что приводит к ускорению урбанизации региона, росту старых и возникновению новых промышленных центров. За период, прошедший между двумя всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг., численность городского населения

Красноярского края увеличивается с 1296 тыс. чел. до 1831 тыс. чел. Городское население Иркутской области за тот же период вырастает с 1224 тыс. чел до 1688,5 тыс. чел. [3, 4]. Высокий прирост численности населения в этот период был характерен прежде всего для крупных индустриальных центров (Красноярск и Иркутск) и молодых городов региона [13, с. 465–467].

Одновременно вместе с численностью меняется и возрастной состав населения, причем заметнее всего растет количество людей молодого и среднего возраста (до 40 лет), то есть людей, с большей вероятностью вовлеченных в общественное производство и имеющих детей дошкольного возраста. Например, на 1959 г. к категории занятого населения (рабочих, служащих и т. д.) относились 41 % мужчин и 28 % женщин всех возрастов, проживающих в Красноярске, то есть большая часть трудоспособного населения [5; 8, л. 8–9]. Большинство городских семей Сибири, особенно в новых, строящихся городах, не имели старших неработающих родственников, которые могли присматривать за детьми, пока родители заняты на учебе или в производстве [27, с. 138]. В условиях тотального вовлечения родителей в общественное производство важнейшим условием повседневной жизни горожан становится организация системы общественного присмотра за детьми, то есть детских садов и яслей.

К концу 1955 г. в городах Красноярского края уже действовали 92 яслей на 3505 мест, из которых 113 мест были удлиненного дня (12–14 часов) и 965 круглосуточных. В городах края насчитывалось 52 городских детских сада на 2762 места и 115 ведомственных — на 5220 детей [10, л. 295]. С 1959 г. в системе дошкольных учреждений появляется новое явление — комбинированные ясли-сад, где могли находиться дети в возрасте с двух месяцев до семи лет [25]. С этого периода доля яслей в городах края начинает постепенно сокращаться, а детских садов и яслей-садов — расти. Так, к 1965 г. только в одном Красноярске из 112 детских дошкольных учреждений на 14 003 места 32 учреждения составляли ясли на 2605 и 61 — ясли-сады, где из 9698 мест ясельные группы занимали 3268 мест [17, л. 245]. К 1970 г. из 289 постоянных дошкольных учреждений на 38 800 мест Красноярска насчитывалось только 46 яслей на 4030 мест [18, л. 88; 20, с. 28].

Особенно чувствительным к уровню развития системы детских дошкольных учреждений было женское население. Рост индустриального производства требовал все большего вовлечения женского труда, что вступало в противоречие с существующими традиционными представлениями о женщине как «хранительнице домашнего очага» [26, с. 156–158]. Наличие детей, за которыми было нужно присматривать, начало создавать трудности для профессиональной реализации женщин. Так, в Красноярском крае в 1957 г. из женщин в возрастной группе от 15 до 35 лет, не имеющих среднего образования, в качестве причины, мешающей это образование получить, 44 % называли наличие детей [7, л. 3]. Таким образом, доступность детских садов и яслей была важным условием ликвидации неравноправного положения женщин в быту.

Но, помимо экономического и социального эффекта, развитие сети детских дошкольных учреждений позволяло решать проблемы здоровья детского населения. В период 1950-х — 1960-х гг. основными причинами младенческой и детской заболеваемости и смертности в Сибири выступали пневмония и инфекционные заболевания [28, с. 390]. К началу 1960-х гг. в Красноярске катар верхних дыхательных путей и пневмония занимали первое место в структуре заболеваемости, составляя около 30 % всей заболеваемости [16, л. 69].

Большое влияние на распространение этого заболевания оказывали социальные факторы, прежде всего недостаточное и неправильное питание детей. В документах городского отдела здравоохранения справедливо указывалось, что

> дети недоношенные, ослабленные, часто болеют из-за неблагоприятных материально-бытовых условий [16, л. 75].

В 1965 г. 37 % детей, болеющих пневмонией, также страдали от рахита 1-й и 2-й степеней. В 1970 г. таких детей насчитывалось уже 42 % [17, л. 198; 19, л. 62]. Кроме того, заболеваемость пневмонией имела четкий сезонный характер — наибольший процент заболевших в зимнее время, что может быть связано как с распространением в этот период сезонных респираторных инфекций, так и со слишком низкой температурой в домах и детских учреждениях [28, с. 395].

Высоким оставался и уровень заболеваемости другими инфекционными заболеваниями, что свидетельствует о проблемах в санитарно-гигиеническом состоянии городов. На 1955 г.

> город Красноярск находится в антисанитарном состоянии. Многие дворы города захламлены, нечистоты вывозятся нерегулярно и заливают территории дворов, помойные ямы дезинфицирующими средствами заливаются крайне редко или вовсе не заливаются, в помещениях магазинов, столовых и даже лечебных учреждений большое количество мух [9, л. 13].

На конец 1960 г. из площадей обобществленного жилищного фонда в Красноярске только 51,5 % был оснащен водопроводом и 47,5 % — канализацией [20, с. 24].

В ситуации, когда даже в крупнейших сибирских городах оставалась высокая доля неблагоустроенного жилья, очевидным способом повышения уровня детского здоровья выступало использование для этих целей системы детских дошкольных учреждений. С 1936 г. детские дошкольные учреждения находились фактически под «присмотром» двух ведомств — просвещения и здравоохранения [24]. В детских садах, помимо воспитания, осуществляли медицинский присмотр за детьми, прививали навыки гигиены, внедряли оздоровительные практики, такие как закаливание и солнечные ванны. Например, для профилактики рахита и гипотрофии использовали такие закаливающие процедуры, как сон на воздухе, обтирание рук и ног прохладной водой, массаж, гимнастика, витаминизирование пищи [17, л. 249]. В яслях и детских садах устраивали школы матерей, проводили беседы с родителями о гигиене и питании, выпускали санитарные бюллетени [17, л. 246].

В то же время здравоохранительная и социальная польза детских дошкольных учреждений в городах Сибири не раскрыла себя в полной мере. Несмотря на наблюдаемый рост, детских садов и яслей не хватало на всех, желающих воспользоваться их услугами. Так, в 1955 г. в городах Красноярского края местом в яслях были обеспечены только 30 % детей в возрасте до одного года. Только в Минусинске в очереди в ясли стояло 80 матерей, 70 % из которых составляли матери-одиночки. К 1959 г. обеспеченность яслями в городах Красноярского края составляла 12 на 1000 населения при норме 30 на 1000. Не имели яслей такие крупные предприятия, как райТЭЦ, где работало 1500 женщин, управление связи (2000 женщин), завод самоходных комбайнов. Для соблюдения нормы только в Красноярске к 1963 г. с учетом роста численности населения необходимо было иметь не менее 150 яслей на 15 тыс. мест — чего, как мы знаем, так и не произошло [10, л. 4–6]. Сильнейшая нехватка мест в детских дошкольных учреждениях наблюдалась в городах Иркутской области. Так, в Иркутске в 1957 г. действовали 41 ясли на 2205 мест, а очередь в ясли насчитывала 3500 детей [11, л. 150]. В городе Черемхово к 1966 г. не хватало 3780 мест в яслях и 3285 в детских садах [12, л. 147].

Мест в детских садах не хватало, тысячи семей стояли в очередях. Неразвитость социальной структуры способствовала снижению числа рождений, увеличению доли малодетных и бездетных семей [13, с. 468].

Список литературы и источников

[1] *Баранцева Н. А.* Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 3 т.: материалы, Иркутск, 1 марта 2012 г. / Иркутский государственный университет. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2012. С. 109–114.

[2] *Волобуева Л. М.* Детские ясли советской эпохи // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2017. № 8. С. 98–105.

[3] Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке / Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=4&gor=1&Submit=OK (дата обращения: 08.08.2021).

[4] Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения регионов РСФСР по полу, возрасту и состоянию в браке / Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_70.php?reg=4&gor=1&Submit=OK (дата обращения: 08.08.2021).

[5] Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу / Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 08.08.2021).

[6] *Гадицкая М. А.* Детские дошкольные учреждения как фактор роста занятости женщин-колхозниц в 1930-х годах (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73–1. С. 135–140.

[7] ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 3. Д. 66.

[8] ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 29.

[9] ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 338.

[10] ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 110.

[11] ГАНИИО. Ф. Р-127. Оп. 50. Д. 55.

[12] ГАНИИО. Ф. Р-127. Оп. 73. Д. 51.

[13] *Гонина Н. В.* Модернизация рождаемости городского населения Красноярского края во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, 2014. С. 462–474.

[14] *Груздева Е. Б., Чертихина Э. С.* Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983. 222 с.

[15] Женщины и дети в СССР: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1963. 206 с.

[16] КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 80.

[17] КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 118.

[18] КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 162.

[19] КГА. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 163.

[20] Летопись городов Сибири. Красноярск — 390: стат. сб. / отв. ред. С. И. Березовская. Красноярск: Красноярскстат, 2018. 145 с.

[21] *Мишина М. А.* Становление и развитие системы детских яслей на Южном Урале: 1920-е — 1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. № 2. С. 116–119.

[22] Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева [и др.]. М.: Просвещение, 1967. 243 с.

[23] *Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова З. Л.* Женщина. Труд. Семья. М.: Профиздат, 1978. 112 с.

[24] «О запрещении абортов» / Docs.cntd.ru — электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/456020602 (дата обращения: 08.08.2021).

[25] «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений» / Docs.cntd.ru — электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/765714439 (дата обращения: 08.08.2021).

[26] *Рафикова С. А.* Сибирская горожанка 1960-х: труженица и мать // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной кон-

ференции РАИЖИ и Института этнологии и антропологии РАН: в 2 т. Смоленск — М.: Изд-во СмолГУ, 2016. Т. 2. С. 155–158.

[27] *Рафикова С. А.* Детские ясли в сибирских городах в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3 (74). С. 137–140.

[28] *Сентябова М. В.* Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950-х — 1960-х гг. // Иркутский экономический ежегодник: 2021. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. С. 388–397.

Ассоциация «Сибирская лира» — новая форма литературного сообщества

О. С. Тараканова,
член Союза писателей России, общественный деятель, г. Минусинск

АННОТАЦИЯ В статье на примере Межрегиональной ассоциации литературных объединений юга Красноярского края и Хакасии «Сибирская лира» рассмотрены инициативы руководителей литературных объединений региона по формированию единого коллектива местных литераторов. Автор подчеркивает уникальность данной формы литературного сообщества, обращает внимание на проблемы в организации ее деятельности и делится первыми успехами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинск, ассоциация «Сибирская лира», литературные объединения, «Енисейская Сибирь», литературное творчество.

Исторически и территориально так сложилось, что Минусинск является на юге Красноярского края культурным центром. Не случайно именно здесь зародилась идея объединить работу литераторов региона. А близость городов Минусинска и Абакана, «Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном содружестве Красноярского края и Хакасии от 27 октября 2010 года», давние культурные связи территорий — все это способствовало совместной работе литераторов «Енисейской Сибири».

4 октября 2016 г. общим собранием литературных объединений «Зеленая лампа» из Минусинска, «Ирбис» из Абакана, «Вдохновение» из Идринского, «Стрежень» из Саяногорска, «Проталинка» из Ермаковского, «Шестая струна» из Краснотуранска было принято решение о создании Межрегиональной ассоциации литобъединений юга Красноярского края и Республики Хакасия. В правление ассоциации вошли руководители названных литературных объединений. Председателем правления единогласно избрали идейного вдохновителя совместной работы О. С. Тараканову из Минусинска, заместителем председателя — Н. Л. Троицкую из Абакана. Вел собрание куратор ассоциации, заместитель председателя правления Союза писателей Хакасии Ю. А. Иванов.

В январе 2017 г. был утвержден устав общественной творческой некоммерческой организации, но большинством голосов принято решение ее не регистрировать. Были высказаны предположения, что сбор членских взносов может негативно настроить членов ассоциации по отношению к совместной работе литобъединений. Большинство придерживалось мнения, что взносы пойдут на оплату бухгалтеру, ведь сами литераторы в делах отчетности перед налоговой инспекцией не сильны. На заседании правления был подведен итог конкурса на лучшее название ассоциации, в котором победила Дина Бударина из Абакана. Предложенное ею название «Сибирская лира» получило наибольшее количество голосов.

К весне 2017 г., сославшись на свою самодостаточность, из ассоциации вышли два литобъединения — «Зеленая лампа» и «Проталинка». К этому времени в состав ассоциации влились три новых коллектива: литературный клуб «У Лукоморья» из Курагино, литобъединение «Луч» из Каратузского и студенческий поэтический клуб «Рифма» Минусинского колледжа культуры и искусства.

На общее собрание «Сибирской лиры», которое состоялось в 2017 г. в День поэзии в Центральной библиотеке города Минусинска, Ю. А. Иванов привез первый номер

газеты ассоциации «Контакт». Это был сюрприз, подарок членам собрания от него и первого редактора газеты, руководителя литобъединения «Стрежень» Т. А. Мельниковой. Через год у нее приняла эстафету, стала редактором газеты «Контакт» руководитель литературного клуба «У Лукоморья» Л. А. Горланова.

В январе 2018 г. на заседании правления было решено провести День поэзии в Абакане и далее проводить его поочередно в каждом литобъединении. В 2019 г. праздник Поэзии состоялся в Саяногорске, в 2020 г. — в Краснотуранске, в 2021-м — в Каратузском. На заседание не приехала член правления, руководитель литобъединения «Вдохновение» из Идринского. Было принято решение: в случае невозможности явки на заседание члену правления направлять его полномочных представителей. Но никто от идринского «Вдохновения» не приехал и в следующий раз, литобъединение вышло из состава ассоциации.

Литобъединение «Вдохновение» из Шушенского за свою историю несколько раз прекращало и возобновляло работу. В 2017 г. оно переживало очередной кризис, оставшись без руководителя. Молодые авторы отделились от основного состава и создали литобъединение «Возрождение». Председатель правления «Сибирской лиры» повстречала на фестивале «МИР Сибири» автора из «Вдохновения», узнала, как обстоят у них дела, и решила помочь. Она предложила шушенцам собраться вместе прежним составом на творческую встречу с целью объединить старый и новый коллективы. Члены литобъединения «Возрождение» возвращаться не захотели, а старый коллектив «Вдохновение» назначил руководителя, начал работу, вступив в ассоциацию.

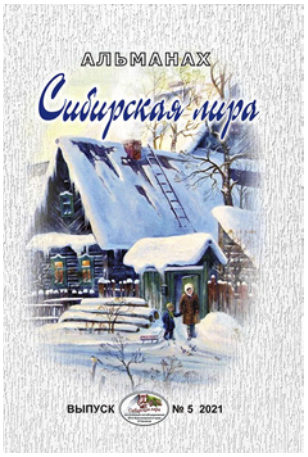
Новое литературное сообщество «Сибирская лира», как многие литературные объединения сегодня, испытывает дефицит молодых авторов. Молодежь неохотно идет в коллективы с прочным ядром возрастных литераторов и сложившимися традициями, выступает против печатных изданий, активно общается в социальных сетях, экспериментирует, создает свои коллективы. Но в ассоциации есть положительный опыт на примере с. Каратузского, где литобъединение «Луч», школа, библиотека и литературный музей связаны между собой важной задачей — выявлением способных к литературной работе школьников. Они задействуют юных авторов в различных мероприятиях и помогают им в творчестве. В ассоциацию входит клуб «Рифма», в котором педагоги и студенты Минусинского колледжа культуры и искусства работают вместе. А вот минусинский молодежный коллектив «Стихотомия» работать вместе с «Сибирской лирой» не захотел, хотя попытки для объединения предпринимались. Возможно, это дело будущего. Ассоциация — «живой организм», находящейся в развитии.

В 2019 г. «Сибирская лира» стала лауреатом 1-й степени в первом краевом смотре-конкурсе литературных

объединений, организованном министерством культуры Красноярского края совместно с Красноярским отделением Союза писателей России. Ежегодно представители «Сибирской лиры» участвуют в поэтических чтениях «Под Рождественской звездой» в п. Курагино, в 2020 г. приняли активное участие в Краснотуранске в литературном конкурсе им. М. Ф. Величко.

Члены ассоциации часто занимают призовые места в местных, краевых и всероссийских литературных конкурсах. Людмила Соснина из литобъединения «Ирбис» — финалист — победитель конкурса «Поезд в страну детства» журнала «Клио и Ко», г. Пермь. Она неоднократно становилась победителем конкурсов, проводимых альманахом «Новый Енисейский литератор». Зоя Ешина из литобъединения «Стрежень» награждена Почетным знаком лауреата Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Ее одноклубница Ольга Мерзлякова заняла первое место в конкурсе «Крымский мост», а член клуба «Рифма» Александр Давыдов в этом же конкурсе занял третье место. Ольга Тараканова с 2016 г. стабильно занимает первые-вторые места в открытых литературных конкурсах Енисейска. В первом литературно-музыкальном фестивале «Седьмое небо» она стала лауреатом в номинации «Крымские чудеса». Через год на этом фестивале Александр Давыдов занял второе место в номинации «Авторская песня». Этот перечень так же, как перечень публикаций, довольно большой.

Публикуются авторы «Сибирской лиры» в коллективных сборниках во многих городах России, в краевых журналах «Литература Сибири», «Поэзия Сибири» и альманахе «Новый Енисейский литератор», в ежемесячнике «Литературный Крым», в собственных изданиях литобъединений. С 2017 г. издается альманах ассоциации «Сибирская лира», редактор-составитель О. С. Тараканова. На страницах альманаха в разделе «Друзья ассоциации» есть произведения Владимира Топилина, Юрия Иванова, Игоря Германа, Владимира Балашова, а также членов литературного клуба «Радуга» из Лесосибирска. Ежегодно презентуется около десяти авторских книг членов ассоциации.



Если сравнивать годовые планы и отчеты «Сибирской лиры», то прослеживается выполнение всех пунктов запланированной работы. Среди мероприятий дружеские встречи литературных объединений и творческие вечера отдельных авторов, презентации новых книг и конкурсы, празднование Дня рождения «Сибирской лиры» и юбилеев литобъединений ассоциации.

В 2018 г. в библиотеке им. А. Т. Черкасова города Минусинска состоялся круглый стол на тему «Роль литературных объединений в сохранении русского языка», организованный председателем правления ассоциации. По итогам работы круглого стола был выпущен сборник докладов, его электронный вариант отправлен в издательство «Буква Статейнова»,

один из докладов опубликован в газете «Литературный Красноярск». В 2019 г. в книге «Русская литература. 21 век» размещены фотографии и опубликована информация о «Сибирской лире».

К трехлетию «Сибирской лиры» правлением ассоциации был подготовлен поэтический конкурс «Сибирская осень — 2019». В июне 2021 г. широко отмечалось 55-летие литературного объединения «Стрежень». Своих друзей приехали поздравить представители всех литобъединений ассоциации из Минусинска, Шушенского, Абакана, Краснотуранска, Каратузского, Курагино.

«Сибирская лира» поддерживает дружеские и деловые отношения с Домом литераторов и Союзом писателей Хакасии, с Красноярским отделением Союза писателей России. В национальной библиотеке им. Н. Г. Доможакова города Абакана проводятся встречи с поэтами из «Сибирской лиры» под названием «Поэтический полдень». Молодые авторы ассоциации отдыхали в летнем литературном лагере Хакасии, где прослушали курс лекций по прозе, поэзии и драматургии. По приглашению директора республиканского Дома литераторов Н. А. Бурнаковой от ассоциации команда поэтического клуба «Рифма» участвовала в КВН, посвященном Дню писателя, председатель правления КРО СП России В. И. Замышляев встречался с представителями всех литобъединений «Сибирской лиры» в Литературном музее им. В. П. Астафьева города Красноярска.

Каждое литобъединение имеет творческие завязки с библиотеками, музеями, школами, находит поддержку администрации в своем населенном пункте. Но в целом ассоциация не является общественной организацией какой-либо административно-территориальной единицы, не относится в полной мере ни к Красноярскому краю, ни к Республике Хакасия, что значительно осложняет работу. Особые трудности возникают, когда «Сибирской лире» требуется транспорт или материальная поддержка.

В октябре 2021 г. Межрегиональной ассоциации литературных объединений юга Красноярского края и Хакасии «Сибирская лира» исполняется пять лет. Бесспорно, это новая форма литературного сообщества, ее методы работы, сама организация деятельности никем ранее не опробованы. Опыт литераторов ассоциации уникален, он заслуживает внимания, так же как и люди, энтузиасты, создавшие «Сибирскую лиру» и бескорыстно служащие ее величеству Литературе.

Список литературы и источников

[1] *Беляева* Т. Язык мой — враг мой... или друг? // Власть труда. 2018. 20 марта.
[2] *Горланова* Л. К новым свершениям и победам // Стрежень: вестник литобъединения «Стрежень» г. Саяногорска. 2021. № 6 (49).
[3] *Медведева* Л. Любовь, Весна, Победа // Эхо Турана. 2020. 20 марта.
[4] Трехлетие «Сибирской лиры» // Литературный Крым. 2019. № 11 (487).
[5] Устав ассоциации «Сибирская лира», протоколы общих собраний и заседаний правления, планы и отчеты.

Посольская и усть-бельская керамика из окрестностей г. Красноярска (по материалам фондов Красноярского краевого краеведческого музея)

И. В. Уланов,
младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Н. П. Макаров,
кандидат исторических наук, зав. отделом археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

А. В. Уланова,
лаборант-исследователь, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АННОТАЦИЯ Представлена посольская и усть-бельская керамика эпохи неолита из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Данная коллекция получена в ходе раскопок и сборов, проводившихся с конца XIX в. по 1929 г. на четырех стоянках в окрестностях Красноярска — Базайской, Ладейской, Усть-Собакинской и Няше. Представленные коллекции древней керамики дополняют картину освоения древними людьми долины Среднего Енисея в неолитическую эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский музей, Красноярская лесостепь, неолит, древнее гончарство, посольский тип, усть-бельский тип.

Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075–15–2021–631. Работа в фондах КККМ проведена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20–49–383001.

Введение

Изучение древнейшего прошлого Красноярского края неразрывно связано с деятельностью краевого краеведческого музея, основанного в 1889 г. Богатейшая археологическая коллекция, формировавшаяся почти беспрерывно с момента основания музея, отражает все этапы освоения древними людьми Енисейской Сибири, однако часть материалов до сих пор не введена в научный оборот. Наиболее актуальна эта проблема для коллекций, поступивших на хранение в первые десятилетия функционирования Красноярского музея.

Особый интерес вызывают коллекции, относящиеся к неолиту, поскольку долгое время сведения об этой эпохе для Красноярской лесостепи носили фрагментарный характер. В разные годы проводились эпизодические работы на неолитических объектах, среди которых выделяются раскопки стоянки Усть-Собакино в 1929 и в 1960 гг. [4, 7]. Лишь с конца 1970-х гг. началось изучение мультислойчатых местонахождений Няша и Пещера Еленева, которое позволило более полно представить историко-культурную картину региона в эпоху нового каменного века [5, 9].

Ввиду отсутствия неолитических могильников, основной категорией материала для датирования и классификации культурных комплексов является керамика. Наибольший интерес представляют посольский и усть-бельский типы посуды, поскольку их возраст и культурная интерпретация в регионе оставляют вопросы. Для ответа на них необходимо продолжение работ на мультислойчатых стоянках региона, а также введение в научный оборот неопубликованных материалов прошлых лет. В рамках

настоящей публикации представлена посольская и усть-бельская керамика из раскопок и подъемных сборов 1890-х — 1920-х гг., хранящаяся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Небольшая часть данных материалов была опубликована ранее в работах В. Г. Карцова и А. П. Окладникова [4, 8].

Происхождение материалов

В настоящем исследовании использованы принятые на хранение в период с 1892 по 1929 г. материалы с четырех местонахождений:

1. Стоянка Базайская, согласно описанию В. Г. Карцова, начиналась от правого берега приустьевого участка р. Базаихи и продолжалась на 1 км по песчаным дюнам правого берега Енисея [4, с. 6]. Сейчас это юго-западная окраина Красноярска. Материалы коллекции № 211 включают сборы А. С. Еленева и его партнеров (И. Р. Шнейдера, Б. Шнейдера, В. Шнейдера и П. Е. Островских), переданные в дар музею в 1892 г.
2. Стоянка Ладейская, расположена на правом берегу Енисея у бывшего с. Ладейского [4, с. 7], а ныне на территории восточной части Красноярска. Нами проанализированы фрагменты из коллекций подъемного материала №№ 87 (сборы 1913 г.), 110 (сборы 1919 г.) и 193 (б/г).
3. Стоянка Усть-Собакинская располагается в устье р. Собакина (по обоим берегам), впадающей в Енисей на левом берегу на территории бывшего п. Удачного. Помимо подъемных сборов разных лет (коллекции №№ 84, 193 и 211), также проанализированы сосуды усть-бельского типа из раскопок 1929 г. (коллекция № 179).
4. Стоянка Няша обозначена В. Г. Карцовым как трехкилометровый участок правого берега р. Енисей между с. Березовским и д. Ермолаевой [4, с. 7]. Первая коллекция с этого местонахождения (№ 108) собрана и передана в музей в 1918 г., а вторая (№ 122) относится к материалам из разведки 1920 г. Г. К. Мергарта и А. Я. Тугаринова.

Описание керамических комплексов

Всего проанализировано 122 информативных фрагмента минимум от 37 сосудов, из них 110 фрагментов от 29 емкостей относится к усть-бельскому типу и 12 от 8 — к посольскому.

Базайская. Усть-бельская керамика представлена 17 фрагментами от 7 сосудов простой закрытой или открытой формы. Венчики имеют овальную, реже приостренную форму. Срез у четырех сосудов украшен с двух сторон оттисками наклонно поставленного гребенчатого штампа. В остальных случаях венчик декорировался отдельными наколами, гладким овальным штампом и прокатом зубчатого инструмента. Под срезом нанесены один или два пояска из округлых ямок. Два сосуда орнаментированы рядами отступающей лопатки, другие два — горизонтальными рядами разнонаправленных оттисков зубчатого и гребенчатого штампов, образующих вертикальные зигзаги, и последние два — рядами наколов овального гладкого и фигурного штампов.

Один фрагмент венчика относится к посольскому типу. Срез почти прямой украшен с трех граней наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под ним начинаются горизонтальные ряды узких отступающих наколов овальной формы. Поверх первой линии наколов нанесен поясок отверстий.

Ладейская. Четыре небольших фрагмента от трех сосудов отнесены к усть-бельскому типу. Один фрагмент венчика овальной симметричной формы украшен с внешней стороны среза прокатом зубчатого инструмента, ниже нанесены поясок округлых ямок и ряды поставленных вплотную оттисков зубчатого штампа. Еще два фрагмента — тулова и дна, относящиеся ко второму сосуду, декорированы рядами

аналогичного штампа. Третий сосуд представлен фрагментом тулова с отступающими овальными наколами.

Усть-Собакинская. К усть-бельской керамике отнесены 55 фрагментов от 7 сосудов. Особый интерес представляют два наиболее сохранившихся во фрагментах горшка из раскопок В. Г. Карцова в 1929 г.

Оба имеют простую открытую форму с овальным венчиком, украшенным с внешней стороны наклонными оттисками зубчатого штампа, под которым расположен поясок округлых ямок. Композиция орнамента у обоих сосудов схожая — ряды отступающих оттисков штампа (в первом случае — зубчатого, во втором — «личиночного»), разрежены рядами отдельно поставленного того же штампа.

Остальные сосуды, представленные единичными фрагментами, также украшены оттисками зубчатого штампа. Выделяется лишь один сосуд (2 фрагмента приустьевой части) с овальным венчиком, украшенным с внутренней стороны оттисками овального гладкого штампа. Сосуд декорирован рядами отступающей лопатки, а ямки, расположенные двумя рядами, имеют почти овальную форму и, по всей видимости, наносились двумя пересекающимися наколами округлой палочки.

Няша. Керамика усть-бельского типа представлена 34 фрагментами от 12 сосудов простой формы. Судя по отдельным фрагментам, дно было округлым. Венчик во всех случаях имеет овальную форму и украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа и пояском округлых отверстий. Сосуды орнаментированы горизонтальными рядами из оттисков различных штампов — гладкого, фигурного, гребенчатого, зубчатого, «личиночного». В двух случаях ряды разнонаправленных оттисков образуют вертикальные зигзаги.

К посольскому типу отнесены 11 фрагментов от 7 сосудов. Четыре из них имеют закрытую форму со слабой профилировкой, а один — простую закрытую. Сосуды можно условно разделить по форме утолщения венчика. В трех случаях он утолщен снаружи налепным валиком подтреугольной формы, а в двух — дополнительным слоем глины без выраженного валика.

Орнамент демонстрирует устойчивость композиций: во всех случаях преобладают горизонтальные мотивы; венчики всех сосудов декорированы с внешней стороны оттисками гребенчатого штампа, поставленными под наклоном, и имеют поясок круглых отверстий, который располагается поверх линии, выполненной прочерчиванием либо отступанием. Ниже композиция продолжается горизонтальными прочерченными линиями либо отступающей лопаткой с узким закругленным рабочим краем. В одном случае для отступания использован двузубчатый инструмент.

Все сосуды, судя по тонкому (0,4–0,6 см) и плотному черепку, выбивались колотушкой: усть-бельские — гладкой, а посольские — обмотанной шнуром. Судя по конструктивным трещинам и двуслойной структуре черепков использовался лоскутный (возможно, зональный) налеп. Венчик всегда утолщался дополнительно: до 0,9 см у усть-бельской и до 1,5 см у посольской. Согласно визуальному наблюдению, сосуды изготавливались из запесоченной глины.

Обсуждение

Впоследствии стоянки Усть-Собакинская и Няша были раскопаны. В результате работ на первой был признан компрессионный и смешанный характер слоя с неолитическими комплексами [7]. Вторая благодаря залеганию культурных остатков неолита в четкой стратиграфической позиции стала одним из опорных местонахождений для изучения неолита Енисейской Сибири [9]. Интересно, что в подъемных сборах и материалах раскопок 1929 г. посольская керамика нами не встречена, а в раскопках 1960 г. она присутствует. Наиболее представительный комплекс посольского

типа из коллекций с Няши находит соответствие в виде большого количества данной керамики при раскопках этой стоянки в 1970-х — 1980-х гг. [9].

Масштабные раскопки на Базайской и Ладейской стоянках не проводились, часть этих объектов уже разрушена городской застройкой, и материалы подъемных сборов являются единственным источником о комплексах неолита на этих объектах.

Ареал посольской керамики охватывает Красноярско-Канскую лесостепь, Северное и Южное Приангарье, Верхнюю Лену, Тункинскую долину, Прибайкалье и Забайкалье. Керамика из сборов Няши морфологически по оформлению венчика делится на две группы — с выраженным валиком и без. Интересно, что на стоянках Красноярской лесостепи в основном встречается керамика с валиком [6, с. 167, рис. 24]. Коллекции посольской керамики с аналогичным морфологическим разделением встречаются на стоянке им. А. Г. Генералова и на Усть-Хайте в Приангарье [1, 10]. Также посольский фрагмент без валика найден на стоянке Усть-Карабула [5; 6, с. 167, рис. 24]. Еще интереснее в этом плане фрагмент керамики с Базайской стоянки, поскольку его вариант оформления венчика (прямой без скоса) является уникальным и аналогий в материалах Байкальской Сибири не имеет.

Усть-бельская керамика также широко распространена от Красноярско-Канской лесостепи и Приангарья до обоих берегов Байкала. Интересно отметить, что в сборах из окрестностей Красноярска усть-бельская керамика количественно значительно преобладает над посольской, что, возможно, связано с разделом территорий данными общностями.

В целом коллекция усть-бельской керамики из сборов достаточна разнообразна в плане орнамента и на Среднем Енисее имеет аналоги в комплексах с усть-бельской керамикой с местонахождений Унюк, Пещера Еленева, Удачный-14 [3, 5, 11].

Нижние временные границы для обоих типов керамики в регионе определяются датами с мультислойчатой стоянки Пещера Еленева — 6900±115 л. н. (СОАН-3998) для посольского и 6475±190 л. н. (СОАН-2906) для усть-бельского. Верхняя же граница определяется одинаково по дате с Няши 4080±60 л. н. Недавно были получены результаты ^{14}C AMS-датирования материалов неолитического времени из мультислойчатых местонахождений Южного Приангарья и Прибайкалья, согласно которым комплексы с посольской и усть-бельской сосуществуют в интервале от 5852±34 (OxA-22373) до 5585±20 (UCIAMS-207539) л. н. [2], маркируя для региона средний неолит.

Заключение

Фонды Красноярского краевого краеведческого музея хранят уникальные предметы древности, которые могут рассказать многое об истории Енисейской Сибири. Пример с коллекциями усть-бельской и посольской керамики это полностью подтверждает. Хотя стоянки Базайская, Ладейская и Усть-Собакинская уже перестали быть окрестностями города и их территории подверглись разрушительному урбанистическому воздействию, тем не менее собранные и раскопанные материалы позволяют дополнить карту объектов с неолитической керамикой Красноярской лесостепи и ввести в научный оборот данные, дополняющие картину освоения древними людьми долины Среднего Енисея.

Список литературы

[1] *Абрашина М. Е., Уланов И. В., Бердников И. М.* Керамика посольского типа в археологических комплексах стоянки им. А. Г. Генералова (Северное Приангарье) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. №1. С. 9–22.

[2] *Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г. и др.* Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53.

[3] *Зяблин Л. П., Виноградов А. В.* Неолитическое поселение Унюк на Енисее // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. С. 109–121.

[4] *Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929. 62 с.

[5] *Макаров Н. П.* Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 149–171.

[6] *Макаров Н. П.* Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 130–175.

[7] *Максименков Г. А.* Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 77–83.

[8] *Окладников А. П.* Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. №1. С. 26–55.

[9] *Погудин В. А., Дроздов Н. И.* Археологические местонахождения Красноярского археологического района // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1989. Вып. 1. 400 с.

[10] *Савельев Н. А., Уланов И. В.* Керамика посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 38–48.

[11] *Титова Ю. А., Бирюлева К. В.* Новые материалы неолита и бронзового века Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конференции. Красноярск, 2016. С. 107–116.

Диалог культур: Сибирь глазами иностранцев

Н. Д. Фирер,
кандидат философских наук, доцент кафедры базовых дисциплин, Лесосибирский педагогический институт — филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена размышлениям Фритьофа Нансена, Йонаса Лида о судьбах Сибири. Ф. Нансен обнаружил богатейший материал для лингвиста, антрополога, геолога, геофизика, этнографа. Й. Лид назвал Сибирь новым Китаем. По мнению исследователей, Сибирь представляет наиболее перспективную часть Земли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Фритьоф Нансен, Йонас Лид, Северный морской путь, Транссибирская магистраль, быт и нравы народностей Енисейского Севера, история «Сибирской компании».

Мысли Нансена о судьбах Сибири, его позиция в отношении Сибири значимы до сих пор. Нансен был убежден в великом будущем Сибири, понимая, что развитие ее тормозится громадностью расстояний.

Дневник полярного исследователя начинается с описания 2 августа 1913 г. Экспедиция, по словам Нансена, была предпринята с целью попытаться завязать постоянные торговые сношения с Центральной Сибирью морским путем через Карское море и устье Енисея.

Развитие неограниченных возможностей Сибири, по мнению норвежского исследователя, вполне возможно. Однако железнодорожный путь, по которому Нансену довелось проехать, настолько длинен, что дороговизна провоза препятствует прибыльному вывозу главнейших местных продуктов: хлеба, леса и т. д.; стоимость провоза от места до рынка сбыта этих товаров почти равна стоимости самих товаров. Несмотря на железную дорогу, местные промышленники ограничены в перевозке своих товаров, а сбыт их морским путем открывает блестящие перспективы. Огромные сибирские реки созданы для такого сообщения; транспорт вниз по течению необычайно удобен, и все эти реки указывают на север, на Ледовитый океан, как на выход из создавшегося положения. Наличие водных путей, по мнению Нансена, могло обеспечить сравнительно дешевый провоз сибирских товаров и грузов до устья Енисея, установить регулярное сообщение от устья Енисея в Европу.

Своим путешествием к устью Енисея Нансен доказал, что при наличии Транссиба Северный морской путь и реки создали бы систему транспорта, так необходимую для обширной территории Сибири. Впоследствии так и случилось: Северный морской путь и Транссибирская магистраль стали осуществлять широтные магистральные связи, а речные пути, доставляя по назначению привезенные грузы, обеспечивали меридиональные связи с отдаленными районами. В качестве приложения к книге «В страну будущего» Нансен опубликовал важный очерк под названием «Судоходство по Карскому морю», в котором систематизировал данные о ледовом режиме в западной части Карского моря с XVII в. до 1914 г. [2, с. 55].

В путешествии норвежского исследователя привлекала возможность познакомиться с народами, населявшими Сибирь. «Первобытные народы всегда сильно интересовали меня и тем сильнее, чем были первобытнее, а в этой удивительной стране таких народов очень много, и они вдобавок, как это ни странно, сравнительно мало изучены», — пишет он. На своем пути Нансен увидел немало племен: остяков, само-

едов, самоедов-остяков, тунгусов, якутов и др. Его занимал вопрос о том, каким образом эти народы расселились на севере Сибири [2, с. 56].

В те времена господствовала теория о переселении большинства из них с Алтая. Оттуда, по мнению некоторых ученых, им пришлось переселиться на север, спасаясь от новых завоевателей Алтая. Миддендорф полагал, что самоеды бежали в таком паническом страхе, что не решились остановиться ни в Барабинской степи, ни в дремучих лесах между Енисеем и Обью, и только оставив позади себя широкий пояс лесов и снова добравшись до степных пространств, осели в тундре среди финских племен, — главным образом остяков, на западе и тунгусов на юго-востоке.

К теориям о внезапных переселениях народов Нансен относился скептически. Теории о далеком переселении целых племен в Азии, по его мнению, в значительной степени обязаны своим возникновением влиянию аналогичных теорий о переселениях народов Европы.

> Так лестно перемещать с востока на запад, с юга на север целые племена, словно фигуры на шахматной доске! [2, с. 57].

Нансен считал, что упомянутые теории теряют всякий смысл, когда дело идет о переселении с юга на север, в дикую тундру, где пришельцам предстояло создать себе новую культуру для обеспечения своего существования. Исследователь настаивает на том, что обычное деление народов на племена: угро-финское, самоедское, тюрко-татарское, монгольское, тунгусское — основывается на различии языков и имеет мало общего с действительными расовыми отличиями и происхождением данных народов.

Это был богатейший материал для лингвиста и антрополога. Каждое племя, встретившееся норвежскому путешественнику, вызывало пристальный интерес. Нансена интересует буквально все: дороги, транспорт, аборигены Сибири. Он обращает внимание на переселенческую политику в России, отмечает, что, по официальным данным, «экономическое положение переселенцев в Сибири значительно лучше, чем положение крестьян в Европейской России». Он перечисляет культуры, возделываемые в Енисейской губернии: пшеница, рожь, овес, ячмень, чечевица, конопля, гречиха и картофель, а также кормовые травы; сравнивает урожайность в Сибири, Европейской России и Норвегии и отмечает, что «урожай Енисейской губернии гораздо выше урожаев остальной Сибири», которая хоть и превосходит Россию, но уступает даже самому северному округу Норвегии. Очень удивлялся тому, сколько дает осетр: икру, мясо, вязигу (спинную струну), пироги.

Его наблюдения о быте и нравах коренных народностей Енисейского Севера точны и объективны. Народы эти страдают и вырождаются от соприкосновения с европейской цивилизацией, которая «не может дать им чего-либо ценного...». Нансен замечает, что «самоеды довольно развитой народ и в умственном отношении стоят не ниже обыкновенного крестьянина» [2, с. 61].

Норвежский путешественник подробно описал самоедов. На Ямале в то время кочевали десять различных племен. Каждое из них обычно держалось на определенной части полуострова, придерживаясь границ пастбищ. В пределах своих границ самоеды и проводили лето, меняя место стоянки чумов, когда нужно новое пастбище для оленей. Самоеды занимались оленеводством, рыбной ловлей в озерах и охотой в лесах. Охотились на песцов, используя ловушки и капканы. Нансен отмечал, что условия жизни самоедов на Ямале благоприятны. Некоторые оленеводы имели в те времена стада до пяти тысяч голов; те, у кого не более 200–300 голов оленей, считались малозажиточными. Бедняки, у которых оленей совсем мало, занимались рыбной ловлей на побережье, особенно к востоку от Оби. Эти самоеды напомнили Нансену норвежских финнов, хотя много беднее. Были и богатые самоеды. У зажиточного самоеда

бывало до четырех чумов. Чаще всего самоеды придерживались моногамии, но люди побогаче заводили себе иногда и по четыре жены.

Встреченные Нансеном самоеды имели довольно здоровый вид и показались ему крупнее и сильнее норвежских горных финнов, хотя вообще самоедов нельзя считать высоким народом, а, скорее всего, «расой среднего или даже немного ниже среднего роста» [2, с. 65].

> Бросалось в глаза, что шлялись без дела, курили, зубоскалили и болтали только мужчины, тогда как женщины работали — сперва готовили пищу, а затем снаряжали лодки в путь [2, с. 66].

В Европе, по наблюдению Нансена, все наоборот.

Путешественник был поражен отношением инородцев к своим упряжным собакам — для них собаки были почти членами семьи. Единственным средством сообщения для самоедов является санный путь на собаках и оленях. Упряжка состоит, как правило, из шести-восьми собак. «В каждой крестьянской семье имеется большая каменная русская печь с широким плоским верхом, который является излюбленным местом для спанья в зимнее время», — пишет Нансен.

> Обыкновенно там спит и сама хозяйка с детьми, но, по возвращении хозяина из долгой поездки по морозу, все обитатели избы уступают свои теплые места на печи усталым упряжьим собакам [2, с. 66].

Честность самоедов вызвала восхищение Нансена, что он отмечает, ссылаясь на рассказ Миддендорфа о путешествии по Таймырской тундре. Самоеды, несмотря на свое неимоверное пристрастие к водке, никогда не трогали его запасов спиртного. И в этом коренное отличие инородцев от европейцев:

> Представителям нашей расы вообще легче было бы удержаться от пьянства, зато трудно показалось бы не тронуть оставленной без присмотра водки [2, с. 64].

Норвежский путешественник с интересом изучал не только антропологические типы инородцев, он обращал внимание и на разнообразие типов русского населения. Многие поражали его своим сходством со скандинавами. Белокурого парня, лет восемнадцати, можно было принять за норвежского крестьянина. Вообще, среди русских попадалось много блондинов с голубыми глазами, а также русых с вьющимися волосами. Встречались высокие и здоровые парни. «Как-то невольно приходило в голову, — писал Нансен, — что скандинавы некогда побывали здесь» [2, с. 86].

В Туруханском крае было 90 политических ссыльных и всего 10 казаков. Нансен обратил внимание на то, что большинство ссыльных были политическими преступниками, то есть людьми, пострадавшими за свои убеждения, и «часто лучшими элементами русского народа, полнее желательными в качестве продолжателей рода. Поэтому местное население, хоть и является несколько смешанным, зато весьма даровитым». В том, что способности сибиряков пока не получили должного приложения для развития края, виноваты, на взгляд Нансена, чисто внешние обстоятельства.

Сибиряки поразили Нансена и его попутчиков своим радушием.

> Как это ни странно, в Сибири люди одинаково приветливы и ночью и днем. Когда бы их ни разбудили, они одинаково радушно встречали нас и приглашали войти, и лошадей можно было получить во всякое время дня и ночи.

Он вспоминал, как трудно в Норвегии достать лошадей ночью, как часто встречал кислые мины, когда спешил куда-нибудь, а ведь в Норвегии ночная езда не так опасна, как в Сибири, «где бродит столько ненадежного люда». И еще одно наблюдение:

> Здесь не торопятся; в Сибири времени у всех и всегда вдоволь, как и всего прочего, здешние жители могут считать себя счастливыми, что не знают нервной спешки, которой страдает вся Европа [2, с. 103].

Сибирь предстала перед Нансеном перспективной частью Земли, развитие которой принесет пользу не только России, но и всему миру. Для России освоение сибирских богатств имело бы стратегическое значение, поскольку могло укрепить ее положение на Дальнем Востоке. Огромные земельные пространства позволили с успехом развивать сельское хозяйство. Сибирь — интереснейшее место для исследователя — лингвиста, антрополога, геолога, геофизика, этнографа. Это уникальная и неповторимая страна.

> Здесь лежат бесконечные пространства, таящие блестящие возможности, и только ждут приложения творческих сил человека... Но настанет время — она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения [2, с. 98].

Какое впечатление произвела на Нансена Сибирь, можно узнать из дневника его дочери Лив Хейер-Нансен:

> Позже отец много рассказывал об этом долгом удивительном путешествии. Он привез нам и подарки — русские шкатулки, шали и многие другие удивительные вещи, каких мы никогда в жизни не видели. Отец был просто переполнен впечатлениями и новыми мыслями и идеями о географических, метеорологических и этнографических особенностях Сибири. Он сразу же принялся за обработку материала. Беседовал с русскими специалистами о систематических исследованиях процесса тундрообразования, который его заинтересовал, о возможностях планомерного освоения пустующих земель в районе Амура и о множестве других дел [3, с. 110].

Йонас Лид, рассказывая об истории «Сибирской компании», отметил, что

> ...это и драма, и краски, и значимость, а часто она равнозначна жизни выдающихся знаменитых индивидуальностей [1, с. 10].

Эта история должна стать призывом, который зажжет воображение многих людей, потому что была смелой, рискованной и продолжением саги древних норвежских традиций борьбы с Арктикой.

Перспективы успеха компании основывались на неистощимых природных богатствах Сибири. Сибирь была новым Китаем. Первое путешествие закончилось неудачей. Но это не отпугнуло. Фритьоф Нансен сопровождал вторую экспедицию, поэтому его знаменитое имя ассоциировалось с компанией. Он, конечно, верил в огромные возможности программы развития «Сибирской компании». Экспедиция увенчалась полным успехом, и Нансен отправился путешествовать вглубь России, в Азию и написал свою ценную книгу о Сибири. Он увидел важность Карского морского пути для мира и Сибири, для Норвегии. Впечатленный, он сказал своим соотечественникам: «Спасибо, Сибирь!» [1, с. 11].

История «Сибирской компании» значима для Норвегии как в контексте экономических, так и в контексте исторических связей, потому что Норвегия для Сибири —

ближайший сосед на Западе. Норвегия — это европейский плацдарм, лежащий между морями, несущими в себе опасность. Но уже сейчас в этих морях стала возможной безопасная навигация не только для единичных кораблей, но и для больших торговых судов. И кажется, что в будущем норвежское предпринимательство неизбежно будет связано с развитием и использованием природных богатств Центральной и Северной Сибири [1, с. 11].

Одну из глав своей книги «В страну будущего» Нансен посвятил теме заселения и развития Сибири, значения этого всего для будущего России, замечая, что Сибирь представляет в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян.

Список литературы

[1] *Лид Й.* Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании» / пер. А. С. Хромых; ввод. ст. и коммент. Г. Ф. Быкони, А. С. Хромых. Красноярск: Растр, 2019. 320 с.

[2] *Нансен Ф.* В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авт. пер. с норв. А. и П. Ганзен. Магадан, 1969. 304 с.

[3] *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Ленинград, 1971. 453 с.

Организация и проведение Палестинских чтений сибирскими отделами Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX — начале XX века

В. В. Цысь,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и документоведения, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

О. П. Цысь,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск

АННОТАЦИЯ В статье выделено два периода организации и проведения Палестинских чтений в сибирских отделах Императорского Православного Палестинского общества, хронологическим рубежом которых служит Первая русская революция. Показано, что Палестинские чтения способствовали распространению духовного просвещения, росту паломничества сибиряков на Святую Землю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русская Православная Церковь, Императорское Православное Палестинское общество, Палестинские чтения, региональные отделы, епархиальные архиереи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–09–41001.

Публичные лекции, собеседования, вечера с конца XIX в. становятся одними из важнейших внешних проявлений возрастающей общественной активности, методом и свидетельством распространения просвещения в различных слоях населения.

Изучение вопросов организации и проведения просветительских чтений на территории Сибири в конце XIX — начале XX в. проводилось в рамках работ, посвященных деятельности общественных организаций региона в целом, а также в несколько небольших по объему тезисах и статьях [1, 6, 25, 31, 32]. Однако история Палестинских чтений не входила в сферу интересов современных исследователей. Раскрытие данной темы позволит охарактеризовать особенности совместной деятельности государства, Русской Православной Церкви (далее — Церковь), направленной на решение просветительских задач.

На территории Сибири организацией культурно-просветительских мероприятий занимались как церковные власти, так и различные православные общественные организации, прежде всего епархиальные братства. Подобного рода работа велась и региональными отделами Православного Палестинского общества, созданного в 1882 г. (в 1889 г. получившего наименование Императорского) по инициативе и под непосредственным руководством великого князя Сергея Александровича.

Следует отметить, что, несмотря на географическую отдаленность Святой Земли от Сибири, духовная связь восточной окраины Российской империи с Палестиной существовала едва ли не с первых шагов по утверждению здесь христианства [30]. Эта связь еще более окрепла после организации региональных отделов Императорского Православного Палестинского общества (далее — ИППО). Старейшим не только

в Сибири, но и в России в целом являлся *Якутский отдел* (создан 21 марта 1893 г.). В его состав входило в различные годы от 20 (1893) до 69 (1899) человек [33]. 23 июля 1897 г. организован *Камчатский* (с 1 января 1899 г. *Благовещенский*) отдел, имевший в своем составе от 31 (1897) до 55 (1903) человек. *Енисейский* отдел был организован 29 марта 1898 г. и насчитывал в момент своего создания 14 чел., в 1903 г. — 21 человека. Численность открытого 6 апреля 1897 г. *Тобольского* отдела колебалась от 20 (1914) до 56 (1903) человек. Созданный 3 апреля 1894 г. *Томский* отдел являлся самым многочисленным в азиатской части России. В его состав входило до 150 (1903) членов. Последним в дореволюционной истории ИППО стал *Забайкальский* (*Читинский*) отдел, открытый 3 апреля 1916 г. В силу ограниченного временного ресурса, развернуть сколько-нибудь заметную деятельность он не смог. Всего же в разные периоды в составе сибирских отделов числилось суммарно от 327 чел. в 1903 г., до 180 чел. к началу Первой мировой войны. Небольшую численность компенсировало присутствие в их составе политической, экономической и интеллектуальной элиты: губернаторов или вице-губернаторов, полицмейстеров, крупнейших предпринимателей, епархиальных архиереев, благочинных, преподавателей духовных семинарий.

Публичные чтения, посвященные истории, географии, современному состоянию Святой Земли, а также русскому паломничеству являлись одной из основных форм работы региональных отделов ИППО с середины 90-х гг. XIX в. Число слушателей в первые годы XX в. иногда достигало огромных величин. Обычными являлись цифры 200–300 чел. на одном чтении. В Томской епархии количество слушателей колебалось от 20 до 650 человек. Среднее число присутствующих составляло в 1899/1900 отчетном году (начинался 1 марта, далее — о. г.) 143 чел., в 1900/1901 о. г. — 106 чел., в 1907/1908 о. г. — 93 чел., в 1910/1911 о. г. — 76 человек (подсчитано по: [2, с. 435; 3, с. 517; 23, с. 17]). В Тобольской епархии в 1901/1902 о. г. на чтениях присутствовало в среднем по 95 чел., в 1911 г. — 60 чел., в 1912 г. — 64 чел., в 1913 г. — 77 человек (подсчитано по: [7, с. 21–22; 19, с. 13; 20, с. 23; 21, с. 12]). В Благовещенске в среднем на одно чтение приходилось в 1901/1902 о. г. — до 150 чел., в 1902/1903 о. г. — 250 чел., в 1903/1904 о. г. — 300 человек [15, с. 212]. В Енисейской епархии в 1902 г. число слушателей на одном чтении колебалось в 1902 г. от 30 до 300 человек, в 1903 г. — от 20 до 360 человек [14; 16, с. 261–271]. Общее количество присутствующих точно установить вряд ли возможно, но, даже по скромным оценкам, оно в отдельные годы было не меньше чем 350 тыс. чел. по всем отделам ИППО Азиатской России. Всего же по стране в целом число слушателей доходило до 4 млн, а чтений превышало 34 тысячи [4, с. 350–351].

В докладе о деятельности ИППО за 1912/1913 о. г. указывалось, что наиболее многолюдны Палестинские чтения в церквях, где нет световых картин, но где «все присутствующие с воодушевлением принимают участие в общем пении молитв» [9, с. 209]. С этим мнением вряд ли можно в полной мере согласиться. Хотя храмы и являлись распространенными местами проведения чтений, нужно отметить, что по объективным причинам это ограничивало тематику лекций и формы подачи информации. Здесь невозможно было использовать «волшебные фонари» или же сочетать религиозно-нравственные и светские жанры. Оптимальным и наиболее подходящим вариантом оставались учебные заведения. Эта же мысль подтверждается, в частности, священником Г. Климовским — одним из организаторов Палестинских чтений в Красноярске:

> Религиозно-нравственные народные чтения лучше устраивать в школе, а не в храме, так как в школьном помещении публика может чувствовать себя свободнее: сидеть, спрашивать, выражать свое удовольствие слышанным [12, с. 34].

Кроме того, местами организации чтений являлись архиерейские дома, духовные семинарии и духовные училища, тюремные замки, «народные дома», чайные обществ трезвости и пр. [27]. В качестве лекторов выступали преподаватели духовных учебных заведений и приходские священники.

Проведение Палестинских чтений выстраивалось по определенной логике, соблюдение которой могло дать наивысший эффект. Их тематика соответствовала программе, разработанной советом ИППО. Предполагалось освещение следующих разделов: 1) священная география, 2) священная история, 3) русское паломничество, 4) современное положение Святой Земли, 5) церковная история.

Реализация данной программы неизбежно сталкивалась с вопросом доступности литературы для лекторов. Только в 1902/1903 о. г. сибирскими отделами от совета ИППО было получено более 90 тыс. экз. палестинских изданий: брошюр, листков, видов Святой Земли (подсчитано по: [8, с. 19]). В отчетной документации всех отделов содержится множество упоминаний о большом интересе посетителей чтений к розданным брошюрам и листкам с видами Святой Земли. Иногда прихожане, если им не хватало листков, выражали желание приобрести их за деньги [24, с. 26]. В Тобольской епархии палестинские издания рассылались во все сельские школы, которых насчитывалось более 400 [18, с. 99]. Палестинская тематика находила отражение на страницах епархиальных ведомостей. Наибольший интерес представляет хотя и немногочисленная, но очень информативная группа публикаций — дневники, записки паломников — сибиряков, побывавших в Святой Земле [10, 28, 29].

В использовании для подготовки чтений различной литературы можно выявить некоторую последовательность. Во-первых, происходило расширение круга используемых авторов. Например, в Енисейском отделе в 1899 г. привлекались труды пяти авторов, в 1902 г. — восьми, в 1903 г. — 24 (подсчитано по: [17, с. 326–327; 16, с. 227–235; 14, с. 391–397, 417–419]). Во-вторых, сформировался круг наиболее популярных среди лекторов сочинений, которые упоминаются неоднократно в отчетах за разные годы и в разных географических пунктах. Популярностью пользовались «Беседы о Святой Земле» священника Н. Панова (5 выпусков), «Беседа о Святой Земле и Императорском Православном Палестинском Обществе» товарища председателя Нижегородского отдела ИППО М. С. Пальмова, работы митрополита Макария (Невского), «О Святой земле: двенадцать чтений для народа» протоиерея В. Г. Певцова, «Описание Святой Земли» профессора богословия Московского университета Н. А. Елеонского и др.

В целом же в проведении Палестинских чтений следует выделить два этапа, хронологической границей которых служит Первая русская революция. До нее процесс шел по нарастающей, после — существенно замедляется. Постепенно в культурно-просветительской работе региональных отделов ИППО проявляются и неблагоприятные тенденции. В 1905–1907 гг., как отмечалось на общем собрании ИППО 20 января 1908 г., Палестинские чтения стали встречать

> ряд затруднений и со стороны революционеров, отвлекающих народ от них, и от многих других прискорбных явлений нашего времени [5, с. 26].

На снижение числа чтений повлияли и периодически повторяющиеся спады в русском паломничестве в Святую Землю из-за эпидемий и войн (итало-турецкой и балканских). Резкое их сокращение произошло с началом Первой мировой войны, переключившей внимание российского общества на более актуальные проблемы борьбы с внешним врагом.

Тем не менее постепенно накапливался опыт организации, вырабатывались определенные приемы проведения чтений, приходило понимание того, что их содержание должно носить комплексный, разносторонний характер. Своего рода предвари-

тельным итогом можно назвать обобщающие рекомендации, касавшиеся религиозно-нравственных чтений в целом [11]. Информацию о Палестине предлагалось включать в общую программу, где нашлось бы место и чтению произведений Гаршина, Мамина-Сибиряка, и рассказам об изобретении паровых машин, открытии Америки, покорении Сибири Ермаком, воздухоплавании и пр. О том, что эта программа не оставалась только на бумаге, свидетельствуют отчеты о проведении чтений, относящиеся к предвоенному периоду [12, с. 35–36; 26].

К тому же священная история являлась обязательной частью такого предмета, как Закон Божий. Палестинские чтения, на наш взгляд, позволяли дополнить и разнообразить изучаемую в рамках данной дисциплины информацию, тем более что нередко со стороны духовенства, занимавшегося преподаванием в церковно-приходских школах, звучали сетования на то, что Закон Божий является слишком отвлеченным от повседневных крестьянских нужд, что он «скучен» для детей [13]. Палестинские чтения хотя бы отчасти закрывали эту проблему.

Одним из результатов Палестинских чтений мог быть рост паломничества сибиряков в Палестину. Установить здесь строгую зависимость вряд ли возможно, но сохранились отдельные свидетельства следующего характера:

> Двое из постоянных слушателей, увлекшись рассказами о св. земле, в конце марта отчетного года сами отправились из Барнаула в св. землю, чтобы помолиться в святых местах [22, с. 3];

> О таковом желании заявлялось, напр., настоятелями в селах Новокусковском, Брюхановском, Тогурском, Хмелевском, а из деревни Новосмоленской Верх-Ануйского прихода, по свидетельству священника, некоторые ушли в Св. Землю для поклонения [24, с. 8].

В 1908 г. группа из восьми человек, включавшая преподавателя и студентов Красноярской духовной семинарии, а также священника с. Алтатского Ачинского уезда, посетила Святую Землю. Преосвященный Евфимий (Счастнев) лично напутствовал отъезжающих и даже выделил им некоторую сумму денег [10, с. 37]. Примечательно, что как упомянутое село, так и семинария были местами проведения Палестинских чтений.

Таким образом, нельзя не отметить вклад сибирских отделов ИППО в распространение духовного просвещения. Лекции и беседы на религиозно-нравственную тематику, проводившиеся в нетрадиционной форме, открывавшие новые ранее неизвестные страницы истории христианства и Церкви, вызывали интерес со стороны слушателей. Чтения хотя бы отчасти удовлетворяли потребность людей в духовной культуре, образованности, неформальном общении. Тема Палестины органически включается в систему культурно-просветительской работы, проводимой Русской Православной Церковью в начальной школе и приходах.

Список литературы и источников

[1] *Валитов А. А., Шаповалов М. С.* Трансфер образа Палестины в сибирский регион в конце XIX — начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Вып. 2 (45). С. 44–52.

[2] Годичное собрание Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Томские епархиальные ведомости (далее — ТомЕВ). 1909. №10. Отдел неофиц. С. 433–436.

[3] Годичное собрание Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // ТомЕВ. 1911. № 10. Отдел неофиц. С. 513–518.
[4] Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 12 декабря 1904 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (далее — СИППО). Т. XVI. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1905. С. 346–384.
[5] Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 20 января 1908 года. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1908. 29 с.
[6] *Дегальцева* Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 287 с.
[7] Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1901/02 году // СИППО. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902. Т. XIII. Приложение 1.
[8] Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1902/03 году. СПб., 1904. 102 с.
[9] Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 28 апреля 1913 года // СИППО. Т. XXIV. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1913. С. 200–214.
[10] Из дневника семинариста Никона Уставщикова (Экскурсия воспитанников Красноярской Духовной Семинарии во Св. Землю летом 1908 г.) // Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1909. № 8. Отдел неофиц. С. 35–40.
[11] К сведению устроителей религиозно-нравственных народных чтений // Якутские епархиальные ведомости. 1914. № 21. Отдел неофиц. С. 416–420.
[12] *Климовский* Г. Об организации религиозно-нравственных народных чтений // ЕЕВ. 1913. № 22. Отдел неофиц. С. 31–42.
[13] *Крестин* И. О преподавании Закона Божия в народных школах // ЕЕВ. 1909. № 8. Отдел неофиц. С. 29–35.
[14] О деятельности Енисейского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1903 г. // ЕЕВ. 1904. № 14. Отдел неофиц. С. 390–397; № 15. Отдел неофиц. С. 417–421.
[15] Отчет Благовещенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1 марта 1903 г. по 1 марта 1904 г. // Благовещенские епархиальные ведомости. 1904. № 12. Отдел неофиц. С. 209–214.
[16] Отчет Енисейского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1902 г. // ЕЕВ. 1903. № 11. Отдел неофиц. С. 225–235, № 12. Отдел неофиц. С. 261–289.
[17] Отчет о деятельности Енисейского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899 г. // ЕЕВ. 1900. № 12. Отдел офиц. С. 324–334.
[18] Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1908/09 г. // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1909. № 8. Отдел офиц. С. 89–102.
[19] Отчет о деятельности Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1910–1911 г. // ТЕВ. 1911. № 9. Отдел неофиц. С. 1–18.
[20] Отчет о деятельности Тобольского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1911–1912 г. // ТЕВ. 1912. № 8. Отдел неофиц. С. 1–28.
[21] Отчет о деятельности Тобольского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 3. Отдел неофиц. С. 1–16.
[22] Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899–1900 г. // ТомЕВ. 1900. № 17. Отдел неофиц. С. 1–7.
[23] Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1900–1901 год // ТомЕВ. 1901. № 17. Отдел неофиц. С. 1–17.
[24] Отчет о деятельности Томского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1901–1902 год // ТомЕВ. 1902. № 19. Отдел неофиц. С. 21–36, № 20. Отдел неофиц. С. 7–15.
[25] *Попов* Д. И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX — начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 511 с.

[26] Религиозно-нравственные чтения при Градо-Красноярской Всех-Святых церкви в 1908/09 году // ЕЕВ. 1909. № 20. Отдел неофиц. С. 42–44.
[27] РГИА. Ф. 796. Оп. 446. Д. 1536.
[28] *Туринский свящ. С-л-х-в.* О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции // ТЕВ. 1906. № 16. Отдел неофиц. С. 422–425; № 20. С. 527–531; 1907. № 2. Отдел неофиц. С. 28–34.
[29] *Федюшин В.* Из дневника священника-паломника // ТЕВ. 1902. № 7. Отдел неофиц. С. 69–71.
[30] *Цысь В. В., Цысь О. П.* Образ Палестины в проповеднической деятельности Западно-Сибирских отделов Императорского Православного Палестинского общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). Серия: История. Вып. 57. С. 79–84.
[31] *Чернышова Н. К.* Императорское православное палестинское общество: издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 77–85.
[32] *Шушканова Е. А.* История Императорского Православного Палестинского Общества в Енисейской губернии (1898–1917 гг.). // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVIII Международной научной конференции. Красноярск, 2019. С. 190–195.
[33] Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества за VII год его существования (Отчетные сведения о состоянии и деятельности Отдела с 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 года). Якутск: [Б. и.], 1900. 8 + 7 с.

Посуда из кожи у хакасов (XVIII — нач. XX в.)

М. П. Чебодаева,
кандидат искусствоведения, научный сотрудник, ХакНИИЯЛИ, г. Абакан

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме художественной обработки кожи у хакасов. Кожевенное производство у хакасов играло важную роль в традиционном обществе и культуре, так как из кожи хакасы изготовляли себе предметы кочевой культуры подголовники «пас частых», фляжки «торсуки», узду, чепраки и переметные сумы «арчымаки» на лошадь, одежду, мужскую и женскую обувь и различные бытовые предметы — кошельки и сумки. Мастера-кожевники использовали для изготовления кожи шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и некоторых диких животных (лосей, оленей, косуль и др.). В статье впервые систематизируются виды кожаной посуды у хакасов: «сабан», «торсуки» и фляги «туп плеге», рассматривается техника тиснения по коже и орнаментация на торсуках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА хакасы, кожа, художественная обработка кожи, тиснение по коже, холодное тиснение, горячее тиснение.

Чрезвычайно богатое и самобытное декоративно-прикладное искусство и орнаментальная традиция хакасов в силу разных причин остаются пока малоизученными. До настоящего времени художественная обработка кожи у хакасов не являлась предметом специального исследования. Большинство ученых, изучавших быт и материальную культуру хакасского народа, ограничивались по этому вопросу лишь краткими описаниями. В результате в научной литературе нет полного описания как самого процесса производства кожи, так и круга предметов, изготовлявшихся из него. Данная статья является попыткой восполнить эту важную неизученную проблему в декоративно-прикладном искусстве хакасов.

Кожевенное производство у хакасов играло важную роль в жизни народа, так как из кожи хакасы изготовляли себе предметы кочевой культуры подголовники «пас частых», сосуды «торсуки», покрышки на седла, узду, чепраки и переметные сумы «арчымахи» на лошадь, одежду, мужскую и женскую обувь и различные бытовые предметы — кошельки и сумки. Хакасы использовали для изготовления кожи шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и некоторых диких животных (лосей, оленей, косуль и др.).

В хакасском традиционном обществе в XIX — начале XX в. особое место отводилось кожаным изделиям в семейных традициях, свадебных и похоронных обрядах. Кожаный сосуд «торсук» у хакасов использовался как в свадебной, так и похоронной обрядности. Длительное сохранение старинных обычаев способствовало сбережению навыков обработки кожи у хакасов. К глубокому сожалению, в наши дни во многих районах Хакасии эта народная традиция была утрачена.

Из устного народного творчества и хакасского фольклора мы также узнаем о том, что у хакасов в Средневековье бытовали кожаные сосуды «тазоры» и «торсуки» для хранения вина, из которых пили главные герои в героических сказаниях. В хакасском героическом эпосе «Ай-Хуучин» (Новосибирск, 1997) повествуется о богатыре с шестью «тазорами» и шестью быками, который едет свататься к девушке по имени Хыс-Хан. В сказании говорится:

Богатырь передней стороны белого дворца достиг,
Спешившись, достойнейший из мужей
Коня своего к коновязи привязывает,

К белому дворцу повернув, заходит,
Держа в руках шесть тазоров вина...

В XIX в. при сватовстве к девушке использовали «торсуки» для хранения вина. Вот как описал сватовство известный ученый Н. Ф. Катанов:

> Когда они уехали (родители невесты. — *Прим. авт.*), в тот же день за ними едут отец жениха, братья его, а прочий народ — его спутники. Теперь они приехали. Родители невесты, как будто сердясь, заложили двери юрты изнутри. Сват берет торсук вина под мышку и, кланяясь, говорит: «Открой дверь! Это не наша выдумка, а обычай, установленный великими людьми! Делай так, как тебе угодно! Ты сам знаешь, какой студень тебе есть!» [5, с. 350].

Кумысный мешок из кожи входил в состав погребального обряда хакасов. В 1774 г. в книге «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей» исследователь И. Г. Георги описал поминальную трапезу у бельтир (этническая группа хакасов):

> На седьмой день проводят поминки, во время которых у мертвого тела убивают лучшую покойниковую лошадь, едят мясо, кожу же и голову с уздой вешают на одно, а кумызный мешок на другое дерево [1, с. 177].

Истоки хакасской выделки кожи восходят к скифско-тагарской культуре (VII–III вв. до н. э.). В тагарское время значительного развития достигло скотоводство. Благодаря этому население было обеспечено продуктами питания, но оно поставляло и ценные материалы для различного рода изделий, в особенности для шитья одежды. Широко использовались тагарцами шкуры животных, получаемые от скотоводства и охоты, из которых они выделывали различные кожаные изделия. В тагарских погребениях встречаются кожаные чехлы иногда с вышитым орнаментом для ножей, шильев, зеркал, колчаны для стрел и ремешки для привязывания различных вещей. Кожа употреблялась тагарцами, вероятно, и для изготовления некоторых частей одежды, остатки которой вместе с бляхами были найдены в погребениях. На протяжении многих веков эти приемы изготовления кожи у предков хакасов оставались неизменными.

Обработкой шкур и кожи у хакасов занималась каждая семья, в основном женщины, но помогали им и мужчины. Кожу хакасы изготавливали разных видов — сыромятная кожа «сазан», замша, сафьян и равдуга. На изготовление кожаных сосудов «торсуков» использовали шкуры лошади и крупного рогатого скота. Кожу хакасы выделывали вручную, и только в XIX в. появились специальные деревянные кожемялки.

Предварительно шкуры для очищения от волоса замачивали в больших кадках в специальном растворе «поча», получаемом от перегонки самогона. Затем помещали в кадку со специальным красителем, изготовленным из коры лиственницы. Для такого раствора собирали толстую кору, толкли на мелкие кусочки и разваривали в кипяченной воде. Получался раствор темно-красного или коричневого цвета. В таком красителе кожу выдерживали несколько дней, потом сушили и смазывали конским салом. Затем после данной обработки кожу переносили на кожемялку.

В 1737 г. немецкий ученый Г. Ф. Миллер впервые описал технологию выделки кожи и замши у хакасов, для которых использовались шкуры крупного рогатого скота, оленя и лося. Он писал:

> Красноярские татары делают половинки (замша из лосиной шкуры. — *Прим. авт.*) с использованием мозгового жира, который они вываривают из мелко истолченных костей рогатого скота. Они намазывают сырые шкуры печенью овец или рогатого скота, которая предварительно немного проваривается и толчется в кашу с небольшим количеством воды. Шкуры затем квасятся вверху юрты над огнем очага. После этого они немного натираются [3, с. 287].

В 1898 г. красноярская исследовательница А. А. Кузнецова отметила технологию изготовления кожи «сазан»:

> Лошадиные и скотские шкуры... Сначала их бритвой очищают от шерсти и вымораживают, затем намазывают сметаной или салом и мнут в особых больших мялках. Выделанная кожа называется «сазан» и идет на летнюю обувь, сбрую и др. [2, с. 179].

В 1958 г. известный этнограф К. М. Патачаков выделил три вида деревянных кожемялок, бытовавших у хакасов. Первая кожемялка «талгы» изготавливалась в домашних условиях и представляла собой обрубок бревна с продольным вырезом с зазубринами. В угол выреза вставлялась палка «чабытхы», которая имела зазубринки... Шкуру обрабатывали двое на мялке: один поддерживал и поправлял шкуру на мялке, второй палкой «чабытхы» мял. В процессе обработки кожу смазывали конским салом для эластичности и углем, сажей от котлов для окраски.

Второй способ, по мнению К. М. Патачакова, был заимствован у русских крестьян:

> Такая кожемялка состояла из столбов со сквозной продольной прорезью длиной в 75–80 см и шириной в 5–6 см. Столб вкапывали в землю. На столб на уровне нижнего и верхнего концов прорези надевались параллельно две широкие доски, каждая из которых, в свою очередь, состояла из двух половинок, соединенных поперечными планками. Доски подгонялись так, чтобы их можно было вращать вокруг столба — оси. На каждой из параллельных досок друг против друга прорубались по десять отверстий для стоек-распорок, поддерживавших доски на определенном расстоянии друг от друга. Шесть распорок размещались вокруг столба, а остальные по паре на концах досок. Кожемялка вращалась с помощью длинной жерди, вставленной в виде оглобли между крайними распорками-стойками. В зависимости от количества обрабатываемой кожи и размеров кожемялки иногда применялась и конная тяга [4, с. 36].

Важное место в пище хакасов занимали молочные продукты, которые хранили в кожаной посуде. Кожаные сосуды у хакасов использовались в условиях кочевья в XVIII — начале XX в. Кожаные сосуды для кумыса и айрана сшивали в основном из лошадиных шкур, которые для придания водонепроницаемости закаляли в коптильнях (предварительно наполняли для объема золой). Выделанную шкуру кипятили в краске, сделанной из корневищ деревьев, затем сушили. После этого выкраивали из шкуры несколько «торсуков», украшали их орнаментом и сшивали. Затем снова сушили, заполнив каждый «торсук» горячей золой. После просыхания «торсука» золу из него высыпали и сушили «торсук» на ветру. При шитье кожаных «торсуков» пользовались главным образом сухожильными нитями «чіп».

Процесс обработки и изготовления кожи выполнялся женщинами, а техники тиснения и аппликации, которые были весьма трудоемкими, — мужчинами. Кожу обрабатывали обычно в теплое время года, а декорировали изделия зимой. Посуда из кожи была легкой и не ломкой, не рассыхалась. В ней хорошо сохраняется горячий чай и не нагревалась холодная вода. Благодаря плотной пробке долго сохраняли свои

свойства алкогольные напитки. К глубокому сожалению, умение и традиции изготовления кожаной посуды у хакасов не сохранились до наших дней.

Первое упоминание о бытовании у хакасов кожаной посуды мы встречаем в описании у немецкого ученого Г. Ф. Миллера. Он отметил бытование у хакасов двух видов кожаной посуды, это kogur или kogor,

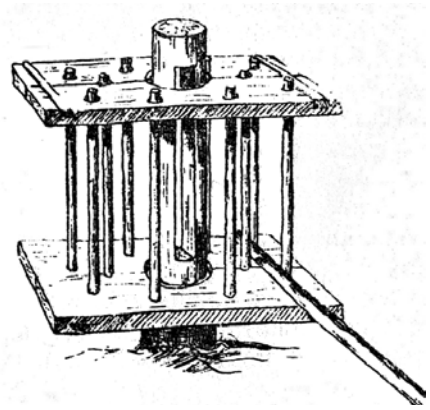
> у татар это сосуд, в котором они делают кумыс. Представляет собой бурдюк из бычьей кожи, вмещает от 6 до 10 ведер. Торсук — бурдючки меньшего размера, в которых хранится готовый кумыс. В сосуде kogur они также сбивают масло, но для этого употребляются особые бурдюки, а не те, в которых приготовляют кумыс [3, с. 196].

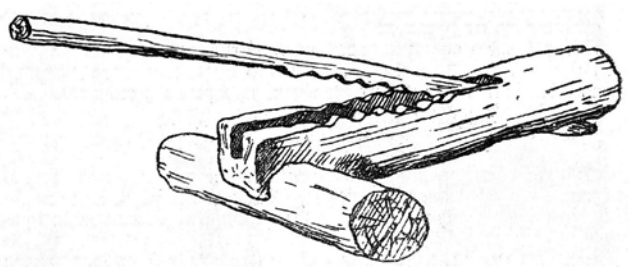
Кожаную посуду у хакасов можно разделить на несколько видов: сабан, кожаный сосуд «торсук» и кожаная фляга «туп плеге».

Сабан — бурдюк для изготовления кумыса или айрана из специально обработанных, окрашенных лошадиных шкур. Сшивали шкуры (примерная емкость 6–10 ведер) нитками из сухожильных ниток «чіп». Дно сабана делали широким, прямоугольным, а верхнюю часть более узкой. К горловине пришивают шнурки для подвешивания. Хорошо промыв, сосуд заполняют кумысом или айраном и выдерживают несколько дней для устранения запаха шкуры. Затем растягивают, обмазывают влажной печной копотью, сливочным маслом и коптят дымом. Прокопченная шкура становится очень прочной. Запах копоти придает кумысу вкус и улучшает качество напитка. Размер сабана в прямом смысле зависел от социального положения семьи. Выкроить и сшить сабан — это было огромное искусство для народного мастера.

Торсук — кожаный сосуд, использовавшийся для перевозки кумыса и айрана в пути вместимостью до трех-четырех литров. Они не отличались разнообразием форм и были в основном круглые или овальные. В Хакасском национальном краеведческом музее сохранились три хакасских торсука. Торсуки сшиты из двух одинаковых половин кожи, ручка сделана из кожаного ремешка. Внутренняя часть торсука была полая, и по периметру он прошивался толстой скрученной нитью. Горловина делалась чуть удлиненная с пробкой из дерева на длинной веревочке. Мотив орнамента на торсуках был весьма традиционен для хакасского прикладного искусства — это зооморфные узоры, состоящие из мотива орнамента «рога барана» — две пары закручивающихся внутрь роговидных завитков, также «циркульного» орнамента и тамг хакасских родов, размеры торсука были 25×27 см.

Разновидностью торсука была фляга «туп плеге», или «кугерчик», — маленький торсук, удобный при перекочевке, имеющий овальную форму с узкой горловиной и пробкой. Сосуд для кумыса имел емкость один-два литра. «Туп плеге» с узкой деревянной горловиной и пробкой с волосяной петлей крепились к седлу в походах и перекочев-





Кожемялка «талгы»

ках. В 1900 г. исследователь К. Я. Яковлев отметил бытование у хакасов кожаного сосуда «кугерчик», размеры данного кожаного сосуда составляли: высота — 15–25 см, длина –18–33 см. Он писал:

> «Туп плеге, кугерчик» — фляга из кожи с деревянным горлом и пробкой. Высота сосуда 35 см; употреблялась в старое время у сагайцев [6, с. 31].

В традиционной культуре тиснением по коже у хакасов занимались мужчины, тиснением покрывалась поверхность сундуков «абдыра», фляги «торсуки» и мужские чепраки на лошадь. Эта работа была достаточно кропотливой, трудоемкой и ответственной, при которой нужно было иметь большое терпение и хороший инструмент, а также кожу определенной выделки, предназначенную специально для тиснения.

Кожаные сосуды «торсуки» у хакасов украшались холодным тиснением. К сожалению, техника нанесения тиснения орнамента у хакасов в наши дни давно забыта и утрачена. Не сохранилось об этом никаких данных и в литературе по этнографии хакасов. Техника нанесения на кожу тисненого узора сводилась в основном к следующему. Заранее изготовлялись деревянные штампы-трафареты с врезными рисунками будущего узора. На деревянный штамп накладывалась лицевой стороной сырая кожа, которая тупой стороной ножа вдавливалась в вырезы рисунка, затем накладывалась ровная доска, придавленная каким-нибудь грузом. В таком виде кожу оставляли до полного высыхания, после чего специальным двухлезвийным ножом обрабатывались контуры рисунка и орнамента. В результате получался выпуклый тисненый узор, четко обозначенный по контурам. Когда кожа просыхала, те или иные элементы узора становились выпуклыми. После просушки выпуклый рисунок на коже прокалывается по контуру специальным шилом и прошивается. Способ технологии изготовления орнамента на «торсуках» у хакасов, видимо, был в основном аналогичен способу, известному тюркским народам — казахам, алтайцам и киргизам.

Для тиснения по коже хакасы использовали инструменты: нож для вырезания изображений на поверхности кожи, молоток, трафареты с орнаментами, деревянный пресс и металличе-

Кожаный сосуд «торсук». Хакасский национальный краеведческий музей.

Кожаная фляга «туп плеге». Минусинский краеведческий музей.

Орнамент на кожаных сосудах «торсук» с мотивом «рога барана». Минусинский краеведческий музей.

ские утюжки «кюрджек» для выдавливания узоров на коже, которые имели вид острой ложки с длинной ручкой длиной 34 см.

Рельефный орнамент на изделиях из кожи получался за счет прессования кожаных заготовок между двумя деревянными пластинами с вырезанным узором. В орнаменте на хакасских кожаных «торсуках» преобладают сложные криволинейные узоры — «циркульный», «рога барана» и тамги хакасских родов.

Кожаная утварь до начала XX в. преимущественно бытовала в районах, где преобладающую роль в хозяйстве играло скотоводство: в местах проживаниях качинцев Абаканской инородной управы и сагайцев Аскизской инородной управы.

Таким образом, хакасские мастера в XVIII — начале XX в. умели изготавливать кожаные сосуды «торсуки» и фляги «туп плеге», которые относились к изготовлению с особой любовью и трепетностью. Кожаная посуда хакасов не отличалась особой разновидностью форм, но была богато украшена орнаментом, где доминирующее место занимал мотив «рога барана», символизирующий достаток, благополучие и плодородие. В процессе тиснения кожаных «торсуков» хакасы также использовали геометрические мотивы орнамента, в частности «циркульный» орнамент и тамги хакасских родов.

Список литературы и источников

[1] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей. СПб., 1799. Т. 4. Ч. 1–2.

[2] *Кузнецова А. А., Кулаков П. Е.* Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск: Изд. Енисейского губ. стат. ком, 1898. 298 с.

[3] *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. Москва: Памятники исторической мысли, 1990. 454 с.

[4] *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX). Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. 104 с.

[5] *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб., 1907. Т. 7. Ч. IX. 670 с.

[6] *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея: Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 212 с.

Становление системы народного образования в Сибири в XIX веке на примере Шушенской волости Енисейской губернии

Ю. А. Чупилко,
аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан,
зав. отделом фондов Музея-заповедника «Шушенское», пгт Шушенское

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории формирования системы народного образования и просвещения в Сибири на примере Шушенской волости Енисейской губернии в периоды преобразований в области просвещения и науки в России. Рассмотрены типы учебных заведений, существовавших в регионе, изучен педагогический состав, проанализировано влияние образования на крестьянское население региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА народное образование, система просвещения, приходское училище, школа грамоты.

XIX век ознаменовался усилением внимания правительства к народному образованию. 8 сентября 1802 г. в соответствии с «Манифестом об учреждении Министерств» образовано Министерство народного просвещения. Впервые в России стала вырабатываться единая государственная политика и формироваться нормативно-правовая база в сфере образования и науки. В следующем году опубликованы «Предварительные правила народного просвещения», а в 1809 г. утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». Новая система школьного образования включала в себя четыре типа учебных заведений: училища приходские, училища уездные, гимназии и университеты.

Приходские училища с одногодичным курсом обучения учреждались во всех приходах городов и сел, подчинялись волостному управлению. Так как они содержались на средства самого населения, то регулярно осуществлялись общественные сборы с крестьян. В селах, население которых состояло из государственных крестьян, такие училища стали открываться с начала 1830-х гг. Во второй половине XIX в. в Енисейской губернии было открыто 25 приходских училищ, из них — три в Минусинском округе: Новоселовское, Шушенское и Тесинское [2, л. 167].

В Шушенском приходское училище было открыто 12 февраля 1861 г. Специального здания школа не имела, для занятий общество арендовало частный дом. Собственное здание училище приобрело только в 1873 г. [3, л. 13]. Училище было одноклассное, его посещали 24 мальчика и 5 девочек; в 1866 г. — 16 мальчиков и 3 девочки; в 1868 г. в училище насчитывалось 27 учеников [4, л. 46]. Учили здесь Закону Божьему, чтению, чистописанию, арифметике. Первым учителем Шушенского приходского училища был Доминик Викентьевич Пржигодский, чиновник, родом из семьи польского дворянина Ковенской губернии. Именно с его участием школа в с. Шушенском прошла сложный период становления и могла развиваться дальше [9]. В 1864 г. на должность учителя Шушенского приходского училища назначен губернский секретарь Сергей Брюховецкий, который в 1866 г. был назначен на должность старшего учителя Минусинского приходского училища, а на его место назначен младший учитель Минусинского приходского училища губернский секретарь Василий Михайлович

Ляторовский (1830 — ?), родом из Каменец-Подольской губернии Каменецкого уезда с. Терликовец, сын священника [5, л. 50–56].

С 1880 г. учителями приходских училищ стали назначаться воспитанники Красноярской учительской семинарии.

Второй этап правительственных реформ в сфере образования произошел в 1860-х гг. 19 июля 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах», согласно которому цель училищ определилась следующим образом:

> Утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания [8].

Благодаря реформам в Шушенской волости были открыты два сельских народных одноклассных училища — в сс. Казанцевском и Каптыревском [3, л. 50].

Училища, находившиеся в волостных центрах, были недоступны населению из отдаленных селений, поэтому в конце 1880-х гг. правительство стало открывать церковно-приходские школы [7]. Срок обучения в таких школах составлял три года. Заведовали этими школами церковные служители. В этот период образование получило религиозный оттенок, и на первое место вышли вопросы «народной нравственности».

В конце XIX в. получили развитие частные школы, которые открывались местными промышленниками, заинтересованными в грамотных кадрах для работы на производстве. В Шушенской волости таких школ было две. Все они впоследствии были переименованы в приходские училища. Мариинское училище размещалось при стекольном заводе Гусевых (с. Знаменка) и содержалось на средства Марии Александровны Гусевой. В 1885 г. здесь обучалось 39 учеников. После отъезда Гусевой и закрытия стекольного производства (1896) училище было ликвидировано. Александровское училище открылось при винокуренном заводе братьев Даниловых (с. Знаменка) [6, л. 23].

Крестьянское население понимало необходимость обучения детей грамоте, но не все крестьянские семьи могли учить своих детей, поскольку не имели на это материальной возможности и не могли обойтись без детского труда в семейном хозяйстве. В отчете Каптыревской церковно-приходской школы отмечалось:

> Отношение населения 4-х деревень прихода к школе почти враждебное, смотрят на школу как на предмет, гнетущий их и не приносящий никакой пользы [5, л. 2].

В отчете по Субботинской школе написано:

> К школе (которая официально еще не открыта) местное население относится почти враждебно. Это можно заключить по следующим обстоятельствам: на неоднократные предложения открыть школу местное население всегда откладывало решение этого вопроса на год... [5, л. 10].

К концу 1898 г. в Енисейской губернии было 51 министерская школа, церковно-приходских и школ грамоты — 135. Училось в этих школах свыше 6 тыс. детей из 43 тыс. детей школьного возраста. Многие из церковно-приходских школ существовали только на бумаге для отчетов. Нередким было такое явление, когда жители деревень, в которых уже были церковно-приходские школы или школы грамоты, просили об открытии у них министерских школ [9], поскольку считали, что дети получают недостаточно знаний.

Подводя итоги развития системы народного образования в Шушенской волости Енисейской губернии в XIX в., нужно отметить, что процесс имел особенности,

исходящие из удаленного местоположения региона от центра. Эта удаленность проявлялась в том, что до начала XX в. основным типом народной школы были приходские училища и церковно-приходские школы, которые давали простейшее начальное образование. Только к концу века начало расти количество школ Министерства народного просвещения.

Список литературы и источников

[1] *Арефьев В. С.* Описание Сибири: очерки для народного чтения: [в 2 вып.]. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1900–1901. 95 с.
[2] АГМ. Ф. 30. Оп. 2. Д. 52.
[3] АГМ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 56.
[4] АГМ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8.
[5] АГМ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4.
[6] АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 338.
[7] ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 164.
[8] *Зверева К. Е.* Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX — начала XX вв.: монография / К. Е. Зверева, В. А. Зверев. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.
[9] Педагогическая энциклопедия: в 4 т. / под. ред. И. А. Каирова. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. 879 с.: ил.
[10] *Седельников В. Г., Тугужекова В. Н., Артамонова Н. Я., Асочакова В. Н.* The Formation of Primary Education in Eastern Siberia: the Example of Shushenskaya Volost // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 50 (4). С. 1427–1436.

Школьная культура в формировании идентичности советских беби-бумеров (на материале научно-педагогического сообщества ОмГПУ)

Н. И. Чуркина,
доктор педагогических наук, доцент,
Омский государственный педагогический университет, г. Омск

АННОТАЦИЯ Пятую часть современного научно-педагогического сообщества составляют представители поколения беби-бумеров (родившиеся в 1943–1963 гг.). Это поколение сыграло определяющую роль в изменении обстановки в современном мире, формировании российского образования. На основе анализа материалов «глубинного» интервью выделяются типичные школьные культурные практики, направления и модели коммуникации, делается вывод об их влиянии на формирование поколенческой идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА поколение, беби-бумеры, школьная культура, культурные практики, идентичность, коммуникации.

Современное научно-педагогическое сообщество представлено в основном тремя поколениями: беби-бумеры, родившиеся в 1943–1963 гг.; поколение X, родившееся в 1964–1984 гг.; миллениумы, родившиеся в 1983–2003 гг. Причем численность старшей группы, по данным сайта News.ru, в 2020 г. значительная: «почти 20 % преподавателей в вузах России — это люди старше 65 лет» [2]. То есть пятую часть преподавателей составляют представители поколения беби-бумеров, но реально их еще больше, так как к этому поколению относятся все, кто старше 58 лет. По мнению Д. Рейли, это поколение сыграло жизненно важную, даже определяющую роль в изменении обстановки в современном мире [6, с. 10]. Социолог Карл Маннгейм впервые написал о такой социальной группе, как поколение в 1920–1930 гг., но наиболее активно поколенческая тематика стала разрабатываться в конце XX в. зарубежными исследователями (Г. Беккет, Д. Керцер, М. Н. Хоу, У. Штраус), немного позже появились российские работы по социологии, экономике, антропологии (М. А. Антипкин, Ю. В. Асташова, Ю. К. Левада, Е. М. Шамис, Е. П. Звягинцева, Е. А. Мухортова, М. И. Постникова, Д. Я. Травин, Е. И. Хомякова, А. В. Юрчак и др.). Понятие «поколение» используют в разных значениях: как способ описания родства, синоним когорты, стадия жизни, исторический период.

В нашем исследовании будет рассматриваться часть научно-педагогического сообщества, относящегося к поколению беби-бумеров. Оно оказало наиболее сильное влияние на современное образование, основные черты которого определились в 1990-х гг. В это время именно беби-бумеры находились в возрасте активной зрелости, они стояли во главе революционных изменений в образовании и практически 20 лет определяли образовательную политику. Российские разработчики теории поколений Е. Шамис и Е. Никонов утверждают, что ценности поколения формируются у человека до 12–14 лет под влиянием социальной жизни и семейного воспитания [1]. Социальная жизнь в данном случае — это не только политические события или социокультурные процессы, но и школьная повседневность. Поэтому мы поставили целью статьи выделение наиболее важных школьных культурных практик, оказавших влияние на формирование поколенческой идентичности представителей научно-педагогического

сообщества беби-бумеров. Традиционных исторических источников, освещающих данные практики, недостаточно, и исходя из тезиса, что предметом современной исторической науки становится не прошлое, а память о нем, главным методом исследования стало «глубинное» интервью с представителями научно-педагогического сообщества Омского государственного педагогического университета.

С конца XX в. в педагогических исследованиях стали использовать понятие «школьная культура», большая часть авторов рассматривает ее как разновидность организационной культуры. За рубежом понятие school culture применяется по отношению к любому типу образовательного учреждения. Антропологами и социологами доказано, что культура сообщества, в котором человек пребывает долго, влияет на восприятие объектов, решение задач, стиль жизни и деятельности. Это положение может быть применимо также к школьному или профессиональному сообществу. В период школьного детства происходит идентификация человека как представителя разных социальных и культурных групп. Мы рассматриваем идентичность, вслед за Э. Эриксоном, как важный элемент в структуре личности, объединяющий индивидуальные, личностные и социальные характеристики. Материалы проекта позволили создать источник по истории поколения беби-бумеров, что дает возможность не только проводить ретроспективные исследования, но лучше понять его современные поведенческие черты.

Структуру школьной культуры можно рассматривать через два компонента: духовная и материальная культура. Или выделять в ней культуры отдельных групп школьного сообщества (учительского, ученического, родительского). Еще один взгляд на школьную культуру мы находим в рамках теории коммуникаций. Как отмечают исследователи,

> в формировании и развитии культурных процессов важнейшую роль играют способы и средства коммуникации, получившие научное определение «коммуникативный формат» [4, с. 27].

На формирование школьной культуры оказывают наиболее значимое влияние сложившиеся модели и формы коммуникации. Школьное сообщество порождает разные линии коммуникации: между учителями и учениками, между учительским сообществом, между школьниками, между родителями и педагогами. Можно утверждать, что именно коммуникации и отражают актуальную культуру школьного сообщества.

Г. Г. Почепцов выделяет два типа общества в зависимости от типа коммуникации: инновационное и инерционное [5, с. 20]. В инерционном обществе большое значение уделяется слову и ритуалу, в инновационном обществе место языка занимает текст, и для него характерна вариативность сообщений. В советском тоталитарном обществе, несмотря на первые модернизационные лозунги, можно обнаружить все признаки инерционной коммуникативной культуры. Но в период школьного детства беби-бумеров в обществе появились первые признаки инновационности, началась критика сталинизма, появились альтернативные темы в искусстве. Насколько эти тенденции отразились в школьной культуре беби-бумеров, можно ли обнаружить проявления инновационности?

С точки зрения теории коммуникации в школьной культуре ключевые коммуникации — это коммуникации между учителем и учеником. Данный тип коммуникаций важен не только с точки зрения качества процесса обучения, поддержания дисциплины, но для формирования отношения к старшим, к Учителю. Этот особенно важно для членов научно-педагогического сообщества, так как усвоенную в школьном детстве коммуникативную модель они пытаются реализовать в современном

образовании (для новых поколений студентов, прошедших опыт другой школьной культуры), что часто приводит к непониманию и конфликтам.

Практически у всех респондентов мы встретили уважительное отношение к своим учителям, в интервью они приводили их фамилии, имена и отчества. Это можно объяснить и стабильностью педагогического контингента в советское время. Учителя работали в одних и тех же школах десятилетиями, ценилось длительное пребывание на одном рабочем месте. В современной школе данная тенденция в возрастной группе педагогов сохраняется, но молодое поколение проявляет трудовую мобильность. По данным 2017 г.,

> 55 % учителей всю жизнь проработали в одной школе, 27 % — в двух школах. Таким образом, на долю тех, кто менял школу три раза и более, остается 18 % [3, с. 26].

Так вспоминают своих учителей беби-бумеры:

> Учителя были хорошие и там и там... Первая учительница Нина Ивановна Макарова была очень нервная, а мы у нее были всегда очень нехорошие. Мария Дмитриевна стала с нами во втором классе, ее сразу все полюбили. В старших классах у нас был директор Семен Михайлович Журавлев, как директора мы его не любили, а как учитель истории он был очень хороший рассказчик (*Дмитрий* Ф.);

> Когда в школе отключали свет, Серафима Алексеевна ставила лампу и читала детям приключенческие книги (*Константин* Ч.);

> Казалось, что учителя все святые. Учили качественно. Уроки — это святое (*Иван* М.).

Несмотря на изменения, которые происходили в обществе после XX съезда, школьную культуру в 1960–1979 гг. в основном определяли учителя — сторонники идей И. Сталина.

> А в школе было две категории учителей — сталинисты, например директор школы Глеб Дмитриевич Блюм, и сталинисткой была, как ни странно, моя любимейшая учительница литературы Валерия Александровна Соколова. Вообще, явная демократка, но при этом сторонница Сталина (*Олег* С.).

Консерватизм школьной системы неоднократно защищал ее от скоропалительных новшеств. Поэтому не удивительно, что и учительство не всегда принимало тех попыток модернизации советской школьной системы, которые начинались в обществе. Но школьную культуру беби-бумеров определяли и другие учителя, которые использовали диалог в коммуникации с учениками:

> У меня была другая любимая учительница, Валентина Георгиевна Геронина, учитель истории, которая воспитывала нас в духе решений XX съезда (*Олег* С.);

> Учитель истории — директор школы. Директор откровенно отвечал. Если ошибался, признавал свои ошибки (*Иван* М.).

В школьной повседневности того времени можно обнаружить практики, когда ученики сами поднимали спорные вопросы. Например, Валерий Л. вспоминал: «То, что читал сам и получал в разговорах, сильно отличалось от школьной программы. Учителям задавал вопросы, на которые те не могли ответить».

Инновационные модели коммуникации появлялись в школе с приходом молодых учителей.

> В школу пришли практикантки по предмету «Обществознание», они затеяли антирелигиозный диспут. Меня назначили защищать религию, что Бог есть. Я поднял папу, папа привел В. Н. Худякова, который начинал на кафедре философии, преподавал научный атеизм. Худяков привел мне все классические доказательства существования Бога. Мы даже сходили в храм, попросили священника нам помочь, но Худяков был более убедителен. Я так хорошо выступал, присовокупил Канта. Студентки были разбиты (*Дмитрий* Ф.).

Вообще, многие респонденты вспоминают именно такие эпизоды, когда в традиционную школьную культуру попадал новый учитель, не похожий в чем-то на основную массу учителей. Это влияло на повышение интереса к предмету, который для многих становился профессией. Так было и у Бориса К.

> Почему полюбил историю? В 9-м классе пришла Элла Петровна. Красавица. Ставила коленку на стул, когда рассказывала.

На решение Ларисы К. тоже повлияла учительница:

> Ольга Ивановна — выпускница МГУ. Она читала философские лекции по обществоведению. Но между историей и философией она рекомендовала философию.

То есть интерес к предмету у многих был связан не с самим предметом, а с новыми формами коммуникации с учителем.

Учителя формировали литературные пристрастия беби-бумеров.

> На уроках труда, пока девочки шили, учитель читал Асадова. И я пошла в библиотеку за ним (*Лариса* К.).

> Учитель литературы давала огромные списки книг для чтения с присказкой, что каждый культурный человек должен прочитать... (*Людмила* Н.).

> В старшей школе в деревне библиотека была новая и тоже бедная, но учительница дала почитать Чехова, чем влюбила в Чехова, потом Есенина. Она прочитала балладу о собаке, вызвала особые эмоции у всех (*Иван* М.).

Многие респонденты подчеркивали элитарность своей школы, которую объясняли профессионализмом педагогического состава, качественной подготовкой. Для всех беби-бумеров характерно убеждение, что хорошая школа должна давать прочные знания.

> Учился в 37-й школе. Состав учителей блестящий. Из пятидесяти преподавателей семнадцать заслуженных учителей. А директор стал позже деканом одного из наших факультетов (*Борис* К.).

> Очень качественная школьная подготовка. Наша школа могла подготовить своих выпускников к поступлению на иняз без репетиторов, в горный институт, в политехнический институт, университет, педагогический... Мы не чувствовали себя ущербными, несмотря на то что были из маленького поселка (*Людмила* Н.).

Ходил в 64-ю, элитная уже тогда школа (*Александр* К.).

Школа была центром знаний. Учителя жили школой. Из пятнадцати человек не поступили в институт только три девочки. Две казашки замуж вышли... (*Иван* М.).

Я пошла в школу в 1959 году. Школа — экспериментальная, нас опекали студенты педучилища. На каждого ученика по две студентки. С нами возились... Школа располагалась на пригорке в здании бывшей мечети. Школа такая привилегированная (*Наталья* К.).

Таким образом, многие беби-бумеры связывают собственный успех в профессиональной деятельности с обучением в элитарной школе, которая дала хорошие стартовые возможности в виде знаний.

Еще одним важным показателем школьной культуры являются отношения между учениками. На это влиял одинаковый материальный и социальный статус учеников.

Школа № 19 располагалось в здании женской гимназии. В этой школе была разная публика, вокруг были бараки, в них жила разная публика, поэтому все учились вместе: и простые, и дети Манякина (*первый секретарь Омского обкома партии*) (*Дмитрий* Ф.).

Уровень социальный у одноклассников примерно одинаковый. В школе уравнивала школьная форма. Сережки — мещанство, все оставалось дома (*Лариса* К.).

В первом классе познакомился с дружком Юрой, ближе которого в жизни так уже и не случилось (*Олег* С.).

Вся система воспитания была направлена на формирование коллектива:

Класс был очень хороший, вспоминаю школу очень тепло. Класс принял меня быстро, не помню, чтобы были проблемы. В школе не было прозвищ (*Дмитрий* Ф.).

Таким образом, на поколенческую идентичность беби-бумеров, научно-педагогического сообщества, несомненно, оказала влияние советская школьная культура. Общность школьной культуры детерминировала черты поколения: уважение к Учителю, прочным знаниям, образованию, дисциплинированность, признание правил, коллективизм, умение и желание учиться. Так как школьная культура в основном строилась на принципах инерционной культуры, представителям данного поколения сложнее принять современные подходы в науке и культуре, в которых отсутствует понятие «истина», нет универсальных текстов и непреложных правил. Но умение и желание учиться, трудолюбие дают возможность представителям этого поколения успешно работать в новых условиях.

Список литературы

[1] Rugenerations — Российская школа теории поколений // [Электронный ресурс]. URL: https://rugenerations.su/all (дата обращения: 20.07.2021).

[2] *Астахов* П. В российских вузах 20 % преподавателей — люди старше 65 лет [Электронный ресурс]. URL: https://news.ru/society/v-rossijskih-vuzah-20-prepodavatelej-starshe-65-let (дата обращения: 20.07.2021).

[3] *Иванюшина В. А., Маслинский К. А., Александров Д. А.* Российские учителя сегодня и завтра: результаты исследования // Народное образование. 2017. № 6–7, С. 24–32.
[4] *Корсакова И. А.* Научное сообщество вуза в структуре коммуникативного образовательного пространства // Наука и современность, 2011, С. 27–31.
[5] *Почецов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001, 660 с.
[6] *Рейли Д.* Советские байби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране / пер. с анг. Т. Эйдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.

К вопросу об историческом терминологическом словаре

Е. А. Шерстянникова,
кандидат филологических наук, доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева

АННОТАЦИЯ Представлен опыт разработки конкретного специального словаря — «Исторического словаря русской лингвистической терминологии», главная цель которого — лексикографическое описание метаязыка лингвистики XVIII — первой трети XX в. Словарь рассчитан в первую очередь на филолога, в практике работы которого нередко встречается потребность не только в выяснении точного значения того или иного лингвистического термина, но и более полного раскрытия его содержания для учебных целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА лексика, терминологический словарь, макроструктура, диахроническое исследование

В современной исторической лексикографии различают два класса словарей в зависимости от способа описания языкового материала: словари «эволюции» и словари «состояния». Гораздо шире представлены словари «состояния», в которых дается синхронное описание — горизонтальный срез определенного периода истории языка.

Однако, по словам Юрия Сергеевича Сорокина, историзм в описании языковых фактов предполагает не столько особый объект (прошлое языковое состояние), сколько сам подход к объекту: выражение идеи последовательного и закономерного изменения и развития. Те лексиконы, которые мы привычно называем историческими словарями, скорее дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой динамики в открытом виде читателю не предъявляют.

Собственно диахроническими являются словари «эволюции», создание которых предвосхитил Лев Владимирович Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии» (1940):

> Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение.

Опыт разработки теоретической проблемы истории особого пласта лексики — терминологии, предлагаемый в данной работе, опирается на практику конкретного специального словаря — «Исторического словаря русской лингвистической терминологии».

Его главной целью является лексикографическое описание метаязыка лингвистики XVIII — первой трети XX в.

Благодаря диахроническому исследованию лингвистической терминологии становится возможным определить природу (лингвистического) термина, традиции его употребления, а также выявить семантические сдвиги, развитие значения лингвистического термина.

Наибольшую нагрузку по раскрытию истории термина несет дефиниция. Выработка метаязыка для полного описания семантики термина — задача чрезвычайной сложности. Как справедливо отметил Р. К. Хартман, «лингвисты вынуждены пользо-

ваться языком, чтобы описать язык же, что достаточно трудно, но составитель словаря лингвистики должен пользоваться языком, чтобы описать язык, использованный для описания языка, а это является еще более трудной задачей».

Ситуация осложняется тем, что терминология прошлого периода, являющаяся для него современной и актуальной, для нынешнего состояния лингвистической науки зачастую является исторической как в отношении обозначаемого ею явления, так и по сущности раскрытия того понятия, которое заключено в том или ином термине.

Так, в лингвистической литературе прошлой эпохи встречается целый ряд терминов, которые не отражают современных научных представлений, но имеют на том историческом отрезке времени и уровне науки совершенно определенное содержание.

Например, **начинательный вид глагола.** Вид, обозначающий только начатое действие и образованный с помощью приставки *за-*. *Начинательный, показывающий начало временного действия, за которым вскоре должно следовать другое действие, напр.: снег тает (т. е. начинает таять), трава зеленеет (т. е. начинает зеленеть), рожь поспевает (т. е. начинает поспевать). Глаголы этого вида по большей части бывают с предлогом за, напр.: запевать, запеть, затягивать, затянуть, заигрывать, заиграть и пр.* [Белинский, 1837. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 89].

Окончательный вид глагола. Вид, обозначающий законченное действие и образованный посредством приставок *про-* и *от-*. *Окончательный, показывающий окончание действия; он бывает, по большей части, с предлогом про и от, напр.: пропеть, проиграть, отучить...* [Белинский, 1837. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 89].

Исполнительный вид глагола. Вид, обозначающий многократно повторяющееся действие, образованное посредством *по-* и *-ся-*. *Исполнительный, показывающий удовлетворение действием через его многократность. Глаголы этого вида всегда принимают перед собой предлог на, а за собою возвратное местоимение ся, напр.: начитаться, наговориться, находиться, нагуляться, наиграться* [Белинский, 1837. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 89].

Переполнительный вид глагола. Вид, характеризующий действие многократно повторяющееся, продолжительное и образованное с помощью *за-* и *-ся-*. *Переполнительный, показывающий излишнее удовлетворение действием через его многократность или продолжительность. Глаголы этого вида принимают перед собой предлог за, а за собою возвратное местоимение ся, напр.: зачитаться, заговориться...* [Белинский, 1837. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 89].

Учащательный глагол. *Однако от изобилующих должно отличать учащательные: бѣгу, бѣгаю; даю, даваю; мячу, метаю; роню, роняю; тащу, таскаю и сим подобные* [Ломоносов, 1950–1959, с. 483].

Звательный глагол. Глаголы типа **называть, именовать.** ...*Звательные, кои какой-либо вещи собственное именованіе знаменуютъ, какъ называюсь, имянуюсь, прозываюсь, говорюсь* [Курганов, 1790, с. 31].

Прилагательный глагол. *Прилагательные: таковы суть всѣ глаголы, кромѣ существительныхъ и звательныхъ* [Курганов, 1790, с. 31].

Существительный глагол. Глаголы типа **есть, быть.** ...*Существительные, т. е. вещь о себѣ стоящую, ниже дѣниже страждущую знаменующіе: есть, есмь, бываю* [Курганов, 1790, с. 31].

Разделительное имя числительное (dividentia). Имя числительное, отвечающее на вопрос: *насколько частей разделяется?* ...*Разделительное (dividentia): на вопросъ коликогубый? То есть на сколько разныхъ родовъ какая-нибудь вещь раздѣляется... сугубый, трегубый, двоякій, троякій...* [Барсов, 1981, с. 503].

Соразмерное имя числительное (proportionalia). Имя числительное, отвечающее на вопрос: *во сколько раз больше? Соразмерное (proportionalia): на вопросъ коликосугубый? То есть во сколько раз больше? Какъ сугубый, двойной, тройной и пр.* [Барсов, 1981, с. 505].

Умножительное имя числительное (multiplikativa). Имя числительное, отвечающее на вопрос: *во сколько раз увеличенный? Умножительное (multiplikativa)*: на вопрос: *колико сугубый? Двукратный и двоекратный или троекратный*... и пр. [Барсов, 1981, с. 503].

Единообразное наречие. ...*Единообразныя, напр.: гдѣ, вездѣ и пр.* [Барсов, 1981, с. 149].

Разнообразное наречие. ...*Разнообразныя, напр.: тамъ и откуду, откуда и откуды, оттуду, оттуда и оттуды, долго ли много ли; долго ль, много ль и пр.* [Барсов, 1981, с. 149].

Всякий род (omne). Разновидность рода, которую составляют слова, принадлежащие одновременно мужскому, женскому и среднему родам. *Всякий (omne), когда одно слово къ тремъ родам мужескому, женскому и среднему принадлежитъ... напр.: всякаго: исполнь, велики, три, четыре и пр., десять, дватцать и пр., я, ты, мои, имѣли* [Барсов, 1981, с. 92].

Преобщий род (epicoenum). Разновидность рода, которую составляют слова, обозначающие животных. *Преобщій (Epicoenum): когда въ животныхъ подъ однимъ окончаніемъ и родом, мужескимъ только или только женскимъ или и среднимъ, оба пола разумѣются, не различая самца и самку, какъ, напр.: ястребъ, заяцъ, лошадь, свинья, порося: говоря о людяхъ, къ сему роду относить можно слова особа, человѣкъ* [Барсов, 1981, с. 92].

Объятие. *Объятіе есть, когда нѣцелую часть одно прилагательное или глаголъ значитъ подъ видомъ цѣлого: «Іосифъ прекрасенъ лицемъ. Я болю головою. Ахиллесъ скоръ ногами»* [Курганов, 1790, с. 90].

Другая ситуация, когда термин функционирует и в современной науке, но содержание его иное (то есть историческое содержание термина не совпадает с современным). Определение значения термина в таком случае, по нашему мнению, следует производить с учетом реальных представлений о содержании термина у отечественных лингвистов XVIII — первой трети XX в., с учетом их принадлежности к той или иной научной школе.

Например, термин **«частица речи».** В современной науке о языке **частица** определяется как служебная часть речи, передающая оттенки лексических и синтаксических значений, уточняющих и конкретизирующих значение лексических и синтаксических единиц [Касаткин, 1991, с. 262]. Но так было не всегда.

Так, Николай Иванович Греч **частицу речи** рассматривал как «придаточный корень, выражающий отношения между словами и суждениями». К таковым отнес предлоги и союзы (*Многіе придаточные корни, служа къ образованію другихъ словъ, сами остаются въ языкѣ въ видѣ отдѣльныхъ словъ и въ семъ случаѣ именуются частицами рѣчи...* [Греч, 1830, с. 94]. *Отношенія выражаются вообще частицами: отношеніе понятій между собою предлогами, а отношенія разсужденій союзами* [Греч, 1830, с. 106]). Термин же **«придаточный корень»** Н. Греч определил как «часть слова, изменяющую лексическое значение главного корня, а также выражающую отношения между словами. (*Изъ корней производятся слова посредствомъ присоединенія къ нимъ въ началѣ и концѣ другихъ корней, опредѣляющихъ смыслъ главнаго корня, означающихъ отношеніе изображаемаго имъ существа и пр. Корни словъ могутъ быть слѣдственно двухъ родовъ: главные и придаточные: первые изображаютъ предметъ, существо, его свойства и качества; послѣдніе же служатъ къ выраженію отношеній предметовъ и качествъ между собою* [Греч, 1830, с. 93]).

Герасим Петрович Павский же **частицами речи** называл неизменяемые слова языка (наречие, союз, предлог).

Филипп Федорович Фортунатов под **частицей речи** понимал частичное слово, не имеющее формы. При этом к **частичным словам** лингвист относил *вспомогательный глагол, предлог, союз, связку*, слова *конечно, верно, да, нет, мол, -то* и *я-то*.

Алексей Александрович Шахматов **частицу речи** наряду с предлогом, союзом и префиксом отнес к **служебным частям речи,** которые выражают отношения между понятиями, выраженными знаменательными частями речи. Среди частиц речи

Фортунатов выдели **препозитивные,** предшествующие слову, к которому относятся, и **постпозитивные**, следующие за словом, к которому относятся.

Следует отметить, что значение каждого термина в Словаре раскрывается не только путем толкования, но и благодаря текстовым иллюстрациям из грамматических работ отечественных лингвистов.

Словарь призван не только показать состав русской лингвистической терминологии указанного периода, но и специфику ее формирования и развития. Это предопределило хронологическое расположение значений термина внутри словарной статьи. Организующим началом при этом является концепция того или иного автора.

Например, словарная статья термина **СОЮЗ.**

СОЮЗ (калька, лат. conjunctio).

ЛОМОНОСОВ определял союз как неизменяемую часть слова, служащую для выражения отношения между понятиями. *Союзы самых понятий соответствие между собою показывают. Пример первого: «Змей въется по траве». По — предлог, значит, обстоятельство места. Пример второго: «Хоть вижу, да не разумѣю». Хоть, да — союзы, показывают взаимность видения и разумения* [Ломоносов, 1950–1959, с. 406]. *Предлог и союз служат только к спряжению и сношению понятий, впрочем, не подлежат никаким переменам* [Ломоносов, 1950–1959, с. 416–417].

Винословный союз. Союзы *ибо, понеже, что, потому что*; винословные: *ибо, понеже, что, потому что.*

Двуречный союз. см. Сложенный союз [Ломоносов, 1950–1959, с. 552].

Син.: Сложный союз [Барсов, 1981, с. 150].

Наносительный союз. Союзы *и так, посему*; наносительные: *и так, посему, слѣдовательно* [Ломоносов, 1950–1959, с. 552–553].

Последующий союз. Вторая часть парного союза. ...Последующие: *то, однако, напр.: ежели здоровъ, то къ намъ отпишешь; ученіе хотя трудно, однако пріятно; не смерти, но грѣховъ бойся* [Ломоносов, 1950–1959, с. 553].

Предыдущий союз. *Разделяются союзы на предыдущие и последующие. Предыдущие: ежели, хотя, не и сим подобные.*

Простой союз. Союзы *простые: как прежде, ибо* [Ломоносов, 1950–1959, с. 552].

Противительный союз. Союзы *но, однако, хотя, однакожъ, противительные: но, однако, хотя, однакожъ.*

Разделительный союз. Союзы *или, либо, ли*; разделительные: *или, либо, ли.*

Сложенный союз. Союзы *сложенные, как: ежели, дабы, также — или двуречные: прежде, нежели, того ради* [Ломоносов, 1950–1959, с. 552].

Сопрягательный союз. Союзы *и, же, также, купно, какъ, так. Знаменования союзов суть разные — сопрягательные: и, же, также, купно, какъ, такъ.*

Условный союз. Союзы *буде, ежели, когда, когда же. Условные: буде, ежели, когда, когда же.*

КУРГАНОВ также выделил неизменяемую часть слова, служащую для выражения отношения между понятиями. *Слово союзъ показываетъ взаимность нашихъ понятій или ихъ соотвѣтствіе между собою. Напр.: я и ты; я съ тобою; ...союзы, изъявляющія наше соответствія* [Курганов, 1790, с. 5]. *Союзъ есть такая частица рѣчи, которая ничемъ не измѣняется и совокупляетъ слова и смыслъ порядочно или соединяетъ взаимность понятій* [Курганов, 1790, с. 48].

Винословный союз. Винословные: *ибо, понеже, что, чтобъ* [Курганов, 1790, с. 48].

Двуречный союз. Двурѣчные: *прежде, нежели, того ради* [Курганов, 1790, с. 48].

Наносительный союз. Наносительные: *междъ, тѣмъ, прочее, и такъ* [Курганов, 1790, с. 48].

Недоуменный союз. Недоуменные: *когда, ли, или, ни* [Курганов, 1790, с. 48].

Общий союз. Общіе: *ежели, прочее, хотя, уже или ужъ и пр.* [Курганов, 1790, с. 48].

Подчинительный союз. *Подчинительные: да, дабы, небы* [Курганов, 1790, с. 48].

Последующий союз. *Послѣдующіе или подлагательные: то, однако, но: на прежели хочешь, то получишь; ученіе хотя трудно, однако приятно* [Курганов, 1790, с. 48].

Син.: Подлагательный союз [Курганов, 1790, с. 48].

Предыдущий союз. *Въ разсужденіи числа или порядка раздѣляются еще союзы на предъидущіе или прилагательные: ежели, хотя, не и пр.* [Курганов, 1790, с. 48].

Син.: Прилагательный союз [Курганов, 1790, с. 48].

Простой союз. *Союзы раздѣляются по начертанію на простые, какъ: прежде, ибо, со или съ* [Курганов, 1790, с. 48].

Противительный союз. *Противительные: но, однако, никакъ* [Курганов, 1790, с. 48].

Разделительный союз. *Раздѣлительные: или, либо, ли, ни* [Курганов, 1790, с. 48].

Сложенный союз. *Сложенные: ежели, дабы, также* [Курганов, 1790, с. 48].

Сопрягательный союз. *Знаменованія союзовъ суть разныя. Сопрягательные: а, и, же, также* [Курганов, 1790, с. 48].

Условный союз. *Условные и сослагательные: буде, ежели, подаже* [Курганов, 1790, с. 48].

Син.: Сослагательный союз [Курганов, 1790, с. 48].

БАРСОВ. Неизменяемая часть речи, выступающая средством связи между словами, частями предложения и целыми предложениями. *Союз есть неизмѣняемая часть рѣчи, которая, какъ слова, по одинокѣ и по два, такъ и цѣлыя предложенія или части ихъ связываютъ. Напр.: Онъ страждетъ духомъ и тѣломъ. Много желанія, да мало старанія. Понеже изастіе безъ усильнаго старанія рѣдко приходитъ; то однимъ желаніемъ никакихъ трудовъ, не можно <вѣрно надѣяться> пріобрѣсти его* [Барсов, 1981, с. 150]. В роли союзов могут выступать и самостоятельные части речи, как имя, местоимение, глагол. Кроме этого один и тот же союз может относиться к различным группам союзов. *Изъ изложенныхъ примеровъ видно: 1) что въ силѣ союзовъ употребляются и другія части рѣчи, какъ то: имя, мѣстоименіе, глаголъ, а особливо нарѣчіе, напр.: правда, то, что, будет и употребительнѣе сокращенно буде, купно, когда, и 2) что одинъ и тотъ же союзъ подходитъ подъ разныя раздѣленія, то есть разныя имѣетъ знаменованія, напр.: же, есть и сопрягательное, противительное и тако о прочихъ* [Барсов, 1981, с. 151].

Винословный союз. *Разделеніе по знаменованію: винословные: понеже, бо, ибо, что, потому что, какъ, да, дабы, чтобы, чтобъ* [Барсов, 1981, с. 151].

Изъяснительный союз. *Разделеніе по знаменованію: изъяснительные и примѣрные: то есть, а именно, какъ, какъ то* [Барсов, 1981, с. 151].

Син.: Примерный союз [Барсов, 1981, с. 151].

Наносительный союз. *Разделеніе по знаменованію: наносительные: такъ, и такъ, того ради, для сего, для того, чего для, посему, потому, почему, слѣдовательно, ибо, <такъ что>* [Барсов, 1981, с. 151].

Позволительный союз. *Разделеніе по знаменованію: позволительные: хотя, правда, что, правда, ни (напр.: какъ ни, когда ни, кто ни и пр.)* [Барсов, 1981, с. 151].

Последующий союз. *Разделеніе по смыслу: б) на послѣдующіе, т. е. имъ необходимо соотвѣтствующіе, напр.: но, однако, однакожъ; то, такъ, того ради и пр.* [Барсов, 1981, с. 150].

Предполагаемый союз. *Разделеніе по мѣсту: <а)> на предполагаемые, всегда другим реченіямъ въ одномъ членѣ рѣчи, напр.: но, ибо и пр.* [Барсов, 1981, с. 150].

Предыдущий союз. *Разделеніе по смыслу: <а)> на предыдущіе, напр.: хотя, есть ли, понеже и пр.* [Барсов, 1981, с. 150].

Простой союз. *Разделеніе по виду: а) на простые, напр.: но, ежели и пр.* [Барсов, 1981, с. 150].

Разделительный союз. *Разделеніе по знаменованію: раздѣлительные: но, а, а то, же и сокращенно ежъ, да, однако, однакоже, однакожъ, лишь, лише, токмо, только, только*

лишь, только что, только, впрочемъ, иначе, сюда принадлежитъ избирательное нежели [Барсов, 1981, с. 151].

Расположительный союз. *Разделеніе по знаменованію: расположительные и послѣдовательные: во-первыхъ, во-вторыхъ и пр., первое, второе и пр., потомъ, послѣ сего, послѣ чего, тогда какъ, когда, какъ, какъ скоро, какъ только, только что, лишь только, впрочемъ* [Барсов, 1981, с. 151].

Син.: Последовательный союз [Барсов, 1981, с. 151].

Сложный союз. *Разделеніе по виду на сложные, и притом въ одно реченіе составленные, или двурѣчные, т. е. состоящіе изъ двухъ раздѣльныхъ но в смыслѣ непремѣнно другъ къ другу относящихся реченій, напр.: также и пр., прежде, нежели, и пр.* [Барсов, 1981, с. 150].

Син.: Двуречный союз [Барсов, 1981, с. 150].

Сопрягательный союз. *Разделеніе по знаменованію на сопрягательные: и, <да,> же <и сокращенно жъ>, также, тоже, тако жъ, тожъ; какъ, такъ; такъ какъ; не и не; не, ни; ни — ни; не, ниже; ни, ниже; что, чтобы, чтобъ, купно, притом,причем* [Барсов, 1981, с. 151].

Условный союз. *Разделеніе по знаменованію. Условные: бы <и сокрашенное къ нимъ бъ, слитно пишется съ предыдущимъ словомъ>, ежели, есть ли, буде, когда и оныя же съ приложеніемъ ежели бы, лишь бы и пр.* [Барсов, 1981, с. 151].

ЯКОБ. Слово, выражающее отношение между словами в предложении, а также между самими предложениями. *Предложенія можно себѣ представить способомъ соотношеній; и сіе бываетъ или тогда, когда рожденіе сихъ самыхъ предложеній происходитъ только подъ извѣстными отношеніями, или когда одно положеніе бываетъ мыслимо въ отношеніи къ другому положенію, или понятію; слова, выражающія сіи отношенія предложеній, не совсемъ значительно, называются союзами (Conjunctiones)* [Якоб, 1811, с. 45].

Винословный союз. Союз со значением причинности. *Винословные, показывающіе, что одно предложеніе составляетъ причину или основанія другаго пердложенія* [Якоб, 1811, с. 46].

Заключительный союз. Союз со значением следствия. *Заключительнае, представляющіе одно предложеніе слѣдствіемъ другаго* [Якоб, 1811, с. 46].

Противительный союз. Союз, выражающий отношение противопоставления. *Противительные, показывающіе противленіе между предложеніями* [Якоб, 1811, с. 46].

Разделительный союз. Союз, выражающий отношения взаимоисключения. *Раздѣлительные, кои представляютъ предложенія, въ одномъ понятіи заключающіяся, предложеніями, одно другое изключающими* [Якоб, 1811, с. 46].

Распределительный союз. Союз, устанавливающий порядок следования одного предложения за другим. *Разпредѣлительные, опредѣляющіе порядокъ, коимъ одно пердложеніе должно слѣдовать за другимъ* [Якоб, 1811, с. 46].

Содержательный союз (subsumtive conjunctiones). Союз, указывающий на то, что одно предложение является зависимым от другого, «содержащимся под другим». *Союзы содержательные (subsumtive conjunctiones), представляющіе одно предложеніе, содержащимся подъ другимъ* [Якоб, 1811, с. 46].

Соединительный союз. Союз, соединяющий подлежащие со сказуемыми между собой, либо подлежащее с другим членом предложения. *Союзы соединительные, которые, соединяя подлежащія, либо сказуемыя, или какое-либо предложеніе съ какимъ-нибудь понятіемъ, совокупляютъ въ одно, два или многія простыя сужденія* [Якоб, 1811, с. 45].

Условный союз. Союз, выражающий отношение условия. *Условные, которыми объявляется одно предложеніе условіемъ, а другое условленнымъ* [Якоб, 1811, с. 46].

Уступительный союз. Союз, выражающий отношение уступки. *Уступительные (позволительные)* [Якоб, 1811, с. 46].

ГРЕЧ. Частицу речи, выражающую отношение между частями предложения. Функцию союза в предложении могут выполнять и другие части речи — относительные местоимения и вопросительные наречия. *Союзъ есть частица рѣчи, которою*

выражаются отношенія между сужденіями нашими; напримѣръ: Зимою холодно, а лѣтомъ тепло. Дѣлай добро и не жди награды. Хотя онъ молодъ, но успѣлъ уже во многомъ, и т. п. Слова: а, и, хотя, но, суть союзы [Греч, 1830, с. 398]. *Вообще союзы въ русскомъ языкѣ суть слѣдующіе: а, буде, будто, будто бы, впрочемъ, да, дабы, для того, для того, что; ежели, если, же, и, ибо, или, и такъ, какъ, какъ-то, когда, ли, ль, либо, лишь, нежели, не только, но и; ни, ни; ниже, но, однако, поелику, понеже, посему, потому, что; правда, пускай, пусть, сколь, сколь ни; слѣдовательно; столь, такъ, то, тогда, того ради, токмо, только, хотя, хотя бы, что, чтобы, яко. Сверхъ того еще нѣкоторыя другія части рѣчи служатъ вмѣсто союзовъ: таковы мѣстоименія: кто, что, который, чей, кой, какой; нарѣчія вопросительныя: гдѣ, куда, откуда, отколѣ, доколѣ, сколько и др., будто, пока, чѣмъ, тѣмъ, частію и пр.* [Греч, 1830, с. 398–399].

Среди союзов Греч выделил: 1. *Первообразные частицы: а, да, же, и, ли, ни, но.* 2. *Производимые отъ другихъ частей рѣчи: буде (отъ буду, будь), лишь (лишить), однако (от одинъ), если (отъ есь ли).* 3. *Заимственные изъ нарѣчій: впрочемъ, когда, тогда, какъ, такъ, яко, гдѣ, куда, откуда, сколь, столь, слѣдовательно, только, токмо.* 4 *заимствованные изъ другихъ частей рѣчи: правда, пускай, хотя, пусть, то, который, кой, кто, что, какой, коликій.* 5. *Сложные: будто, дабы, ежели либо, ибо, или, какъ-то, нежели, поелику, понеже, посему, потому, чтобы.* 6. *Состоящіе изъ двухъ и болѣе отдѣльныхъ словъ: для сего, для того; для того, что; и такъ; не только, но и; потому, что; сколько ни, сего ради, только ради, хотя бы, яко бы и пр.* [Греч, 1830, с. 398–399].

ВОСТОКОВ. Часть речи, выражающая отношения между понятиями, выраженными словами и предложениями. *Союзъ есть разрядъ словъ, показывающій связь или противуположеніе между понятіями, выражаемыми рѣчью* [Востоков, 1871, с. 38]. *Между двумя подлежащими или сказуемыми въ сложномъ предложеніи, также между двумя опредѣлительными и дополнительными словами ставится союзъ и, соединяющій оныя. Сей же союзъ и другія, коимъ слѣдуетъ изчисленіе, служатъ связью и между цѣлыми предложеніями* [Востоков, 1839, с. 224–225].

Винословный союз. *Винословные или причину показывающие: ибо, поелику, понеже, а как, так как, потому что, для того что, за тем что, за то что* [Востоков, 1839, с. 227].

Вопросительный союз. *Вопросительные: ли, или* [Востоков, 1839, с. 226].

Желательный союз. Союзы *ежели бы, если бы, дай. Предположительные и желательные: бы, да, дабы, чтоб, ежели бы, если бы, дай* [Востоков, 1839, с. 227].

Заключительный союз. *Заключительные: так, то, итак, посему, почему и следовательно, стало быть* [Востоков, 1839, с. 227–228].

Изъяснительный союз. Союзы *что, будто, якобы; то, это, ведь; то есть, а именно, как то; по мере того, как, поколику, поколику, потолику; сперва, во-первых, потом, напоследок, наконец, в заключение; иногда, где; тогда — когда, там — где, оттоле — отколе; мол, де, дескать. Изъяснительные: а) относительно к бытию: что, будто, якобы; б) относительно к предмету и обстоятельствам действия: то, это, ведь, приставляемые к существительным, местоимениям и наречиям, напр.: он-то, сей-то, кто-это, о чем-это, как-то, там-то, тогда-то, ведь-он сегодня-ведь; в) относительно к исчислению предметов или действий: то есть, а именно, как то; г) относительно к мере: по мере того, как, поколику и двойной союз поколику — потолику; д) относительно к порядку или последствию; сперва, во-первых, потом, напоследок, наконец, в заключение; е) относительно ко времени и месту; повторяемые: иногда, где и двойные: тогда — когда; там — где; оттоле — отколе; ж) приставляемые к глаголу для означения чужой речи: мол, де, дескать* [Востоков, 1839, с. 226–227].

Предположительный союз. Союзы *бы, да, дабы, чтоб. Предположительные и желательные: бы, да, дабы, чтоб, ежели бы, если бы, дай* [Востоков, 1839, с. 227].

Противительный союз. *Противительные: а, же, да, но, однако, впрочем, только, ежели, таки* [Востоков, 1839, с. 227].

Разделительный союз. *Разделительные, одинакие и повторяемые: или, либо, ни; двойной: ни — ниже* [Востоков, 1839, с. 226].

Соединительный союз. Союзы *по знаменованію раздѣляются на: соединительные, кои суть; а) одинакіе; б) повторяемые; в) двойные* [Востоков, 1839, с. 225–226].

Двойной союз. *Двойные: какъ — такъ и; не токмо — но и* [Востоков, 1839, с. 226]. Союзы *уступительные: хотя, сколь ни, как ни, что ни составляют с противительным однако двойные союзы* [Востоков, 1839, с. 227]. Союзы *условные: ежели, если, когда — и причину показывающие: поелику, так как, а как — составляют двойные союзы с заключительным то* [Востоков, 1839, с. 228].

Одинакий союз. *Одинакіе: и, да, же, также, равномѣрно, сверхъ того, притомъ, къ тому, еще, даже* [Востоков, 1839, с. 226].

Повторяемый союз. *Повторяемые: и то, отчасти, частично* [Востоков, 1839, с. 226].

Сравнительный союз. Союз *подобно как, таким образом как; словно; будто бы; как — так; столь — столь; нежели, чем, как; чем — тем. Сравнительные: а) в положительной степени: одинакие — подобно как; таким образом как; словно; будто бы. Двойные: как — так; столь — столь; б) в сравнительной степени: одинакие — нежели, чем, как; двойные: чем — тем* [Востоков, 1839, с. 227].

Условный союз. *Условные: ежели, если, буде, когда* [Востоков, 1839, с. 227].

Уступительный союз. *Уступительные: хотя, правда, пожалуй, пусть, пускай, сколь ни, как ни, что ни* [Востоков, 1839, с. 227].

ПАВСКИЙ. Частицу речи, связывающую слова и предложения. *Союзы устанавливаютъ связь между словами и реченіями* [Павский. Рассуждение 2, 1842, с. 11].

ДАВЫДОВ. Форма соединения предложений. Эту функцию выполняют союзы и союзные слова. *Союзы въ русскомъ языкѣ суть слѣдующіе: а, буде, будто, будто бы, впрочемъ, да, дабы, для того, для того что, ежели, если, же. И, ибо, и такъ, какъ, какъ-то, когда ли, ль, либо, лишь, нежели, не только — но и, ни — ни, ниже, но, однако, поелику, понеже, почему, потому — что, правда, пускай, пусть, сколь. Сколь — ни, слѣдовательно, столь, такъ, то, тогда, того ради, токмо, только, хотя, хотя бы, что, что бы, яко* [Давыдов, 1849, с. 167]. *Мысли, выражаемыя грамматически независимыми предложеніями, изъ которыхъ каждое содержитъ въ себѣ самостоятельное сужденіе говорящаго, тогда только составляютъ одну рѣчь, когда приведены въ извѣстныя между собою логическія отношенія. Въ логическихъ отошеніяхъ мыслей и ихъ выраженіи разсматривается соединеніе только двухъ членовъ. Между двумя мыслями можетъ существовать логическая связь въ такомъ только случаѣ, когда онѣ или служатъ членами одной высшей мысли, взаимно другъ друга дополняющими, или опредѣляютъ какимъ-либо образомъ одна другую. Союзы и слова, употребляемыя для одной съ ними цѣли, называются формою соединенія предложеній* [Давыдов, 1849, с. 231].

Винословный союз. Союзы *ибо, поелику, для того что* со значением причинности. *Въ совмѣстномъ соединеніи могутъ находиться и такія предложенія, изъ которыхъ послѣдующее показываетъ причину и основаніе или слѣдствіе предъидущаго. Союзы, служащіе соединеніемъ, поэтому называются винословными: ибо, поелику, для того что...* [Давыдов, 1849, с. 168].

Вопросительный союз. Союзы *ли, или. Вопросительныя предложенія бываютъ независимыя и зависимыя отъ предложеній предъидущихъ: «читалъ ли ты? я не увѣренъ, читалъ ли ты?», притомъ вопросительныя предложенія могутъ состоятьизъ одного, двухъ и болѣе членовъ: «я не знаю, придетъ ли онъ, или не придтъ». Смотря потому, относится ли вопросъ къ пердмету или сказуемому, вопросительныя предложенія раздѣляются на вопросительныя предложенія имени и сказуемаго. «Кто это написалъ?» — «Написалъ ли ты урокъ?» Въ русскомъ языкѣ употребляются вопросительные союзы: ли, или* [Давыдов, 1849, с. 170].

Заключительный союз. Союзы *следовательно, стало быть, посему и так*, имеющие значение винословного союза. *Въ совмѣстномъ соединеніи могутъ находиться и такія предложенія, изъ которыхъ послѣдующее показываетъ причину и основаніе или слѣдствіе*

предъидущаго. Союзы, служащіе соединеніемъ, поэтому называются винословными: ибо, поелику, для того что — и заключительными: слѣдовательно, стало быть, посему и такъ. «Ртуть въ термометрѣ повысилась, потому что въ комнатѣ стало теплѣе». «Въ барометрѣ ртуть упала: слѣдовательно, надобно ожидать дождя» [Давыдов, 1849, с. 168].

Изъяснительный союз. Союзы *что, будто, ведь, то есть, как-то*, соединяющие главное предложение и придаточное и выражающие отношения пояснения. *Придаточныя предложенія: существительныя, занимающія мѣсто собственно винительнаго падежа (дополненіе) при глаголахъ постиженія чувственнаго и умственнаго и обнаруженія постиженія, равно заботы, дѣятельности, требованія, напр.: видѣть, думать, говорить, имѣть, намѣреніе, соединяются съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ союзовъ: что, чтобы, дабы, для того чтобы. Такія предложенія выражаютъ объясненіе, а потому и необходимы въ нихъ союзы изъяснительные: что, будто, вѣдь, то есть, какъ то — или предположительные: бы, чтобы, дабы, да. «Я вижу, что вы это понимаете. Я говорю это для того, чтобы вы поняли. Я требую, чтобы вы исполняли вашу должность»* [Давыдов, 1849, с. 168–169].

Предположительный союз. Союзы *бы, чтобы, дабы, бы*. См. Изъяснительный союз [Давыдов, 1849, с. 168–169].

Противительный союз. Союзы типа *а, же, но, однако, впрочем*, выражающие отношения противопоставления. См. Соединительный союз [Давыдов, 1849, с. 167–168].

Разделительный союз. Союзы *либо, или — или, ни — ни* со значением разделения. *Совмѣстныя предложенія бываютъ раздѣлительныя, утвердительныя и отрицательныя, выражаемыя союзами раздѣлительными: либо, или — или, ни — ни. «Ни я не успѣлъ прочесть всей книги, ни ты окончить письма». «Или польются дожди, или вдругъ станетъ зима»* [Давыдов, 1849, с. 168].

Сложный союз. Союзы сложные: *будто, дабы, ежели, либо, ибо, или, какъ то, нежели, поелику, понеже, посему, потому, чтобы. Изъ двухъ и болѣе отдѣльныхъ словъ состоятъ слѣдующіе: для сего, для того, того что, и такъ, не только — но и, потому — что, сколь — ни, сего ради, того ради, хотя бы, яко бы* [Давыдов, 1849, с. 167].

Соединительный союз. Союзы *и, да, также, даже, еще*, соединяющие части предложения. *Сочиненіе предложеній совмѣстное состоитъ или въ распространеніи, или въ ограниченіи мысли: первое называется соединеніемъ (cord. copulativa), второе противоположеніемъ (cord. adversativa). Примѣръ перваго: «Сократъ былъ мудръ и добръ»; втораго: «Фабрицій былъ не богатъ, но возвышенъ духомъ». Союзы, посредствомъ которыхъ первое предложеніе получаетъ единство, суть соединительные: и, да, также, даже, еще, сверхъ того, притомъ, несколько — но; а служащіе такою же связью въ другомъ примѣре — противительные: а, же, но, однако, впрочемъ* [Давыдов, 1849, с. 167–168].

Сравнительный союз. Союзы *подобно как, как — так, сколь — столь, таким образом как, нежели, чем, как, чем — тем. Придаточныя сравнительныя предложенія соединяются союзами сравнительными: подобно какъ, какъ — такъ, сколь — столь, словно, таким образомъ какъ, нежели, чѣмъ, какъ, чѣмъ — тѣмъ. «Какъ нѣжное растеніе ожидаетъ старательнаго ухода, такъ и дитя требуетъ внимательнаго присмотра»* [Давыдов, 1849, с. 169–170].

Уступительный союз. Союзы *хотя, правда, пожалуй, сколько, как ни*, а также относительное местоимение в роли союза. *Придаточныя предложенія: прилагательныя выражаютъ опредѣленіе имени: это прилагательныя или причастія, возведенныя на степень предложеній. Такія предложенія связываются съ главнымъ мѣстоименіемъ относительными, которыя въ этомъ случаѣ получаютъ силу союзовъ уступительныхъ: «Романы, изъ которыхъ иные хороши, должно читать съ осторожностью» — вмѣсто пусть изъ нихъ иные. Сюда же относятся союзы: хотя, правда, пожалуй, сколько, какъ ни* [Давыдов, 1849, с. 169].

БУСЛАЕВ. Средство выражения синтаксической связи между предложениями, «соединенными по способу подчинения и сочинения». *Союз показывает связь между*

предложениями, соединенными по способу подчинения и сочинения [Буслаев, 1959, с. 326]. Роль союзов в предложении могут выполнять местоимения, наречия или союзы, а также некоторые имена существительные, прилагательные, числительные. Союзы *различаются: а) по происхождению, б) по употреблению и в) по значению. А по происхождению союзы делятся: I. На собственные, каковы: и, а, же, но, ли и др. II. На речения, употребляющиеся в виде союзов, но по образованию своему принадлежащие к другим частям речи. Важнейшие из этих речений либо местоимения и местоименные наречия, либо глаголы. А именно: 1. Местоимения и наречия относительные либо одни, либо в связи с указательными; напр.: что, как, как — так, чем — тем, потому что, за тем что, где — где и пр. 2. Глаголы, и притом а) или целые предложения, т. е. сказуемые, которые, слившись с другими предложениями, стали употребляться в виде союзов; каковы, напр.: пусть, пускай, де, мол, ведь и пр.; или б) остатки описательных форм спряжения; напр.: бы, буде. 3. Сверх местоимений и глаголов, в виде союзов, для связи предложений употребляются некоторые имена существительные, прилагательные, числительные, и наречия знаменательные; напр.: частию — частию, таким образом как, подобно тому как, во-первых, напоследок, в заключение и пр.* [Буслаев, 1959, с. 325–326].

Двойной союз. Парный союз. *По употреблению бывают: двойные или соответствующие, которые состоят из двух соответствующих один другому союзов, помещенных перед соединяемыми словами; напр.: «чем дальше в лес, тем больше дров»...* [Буслаев, 1959, с. 326].

Син.: Соответствующий союз [Буслаев, 1959, с. 326].

Одинакий союз. Не повторяющийся в предложении союз. *По употреблению бывают: одинакие, однажды и в одном месте употребляемые при соединении слов; напр.: «Бог сотворил небо и землю».*

Первообразный союз. Союзы *а, и, из, бо (ибо), да, же, ли, ни, но. Союзы бывают первообразные, производные и сложные. Первообразные, которых число весьма ограничено, суть следующие: а, и, из, бо (зн. «ибо»), да, же, ли, ни, но (цс. нъ). Все остальные союзы суть слова производные или сложные* [Буслаев, 1959, с. 162].

Повторительный союз. Повторяющийся союз. *По употреблению бывают: повторительные перед каждым из соединяемых слов; напр.: «и радости, и печали делить вместе».*

Производный союз. См. Первообразный союз [Буслаев, 1959, с. 162].

Союзы, служащие для сочинения предложений: *по значению делятся на два отдела. Одни служат для сочинения предложений, другие — для подчинения* [Буслаев, 1959, с. 326].

Отрицательный союз. Союзы: *ни, ниже — отрицательные* [Буслаев, 1959, с. 326].

Противительный союз. *Противительные: а, же, но, однако, впрочем* [Буслаев, 1959, с. 326].

Разделительный союз. *Разделительные: ли, или, либо* [Буслаев, 1959, с. 326].

Соединительный союз. Союзы *и, же, да, не только — но и, частию — частию, сперва, потом, далее, наконец, где — где, иногда — иногда. Соединительные: и, же, да, не только — но и, частию — частию и пр.; с означением последовательности: сперва, потом, далее, наконец; с означением места и времени, помощию повторительных союзов: где — где, иногда — иногда* [Буслаев, 1959, с. 326].

Союзы, служащие для подчинения предложений:

Винословный союз. Союз, выражающий отношение причинности. *Винословные или причину означающие: потому что, за тем что, так как. К винословным принадлежат условные: если, ежели, буде, когда — и заключительные: так, то, и так, почему и, следовательно* [Буслаев, 1959, с. 326–327].

Желательный союз.

Изъяснительный союз. *Изъяснительные: что, будто; с означением места и времени в двойных: где — там, куда — туда, когда — тогда* [Буслаев, 1959, с. 326].

Предположительный союз. *Предположительные и желательные: бы, д, дабы, чтобы* [Буслаев, 1959, с. 326].

Сравнительный союз. *Сравнительные, и притом с положительной степенью: будто бы, таким образом как, как — так; и со сравнительной: нежели — чем, чем — тем* [Буслаев, 1959, с. 326].

Уступительный союз. *Уступительные: хотя, пусть, пускай, как ни, что ни* [Буслаев, 1959, с. 326].

АКСАКОВ. Средство выражения отношений между действиями. *Человек отвлекает от предмета и от действия качество, и вот в слове качество (определение) имени выразилось прилагательным; качество глагола — наречием. Далее. Предметы имеют влияние один на другой, относятся один к другому точно так же, как и действия; итак, в слове отношение между предметами, именами высказывается предлогом; отношение между действиями — союзом...* [Аксаков, 1875. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 158].

КЛАССОВСКИЙ. Союз (conjunctio) — средство соединения двух членов предложения, а также простых предложений в составе сложного. *Союзъ (...conjunctio) связываетъ: 1) два члена предложенія, чтобы показать ихъ равную зависимость отъ третьяго члена (напр.: «вы и онъ приѣхали»), или 2) два простыя предложенія, входящіе въ составъ одной общей мысли, напр.: «старикъ охотнѣе всего говоритъ о прошломъ, а юноша о настоящемъ»* [Классовский, 1855, с. 13].

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ. Вспомогательное слово, использующееся для связи слов в предложении, а также частей сложного предложения. *Союзы суть частицы предложенія, служащія для выраженія связи между частями предложенія и между отдѣльными предложеніями* [Овсянико-Куликовский, 1908, с. 95].

Подчинительный союз. см. Сочинительный союз [Овсянико-Куликовский, 1908, с. 95].

Сочинительный союз. Союз, служащий для связи равноправных элементов предложения. Это союзы и, а, но. *Союзы дѣлятся на сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы связываютъ одинаковые части предложенія (подлежащее съ подлежащимъ, сказуемое со сказуемымъ, дополненіе съ дополненіемъ и т. д.), а также равноправныя предложенія. Таковы союзы: и, а, но* [Овсянико-Куликовский, 1908, с. 95].

Союзное слово. Местоимение и наречие, выступающие в роли союзов. *Всѣ мѣстоименія и нарѣчія, служащіе связью между предложеніями и, слѣдовательно, играющія роль союзовъ, не переставая быть мѣстоименіями и нарѣчіями, мы называемъ союзными словами* [Овсянико-Куликовский, 1908, с. 97].

ШАХМАТОВ. Служебная часть речи, которая выполняет функцию соединения или разъединения слов, словосочетаний или предложений, выражая различные отношения. *Союз означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, соединяющие или разъединяющие сочетавшиеся слова, словосочетания и предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений* [Шахматов, 1941, с. 423].

ПЕШКОВСКИЙ. Служебное слово, связующее два предложения между собой, а также приводит в связь оба эти предложения с третьим. *...Союз выполняет внутри предложения двойную функцию: 1) он приводит в связь два предложения между собой и 2) он приводит в связь оба эти предложения с одним и тем же третьим* [Пешковский, 1956, с. 443]. *...Мы можем, в конце концов, определить всякий союз внутри предложения (кроме союза как...) как частное слово, выражающее однородность двух членов по отношению к третьему* [Пешковский, 1956, с. 443].

Противительный союз. Союзы но, а, выражающие отношение противопоставления. *В союзах... противительных (но, а) заключен добавочный оттенок противоположности...* [Пешковский, 1956, с. 448–449].

Разделительный союз. Союзы или, ли — ли, ли — или, то — то, не то — не то, то ли — то ли, либо — либо, выражающие отношения взаимоисключения («взаимооб-

условленности»). *В союзах... разделительных (или, ли — ли, ли — или, то — то, не то — не то, то ли — то ли, либо — либо...) имеется добавочный оттенок потенциальности, или взаимной обусловленности...* [Пешковский, 1956, с. 448].

Соединительный союз. Союзы *и, ни — ни, да*. Союзы... *соединительные (и, ни — ни, да) образуют чисто нулевую категорию. В них нет никакого добавочного оттенка, в тех связях, которые союз устанавливает между членами, что отражается и в названии их совершенно общем (ведь каждый союз соединяет)* [Пешковский, 1956, с. 448].

Такое расположение материала, на наш взгляд, дает представление о многообразии точек зрения различных языковедов на какое-либо научное понятие, об этапах развития этого понятия. Однако это не исключает дублирование некоторой информации в пределах одной словарной статьи, поскольку понимание одного и того же термина разными лингвистами может совпадать.

Словарные статьи построены по гнездовому методу. Основой объединения терминов в гнездо служат отношения между выражаемыми ими понятиями — чаще всего родо-видовые. Графическим средством передачи родо-видовых отношений является отступ: видовые термины расположены под знаком двойного, тройного и прочего отступа.

Расположение терминов по их смысловой близости, безусловно, имеет ряд преимуществ перед алфавитным принципом, поскольку демонстрирует системную организацию терминологии. Однако зачастую оказывается затруднительным поиск видового термина. Для облегчения поиска таких терминов в словаре предусмотрен словник.

Всякий термин системен. Место термина в терминосистеме определяется местом соответствующего понятия в системе понятий данной области знания. Системные отношения в Словаре представлены эксплицитно в виде системы условных помет и обозначений. Такой способ представления, на наш взгляд, дает возможность продемонстрировать понятийную структуру русской лингвистической терминосистемы указанного периода.

Основная часть Словаря включает описание около двух тысяч лингвистических терминов.

Задача макроструктуры Словаря сводится также к тому, чтобы показать формирование лингвистической терминологии как системы. Термины в Словаре распределены по следующим разделам: «Фонетика», «Орфография», «Морфология», «Лексикология», «Синтаксис» и «Общелингвистические термины». В этих разделах представлено систематическое описание всех уровней языка рассматриваемого периода.

Данный Словарь рассчитан в первую очередь на филолога, в практике работы которого нередко встречается потребность не только в выяснении точного значения того или иного лингвистического термина, но и более полного раскрытия его содержания для учебных целей. Материалы Словаря полезны при работе с текстами по специальности и служат базой для формирования более полного словарного запаса при дальнейшей профессиональной работе специалиста.

Список литературы

[1] *Сорокира Ю. С.* Что такое исторический словарь? // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы. М., 1975. Вып. 3.

[2] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.

[3] *Шерстянникова Е. А.* Исторический словарь русской лингвистической терминологии. Красноярск, 2019.

[4] Список источников
[5] *Барсов А. А.* Российская грамматика. М., 1981.
[6] *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1839.
[7] *Греч Н. И.* Пространная русская грамматика. М., 1830.
[8] *Курганов Н. Г.* Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присвокуплением разного ученого и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1790.
[9] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М. — Л., 1950–1959. Т. 7. 997 с.
[10] *Никольский А.* Основания российской словесности // В. В. Щеулин, В. И. Медведева. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965.
[11] *Половцов В.* Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению. СПб., 1842.
[12] *Потебня А. А.* Мысль и язык. М., 1993.
[13] *Светов В. П.* Опыт нового российского правописания. 1773.
[14] *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1. 447 с.

Формирование и развитие школьной системы в г. Бийске в 1919–1936 гг.

Л. А. Явнова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, г. Бийск

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные этапы и особенности становления и развития образования в Бийске в период с 1918 по 1936 г. Изменения социально-экономических и политических условий обусловили и изменение стоявших перед системой школьного образования задач. Основным источником для исследования являются материалы архивного отдела администрации города Бийска. Прослеживаются основные тенденции в области кадровой политики и организации школьной сети.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА народное образование, реорганизация, сеть школ, школы 1-й и 2-й ступеней, трудовая школа, Бийский ревком, педагогический персонал.

Современное положение российского школьного образования можно охарактеризовать как неустойчивое и внутренне противоречивое. В нем одновременно существуют разнородные элементы: тенденции к восстановлению некоторых структур дореволюционного периода, традиции советской школы, современные западные педагогические технологии. В этих условиях именно история позволяет найти корни современных назревших проблем и обнаружить пути их решения.

Первым шагом отдела народного образования Бийского ревкома было исключение из программы начальных и средних школ города преподавания Закона Божьего, церковно-славянского языка и всех религиозных и молитвенных обрядов [4, л. 1]. Вместо этих предметов в программу было введено преподавание пения, рисования, рукоделия по возможности во всех школах города. Одновременно с этим были приняты самые энергичные меры по собиранию статистических сведений к введению всеобщего обучения, для чего по школам города были разосланы анкетные листы. Главной задачей отдела народного образования стало урегулирование учебных занятий в школах города. Работа школ, выведенная из обычной колеи политическими событиями, потребовала со стороны отдела народного образования больших усилий.

В 1919 г. был издан декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов «О единой Трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской республики» [2, л. 4–5]. В европейскую часть России, в Вятку, Казань, Москву, был командирован школьный инструктор для знакомства с постановкой школьного дела в единой трудовой школе, а также за получением методической литературы, учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей [5, л. 7–9].

Для содержания единой трудовой школы была определена смета, в которую входила: заработная плата, канцелярские и хозяйственные расходы, суточные и разъездные, учебная часть и расходы по приобретению книг, газет и журналов, приобретению материалов, социальному обеспечению учащихся. На Бийскую ремесленную школу было выделено на пособия 84 тысячи 400 рублей, на горячие завтраки — 49 тысяч 68 рублей [12, л. 1, 22]. Была составлена школьная сеть по школам 1-й и 2-й ступеней города Бийска. Существующие в городе училища, согласно Положению о единой трудовой школе, были переименованы в советские школы, с подразделением их по ступеням обучения [6, л. 9–13, 128–136].

В период с 1 апреля по 1 мая 1920 г. по школам 1-й ступени произошли следующие изменения: была открыта школа для подростков при фабрике Совнархоза со 112 учащимися; начата работа по устройству в городе садов и огородов, уже было открыто 10 показательных огородов, в работе принимали непосредственное участие учащиеся. Была почти закончена работа по организации 33 школьных советов. Предполагалось организовать учительские курсы для подготовки школьных работников, способных плодотворно работать в реформированной единой трудовой школе. В школах 2-й ступени были организованы и начали функционировать школьные советы, при которых работали воспитательные и хозяйственные секции. В некоторых школах были организованы школьные коллективы. Приглашено на службу 5 новых школьных работников для педагогических курсов. К концу апреля на педагогических курсах состояло лекторов — 6 человек, слушателей — 217 человек [7, л. 1].

В 1920-х гг. государство уделяло большое внимание развитию начального образования в связи с необходимостью осуществления всеобуча. В апреле 1920 г. бывшее высшее женское начальное училище было переименовано в 5-ю советскую школу 2-й ступени [2, л. 100].

На совещании ответственных работников отдела народного образования в присутствии представителей Сибревкома и Сибнаробраза 7 июня 1920 г. была дана оценка работе по реорганизации школы. На заседании коллегии отдела народного образования 28 июня 1920 г. был рассмотрен вопрос о назначении школьных работников ввиду предстоящих выборов учительского персонала. Коллегия постановила: реорганизация школ на совершенно новых началах, выдвигаемых советской властью, введение в практику школьной жизни трудовых процессов властно диктуют как одну из неотложных задач привлечение наиболее соответствующих новым педагогическим идеям школьных работников, назначение их на должность в той или иной школе с тем, чтобы они сейчас же приступили к подготовительной работе на предстоящий учебный год. Отмечен также недостаток учителей, особенно в школах 2-й ступени. И потому было решено немедленно приступить к подготовительной работе по выборам. Но вместе с тем школьный подотдел должен приискивать школьных работников с тем, чтобы они могли заблаговременно ознакомиться с работой и учащимися [3, л. 84]. В это же время на заседаниях коллегий рассматривался вопрос об учреждении школ имени III Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Таким образом, школьная сеть в 1920–1922 годах в городе включала 24 школы [10, л. 62].

В 1921 г., ввиду тяжелого экономического положения в стране, остро стоял вопрос об обеспечении школ учебными и наглядными пособиями, письменными принадлежностями. Школьным работникам приходилось голодать, многие были вынуждены уходить из школ. Принцип бесплатного обучения был нарушен, так как родители оказывали помощь и в ремонте школ, и в снабжении преподавателей продуктами. Таким образом, ученики как бы вынуждены были платить за обучение натурой. Отдел народного образования не мог допустить взимания какой-либо платы с родителей и вышел с ходатайством в Коммунотдел и Упродком о взимании продналога для удовлетворения нужд школы, считая всякую плату с родителей недопустимой.

В объяснительной записке школьного подотдела была дана характеристика о сети школ города на 1922/1923 учебный год — 24 школы, вошедшие в состав сети, на новый учебный год должны обслуживать 5000 детей учебного возраста при общем количестве жителей 41 614 человек. Норма одной группы учащихся принята в 40 человек. На каждую группу в школах 1-й ступени (пяти групповых) и в школах-семилетках полагается один учитель. В школах 2-й ступени (четырех групповых), которых в городе существует две, кроме школы 2-й ступени им. III Коминтерна, и которые по последним планам Наркомпроса наиболее отвечают идеям трудовой школы, при четырех основных группах полагается 7 учителей. Количество же учителей в школах 2-й сту-

пени — 7 является минимальным, если принять во внимание, что занятия в этих школах ведутся только попредметно. Школа им. III Коминтерна является двухступенчатой в составе девяти групп. Для нее, как для опытно-показательной школы, так же как и для опытно-показательной школы №1 им. В. Г. Короленко, личный состав преподавателей увеличен: в школе им III Коминтерна — 23 человека, в школе №1 — 9 человек. Одна из школ 1-й ступени в городе существовала специально для мусульманского населения. Всего учителей в городе 147 человек, что по сравнению с предыдущим годом больше на 8 человек [8, л. 21].

Пристальное внимание уделялось формированию педагогического персонала. В резолюции 1-го Всероссийского съезда работников просвещения предлагались различные мероприятия по повышению квалификации педагогов, в том числе организация самообразовательных кружков, особенно по изучению политики партии и советской власти. В мае 1923 г. в городе были организованы самокурсы по переподготовке работников просвещения. Самокурсы были размещены в четырех районах города, и к ним в обязательном порядке были прикреплены работники школ [9, л. 29–40].

Для поднятия престижа учительского труда и общественного положения учителя ЦК принял постановление «О приеме в партию учителей», в 1927 г. XIII Всероссийский съезд Советов предложил повысить заработную плату учителям, установить периодические прибавки за выслугу лет, расширить пенсионное обеспечение. Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 25 января 1925 г. была введена пенсия за выслугу лет учителям, проработавшим в школе 25 лет, из которых не менее 5 лет — в советской школе, также тем учителям, которые имели стаж 20 лет и продолжали работать в школе. Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 3 июля 1929 г. значительно расширили круг работников просвещения, имеющих право на пенсионное обеспечение. Право на получение пенсии этим постановлением предоставлялось всем учителям независимо от типа школы [14, с. 40–42].

Обсуждался вопрос о подготовке учительских кадров, и так как потребность не была удовлетворена, решили, что недостаток будет покрываться за счет выпускников школ 2-й ступени, но и этого было мало. Решено было открыть одногодичные педагогические курсы при Бийском педагогическом техникуме [1, л. 46–50].

Огромная роль в 1920-х — 1930-х гг. в Бийске уделялась воспитательной работе в школах. Так, в частности, учащимися школы им. III Коминтерна издавались рукописные газеты «Искры», «Спутник школы», где обсуждались вопросы политической жизни в СССР и за границей, партийная и школьная жизнь. Вообще, газеты школы им. III Коминтерна обратили на себя внимание обилием разнообразных материалов [11, л. 15–16].

После введения закона о всеобщем обязательном начальном обучении в Бийске в период с 1931 по 1934 г. количество начальных школ уменьшилось с 11 в 1931 г. до 2 в 1934 г. (так как многие школы были филиалами более крупных школ), число учащихся увеличилось с 5063 до 5794 человек в 1934 г., число преподавателей в начальных школах — с 101 до 140 человек в 1934 г. Число классов, являющееся показателем роста школьной сети, увеличилось на 26,5 %. Особенно высокий скачок дал 1933 г. вследствие притока людей в город из других мест [13, л. 25–26].

Развитие начальной школы и введение всеобщего обязательного обучения, переход на семилетний всеобуч согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы» завершили формирование единой системы школьного образования в виде начальной, неполной средней и средней школ, что создало условия для реализации принципа единства в системе народного образования. Подобная структура школы позволяла на практике осуществлять принцип преемственности различных ступеней обучения и свободный переход между ними, а также принцип единой школы для всех детей.

Таким образом, с внедрением в начале 1920-х гг. идеи единой трудовой школы происходила реорганизация городских училищ в школы 1-й и 2-й ступеней. Школа стала наиболее реформируемым учебным заведением. Составной частью кадровой политики государства являлось расширение и укрепление учительского состава, для чего были предприняты меры по улучшению материального состояния учителей. Пересматривались методы и приемы преподавания, средства учебной работы учителя и учащихся, совершенствовалась форма и методы организации внеклассной работы учащихся. Помощь родителей не могла быть поддержкой школе, так как дети были в основном из бедных слоев населения, но тем не менее родители старались оказывать посильную помощь. Постепенно к 1930-м гг. увеличилось число учащихся и школьная сеть, революционные преобразования сменились более взвешенными подходами в системе образования. Другой стороной школьной жизни была ее общественно-культурная направленность: в школах города действовали кружки по интересам, ставились спектакли, издавались газеты и журналы, широко было распространено самоуправление.

Список источников

[1] АОАГБ. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 756. Л. 46–50.
[2] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5. Л. 100.
[3] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 1д. Л. 84.
[4] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1л. Д. 1. Л. 1.
[5] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–9.
[6] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–13. Л. 128–136.
[7] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 12а. Л. 1.
[8] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.
[9] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 25. Л. 29–40.
[10] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 28. Л. 62.
[11] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 32. Л. 15–16.
[12] АОАГБ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–22.
[13] АОАГБ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 36. Л. 25–26.
[14] *Лукинский Ф. А.* Народное образование в Сибири 1928–1941. Новосибирск: Наука, 1982. 222 с.

Общество и власть

Визуализация Гражданской войны в Сибири на кадрах кинохроники американских интервентов

Е. А. Воног,
преподаватель кафедры журналистики и литературоведения,
Институт филологии и языковых коммуникаций,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена визуализации будней Гражданской войны в Сибири (1918–1919), отраженных в кинохронике американских интервентов — «Allied Expeditionary Forces in Siberia», выявлению территориальных рамок фильма, идентификации мест проведения съемок на территории Сибири, изучению образов жителей восточной части России, их психоэмоциональных реакций на события, связанные с гражданским противостоянием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА фильм «Allied Expeditionary Forces in Siberia», визуальная история, Гражданская война в Сибири, американский экспедиционный корпус в Сибири, Корпус связи армии США.

Подытоживая результаты Гражданской войны в России и анализируя ее последствия, пожалуй, все российские участники конфликта пришли к единодушному мнению, что вмешательство во внутренние дела России в виде военной интервенции причинило огромнейший вред как молодому Советскому государству, так и антибольшевистским государственным образованиям, представителям Белого движения. Белогвардейский полковник Ефимов (1888–1972), воевавший на Восточном фронте, в своих воспоминаниях поделился мыслью о том, что благодаря

> медвежьей услуге интервентов не «белые», а большевики в глазах народа превратились в патриотов. Появление иностранцев всегда вызывает подозрение в захватнических намерениях, оскорбляет национальное чувство, вызывает подъем патриотизма и пламенное желание дать в шею пришельцам [6, с. 396].

Однако, несмотря на негативную оценку интервенции как катализатора наших внутренних распрей, совершенно нельзя не отметить, что представители иностранных держав внесли очень весомый вклад в создание визуального образа Гражданской войны в России. По мнению профессора Л. В. Белгородской, занимающейся анализом визуальных исторических источников и вопросами визуализации истории России,

> изучение «взгляда со стороны» очень результативно для постижения объективного исторического прошлого и современных тенденций развития. Взгляд иностранного наблюдателя обладает особой зоркостью, фиксирует внимание на том, на что зачастую не обращают внимания соотечественники [1, с. 8].

Крупнейшим специалистом по исследованию фоно- и кинофотодокументов (КФД), членом правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов, профессором В. М. Магидовым (1938–2015) справедливо отмечено, что

> всесторонний и полный анализ КФД по истории Гражданской войны возможен только в случае привлечения всех без исключения документов по данной тематике [7, с. 170].

Фотограмма 1.
Кадр из американской кинохроники. Вид на поселение из землянок, где живут пять тысяч беженцев, лишившихся крова (№ 808, Sub Title 79). Окраина Омска. 1918 г.

В частности, это касается кинохроник, созданных американскими интервентами.

На Восточном фронте Гражданской войны в России американцами был снят «немой» черно-белый фильм «Allied Expeditionary Forces in Siberia» («Союзные экспедиционные силы в Сибири»), к которому в 2014 г. Национальное управление архивов и документации США (National Archives and Records Administration — NARA) обеспечило свободный доступ в сети Интернет [8].

Название хроники говорит о том, что события происходят якобы исключительно в Сибири. Дело в том, что в американском нарративе XX в. закреплено отнесение к Сибири также всего Урала, Дальнего Востока и районов Северо-Восточного Казахстана. Поэтому на кадрах «сибирской» (с точки зрения американцев) хроники зритель видит три географические зоны: Дальний Восток, Сибирь и Урал.

Фильм продолжительностью чуть более двух часов был смонтирован из отдельных катушек, отснятых на территории указанных географических зон в период с 6 ноября 1918 г. по 1 апреля 1920 г. профессиональными кинооператорами из специального подразделения — Корпуса связи армии США (US Army Signal Corps).

Также Национальное управление архивов и документации США предоставило свободный доступ к перечню всех катушек (reels), или, другими словами, бобин, с кинопленками, из которых монтировали фильм, с подробным описанием сюжетов [9]. Бобины объединены в отдельные документы (например, документ № 808), а каждый документ содержит текстовые описания сюжетов (со своими уникальными номерами, например Sub Title 81), где во многих случаях также содержится информация о точных датах и местах съемок.

На основе изучения данного письменного источника и кинохроники установлено, что на территории Сибири съемки велись на Кругобайкальской железной дороге, а также в таких городах, как Иркутск, Красноярск, Омск и Тюмень. Также в плане атрибуции визуального исторического источника указанные перечни бобин с описаниями сюжетов представляют для исследователей большую ценность в том, что они содержат информацию о кинооператорах. Так, согласно документу № 808, описывающему бобины №№ 1–10, кинооператорами были два американских офицера — лейтенант О'Коннел (Lieut. L. W. O'Connell), капитан Кингсмор (Capt. H. P. Kingsmore) и рядовой Тэннура (Pvt. Phillip Tannura) [3, с. 34]. Однако в документах №№ 1031, 1034 Филипп Тэннура фигурирует уже в звании сержанта (Sgt. Phillip Tannura), очевидно, в связи с полученным повышением.

Фотограмма 2.
Кадр из американской кинохроники. Конвоируемые красные из числа рядового состава, которых американцы называли большевиками (№ 808, Sub Title 91). Декабрь 1918 г.

К сожалению, многие кадры кинохроники оказались смонтированными без соблюдения хронологической и географической последовательности движения американских экспедиционных сил с Дальнего Востока на запад и обратно. Имеются текстовые описания отснятых сюжетов, которые по неизвестным причинам вообще не вошли в кинохронику.

Центральным объектом кинодокументирования авторов хроники являлись армейские подразделения интервентов — американцев, англичан, канадцев, французов, итальянцев, японцев и китайцев. Также очень хорошо представлены визуальные образы поляков, чехословаков, военнопленных из числа представителей стран Четверного союза (Германской и Австро-Венгерской империй) и, конечно же, россиян — представителей гражданского населения, белогвардейцев и пленных красных, которых в письменных описаниях называют исключительно «Bolsheviks» (большевики). К большевикам (или «боло») американцы относили не только красных, воевавших по ту сторону баррикады с оружием в руках, но и всех тех, кто был репрессирован за содействие красным, за уклонение от мобилизации и отказ воевать против них на стороне белых сил либо за совершение уголовных преступлений, не связанных с гражданским противостоянием. Командующий американскими экспедиционными силами на востоке России (AEF in Siberia) генерал У. Грейвс по этому поводу писал:

> Слово «большевик», как оно использовалось в Сибири, относилось к большинству русских... [5, с. 58].

Как и все кинофотодокументы (КФД) того времени, фильм не отражает реальные боевые действия (с учетом громоздкости кинокамеры с треногой и долгих подготовительных процессов, предшествующих съемкам), но содержит немало сцен, говорящих зрителю о том, что идет беспощадная и кровопролитная война. Это не только многочисленные военные учения интервентов и российских представителей Белого движения, но и пленные красные, в большинстве одетые в лохмотья, раненые и обмороженные белогвардейцы, например находящиеся на лечении в тюменском американском госпитале, похоронные процессии и последствия рукотворных разрушений (бронепоезд, уничтоженный в 1918 г. под Тюменью, и т. д.).

Изучая образы жителей восточной части России при просмотре американской кинохроники, совершенно нельзя отметить каких-либо внешних эмоциональных

Фотограмма 3.
Кадр из американской кинохроники. Адмирал Колчак позирует американским кинофотооператорам (№808, Sub Title 81). Омск, 2 декабря 1918 г.

проявлений на происходящие события. В отличие от иностранцев чувства россиян выражаются крайне скупо. Предполагаемые острые выражения чувств страха, паники, радости, духовного подъема, надежды, азарта на лицах сибиряков зритель не видит [2, с. 23]. Удивительно, что не присутствует отчаяние, растерянность и безысходность на лицах беженцев, например тех, которые проживают в землянках на окраине Омска (*фото* 1), на лицах конвоируемых красных из числа рядового состава (*фото* 2), а также содержащихся в тюрьме представителей томской большевистской верхушки.

В большинстве случаев американцы не практиковали съемку постановочных сцен, однако нельзя не отметить частое отсутствие естественности в поведении лиц, ставших объектами внимания кинооператоров. Люди старались замереть на месте на несколько секунд, присесть на стул, прекратить разговаривать, считая киносъемку подобием фотографирования [2, с. 22]. Аналогичным образом на кадрах кинохроники ведет себя и адмирал Колчак, становясь неподвижно после того, когда американцы в Омске попросили у него разрешения на документальную киносъемку (*фото* 3). Однако это можно объяснить тем, что параллельно с кинооператором действовал еще и американский фотограф.

В плане визуализации кинооператоры достаточно много внимания уделили городам, расположенным на востоке России. Не обошли стороной и природно-географические особенности регионов. Что касается Сибири, то кинохроника содержит виды, открывающиеся из окна вагона на озеро Байкал во время движения по Кругобайкальской железной дороге — «золотой пряжки Транссиба». В текстовом описании сюжета (№808, Sub Title 71) американцы представили комментарий, что именно здесь генерал Гайда, командуя чехословацкими войсками, выиграл столь значимые сражения с большевиками. Среди сибирских населенных пунктов наиболее детально представлена городская повседневность Омска, внезапно превратившегося из провинциального городка в густонаселенную столицу Белой Сибири (*фото* 4). В период Гражданской войны при неизменности жилого фонда Омска его население увеличилось ориентировочно в три раза, в том числе за счет беженцев. Визуализированный на кадрах кинохроники образ Омска полностью совпадает с оценкой члена правительства Колчака Г. К. Гинса:

> ...некогда захолустный Омск становится видным центром. Его имя не сходит со столбцов иностранной прессы, а в самом Омске блещут мундиры всех наций, мелькают

Фотограмма 4.
Кадр из американской кинохроники. Городская повседневность Омска — столицы белой Сибири (№808, Sub Title 77). 1918 г.

автомобили, замечается необыкновенное оживление, шумно проходят парады, проводы, встречи [4, с. 9].

Пожалуй, кроме сибирского Омска, достаточно хорошие съемки городской повседневности были сделаны в двух других регионах — на территории Дальнего Востока, во Владивостоке и на территории Урала, в Екатеринбурге. К сожалению, во многих населенных пунктах киносъемка велась без акцента на их обывателей и архитектурный вид. Так, во время изучения хроники автору исследования удалось установить кадры, снятые в Красноярске 3 декабря 1918 г., где внимание американских кинодокументалистов привлек исключительно поезд с итальянскими войсками (документ №808, Sub Title 82). Несмотря на это, данный визуальный исторический источник можно без преувеличения назвать уникальным.

Уникальность данной кинохроники состоит в том, что из числа известных кинолент американских и британских интервентов она является единственным историческим источником, отражающим кинематику эпохи Гражданской войны на востоке России [2, с. 9]. Кинохроника «Allied Expeditionary Forces in Siberia» («Союзные экспедиционные силы в Сибири») представляет огромный интерес в том, что позволяет оценить не только облики отечественных городов и визуальные образы современников эпохи Гражданской войны на востоке России, но и особенности быта россиян (в том числе сибиряков), их внешние психоэмоциональные реакции на пребывание в ранее незнакомой и дискомфортной среде, образованной глубоким политическим кризисом и крахом некогда могучей Российской империи.

Список литературы

[1] *Белгородская Л. В.* Смыслы и скрытые подтексты визуальных исторических источников: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 168 с.

[2] *Белгородская Л. В., Дроздов Н. И., Воног Е. А.* Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918–1920 гг.) // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 9–26.

[3] *Воног* Е. А. Вклад американских и британских экспедиционных сил в формирование визуального образа Гражданской войны в России // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 31–40.
[4] *Гинс* Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с.
[5] *Грейвс* У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2018. 287 с.
[6] *Ефимов* А. Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2013. 560 с.
[7] *Магидов* В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2005. 394 с.
[8] Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918–1919 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jGFxulouS_I (дата обращения: 01.09.2021).
[9] Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918–1919 // National Archives Catalog. URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 01.09.2021).

119-я Красноярская мотострелковая дивизия накануне Великой Отечественной войны

Е. Е. Гарин,
преподаватель, Военный учебный центр при Сибирском федеральном университете

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории создания и комплектования 119-й Красноярской мотострелковой дивизии в 1939-1940 гг. Выявлены трудности формирования военного подразделения. Описано участие дивизии в Советско-финляндской войне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Советско-финляндская война, Красноярск, 119-я Красноярская мотострелковая дивизия, комплектование.

В условиях возрастающей международной напряженности, сложившейся в конце 1930-х гг., политическое и военное руководство Советского Союза принимает ряд значительных мер по повышению боевой и мобилизационной готовности Красной армии.

В соответствии с «Планом развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг.» [1] в мае 1939 г. Генеральный штаб РККА разработал план развертывания войск. План предусматривал развернуть дивизии тройного развертывания в самостоятельные дивизии [2, с. 261].

15 июля 1939 г. Главный военный совет РККА принял этот план к срочному исполнению [3, с. 261–265], а 15 августа 1939 г. нарком обороны маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов направил в военные округа директиву «О развертывании дивизий и переходе к новым штатам» [4].

Согласно этой директиве в Сибирском военном округе до 1 декабря необходимо было развернуть 4 дивизии в 10 дивизий, в том числе в Красноярске 119-ю стрелковую дивизию (командир полковник А. Д. Березин) [5, с. 80–81]. В условиях нехватки жилых и казарменных помещений, недостаточной учебно-материальной базы значительную помощь командованию дивизии оказали местные партийные и советские органы края. Для проживания личного состава дивизии ими были выделены помещения клубов, дома культуры, оказана помощь в строительстве бараков на 7080 человек [6, с. 102–103].

С 15 сентября в части 119-й дивизии началось поступление молодого пополнения. Для их встречи была создана комиссия в составе командиров полков и комиссаров полков. Во время встречи проводились митинги с личным составом, на которых молодые красноармейцы заверяли командование освоить военное дело на «хорошо» и «отлично», высказывали желание стать младшими командирами [7].

По состоянию на 25 октября 1939 г. 119-я стрелковая дивизия была укомплектована на 57 % [8]. Большой некомплект был в командирах среднего и младшего звеньев. Например, укомплектованность командирами рот составляла в 634-м стрелковом полку 7 %, в 365-м стрелковом полку 21 % [9]. А укомплектованность дивизии конским составом составляла 22 % [10].

В течение ноября 1939 г. в дивизии продолжалась работа по доукомплектованию частей личным составом. Должности командиров батальонов и дивизионов были укомплектованы на 100 %. В то же время еще недоставало 32 командира рот и 151 командира взводов. В артиллерийских полках недоставало 35 командиров батарей [11].

Параллельно с формированием дивизии проходили сборы приписного личного состава. Согласно плану боевой и политической подготовки на этих сборах с призванными из запаса отрабатывались основные виды боя, совершались марши в дневных и ночных условиях. По итогам сборов второй очереди дивизия получила общую оценку «посредственно» [12].

С началом формирования 119-й стрелковой дивизии в ее частях развернулась работа по организации боевой и политической подготовки с новым пополнением. Однако в связи с большим объемом хозяйственно-строительных работ по приведению в порядок общежитий, строительству водопровода и других работ отрыв красноармейцев от занятий по боевой подготовке составлял от 5 до 25 %.

К тому же части дивизии еще не были обеспечены боевым имуществом и снаряжением, приборами и учебными пособиями, отсутствовали уставы, наставления. В стрелковых полках 119-й дивизии на каждый батальон приходилось по шесть учебных винтовок. В 510-м гаубичном артиллерийском полку в наличии было только два орудия [13, 14, 15].

С 1 декабря 1939 г. в войсках РККА начался новый учебный год. В 119-й стрелковой дивизии боевая и политическая подготовка приобрела более организованный характер. Основу боевой подготовки составляла отработка первоначальных упражнений стрельбы из винтовки, ручного и станкового пулеметов, подготовка одиночного бойца. Важное место в подготовке личного состава дивизии занимала политико-воспитательная работа, направленная на воспитание у бойцов и командиров уважения к приказам, наставлениям и уставам, воспитание в каждом бойце высокого чувства советского патриотизма, любви к Родине в духе традиций Красной армии.

Личному составу разъяснялись международное положение, деятельность СССР на международной арене, мероприятия советского правительства по укреплению границ Советского Союза, в том числе решение Правительства Советского Союза взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. 28 ноября 1939 г. был проведен митинг о провокации Финляндии на границе СССР и ноте советского правительства [16]. В связи с 60-летием со дня рождения И. В. Сталина во всех частях были проведены беседы, лекции о жизни и деятельности Сталина [17].

Личный состав дивизий привлекался к активному участию в выборах в местные органы советской власти 24 декабря 1939 г. В голосовании по выборам приняло участие 100 % личного состава дивизии, из них за кандидатов в депутаты проголосовало 98,4 % [18]. В Красноярский городской Совет было избрано 13 военнослужащих [19].

18 декабря новое пополнение частей 119-й стрелковой дивизии приняло военную присягу [20].

30 ноября 1939 г. началась Советско-финляндская война. На первом ее этапе советские войска не достигли желаемых результатов, военно-политическим руководством страны было принято решение приостановить боевые действия и усилить действующую армию материальными и людскими ресурсами.

Развернутая до штатов военного времени, в конце января 1940 г. 119-я мотострелковая дивизия была отправлена на Финский фронт [21]. На протяжении всего пути следования на фронт с личным составом частей и подразделений дивизии проводилась боевая и политическая подготовка, была организована агитационно-массовая и культурно-просветительная работа, работа по сплочению воинских коллективов.

К 11 февраля все воинские эшелоны дивизии прибыли на станцию Псков. Для руководства боевой подготовкой было приказано руководствоваться направленной в дивизию Директивой заместителя народного комиссара обороны СССР от 3 января 1940 г. № 0301/1 [22]. В своей директиве Кулик потребовал организовать систематические занятия с командирами и красноармейским составом. Изжить вредные ссылки на то, что «переменник и запасник небоеспособны». «Надо сделать их настоящими

боеспособными бойцами. Резко поднять боевой наступательный дух и веру в победу нашей Армии» [23].

Главной задачей боевой подготовки было сколачивание взводов и рот, экипажей, расчетов, команд. Особое внимание обращалось на отработку наступательного боя на сильно укрепленные позиции противника. Все занятия проводились только на местности. При этом требовалось при проведении тактической подготовки частей и подразделений дивизии отрабатывать взаимодействие с артиллерией и танками.

Боевая и политическая подготовка дивизии проводилась в течение 10 дней по 10 часов ежедневно [24]. Для преодоления минных полей, проволочных заграждений в каждом полку были сформированы отряды разграждения, а для уничтожения ДОТов и ДЗОТов — блокировочные группы. С ними проводились специальные занятия на оборудованной для этой цели полосе препятствий (рвы, эскарпы, надолбы, завалы, проволока).

Например, порядок действий блокировочной группы был следующим: вначале она проводит тщательную разведку путей подхода, обнаруживает мертвые пространства с соседними ДОТами. После этого ведет огонь из пулеметов, орудий, танков, а снайперы ведут огонь по амбразурам. Под прикрытием этого огня и дымов блокировочная группа продвигается к ДОТу и атакует его. Атаковав ДОТ, стрелки забрасывают гранатами гарнизон ДОТа, заваливают амбразуры земленосными мешками, булыжником и другим подручным материалом. Саперы стандартными зарядами подрывают самые чувствительные места ДОТа (амбразуру, вентиляционные установки и входы), перерубают подземный кабель, после чего уничтожают гарнизон ДОТа [25].

Артиллерия дивизии проводила стрельбы по огневым точкам и надолбам — по одной батарейной стрельбе и одной стрельбе в составе полка. Отрабатывалось ее взаимодействие с танками и пехотой [26].

11 февраля 1940 г. войска Северо-Западного фронта начали штурм линии Маннергейма. С 17 февраля началось преследование отступающих финских частей. Резервная группа комкора Д. Г. Павлова получила задачу совершить марш в район Ораниенбаума и быть готовой перейти через Финский залив на территорию Финляндии [27].

20 февраля передовые подразделения 119-й дивизии прибыли в Лугу. Остальные части дивизии оставались в Лудоне, откуда они, согласно распоряжению командования Северо-Западным фронтом, были возвращены в Псков, поскольку находились в распоряжении Ставки Главного командования, а без ее ведома дивизию запрещено было выводить из Пскова [28].

До 1 марта дивизия занималась боевой подготовкой по дополнительной программе. В это же время в дивизию поступило около 800 автомашин, 10 танков, а также материальная часть для артиллерийского полка и зенитной артиллерии [29].

В начале марта 1940 г. 119-я мотострелковая дивизия была передана в распоряжение командования 15-й армии, которая готовилась к наступательной операции на Импирахти — Сортавала. Согласно полученному распоряжению Генерального штаба РККА 119-я дивизия 5 марта прибыла на станцию Волховстрой, откуда совершила 350-километровый марш и 10 марта сосредоточилась в районе Кирккойоки, Усюкюля — на северо-востоке Ладожского озера [30].

В предстоящей наступательной операции 15-й армии 119-я мотострелковая дивизия выделялась в качестве резерва для развития успеха по одному из направлений в зависимости от обстановки [31].

В эти же дни отдельные артиллерийские подразделения — 1-й дивизион и 6-я батарея артиллерийского полка — были привлечены к уничтожению противника, расположенного на островах Ладожского озера и ведущего обстрел дороги, по которой перемещались войска армии [32].

Однако, в связи с заключением мирного договора с Финляндией, наступательная операция 15-й армии была отменена.

Проведя погрузку в эшелоны на станциях Лодейное Поле и Волховстрой, 119-я дивизия в конце марта 1940 г. выбыла в Красноярск.

В оставшееся время (чуть больше года) до начала Великой Отечественной войны 119-я Красноярская стрелковая дивизия вела интенсивную боевую и политическую подготовку.

Подведя итоги Советско-финляндской войны на совещании при ЦК ВКП(б) с руководящим составом соединений и объединений, принимавших участие в войне, на котором был обобщен опыт боевых действий, вскрыты серьезные недостатки в подготовке войск, в оснащении их современным оружием и боевой техникой, военно-политическое руководство Советского Союза приняло решительные меры по перестройке системы подготовки войск Красной армии [33].

Конкретные задачи по перестройке боевой и политической подготовки войск были поставлены вновь назначенным наркомом обороны СССР маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко [34].

Он потребовал организовать и проводить боевую подготовку, исходя из основной задачи — быть в полной боевой готовности, приблизить обучение войск к условиям боевой деятельности.

Выполняя требования наркома обороны СССР, огневая, тактическая и специальная подготовка воинских частей 119-й дивизии проводилась интенсивно, с высоким напряжением сил и средств. Обучение проводилось в условиях, близких к боевой обстановке, на учениях создавались сложные условия для частей. Главное внимание было уделено обучению одиночного бойца и подготовке мелких подразделений.

По итогам двустороннего смотрового учения, которое проводил заместитель наркома обороны СССР маршал Советского Союза Г. И. Кулик с 31 августа по 3 сентября 1940 г., 119-я стрелковая дивизия была оценена положительно [35].

Ставя задачи на 1941 г., нарком обороны СССР потребовал «учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне» [36]. В Советском Союзе в апреле — мае 1941 г. началось скрытое проведение мобилизации военнообязанных запаса под прикрытием больших учебных сборов.

С началом Великой Отечественной войны 119-я Красноярская стрелковая дивизия была развернута до штатов военного времени и в последних числах июня в составе 24-й армии убыла на фронт.

Таким образом, сформированная летом — осенью 1939 г. 119-я Красноярская стрелковая дивизия в предвоенный период получила богатый опыт боевой, политической и мобилизационной подготовки, в том числе с учетом опыта и уроков Советско-финляндской войны.

В годы Великой Отечественной войны за мужество, стойкость и героизм ее бойцов и командиров дивизия была переименована в 17-ю гвардейскую Духовщинско-Хинганскую Краснознаменную ордена Суворова II степени стрелковую дивизию.

Список литературы и источников

[1] Доклад наркома обороны СССР и начальника Генштаба РККА в ЦК ВКП(б) — И. В. Сталину о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. № 4/1/49559 [Электронный ресурс]. URL: docs.historyrussia/org.

[2] Постановление Комитета обороны при СНК СССР № 199. 14 июля 1939 г. // Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: док. и материалы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 261.

[3] Протокол № 4 заседания ГВС РККА 15 июля 1939 г. «О реорганизации стрелковых войск» // Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: док. и материалы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 261–265.
[4] Директивы НКО №№ 4/2/48601–4/2/48611 «О развертывании дивизий и переходу к новым штатам» 15.08.1939. URL: http://www.rkka.ru/handbook/docs.htm-15083.
[5] Голиков В. И. История формирования стрелковых частей и соединений Красной Армии в Сибирском военном округе (1939–1943 гг.): дис. ... канд. истор. наук. 07.00.02. Томск, 2005. С. 80–81. 467 с.
[6] Там же. Л. 102, 103.
[7] Политическое донесение о принятии молодого пополнения в части 119 дивизии 03.11.1939. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 83.
[8] Итоговое политдонесение политического отдела 119 дивизии за октябрь 1939 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 90, 91.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 92.
[11] Итоговое политдонесение политического отдела 119 стрелковой дивизии за ноябрь месяц 1939 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 163.
[12] Доклад об итогах сборов 2-й очереди приписного состава в частях войскового соединения 5679. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 15, 15а, 16а, 16.
[13] Политдонесение о ходе подготовки к новому учебному году в/с 8998 на 28.IX.39. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 169. Л. 18.
[14] Политдонесение политического отдела 91 стрелковой дивизии от 05.11.1939. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 169. Л. 51.
[15] Итоговое политическое донесение политического отдела 119 стрелковой дивизии за октябрь 1939 г. 03.11.39. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 92, 93, 95.
[16] Итоговое политдонесение политического отдела 119 стрелковой дивизии за декабрь 1939 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 238.
[17] Итоговое политдонесение политического отдела 119 стрелковой дивизии за декабрь 1939 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168.
[18] Итоговое политдонесение за декабрь м-ц 1939 г. о боевой и политической подготовке и политико-моральном состоянии частей 119 с. д. 31.12.1939. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 217, 218.
[19] Политдонесение об итогах выборов в местные Советы депутатов трудящихся по частям 119 стр. дивизии. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 189, 190.
[20] Итоговое политдонесение за декабрь м-ц 1939 г. о боевой и политической подготовке и политико-моральном состоянии частей 119 с. д. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 168. Л. 215, 220.
[21] Справка о формировании двух дивизий из 52 корпуса. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 1060. Л. 20.
[22] РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1674. Л. 13.
[23] Директива заместителя народного комиссара обороны СССР от 3 января 1940 г. № 0301/1. РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1674. Л. 20.
[24] Приказ частям 119 мотострелковой дивизии 10 февраля 1940 г. № 01 «О боевой и политической подготовке частей 119 мотострелковой дивизии на период с 10 по 20 февраля. РГВА. Ф. 1660. Оп. 1 Д. 1. Л. 105, 106.
[25] Инструкция по преодолению противотанковых и противопехотных препятствий и блокировке ДОТ. РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1675. Л. 52.
[26] Указания частям артиллерии дивизии. РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1675. Л. 64.
[27] Оперативная директива № 1/ОП. Штаб Резервной группы. 16.02.40. 11.30. РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1674. Л. 28.
[28] Итоговый полугодовой доклад о боевой и политической подготовке частей 119 стрелковой дивизии 23 мая 1940 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 375. Л. 184.
[29] Итоговый полугодовой доклад о боевой и политической подготовке частей 119 стрелковой дивизии. 23 мая 1940 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 375. Л. 185, 186.

[30] Итоговый полугодовой доклад о боевой и политической подготовке частей 119 стрелковой дивизии. 23 мая 1940 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 375. Л. 187.

[31] Директива Ставки Главного Военного Совета командующему 15-й армии, заместителю народного комиссара обороны о продолжении наступления в глубь Финляндии 11 марта 1940 г. 01 ч. 10 мин. // Тайны и уроки зимней войны 1939–1940: по док. рассекреч. арх. [подгот. Барсуков А. И. и др.]. СПб.: Полигон, 2000. С. 35.

[32] Итоговый полугодовой доклад о боевой и политической подготовке частей 119 стрелковой дивизии. 23 мая 1940 г. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 375. Л. 189. Оперативная сводка № 5 к 17.00 10.03.40. Штабдив 119 мсд. РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1970. Л. 3.

[33] Зимняя война 1939–1940. Кн. вторая. И. В. Сталин и финская кампания / под ред. Е. Н. Кулькова, О. А. Ржешевского. М.: Наука, 1999. С. 3–168.

[34] Приказ Народного Комиссара Обороны СССР № 120 от 16 мая 1940 г. «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 учебного года» // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР 1937 — 21 июня 1941. М.: Терра, 1994. С. 135, 136, 137.

[35] Двустороннее смотровое учение 119 стрелковой дивизии, проводимое заместителем наркома обороны маршалом Советского Союза тов. Куликом 31.08–03.09.40. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 434. Л. 2.

[36] Приказ «О боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год» № 30 21 января 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 207.

Органы власти и земского самоуправления Енисейской губернии в годы Гражданской войны: к вопросу о взаимоотношениях

А. П. Дементьев,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье на основе широкого круга архивных документов и материалов периодической печати исследованы особенности взаимоотношений органов административной власти и земского самоуправления в Енисейской губернии в годы Гражданской войны. Выявлены причины и этапы превращения земства в легальную оппозицию официальной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА земство, органы самоуправления, эсеры, Гражданская война, Енисейская губерния.

Органы местного самоуправления выступают связующим элементом между населением и государственной властью. Конструктивное взаимодействие обоих институтов политической системы обеспечивает успешность государственной политики. В современной историографии вопрос о взаимоотношениях административной власти и органов земского самоуправления Сибири периода Гражданской войны до сих пор не потерял своей актуальности.

Институт комиссаров Временного правительства и органы земского самоуправления Енисейской губернии, как и в целом Сибири, были сформированы после Февральской революции 1917 г. С приходом большевиков к власти эти структуры были ликвидированы, их функции перешли к Советам. С июня 1918 г. началось их восстановление.

В период Гражданской войны административная власть в Енисейской губернии прошла определенную трансформацию. В июне и июле 1918 г. функции власти выполнял Енисейский губернский комиссариат. 1 августа 1918 г. министр внутренних дел Временного Сибирского правительства учредил должность енисейского губернского комиссара, которым был назначен эсер П. З. Озерных. В подчинении комиссара находились казенная палата, палата государственных имуществ, переселенческое управление и управление губернского агронома [5, с. 15]. Аппарат уездных комиссаров состоял из помощника и нескольких делопроизводителей комиссарской канцелярии. Им также подчинялись уездные податные инспекторы и переселенческие чиновники. Из пяти уездных комиссаров к ноябрю 1918 г. трое были беспартийными, один — эсером, один — кадетом. После прихода к власти А. В. Колчака комиссары были заменены управляющими. В декабре 1918 г. управляющим губернией был назначен кадет П. С. Троицкий.

Земские учреждения губернии явочным порядком начали свою работу в июне 1918 г. Земские собрания избрали из своего состава новые уездные управы. В начале июля 1918 г. свою деятельность восстановила губернская земская управа. Ее председателем был выбран эсер И. В. Казанцев, а в состав вошли эсеры А. Ф. Тимофеев, А. Ф. Сергеев, С. С. Медянский, Ф. М. Чаблис и беспартийный В. А. Кузнецов.

В первые месяцы после свержения советской власти в системе управления на волостном уровне царила неразбериха: в глухих местах губернии под флагом зем-

ства еще продолжали действовать советы, в ряде волостей крестьяне вместо земства по опыту 1917 г. организовывали комитеты общественной безопасности, часто крестьяне стремились «оздоровить» состав гласных путем избрания их сельскими сходами, что противоречило законодательству. В целом по губернии только к февралю 1919 г. произошло восстановление большинства волостных управ [13, с. 18].

Закономерно, что власть всячески стремилась поставить земство под контроль, требуя содействия в сборе налогов и призыве новобранцев. Отношение власти к местному самоуправлению резюмировал П. С. Троицкий, выступая на губернском земском собрании в марте 1919 г. По его мнению,

> земство должно помнить, что оно сильно и свободно в работе тогда, когда есть государство, когда государственная власть сильна, когда есть армия; когда личность граждан обеспечена в безопасности и мирном труде. Без взаимной поддержки государственной власти и земства работа воссоздания родины немыслима [4, 18 марта].

Главной формой коммуникации земства и административной власти были совещания. Управляющие уездами и их помощники участвовали в работе всех уездных земских собраний. Различные совещания собирались для решения конкретных вопросов. Так, на совещании волостных земских управ Красноярского уезда при участии представителей гражданской власти 23 января 1919 г. было решено поручить начальнику уездной милиции приступить к взысканию повинностей принудительным образом вплоть до описей и продажи имущества [1, д. 70, л. 13].

В свою очередь земство считало только себя «основой истинного народоправства» и тяготело к независимости. В феврале 1919 г. на Красноярском уездном земском собрании П. В. Кульков заявил, что земству по пути с властью только в том случае, если она «сдержит свои обещания о предоставлении населению свободного волеизъявления» [2, д. 73, л. 40]. Такая позиция была обусловлена партийным составом земских гласных и служащих. Значительное число гласных губернии было избрано еще в 1917 г. Запланированные на конец 1918 г. перевыборы не состоялись ввиду затянувшегося правительством обсуждения избирательного закона. Это кардинально отличало земство от городских дум, которые были переизбраны летом 1919 г. Если в городах социалисты потерпели поражение в избирательной кампании, то большинство уездных и губернских гласных состояли в партии эсеров либо сочувствовали ей. К концу 1918 г., по подсчетам историка Ю. В. Журова, из 26 членов и председателей уездных земских управ 11 являлись умеренными социалистами, остальные — беспартийными [6, с. 49].

По мнению управляющего губернией П. С. Троицкого, именно это обстоятельство определяло оппозиционность органов самоуправления.

> Большинство членов земских управ в свою земскую деятельность вносят дух партийности, а чисто деловая работа у них отодвигается на 2-й план, —

резюмировал он в отчете Министерству внутренних дел в марте 1919 г. [3, д. 18, л. 16]. В свою очередь газета «Свободная Сибирь» характеризовала председателя губернской управы И. В. Казанцева как человека, принесшего земство в жертву «борьбе за свою партию» [12, 25 апр.].

Первое открытое возмущение земцев вызвало постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 17 сентября 1918 г. об изъятии милиции из ведения городских и земских самоуправлений и передаче ее в подчинение комиссарам. Они оценили данный нормативный акт как уклон правительства вправо, попытку «обрезать и обкорнать» самоуправление [8].

В итоге милиция превратилась во враждебную для самоуправления структуру. Часто земцы становились объектом необоснованных репрессий. Управляющий Енисейской губернией в своем письме министру внутренних дел от 21 ноября 1918 г. писал, что в Канском уезде «не осталось ни одного председателя волостной земской управы, который бы не был подвергнут порке» [6, с. 48]. Чрезвычайное Красноярское уездное земское собрание (12–15 июля 1919 г.) констатировало, что чины милиции «с представителями земств совершенно не считаются». О незакономерных действиях милиции было решено сообщать управляющему Енисейской губернии [1, д. 154, л. 2–23].

Взаимоотношения существенно осложнились после прихода к власти А. В. Колчака в ноябре 1918 г. Представители земства через журнал «Земское дело» раскритиковали монархические настроения в среде колчаковского офицерства. В результате постановлением от 21 ноября 1918 г. начальника Красноярского гарнизона издание было прекращено «с привлечением редактора к уголовной ответственности». Цензура усмотрела в статье «тенденциозность сообщения и неправильное освещение событий, имеющих целью возбудить общественное мнение против военных властей» [7, с. 131].

Неудовольствие земских деятелей вызывало всесилие и бесконтрольность действий военных. На заседании Красноярского уездного земского собрания 20 февраля 1919 г. гласные потребовали от П. С. Троицкого пояснений об обыске в кабинете председателя уездной управы Б. Ф. Тарасова. Троицкий ответил, что это компетенция уполномоченного по охране, который имеет право обыска у подозреваемого в государственном преступлении [2, д. 73, л. 40].

В марте 1919 г. были арестованы за якобы антиправительственную деятельность трое из четверых членов Енисейской уездной земской управы, ввиду чего, согласно заявлению оставшегося на свободе земца П. И. Александрова, управа «перестала существовать из-за неимения законно ответственных руководителей земских функций» [2, д. 73, л. 40]. Впоследствии выяснилось, что обвинения были надуманными [9, с. 186].

Весной 1919 г., из-за «невозможности работать» и стремясь избежать ареста, свои полномочия сложили председатель губернской управы И. В. Казанцев и председатель Красноярской уездной управы Б. Ф. Тарасов [12, 4 апр.].

С лета 1919 г. земские органы Енисейской губернии оказались в оппозиции по отношению к центральной власти. Чрезвычайное губернское собрание 4 июня 1919 г. отказалось от избрания кандидатов в состав Государственного экономического совещания, созданного указом А. В. Колчака от 2 мая 1919 г. для разработки экстренных мер в области финансов и снабжения армии, ввиду незначительного числа мест, отведенных в составе совещания для представителей органов местного самоуправления [2, д. 75, л. 79]. Это был явный демарш, и, как вскоре оказалось, далеко не единственный.

5 августа 1919 г. Енисейская губернская земская управа обсудила вопрос «о тяжелом политическом положении и мерах по его улучшению». Земцы постановили созвать 20 августа совещание уездных земских управ губернии для обсуждения проблем участия земских и городских самоуправлений в государственном строительстве, немедленного созыва Сибирского земского собора, созыва Сибирского Учредительного собрания [2, д. 74, л. 46–47]. Такая повестка встретила возражения со стороны управляющего губернией. 11 августа 1919 г. П. С. Троицкий телеграфировал в управу, что без согласования министра внутренних дел он не считает возможным созыв совещания «ввиду постановки в программу вопросов общеполитического свойства» [2, д. 74, л. 17].

Только после указа А. В. Колчака от 16 сентября 1919 г. о созыве Государственного земского совещания П. С. Троицкий разрешил обсудить политические вопросы. Форум был перенесен на октябрь. Активную роль на октябрьском совещании представителей земств и городов Енисейской губернии (2–6 октября 1919 г.) играл эсер Е. Е. Колосов, выступивший с провокационным докладом «Государственное земское совещание и безответственная власть», содержание которого сводилось к лозунгу «Вся власть

земству!» [2, д. 74, л. 101, 122]. В итоге форум принял резолюцию о необходимости созыва Земского собора, наделенного правом законодательства и контроля над деятельностью правительства [2, д. 74, л. 100, 147].

Однако, претендуя на определяющую роль в политической жизни губернии, земские учреждения не имели за собой ни реальной опоры в массах, ни военной силы. Во-первых, земские органы оказались в ситуации кризиса легитимности, что было усугублено незавершенностью выборов конца 1918 г. Летом 1918 г. восстановление земских органов крестьянство воспринимало еще с большей настороженностью и недоверием, чем их создание в 1917 г. Сказывались политическая апатия, усталость от частой смены власти, желание в условиях социально-экономического кризиса сократить расходы, не связанные с физическим выживанием [11, с. 152]. В результате настоящим бедствием для власти и органов земского самоуправления стал отказ крестьян платить подати. На совещании при управляющем губернией по вопросу организации отрядов самообороны в апреле 1919 г. представители земства заявили, что они «совершенно бессильны» оказать финансовую помощь [3, д. 40, л. 4].

Во-вторых, позиции волостного звена не отличались согласованностью. Часть гласных занимали проправительственную точку зрения, в то же время частыми были постановления в духе «поскольку — постольку». Известны случаи, когда члены земства принимали участие в партизанском движении в Енисейской губернии [6, с. 48].

Развязка конфликта Енисейского земства с административной властью наступила в конце 1919 г. и совпала с общим кризисом колчаковского режима. 23 декабря 1919 г. по инициативе Енисейской губернской земской управы «для сохранения гражданского правопорядка в губернии и... для временного управления губернией» был организован Временный губернский комитет общественных организаций. На следующий день командующий войсками Енисейской губернии генерал-майор Б. М. Зиневич объявил о признании комитета высшим органом государственной власти в губернии, а управляющий П. С. Троицкий сложил свои полномочия и передал дела уполномоченному Енисейской губернской земской управы А. Р. Шнейдеру. 15 января 1919 г. предполагалось созвать губернское народное собрание [10].

Однако сыграть роль реальной альтернативы советской власти земство не смогло. Командование Красной армии отказалось считаться с самоуправлением как самостоятельной политической силой. С вступлением в город частей Красной армии в начале января 1920 г. губернская управа была распущена, к февралю 1920 г. завершилось расформирование уездных управ [9, с. 204–206].

Список литературы и источников

[1] ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 70. Д. 154.
[2] ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 73. 74, 75.
[3] ГАКК. Ф. Р-1188. Оп. 2. Д. 18; Оп. 4. Д. 40.
[4] Енисейский вестник. 1919. 18 марта.
[5] *Журавлев В. В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции. С. 15.
[6] *Журов Ю. В.* Органы сельской власти и управления Енисейской губернии в годы гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 гг.) // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск, 1966. С. 49.
[7] *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. 249 с.
[8] Знамя труда. 1918. 19 авг.
[9] *Мышанский А. А.* Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 — январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 239 с.

[10] *Посадсков А. Л.* Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением 23 декабря 1919 — 5 января 1920 гг. // История белой Сибири: материалы 7-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2009. С. 78–84.
[11] *Рынков В. М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 — конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны: сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. С. 95–126.
[12] Свободная Сибирь. 1919. 4 апр., 25 апр.
[13] *Юрцовский Н. С.* Сибирское земство в первый год его существования. Омск, 1919. Вып. 2. С. 18.

Отношение крестьянства к сталинской коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края

Р. С. Есин,
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Актуальность темы сталинских репрессий обусловлена интересом к ней как со стороны ученых, так и со стороны российского общества. В конце 1929 — начале 1930 г. руководство СССР начинает форсированную коллективизацию, основным методом стимулирования которой стало раскулачивание. В статье впервые подробно рассматриваются отношения к сталинской коллективизации населения деревни на территории районов современного Красноярского края в начале 1930 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА коллективизация, раскулачивание, крестьянство, Красноярский край.

Тема форсированной коллективизации изучается в исторической науке уже не один десяток лет. Так, вопрос об отношении крестьянства к политике форсированной коллективизации в начале 1930 г. отчасти рассматривался ранее в исследованиях общесоюзного масштаба [1, 2, 3]. Также этот вопрос частично рассматривался в работах красноярских историков [4, 5, 6, 7, 8]. Однако целенаправленное изучение отношения в деревне к коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края не проводилось. Таким образом, проведение такого исследования актуально.

Целью данной статьи является выявление отношения населения деревни к коллективизации на территории современного Красноярского края в январе — марте 1930 г.

В конце 1929 — начале 1930 г. Сталин определяет курс развития сельского хозяйства на форсированную коллективизацию деревни. 7 ноября 1929 г. в газете «Правда» выходит его статья «Год великого перелома» [9], а 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов он официально провозгласил курс на переход к «ликвидации кулачества как класса» [9, с. 169].

В дальнейшем выходят постановления руководства СССР, в которых ставятся задачи форсированной коллективизации, а также определяется политика раскулачивания [10, с. 85].

В январе 1930 г. многие крестьяне восприняли форсированную коллективизацию с энтузиазмом. Опыт коллективного хозяйствования у крестьян, проживающих на территории районов современного Красноярского края, уже был. Так, в 1920 г. в Енисейской губернии уже было 69 коллективных объединений (30 коммун, 20 артелей и 19 других типов коллективных хозяйств). В 1921 г. коллективных объединений было уже 98, а в 1922 г. — только 47. Но в 1923 г. их стало 81. То есть в указанные годы коллективные хозяйства были немногочисленны, а также не были устойчивы и то распадались, то объединялись снова [7, с. 116].

На 1 октября 1927 г. в систему сельскохозяйственной кооперации было вовлечено 40,4 %, а кредитными товариществами было кооперировано 35,4 % всех хозяйств округа, а это уже было 87 % всех сельскохозяйственно-кооперированных хозяйств [11, с. 249–250].

Безусловно, на отношении крестьян к коллективным формам хозяйствования сказывались и традиции взаимопомощи, сложившиеся в Сибири.

Летом 1929 г. прошел Общесибирский воскресник по подготовке ранних паров. В рамках этого мероприятия в Ачинском округе участвовало 1600 комсомольцев, а в Канском — до 1336.

Также формой крестьянского взаимодействия и помощи была супряга (объединение инвентарем, скотом, рабочей силой и т. д.). Исследователь И. С. Кузнецов, проанализировав 10 % крестьянских хозяйств на территории Сибири, пришел к выводу, что 15,3 % крестьянских хозяйств объединяли свой скот и инвентарь [8].

Все эти факты и обстоятельства говорят о том, что крестьянство, проживающее на территории районов современного Красноярского края, в конце 1929 г. в основной массе хорошо относилось к коллективным формам хозяйствования.

Но причины у разных слоев деревни положительно либо отрицательно относиться к предложенной сталинским ЦК модели коллективизации были разные.

Так, в январе 1930 г. беднота, проживавшая на территории районов современного Красноярского края, в основной массе надеялась получить часть из общего колхозного котла и тем самым начать жить лучше или выживать. Кроме того, бедноте было нечего терять при вступлении в колхоз [12, с. 237].

Середняки, проживавшие в Ачинском, Канском и Красноярском округах, в это же время относились к объединению хозяйств пассивно либо положительно, а наиболее зажиточная их часть — настороженно или враждебно [12, с. 226].

Кулаки, проживавшие на территории районов современного Красноярского края, или точнее — самая зажиточная часть деревни, в январе 1930 г. относились к коллективизации негативно, а часть оказывали сопротивление по причине того, что они теряли куда больше, чем получали при вступлении в колхоз [12, с. 228].

Негативное отношение к коллективным хозяйствам проявлялось и до начала 1930 г. Так, в декабре 1929 г. в с. Татьяновка Канского округа за срыв собрания 26 декабря 1929 г. были арестованы четыре бедняка и три середняка (после освобождены) [12, с. 219].

В январе, с началом раскулачивания, негативное отношение к коллективизации усиливалось, в том числе среди бедноты. Так, в директиве 8 января 1930 г. руководство Сибирского края сообщало, что имели место «кулацкая агитация» и выступления «подкулачников» (Уярский район) [13, л. 30–32]. 14 января 1930 г. в с. Бородино Рыбинского района Канского округа за выступление на собрании против коллективизации председателем сельсовета были арестованы два крестьянина, одна беднячка, одна середнячка [12, с. 219].

Но все же в начале января 1930 г. на территории районов современного Красноярского края это были редкие случаи.

Ситуация меняется в феврале 1930 г., когда растет число «перегибов на местах», а с этим отношение к коллективизации становится все более негативным, что прослеживается по сводкам того времени. Так, в сводке на 7 февраля 1930 г. «о ходе посевной кампании, коллективизации» в Красноярском округе сообщалось о положительном отношении крестьян к коллективизации в большинстве районов, расположенных на территории современного Красноярского края. Но уже 20 февраля в этой же сводке вообще не сообщалось о желании крестьян вступать в колхозы. Кроме того, сводка от 20 февраля наполнена информацией о «перегибах на местах» [14, л. 2–9].

Перегибы при раскулачивании на территории районов современного Красноярского края в феврале 1930 г. отмечены и в спецсводке № 2 по Сибирскому краю «О проведении экспроприации кулачества и ходе коллективизации». Имелись случаи конфискации всего имущества раскулаченных [12, с. 215], а также передача конфискованного имущества бедноте [12, с. 216].

Такой политикой были довольны не только участвующие в конфискации имущества бедняки, батраки, но и часть середнячества, принимавшая активное участие в раскулачивании [12, с. 237].

При росте негативного отношения к коллективизации со стороны различных слоев населения в феврале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края происходил рост колхозов. Так, 1 марта 1930 г. по Сибирскому краю в колхозы вступило 48,8 % хозяйств [15, л. 45].

Однако, учитывая вышеописанное, следует думать, что многие крестьяне вступали в колхоз из страха быть раскулаченными.

В феврале 1930 г. все чаще звучит критика коллективизации со стороны бедноты [12, с. 224].

В это же время отношение основной массы середняков, проживавших на территории районов современного Красноярского края, к коллективизации также изменилось в худшую сторону, что было отражено в спецсводке № 2 по Сибирскому краю «О проведении экспроприации кулачества и...» [12, с. 226–229].

Отношение так называемых кулаков было негативным. Иногда в феврале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края доходило до рукоприкладства [12, с. 230], поджогов [12, с. 231], размещались листовки с угрозами распустить колхозы, угрозой убийства партийных активистов, а также войны против властей [12, с. 232].

Доходило также до формирования среди раскулаченных групп, оказывающих «сознательную активность». Так, в Ачинском округе сформировалась группа из двадцати человек «Пильщикова-Озерных», вооруженных и засевших в сильно заснеженной, пересеченной горами местности, в землянках, укрепленных блиндажами. Власти выслали против них отряд из Ачинска, потерявший в результате двухкратных столкновений с группой 22 человека, 12 из них убиты, остальные — ранены. Потери восставших против коллективизации неизвестны [12, с. 233].

В марте раскулачивание набирает все большие обороты. С расширением репрессивных мер росло негативное отношение крестьян к коллективизации [16, л. 55]. Также увеличивалось сопротивление крестьянства политике коллективизации. Документы 1930-х гг. отразили такие его формы, как уничтожение или порча своего имущества; избегание зачисления в колхоз; растрата и обмен своего имущества перед вступлением в колхоз; были случаи массовой агитации против коллективизации; враждебное сопротивление; продажа инвентарного скота; утайка семян при вступлении в колхозы; агитация за уничтожение скота и семенного зерна; уход крестьян в неизвестном для властей направлении; нападения кулаков на милиционера; заявления некоторых крестьян о том, что повесятся из-за вступления в колхоз; самоубийства; применение террора и запугивание комсомольцев и крестьян [17, с. 45].

Также набирали обороты «перегибы на местах» [12, с. 240].

В немалой степени росту негативного отношения к коллективизации способствовало отношение к раскулачиванию руководителей как на местах, так и в ЦК. Что руководство страны, что руководство Сибирского края и его округов на территории современного Красноярского края — еще в конце 1929 г. задали темпы раскулачивания через газеты [4, с. 50], а также через выступления на собраниях руководства различного уровня [12], директивные установки и планы по раскулачиванию [10, с. 163–165; 18, с. 39]. Руководство СССР, конечно, предполагало, что часть крестьянства будет оказывать активное сопротивление политике «ликвидации кулачество как класса», и готовило потому войска [19]. Однако такого злоупотребления властью на местах и отпора со стороны крестьянства не ожидало.

В течение февраля 1930 г., когда стал понятен масштаб сопротивления и недовольства крестьян, власти всех уровней пытались исправить ситуацию, рассылая раз-

личные директивы и напоминания о том, что категорически запрещается раскулачивать бедноту, батраков, середняков, бывших партизан и другие слои деревни [20, с. 353–369], отменяли решения о неправильном раскулачивании [12, с. 240], наказывали руководство на местах [12, 242].

Но предпринятых мер было недостаточно. Негативное отношение к коллективизации уже было сформировано у подавляющего числа жителей советской деревни [17, с. 45; 10, с. 178].

После публикации 2 марта 1930 г. статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», где вина за нарушения и перегибы в проведении ускоренной коллективизации была возложена на руководителей на местах [9, с. 192], раскулачивание приостанавливается, и начинается массовый отток крестьян из колхозов. Так, с 1 по 20 марта 1930 г. из колхозов в Красноярском округе выбыло 1956 хозяйств, в Канском — 752, Ачинском — 323 хозяйства. Данный факт подтверждает тезис о формировании негативного отношения у крестьян к коллективизации в начале 1930 г. [15, л. 48]. К концу мая 1930 г. в восточных округах Сибирского края уровень коллективизации достиг 17 %, хотя еще в начале марта составлял 48 % [21, с. 84].

Таким образом, можно заключить, что изначально положительное отношение к коллективным типам хозяйствования у большинства населения деревни на территории современного Красноярского края было изменено на отрицательное. Отторжение у всех слоев деревни в основной массе было вызвано «перегибами на местах» и раскулачиванием. Бедняки, поначалу имевшие иждивенческие мотивы, с приостановлением коллективизации увидели, что в колхозах хозяйство еще предстоит организовывать и предстоит большая работа в этом направлении. В результате при приостановлении раскулачивания подавляющее их число ничего не держало в колхозе. Середняки, поначалу относившиеся к коллективизации либо положительно, либо пассивно, по тем же причинам, что и беднота, стали относиться к сталинским изменениям жизни в деревне негативно. Устойчивое, негативное отношение к коллективизации было только у самой зажиточной части деревни.

Список литературы и источников

[1] *Ивницкий* Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. 296 с.
[2] *Земсков* В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. №1.
[3] *Земсков* В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. 306 с.
[4] *Папков* С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997.
[5] *Красильников* С. А. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003.
[6] *Корсакова* О. В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
[7] *Вострова* С. Н. Изменения в социальной психологии крестьян Восточной Сибири в период сплошной коллективизации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005.
[8] *Кузнецов* И. С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: учеб. пособие. Новосибирск, 1992.
[9] *Сталин* И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12.
[10] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / отв. ред. Н. А. Ивницкий. М., 2000. Т. 2.
[11] Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920–1970-е годы): док. и материалы / отв. сост. М. Д. Саверьянов. Красноярск, 1991.

[12] Коллективизация Сибирской деревни. Январь — май 1930 г. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2009.
[13] ГАКК. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 15.
[14] ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 714.
[15] ГАКК. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 817.
[16] ГАКК. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 10.
[17] *Есин Р. С.* Раскулачивание и коллективизация на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах» // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3.
[18] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г.: сб. / отв. ред.: В. И. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1992.
[19] *Тархова Н. С.* Красная армия и сталинская коллективизация. М., 2010. 375 с.
[20] Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989.
[21] *Ильиных В. А.* Сельское хозяйство Восточной Сибири в период коллективизации: динамика, организационно-производственная структура // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014.

Протестный потенциал населения в условиях насильственной этатизации сибирской деревни (вторая половина 1929 — 1930 г.)

Е. А. Игнатьева,
аспирант Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В рамках процесса коллективизации в стране развернулся масштабный конфликт между институтами власти и сельским населением. На государственное насилие крестьянство отвечало различными формами активного и пассивного протестов. В данной статье автор анализирует протестный потенциал населения Сибири, а также причины поражения крестьянского сопротивления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СССР, Сибирь, коллективизация, конфликт, формы сопротивления, крестьянский протест.

На рубеже 1920-х — 1930-х годов СССР становится на путь форсированной, инициированной и контролируемой большевистским руководством модернизации. В свою очередь реализация столь масштабного проекта повлекла за собой радикальные изменения всех сфер жизни общества, изменив характер взаимоотношений между институтами власти и основными группами населения страны.

Этот принявший экстраординарные формы процесс, получивший в историографии наименование «революция сверху», коснулся в большей степени деревни. Для Сибирского края речь шла о судьбе более чем восьми миллионов человек (на 1 января 1930 г. из 9 923 821 жителя в сельской местности проживало 8 450 893 человека [15, с. 3], то есть 85 % населения Сибирского края).

Стремительное наступление политического режима на «патриархальный» крестьянский мир с его особым экономическим и социально-культурным укладом жизнедеятельности естественным образом вызвало волну деревенского протеста. Масштаб и разнообразие последнего оказались для большевиков неожиданными как с позиций географического (массовые волнения по всему Союзу), так и социального (участие в нем представителей разных социальных групп, поколений, национальностей) измерений.

В советской историографии противостояние власти и групп общества, за исключением объявляемых контрреволюционными слоев, отрицалось — авторы делали выводы, что сопротивление мероприятиям власти в деревне оказывало лишь «кулачество». Антагонизм отношений государства и социума не рассматривался, допущение о заведомых «ошибках» партии при планировании грандиозных преобразований было невозможно.

Современная историография (как отечественная, так и зарубежная) уделяет значительное внимание феномену крестьянского протеста в рамках реализации «сплошной коллективизации» [3, 4, 11]. Мы можем говорить о глубокой и комплексной проработке исследуемого периода. Однако данные работы выполнены, как правило, в рамках исключительно исторической методологии, что существенным образом сужает исследовательские возможности авторов.

Предлагаемая нами работа в методологическом плане выполнена в рамках разработанного в социологии структурно-функционального подхода (работы Р. Мертона [12, 13, 14], М. Вебера [1, 2], Л. Козера [10]) при условии его адаптирования для решения задач исторического характера.

Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной 1929 — 1930 г. Территориальные рамки охватывают Сибирский край (до июня 1930 г.), затем — Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Эмпирическую основу анализа составила документация Полпредства ОГПУ по Сибирскому краю [5, 6, 7, 8].

> «Социалистические преобразования» привели к тому, что раннесоветский социум, с точки зрения регулирования властью социальных связей внутри него, оказался в состоянии, определяемой социологами как аномия. Аномия (безнормность) проявляется тогда, когда по мере прогрессирующего разрушения институциональных норм, управляющих социальным поведением, социум становится нестабильным. В реальных условиях осуществления сталинской «модернизации» социальные конфликты между институтами власти и значительной частью населения разворачивались по типу конфликтов, именуемых в социологии как разрушительные (нереалистические), не имеющие под собой конструктивной основы [10, с. 97].

Такой тип взаимодействия власти и общества усиливал взаимную социальную напряженность, радикализировал социальные действия с обеих сторон.

Крестьянский протест в рассматриваемый период демонстрирует массу различных способов открытого и скрытого противодействия как агентам власти, так и сельским активистам в деле воплощения курса на «социалистическую реконструкцию сельского хозяйства» — от анонимных писем/листовок/прокламаций, устных угроз и самовольных собраний до массовых «волынок», избиений и даже убийств тех, кто осуществлял конфискации и высылки из деревни. Радикальные способы взаимодействия с властью — специфика деревенского протеста (в отличие от городского, носившего скорее латентный характер). Переход же от пассивных к активным формам сопротивления (как и наоборот) зависел от жизненных условий населения, мероприятий аграрной политики большевиков, а также сезонности сельскохозяйственных работ.

Большевики предвидели массовое сопротивление на селе, в связи с чем срочно укомплектовывали состав местных отделов ОГПУ вспомогательными чекистскими частями, а процесс «раскулачивания» как превентивное «очищение» деревни от социально и экономически независимых от власти слоев определяли максимально краткими сроками:

> Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз и навсегда сломать ему хребет [17, с. 103–104].

В деревне развернулась действительно ожесточенная борьба вокруг реализуемых мероприятий, однако столкновения происходили не столько внутри крестьянства, сколько между солидаризировавшимся в неприятии мер «сплошной коллективизации» сельским населением и органами власти, их осуществлявшими. Для массы крестьян «враг» начинал ассоциироваться не с «кулаками», а рабочими, большевиками и городом как таковым [3, с. 160].

В исследуемый период в деревне преобладали пассивные формы протеста. Они выполняли не только функцию «защитных клапанов» [10, с. 60–71], но также коммуникативную функцию. Это становилось особенно актуально в условиях отсутствия легальных механизмов для диалога власти с жителями деревни. Анонимный (в большей степени) пассивный протест становился наиболее распространенным способом коммуникации, не подконтрольным органам ОГПУ (по крайней мере, на стадии создания сообщения). Это могли быть письма «во власть», письма конкретным лицам, обладающим политической властью, письменные воззвания «к обществу». Отдельно здесь следует выделить значение феномена слухов и фольклор.

Анализ пассивных форм протеста демонстрирует факт значительного влияния фактора страха, управляющего поведением не только одного человека, но и групп, общностей людей. О страхе свидетельствует факт анонимности посланий либо их завуалированность под коллектив или представителя иной социальной группы.

Для оценки потенциала сопротивления следует проанализировать то, к чему призывали авторы анонимных посланий. В деревне популярным мотивом сопротивления становились призывы к игнорированию мероприятий власти. Наиболее радикальными и в то же время утопическими являлись призывы к активному сопротивлению — организации вооруженных отрядов в тайге, физическому уничтожению представителей местного аппарата власти и актива, формированию тайных объединений, готовых активно бороться после «сигнала к выступлению».

В фольклоре мы вообще не обнаруживаем призывов к восстанию или другим формам сопротивления. Авторы почти смиренно принимают сложившееся к 1930 г. положение:

О люди, вы прощайте все,
Лишь бог он ведает один [5, л. 158].

Слухи — еще одно орудие из арсенала крестьянского сопротивления. Крестьяне распространяли провокационные слухи о восстаниях в других районах, об уже прошедшем или грядущем свержении советской власти, о движении иностранных войск, о приходе руководителей белых армий, о скорой «резне» («Варфоломеевской ночи»). Слухи о грядущей войне и падении советской власти идентифицировались с освобождением от «гнета коммунистов» и переделом земли.

Физическое насилие со стороны крестьян, покушения на убийства — все это появляется уже в пик хлебозаготовительной кампании в октябре 1929 г. К концу осени «градус накала страстей» снижается, снова уступив пассивным формам протеста. Но январские постановления ЦК ВКП(б) 1930 г., начало «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», отправка двадцатипятитысячников в Сибирь и прочие мероприятия «социалистической реконструкции» деревни становятся причиной новой волны насилия в деревне.

С зимы 1929/1930 гг. в делопроизводстве ПП ОГПУ все чаще упоминаются «теракты». «Терактами» чекисты называли различные формы активного протеста в деревне. Это были коллективные или индивидуальные нападения на местных активистов, государственных и партийных служащих. Жертвами становились председатели сельсоветов, члены комиссий по хлебозаготовкам, а также другие активисты и посланцы партии.

В делопроизводстве ОГПУ регулярно встречаются упоминания о так называемых волынках. В данном контексте это стихийный, массовый протест в деревне. Для него были характерны отсутствие лидера (в большинстве случаев), отсутствие подготовки выступления, его краткосрочность. «Волынка» являлась стихийным ответом на конкретные мероприятия большевиков (изъятие зерна, высылка «кулаков» и пр.).

Особенностью активных форм крестьянского сопротивления является значительная роль женщин в нем. Именно они оказались в эпицентре «антисоветских выступлений». Женский протест как часть общекрестьянского стал одним из факторов, принудивших власть скорректировать свою политику весной 1930 г., отступить от крайнего радикализма, искать некоторые, впрочем временные, компромиссы во взаимоотношении с основными группами крестьянства [9, с. 471].

Высокий показатель государственного насилия в деревне и ответных протестных действий крестьянского мира объясняется вполне рациональным образом. Вопрос о коллективизации в глазах крестьянского населения приобретал экзистенциональное значение. Протестный паттерн поведения с точки зрения структурного функ-

ционализма является девиантным. Высокая интенсивность девиантного поведения объясняется не тем, что люди, являющиеся их акторами, обладают какими-то особыми биологическими/классовыми и прочими (в зависимости от идеологического контекста ситуации) предрасположенностями, а тем, что они нормально реагируют на ту экстремальную ситуацию, в которой они оказываются. Под «нормальной» имеется в виду психологически ожидаемая или даже одобряемая в культуре той или иной общности реакция на изменявшиеся социальные условия [15, с. 244].

Масштаб крестьянского протеста демонстрировал тот факт, что крестьянство фактически оказалось terra incognita для большевиков [16, с, 323]. Трансформации в рамках «революции сверху» производились в деревне насильственным и принудительным путем, приводя к депривации сельского населения, социальной эксклюзии и маргинализации его части (зажиточного крестьянства).

Протестный потенциал сибирской деревни оказался значительным, хотя и непропорциональным уровню государственного насилия в деревне. С одной стороны, крестьянский протест — это стихийность, жесткость и массовость, с другой — импульсивность, разрозненность, краткосрочность. Большевики прагматично использовали существующие в деревне социально-имущественные противоречия, активно их стимулировали, награждали активистов и лояльных власти, вели мощную пропагандистскую подготовку, сочетая ее с жесткими репрессивными мероприятиями против тех слоев деревни, которые сопротивлялись данной политике.

Сельский социум к началу «сплошной коллективизации» оказался расколотым, экономическое благосостояние основных групп населения — подорванным, психологическое состояние пронизывалось алармистскими ожиданиями. С точки зрения власти протестные настроения и действия крестьянства оказывались удобной возможностью для усиления карательно-репрессивного механизма. Так, проявления протестного поведения становились причиной новой волны насилия, и это при том, что сам протест провоцировался директивами центра. Государственная машина оказалась сильнее разрозненного и ослабленного социума и смогла легко подавить очаги сопротивления. Крестьянскому протесту была уготована роль способствовать все большей централизации власти и ее репрессивному характеру [4, с. 248].

Список литературы и источников

[1] *Вебер* М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
[2] *Вебер* М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 603.
[3] *Великанова* О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
[4] *Виола* Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.
[5] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7.
[6] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17в.
[7] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 84б.
[8] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13.
[9] *Игнатьева* Е. А. Женский протест как феномен радикального ответа политике насильственной этатизации сибирской деревни в первой половине 1930 г. // Идеи и идеалы. 2021. №1. С. 471.
[10] *Козер* Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

[11] *Колодникова Л. П.* Советское общество 20-х годов XX в. По документам ВЧК — ОГПУ. М.: Наука, 2009. 478 с.
[12] *Мертон Р. К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
[13] *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
[14] *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
[15] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.
[16] *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 566 с.
[17] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и материалы. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930 г. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.

Уроки индоктринации: образ «лишенца» в газете «Пионерская правда» (1928–1936 гг.)

А. А. Кожаева,
магистрант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ Периодическая печать в СССР выполняла функцию социально-идеологического воспитания граждан с самого раннего возраста. Среди детской периодики выделяется газета «Пионерская правда», отражающая важные стороны жизни советского пионера. Особый интерес представляет образ тех, кого власть считала потенциальными врагами. В работе ставится попытка реконструкции образа «лишенца», представленного в газете.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА «лишенцы», «Пионерская правда», дискриминация, идеология, воспитание, СССР.

Конституция РСФСР 1918 г. положила начало самой массовой дискриминации в истории СССР — кампании «лишенчества», определив семь категорий «лишенцев» [2, с. 29] («эксплуататоры», торговцы, священнослужители и др.). Наибольших масштабов кампания «лишенчества» достигла во второй половине 20-х — начале 30-х гг., когда произошло не только увеличение числа «лишенцев» из-за появления в 1925 г. категории «членов семей» [14], но и расширение для них ограничений в различных сферах жизнедеятельности: из-за полученного дискриминированного статуса «лишенцы» не могли найти работу, их выгоняли из колхозов, исключали из образовательных учреждений, повышали налоговую ставку и пр.

Проблема изучения различных категорий «лишенцев», несмотря на значительное количество исследований, не теряет своей актуальности. Дальнейшего изучения требует вопрос о возможностях и ограничениях адаптации «лишенцев» при взаимодействии с другими группами общества. Одним из путей рассмотрения данной проблематики выступает аспект того, какими приемами конструировался образ «лишенца» для советских граждан в пропаганде, на материалах периодической печати.

В работе, посвященной восприятию детьми советской пропаганды, К. Келли справедливо отмечает, что целью государственной политики в области детства стало «насаждение советского самосознания» [1]. Она же выделяет три средства для осуществления поставленной цели:

1. обучение;
2. вовлечение в политические организации (на примере пионерского движения);
3. пропаганда (литература для детей, плакаты, школьные учебники и пр.).

К последнему средству следует относить периодическою печать. Особое место в детской периодической печати СССР занимала газета «Пионерская правда», которая начала выходить в марте 1925 г. и являлась младшей копией газеты «Правда». Главной задачей газеты было идеологическое воспитание школьников, детей трудящихся. Для нас особый интерес представляет формирование образа тех, кого власть считала своими противниками. В статье ставится задача отразить механизмы конструирования образа «лишенца» в указанной газете путем привлечения методов контент- и дискурс-анализа.

Хронологические рамки статьи определены периодом 1928–1936 гг. Принцип выбора нижней границы определен рядом причин. Во-первых, 9 июня 1928 г. вышел 46-й (189-й) выпуск газеты «Пионерская правда», в котором впервые появилась статья «Кулацкие сынки в советской школе» [3, с. 3], посвященная непосредственно «лишен-

цам». Верхняя граница связана с принятием новой Конституции СССР в 1936 г. — законодательная практика лишения избирательных прав закончилась, соответственно в № 158 (1800) газеты за 22 ноября 1936 г. фиксируется последнее упоминание о «лишенцах» [13, с. 3].

Пик упоминаний «лишенцев» приходится на 1928–1931 гг., что связано с экстремальными событиями эпохи «Великого перелома». Так, в 1928 г. вышло четыре выпуска со статьями о «лишенцах», а с 1929 по 1931 г. (включительно) выходило по семь выпусков в год, в которых отражалась кампания «лишенчества». Однако в 1932 и 1933 гг. упоминания о «лишенцах» в газете не были зафиксированы. По одному выпуску со статьями о «лишенцах» выходило с 1934 по 1936 год, вплоть до публикации последней статьи об указанной дискриминационной кампании.

Сам факт незначительности упоминаний в газетных материалах тематики «лишенцев» свидетельствует о том, что она не относилась к категории ключевых, однако для целей исследования важно установить событийный контекст, который ее высвечивал.

Таблица 1
Тематика упоминаний «лишенцев» в газете «Пионерская правда» в 1928–1936 гг.

№ п/п	Тематика	Количество выпусков	Процент
1	Избирательные кампании	14	50
2	Дети «лишенцев» в советской школе/пионерских организациях	8	28,6
3	Учителя-«лишенцы» в советской школе	4	14
4	Преступные действия «лишенцев»	4	14
5	Вопросы о законодательстве	2	7
Общее число выпусков		28	100

Путем анализа содержания данных материалов нами выделены пять групп тем, где фигурировали различные категории «лишенцев» (см. табл. 1). Как видно из таблицы, чаще всего «лишенцы» упоминались в публикациях, посвященных избирательным кампаниям (50 %). Авторы последних стремились объяснить детям значение выборов и перевыборов в Советы, а также смысл ограничения «лишенцев» в участии в местном управлении. Впервые попытка такого рода объяснения была предпринята в выпуске № 109 (252) от 13 декабря 1928 г. [5, с. 2]. В разделе под заголовком «Не уступайте Советы кулакам» содержалась информация о «кулачной расправе над группой батраков» в с. Петровка Люблинского района Сибири, организованной членами сельсовета во главе с их председателем, который, по указанию авторов, также являлся «кулаком». Рассказ о преступных действиях «кулаков» приводится в разделе не случайно, поскольку далее анонимный автор текста пишет, что причиной такого «беспорядка» в с. Петровка стало нахождение у власти в сельсовете представителей «нетрудовых групп», попавших туда при прошлых выборах. Именно поэтому пионеры, по мнению газеты, должны принимать активное участие в избирательных мероприятиях: просвещать родителей о пользе выборов, а также помогать выявлению «лишенцев» в местных советах.

Проблематика «лишенчества» в газете получила особое направление в связи с выяснением места детей «лишенцев» в советской школе и пионерских организациях. На основе анализа выпусков газеты установлено два разновекторных подхода по отношению к детям «лишенцев». Первый из них определял детей «лишенцев» как

наследников дел их родителей. Авторы публикаций отмечали, что дети, получившие нетрудовое воспитание, переносили качества родителей на свое поведение в советской школе и пионерских организациях. Так, дети «лишенцев» выступают против всеобщего обучения, сбора бумаги и других мероприятий, чему «научили их отцы» [6, с. 3].

Знаковым проявлением указанного подхода стало описание школьных событий в с. Угодский Завод, которым были посвящены материалы двух выпусков газеты — № 46 (189) [3, с. 3] и № 50 (193) [4, с. 3] в 1929 г. Выделено несколько проблем в школе: 1) кадровый состав преподавателей школы, представленный в основном «нетрудовыми элементами»; 2) «засилье», особенно в старших классах, детей «лишенцев» (около 35 % от всех детей в школе), которые авторами публикации обозначаются как «маринованные пузаны» [3, с. 3]. Акцент сделан на то, что дети «лишенцев», оказавшись во главе школьной газеты, стали сознательно отделять себя от детей трудящихся, используя местоимения «мы» и «вы». Тем самым, по мнению авторов статьи, «лишенцы» посеяли «классовую вражду» в школе.

Однако несколько позднее в том же 1929 г. жесткую критику детей «лишенцев» за их «наследственность» сменяет другой, более «мягкий» подход — «перевоспитать, а не выбрасывать» [7, с. 3]. Авторы публикаций отмечали, что дети не виноваты в действиях своих родителей, необходимо оградить детей от влияния последних, «чтобы ребята в Советском Союзе <не> вырастали под чуждыми классовыми влияниями» [7, с. 3]. С этой целью предлагалось практиковать включение детей «лишенцев» в пионерские организации.

Особое значение в развитии пропаганды «перевоспитания» придавалось письмам в газету от детей «лишенцев». В 43-м (301-м) выпуске газеты было опубликовано письмо Н. Андреевской, дочки попа, которая желала выяснить законность ее исключения из пионеров, при этом открещиваясь от идеалов отца: «я не признаю ни религии, ни ее обрядов» [8, с. 6]. Позиция редакции состояла в том, что исключать из организации детей «лишенцев» можно только тогда, если те не поддаются перевоспитанию, а не за действия родителей. Письмо Н. Андреевской, с одной стороны, отражает атмосферу отчужденности, в которой ощущали себя дискриминированные, вынужденные обращаться за помощью в газету, а с другой стороны, является не случайным, поскольку отражает логику пропагандистского лозунга — «сын за отца не отвечает». В связи с этим отношение к детям «лишенцев» меняется от «угодского подхода» (см. выше), в котором внимание акцентировалось на их «порочности», к установке на социализацию последних в советском духе. Так, в выпуске № 66 (324) редакция газеты приводит сведения об активном участии детей «лишенцев» в деятельности общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог («Автодор»), поэтому авторы газеты предлагают: «им <«лишенцам»> надо предоставить больше возможностей в этой области» [8, с. 6].

Школьная жизнь несомненно интересовала пионеров, поэтому выпуски газеты затрагивали проблемы школьного образования с разных углов. Так, помимо характеристики детей «лишенцев» в советской школе, учителя-«лишенцы» также были подвергнуты критике в газете. Мы уже отмечали, что острой проблемой, выделенной в статье об Угодской школе, был кадровый состав школы, представленный «нетрудовыми элементами» — обществоведом и бывшим белым офицером Феоктистовым, а также религиозной учительницей русского языка Горбатовой [3, с. 3]. Этим учителям противопоставлялся обществовед Осипов, пришедший на смену Феоктистову. Согласно газете педагоги-«лишенцы» создавали для детей трудящихся трудности с получением свидетельств об окончании школы [4, с. 3].

Использование аргумента совершения «лишенцами» преступлений не раз становилось темой выпусков газеты. В выпусках № 168 (580) [10, с. 1] и № 1 (583) [11, с. 2] описывалось убийство пионера Акопова 28 декабря 1930 г. в городе Гандже «лишен-

цем» Арамянцем, который желал отомстить пионеру за то, что тот разоблачил его брата как «спекулянта». Преступные действия Арамянца оцениваются как «зверские» [10, с. 1], при этом особо подчеркивается его статус «лишенца». В выпуске № 151 (409) в статье «Церковь — враг пятилетки!» описывались действия священника Горловской церкви, по мнению авторов выдвинувшего лозунг: «Лишенцы всех мастей объединяйтесь!» [9, с. 1]. Организованная при закрытии указанной церкви демонстрация характеризуется в газете как «великий праздник». Акцентирование внимания читателей газеты на преступных действиях «лишенцев» выполняло функцию переадресации первопричинности всевозможных кризисов и трудностей, снижения жизненного уровня населения. В результате под воздействием пропаганды в восприятии детей складывался определенный образ «лишенцев» не столько как противников государственного строя, сколько как «врагов народа».

Последняя тематическая группа, выделенная нами, связана с упоминанием «лишенцев» в разъяснительных статьях о советском законодательстве. В выпуске № 22 (1492) от 16 февраля 1935 г. в статье «Как исключать из артели» описана процедура исключения из сельскохозяйственной артели, а также говорится о том, что детей «лишенцев» можно включать в коллективные хозяйства, однако подчеркивается осторожность в принятии таких решений: «но и здесь ухо надо держать востро, чтобы под видом исправившихся не пробрались к нам новые волки в овечьей шкуре» [12, с. 2]. 22 ноября 1936 г. выходит выпуск № 158 (1800), в котором журналисты газеты отвечают на вопросы детей об обновлении избирательной системы в связи с принятием новой Конституции. Авторы объясняют детям, «что необходимость в лишении избирательных прав кого-либо уже прошла» [13, с. 3] из-за окончательного укрепления советской власти, кроме того, подчеркивается, что еще в 1919 г. предполагалось, что «ограничение в правах является мерой временного характера» [13, с. 3].

Для обеспечения и поддержания установленного после революции порядка большевистская власть использовала социум, актуализируя для него дискурс борьбы с «врагами», «буржуазными элементами», в ряду которых оказывались и подлежавшие социально-политической дискриминации и ограничительной политике «лишенцы» и члены их семей. Средством передачи дискурса власти выступала периодическая печать. На страницах «Пионерской правды» складывался «двухвекторный» образ «лишенца». С одной стороны, в газете акцентировалось внимание на преступных действиях дискриминированных, а также подчеркивалась необходимость борьбы с ними за влияние в Советах, с другой стороны, дети «лишенцев», по мнению редакции и авторов публикаций, не заслуживали наследственной дискриминации, поэтому постепенно образ детей «лишенцев» перенаправлялся в сторону поддержки участия последних в жизни советского общества. Сказанное является выражением прагматического курса социальной политики государства в сочетании двух линий — «жесткой» и «мягкой», в зависимости от конкретной ситуации в стране в исследуемый период.

Список литературы и источников

[1] *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/malenkie-grazhdane-bolshoj-strany-1-internaczionalizm-deti-i-sovetskaya-propaganda-2.html (дата обращения: 19.07.2021).

[2] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940.

[3] Пионерская правда. № 46 (189). 09.06.1928. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000463599/ (дата обращения: 19.07.2021).
[4] Пионерская правда. № 50 (193). 23.06.1928. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000463662/ (дата обращения: 19.07.2021).
[5] Пионерская правда. № 109 (252). 13.12.1928. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000464042/ (дата обращения: 19.07.2021).
[6] Пионерская правда. № 10 (268). 22.01.1929. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000464042/ (дата обращения: 19.07.2021).
[7] Пионерская правда. № 17 (275). 07.02.1929. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000465201/ (дата обращения: 19.07.2021).
[8] Пионерская правда. № 43 (301). 08.06.1929. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000465390/ (дата обращения: 19.07.2021).
[9] Пионерская правда. № 151 (409). 19.12.1929. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000466286/ (дата обращения: 19.07.2021).
[10] Пионерская правда. № 168 (580). 25.12.1930. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000466843/ (дата обращения: 19.07.2021).
[11] Пионерская правда. № 1 (583). 01.01.1931. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000466855/ (дата обращения: 19.07.2021).
[12] Пионерская правда. № 22 (1492). 16.02.1935. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000477990/ (дата обращения: 19.07.2021).
[13] Пионерская правда. № 158 (1800). 22.11.1936. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000482024/ (дата обращения: 19.07.2021).
[14] СУ РСФСР 1930 г. № 19. Ст. 212.

Дискуссии о левой оппозиции на собраниях партячеек Барнаульского округа: анализ политических практик середины 1920-х гг.

О. А. Литвинова,
кандидат исторических наук, доцент,
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрено наблюдавшееся на собраниях партийных ячеек конфликтное взаимодействие, одной из сторон которого стали приверженцы взглядов левой оппозиции, высланные из Ленинграда в Барнаул. Проанализированы практики представления доклада и выступления в прениях. Сделан вывод, что обсуждение темы левой оппозиции в большей степени походило на спор и полемику, а не на дискуссию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА внутрипартийная дискуссия, левая оппозиция, политическое поведение, политические представления, политические практики, партийные собрания, партийные ячейки.

Знаковым процессом советской политической жизни 1920-х гг. стал внутрипартийный конфликт, обозначаемый термином «борьба с оппозицией». Информация о противостоянии, происходившем на уровне центрального аппарата РКП(б) — ВКП(б), транслировалась посредством партийной печати и партийных собраний на уровень рядовых коммунистов. В связи с этим изучение обозначенного исторического сюжета невозможно без введения в научный оборот документов региональных архивов. Выявленные таким образом исторические факты воссоздают целостную картину внутрипартийной борьбы 1920-х гг. и углубляют знания о применяемых в ходе этого противостояния политических практиках.

В представляемой работе автор использовал термин «левая оппозиция», употребляемый историками как собирательное понятие для обозначения направления внутри РКП(б) — ВКП(б) в 1920-х гг., объединившего противников рыночных механизмов нэпа, сторонников приоритетного развития промышленного сектора экономики и реализации социальной политики, ориентированной на интересы рабочих и беднейшей части крестьянства.

Сюжет борьбы с троцкизмом и левой оппозицией в отдельных регионах России, в том числе в Сибири, на протяжении последних десяти лет неоднократно привлекал внимание исследователей [1, 2, 5–10]. Отправной точкой для предлагаемой публикации стал исторический факт, указанный Т. И. Морозовой. Новосибирский историк, анализируя возросший интерес Сибкрайкома к внутрипартийной оппозиции после XIV съезда ВКП(б), заметила, что основной причиной этого явления стала высылка наиболее активных оппозиционеров из Ленинграда в другие регионы СССР. В частности, в Барнаул прибыли И. И. Подбелло, А. А. Попов, Е. Ф. Селютин и Д. С. Шейнберг [7, с. 59–60]. Данный исторический факт, а также обнаруженное несколько лет назад в архиве «покаянное заявление» Селютина, Попова и Подбелло [3, л. 128] привлекли наше внимание и заставили обратиться к поиску иных источников, позволяющих изучить политическое поведение названных коммунистов и выявить практики ведения внутрипартийных дискуссий, возникавших в процессе официального обсуждения вопроса об оппозиции. Соответственно, одной из исследовательских задач был поиск протоколов собраний партячеек, членами которых являлись перечисленные выше партийцы. Хронологические рамки исследования — 1926–1927 гг., то есть период

от XIV до XV съезда ВКП(б), ставший эскалацией конфликта «левая оппозиция — приверженцы „генеральной линии“ партии».

В результате проведенного исследования автор пришел к следующим результатам.

Во-первых, изучение архивных материалов дало возможность определить, что трое из четырех упомянутых Т. И. Морозовой ленинградцев работали в Барнаульском окружном земельном управлении (далее — ОкрЗУ). Это были И. И. Подбелло, А. А. Попов, Е. Ф. Селютин. Их фамилии фигурируют в протоколах собраний партячейки ОкрЗУ. Однако в этих же протоколах не указаны инициалы лиц, выступавших на собраниях, в том числе и интересующих нас деятелей. Кроме того, некоторые фамилии участников собраний в документах напечатаны по-разному. Такая проблема возникла с фамилией Селютин (варианты написания в протоколах — Селюнин, Силюнин). В «покаянном заявлении» указана фамилия Селюнин, а не Селютин, что не сходится с материалом статьи Т. И. Морозовой. Однако редкость фамилии, а также одновременное фигурирование в документах ОкрЗУ трех фамилий (Селютин/Селюнин/Силюнин, Подбелло, Попов) дают возможность с высокой степенью вероятности предположить, что все эти лица являются высланными в Барнаул ленинградцами. В статье будет указываться фамилия Селютин, несмотря на неуверенность автора в идентичности лиц Селютин и Селюнин.

Во-вторых, по архивным документам тема левой оппозиции на протяжении 1926–1927 гг. была предметом рассмотрения на четырех партсобраниях ячейки ОкрЗУ: 14 октября 1926 г., 14 февраля, 19 и 26 сентября 1927 г. Непосредственно рассмотрению вопроса об оппозиции были посвящены три из четырех указанных собраний: октябрьское, февральское и второе сентябрьское. Попов, Селютин и Подбелло на этих собраниях стали проводниками политических представлений левой оппозиции и фактически инициаторами внутрипартийной дискуссии.

В-третьих, партийные собрания организовывались по алгоритму: выступление докладчика по пункту из повестки дня, вопросы к докладчику и ответы на них, прения по докладу, выступление докладчика с заключительным словом и принятие постановления. Эти элементы собрания в своей совокупности по форме соответствовали политической практике дискуссии. Однако чтобы понять, в какой степени рассмотрение вопроса об оппозиции реально представляло собою дискуссию, для которой должны быть характерны аргументированность сообщений и контроль над эмоциями, обратимся к архивным документам.

Задача докладчика, которым был кто-то из коммунистов ячейки, заключалась в представлении «генеральной линии» ЦК партии. Так, на первом из четырех упомянутых собраний партячейки ОкрЗУ (октябрь 1926 г.) докладчик Ляпин кратко представил процесс формирования оппозиции, сосредоточившись на фигуре Л. Д. Троцкого, и схематично обозначил ключевые моменты, вызывавшие споры между приверженцами «генеральной линии» и сторонниками оппозиции. В ряде случаев объяснялись причины невозможности реализации требований оппозиционеров. Например, невыполнимость повышения зарплаты рабочим истолковывалась возможным разрывом между размером зарплаты и производительностью труда, а также колебаниями червонца. Помимо этого, докладчик давал оценку поведению оппозиционеров. Однако эта оценка по своей сути была «эмоциональным заряжением» слушателей, то есть воздействием на их чувства. Иллюстрация тому — фраза выступавшего, что «оппозиция ударилась в *панику*, утверждая о существовании 14–16 % кулачества» (курсив наш. — *Прим. авт.*) [4, л. 7–7 об.]. Слово «паника» в советском политическом дискурсе имело негативный оттенок.

Характеризуя выступление Ляпина, можно сказать, что докладчик весьма точно передал политические представления оппозиционеров. Вместе с тем объяснениям причин неосуществимости реализации предложений оппозиции не хватало полно-

ценных экономических выкладок. Подобная практика неполного представления сведений, усиленная дискурсивным эмоциональным воздействием, формировала у слушателей негативное восприятие к взглядам и действиям левой оппозиции.

Доклады на последующих собраниях почти не добавляли фактов по теме оппозиции. На февральском собрании 1927 г. доклад Запорожского носил более взвешенный и менее оценочный характер, чем представленный четырьмя месяцами ранее доклад Ляпина. Новые сведения, которые сообщил Запорожский, касались того, что Каменев и Зиновьев, первоначально выступившие против Троцкого, встали на платформу оппозиции. Таким образом, акцентировалось внимание на непоследовательности поведения лидеров оппозиции, что в свою очередь формировало недоверие к этим деятелям. Кроме того, докладчик обратил внимание на требование оппозиции предоставить свободу фракциям в партии [4, л. 71–71 об.].

19 сентября 1927 г. состоялось партсобрание, на котором изучались материалы объединенного июльско-августовского пленума ЦК и ЦКК 1927 г. — вопросы о хозяйственном развитии страны. Однако докладчик Полуэктов, информируя о задачах в сфере экономики, остановился и на политических представлениях оппозиционеров [4, л. 170].

Наконец, на собрании 26 сентября 1927 г. был заслушан доклад «Партия и оппозиция» (докладчик Лукашин). В докладе политическое поведение лидеров оппозиции (Троцкого, Зиновьева, Каменева) преподносилось как совокупность действий, вытекающих из стремления оппозиционеров внести раскол в партийные ряды. Ввиду того что на протяжении 1927 г. левая оппозиция проявляла себя активно, в докладе освещались события партийной жизни, произошедшие под влиянием оппозиции, в частности петиция 83-х [4, л. 183–185].

Таким образом, политическая практика выступления на партийном собрании с официальным докладом имела цель представить в выгодном для сторонников «генеральной линии» партии свете сведения об оппозиции. По этой причине информация об оппозиции давалась упрощенно и схематично, в неполном виде и с обязательным указанием ошибок оппозиционеров. Между тем критически мыслящие партийцы, к тому же владевшие из опыта проживания в Ленинграде более полной информацией, в официальных докладах могли видеть внутренние противоречия. Это провоцировало внутрипартийную дискуссию.

За официальным докладом следовали вопросы со стороны участников собрания. Изучение вопросов и ответов на них позволяет определить, насколько критически воспринималась представленная информация, в какой степени владел материалом докладчик и был ли он готов к аргументированной дискуссии.

В ракурсе темы оппозиции заслуживают внимания вопросы и ответы из последнего, то есть четвертого собрания (26 сентября 1927 г.). Вопросы от Селютина главным образом были связаны с достоверностью источников информации об оппозиции: «Где написано, что оппозиция считает кулацким ЦК? Линия ЦК контрреволюционная, кто говорил и где? Где написано о массовом отходе 83-х?» Некоторых участников собрания интересовал масштаб действий и социальный состав оппозиции: «Кто в большей степени примыкает к оппозиции — рядовые члены партии или ответработники? На скольких заводах оппозиция выступила в Ленинграде?» [4, л. 185–187].

Ответы на заданные вопросы были представлены лишь по форме, а не содержанию. Главным образом это было характерно для ответов на вопросы Селютина. Так, на вопрос о том, кто из оппозиции и где говорил о контрреволюционности линии ЦК, был дан ответ: «Говорится оппозицией, где им захочется». На вопрос об источнике информации, касающейся массового отхода 83-х, докладчик ответил: «Имеется заявление в ЦК партии, что нас оппозиция околпачила, они описывают, что во всем расходятся с нами». Наконец, на вопрос Селютина «Нет ли у оппозиции

договоренности, чтобы вместе вести работу против партии» был дан вызывающий ответ: «Тебе тов<арищ> Селютин лучше знать» [4, л. 186–187]. Разумеется, такого рода агрессивные ответы, не представлявшие конкретных фактов, саботировали намечавшийся диалог.

Наибольшая вероятность возникновения внутрипартийной дискуссии возникала в процессе прений. Самостоятельной по суждениям, глубокой по содержанию и развернутой по объему была речь в прениях Попова на октябрьском собрании 1926 г. и речь Селютина на двух собраниях сентября 1927 г. Эти выступления практически всегда начинали прения, побуждая присутствовавших на собрании критически отнестись к официальной информации об оппозиции.

Приведем выдержки из протоколов собраний. Собрание в октябре 1926 г., речь Попова: «учеников Ленина, работавших с ним целые годы, сейчас сравнивают с меньшевиками, кадетами — это резко»; «говорят нам, что единицы поддерживают оппозицию, на самом деле это неверно: попробуйте выступить против Ляпина — и вы завтра же окажетесь на Сахалине»; «Молотов сравнивает <оппозицию> с кадетами, а сам учился на литературе Зиновьева». Попов открыто относил себя к сторонникам левой оппозиции: «Вы, *я говорю от оппозиции*, презираете бедняка, едете на шее рабочего класса, не перекладывая тяжести на кулака» (курсив наш. — *Прим. авт.*). Попов представлял некоторые факты (в дальнейшем другой участник собрания их расценил как неполные) по социально-политической ситуации: «у населения осталось 400 миллионов хлеба, которые в большинстве находятся у кулака», «в сельсоветах и бедняки, и коммунисты уменьшаются, также уменьшились они и в составе председателей» [4, л. 7об.].

Выступление Попова вызвало преимущественно негативную ответную реакцию. Оппоненты Попова посредством устоявшихся лексических клише в стиле революционной демагогии вступили с ним в словесную перепалку. Наиболее активно этот прием использовал секретарь ячейки Крюков, сказав: «Что сейчас я выявил из слов т<оварища> Попова — испуг, трусость и растерянность. Нам трусов не надо». По поводу необходимости повысить размер оплаты труда Крюков сказал: «Нет, т<оварищ> Попов, теперь рабочего белым калачиком не заманишь, он вырос и понимает, откуда берутся пятаки» [4, л. 8].

Среди всех выступлений в прениях было два высказывания, которые, несмотря на свою направленность против оппозиции, все же отличались критическим взглядом на положение в партии и государстве. Так, Алтунин сказал: «Исключают только мелких членов партии, а нянчатся с лидерами, каковые вводят в заблуждение малосознательных товарищей», а Федоров заметил, что «наше государство еще не окрепло и еще не время дискутировать» [4, л. 7об.–8]. Такого рода замечания позволяют говорить об элементах дискуссии. Однако аргументированное и взвешенное в эмоциональном плане обсуждение проблемы все же не состоялось.

На сентябрьских собраниях 1927 г. не было выступлений в прениях Попова и Подбелло, но активную позицию, несмотря на поданное шестью месяцами ранее «покаянное заявление» [3, л. 128], занял Селютин. Выступая на первом сентябрьском собрании 1927 г., Селютин, не называя себя оппозиционером, проанализировал сложившееся в стране экономическое положение и изложил точку зрения лидеров оппозиции по этому вопросу, согласившись с нею. В речи Селютина были элементы критики действий противостоящих оппозиции партийных лидеров, в том числе И. В. Сталина: «По докладу у нас все хорошо и благополучно, вот так Сталин и Рыков проводят все вопросы» [4, л. 174об.–175].

Оценка экономического положения в стране была дана на этом же собрании не только Селютиным. Двое деятелей (Петелин и Афонин) заметили, что налоговая политика построена неправильно, существует много недостатков в процессе кооперации, имеется разрыв в ставках оплаты труда, недостаточно ведется жилищное

строительство и имеется проблема безработицы, на которую необходимо бросить все средства [4, л. 174–175]. Некоторые участники собрания попытались представить анализ сложившегося к концу 1927 г. экономического положения в стране. Так, Пучинин сказал, что безработица растет за счет прихода в города крестьян из деревень, что нарастить темпы железнодорожного строительства не получается из-за недостатка денежных средств [4, л. 177]. Такого рода выступления свидетельствуют о возможности политического диалога. Однако ответы докладчика на вопросы Селютина, предшествующие прениям, задали негативный тон обсуждению. В дальнейшем со стороны нескольких коммунистов прослеживалось явное саботирование выступления Селютина, что вызывало ответную реакцию у самого Селютина. Прерывания выступающего, комментарии из зала — эти механизмы спора использовались как Селютиным, так и его оппонентами [4, л. 176–177].

На собрании 26 сентября 1927 г. Селютин акцентировал внимание на необходимости формирования у рядовых коммунистов критического мышления посредством политического образования и самообразования: «дайте партийцу изучить весь материал оппозиции, пусть научится яснее представлять оппозицию», «...фактически ничего у Ленина не изучаем, нас набивают суррогатом, разными Керженцевыми» [4, л. 188]. Почти все выступившие в прениях осудили Селютина. Политическая позиция «товарищ Селютин имеет право говорить, он член партии» (высказана на собрании 19 сентября 1927 г.) воплотилась в антипод «не нужно, товарищ Селютин, так много думать о себе, как ты думаешь» (заключительное слово Лукашина на собрании 26 сентября 1927 г.) [4, л. 170 об., 193]. Таким образом, дискуссии фактически не было. Правильнее говорить о споре или полемике с использованием словесной агрессии и словесной перепалки.

Подвоя итоги, отметим, что используемые в 1920-х гг. на партсобраниях практики выступления с докладом, постановки вопросов по докладу и представления ответов на них, выступления в прениях представляли собой в большей степени конфликтное взаимодействие в форме спора, а не дискуссию. Соответственно, историческое понятие «внутрипартийная дискуссия» может быть применимо для анализа политических практик обозначенного временного промежутка лишь как условный термин, характеризующий идейное противостояние в партийной среде.

Список литературы и источников

[1] *Бакулин В. И.* «Аппарат разладился и разлагается»: ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 — весна 1924 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 96–115.

[2] *Баранов А. В.* Троцкистская оппозиция как проявление леворадикального протеста в 1926–1929 гг. (на примере Юга России) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 8–15.

[3] ГААК. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 2.

[4] ГААК. Ф. П-7. Оп. 7. Д. 38.

[5] *Гузаров В. Н.* Борьба секретаря Томского губернского комитета РКП(б) В. С. Калашникова против троцкизма (1923–1924 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 157–160.

[6] *Морозова Т. И.* Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП(б) — ВКП(б) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН. 2015. Вып. 6. С. 105–132.

[7] *Морозова* Т. И. Троцкистская оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 55–62.

[8] *Резник* А. В. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 годах // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1 (24). С. 175–185.

[9] *Санников* В. А. Партийные контрольные органы как инструмент борьбы с оппозицией в Москве в 1920-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3/1. С. 64–67.

[10] *Шабалин* В. В. Партийные институты и левая оппозиция после XV съезда ВКП(б) (на примере Уральской области) // PolitBook. 2018. № 1. С. 79–92.

Движение преступности в Сибирском крае в 1926–1929 гг.

Д. А. Мамонтова,
магистрант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В работе рассматривается процесс ужесточения пенитенциарной политики, происходивший на территории Сибирского края в конце 1920-х гг. На основе анализа статистических данных о динамике преступности и правонарушений в регионе автор приходит к выводу, что в 1926–1929 гг. существовала ситуация, не позволявшая эффективно решать проблему борьбы с преступностью и снижения ее уровня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА пенитенциарная политика, преступность, места заключения, Сибирский край, принудительный труд.

Процесс становления новой, советской пенитенциарной системы, сопровождавшийся официальным отказом от достижений позднеимперского периода в данной сфере, начался после Октябрьской революции. Ему сопутствовало издание законодательно-нормативных актов — декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г., постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г., а затем Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР от 16 октября 1924 г., который обобщил предыдущий опыт в сфере исполнения наказания. Окончательное формирование уголовно-исполнительной системы происходит в 1926 г., когда основные спорные вопросы, касающиеся ИТК РСФСР, были решены. Издание Уголовного кодекса (УК) РСФСР в редакции 1926 г. позволило начать реализацию положений кодексов на практике.

Вместе с тем с 1927 г. пенитенциарная политика встает на новый путь развития, — она становится более жесткой. Такое изменение связано с возникновением идеи о более широком применении принудительного труда в различных его формах, которая впоследствии была воплощена в жизнь с изданием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28 марта 1928 г. [1, с. 418]. Параллельно с этим в пенитенциарных учреждениях страны существовала хроническая проблема их переполненности [3, с. 734], что создавало дополнительные трудности с содержанием заключенных, но при этом методы, применяемые ранее для решения подобных задач (например, амнистия), использовались реже, чем раньше.

Тенденция ужесточения исправительно-трудовой политики не обошла стороной и Сибирский край. Это отразилось в увеличении числа рассмотренных дел в судебных учреждениях в период 1926–1928 гг.: за три года наблюдается постоянный рост гражданских дел, в то время как по уголовным — сначала рост, а затем падение. Несмотря на снижение последних, соотношение количества уголовных дел и осужденных по ним показывает, что в 1928 г. был минимальный процент оправдательных приговоров за представленный период (41,4 %). Стабильный прирост рассматриваемых дел повлиял и на количество судебных учреждений, которое росло на протяжении всех лет.

Направленность, связанная с числом рассмотренных уголовных дел в судебных учреждениях, соотносится и с количественными изменениями заявленных преступлений, обозначенными в *таблице* 2: сначала происходит повышение, а затем падение, что указывает на неустойчивость и изменчивость факторов, определявших динамику

Таблица 1
Судебные учреждения и движение в них дел за 1926, 1927 и 1928 гг. в Сибирском крае

Округа	Число суд. учрежд. На конец кажд. года		Движение дел в судебн. учрежд.			Число осужден. по рассмотрен. уголов. дел
	Народн. судов	Следствен. участков	Уголовн.	Гражданских	Всего	
Всего по Краю						
1926 г.	256	148	151 179	196 476	351 768	77 537
1927 г.	260	149	209 999	213 089	427 543	104 424
1928 г.	–	161	185 410	317 719	503 129	108 676

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 793.

Таблица 2
Возникшие преступления по заявкам в Уголрозыске и милиции за 1926, 1927 и 1928 гг.

Округа	Всего заявлено преступлений				
	В Уголрозыск	В Милицию	Итого	Из них раскрыто	
				Абсол. число	Проц.
Всего по краю					
1926 г.	13 505	127 312	140 717	100 968*	71,7*
1927 г.	13 496	151 524	165 020	79 768	40,3
1928 г.	15 157	133 847	149 004	59 257	39,8

* Вошли преступления, совершенные в условиях полной очевидности.
Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 794.

Таблица 3
Число осужденных по группам и видам преступлений за 1928 г.

Округа	Государственные преступления	Преступл. против порядка управл.	Преступл. против личности	Имущ. преступл.	Служ. преступ.	Воинск. преступл.
Всего	107	40 850	28 879	19 936	8800	641

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 796–797.

Таблица 4
Распределение осужденных по полу за 1926, 1927, 1928 гг. и за 1-е полугодие 1929 г.

Название преступлений	Распределение осужденных по полу в проц.							
	1926 г.		1927 г.		1928 г.		1-е полуг. 1929 г.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Всего по Сибкраю	88,2	11,8	87,6	12,4	84,4	15,6	85,7	14,3
I. Государственные преступления	97,8	2,2	98,1	1,9	95,2	4,8	98	2
II. Прест. против порядка управл.	92,5	7,5	91,6	8,4	89,3	10,7	88,9	11,1
2) приготовлен., сбыт и хран. спирт. напитков						46,1		
III. Преступления против личности	80,7	19,3	75,9	24,1	71,2	28,8	72,6	27,4
4) оскорблен. словом и действием						52,3		
IV. Имущественные преступления	86,1	13,9	86	14	86,7	13,3	89,4	10,6
V. Служебные преступления	98,6	1,4	98,8	1,2	98,4	1,6	98,3	1,7

Источник: Сибирский край: стат справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 798–799.

карательной политики. Впрочем, эти соответствия могли не иметь прямой связи между собой, так как многие уголовные дела находились в процессе раскрытия и рассматривались в суде больше года. Это подтверждается тем, что количество заявленных преступлений и уголовных дел в судебных учреждениях не совпадает по годам.

Кроме того, данные *таблицы* 2 не дают представления о повышении или понижении раскрываемости уголовных дел в Сибирском крае, поскольку в 1927 и 1928 гг. среди раскрытых преступлений не указывались те, которые были совершены в условиях полной очевидности.

Из данных *таблицы* 3 для обозначения групп преступлений, совершенных в 1928 г., следует, что самой распространенной группой в Сибирском крае были преступления против порядка управления (ст. 59–108 УК 1926 г. [2]). На втором месте стоят преступления против личности (ст. 136–161 [2]), на третьем — имущественные (ст. 162–178 [2]). Меньше всего, не считая служебных (ст. 109–135 [2]) и воинских преступлений (ст. 193 [2]), — государственных (ст. 58 [2]).

Помимо общего повышения числа осужденных по уголовным делам по всему краю с 1926 по 1928 г., прослеживается тенденция к увеличению доли женщин, совершавших преступления. В первом полугодии 1929 г. отмечается некоторое снижение показателей, возможно объяснимое тем, что данные представлены не за полный год. Пик роста женской преступности пришелся на 1928 г. практически по всем видам преступлений, кроме имущественных. При этом есть преступления, по которым количество женщин-осужденных приближается или даже превышает 50 %. К таким можно отнести приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков (ст. 101 УК 1926 г. [2]), оскорбление словом и действием (ст. 159 [2]). Подобное распределение осужденных по полу в дополнение к вышеизложенным данным указывало на существующую напряженность в обществе.

Таблица 5, представляющая информацию о разделении осужденных по социально-классовому составу, показывает, что среди всех групп населения больше всего преступлений совершали хозяева в сельских хозяйствах и помогающие члены семьи,

Таблица 5
Распределение осужденных по социально-классовому составу за 1928 г.

Группы	Самодеятельные				Несамодеятельные	Итого
	В том числе					
	Хозяева в сел. хоз. и помог. члены семьи	Рабочие в сел. хоз.	Рабочие в фаб.-зав. промышл.	Рабоч. в проч. отрасл. труда		
Государственные преступления	79	1	–	1	–	105
Преступления против порядка управления	26 702	1787	1133	3397	888	42 315
Преступления против личности	19 824	1258	595	1650	1844	28 852*
Имущественные преступления	8801	1034	361	2269	527	19 871
Итого	55 709	4214	2141	7529	3269	100 571

* Включено 5 осужденных за бытовые преступления.
Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 800–801.

Таблица 6
Число мест заключения и лиц, заключенных в них на 1 января 1927, 1928 и 1929 гг.

Округа	Всего мест заключения	В них		Из числа заключенных					
				Подслед.		Срочных		Пересыльн.	
		Штатных мест	Всего заключенных	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
По Сибкраю:				Об. п.		Об. п.		Об. п.	
На 1.01.1927 г.	23	8466	18 352	6638		11 319		302*	
На 1.01.1928 г.	23	8466	11 279	3998		6728		553	
На 1.01.1929 г.	23	7042	15 157	4263	575	9137	560	579	43

* Кроме того, администрация 93 человека.
Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 792.

которые из 100 571 преступления совершили 55 709 (55,39 %). Меньше всего преступлений приходилось на рабочих в фабрично-заводской промышленности — 2141 (2,12 %).

На фоне происходящих событий (повышение числа преступлений, приводящее к возрастанию количества рассматриваемых уголовных дел и численности заключенных) в 1927–1929 гг. на территории Сибирского края неизменно действовали 23 места заключения. Несмотря на сохранявшуюся сеть пенитенциарных учреждений, в 1929 г.

количество штатных мест, установленных по нормативам ИТК 1924 г., резко сократилось, что означало урезку средств, тратящихся на содержание мест лишения свободы. Впрочем, фактор значительной их переполненности сохранялся на протяжении всего периода: 2,16 человека на место в 1927 г. и 2,15 человека на место в 1929 г. Такая ситуация свидетельствовала о том, что работа пенитенциарных учреждений не могла осуществляться в соответствии со статьями ИТК 1924 г.

Данные таблицы также указывают на то, что в пенитенциарной сфере продолжали применять осуждение на принудительные работы без содержания под стражей: из *таблицы 4* следует, что 15,6 % женщин были осуждены в 1928 г., но на конец 1928 г. в местах лишения свободы среди срочных заключенных женщин было всего 5,77 %. Несмотря на то что данная разновидность наказания использовалась, в частности, для разгрузки пенитенциарных учреждений, в период 1927–1929 гг. применение этой меры не смогло помочь разрешить возникшую проблему обеспечения нормальной, соответствовавшей нормативам ИТК деятельности мест заключения.

В 1926–1928/1929 гг. на территории СССР, и в частности в Сибирском крае, существовала двоякая ситуация в карательной политике. Государство усилило свои репрессивные функции, что проявилось в увеличение количества заявленных и рассматриваемых уголовных дел и в уменьшении оправдательных приговоров. Такое соотношение неизбежно вело к большему числу заключенных, несмотря на то что не все осужденные отправлялись в места заключения — существовала и действовала практика принудительных работ без содержания под стражей.

На этом фоне сокращалась поддержка государством мест заключения, проявившаяся в снижении штатных мест, на которые выделялись ресурсы жизнеобеспечения заключенных, что только ухудшало положение последних. Помимо этого, одной из задач пенитенциарных учреждений определялась профилактика рецидива преступлений, которую к концу 1920-х гг. реализовать им было невозможно, что создавало замкнутый круг. Однако вместо того, чтобы решать проблемы снижения роста преступности, государство переходит в 1929 и 1930 гг. к экстенсивному применению труда заключенных через рост лагерей и колоний, а также осужденных к принудительным работам без содержания под стражей, что имело своим прямым следствием резкое расширение масштабов и структуры государственной карательной политики, не считаясь с ресурсными затратами по ее осуществление.

Список литературы и источников

[1] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. №14. С. 417–419.

[2] Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года / Редакция _05.03.1926 (дата обращения: 04.08.2021).

[3] *Траскович Ф.* Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. №26. С. 733–734.

Исторический опыт деятельности органов инородческого самоуправления в Енисейской губернии в XIX веке (на материалах минусинских и ачинских инородцев)

Е. П. Мамышева,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается особая форма инородческого самоуправления инородцев Минусинского и Ачинского округов Енисейской губернии (хакасов — с 1917 г.) — степные думы, созданные в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. Отмечается, что важную роль в создании степных дум хакасов сыграл первый енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА самоуправление инородцев Сибири, реформы, «Устав об управлении инородцев 1822 г.», степные думы, исторический опыт.

Российская Федерация отличается пестрым полиэтничным и многоконфессиональным составом населения, что и сегодня ставит на повестку дня вопросы согласования интересов народов, сохранения самобытности каждого этноса и укрепления общегосударственной идентичности. Отношение РФ к составляющим ее территориям, в том числе и Сибири, во многом определяется историческим опытом их освоения и включения в орбиту государственных интересов Российской империи.

Российское государство, расширяя свои границы, сталкивалось с необходимостью удержания под своей властью этносов, каждый из которых имел отличительные особенности в социально-экономическом, культурном облике. Кроме того, требовалось создание механизмов их интеграции в систему общероссийских государственных связей, которые обеспечили бы целостность государства. На решение данных задач и было направлено «Сибирское учреждение» (Сибирская реформа М. М. Сперанского), введенное М. М. Сперанским в 1822 г. как наиболее полный комплекс регионального законодательства, состоящий из десяти законопроектов.

Следует отметить, что данная реформа является заметной историографической темой, которая привлекает внимание многих исследователей в силу глубины, масштабности, оригинальности проведенных мер. Следует согласиться с мнением исследователей о том, что «Сибирское учреждение» было важным шагом на пути рационализации местного управления, включения его в правовые рамки [1, с. 123]. В 2022 г. исполнится 200 лет с момента проведения преобразований М. М. Сперанского в Сибири, которые повлияли на развитие практически всех сторон жизни сибирского общества. В связи с такой значимой датой обращение к отдельным аспектам темы, которую с уверенностью можно назвать неисчерпаемой, представляется крайне необходимым.

Важнейшим элементом Сибирской реформы М. М. Сперанского были «Учреждение для управления сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев» [2, с. 88]. «Учреждение для управления сибирских губерний» явилось основой кодификации и определило систему бюрократическо-коллегиального управления краем [3, с. 84].

«Устав об управлении инородцев» закреплял правовое положение коренных народов Сибири в целом и новообразованной Енисейской губернии в частности. В его разработке активное участие принял будущий декабрист Г. С. Батеньков, который

> четко регламентировал структуру, права и обязанности всех ступеней управления и самоуправления инородческих народов [4, с. 126].

Создание в соответствии с названным актом степных дум минусинских и ачинских инородцев состоялось по инициативе и активному участию гражданского губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова, по существу, в обход «Устава об управлении инородцев» (указ предусматривал их организацию лишь у бурят), для чего от хакасов пришлось собрать «приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князцов» с просьбой об учреждении у них степных дум «по образцу забайкальских» [5]. На основе этих приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное затем восточносибирским генерал-губернатором А. П. Степанов. Обходя рамки устава, он расширил их права, придал думам не только хозяйственные, но также административно-судебные функции, в какой-то степени передавая им прерогативы судебных органов. Степные думы ознаменовали собой появление у кочевых народов собственных органов самоуправления, приспособленных к существующей системе государственного управления Российской империи. На территории, занимаемой хакасами, включенной в состав Минусинского и Ачинского округов новообразованной Енисейской губернии, были учреждены степные думы: Качинская, Койбальская, соединенных разнородных племен и Кызыльская. Действие «Устава об управлении инородцев» в Енисейской губернии началось с распоряжения енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова о переводе документа на языки местных народов, с рассылки вновь назначенным по уставу начальникам всех родов копий устава, печати и его наставления.

Степная дума была высшей ступенью самоуправления хакасов, состояла из родоначальника и избранных заседателей, старосты или князцов от всех родов или улусов, причем каждый староста имел собственную печать, которой заверялось каждое решение или приговор думы. Ни один из ее членов не получал жалованья, а родоначальник не обязан был находиться в думе каждый день. Заседатели работали по очереди, с их участием совершались все сделки и разбирательства, с которыми люди обращались в думу.

В соответствии с наставлением в компетенцию степной думы входили такие вопросы, как «народоисчисление, раскладка сборов, правильный учет всех сумм и общественных имуществ, распространение народной промышленности». Основной их обязанностью должна была стать забота о хозяйственном развитии объединяемых родов. Думы вели учет населения, его имущества. Степные думы, получив данные о необходимых сборах, делали раскладки на родовые управления в соответствии с их составом и возможностями [5, с. 30].

«Устав об управлении инородцев» предоставлял степным думам право ходатайствовать «у высшего начальства об общих пользах одного рода или целого племени». К примеру, родоначальник степной думы соединенных родов Николай Кызласов на протяжении 1861–1862 гг. обращался с прошением об освобождении сородичей «от исправления почтовой дороги» в Енисейское губернское правление. В своей докладной записке он убеждал, что дорожная повинность, на исполнение которой минусинский земский исправник требовал инородцев «с железными, деревянными орудиями, а равно и съестными припасами на один месяц», нанесет их хозяйствам значительный ущерб [5, с. 34]. Не дождавшись ответа от губернской власти, родоначальник обратился к исправляющему должность генерал-губернатора Восточной

Сибири. В письме Кызласов отмечал, что инородцы, занимаясь «зверопромышленностью, большую часть года проводят в тайге», а по возвращении оттуда «они исправляют домашние потребности... а частию по своей бедности для пропитания своих семейств находятся в разных работах у русских» [5, с. 35]. В ответ на это письмо Главное управление Восточной Сибири потребовало от енисейского гражданского губернатора и минусинского исправника «оказать возможное облегчение означенным инородцам при привлечении их к отправлению столь тягостной для них дорожной повинности» [Там же].

На думы возлагалась обязанность следить за правопорядком в улусах и их санитарным состоянием, а также за поведением сородичей в русских селениях. Приказом родоначальника степной думы соединенных разнородных племен предписывалось старостам улусов строго следить, чтобы

> они не смели курить в трубках табак, делать где-нибудь ссоры, драки, буйства, пьянство и тому подобное... в противном случае за неисполнение по сему подвергать исправительному полицейскому наказанию по распоряжению участковых заседателей [6, л. 9].

В русских же селениях инородцы могли проживать только после выдачи думой билета, за который необходимо было заплатить пять рублей.

Степные думы находились в непосредственном подчинении минусинского и ачинского окружных начальников и енисейского губернатора, без их утверждения любое думское решение, в том числе и избрание родоначальников и старост, считалось недействительным.

Устав требовал четкого ведения делопроизводственной документации, поэтому вопрос о найме письмоводителя являлся одним из основных, в решении проблемы подготовки кадров письмоводителя участвовало окружное начальство. К примеру, в письме (1856) минусинского окружного начальника в губернское управление отмечалось, что во время его проезда по кочевым инородцам он

> успел склонить их выбрать по одному мальчику с целью приготовить их к должностям письмоводителей через их обучение в Минусинском приходском училище в течение четырех лет на средства, собранные думой на содержание каждого мальчика в сумме не менее 70 рублей серебром [7, л. 3, 4].

Проведение устава в качестве правительственного законоположения было первым шагом по пути хотя бы некоторого оживления самоуправления в жизни народов Сибири. А. П. Степанов писал, что благодаря уставу «улучшилось совершенно состояние татар».

> Постигая в настоящее время свои соотношения к правительству, свои права и обязанности, свободный в вероисповедании, в отправлении судных своих дел по степным обычаям, платя малую часть от своих прибытков в казну государственную, избавленный от рекрутской и всякой личной повинности, имея свободную волю поступать в другое сословие и учреждать училища, — кочевой народ этот не может не питать священных чувств благодарности к незримому, но милосердному благотворителю их дел [8, с. 126].

Для обсуждения важных вопросов в думы регулярно приглашались представители, уполномоченные улусными обществами. Так, например, в июне 1877 г. в степной думе соединенных разнородных племен собрались родовые старосты 12 родов

с целью рассмотрения вопроса об изменении степных законов и обычаев инородцев. После обмена мнениями участники собрания пришли к выводу о том, что

> разбирательство между кочующими инородцами в настоящее время совершенно соответствует правилам нашего народа [9, л. 4].

Они отметили, что инородцы хотя и начинают присоединяться к управлению, существующему на общих законах Империи, но так как в них

> царствует наследственная огрубелость, переходящая от предков, то меры взысканий, налагаемые за проступок общими законами, на них действовать не будут [Там же].

Родовичи посчитали, что

> ввести порядок управления в кочующем народе можно будет только в то время, когда в народе этом воцарится образование, утратятся предания и изменятся обычаи [Там же].

Родоначальники обратились к губернским властям с просьбой «Устав об управлении инородцев» признать полезным, оставить его в своей силе и без всяких изменений до более удобного времени.

Однако миграции населения внутри инородческих ведомств и за их пределы привели к тому, что родовое административное деление перестало соответствовать фактическому расселению хакасов. Значительно ослабла общая зависимость между родами, наличие которой являлось условием образования степных дум. Во второй половине XIX в. «Устав об управлении инородцев» был признан «потребностям края уже несоответствующим», было высказано мнение о том, что необходимы интеграционные действия в сфере культурно-хозяйственной специфики инородцев, которые бы способствовали переводу их на оседлость, приобщению их к православию, унификации их управления по образу русских переселенцев.

Все эти обстоятельства и привели к замене со временем степных дум инородческими управами. В 1858 г. была упразднена Койбальская степная дума и в основном включена в состав Сагайской, а в 1864 г. вместо Качинской степной думы образована Абаканская инородческая управа.

Изменения, которые были внесены в «Устав об управлении инородцев» в 1850-х — 1880-х гг., а также реорганизация степных дум у хакасов и бурят вызвали к жизни в 1892 г. новый закон под названием «Положение об инородцах» [10, с. 165]. В ноябре 1892 г. вышло предписание иркутского генерал-губернатора за № 85 об упразднении степных дум на территории Енисейской и Иркутской губерний и учреждении вместо них инородческих управ. На основании этого предписания Минусинское окружное полицейское управление приняло решение о ликвидации степной думы соединенных разнородных племен и образовании вместо нее Аскизской управы [11, л. 7]. Последней была образована Кызыльская инородческая управа Ачинского округа. Инородная управа перестала быть оригинальным учреждением самоуправления минусинских и ачинских инородцев. Ее компетенция стала аналогичной предметам ведения и порядку действий органов волостного правления.

Список литературы и источников

[1] *Гергилев Д. Н.* Административное управление Сибирью в XVIII — первой трети XIX века. Красноярск, 2016. 172 с.
[2] *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93.
[3] *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.
[4] *Борисов А. А., Дамешек Л. М.* Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 1 (6). С. 123–135.
[5] *Мамышева Е. П.* Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.). Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 124 с.
[6] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1411.
[7] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. И-5. Оп. 1. Д. 7.
[8] *Степанов А. П.* Енисейская губерния. Красноярск. 224 с.
[9] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1202.
[10] *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* История органов местного самоуправления бурят в XIX — начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
[11] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1412.

Деятельность Енисейского военкомата в годы Великой Отечественной войны

Д. В. Мариловцев,
заведующий научно-просветительским отделом,
КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается деятельность Енисейского военкомата в годы Великой Отечественной войны через призму архивных документов данного периода и мемуарного материала свидетелей тех дней.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейский военкомат, Великая Отечественная война, военнообязанные, призыв, эвакогоспиталь, свидетельство о болезни военнослужащего.

Великая Отечественная война стала суровым экзаменом для Енисейского военкомата. Все военные комиссариаты СССР в соответствии с административным делением нашей страны функционировали в союзных и автономных республиках, краях, областях, городах и районах. Военкоматы решали возложенные на них задачи, опираясь на повседневную помощь местных партийных, государственных органов и общественных организаций.

История Енисейского уездного военкомата начинается сразу после свержения в Енисейске колчаковцев в 1919 г. Точной даты нет, однако, согласно архивным документам, в 1919 г. военкомат уже вел деятельность на основании утвержденных нормативных документов. Основными функциями Енисейского уездного военкомата были проведение допризывной подготовки и всеобщее воинское обучение населения, агитационно-просветительская деятельность и политическое воспитание войск. За годы Великой Отечественной войны Енисейским районным военкоматом были призваны на фронт 16 737 человек, а домой вернулись 11 119 воинов [3].

В годы войны Енисейский районный военкомат размещался на улице Ленина, 94 (современный адрес). Перед началом Великой Отечественной войны в состав военкомата входил и Северо-Енисейский район Красноярского края. Военнообязанные Енисейского района в основном не служили в армии срочной службы из-за льготы как северяне, поэтому не имели военной подготовки. Так, жители Маковского и Лосиноборского советов до 40-летнего возраста не проходили очередных призывов в армию. Их приходилось брать на учет как призывников и работать с ними отдельно, учитывая, что они верующие. Енисейский военкомат тесно работал с руководителями колхозов и предприятий города. В частности, по созданию фонда «Лошадь Красной армии» (Указ от 20 августа 1939 г. ВС СССР). Работа лошади с повозкой с упряжью, выделение автотранспорта были для председателей колхозов и руководителей предприятий в диковинку. Приходилось обучать и готовить военнообязанных через сокращенные программы Осоавиахима (советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг., предшественник ДОСААФа). Часть военнообязанных отправляли на сборы в другие города [1].

Енисейский военкомат занимался не только административными вопросами, но и обучающими. Так, при помощи фотографий, сделанных в Красноярске, Енисейске, по образцу изготавливались армейские повозки. Требовалось время для того, чтобы местные лошади привыкли к ним, так как для транспортировки грузов и людей простые телеги не подходили. Было организована сборка повозок на местных лесоза-

водах с дальнейшим их приобретением колхозами и предприятиями. Зимой 1941 г. Енисейский военкомат совместно с медицинскими работниками Енисейской больницы провел объезд сельских советов Енисейского района с целью мониторинга здоровья военнообязанных и их семей. В деревнях проводились тревоги с оперативным поднятием военнообязанных. На призывные пункты приходили семьями, люди чувствовали приближающееся дыхание войны и понимали, что мужчин на производстве и в сельском хозяйстве скоро заменят женщины и подростки. Происходила постепенная перестройка хозяйства на военный лад. В Енисейском военкомате с 1941 г. трудилось четыре человека. Симонов Николай Павлович — комиссар, Прокопьев — начальник I части военкомата, Кондратьев — помощник начальника II части, бухгалтер-счетовод и сторож-конюх Ивакин. В Северо-Енисейском районе призывом и мобилизацией занимался специалист райисполкома Дрянных [2].

Жителей прибрежных районов Енисея Енисейский военкомат отправлял в морфлот. Например, наш земляк Назаров Петр Гаврилович был отправлен служить на Дальний Восток. Таежных ребят преимущественно отправляли в пехоту, горняков — в саперы. 22 июня, около 14.00 по местному времени, в Енисейский военкомат по телеграфу пришло сообщение о начале войны, подписанное наркомом обороны Тимошенко. В тот же день Енисейский военкомат командировал партийный актив на территории для информирования населения о сложившейся ситуации и его роли для оказания помощи фронту. В первые дни войны на фронт призывались узкие специалисты, которые нужны были в первую очередь. Было много желающих добровольцев сразу уйти на фронт, но отправить всех сразу было невозможно, так как для этого были необходимы значительные финансовые и административные ресурсы. С августа 1941 г. Енисейский военкомат должен был призывать и направлять всех военнообязанных в возрасте от 20 до 55 лет на пересыльный пункт крайвоенкомата в Красноярск. Из Енисейска на пароходе «Маяковский» в 1941 г. на пересыльный пункт были доставлены около пяти тысяч человек, много лошадей и других грузов, предназначенных для фронта [1].

В первые дни войны в Енисейск были эвакуированы из Красноярска тресты «Золотопродснаб», «Севполярлес», финансовый техникум. Военкомат работал не только по прямому призыву в армию. Он занимался вопросами обеспечения семей офицеров деньгами совместно с райсобесом. Важной работой была рассылка извещений с фронта, особенно связанных со смертью. В военкомат вызывались родные или родственники погибшего и им вручались извещения. Военкомат также принимал участие в отправке и организации посылок на фронт. Например, известен тот факт, что енисейцы готовили для фронта пельмени и несколько машин в год отправляли в Красноярск для дальнейшей транспортировки [1].

Также отправлялись тысячи шуб, полушубков, рукавиц, теплых шапок. Собиралась овечья шерсть, которая в дальнейшем перерабатывалась горпромкомбинатом в валенки и полушубки. Существовал план заготовки хлеба. Часто приходилось его сохранять и доставлять в заготовительные пункты в экстремальных условиях. Так, известен случай в Енисейском районе, когда при переправе 30 подвод с зерном из д. Еркалово Енисейского района в Енисейск произошла подвижка льда на Енисее и обозы чуть не унесло вниз по реке. Все закончилось благополучно, лед остановился, и груз удалось переправить в Енисейск [1].

Помогали фронту и колхозы. Колхоз им. Ворошилова (с. Плотбище Енисейского района) продал излишки меда на сумму около двух миллионов рублей для строительства танковой колонны, за что получил благодарственную телеграмму от И. В. Сталина. В 1941 г. «Севполярлес» получил от Государственного комитета обороны задание по изготовлению для фронта 100 тысяч пар лыж, а на военкомат был возложен контроль за исполнением этого постановления. Это сложное задание выполняли военно-

обязанные старшего поколения, которых мобилизовал военкомат на Маклаковский завод. Многие из них были по специальности столярами и плотниками. По итогу приемки лыж государственная комиссия высоко оценила качество полученных изделий. Из Маковского и Лосиноборского сельсоветов отдельные военнообязанные часто скрывались в лесу от призыва и только после успехов Красной армии объявлялись добровольно. Надо сказать, что Енисейский военкомат довольно лояльно относился к данной категории и часто предоставлял им возможность искупить на фронте свои проступки. Также были случаи, когда военкомат призывал в армию осужденных по мелким бытовым делам, так как в 1942–1943 гг. был дефицит призывников.

Важной частью работы Енисейского военкомата в годы войны была работа с документами призывников. Так, учет призванных в Красную армию фиксировался в специальной книге учета призывников. В ней записывалось имя, отчество и фамилия призывника, дата рождения, адрес места жительства. Эту книгу еще называли «алфавитка», так как призывники шли в ней по алфавиту. В этих книгах предусмотрительно оставляли чистое место с запасом для будущих призывников. Всего за годы войны в Енисейском военкомате были заведены пять учетных книг [5].

Отдельной книгой фиксировался комначсостав, призванный в Красную армию с 28 июня 1941 г. по 12 октября 1943 г. Всего за годы войны из командного состава Енисейским военкоматом было призвано 125 человек [4].

Также Енисейский военкомат фиксировал убитых, пропавших без вести и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны енисейцев, которые ушли на фронт из этого военкомата. Данная книга содержала фамилию, имя, отчество фронтовика, его часть, звание, дату события и номер нормативного документа, на основании которого делалась запись [5].

Отдельным блоком работы Енисейского военкомата была работа с извещениями о погибших и пропавших без вести военнослужащих. Воинские формирования письменно информировали военкоматы о том или ином событии (смерть или пропажа без вести). В этих извещениях обычно в правом углу находился номер и наименование части. В тексте извещения указывалась фамилия, имя, отчество военнослужащего, его родственная принадлежность к получателю, место гибели и место захоронения. Для военнослужащих, пропавших без вести, обычно указывалось место, где он пропал. В содержании извещения всегда был важный пункт, который уведомлял получателя об обязательном ходатайстве о пенсии. Семья погибшего получала право на пенсию согласно приказам Народного комиссариата обороны. Много извещений приходило от медико-санитарных батальонов, где врачи и медицинский персонал после ранений спасали жизни бойцов Красной армии. Не всегда это удавалось. Вот текст из одного извещения от 30 августа 1942 г. № 485, которое пришло в Енисейский военкомат из 108-го отдельного медико-санитарного батальона.

> Сержант Бабурин Гавриил Ефимович, 1919 года рождения, уроженец Красноярского края города Енисейска, проживающий по адресу: улица Рабоче-Крестьянская, дом 32, в бою за социалистическую Родину, верный присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ранений 28 августа 1942 года. Похоронен в деревне Строево Юхновского района Смоленской области. Северо-Восточная окраина, 750 метров от деревни, могила № 1 [6].

Также Енисейский военкомат в годы войны осуществлял сопровождение семей военнослужащих, которые потеряли кормильца. Так, Красноярский краевой военный комиссариат СибВО через специальные формуляры запрашивал у военкоматов исполнение по выплатам семьям погибших военнослужащих на основании приказов Народного комиссариата обороны № 242 (1941) и № 140 (1942). В формуляре содержа-

лось воинское звание военнослужащего, дата гибели, а также основание для назначения пенсии семье погибшего по приказам Народного комиссариата обороны № 220 от 16 мая 1941 г. и № 75 от 13 марта 1942 г. На обороте указывался адрес семьи и фамилия, имя, отчество получателя пенсии по утере кормильца.

Отдельным блоком велся учет свидетельств о болезнях и ранений. При эвакогоспиталях были специальные комиссии, которые проводили медицинское обследование после ранений и болезней военнослужащих с дальнейшими рекомендациями по прохождению службы. Данное свидетельство обязательно пересылалось в военкомат, из которого призывался конкретный военнослужащий. Свидетельство содержало подробную информацию о военнослужащем. Также свидетельство содержало краткий анамнез, жалобы, порядок медицинских исследований и этапы лечения. На основании расписания болезней, которые были приняты согласно приказу Народного комиссариата обороны СССР, военнослужащий признавался годным или нет к дальнейшей военной службе. Основными диагнозами в свидетельствах о болезнях, которые приходили в Енисейский военкомат в 1942–1945 гг., были последствия осколочных ранений различных частей тел военнослужащих. Так, в свидетельстве о болезни № 694–749 от 27 июля 1942 г. комиссия при эвакогоспитале № 4453 г. Ленинабада констатирует, что красноармеец Акулов Василий Васильевич 1903 г. р. был ранен 20 мая 1942 г. в сустав на Калининском фронте осколком мины и разрывной пулей в левое бедро. После лечения у красноармейца были зафиксированы ограничения в движении в левом коленном суставе.

На основании ст. 54 гр. II расписания болезней приказа Народного комиссариата обороны СССР 1940 г. № 184 красноармеец был призван следовать к увольнению в отпуск на 45 дней с дальнейшим переосвидетельствованием [7].

При более серьезных ранениях военнослужащих признавали негодными к военной службе на 12 месяцев также с дальнейшим переосвидетельствованием.

Именное такое ранение получил сержант 204-го стрелкового полка Высотин Филипп Васильевич 8 мая 1942 г. Из свидетельства болезни № 742 госпиталя № 3102 следует, что осколок мины попал в левое плечо. В результате военнослужащему был диагностирован паралич лучевого нерва, в результате которого левая кисть сержанта практически перестала функционировать [7].

Таким образом, деятельность Енисейского военкомата в годы Великой Отечественной войны не сводилась к только учету военнообязанных и мобилизационной работе. В годы войны военкомат тесно взаимодействовал с широким кругом организаций и учреждений по вопросам обеспечения Красной армии продовольствием, лошадьми, теплыми вещами. Держал на контроле и организовывал исполнения постановлений Государственного комитета обороны, вручал извещения родным и родственникам погибших и пропавших без вести, вел системный учет раненых и прошедших медицинское переосвидетельствование. Все эти шаги вносили системное понимание происходящих событий в условиях военного времени, что способствовало быстрому преодолению ведомственной разобщенности местных органов власти, предприятий и организаций в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы и источников

[1] КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». Воспоминания Симонова Николая Павловича — военкома г. Енисейска. О/ф 8469–1.

[2] КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». Воспоминания Симонова Николая Павловича — военкома г. Енисейска. О/ф 8486–3.

[3] Книга памяти Красноярского края. Т. 3. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. С. 246.
[4] ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Военный комиссариат города Енисейска и Енисейского района. Комначсостав, который был призван в РККА Енисейским военкоматом. Кн. II.
[5] ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Военный комиссариат города Енисейска и Енисейского района. Книга учета убитых, пропавших без вести и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны, призванных Енисейским военкоматом. Кн. III.
[6] ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Военный комиссариат города Енисейска и Енисейского района. Извещения погибших и пропавших без вести военнослужащих за 1942 г., призванных Енисейским военкоматом. Дело № 4.
[7] ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Военный комиссариат города Енисейска и Енисейского района. Свидетельство о болезнях военнослужащих за 1942–1947 гг., призванных Енисейским военкоматом. Дело № 2. Т. 1.

Современные проблемы изучения социального активизма научной молодежи новосибирского Академгородка 1958–1971 гг. в историографическом аспекте

Д. И. Муренко,
аспирант, Институт истории СО РАН; ассистент, НГУЭУ, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В статье продемонстрированы основные подходы к изучению общественной жизни новосибирского города науки в 1960-х гг. Сделан вывод о том, что более глубокое изучение молодежного компонента в развитии сибирской науки обладает актуальностью с позиции методологической и историографической ценности, которая значительно дополнит целый ряд разнообразных методик, обеспечивающих более системное исследование истории региональных научно-образовательных комплексов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА историография, наука, молодые ученые, СО АН СССР, комсомол, социальная история науки.

В постсоветский период феномен новосибирского наукограда стал предметом критического рассмотрения историками [4, 12, 13, 25]. По мысли Е. Г. Водичева, история Академгородка по-прежнему представляет комплекс утвердившихся еще в советскую эпоху мифологем, согласно которым в первые годы существования Академгородка почти удалось построить «коммунизм в одном отдельно взятом городе». Фактически в освещении истории СО АН и Академгородка есть некоторый набор устоявшихся штампов, которые лишь отчасти соответствуют историческим реалиям, а порой совсем им не соответствуют. Водичев выделяет некоторые из них: миф о концепции нового научного комплекса; миф о реализации замысла; миф о мотивации переезда в Сибирь ученых; миф о трактовке, что в НИИ Академгородка проводились принципиально новые работы, имевшие огромное значение как для фундаментальной науки, так и для народно-хозяйственной практики; миф о локальном научном сообществе. Согласно последнему мифу, складывалось впечатление, что Академгородок жил по своим законам, что это сообщество ученых в целом было бесконфликтным, а сложившиеся отношения между отдельными когортами городковских жителей складывались почти идеально. Это был мир, которым управляли мудрые лидеры, представлявшие само научное сообщество. Между ними также существовало взаимопонимание, сохранялись самые добрые отношения и отсутствовали разногласия, а тем более конфликты. Каждый имел возможности для саморазвития и карьерного роста при условии упорного труда и соблюдения корпоративных ценностей [4, с. 10].

Поскольку мифологемы начали формироваться еще в советское время с момента выхода первых публикаций об Академгородке, их основные постулаты перекочевали в научную литературу и стали частью мемуарной литературы первых поколений «аборигенов», вспоминавших о себе и своем городе как о пространстве свободы, творчества и научного поиска посреди тайги и тоталитарного государства. Этот миф жанрово и органично вплетается в более общий интеллигентский миф об «оттепели», что отобразилось в виде концепции феномена Академгородка, где зарождение некоторых структур гражданского общества описывалось как нечто даже более важное, чем научные открытия.

В исследовательской проблематике истории Академгородка основное внимание ученых сосредоточено на следующих вопросах: исторические условия и предпосылки

формирования данного научного комплекса, процесс его создания; основные мероприятия партийно-государственных и научно-организационных структур по становлению и развитию сибирского города науки; взаимоотношения научного сообщества с властными структурами; формирование кадрового потенциала, организационных структур и материально-технической базы научно-исследовательских учреждений; деятельность научно-исследовательских учреждений по развитию соответствующих отраслей научного знания; интеграционные процессы, контакты между различными научными дисциплинами; взаимодействие основных сегментов регионального научно-образовательного комплекса: академической, вузовской и отраслевой науки, НИИ и образовательных структур, в первую очередь НГУ; международные связи регионального научного сообщества; практическая реализация научных разработок [12, с. 134].

Таким образом, большинство имеющихся работ посвящены истории СО РАН в целом и молодежную проблематику затрагивают лишь по касательной. В юбилейном издании, подготовленном к 50-летию СО АН, говорится только о специфике подготовки молодых научных кадров и создании физико-математической школы при НГУ. При этом отмечается, что новое поколение специалистов высшей квалификации в СО АН было очень молодо, гораздо моложе, чем в других учреждениях Академии наук [26, с. 277].

В качестве отдельного направления в историографии следует выделить работы, затрагивающие социокультурные и общественно-политические аспекты истории Академгородка. Обращает на себя внимание совместная статья двух новосибирских ученых — Е. Г. Водичева и Н. А. Куперштох [6]. Авторы смогли в широком социокультурном контексте и на конкретно-историческом материале показать основные компоненты этоса локального научного сообщества, оценить их влияние на развитие комплекса научных учреждений, проанализировать принятые в научном сообществе нормы поведения, связанные с непосредственным содержанием научной деятельности, взаимоотношениями ученых, регулированием научной деятельности со стороны общества и государства. Важным аспектом статьи является анализ представлений ученых о социальной роли и функциях науки. Данный аспект получил развитие в последующих работах Е. Г. Водичева, Н. А. Куперштох [7, 8]. Однако и в названных работах молодежь не выделяется в виде отдельного сегмента.

Говоря об общественно-политической составляющей активности молодой интеллигенции, необходимо упомянуть публикацию И. С. Кузнецова, посвященную наиболее значимому и резонансному проявлению оппозиционной активности ученых Академгородка в начале 1968 г., когда 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения гласности в ходе судебного процесса над четырьмя московскими «диссидентами» [18]. Другие работы И. С. Кузнецова также повествуют о традициях диссидентства и политического разномыслия в местной академической среде, в которых затрагиваются темы тоталитаризма и сопротивления ему [17].

Все перечисленные работы, взятые как целое, дают лишь фрагментарную картину, в которой Академгородок распадается на множество отдельных контекстов, но ни один из которых не объясняет феномен молодежного активизма. Практически нет серьезных обобщающих работ об Академгородке как социальной структуре. Единственной обобщающей работой является книга американского историка Пола Джозефсона [28]. Впервые в монографии Джозефсона Академгородок представлен в качестве социальной утопии. Американский исследователь пришел к выводу, что первоначальная модель «республики ученых», носившая в немалой степени утопический характер, в дальнейшем подверглась необратимой деформации, особенно после событий 1968 г. Как подчеркивает историк, эти репрессивные меры и усиление идеологического контроля имели для Академгородка далеко идущие последствия и стали

началом его деградации и в научном, и в общественном плане. Впоследствии данный тезис развил и поддержал И. С. Кузнецов [19].

Наиболее близок к проблематике молодежного активизма оказался новосибирский историк А. Г. Борзенков, написавший трехтомную монографию [2]. Он первый рассмотрел самодеятельные политизированные искания молодежи на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в последние три десятилетия существования СССР, условия и факторы, способствовавшие неформальной общественно-политической активности молодежи, инициативы как нонконформистского, так и патриотического, интернационального характера. Основная ценность его монографии заключается в том, что кроме архивных документов, материалов периодической печати представлены многочисленные записи бесед с участниками общественно-политических процессов. Борзенков пришел к выводу, что на востоке России существовала своеобразная terra incognita политизированных самодеятельных начинаний, которая оставалась вне поля зрения как советских, так и постсоветских историков. Несмотря на все очевидные достоинства монографии, молодежь ННЦ не является в ней отдельным объектом изучения. Фокус исследования имеет достаточно широкие территориальные и хронологические рамки, чтобы описать все возможные формы молодежного активизма, поэтому Борзенков сосредоточился лишь на общественно-политической жизни. Да и основной его социальный объект изучения — прежде всего студенчество. Центральная идея Борзенкова о том, что именно студенты были основной силой общественной активности, весьма уязвима с позиций исторической реальности.

Продолжателем исследования общественно-политической жизни студенчества в Академгородке стала американская исследовательница (в прошлом выпускница НГУ) И. В. Жежко-Браун [9, 10]. Несмотря на все достоинства, в статье явно неубедительно обоснована правомерность применения термина «студенческое движение» к оппозиционным явлениям в новосибирском Академгородке, что требует дополнительной верификации.

Второй по значимости блок в историографии проблемы молодежного активизма в среде Академгородка составляют мемуары. Здесь мы сталкиваемся со специфической ситуацией: конечно, по формальным критериям мемуары относятся к источникам, но аналитический уровень некоторых из них не уступает уровню профессиональных историков. В качестве примера следует привести статью к. т. н., сотрудника Института катализа СО РАН И. И. Коршевера [20]. Игорь Иосифович в 1960-х гг. являлся третьим секретарем Советского РК ВЛКСМ. По своему содержанию рассматриваемая мемуарная публикация поистине уникальна, поскольку является единственной работой такого рода, написанной глубоким знатоком вопроса. При этом, разумеется, рассматриваемая работа требует критического к себе отношения. Так, по утверждению Коршевера, «зерна социального протеста» были занесены в Академгородок из московских студенческих общежитий еще первыми поселенцами, но, несмотря на это, общественная жизнь Академгородка в первой половине 1960-х гг. протекала спокойно. Однако это утверждение не вполне согласуется с историческими фактами.

Высокую информационную ценность представляют опубликованные в Интернете обширные воспоминания из 22 книг М. С. Качана [11]. Автор мемуаров в прошлом ученый, глава объединенного профсоюзного комитета Новосибирского научного центра. Находясь в «треугольнике» власти, Качан много знал о внутренней жизни высших должностных лиц Сибирского отделения Академии наук СССР и описал множество ранее неизвестных фактов. Большое место занимает тема научной молодежи, поскольку Качан был молод сам и вокруг него клубились молодые энтузиасты. Минусом мемуаров Качана является преувеличение значения профсоюзного комитета, невольно поставленного автором в центр общественной жизни Академгородка.

Краткий обзор литературы показывает, что социальный активизм научной молодежи Академгородка изучен не полностью. В то же время уже решен ряд важных вопросов: выявлены важные тенденции в общественной жизни СО АН, описаны основные политические события конца 1960-х гг., рассмотрены основные факторы мировоззренческих позиций научной интеллигенции, объяснены основные формы и практики студенческого политического активизма. Однако многие вопросы оставались за рамками рассмотрения. К ним необходимо отнести особенности развития комсомольской организации СО АН; соотношение институционального и внеинституционального активизма, диффузное взаимовлияние различных форм активизма, специфика трудового и профессионального активизма. Решение этих проблем поможет глубже понять значение феномена шестидесятничества и первого советского города науки как определенного проекта советской политической и административной организации большой науки в контексте социальной истории региона и страны в целом.

Список литературы

[1] *Артемов* Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.

[2] *Борзенков* А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.): монография: в 3 ч. Новосибирск: НГУ, 2002–2003.

[3] *Борзенков* А. Г. Бардовский фестиваль 1968 г. в новосибирском Академгородке через призму документов // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 2. Вып. 2. История. С. 152–165.

[4] *Водичев* Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды» // Идеи и идеалы. 2018. № 1 (35). Т. 1. С. 9–26.

[5] *Водичев* Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск: Гео, 2012. 348 с.

[6] *Водичев* Е. Г., *Куперштох* Н. А. Формирование этоса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научного центра) // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, С. А. Красильников. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 85–124.

[7] *Водичев* Е. Г., *Куперштох* Н. А. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (История «письма 46-ти») // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 1. Вып. 3. История. С. 80–84.

[8] *Водичев* Е. Г., *Куперштох* Н. А. Система ценностей научного сообщества в новосибирском Академгородке в 1960-е годы // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 85–124.

[9] *Жежко-Браун* И. В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья первая // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). Т. 1. С. 136–156.

[10] *Жежко-Браун* И. В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья вторая // Идеи и идеалы. 2016. № 4 (30). Т. 1. С. 109–134.

[11] *Качан* М. С. [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/avtor/mikat (дата обращения: 21.07.2021).

[12] *Кузнецов* И. С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 1. С. 130–140.

[13] *Кузнецов* И. С. Становление историографии новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 12–22.

[14] *Кузнецов И. С.* У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск: НГУ, 2007. 167 с.
[15] *Кузнецов И. С.* Новосибирский научный центр: Хроника становления: учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск: НГУ, 2007. 262 с.
[16] *Кузнецов И. С.* Рождение Академгородка. 1957–1964. Док. летопись: учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск: НГУ, 2006. 197 с.
[17] *Кузнецов И. С.* Общественные настроения ученых новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 7. Вып. 1. История. Новосибирск, 2008. С. 245–255.
[18] *Кузнецов И. С.* Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Док. издание. Новосибирск: Клио, 2007. 332 с.
[19] *Кузнецов И. С.* Новосибирский Академгородок как социальная утопия позднего социализма // Коммуникативная культура современности: материалы VI Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. С. 17–19.
[20] *Коршевер И. И.* От города солнца к городу зеро // Наука в Сибири. 2001. № 32–33.
[21] *Куперштох Н. А.* Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х — 1960-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 1999. 151 с.
[22] *Куперштох Н. А.* Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 441 с.
[23] *Куперштох Н. А.* Очерки о лидерах академической науки Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Гео, 2011. 155 с.
[24] *Куперштох Н. А.* Развитие Новосибирского научного центра в советский период // Всеобщая история. 2012. № 9. С. 13–20.
[25] *Пискунов М. О.* «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147.
[26] Российская академия наук, Сибирское отделение: исторический очерк: 1957–2007 / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин, Л. Б. Ус, М. Ю. Черевикина; отв. ред.: Н. Л. Добрецов, А. А. Ламин. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.
[27] *Узбекова Ю. И.* «Центр» и «периферия» в развитии вузов Сибири во второй половине XX в. // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала: сб. науч. ст. Новосибирск, 2008. С. 95–107.
[28] *Josepson Paul R.* New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian Citi of Science. Princeton, New Jersey, 1997. P. 297–298.

История принудительных миграций: историческая (травматическая) память

М. В. Резник,
магистрант 2-го курса исторического факультета,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Принудительные миграции на территории нашей страны издавна были связаны с потребностью колонизации земель, а также переселением неугодных и опасных членов общества. Сибирь стала одним из центров, принимающей стороной для многих тысяч сосланных людей, принадлежащих к таким народам, как финны, немцы, калмыки, поляки, курды, корейцы, татары и др. По-разному сложились судьбы этих людей. В докладе подробно рассказывается об одном из таких репрессированных. Калмык Алексей Гучинович Балакаев (1928–1998) оказался сослан в Сибирь подростком. Суровая северная земля раскрыла в нем литературный дар и сделала его известным писателем Красноярского края и Калмыкии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА репрессированные народы, принудительная миграция, депортация, Сибирь, калмыки в Красноярском крае, Балакаев.

В огромном спектре направлений общественной жизни, регулируемых деятельностью государства, миграционная политика — одно из самых сложных, противоречивых, болезненных для нашей страны. В отличие от многих других сфер, она не затрагивает лишь отдельные стороны жизни человека — здоровье, образование, занятость, — она включает их комплексное преобразование, коренное изменение условий существования.

Миграции (от латинского migratio) — перемещения людей между отдельными территориями и поселениями, связанные с постоянной, временной или сезонной переменой ими места жительства [16, с. 160]. Главная причина миграций — экономическая, но значительную роль также играют политические, национальные, религиозные и другие причины. Миграции бывает двух видов: внутренние и внешние (эмиграция и иммиграция). Во время СССР практически не было внешней, межгосударственной миграции населения. Въезд и выезд из страны без специальных разрешений были невозможны. При этом правительство поддерживало переселенческие процессы, продолжая колонизацию Сибири и Дальнего Востока.

Масштабы принудительных миграций в СССР были огромны. Можно выделить два типа депортаций:

— репрессивная — выселение одного этноса в другую часть страны;
— насильственная — принудительное переселение части этноса на освободившиеся по разным причинам земли.

Одной из репрессивных форм организованной миграции стала депортация целых народов и «зачистки» приграничных районов. Во время Великой Отечественной войны депортации осуществлялись по национальному признаку. В качестве причин выдвигались следующие: политические, наказание за пособничество врагу, превентивные меры для устрашения, военно-стратегические и другие меры. Депортации привели к массовой гибели людей. Депортациям внутри страны в 1930-х — 1950-х гг. и послевоенным репатриациям подверглись около 12 миллионов человек. В это время возникли так называемые спецпоселения, повлекшие травматические изменения в образе жизни, национальном самосознании, культуре и языке целых народов.

В годы Великой Отечественной войны одним из сосланных в Сибирь калмыков был Алексей Гучинович Балакаев (1928–1998). Он родился 10 февраля 1928 г. в Калмыцкой АССР под именем Алексея Балакана. В пятнадцатилетнем возрасте в годы сталинских репрессий оказался выслан в Сибирь вместе со многими калмыками.

А. Г. Балакаев

С 1943 по 1957 г. жизнь будущего народного писателя Калмыкии была связана с Красноярским краем. Здесь он обучался в Красноярской художественной школе имени Сурикова, работал учителем рисования, начал заниматься литературной деятельностью.

В романе «Тринадцать дней, тринадцать лет» А. Балакаев повествует о горькой участи калмыцкого народа в годы сталинских репрессий.

Как сообщает историк В. Убушаев:

> ...депортация калмыков в восточные районы страны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и постановлением СНК от 28 октября 1943 года НКВД осуществлялась оперативно и жестоко. Морозным утром 28 декабря 1943 года начались горькие испытания калмыков. В 46 эшелонов было погружено 26 359 семей в количестве 93 139 человек. В нечеловеческих условиях ехали 13 дней разутые и раздетые старики, женщины и дети (большинство мужчин в то время воевало на фронте). Многие скончались в дороге, не выдержав голода и холода. За первые два с половиной месяца погибло 11 466 человек. По первому этапу переселения было депортировано 93 тысячи калмыков, по второму — более 2,5 тысячи, по третьему — около 1200 человек. Добавим к ним более 15 тысяч калмыков-мужчин, отозванных из Красной Армии в 1944 году. В Красноярский край прибыло 12 эшелонов с калмыками-переселенцами. В них 7525 семей в количестве 24 998 человек, из них мужчин — 448, женщин — 8845, детей — 11 705 [13, с. 1].

Обложка романа «Тринадцать дней, тринадцать лет»

Самые трагические страницы биографии Балакаева связаны с войной, во время которой он потерял отца. Потом была Сибирь, холод и голод. Его переживания и тоска по родной земле четко отражены в романе «Тринадцать дней, тринадцать лет» и рассказе «Три рисунка», переведенном на 25 языков мира. Подросток Бадма — главный герой романа «Тринадцать дней, тринадцать лет» рассказывает о том, что довелось пережить самому Балакаеву. Вместе с матерью, сестренкой и двухлетним братишкой он оказался далеко от дома — в Козульском районе Красноярского края. Во время Великой Отечественной войны спецпереселенцы, находясь на территории Сибири, трудились в основном в лесной и горной промышленности, работали в сельском хозяйстве. С января 1944 г. по февраль 1945 г. Балакаев жил в д. Красный Яр Козульского района, работал в колхозе «Победа», потом

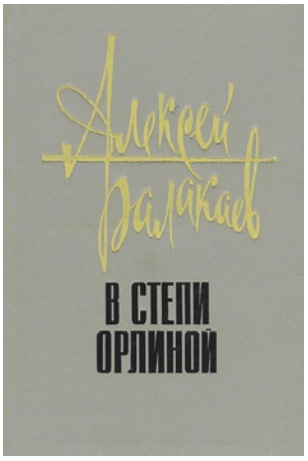
с февраля 1945 г. работал в Козульке в «Заготзерно», сначала грузчиком, затем учеником плотника. В январе 1946 г. он работает чистильщиком стрелок на железной дороге, позднее художником в красном уголке. Выжить помогли отзывчивые сибиряки. В очерке «Выслан навечно...» Балакаев отмечает:

> Сибиряки, мои дорогие и милые сибиряки в первый же день распознали нас, калмыков. Они увидели своими собственными глазами, кого к ним привезли — стариков и женщин, детей и подростков, убогих и беззащитных, голодных и гонимых. Сибирячки побежали по домам, принесли вареную картошку, молоко в крынках, накормили и согрели душевной щедростью. Сибиряки, русские и украинцы, белорусы и чуваши, татары, давно освоившие дикие и холодные земли, одни — попавшие насильственно, другие — в поисках свободной земли, спасли нас от верной смерти, поголовного исчезновения с лица земли... [13, с. 1].

Обложка повести «Солнце, благослови меня»

Позднее Балакаев напишет повесть «Солнце, благослови меня» — о подростке, к которому в трудные годы войны внезапно приходит первая любовь. Мы не знаем наверняка, основана ли книга на реальных событиях, но можно утверждать, что ее идея сформировалась на сибирской земле.

Балакаев на всю жизнь запомнил свою встречу с известным писателем Сергеем Сартаковым, который обратил внимание на рассказ Балакаева «Первые шаги». Благодаря его поддержке рассказ был опубликован в 1948 г. в газете «Красноярский рабочий». С тех пор тема Сибири и пребывание в ней калмыков стала ведущей в творчестве Балакаева. Романы «Звезда над Элистой», «Дикие собаки», «Тринадцать дней, тринадцать лет», повести «Три рисунка», «Судите меня сами», очерки «Выслан навечно...», «Лихая година» и другие произведения посвящены тем памятным годам.



Обложка романа «В степи орлиной»

Вышедший в дальнейшем роман А. Балакаева «В степи орлиной» рассказал о том, как в 1942–1943 гг. на территории Калмыкии проходила борьба с фашистскими оккупантами. Несмотря на несправедливость и ссылку, Балакаеву удалось показать в своей книге, что только интернациональное единство русских, калмыков, украинцев и других народов помогло освободить Родину от страшного врага.

Только в 1957 г., спустя тринадцать лет после восстановления Калмыцкой автономии, депортированным калмыкам разрешили вернуться домой. Вместе с ними уехал и А. Г. Балакаев. Он продолжил заниматься литературной работой, был главным редактором Калмыцкого книжного издательства. Сегодня творчество Алексея Гучиновича Балакаева признано достоянием всероссийской и мировой классики.

История принудительной миграции А. Г. Балакаева является редким случаем со счастливой судьбой. Но важно

помнить и то, сколько тысяч людей не смогли адаптироваться к сибирским условиям и погибли. Историческая (травматическая) память — это стресс для целого народа. Так, депортация калмыцкого народа на целых тринадцать лет прервала развитие национальных культуры, искусства и литературы. В настоящее время мы можем наблюдать национальные распри как одно из следствий принудительных миграций, как результат исторической (травматической) памяти ранее депортированных народов. На этом фоне до сих пор возникают стереотипы и предрассудки, усугубляющие национальные конфликты и противоречия.

Список литературы

[1] *Балакаев А.* В степи орлиной: хроника одной трагедии / авт. пер. с калм. Н. Родичева; ред. В. И. Золотухин. Элиста: Санан, 1995. 496 с.

[2] *Балакаев А.* Тринадцать дней, тринадцать лет: роман / неавт. пер. с калм. Я. Мустафина; подстроч. пер. Ц. Балакаевой. Элиста: Санан, 1995. 496 с.

[3] *Гохун В.* Роман А. Г. Балакаева «Тринадцать дней, тринадцать лет» о депортации калмыков // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363 (окт). С. 7–9. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/363/image/363-007.pdf.

[4] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX — XX вв.) / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. 238 с.

[5] *Иванов А. С., Михалев Н. А.* Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 162–175.

[6] *Игнатова Н. М.* Историография принудительных миграций // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 159–168.

[7] Миграция населения и мобильность трудовых ресурсов: монография / Н. М. Пестерева, Ю. В. Янина, Л. А. Сахарова [и др.]. М.: Русайнс, 2017. 108 с.

[8] Мобилизационная роль Советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.): сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2012. 249 с.

[9] Писатели Енисейской губернии и Красноярского края: справочник / Гос. универ. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск: Растр, 2015. 312 с.

[10] *Полян П.* Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. — Мемориал, 2001. 327 с.

[11] *Сарнова В. В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: монография. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2012. 274 с.

[12] *Синицын Ф. Л.* Инициативная группа бывших руководящих работников Калмыцкой АССР и ее усилия по освобождению калмыцкого народа из спецпоселения (1944–1956 гг.) // Российская история. 2011. № 2. С. 125–141.

[13] *Толстова Г.* Сибирь — суровая и нежная // Красноярский рабочий. 2003. 4 марта.

[14] *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. / Федеральное агентство по образованию, Калмыцкий гос. ун-т. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. 494 с.

[15] Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX — начале XXI века: монография / В. А. Ильиных [и др.]; отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 255 с.

[16] *Юдина Т. Н.* Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 040201 «Социология» и другим гуманитарным специальностям. М.: РГСУ: Академический проект, 2007. 472 с.

Самоуправление на территории Восточной Сибири в 1917 г. и способность российского общества действовать в условиях прямой демократии

С. Н. Рубцов,
доктор исторических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ В статье обосновывается положение о необходимости изучения возможностей современного российского общества действовать в условиях прямой демократии. Обращается внимание на то, что, когда в прошлом столетии у наших соотечественников такая возможность появилась, они оказались не готовы к ее реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА система государственного управления, самоуправление, Восточная Сибирь.

Необходимость перехода российской экономики от догоняющего к инновационному развитию требует соответствующего изменения системы государственного управления, которая должна действовать на основе электронного документооборота. В связи с этим активно развивается практика использования гражданами Российской Федерации государственных и муниципальных услуг в электронной форме [6, с. 7]. Фактически постепенно на электронную основу переводится вся процедура принятия управленческих решений. Такое изменение формы управленческой деятельности, по мнению аналитиков, принципиально изменит и ее содержание. Управленческие решения придется принимать гражданам, то есть обществу, а системе управления — обеспечивать выполнение этих решений. Неслучайно специалисты указывают на предстоящую смену парадигмы государственной власти, предполагающей изменение не только управленческих процедур, но и управленческого менталитета [2, с. 3]. Новые условия предполагают способность широких слоев населения не к опосредованному, а прямому решению управленческих задач, то есть переход от представительной демократии к непосредственной (прямой). В связи с этим все более актуальным становится вопрос о наличии такой способности. Он тем более важен, что в прошлом столетии, когда у российского общества впервые появилась возможность прямого решения управленческих задач, оно не смогло с ними справиться.

Тогда в условиях развития нового, капиталистического способа производства совершенствование государственного управления должно было способствовать максимальному развитию частной инициативы. При этом руководство страны не спешило. Постепенно (и территориально, и хронологически) проводилась начавшаяся в 1864 г. земская реформа. В 1865 г. земства учредили в 19 губерниях, в 1867 г. — в 9, в 1870 г. — в 2, в 1871 г. — в 1, в 1906 г. — в 6, в 1913 г. — в 3. С 1875 по 1882 г. земства действовали в Области войска Донского. При этом на территории Сибири, как и большинства административно-территориальных образований страны, земств не было. Вместе с тем государственная власть поддерживала идею учреждения земства в Сибири. Она возражала только против крайностей — идеи децентрализации системы государственного управления путем широкого развития местного самоуправления [3, с. 6–13].

Тем не менее эта идея была реализована в результате Февральской революции 1917 г. Тогда, согласно решениям Временного правительства, «вся полнота» государственной

власти «на местах» перешла к учреждениям самоуправления [4, с. 2]. К чему это привело, показывают результаты изучения соответствующих событий, происходивших на территории Восточной Сибири. В ее административном центре Иркутске действовали такие учреждения самоуправления, как Исполнительный комитет общественных организаций, Совет рабочих и Совет военных депутатов. В городах Верхнеудинске и Киренске учредили Исполнительный комитет общественных организаций и Совет рабочих и солдатских депутатов, в Нижнеудинске — Бюро комитета общественной безопасности, в Ачинске и Чите — Комитет общественной безопасности.

Учреждениям самоуправления был вынужден подчиняться представитель центральной власти — губернский комиссар, назначавшийся Временным правительством. Даже свои решения о назначении уездных комиссаров и их помощников, заменивших исправников, приставов и полицейских надзирателей, он согласовывал с уездными комитетами. В случае разногласия решающим являлось мнение членов комитетов. Нормативный документ требовал от уездных комиссаров выполнять постановления и поручения не губернского комиссара, а уездного комитета, то есть не центральной власти, а местного самоуправления. Поэтому только с разрешения Исполнительного комитета губернский комиссар И. А. Лавров смог назначить П. П. Агапьева и Н. Н. Кармазинского соответственно своим помощником и управляющим казенной палатой. По мнению главы Временного правительства Г. Е. Львова, комиссары направлялись «на места» для «облегчения» организации самоуправления, а не для того, чтобы стать по отношению к нему «высшей инстанцией». Сформированные комитеты он считал «зародышем» местного самоуправления, его «фундаментом»[7].

Открывавшимися в связи с этим возможностями Исполнительный комитет общественных организаций Иркутска воспользовался в полной мере. Прежде всего максимально расширили народное представительство в учреждениях самоуправления. Так, в Иркутский исполнительный комитет ввели представителей всех действовавших тогда общественных организаций. По одному месту получили Совет президиумов родительских комитетов, польско-литовское общество «Огниво», Общество помощников врачей, Иркутское сельскохозяйственное общество, Профессиональный союз банковских служащих, Общество взаимного страхования от огня, военно-промышленный отдел Иркутского комитета союза городов, Общество служащих в духовно-учебных заведениях города Иркутска, Профессиональный союз сапожников и заправщиков, Общество Вольной Украины, Профессиональный союз музыкантов и Общество взаимной помощи извозчиков. По два места предоставили Иркутской общей ремесленной управе, Обществу иркутских мещан, Обществу взаимного кредита. Шесть мест дали Профессиональному союзу металлистов. В результате состоявшихся 30 июня 1917 г. выборов заметно увеличился состав Иркутской городской думы: с 58 до 80 гласных. Причем сделали это, как отмечалось в материалах комиссии по реорганизации думы, за счет «демократических» слоев населения, не имевших ранее соответствующего права. Такие же изменения произошли в городских думах Бодайбо, Илимска, Киренска и Верхоленска [7].

Обеспечив максимальное участие населения в своей работе, учреждения самоуправления приступили к решению ключевой задачи местной жизнедеятельности — установлению общественного порядка. Прежде всего в распространявшихся газетами воззваниях было заявлено о том, что теперь забота об общественной безопасности является обязанностью всех граждан [1]. В связи с этим Исполнительный комитет общественных организаций Иркутска призвал население вступать в формировавшуюся милицию. Она квалифицировалась «как гражданская гвардия» или «гражданская полиция безопасности». Ее задачей считали «охрану свободы и поддержание нормальных условий жизни граждан». Формироваться она должна была «из демократических слоев населения» путем избрания «самими гражданами» [7].

Вместе с тем, сформировав милицию, гражданам следовало принять активное участие в ее работе на добровольных началах. Предполагалось, что из штатных сотрудников будет состоять милиция «платная», а из добровольцев — «бесплатная». Добровольцы так же, как и штатные сотрудники, должны были подчиняться начальнику милиции, соблюдать дисциплину и нести службу в то время, которое укажут в своих заявлениях.

Ключевую роль должна была сыграть общественность и в реализации амнистии политических и уголовных преступников, объявленной Временным правительством уже в марте 1917 г. Власти рассчитывали на всестороннюю помощь местных жителей, причем как организационную, так и материальную. Особое внимание уделялось уголовным преступникам. Исполнительный комитет обратился с «горячим» призывом к населению поддержать амнистируемых деньгами, продуктами и одеждой. Все это следовало доставлять в Исполнительный комитет. Таким образом надеялись удержать выходивших на свободу правонарушителей от совершения новых преступлений [7].

Эти призывы нашли живейший отклик у населения региона. Уже 15 марта 1917 г. под руководством В. Ю. Ульянинского начал действовать, как писали газетные корреспонденты, «первый отряд милиционеров» из 40 человек. Появились у милиции и добровольные помощники, из которых сформировали «ночную охрану», установив поочередное дежурство для «окарауливания» своих кварталов. При этом граждан, не желавших участвовать «в карауле», местные жители предлагали выселять из занимаемых помещений.

Активно участвовала общественность в организации и проведении амнистии осужденных за политические преступления, сформировав 3 марта 1917 г. Комитет помощи амнистированным во главе с Р. И. Кролем. Он активно занимался обеспечением амнистированных медицинской помощью, снабжением одеждой и деньгами, организацией их отъезда на родину. Уже к 15 марта 1917 г. в Иркутске находились 350 амнистированных, к 29 марта — 970. Их содержание и перевозка, стоившие более 200 тысяч рублей, обеспечивались не столько Временным правительством, сколько пожертвованиями местного населения [7].

Благодаря финансовой и материальной поддержке сибиряков уже к 15 мая 1917 г. из региона удалось вывезти 5636 амнистированных уголовных преступников, а вместе с ними 1797 их жен и детей [1].

Тем не менее самоуправлению не удалось обеспечить должный уровень общественного порядка. Уже к началу лета 1917 г. периодические издания были «завалены» многочисленными жалобами на «бесчинства», творившиеся дезертирами, конокрадами и самогонщиками. Широко распространилось хулиганство. Не имея должной организации, милиция не справлялась со своими обязанностями, и поэтому участились случаи самосуда над правонарушителями. Старой шубой навыворот, но еще худшего качества называли милицию местные жители, сравнивая ее с прежней полицией [7].

Разделяя пессимизм сельского населения, негативно оценивали сложившееся положение дел и представители «образованных», городских слоев общества. Их представители писали в газетах:

> Первое время, март, апрель, май Россия спокойно и радостно праздновала свое освобождение. И тюрьмы освободились от менее вредных преступников, и не было слышно о новых преступлениях. Но уже на четвертом месяце начались выступления и действия, волновавшие народ, кровь полилась по улицам, пошел ропот и требования унять насильников, восстановить спокойствие и безопасность жизни. Ропот перешел в негодование [7].

Не сумев обеспечить должный правопорядок, самоуправление призвало местных жителей к организации самообороны, указывая на «чрезвычайную» угрозу «личной и имущественной безопасности». Организовывать ее Иркутский Союз домовладельцев 2 ноября 1917 г. рекомендовал в пределах отдельных улиц силами вооруженных добровольцев под руководством уличных старост [7]. Получив широкие возможности для использования прямой демократии, российское общество в условиях социально-экономического кризиса 1917 г. оказалось неспособно решать с ее помощью управленческие задачи. Следствием этой неспособности стало крушение действовавшей системы управления.

С того времени в нашей стране развивалась демократия представительная, но не прямая. Очень показательно, что и сегодня при расширяющихся возможностях участия населения в процессе управления доминирует практика принятия решений с участием граждан (делиберативная и партисипаторная демократия), а не принятия решений самими гражданами (прямая демократия) [5, с. 15–16]. Поэтому в современных реалиях, требующих развития прямо противоположного процесса, обостряется актуальность изучения возможностей российского общества действовать в условиях не представительной, а прямой демократии.

Список литературы и источников

[1] ГАИО. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 45/25. Л. 1, 3.

[2] *Делягин М.* Подключите «электронное правительство» к государству // Московский комсомолец. 2013. 15 мая. С. 3.

[3] *Иванов С.* Заключения комиссии сибирской группы по выработке оснований земского положения для Сибири // Сибирские вопросы. 1907. № 20. С. 5–13.

[4] О введении «земских учреждений в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири» от 17 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 18 июля 1917. № 164. Ст. 894. С. 152.

[5] *Руденко В. Н.* Новые Афины, или электоральная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 7–17.

[6] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203: Kremlin.ru — официальное интернет-представительство президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 09.08.2021).

[7] *Кавецкий Д. Б., Рубцов С. Н.* Правоохранительная деятельность и возможности местного самоуправления на территории Иркутской губернии в 1917 г. // Вестник Иркутского государственного университета. 2012. № 10 (69). С. 357–362.

Причины ликвидации и реорганизации степных дум хакасов в 30-х — 50-х гг. XIX века

Е. В. Самрина,
кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан

АННОТАЦИЯ В работе исследуются причины ликвидации самоуправления минусинских и ачинских инородцев. Реорганизация и упразднение степных дум была связана с определенной вехой политического курса в отношении народов Сибири, развитием системы управления, экономическими процессами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА степные думы, минусинские и ачинские инородцы, М. М. Сперанский, Г. С. Батеньков, сибирские реформы, политический курс, декабристы, внешнеполитический фактор, ликвидация.

Сибирские реформы, составной частью которых стал «Устав об управлении инородцев» 1822 г., учредили у кочевых народов Сибири систему административного управления с ощутимыми элементами самоуправления. Формирование обособленного самоуправления у инородческого населения Сибири в определенных государственных кругах воспринималось неоднозначно, а «Устав об управлении инородцев» слишком либеральным. «Поводом для таких сомнений послужила неудача с унификацией и кодификацией обычного права всех сибирских народов с целью создания приемлемого для них единого законодательства. Эту задачу ставил перед собой еще М. М. Сперанский, намеревавшийся собрать массовый материал по обычному праву народов Сибири и ввести их в обработанном виде в действующее законодательство империи» [14, с. 20].

Воззрения чиновников 30-х — 40-х гг. XIX в. на Сибирь имели тесную связь с правительственными взглядами. Среди косвенных причин, связанных с государственным курсом в отношении народов Сибири, можно выделить факторы, связанные с восстанием декабристов 1825 г. и непосредственно с личностями реформаторов, авторов устава, которые, как известно, придерживались либеральных взглядов и имели тесную связь с декабристами. Статс-секретарь Первого Сибирского комитета, управляющий делами Гавриил Степанович Батеньков являлся одним из членов Северного сообщества. Роль Г. С. Батенькова в Сибирском комитете была настолько значительной, что его неформально называли председателем Сибирского комитета по проведению реформ, хотя главой его был всесильный фаворит императора Александра, «без лести преданный» граф Аракчеев, являвшийся его председателем в 1823–1826 гг.[1] Г. С. Батеньков занимался кадровым вопросом будущего корпуса губернских и окружных чиновников в связи с выделением Енисейской губернии. Поэтому его влияние на состав аппарата чиновников, который комплектовался почти заново, было значительным. Благодаря влиянию на М. М. Сперанского Батенькову удалось способствовать назначению на пост енисейского губернатора А. П. Степанова, как известно человека с либеральными убеждениями. Александр Петрович привлек к разработке степных законов либералов А. И. Мартоса, губернского чиновника Галкина, поэта А. К. Кузьмина в качестве переводчика, которые стали ведущими членами комитета. Позднее А. К. Кузьмин занял должность главы Минусинского округа, связал свою судьбу

[1] http://www.decembrists.krasu.ru/learn/k1gl2.shtml.

с декабристами, отбывавшими ссылку в этом крае. А. К. Кузьмин, описывая дружбу с декабристом С. Г. Краснокутским, в своих мемуарах пишет, что был «с ним довольно дружен и ежедневно вместе. Губернатор Степанов при объезде моего округа также бывал у него в гостях». Губернатор помогал следовавшим через Красноярск декабристам и в партикулярном письме А. К. Кузьмину «просил... оказывать Краснокутскому всякую помощь и защиту» [4, с. 36–42]. Либеральные взгляды были присущи немалому количеству среднего и низшего чиновничества.

А. П. Степанов и Г. С. Батеньков сыграли большую роль в организации степных дум у хакасов. Хотя, согласно уставу, Степные думы могли учреждаться только у забайкальских бурят. Разрешение об учреждении четырех дум было утверждено Восточно-Сибирским генерал-губернаторством в апреле 1824 г. Так, Кызыльская степная дума была открыта в составе Ачинского округа, Койбальская, Качинская, соединенных разнородных племен (Сагайская) — в составе Минусинского округа Енисейской губернии [13, с. 19].

Восстание декабристов привело к кадровым перестановкам в Сибирском комитете. В частности, Г. С. Батеньков после восстания был отстранен от должности, арестован и провел долгие годы в каземате. А. П. Степанова лишили должности 26 апреля 1831 г. без права занятия высоких постов за «доброжелательное отношение к декабристам».

Активное участие Г. С. Батенькова в подготовке и проведении Сибирской реформы привело исследователей к сопоставлению идей декабристов и основных положений проводимой Сибирской реформы. В. Г. Карцев, анализируя устав 1822 г. и программные документы декабристов, пришел к выводу, что многие положения устава совпадают с задачами, которые впоследствии выдвигали декабристы в отношении народов Сибири [6, с. 132–133].

Попытки пересмотра системы сибирского управления, административно-территориального переустройства региона получили отражение во второй четверти XIX в. в проектах генерал-губернаторов Восточной Сибири А. С. Лавинского и С. Б. Броневского, занимавших этот пост после М. М. Сперанского [16, с. 23–38; 17]. В 1835 г. генерал-майор И. А. Мусин-Пушкин, направленный в Сибирь в качестве ревизора от военного ведомства, вносит предложение о коренной реорганизации системы сибирского управления, созданного в соответствии с реформой 1822 г. [15].

Курс упразднения инородческих ведомств находился в неразрывной связи с общим внутриполитическим курсом государства. Тенденции ликвидации и реорганизации инородческого самоуправления в виде дробления, выделения из его состава инородных управ проявляются уже вскоре после принятия устава и создания степных дум. В 1830 г. по рекомендации Ясачной комиссии по Восточной Сибири из Кызыльской степной думы Ачинского округа Енисейской губернии была выделена Мелецкая инородная управа. Выделение было связано с изменением образа жизни, хозяйственных занятий и ассимиляцией населения управы [5].

Переход к оседлости инородческого населения, заложенный в уставе, становится составной частью политического курса. И основные положения административной реформы М. М. Сперанского впервые подверглись детальному анализу в ходе ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова (1849–1851). Он подверг критике советы, учрежденные Сперанским на всех уровнях управления, и выступал против существования общего окружного управления [2, с. 24–25]. По мнению Н. Н. Анненкова, большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого «Сибирского учреждения 1822 г.». Но предложения Н. Н. Анненкова о пересмотре основ «Сибирского учреждения» не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом [3, с. 16].

Государственной политике в отношении сибирских кочевых народов, в том числе и в системе реорганизации самоуправления, способствовал наметившийся пере-

лом во внешней политике России в Азии в 40-х гг. XIX в. Укрепление позиций России в Горном Алтае, расширение влияния на Туву и Монголию привели к стабилизации положения на южносибирской границе. Долгое время государственные границы в этой части России оставались аморфными и слабо защищенными. Поэтому правительство проявляло осторожность по отношению к народам юга Сибири. В связи с укреплением позиций на этих рубежах, с присоединением Казахстана, Средней Азии, Приамурья империя меньше, чем ранее, стала опасаться иностранного влияния на южносибирских инородцев и их попыток выйти из российского подданства. Это открывало возможности для более активной интеграции последних в российское пространство, ускорившиеся после заключения Айгунского договора с Китаем и установления российско-цинской границы в 1858 г.

Уже в середине XIX в., начиная с работы Второго Сибирского комитета (1852–1864), обсуждается разработка проекта перехода инородцев к оседлости. На первых слушаниях в ноябре 1852 г. комитет поручает Министерству государственных имуществ начать работу над этим планом. Будущее сибирских народов им виделось в переводе на оседлость и унификации управления по образцу русских переселенцев [7, 11]. Уставом 1822 г. инородческая администрация в пределах своих ведомств должна была заниматься распространением земледелия, хозяйственной переориентацией на хлебопашество. Должностные лица за достижения в этом направлении награждались грамотами, похвальными листами. Серебряными медалями «за усердие» были удостоены почти все родоначальники-беги Сагайской степной думы [1, с. 223]. В данном случае с помощью системы морального поощрения достигался успех в сотрудничестве с социальными верхами инородческих народов.

В пределах инородческих ведомств сформировалась родовая знать, в руках которой были сосредоточены экономические, административные ресурсы. Рост влияния родоначальников был связан с наделенной самостоятельностью в решении управленческих задач. В их руках сосредоточивалась судебная власть в рамках обычного права, семейно-брачных отношений (за исключением уголовного наказания), распорядительная власть. Они имели полномочия по вопросам внутреннего управления и сбора ясака.

Формирование независимой знати в пределах степных дум вызывало опасение. Ликвидация степных дум позволила губернскому правлению ликвидировать самостоятельность инородческой элиты. Одной из первых в 1854–1855 гг. была реорганизована Качинская, вместо нее были образованы две инородные управы — Абаканская и Июсская с центром управы в с. Усть-Абакан. Качинские родоначальники вели себя достаточно независимо [8, с. 260]. Чирка Картин был тайшой, по статусу выше, чем другие беги-родоначальники. Семья Картиных принадлежала к древнему аристократическому правящему кыргызскому роду. Среди баев они выделялись богатством, смогли приспособиться к изменившимся экономическим и политическим реалиям. Картины занимались торговым скотоводством, предпринимательской деятельностью, особенно в связи с открытием золотых месторождений, разработкой приисков в 1840-х гг. (преимущественно в Енисейской и частично в Томской губерниях). В середине XIX в. у Чирка Картина было 12 тысяч лошадей, до 5 тысяч крупного рогатого скота, 12–15 тысяч овец [9, л. 9–12].

Ликвидируя Качинскую степную думу, губернское правление добивалось уничтожения самостоятельности тайшей. Вместе с тем оно ставило задачу создания такой организации административного аппарата, которая отвечала бы новым требованиям государственной политики. Таким аппаратом управления должна была стать инородная управа с подчиненными ей родовыми управлениями. Ликвидация должности родоначальника-бега открывала доступ к высшим должностям степного управления зажиточному слою общества не из байской среды — кулачеству, которое

стремилось использовать борьбу за ликвидацию должности бегов для захвата органов местного самоуправления в свои руки. Чиновники стали опираться на укреплявшуюся улусную зажиточную часть.

С ликвидацией степных дум и упразднением должности главных родоначальников тайши потеряли доминирующее положение. Для кулаков был открыт доступ к высшим должностям степного управления, монополизированным прежде узким кругом тайшинских семейств. Некоторые из кулаков встали у руля власти — во главе инородных управ.

Формальные причины закрытия степных дум были совершенно другими. Например, ликвидацию Качинской степной думы связывают с родовыми противоречиями и крупными хищениями. В 1847 г. было выявлено особо крупное присвоение средств, что в дальнейшем послужило формальной причиной ликвидации этой думы. Как отмечает В. Г. Карцов:

> ...едва ли не все качинские родоначальники, князцы и письмоводитель думы были привлечены к ответственности. Общая сумма наложенного на них взыскания определялась в 23 763 руб. ассигнациями — цена примерно 700 голов крупного скота [8, с. 260].

Причина упразднения Койбальской степной думы была связана с уменьшением численности. Койбальская дума была упразднена в 1858 г. по настоянию Минусинского окружного начальника Стадлера. Но сами койбалы выступали против ее ликвидации. В пределах инородческого ведомства также сформировалась сильная родовая знать, занимавшая ключевые административные должности и аккумулировавшая значительные материальные средства. В списке 1855 г. из 22 крупных скотоводов земледельцев бывшей Койбальской степной думы почти половина, 10 человек — улусная знать в лице родоначальников, князцов или бывших родоначальников и князцов, их сыновья, братья. Например, в списке значатся Андрей Худяков и его семеро сыновей (сам Андрей Худяков был князцом Абалаковского улуса, Вершины Бижа); Леонтий Алахтаев, родоначальник, и его брат; Михаил Чубукин, родоначальник; Селигеев, князец, и его два брата; Михаил Улугбашев, князец; Сосинат Жербатов, князец, и т. д. В их руках были сосредоточены скот и земля [12, л. 44].

Койбальская дума просуществовала 36 лет, способствовала сохранению койбалов как этнической группы. После ликвидации думы койбалы были разделены между Сагайской и Качинской думами. Согласно «Списку Главного Управления Восточной Сибири Енисейского Гражданского Губернатора от 10 июля 1858 года», пять административных родов койбалов были объединены в один Койбальский род, который вошел в состав степной думы соединенных разнородных племен, а роды Кандыков и М. Байкотовский, территориально отдаленные от остальных (по рр. Тубе, Салбе), вошли в состав Салбино-Койбальского рода и были причислены к Абаканской инородной управе.

Формальная причина упразднения койбальского самоуправления была связано с резким уменьшением численности: среди койбалов интенсивно протекали ассимиляционные процессы. После полной ликвидации думы, которая способствовала консолидации койбалов, процессы ассимиляции резко ускорились, и они быстро ассимилировались среди других этнических групп хакасов, часть койбалов, ушедшая на заработки, ассимилировалась среди русских.

Ликвидация инородческого самоуправления у народов Сибири в конце XIX в. показывает, что причины закрытия степных дум, а затем и инородных управ носили глубинный характер, связанный с государственным курсом в отношении народов Сибири, развитием системы управления, экономическими процессами. Во второй

половине XIX в. реформа регионального управления и ликвидация инородческого самоуправления связаны с определенной вехой в смене политического курса, с пересмотром административно-территориального устройства в связи с ускоренной модернизацией страны, обострением польского вопроса, которые привели к эскалации национальных и региональных противоречий [10, с. 15]. Высшие инстанции государственной власти, задумывая реорганизацию инородческого самоуправления, мало заботились о благе населения. Равно как и руководители инородческих ведомств не являлись защитниками лучшей жизни населения.

Список литературы и источников

[1] *Бутанаев В. Я.* Общественное управление и власть у хакасов XIX в. // Обычное право и общественное управление минусинских «инородцев». Исследования разных лет (XIX — начало XXI в.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. С. 217–232.
[2] *Дамешек И. Л.* Окраинная политика России в первой половине XIX века (на примере Восточной Сибири): автореф. ... канд. ист. наук. Иркутск. 1998. 30 с.
[3] *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2011. № 1 (1). С. 8–24.
[4] Декабристы: сб. материалов. Л.: Прибой, 1926. 250 с.
[5] Землеведение Азии Карла Риттера: география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1856–1874. Т. IV. С. 356.
[6] *Карцев В. Г.* Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX вв.). Абакан, 1970. 198 с.
[7] *Кузнецов А. С.* Второй сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1987. С. 3–21.
[8] История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. 523 с.
[9] НАРХ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 9–12.
[10] *Ремнёв А. В.* Административная политика самодержавия в Сибири в XIX — начале XX веков: автореф. ... док. ист. наук. СПб., 1997. 47 с.
[11] *Ремнёв А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX в. СПб., 1997. 252 с.
[12] Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Ф. 314. К. 21. Л. 44.
[13] *Степанов А. П.* Енисейская губерния. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. 364 с.
[14] *Шерстова Л. И.* Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI — начало XX вв.: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2014. 191 с.
[15] *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. 607 с.
[16] *Штейнгейль В. И.* Сибирские сатрапы // Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975. С. 23–38.
[17] *Фролов А. Ф.* Воспоминания, по поводу статей Д. И. Завалишина // Русская старина. 1882. № 5. С. 465–482; № 6. С. 701–714.

Деятельность органов местного самоуправления Енисейского уезда при организации помощи пострадавшим от голода в Поволжье в 1921–1922 гг.

С. П. Худышкина,
заместитель директора по основной деятельности,
КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова»

АННОТАЦИЯ В статье отражена деятельность органов самоуправления Енисейского уезда в организации помощи пострадавшим от голода летом 1921 г. На основе архивных документов описаны меры поддержки, которые осуществляли не только органы власти, но и население уезда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейск, Енисейский уезд, помощь голодающим Поволжья.

Экономические условия начала 1920-х гг. в Енисейском уезде и в целом в Енисейской губернии были достаточно сложные. Тем не менее органы власти смогли организовать помощь населению из центральной территории России, пострадавшему в результате голода в 1921–1922 гг.

Декретом ВЦИК Советов от 18 июня 1921 г. была образована Центральная комиссия помощи голодающим как организация с чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия. Возглавил ее председатель ВЦИК М. И. Калинин. Комиссии помощи голодающим создавались и при центральных исполнительных комитетах республик, на местах образовывались губернские, волостные и уездные комиссии.

В 1921 г. состоялось заседание Губернского комитета по оказанию помощи голодающему населению Поволжья, решения на уровне губернии принимали товарищи «Бочков, Банников, Рузвель, Семенюк, Цин, Давыдов, Бессмертный, Вигрант» [1, л. 2]. Решения зафиксированы в протоколе № 1 от 26 июля 1921 г. На заседании комитета была заслушана информация о положении трудового населения Поволжья и о его переселении в Сибирь, а также о необходимости Енисейской губернии быть готовой к расселению на ее территории 500 тысяч крестьян [2, л. 3]. Исполнительный комитет губернии принимает решение о том, чтобы организовать в уездных центрах такие же комитеты. Из состава комитета выделить тройку из представителей Губернского земельного отдела, Совета народного хозяйства и отдела труда. Тройке поручить разработать план по рациональному приему и размещению беженцев на территории губернии и использованию их рабочей силы, а именно: подготовить помещения с пропускной способностью пять тысяч человек; организовать питательные пункты как в местах карантина, так и на всем пути следования беженцев по железнодорожным и водным путям; принято постановление о строгой регистрации беженцев с целью предотвращения стихийного и неорганизованного характера переселения, а также с целью планомерного расселения пострадавших; принято решение об организации пунктов карантина медицинским персоналом, для того чтобы проводить все необходимые меры по санитарии, в том числе борьбе с холерой; был организован прием пожертвований в пользу голодающих, о чем широко было оповещено население; была организована агитационная кампания по оказанию помощи беженцам; Губернский политсовет издал воззвание от имени комитета помощи беженцам, поместил ряд статей в губернском органе, издал ряд плакатов [4, л. 5].

Летом 1921 г. исполнительной властью Енисейской губернии были предприняты меры для встречи, размещения и оказания первой помощи людям, пострадавшим от голода в центральной части России. Эти меры могли быть не очень эффективны с точки зрения экономических возможностей, возможности трудоустройства и расселения, но, несмотря на сложное экономическое положение, после Гражданской войны и последствий политики военного коммунизма власть нашла резервы для организации и оказания помощи прибывающему населению.

В Енисейском уезде был создан комитет по оказанию помощи голодающему населению на базе Енисейского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На основе протоколов, обращений, отчетов, списков этого комитета можно отметить, что деятельность органов местного управления была достаточно активна и системна.

Комиссия оценила возможности территории уезда, в том числе она обозначила следующие проблемы Енисейского уезда: уезд малонаселен, растянут, неблагоустроен, является дотационным, то есть потребляющим, а не производящим, поэтому «рассчитывать на то, что беженцы будут снабжены продовольствием, не стоит» [6, л. 7]. Уездный комитет не имеет лишнего запаса продуктов, и из всех беженцев, как считал комитет, до уезда доедут самые бедные, поэтому они станут «тяжким грузом для Енисейской власти, максимум уезд может принять 1000 человек» [5, л. 6]. Несмотря на сложное экономическое положение, власть уезда принимает со своей стороны все необходимые меры для принятия беженцев на своей территории и высказывает конструктивные предложения по организации транспортировки людей, организации питания, медицинской помощи и трудоустройства.

3 сентября 1921 г. Енисейским уездным комитетом было разработано обращение непосредственно к жителям уезда, в котором говорилось о том, что

> Поволжье производило ⅓ всего российского урожая хлеба; голод охватил 10 губерний 50 верст шириною и 1500 длиною; 20 млн человек под угрозой смерти; пища готовится из съедобной и несъедобной листвы; в пищу употребляют сусликов и из их шкур варят кисель и пьют его; желуди — роскошь для питания; погибли посевы, покосы, остальное уничтожила саранча; люди бегут в поисках хлеба со своего места жительства; Енисейский уезд обязан принять 5000 голодающих [6, л. 7].

В конце обращения печатался призыв к жителям Енисейского уезда и города:

> Енисейцы, да пусть содрогнуться Ваши сердца <...>; придите на помощь, откройте двери домов ваших для приюта несчастных <...>; нам неоткуда ждать помощи <...>; смерть голодных ляжет тяжелым пятном на совесть отвернувшегося от оказания помощи, а затем жестоко за себя отомстит, распространяя повсеместно повальные болезни — тлен разрушения и гибели государства Российского. Енисейцы! Перед великим бедствием забудем наши междоусобицы, ссоры и тяжбы и в едином порыве сольем сердца наши для великого дела братской любви — спасение голодающих от гибели! Пожертвования принимаются зерном, хлебом, сухарями и другими продуктами питания, а также вещами и деньгами [7, л. 8].

Призыв власти помочь голодающим нашел отклик у жителей Енисейска и Енисейского уезда. Первые результаты были отражены в докладе Енисейской комиссии помощи голодающим.

Жертвовали в пользу голодающих как отдельные граждане, так и организации. Так, например, за сентябрь поступило

> муки ржаной — 37 пуд. 4 ф., овса — 21 пуд 21 ф., картофеля — 60 пуд. 13 ф., ржи — 24 пуд. 30 ф. и проч., денег поступило 1 336 758 руб. [8, л. 9].

Елена Ивановна Коковякина — 1560 руб., гражданка Постникова пожертвовала одну серебряную китайскую монету весом в 3 золотника, Коробейникова — 1440 руб. [9, л. 11]. Отдавали не только деньги и продукты питания, но даже столовые приборы. Так, в ноябре 1921 г. в отчете по сбору пожертвований значилось:

> ложка дер. — 1, вилок столовых — 2, блюдца чайные — 2, чашки глиняные — 1.

Приносили и одежду. За октябрь сбор по городу выразился в следующем:

> рубах нательных — 1 шт., полотенец — 2 шт., носовых платков — 1, носков — одна пара, ложек — 2 шт. и 28 пуд. 20 ф. картофеля [10, л. 13].

Значительную лепту в дело помощи Поволжью внесли солдаты 7-й роты 441-го стрелкового полка, которые ежемесячно отчисляли половину своего скромного пайка на нужды голодных. Так, например,

> в октябре 1921 года ими было пожертвовано 11 пудов 32 фунта муки, а также денег — 22 300 руб., вещей — кольцо серебряное, фуражки, перчатки [12, л. 21].

В церкви Спасского мужского монастыря с 14 ноября по 14 декабря 1921 г. производился сбор для голодающих Поволжья по воскресным и праздничным дням. 14 декабря производилась высыпка кружки «на голодающих», в которой оказалось 34 123 руб. 50 коп., каковые и были представлены в комитет для голодающих при Енисейском исполкоме [13, л. 22].

В ноябре 1921 г. Воскресенская церковная община отправляет 10 000 руб., собранные в храме и по приходу. В декабре 1921 г. Яланская церковь отправляет в пользу голодающих 47 454 руб. [10, л. 13].

Самые разные организации и союзы проводили сбор средств в помощь голодающим. Список их огромен, помогали действительно «всем миром», вот лишь несколько примеров: в ноябре 1921 г. от служащих Маклаковского завода поступило муки ржаной 18 пудов. От правления Енисейского общества потребителей «Самопомощь» поступило 27 214 руб. Правление трудовой артели рыбаков в декабре того же года пожертвовало 36 000 руб. 25 074 руб. поступило от служащих лесничества, от Енисейской электрической станции — 457 554 руб. [15, л. 24].

Енисейское уездное политбюро пожертвовало 49 300 руб. жалованья за август 1921 г. Свой месячный оклад жертвовали и служащие Енисейского упродкома (32 638 руб.), рабоче-крестьянской инспекции, милиции, кожевенного завода, Енисейской типографии, Енисейского учводкультпросвета, Енисейского губернского союза кооперативов, коллектива Енисейской паровой мельницы, Енисейского участка водмилиции и пр. От комитета ячейки Енисейского уисполкома поступили вещи: рубахи нательные — 6, пиджак белый — 1, кофточка женская — 1, полотенец — 2, платьев детских — 1, перчаток — 1 пара и пр. [11, л. 14].

107 600 руб. поступило от служащих радиостанции Диксон, 485 000 от Енисейского упрофбюро. В Енисейск шли пожертвования со всех волостей: Анциферовской, Маклаковской, Пировской, Яланской. С 1 по 8 ноября 1921 г. проводилась неделя взаимопомощи, в результате которой было собрано деньгами 263 295 руб., овса — 35 пудов 15 фунтов, лука — 230 шт., посуды глиняной — 17 шт., репы — 1 пуд, моркови — 2,5 фунта [10, л. 13].

Чтобы увеличить сборы в пользу голодающих, в театре устраивались благотворительные спектакли, проводились воскресники, вечера. 16 октября 1921 г. сборы за билеты на спектакль и добровольные пожертвования за хранение одежды составили 133 250 руб. 28 декабря состоялся спектакль от учкультвода, где было собрано 1 017 000 руб. А 31 декабря работникам гидроотряда был организован благотворительный вечер в пользу голодающих в Енисейском Совтеатре. Среди присутствующих проводилась лотерея, осуществлялась продажа программ, сборы в зрительном зале, добровольные пожертвования за буфет — всего было собрано 5 024 554 руб.

Все собранные продукты питания, одежду, предметы быта, денежные средства отправляли в Красноярск для дальнейшей пересылки по месту требования. Для перечисления денежных средств Енисейским уфинотделом был открыт счет. Что касается вещей — все они передавались в товарообменную лавку при уземотделе для обмена на продукты питания, категорически запрещалось использование собранных пожертвований для «местных нужд».

Помощь голодающим от Енисейского уезда заключалась не только в отчислении денег и продуктов питания в земли Поволжья, но и в организации приема беженцев и переселенцев из пострадавших от неурожая районов. Точное количество переселенцев, приехавших в уезд, неизвестно. Из сохранившихся в архиве документов мы узнаем, что предполагаемое число беженцев, подлежащих вселению, составляло 4700 человек. Прибывали поселенцы по тракту Красноярск — Енисейск. Село Казачинское становилось главным распределительным пунктом. До конца навигации отправка беженцев производилась на пароходах. Главный питательный пункт был организован на распределителе. Ввиду того что главный контингент беженцев прибывал из мест, пораженных холерой, предпринимались специальные меры к тому, чтобы не допустить ее развития. В докладе губздравотделу от 29 августа 1921 г. читаем:

> ...в ближайшее время ожидается через Казачинск 8000 беженцев и переселенцев. Экстренно командируйте в Казачинск медицинский персонал, медикаменты и оборудование для одного врачебного и трех фельдшерских пунктов [12, л. 21].

Из протокола № 7 заседания Губернской комиссии по оказанию помощи голодающему населению Поволжья от 3 сентября 1921 г. следует, что

> с 27 августа по 3 сентября в Енисейскую губернию прибыло 996 человек, проследовало дальше 415 человек, на карпункте — 160. Питание идет нормально. Норма выдачи хлеба 87, мяса 10 золотников, муки и соли из расчета 1 фунт на месяц. Детям сахару по 4 золотника, кроме того детям выдается творог [15, л. 24].

По пути следования беженцев по железнодорожным и водным путям организовывались питательные и карантинные пункты. Пожертвования от Енисейского уезда продолжали поступать в пострадавшие земли вплоть до сбора урожая 1922 г. Енисейцы в буквальном смысле отдавали последнее, хотя и сами жили очень и очень скромно. Со сбором урожая 1922 г. массовый голод прекратился, и местные органы помощи голодающим были распущены.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль органов местного управления и вклад населения Енисейского уезда в организацию помощи жителям Поволжья, пострадавшим от голода, были очень значительными. Об этом говорит тот факт, что в 1922 г. Президиум ВЦИК отметил «гражданскую доблесть и самоотверженность сибирского крестьянства» и объявил благодарность за успешное выполнение продналога и активную помощь голодающим.

Список источников

[1] МКУ «Енисейский архив». Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 4.
[4] Там же. Л. 5.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. Л. 7.
[7] Там же. Л. 8.
[8] Там же. Л. 9.
[9] Там же. Л. 11.
[10] Там же. Л. 13.
[11] Там же. Л. 14.
[12] Там же. Л. 21.
[13] Там же. Л. 22.
[14] Там же. Л. 23.
[15] Там же. Л. 24.

Вопросы народного здравия как сфера взаимодействия власти и общества Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. По материалам Государственного архива Красноярского края

В. В. Чернышов,
ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Вопросы, связанные с народным здравием, приобретают в Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. большое общественное значение. Для решения проблем в этой сфере власти в большинстве случаев стараются взаимодействовать с общественностью, о чем свидетельствуют архивные документы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, сельская медицина, оспенники, Общество врачей.

Последние десятилетия XIX в. стали для Енисейской губернии временем важных экономических и культурных преобразований. В губернии открываются музеи, библиотеки, бесплатные читальни, создаются научные, культурные, просветительные, благотворительные общества, появляются новые промышленные предприятия, увеличивается численность населения. В этих условиях вопросы улучшения качества жизни жителей губернии, а особенно вопросы, связанные с народным здравием — совершенствование системы местного здравоохранения, доступность медицинской помощи, медицинское просвещение населения, приобретают большое общественное значение.

О необходимости решения этих вопросов пишут газеты, говорится на заседаниях городских дум, сельских сходов, собраний различных обществ. Однако понимание того, что постановка врачебной и фельдшерской помощи населению явна недостаточна и требует своего дальнейшего развития, присутствует и у властей разного уровня, и в решении этих проблем власти в большинстве случаев стараются взаимодействовать с общественностью, о чем свидетельствуют документы, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края».

Так, достаточно пристальное внимание как власти, так и общественности уделялось вопросам, связанным с развитием сельской медицины, то есть той сферы медицины, которая затрагивала большинство населения губернии. Только в течение второй половины XIX в. эта сфера медицины на территории Енисейской губернии дважды подвергалась существенной реорганизации. Первая такая реорганизация была связана с введением 1864 г. в ряде губерний Российской империи земской медицины. В тех губерниях и областях империи, где земство введено не было, в том числе и в Сибири, по образцу земской организации была образована особая система оказания медицинской помощи на селе. В центре этой системы стоял сельский врач и подчиненный ему персонал, а главное ее отличие от земской медицины заключалось в том, что организация медицинской помощи исходила не от органов самоуправления, а от государства [1, л. 3]. В 1865 г. новая система была введена на территории Восточной Сибири — в Иркутской и Енисейской губерниях и Забайкальской области [2, л. 3 об.].

Теперь в каждый из пяти округов губернии назначался один сельский врач и три экзаменованных фельдшера, находившихся в его подчинении. В их обязанности входило оказание бесплатной помощи заболевшему населению; принятие мер по предотвращению инфекционных болезней; осуществление надзора за оспопрививанием [3, л. 7]. При квартирах фельдшеров были устроены приемные покои на три кровати каждый [4, л. 8]. Оказание медицинской помощи носило разъездной характер, то есть врач или фельдшер были обязаны выезжать к больным по требованию сельской администрации или, по возможности, объезжать вверенную им территорию в профилактических целях. Во время объездов проходил осмотр нуждающихся, их лечение, выдавались необходимые медикаменты [5, л. 13].

Но из-за недостатка государственного финансирования жалованье сельских врачей было небольшим. Власти пытались привлечь их к работе на селе предоставлением участков пахотной и сенокосной земли в количестве 100 десятин, которые после 15 лет службы на одном месте переходили в их собственность, выделением бесплатных квартир, выдачей средства на отопление, освещение и содержание помещений [6, л. 15]. Однако такое вознаграждение, как правило, не привлекало специалистов. Они предпочитали служить на более оплачиваемых местах или заниматься частной практикой, тем более что лиц с медицинским образованием было немного. Так, по данным Енисейской губернской врачебной управы, в 1890 г. в губернии насчитывалось всего 32 врача. Из них судебно-полицейских — 8, сельских — 5, приписанных к больницам — 9, училищных — 2, врачей на золотых приисках — 3 [7, л. 7].

Недостаточность медицинского персонала на селе власти компенсировали привлечением к решению некоторых вопросов народного здравия лиц, не имеющих соответствующего специального образования или имеющих такое образование условно. На уровне округов Енисейской губернии, например, действовали комитеты общественного здравия, куда, помимо городского, окружного и сельского врачей, включались представители власти и общественности — окружной исправник (как правило, в качестве председателя), протоиерей местного собора, городской голова, городовой [8, л. 104]. Те же официальные лица входили и в окружные оспенные комитеты, осуществляющие надзор за правильностью оспопрививания в округе [9, л. 108].

А самим оспопрививанием занимались оспенники. Так назывались крестьяне, которые выбирались в каждой волости местными сельскими обществами для изучения техники оспопрививания. Изучив соответствующую технику, они вели свою работу под наблюдением сельского врача или фельдшера, получая за это как некоторые льготы от своих обществ, так и жалованье в размере 24 рублей в год [10, л. 110]. У этой практики были и свои плюсы, и свои минусы. Плюсы заключались в том, что в результате деятельности оспенников от занятия оспопрививанием освобождались сельские фельдшеры, и так уже загруженные другой работой. Минусы же заключались в том, что оспенники в основном не знали грамоты и их «компетентность» отпугивала крестьян от оспопрививания, тем более что оно не было обязательным и население из-за религиозных причин (особенно на юге, где было много старообрядцев) часто от него отказывалось. Некоторые же из оспенников, по заключению самих медицинских властей, вообще не понимали ни значения, ни способов оспопрививания, а занимались этим только из сугубо материальных соображений, и в результате оспопрививание не проводилось должным образом [11, л. 113].

Другим способом привлечения сельских жителей к вопросам народного здравия было обучение крестьянских девушек профессии повивальных бабок. Для этого в 1876 г. в Красноярске при больнице приказа общественного призрения было открыто первое учебное заведение для подготовки акушерок — повивальная школа. В ней обучалось до 6 учениц, обучающихся повивальному искусству за счет крестьянских

обществ, и 25–30 приходящих женщин [12, л. 4]. После окончания учебы повивальная бабка, чье обучение оплачивало сельское общество, должна была отработать без жалованья каждый год пребывания в школе [13, л. 5]. Однако уже в 1888 г. из-за финансовых причин направление учениц от сельских обществ было прекращено, и только через несколько лет власти посчитали нужным вернуться к этому вопросу [14, с. 2].

В августе 1892 г. енисейский губернатор Л. К. Теляковский разослал окружным исправникам циркуляр, в котором предписывалось предложить на обсуждение сельских и волостных сходов вопрос, не пожелают ли они возобновить направление в повивальную школу девушек-стипендиаток, причем размер стипендии желательно определить не менее 180 рублей в год [15, с. 2]. Также в циркуляре указывалось на то, что сами крестьяне осознают, что сельские неученые повитухи приносят вред роженицам, не говоря о последующих послеродовых заболеваниях, что обученная бабка может приносить сознательно-разумную помощь, а легкость поступления в школу, необременительный и приспособленный к целям курс обучения, недорогая плата могут способствовать обучению. Кроме того, повивальных бабок можно обучать и оспопрививанию, что исключило бы надобность содержать оспенников и эти меры могут содействовать улучшению медицинской помощи в деревне [16, с. 2].

Интересно, что значительная часть сельских обществ положительно отнеслась к той части инициативы губернатора, которая говорила о необходимости профессионального обучения сельских бабок, но при этом было много отказов из-за недостатка денежных средств [17, с. 2]. Полнее всего эта мысль была выражена в приговоре сельского схода Нижнеингашского сельского общества Тинской волости, в котором говорилось:

> ...сознавая... всю громадную пользу, которую принесли бы повивальные бабки из среды наших крестьянок, получившие надлежащее образование, ввиду предстоящих таких неотложных и крупных расходов по нашему сельскому обществу, как постройка хлебо-запасных магазинов, зданий для училища и церковно-служителей, а также принимая крайнюю скудость материальных средств у общества, вследствие чрезвычайно низких цен на хлеб, постановили принять к сведению предложение, чтобы при первой возможности воспользоваться им [18, с. 2].

Общества же, отрицательно отнесшиеся к идеи губернатора, указывали и другие мотивы отказа — «несогласие родителей, так как дочери и дома нужны для работ» или «надобности не имеется, ибо всему удовлетворяют опытные старухи», а сход Ключевского сельского общества Уринской волости посчитал поводом для отказа причины социально-психологического характера:

> ...обсудив и видя из примера прежних лет, когда нами посылались девочки для обучения на повивальных бабок, что они никакой пользы нам не приносили, так как с возвращением из учения из крестьянских девочек превращались в барышень и отстранялись от взрастившей и давшей им образование среды, так что простые, а тем более бедные женщины стесняются обращаться к ним за помощью [19, с. 2].

Но если медицинские учреждения в сельской местности испытывали нехватку квалифицированных кадров, то в городах дела обстояли еще хуже. Ведь в отличие от села для городского населения вообще не было введено никакой новой системы — ни плохой, ни хорошей. Там существовала в основном платная медицина. В губернском Красноярске до первой половины 80-х гг. XIX в. функционировала, например, только одна городская больница. Всех желающих вместить она не могла, да и пребывание стоило там 8–9 рублей в месяц, большие по тем временам деньги, и тем самым

значительное количество людей было вообще лишено бесплатной медицинской помощи [20, л. 8].

Это хорошо понимали и ощущали сами представители медицинского сообщества, сталкиваясь с такими проблемами практически ежедневно. Понимали это как губернские, так и городские власти. Поэтому, когда в 1883 г. молодой врач Владимир Михайлович Крутовский предложил открыть в городе Красноярске лечебницу для бедных больных, с бесплатной раздачей лекарств, его предложение было одобрено и городской санитарной комиссией, и городской думой, а последняя даже выделила на эти цели 1200 рублей из имеющихся в распоряжении города капитала для погорельцев 1881 г., оставшихся без употребления [21, л. 26]. Когда этих денег оказалось недостаточно, то пришлось прибегнуть к частным пожертвованиям. В течение короткого времени на лечебницу было собрано 558 рублей 87 копеек. Еще 1000 рублей пожертвовал известный меценат Иннокентий Михайлович Сибиряков, а 299 рублей были получены от трех гуляний, проведенных на пароходе, принадлежащем купцу Николаю Герасимовичу Гадалову. Однако и этих денег оказалось мало, и тогда санитарная комиссия была вынуждена все же учредить с посетителей лечебницы 15-копеечный сбор [22, л. 26].

2 июня 1885 г. Красноярская городская лечебница наконец-то была открыта. Прием в лечебнице вели все красноярские врачи. Один раз в месяц проходило собрание врачей, работающих в лечебнице, на котором обсуждались как текущая работа, так и многие медицинские и другие вопросы [23, л. 28]. Такого рода общение и привело к идее создания в Красноярске врачебного общества — своего рода клуба для обсуждения новинок медицины, совершенствования профессионального мастерства и выработки единой линии по каким-либо вопросам, и 26 сентября 1886 г. такое общество было открыто.

Практически сразу же после своего создания Общество врачей Енисейской губернии, членами которого были такие известные красноярские врачи, как Павел Иванович Можаров, Петр Иванович Рачковский, Владимир Михайлович Крутовский, Александр Иванович Бургер, Роберт Карлович Пикок, разработало несколько важных инициатив по изменению системы народного здравия в губернии. Так, в 1887 г. была выработана концепция по вопросу изменения в системе оказания сельской врачебной помощи. По мнению членов общества, для Енисейской губернии с ее большими пространствами и малочисленностью населения необходима стационарно-разъездная система врачебной помощи с компактными участками, где основным звеном являлся бы не врач, а фельдшер [24, л. 1].

К сожалению, власти не сразу прислушались к мнению специалистов, и только через десять лет — 29 мая 1897 г., в связи со строительством Транссибирской магистрали и началом переселения крестьян из Европейской России, были Высочайше утверждены новые штаты врачебной части Восточной Сибири. Теперь, согласно этим правилам, сельская местность Енисейской губернии была разделена на 22 врачебных участка (за исключением Туруханского и Урянхайского краев), в которых должны были быть устроены лечебницы по 10 кроватей (всего на Енисейскую губернию по плану приходилось 220 кроватей) [25, л. 8].

Вторая инициатива Общества врачей касалась подготовки фельдшерских кадров. Так как существующий приходящий фельдшерский контингент не выдерживал критики, было предложено готовить кадры в самой Енисейской губернии, для чего члены общества решили открыть в Красноярске фельдшерскую школу. Такая школа была открыта в 1889 г. при городской лечебнице. Общество врачей предоставило школе помещение, а 12 его членов согласились бесплатно в ней преподавать. Срок обучения в фельдшерской школе был три года. Принимались в нее лица женского пола в возрасте от 17 до 35 лет. За обучение бралась плата 10 рублей в год (в военное время —

25 рублей), которая шла на нужды школы. Другими источниками финансирования были пожертвования почетных попечителей. Так, на 1892/1893 учебный год попечитель В. А. Данилов внес 78 рублей, И. А. Матвеев — 125, Н. К. Переплетчиков — 80, А. П. Кузнецова — 60 [26, л. 8].

Однако денег на содержание школы катастрофически не хватало, и уже в 1896 г. руководство Общества врачей и фельдшерской школы обратилось к енисейскому губернатору за субсидией, указывая, что все восемь лет существования школы наблюдается большой отток учениц в другие города для обучения и причинами такого оттока является не только малограмотность, изменение семейного положения или болезни, но и отсутствие возможности оплаты за учебу [27, л. 6 об.]. При этом значительная часть средств школы уходит на стипендии и единовременные пособия неимущим ученицам [28, л. 8]. Но согласование этого вопроса с Министерством внутренних дел и аппаратом генерал-губернатора Восточной Сибири затянулось до 1903 г., когда Красноярская фельдшерская школа стала получать пособие от казны в размере 6500 рублей в год, и то при условии введения государственной программы обучения.

Конечно, из документов видно, что отношение власти и общества в вопросах народного здравия нельзя назвать гладким. Порой органы власти сдерживали порыв общественности по радикальному изменению сложившейся системы здравоохранения и за это подвергались существенной критике, особенно на страницах газет. С другой стороны, инициативы власти порой наталкивались на консерватизм населения, особенно в сельской местности. Но, несмотря на многие проблемы, на рубеже XIX–XX вв. в деле народного здравия появились некоторые изменения к лучшему. Это и увеличение численности фельдшерского персонала, и появление на селе специализированной акушерской помощи, и существенное увеличение числа населения, получающего врачебную помощь, и увеличение стационарной помощи в виде открытия лечебниц. И конечно, такие изменения не могли не оказать влияние на последующее развитие системы здравоохранения в губернии.

Список источников

[1] ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 10.
[2] Там же.
[3] ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 38.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 49.
[8] ГАКК. Ф. 595. Оп. 44. Д. 104.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 450.
[13] ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 531.
[14] ГАКК. Газетный фонд. Енисейская мысль. 1894. 13 февр.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же.

[20] ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560.
[21] ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 550.
[22] Там же.
[23] ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 606.
[24] Там же.
[25] ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 136.
[26] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 707.
[27] Там же.
[28] Там же.

Политика государства и поведение крестьян Енисейской Сибири в 1920-х гг.

А. П. Шекшеев,
кандидат исторических наук,
Хакасская республиканская организация общества «Мемориал», г. Абакан

АННОТАЦИЯ Данная публикация освещает взаимоотношения между советской властью и крестьянством в 1920-х гг. Автор на материалах Енисейской Сибири показал, что начавшееся с продразверсток и завершившееся свертыванием нэпа государственное принуждение вызвало крестьянское сопротивление и внутридеревенскую борьбу. Автор сообщил об отсутствии возможностей назвать эти отношения «классовой борьбой» или «гражданской войной». Протестующие крестьяне были разными по имущественному положению и не ставили политических целей. Но власти сочли их поведение имеющим политическое значение и настолько опасным, что прибегли к его ликвидации с использованием вооруженной силы и «силовых» органов, а затем перешли к политике коллективизации и раскулачивания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА беднота, внутридеревенская борьба, деревня, Енисейская Сибирь, коммунисты, крестьянство, сопротивление, кулаки, продовольственные кампании, советская власть, хлеб.

В настоящее время историки существенно продвинулись в изучении проблематики взаимоотношений между Советским государством и крестьянством послереволюционного периода. Так, к примеру, выстраивая мобилизационную модель хозяйственного освоения Сибири [10], ученые сделали выводы о том, что деревенское население дважды — в годы военного коммунизма, свертывания новой экономической политики (нэпа) и массовой коллективизации — переживало мощное давление и жестокие репрессии со стороны государства, которые ускорили объективный процесс раскрестьянивания. Во время же нэпа, по мнению историков, состоялось перемирие между советской властью и деревней. Лишь в последних публикациях стало утверждаться, что в этот, «внешне мирный», период жизни государства продолжалась «шлифовка» чрезвычайных методов, приемов и подходов [1, с. 120].

Вместе с тем сложные и противоречивые процессы нэпа изучались больше в качестве продукта политики Советского государства. Протестное поведение крестьян против нее характеризовалось в качестве ответных действий, лишенных политической окраски, а внутридеревенские отношения исследовались в самом общем виде. Объясняя жертвенное прошлое российского общества необходимостью создания мобилизационного режима советской экономики, обращенного на решение геополитических задач, современные авторы мало пишут о самом творце истории.

Периоду нэпа предшествовало время, когда советская власть воцарялась на огромной территории Енисейской губернии со множеством селений, в которых проживали крестьяне, слабо связанные с цивилизацией. Сами они делили себя лишь на зажиточных, середняков и бедняков, которые восприняли переход к советской власти по-разному. Она пришла, при этом распространяя в деревне новшества жизни и управления, возлагая на крестьян трудовые обязанности и заставляя их вновь снабжать государство хлебом. С весны по осень 1920 г. в обстановке свертывания товарно-рыночных отношений главным инструментом заготовок хлеба стали продразверстки. Осуществляемая на принципах круговой поруки, под давлением милитаризованных органов, с помощью «продовольственной армии», состоявшей из красноармейцев и даже чекистов, последняя из них носила принудительный характер. Полное изъя-

Группа красноармейцев и представителей партийно-советских органов в Минусинске, 1920-е гг. (из фондов МКМ)

тие хлебопродукта толкнуло деревню к крестьянскому сопротивлению в форме саботажа и сокрытия запасов.

Крестьянский протест в условиях нарастающего аграрного кризиса заставил советское руководство отложить полную реализацию социалистических идей. С переходом государства к продовольственному налогу, декларированному 15 марта 1921 г. резолюцией X съезда РКП(б), был объявлен нэп. Власти должны были отчуждать часть хлебопродуктов у производителей безвозмездно в рамках обязательного для выполнения фиксированного натурального налога, а другую — закупать у крестьян на рынке. Несмотря на декларации, уровень обложения крестьянства налогом даже несколько увеличился, что объяснялось голодом в Поволжье и сокращением посевных площадей.

Но в действительности нэп стал воплощаться на Енисее лишь с весны следующего года. В обстановке нападения «банд» на коммунистические ячейки и советские органы, убийств продовольственных работников и милиционеров заготовки хлеба продолжали осуществляться прежними насильственными методами. Местные власти широко применяли принудительный обмолот и сдачу зерна, полное изъятие хлебопродуктов и конфискацию скота. Массовые злоупотребления, подрывая основы существования советской власти в деревне, сопровождались сопротивлением крестьян, которые захватывали семенные фонды, грабили ссыпные пункты и уклонялись от уплаты налога путем сокрытия пашни и полученного урожая. Согласно признанию партийного руководителя на V Сибирской конференции РКП(б) (апрель 1922 г.), сбор налога на территории региона по проведению имел много общего с продразверсткой [2, л. 40]. Он способствовал распространению в некоторых местностях голода, а в целом — озлобленного отношения крестьян к коммунистам.

Переходя к взиманию единого натурального налога, сибирские руководители в секретной телеграмме от 14 июня 1922 г. потребовали от губернских властей немед-

Группа представителей советской власти в Минусинске (из фондов МКМ)

ленно пустить в действие все силы и средства вплоть до применения репрессий. В село были направлены уполномоченные, стали вводиться отряды красноармейцев и действовать выездные сессии ревтрибунала и народного суда. Крестьяне же быстро перешли к сокрытию от обложения скота, посевов и обратились к хищению собранного хлеба. Налоговая политика советской власти содействовала сокращению крестьянами своего хозяйствования и разделу большой «отцовской» семьи на малые, а следом и общему кризису сельского хозяйства.

Введенный в мае 1923 г. единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) уплачивался как в натуральной, так и в денежной форме, а с января 1924 г. — только деньгами. Осуществление его сбора было сразу отягощено природными бедствиями и сокрытием крестьянами засеваемой земли. Налоговое задание к 1924 г. не было выполнено. Несмотря на то что в деревне совершались поджоги, кражи и убийства, репрессии со стороны государства применялись тогда незначительно.

В феврале — апреле 1924 г. ЕСХН был определен в качестве налога, единственного для крестьян и организуемого на коммерческой основе. Но более высокое по сравнению с другими сибирскими регионами обложение налогом енисейских крестьян вызвало массовую утайку ими пашни и скота. Сократив посевы, деревня стала задерживать реализацию хлеба, что вызвало очередной прессинг со стороны властей.

Осознавая опасность утраты народной поддержки, партийное руководство на октябрьском (1924) пленуме ЦК РКП(б) объявило о переходе к политике «лицом к деревне». Многие деревенские коммунисты, продолжавшие применять методы военного коммунизма, при перевыборах сельсоветов и правлений кооперации не были избраны их членами.

Задание первых шести месяцев налоговой кампании выполнить не удалось. Начиная с января 1925 г. продовольственные органы приступили к изъятию хлеба из деревни подчистую, не боясь ссоры с беднотой. Хлебных излишков в губернии

Енисейский губернский исполком в 1922 г. (из фондов КККМ)

оказалось в два раза больше выявленного, и зажиточное население стало исправным плательщиком налога [3, л. 14].

Между тем с объявлением РКП(б) нового политического курса усилилось разложение коммунистических ячеек. Вследствие мягкости наказаний, применяемых к преступным элементам, ряд местностей подвергся распространению уголовщины. Ощущая свою значимость и силу, некоторые крестьяне проявляли вражду к представителям советской власти в форме групповых и открытых нападений.

Несмотря на случаи добровольной уплаты налога зажиточными крестьянами, собирался он с большим нажимом. К маю 1925 г. с применением репрессий на территории губернии впервые был перевыполнен план централизованных заготовок хлеба [9, с. 63; 8, с. 112]. Кроме того, регион к осени того же года сдал дополнительное количество хлебопродукта.

Налог оказался для деревни тяжелым, выполненным с большими перегибами. Упорствуя, крестьяне вновь обратились к сокрытию объектов налогового обложения. Частыми в это время являлись вынужденные и по возможности скрываемые от властей самовольные порубки государственного леса. Случалось, недовольство крестьян усердием местных советских служащих выливалось в их убийства.

На апрельском 1925 г. пленуме Енисейского губернского комитета партии перед коммунистами была поставлена задача идейного овладения деревней [6, л. 158, 163–164, 167]. Итогами повторных выборов в советы стало повышение активности населения, а также сокращение присутствия в них представителей партии и комсомола. К власти на селе пришли хозяйственные середняки, которые нередко потворствовали кулацким инициативам.

Сокращение налоговых платежей и насыщение деревни денежными средствами, получаемыми за счет повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, способствовали умиротворению деревни. Вместе с тем большая налоговая нагрузка в кампанию 1925/26 г. была встречена крестьянами недовольством. На территории пяти ени-

Исполком Минусинского уездного совдепа в конце 1920 г. (из фондов МКМ)

сейских округов Сибирского края началось массовое сокрытие объектов нового налогового обложения, в котором участвовали беднота и даже сельсоветчики. Население, рассчитывая на повышение цен, не только задерживало продажу произведенных продуктов, но расширяло их запасы. Потери для представителей советской власти наносили продолжавшиеся террористические акции.

Констатировав большой недобор хлеба, власти стремились поколебать выжидательную позицию крестьян. Но недостаток ввозимых товаров заметно замедлил темпы заготовок. Лишь к сентябрю 1926 г. некоторые енисейские округа выполнили годовой план этой кампании, так и не оправдав возложенные на нее надежды [8, с. 148; 9, с. 76–78].

Вследствие хорошего урожая хлебозаготовки 1926/27 г. начались успешно. Но в дальнейшем из-за неблагоприятной погоды, недостатков в работе железнодорожного транспорта и осложнения международных отношений они резко упали.

Хлебозаготовительные кризисы явились результатом усиления диспропорций в развитии экономики, волюнтаризма ценовой политики и одновременного поиска советской властью ресурсов для быстрого строительства социализма. Проведенные выборы в советы и правления кооперации показали, что без поддержки государства местные коммунисты теряли власть на селе. Переход к политике «лицом к деревне» оборачивался небывалым ростом пьянства и конфликтных ситуаций, мщением крестьян активистам и сопротивлением землеустройству. Начиная с 1926–1927 гг. в деревне стали распространяться настроения о необходимости создания крестьянских союзов.

С целью усиления своих позиций в деревне власти перешли к «очищению» ее от рецидивистов, насыщению переселенцами и раскольнической деятельности. Освобожденная от уплаты налога и объединяемая в группы, беднота зачастую имела уже решающее слово в проведении кампаний. Помимо разделения на бедных и бога-

тых, на селе все заметнее становилось размежевание крестьян на консерваторов, возмущавшихся революционной анархией и мечтавших о возрождении общественного порядка, и сельских активистов, жаждущих уничтожения кулаков.

Политика экономической либерализации оказалась непрочной и недолгой. Начавшееся в 1927 г. наступление на деревню выражалось в усилении налогового пресса, в росте всяческих платежей, а также в ущемлении религиозных чувств и ограничении избирательных прав населения. Возникший очередной хлебозаготовительный кризис заставил власти вернуться к внеэкономическим методам изъятия зерна у его производителей. С посещением Сибири И. В. Сталиным ее регионы стали плацдармом нового и безудержного изъятия хлеба и уголовного преследования саботажников. 12 марта того же года краевая «хлебная тройка» направила в окружные отделы ОГПУ циркуляр о продолжении репрессивных мер. Летом 1928 г. остроту положения добавило постановление бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б), согласно которому подведомственный ему регион должен был собрать дополнительное количество хлеба.

Во второй половине 1928 г. местные власти отошли от применения чрезвычайных мер, что оказало слабое влияние на осуществление продовольственной кампании. Вскоре вновь распространенным видом наказания крестьян-саботажников стало пятикратное обложение их налогами, описание хозяйств с последующей распродажей. Несмотря на достигнутые успехи, объемы заготовок продолжали снижаться, задание не было выполнено.

Оценив положение, партийное руководство весной 1929 г. решилось на введение метода поселенной и подворной разверстки «твердых» заготовительных заданий между крестьянскими хозяйствами, когда право конфискации хлеба перекладывалось на сельскую общественность, лояльную советской власти. Широкое осуществление «урало-сибирского» метода, сделавшего возможным и частым применение мер воздействия в виде осуждения по статьям УК РСФСР, должно было разорить кулаков и напугать остальных крестьян.

Мероприятия властей вызывали не столько «классовую» ненависть крестьян к государству, сколько их протестное поведение, основанное на чувстве справедливости. Открыто поддерживала зажиточных односельчан и участвовала в акциях протеста некоторая часть середнячества и бедноты. Вспышки протеста возмущенных крестьян и особенно женщин были слабоуправляемыми и носили эмоциональный характер. Деревня пускала в ход привычный арсенал активного и пассивного сопротивления, содержание и формы которого определялись обычными заботами крестьян и способами их бытия. Они имели свою логику и реализовывались по сценарию действий, уже имевших успех в споре с властями.

Средством такой борьбы прежде всего являлась кулацкая агитация, которая зачастую выдавалась в качестве слухов. Способом, который должен был ослабить налоговый нажим властей, считался раздел крестьянских хозяйств. Напуганные полуголодной жизнью, крестьяне с обложением их новым налогом обращались к массовому сокрытию его объектов. Налоговые изъятия сопровождались случаями вредительства и избиениями активистов. Обычным явлением в деревенской жизни становился кулацкий террор, который порой приобретал групповой характер. Формой крестьянского протеста и внутридеревенской борьбы стали поджоги и уничтожение скота активистов. Распродажа кулацкого имущества в 1929 г. вызывала взрывы человеческого негодования в виде так называемых «бабьих волынок».

Все чаще деревня, сокращая хозяйствование, не выполняла государственные задания. Оставшись без хлеба, беднота предъявляла требования к местной власти о снабжении ее продуктами. Вопреки заявлениям некоторых историков об отсутствии интереса у крестьян к политике, происходившее свидетельствовало об обратном. Например, в осенний день 1929 г. кулак Барабаш из д. Переяславки Канского округа

разъезжал с криками: «Даешь восстание!» Ознакомившись с речью Сталина на очередном пленуме ЦК, крестьяне д. Черемшанки того же округа заявили, что на практике она приведет к голоду. Представители самых разных слоев общества в деревнях ряда округов говорили об отсутствии надобности в коллективизации и «паразитизме» коммунистов [4, л. 78; 5, л. 19; 7, л. 11, 57]. Одни крестьяне не спешили вступать в срочно создаваемые властями колхозы, а другие — распродавали или раздавали нажитое и бежали в безлюдные места.

Многие сельсоветы, комиссии, уполномоченные и коммунистические ячейки упорно заявляли об отсутствии на селе кулаков. Весь 1929 г. власти боролись со своей оппозицией в деревне, состоявшей из низовых аппаратчиков. Сопротивление местных коммунистов обернулось «чисткой» партийных организаций.

Несмотря на то что деревня отказывалась сдавать хлеб в счет выполнения налоговых заданий, покупать облигации государственного займа и голосовать за «самообложение», советская власть, применяя к саботажникам ст. 61, 107, 58 и 59 УК, ломала крестьянское сопротивление. Существенным являлось участие в деревенских делах чекистского ведомства. Органы ОГПУ являлись грозной и удобной инстанцией, к которой обращались власти, сельские коммунисты или беднота, натолкнувшись на сопротивление «антисоветских элементов». Контролируя через секретных сотрудников жизнь деревни, спецслужбы выявляли организаторов и участников сопротивления.

Используя насилие, власти обеспечили перекачку ресурсов из деревни в индустриальный сектор. В резолюции ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б) говорилось, что был достигнут

> благоприятный ход хлебозаготовок, значительно превышающий результаты прошлых лет и позволяющий уже в текущем году создать резерв до 100 млн пудов хлеба [11, с. 163].

Однако сверхнормативное изъятие хлеба обернулось резким ухудшением продовольственного обеспечения не только деревни, но и, например, Красноярска. Экономическую независимость и политическую власть на селе быстро приобретали крестьянские низы.

Итак, несмотря на объявление советской властью нэпа и некоторое завоевание ею деревни, енисейское крестьянство так и не стало монолитом, поддерживавшим новое государственное устройство. Бесконечное и принудительное выкачивание из деревни ресурсов, отторжение от привычной жизни части населения вызвали его сопротивление и внутридеревенскую борьбу. Отношения между государством и селом в 1920-х гг. не были «классовой борьбой» или «гражданской войной». Но выявленные факты крестьянского протеста и государственных репрессий говорят о том, что столкновение сторон не было простым их обострением.

Власти сочли крестьянские протесты настолько опасными, что прибегли в ликвидации этого явления с использованием армейских частей, милицейских, судебных и даже чекистских органов. Несмотря на то что деревенское население, протестуя, не выдвигало требований свержения советской власти и пыталось приспособиться к ее стратегическим замыслам, его поведение в глазах партийно-советского руководства имело политическую окраску и стало одной из причин нового насилия в виде коллективизации и раскулачивания.

Список литературы и источников

[1] *Бакшеев А. И.* НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны: монография / науч. ред. П. А. Новиков. Красноярск: КрасГМУ, 2020. 145 с.
[2] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 361.
[3] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506.
[4] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 697.
[5] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 908.
[6] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5.
[7] АГМ. Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 59.
[8] *Ильиных В. А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.
[9] *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 343 с.
[10] Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.): кол. монография / отв. ред. А. И. Тимошенко. Новосибирск: Параллель, 2013. 382 с.
[11] Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг.: хроникально-документальный сб. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2006. 260 с.

Вопросы сохранения исторической памяти

Работа ИГУ по реализации программ фонда «Русский мир» (Русский язык в Монголии)

И. В. Бойко,
кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АННОТАЦИЯ В статье представлен анализ деятельности Иркутского государственного университета по продвижению русского языка в Монголии. Выявлены основные направления и формы деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Монголия, русский язык, Иркутский государственный университет.

К сожалению, русский язык в современной Монголии утратил свои позиции относительно 70-х — 90-х гг. XX в., когда он был обязательным для изучения во всех учебных заведениях страны. В настоящее время его место занял английский. Учителей-русистов перепрофилировали на преподавание английского языка, а русский стали изучать как второй иностранный в 7–9-х классах в рамках общеобразовательной школы (три часа в неделю в 7-м классе и по два часа — в 8-м и 9-м).

Тем не менее интерес к русскому языку в Монголии сохраняется, поэтому в 2013 г. фонд «Русский мир», целью которого является распространение русского языка и культуры (РКИ) в мире, удовлетворил заявку на грант Иркутского государственного университета (ИГУ) об организации и проведении курсов повышения квалификации по РКИ для монгольских учителей. С этого времени ИГУ ежегодно успешно участвует в конкурсе грантов, расширяя направления деятельности.

В процессе реализации проектов фонда «Русский мир» была выполнена следующая работа:

1. Организованы и проведены курсы повышения квалификации по русскому языку как иностранному для 898 монгольских учителей и для вузовских преподавателей.
2. Организованы и проведены занятия по практическому курсу русского языка для 357 учащихся из средних школ Улан-Батора, Дархана и Восточно-Гобийского аймака.
3. Организованы и проведены занятия по практическому курсу русского языка для 149 студентов Университета образования Улан-Батора (Институт социально-гуманитарных наук).
4. Подготовлены презентации по 48 учебно-методическим темам русского языка как иностранного (1259 слайдов).
5. Разработаны тесты для начинающих учителей и учителей, имеющих опыт работы не менее пяти лет (20 вариантов, 49 заданий в каждом).
6. Изданы пособия для занятий на курсах (восемь книг, издательство «Улаанбаатар хот»; общий объем 54,4 п. л.).
7. Подготовлены материалы по русскому языку и культуре России (для внеклассной работы) для учителей монгольских школ (3,2 п. л.).
8. Изданы четыре статьи по теме исследования (одна статья в зарубежном сборнике — Монголия, одна статья — в сборнике РИНЦ и две статьи — в сборнике ВАК).
9. Заключены договоры о сотрудничестве между восемью школами Иркутска и Монголии.

10. Прошли педагогическую практику в качестве учителя РКИ в монгольских школах 33 студента Педагогического института ИГУ (2016–2019).

Занятия со слушателями проводятся как в Монголии (в разных аймаках), так и в России (Иркутск).

Основной целью организации занятий в русской языковой среде является активизация разговорной речи обучающихся и знакомство с культурой и повседневной жизнью современной России. А во время работы в Монголии, кроме организации краткосрочной языковой среды, много внимания уделяется повторению сложных для монголов тем по грамматике, лексике, фонетике.

Все обучающиеся оставляют комплиментарные отзывы.

Генеральное консульство Монголии в Иркутске заинтересовано в расширении сотрудничества между нашими странами. В настоящее время по инициативе генерального консула Ж. Энхжаргала проводится международный конкурс «Монголия — Россия: Иркутск — мост дружбы», посвященный 100-летию установления дипломатических отношений между странами. Время проведения конкурса — март — октябрь 2021 г. В конкурсе принимают участие школьники 1–11-х классов и студенты Иркутской области и Хакасии.

Считаем, что подобная работа по продвижению русского языка в Монголии повышает желание изучать язык и культуру России, способствует сближению наших народов.

Никто не забыт. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне

А. П. Борисова,
краевед, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ На основе документов нескольких архивов и материалов периодической печати в 2019 г. издана первая книга под названием «Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.». Адресована всем, кто интересуется историей Приенисейской Сибири, а также в помощь тем, кто работает над родословной своих семей для восстановления недостающих звеньев в ее истории. Сборник содержит около 20 тысяч имен участников Великой войны, восстановлено более 600 георгиевских кавалеров. Книга есть во всех библиотеках края и в свободном доступе в Интернете. Над именными списками работа продолжается, георгиевских кавалеров-земляков в списке уже более 800. Готовится к изданию второй том книги с таким же названием. В материале книги ссылки на источники уже есть, в данной статье они не приводятся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА забытый полк, енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

Более столетия отделяет нас от Первой мировой войны, названной современниками «Великой», «Священной», «Царской». Но она остается для нас малоизвестной, подвиги наших дедов и прадедов забыты.

Если известно, что из Енисейской губернии было призвано 84 тысячи земляков, то число раненых, убитых, без вести пропавших, попавших в плен еще предстоит выяснить.

В сборник вошли не только уроженцы Енисейской губернии, но и те герои, чья судьба связана с Енисейской Сибирью, например герои Гражданской войны, летчики, которые в мирное время работали на севере Енисейской губернии, геологи, которые после войны трудились на енисейской земле, переселенцы, ссыльные.

Война — это катастрофа, это трагедия страны и ее народа! Мобилизация в Енисейской губернии была объявлена уже 20 июля 1914 г., причем мобилизации подлежали запасные за 15 лет предшествующей службы, а 26 июля губернатор И. И. Крафт объявил Енисейскую губернию на военном положении. И началось! Транссибирская магистраль перешла на военный режим работы, отправляя один за другим эшелоны на запад с людскими и промышленными ресурсами. И хотя Енисейская губерния была территорией глубокого тыла, война сильно изменила привычный уклад жизни его жителей. У станков и в поле работали женщины и подростки. Рабочий день был увеличен до 12–16 часов, а заработная плата значительно уменьшилась. Из личных хозяйств сельчан проводился отбор лучших лошадей для фронта. Уменьшились посевные площади. Сократился ввоз товаров народного потребления. В Сибири отмечены «голодные бунты», направленные против дороговизны и спекуляции.

Война уже в первые дни вызвала волну патриотизма по всей России. Есть примеры выражения высоких верноподданнических чувств и в Енисейской губернии, они отражены в данном исследовании. Это гимназисты, дети чиновников и священнослужителей; отставные военнослужащие в прошениях выражали готовность послужить Родине, престолу, царю. Енисейские казаки, охваченные патриотическим порывом, даже не подлежащие призыву, выражали готовность отправиться на войну. Например, казак станицы Саянской Симонов Степан, участник войны с Китаем и Японией, подал прошение на имя Николая II, указал в прошении о своем хорошем здоровье (возраст 43 года) и отметил, что «невозможность принести пользу Отечеству

вызывает во мне глубокую печаль». Казаки, удравшие на фронт, считались дезертирами, их семьи лишались пособий, и все-таки казаки убегали на фронт. Но следует отметить, что в подавляющем большинстве призывались молодые люди из крестьянских семей.

Сохранился архивный документ — частные пожертвования, где десятки описей, сотни фамилий благотворителей, тысячи наименований содержимого в посылках. Красноярцы отправляли на фронт теплую одежду, жилеты и пиджаки, утепленные не ватой, а шерстью, белье, наколенники, набрюшники, иголки, чай, мыло, кожу и подошву, дратву, писчую и курительную бумагу. П. И. Гадалов пожертвовал папирос 1000 шт., махорку, курительную бумагу — 8 фунтов. О. С. Круглова отправила 14 фуфаек, папирос 1000 шт. В газетах размещались объявления о дате сбора вещей, подарков. Железная дорога бесплатно перевозила такие грузы. Вещи отправляли в Варшаву, Вильно, Киев на склады Красного Креста, а для воинов, находившихся на передовой, непосредственно в войсковые части.

Деятельность православного духовенства также базировалась на высоком патриотическом подъеме населения России. В качестве иллюстрации того, насколько близко к сердцу принял простой люд эту войну, сколько патриотических чувств она вызвала, приведем отрывок из полученного письма к Преосвященному Никону, опубликованный по его указанию в «Енисейских епархиальных ведомостях»:

> Ваше Преосвященство, 28 сентября мною был устроен сбор в пользу раненых во всем приходе. Сбор превзошел ожидания: от мала до велика кидали в кружку, и все серебром; в каждом доме даже самые бедные давали деньги, холст и яйца; все давали от души и со слезами. Я не мог в день обойти все село, только половину — но холста, полотенец набралось пуда два... Решено еще сделать сбор, когда будет обмолочен хлеб...

Война — это беженцы. Организовывать помощь приходилось не только больным и раненым воинам, но и калекам, их семьям, детям-сиротам. К сентябрю 1915 г. в Красноярске было зарегистрировано около пяти тысяч беженцев. Епископ Никон обратился к своей пастве:

> Волна беженцев докатилась и до нашей епархии... Поддержите, дорогие пастыри, силы наших пострадавших соотечественников; примите их у себя и в приходах ваших с любовью!

Война — это военнопленные. Только в губернском центре их было до 13 тысяч. Их тоже надо было как-то содержать, организовывать, охранять. Если учесть, что население города было около 30 тысяч, то можно представить, какой непосильной нагрузкой на жителей и городской бюджет был этот вал проблем. А были еще эпидемии, в том числе тиф...

Русские военнопленные находились во многих крупных лагерях Германии, Австро-Венгрии. В данном исследовании такие примеры есть. Например, Силаев Зиновий призван из д. Малый Телек Идринской волости; будучи ранен, в 1916 г. попал в плен, находился по адресу: Ламсдорф, Верхняя Силезия.

Многие наши земляки воевали в нескольких войнах: например, Черкашин Василий из д. Додонова Частоостровской волости, красноярец Кононов Сергей, Калинин Иван из д. Кардачинской Заледеевской волости участвовали в Китайской кампании, Русско-японской и Первой мировой. А генерал-майор Березин А. Д., участник Первой мировой, Гражданской, Финской войн, погиб в Великую Отечественную. Титов Василий из д. Антоновки Заледеевской волости в 1916 г. служил на одном из самых славных кораблей Российского флота — крейсере «Аскольд», который отличился в двух войнах

прошлого века — Русско-японской и Первой мировой. Гевель Наум Исакович, матрос-артиллерист, воевал на флагмане Черноморского флота «Императрица Мария».

Война дала Енисейской губернии множество героев Великой войны, некоторые из них известны нам по названиям улиц, но большинство современников помнят их как героев Гражданской войны, Великой Отечественной или проявивших себя в мирное время в трудовой деятельности. На красноярских кладбищах удалось восстановить захоронения участников Первой мировой.

В данном исследовании представлены также восемь Героев Социалистического Труда: Виноградов П. А., Горбач Н. Н., Дурманов В. И., Заднепровский К. Е., Кочетков М. В., Лосев К. П., Милочкин Н. Ф., Рузаков Г. А. Есть почетные граждане города Красноярска — это Вологжанин Е. Ф., Петрушин П. М., Горелов В. А., Тарасов С. А. Тарасов С. А., еще и полный георгиевский кавалер, потомственный почетный гражданин Красноярского уезда. На защиту Родины были призваны и 30 артистов драмтеатра Красноярска, а также сотни медицинских работников-земляков. Многие ли знают их имена?

Прослежена дальнейшая судьба около сотни участников Первой мировой благодаря материалам архива Красноярского общества «Мемориал». Например, Эскин Н. А., дворянин, участник Мировой войны, полковник, ранен, имел награды, в мирное время за сокрытие своего воинского звания осужден на пять лет лагерей. Еще несколько раз был арестован, а в 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян.

Участие в Белом движении перечеркнуло подвиги многих и многих участников Великой войны, в том числе Гулидова В. П., Мартьянова Н. Н., Мальчевского М. И., Зиневича Б. М., стерло из памяти заслуги енисейского начальника Александра Платонова, награжденного на фронте георгиевским оружием.

Великая война для России закончилась в марте 1918 г. Фронтовики вернулись домой. С трудом приходится осознавать, как герои тяжелейшей внешней войны вынуждены были без передышки включиться во внутреннюю войну, гражданскую.

Военные историки называют войны захватническими, освободительными, колониальными, народными и антинародными, даже абсурдными. Не будем останавливаться на определении Первой мировой, оно давно сформулировано. Наш долг сегодня с пониманием относиться к событиям времен Великой войны, знать ее историю со всеми фактами, ужасами. Они коснулись как России в целом, так и нашего края, наших семей. И делать выводы. Но как бы война ни называлась, землю, на которой мы живем, надо защищать. Лучше, конечно, делать все, чтобы не допускать вооруженного конфликта. Вопрос в другом, много ли сделано для того, чтобы поколение молодых знало, помнило земляков-патриотов Первой мировой, и что в наших силах сделать и что уже делается? В России и во всем мире 1 августа объявлен Днем памяти о погибших в Первой мировой войне. Но в нашем городе некуда принести цветы и приклонить голову в знак уважения к фронтовикам Великой войны. Нет такого мемориала. Единственный памятник в крае героям Первой мировой открыт в 2014 г. на территории Свято-Троицкого храма с. Частоостровского Емельяновского района. И что особенно важно — появился он по инициативе самих жителей села и на их деньги. В Красноярске по инициативе и при участии Общества любителей военной истории открыта мемориальная доска сибирским стрелкам на фасаде здания по адресу: Красная площадь, 17, где во время Великой войны находился штаб 30-го Сибирского стрелкового полка.

В 2028 г. будем отмечать 400-летие Красноярска. И как уже писали СМИ, согласно указу Президента РФ, это будет праздник федерального масштаба. А в июне 2019 г. состоялась красноярская экспертная сессия по вопросу формирования идеологии региональной идентичности, где было сказано, что в крае мало представленных экспозиций о XX в. Поэтому хорошо бы создать в Красноярске, например, аллею Славы героев Первой мировой войны, где бы разместить стенды с фотографиями героев,

информацию об их боевых подвигов. Аллея Славы героев украсила бы наш город, была бы на пользу школьникам, горожанам и гостям города. На уцелевших домах, откуда призывались герои войны, тоже можно разместить информационные таблички. Лет пять назад общественными организациями поднимался вопрос о переносе могилы Кравцова Тимофея Кузьмича, одного из первых военных авиаторов нашей страны, на Троицкое кладбище «в летчицкий уголок», который сразу за зданием музея «Мемориал Победы», где захоронены многие летчики, погибшие при исполнении воинского и служебного долга. В этом случае могила была бы под присмотром музея как памятник истории Первой мировой войны. Или на аллею Славы кладбища «Бадалык» — и установить бы на могиле памятник, соответствующий статусу героя. А в преддверии 200-летия Енисейской губернии и 400-летия Красноярска решение этого вопроса было бы исключительно актуально — город обрел бы памятник-символ истории Первой мировой войны. Есть же в городе памятник афганским событиям («Алёша»), и горожане знают, что этот памятник символизирует. И несут цветы. Нужно возвращать национальную память о событиях и героях войны, которую часто называют забытой.

Организация и проведение Больших семейных сборов

Е. В. Буркина,
заслуженный учитель Российской Федерации, почетный гражданин Шарыповского района, краевед, председатель Историко-родословного общества Шарыповского района Красноярского края

АННОТАЦИЯ Большие семейные сборы — уникальное ежегодное мероприятие, проводимое в Шарыповском районе, аналогов которому нет в Сибирском федеральном округе. Большие семейные сборы проводятся с целью пропаганды генеалогических знаний, сохранения исторической памяти, преемственности поколений, формирования духовно-нравственного единства семьи, укрепления института семьи, пробуждения интереса и любви к своим родовым корням и связям, к своей малой родине, к истории Красноярского края и Отечества. Семейные сборы позволяют воссоздать историю семьи и рода, их традиции и быт, открывают возможность вспомнить выдающиеся поступки прадедов, а также семейные обычаи и ценности, которые передаются из поколения в поколение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА семейные сборы, история семьи, Шарыповский район.

Ежегодно, в течение года в организации и проведении Больших семейных сборов принимают участие более 1500 человек. Составляются генеалогические древа, сборники по родословию. Кульминацией мероприятия является презентация ветвей рода и встреча с представителями семьи.

Подготовку Больших семейных сборов ведет историко-родословное общество, созданное в ноябре 2013 г., а в 2019 г. официально зарегистрированное как НКО — местная общественная организация «Историко-родословное общество Шарыповского района». Общество занимается научно-исследовательской и культурно-просветительской работой.

Направления деятельности:

— научные исследования по вспомогательным историческим дисциплинам (генеалогии, геральдике, ономастике, хронологии и др.);
— изучение корней своего рода;
— составление родословных;
— сохранение семейных архивов.

Члены НКО исследуют не только собственные родословные, но и родословные людей края и России, династий Шарыповского района, постоянно публикуют статьи в местной прессе, выступают по радио, телевидению, проводят факультативы, уроки в школах, участвуют в конференциях на родословную тему.

Мероприятия проведены в десяти населенных пунктах района: Ораки («Белорусы в Ораках» и «Коренные народы села»), Парная (Семейный сбор хакасов-кызыльцев «Тархановы из Золотой Долины»), Холмогоры (Семейный сбор № 1 представителей тубинского рода «Марьясовы — триста лет на сибирской земле»), Гляден (шесть семейных сборов по фамилиям курских переселенцев), Большое Озеро (два семейных сбора по роду кызыльцев Кукарцевых), Инголь (форум «Мое родословие»), Шушь («Родники»).

В генеалогической академии Шарыповского района «лучиной для огонька» будет служить ежегодное издание родослова по общим названием «Огни очагов шарыповской земли», который собирает все искорки по истории семей и родов. Издано пять выпусков.

В настоящее время деятельность Историко-родословного общества направлена на реализацию проекта «Генеалогия Шарыповского района», основная цель которого — научить как можно больше людей составлению родословных, в рамках этого проекта открыто два зала родословия: 2013 г. — в Оракской школе и 30 июня 2018 г. в с. Холмогорском — районный зал родословия. Самый главный результат генеалогических изысканий: семья разрастается и крепнет, ей возвращается изначальная природная, человеческая ценность — родство. За время существования Историко-родословного общества проведено 13 семейных сборов и других мероприятий по генеалогии.

Через изучение истории жизни предков нескольких поколений усваивается социальный опыт, устанавливаются социальные связи, происходит принятие ценностей различных социальных групп и общества в целом, происходит активное воспроизводство системы общественных отношений.

Большой семейный сбор — это возможность объединить разрозненные семьи, вспомнить общих предков, рассказать о себе и своей семье роду; это особое средство сделать людей счастливыми, привнести радости в обыденную жизнь многих семей.

Туринск — город декабристов (культурное и материальное наследие декабристов)

Л. В. Давыдова,
заведующая Туринским филиалом ГАУК Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера», г. Туринск

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается деятельность декабристов, находившихся на поселении в Туринске с 1830 по 1852 г. Сквозь призму нравственных качеств политических изгнанников дается оценка их влияния на будущее развитие города Туринска. Наследие декабристов – важная составная часть исторического облика города. Четыре памятника федерального значения непосредственно связаны с декабристами – это дома декабристов В. П. Ивашева и Н. В. Басаргина, мемориальный комплекс на могиле декабриста В. П. Ивашева и его супруги и городской парк, заложенный декабристами в 1839 г. Именами семи политических изгнанников в городе названы улицы и культурные учреждения, а в память о декабристах в Туринске с 1993 г. проводится историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера», который вызывает неизменный интерес у широкой аудитории: от краеведов до потомков декабристов и специалистов в декабристоведении. Туринская колония декабристов считалась одной из самых крупных и сплоченных в Сибири. Местное население, поначалу враждебно встретившее их, постепенно изменило свое отношение. Образованность и стремление служить на благо общества снискали к ним уважение. В работе предпринята попытка показать, каким образом деятельность декабристов повлияла на культурное и историческое развитие малого сибирского города Туринска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА декабристы, культурное наследие, просветительская деятельность, личностные качества, Туринск.

Важная и интересная страница истории города Туринска — пребывание в ссылке семи декабристов и жен двоих из них, француженок, разделивших трагические и прекрасные годы со своими мужьями.

В Туринске с 1830 по 1855 г. отбывали ссылку декабристы В. П. Ивашев, Н. В. Басаргин, И. И. Пущин, И. А. Анненков, С. М. Семенов, Е. П. Оболенский, А. Ф. Бригген.

Память о декабристах, по мнению туринцев, — это не только материальные символы прошлого: сохранившиеся дома декабристов В. П. Ивашева и Н. В. Басаргина, старинный парк, могилы Камиллы и Василия Петровича Ивашевых, — но и преемственность культурных традиций, дух высокого подвига жен декабристов, нравственные принципы, которыми руководствовались эти люди.

Рядом с декабристами жизнь была полнее, интереснее. Они вели просветительскую деятельность. Басаргин вспоминал:

> Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей.

На приусадебном участке Басаргина впервые на Урале появились многие культурные растения. В ссылке он занимался садоводством и собрал богатую коллекцию цветов. Иван Иванович Пущин писал о Басаргине:

> Целыми днями хлопотал он неутомим, устраивая дом и огород наилучшим образом.

Сам Пущин приохотил местное население к огородничеству и цветоводству: выращиванию клубники, камелий, цветной капусты и т. д. Семена овощей, цветов,

присланных родственниками из Европы, раздавались щедро. И. И. Пущин поддерживал иконописцев личными заказами; уезжая из Туринска, подарил городу свою библиотеку.

Сад, заложенный декабристами возле своих усадеб, существует до сих пор.

Степан Михайлович Семенов служил в должности канцелярского служащего в Туринском окружном суде. Иван Александрович Анненков также служил в суде, на самой низкой должности копииста четвертого разряда. На службе он разоблачал махинации чиновников и защищал бесправных.

В. П. Ивашев перевел с французского произведение Иоганна Фридриха Антинга «Жизнь и деяния генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», преподавал музыку местным детям и дочери Анненковых.

Туринские ссыльные снимали жилье у местных жителей, только В. П. Ивашев построил собственный дом, крепкий и основательный, исправно послуживший нашему городу. Строительство дома Василий Петрович начал в 1838 г. В одном из писем к сестре Лизе Ивашев сообщает, почему он выбрал именно это место для строительства дома:

> Это место понравилось нам с самого приезда в Туринск; знаешь ли, почему нравится оно мне особенно, кроме того, что там суше и здоровее будет для детей? Дом будет на горе над рекой — так, как батюшкин дом в Симбирске — вот и все.

Примечательно, что после того, как декабристы покинули Туринск, дом больше никогда не был жилым. Пока в нем не открылся музей, в здании располагались: в 1850–1920 гг. полицейское управление и милиция; в 1930–1960 гг. школа; в 1960–1987 гг. детский сад, — поэтому дом Василия Петровича Ивашева за 180 лет своего существования масштабно не перестраивался.

История создания музея декабристов в Туринске начинается с середины XX в.: тогда в местном краеведческом кружке возникла идея создания тематической экспозиции и участники кружка начали собирать материал о декабристах, отбывавших ссылку в Туринске.

Н. Г. Кислицына, краевед, вела обширную переписку со многими музеями страны и потомками декабристов. 29 мая 1963 г. решением Туринского райисполкома № 179 «Об организации в городе Туринске Народного музея имени декабристов» на общественных началах был открыт музей.

В апреле 1970 г. принимается решение о размещении краеведческого музея в здании бывшего районного узла связи на улице Ленина, в доме № 4. В этом доме с 1830 г. жил декабрист Степан Михайлович Семенов. Музею выделяется две ставки. Первым руководителем музея назначается Екатерина Михайловна Шаварская.

В начале 1987 г. председатель Туринского райисполкома Новоселов Александр Иванович решает создать музей декабристов в доме В. П. Ивашева.

Это намерение активно поддерживается Свердловским областным краеведческим музеем. Для воплощения идеи в жизнь формируется рабочая группа, налаживается активная переписка с Государственным историческим музеем и Государственной библиотекой имени Ленина, Научно-исследовательским музеем Академии художеств СССР, Всесоюзным музеем имени Пушкина и другими музеями страны. За реставрационные и оформительские работы берутся ленинградские художники. В проекте создания мемориального Дома-музея декабристов в городе Туринске приняли участие лучшие музейщики Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы, Омска, краеведы и администрация Туринска.

Музей декабристов открыли 7 декабря 1993 г., создавался он в очень трудное для России время, в период перестройки. В основной экспозиции музея заложен символи-

ческий смысл, показывающий людей, которые хоть и жили на поселении, но все-таки в неволе. В экспозиции выставлены предметы, принадлежавшие семье Ивашевых.

В доме декабриста Степана Михайловича Семенова также сохранился краеведческий музей Туринского филиала СОКМ.

В 2018 г. в музее был проведен масштабный ремонт фасада и внутренних помещений.

Туринский Дом-музей декабристов уникален — это единственный музей на Среднем Урале, где можно прикоснуться к судьбам декабристов. Интересна и нетипична для Туринска и архитектура Дома-музея декабристов. Дом построен по канонам дворянской классической усадьбы XIX в. центральной части Российской империи. Подобных строений в городе больше нет. Это одноэтажное здание на высоком цоколе с фасадом в семь больших окон. У дома четыре уровня: высокий сухой подвал; первый этаж; второй антресольный этаж, где располагались спальни и кабинет хозяина с окнами, выходящими в тихий двор; под крышей просторный чердак со смотровыми площадками на город и заречную даль.

Внутренние помещения расположены круговой анфиладой. Анфилада — проектное решение городского дворянского дома XIX в. Это такая проектировка, когда комнаты очень часто следовали друг за другом и были проходными. Анфилада начинается и заканчивается в прихожей или холле, откуда мы попадаем в оранжерею, детскую, столовую, гостиную и каминно-диванную комнату.

Восстановлена внутренняя парадная лестница, утраченная в 1850 г., когда после отъезда детей Ивашевых дом был продан городской управе и в нем разместили полицейское управление.

В нашем городе имеется еще одно интересное здание, в котором жил Н. В. Басаргин. Дома декабристов Ивашева и Басаргина объединены одним двором-усадьбой. В будущем, возможно, это здание дополнит Туринский музейный комплекс тематической экспозицией. Завершает архитектурно-исторический городской ансамбль Парк декабристов, расположенный между домами Семенова и Ивашева. В 2019 г. в парке провели масштабные работы по благоустройству в рамках реализации федеральной программы «Комфортная городская среда». Теперь историческая часть города Туринска, напоминающая о пребывании здесь участников восстания 1825 г., является культурным центром и любимым местом для прогулок жителей и гостей нашего города.

На городском кладбище похоронены Камилла и Василий Ивашевы, над их могилой в 1841 г. был установлен памятник, который рисовал и заказывал Василий Петрович для своей рано ушедшей жены.

Все эти объекты внесены в реестр и являются памятниками истории и культуры федерального значения.

Традиция проведения ежегодных декабрьских встреч, декабристских чтений, фестивалей живет на туринской земле.

Конкурсы исследовательских проектов, конкурсы чтецов, литературно-художественные и художественно-графические конкурсы. Традиционными стали театрализованные экскурсии: «Я — Дом», «Ивашевы — нежная память Туринска», «Свеча памяти» на могиле Ивашевых.

В годовщину событий 14 декабря 1825 г. мы проводим спортивные соревнования как часть мероприятий, посвященных декабристам.

Туринский Дом-музей декабристов посещают учащиеся образовательных учреждений, воспитанники детских садов, люди старшего поколения, туристические группы.

Научно-просветительная работа проводится на основе музейных экспозиций в формах экскурсий, консультаций, тематических мероприятий, лекций, календар-

ных праздников, уроков в музее, консультаций, концертов, встреч с интересными людьми, разнообразных конкурсов, интерактивов и мастер-классов.

В каминном зале музея открыт виртуальный концертный зал в режиме онлайн, это совместный проект со Свердловской государственной академической филармонией. Помимо трансляций живых концертов, налажена работа с образовательными учреждениями по посещению школьниками филармонических уроков. Для воспитанников местной коррекционной школы и членов Всероссийского общества слепых разработан адаптивный цикл филармонических занятий по знакомству с классической музыкой.

На базе ветеранской организации проводится работа краеведческого клуба. При музее существует объединение по программе допобразования «Я поведу тебя в музей», таким образом школьники приобщаются к краеведению, исследовательской и проектной работе. Музей активно сотрудничает с местным духовенством по сохранению православного наследия старого Туринска.

На протяжении своего существования музей активно занимается патриотическим и гражданским воспитанием подрастающего поколения. Проводятся дни музея для кадетов, посвящение в юнармейцы, торжественное вручение паспортов подросткам, дни призывника. Школьники привлекаются к участию в жизни нашего музея.

Традиционно музей участвует в массовых праздниках и общественно значимых мероприятиях для жизни Туринского городского округа.

Ежегодно сотрудники музея публикуют научно-популярные статьи в периодических изданиях, выступают по местному радио и ТВ с лекциями и как эксперты в тематических передачах. Налажена дружеская связь с музеями декабристов, обществами наследия декабристов в Москве и Петербурге. Мы поддерживаем тесную связь с потомками Ивашевых в России и за рубежом.

Не прекращается работа по исследованию интересных современных решений по формированию экспозиций, изучению материалов музейных архивов, фондохранилищ, произведений декабристов (мемуаров, записок, писем, воспоминаний современников о декабристах). Для нас воспоминания декабристов имеют огромную важность.

Для высокопоставленных гостей Туринского городского округа посещение Дома-музея декабристов является обязательным пунктом протокола. В 2001 г. нас посетил господин Круасье, посол Франции (в год Франции в России), в знак памяти отважных жен декабристов, француженок по происхождению и русских по духу: Камиллы Ивашевой и Полины Анненковой. Академик, нобелевский лауреат и почетный гражданин Туринска Жорес Алферов неоднократно был у нас в качестве гостя.

Часто радушно встречаем представителей власти регионального уровня во время рабочих поездок по территории Туринского городского округа. В свое время любил наш музей Эдуард Россель, бывший губернатор Свердловской области. Алексей Воробьев, бывший председатель правительства Свердловской области, считал своим долгом возложить цветы на могилу Камиллы Ивашевой.

С каждым годом значение декабристского наследия становится все более важным, возрождение лучших традиций русской культуры — актуальным, и декабризм вновь волнует общественность своей неоднозначной оценкой.

Пребывание декабристов в Туринске оставило неизгладимый след, стало прекрасной страницей биографии, выделило Туринск наособицу в ряду городов евразийского пространства. Декабристы как бы озарили его светом высокой европейской культуры, и этот свет живет — мерцает здесь вплоть до наших дней.

Усадьба декабриста И. В. Киреева в Минусинске

В. В. Ермилова,
научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск

АННОТАЦИЯ На основе архивных документов установлено место расположения дома декабриста И. В. Киреева в Минусинске, выявлены условия его приобретения. Описана хронология смены владельцев дома до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА декабристы, И. В. Киреев, Минусинск, ссылка.

До начала XXI в. были известны только два дома декабристов, сохранившиеся в Минусинске, — братьев А. А. и Н. А. Крюковых (ул. Обороны, 59а) и Н. О. Мозгалевского (ул. Комсомольская, 38). На этих домах имеются мемориальные доски, установленные в 1968 г.

В результате архивных исследований в 2001 г. автору удалось установить местонахождение дома еще одного декабриста — Ивана Васильевича Киреева — ул. Подсинская, 60 (в районе средней школы № 4).

Иван Васильевич Киреев родился 31 января 1803 г. в с. Харино Тульского уезда в небогатой дворянской семье. Его отец Василий Никитич Киреев происходил из старого рода рязанско-тульского дворянства, а мать — Тандакова Екатерина Федоровна — из помещиков Тверской губернии. Иван родился третьим из десяти детей семьи Киреевых. После смерти его отца в семье возникли материальные трудности и долги, поэтому Иван и его брат были приняты на учебу во 2-й Петербургский кадетский корпус.

В 1823 г., после окончания кадетского корпуса в чине прапорщика, Иван Киреев служил в 8-й артиллерийской бригаде в Новоград-Волынске, близ Житомира. К 1825 г. у семьи Киреевых уже не было крепостных крестьян и владений в с. Харино.

Иван Васильевич, служа полковым учителем, вошел в тайное Общество соединенных славян. В январе 1826 г., в возрасте 22 лет, И. В. Киреев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. По приговору осужден на 20 лет каторжных работ в Сибири. После восьмилетнего заключения в Чите и Петровском Заводе в феврале 1836 г. Киреев прибыл на поселение в Минусинск. По слабости здоровья Иван Васильевич не мог заниматься сельским хозяйством и давал уроки грамоты и рисования детям местных жителей в частной школе на заимке братьев Беляевых. Существовал официальный запрет царского правительства заниматься педагогикой ссыльным декабристам. Среди учеников Киреева были Г. В. Юдин, будущий красноярский купец-библиофил, и Ф. П. Токарев, ставший протоиереем Спасского собора. Кроме того, И. В. Киреев писал статьи на французском языке в иркутские газеты, прекрасно рисовал, особенно пейзажи. Его художественные работы не сохранились в Минусинске, они сгорели в доме Н. А. Крюкова в 1870-х гг.

Образованный и начитанный интеллигент, И. В. Киреев вынужден был служить в компании по винным откупам Енисейской губернии. Однако он морально с трудом переносил обязанности заведующего винными складами. В то время в селах процветало беспробудное пьянство, рос объем продажи спиртных напитков.

В возрасте 49 лет И. В. Киреев женился на неграмотной 22-летней крестьянке с. Абаканского Фекле Ивановне Соловьевой. Венчание состоялось 17 сентября 1852 г. в Спасском соборе [1]. В браке у супругов родились трое детей — сын Алексей (1855)

и дочери Таисья (1857) и Екатерина (1859, ум. через год). Кроме того, Киреевы воспитывали племянницу Феклы Ивановны.

Известно, что И. В. Киреев более 20 лет не имел собственного дома, проживая на квартирах друзей — братьев Беляевых и Н. А. Крюкова. Обзаведясь семьей, И. В. Кирееву пришлось решать вопрос с покупкой дома.

Но ему оказала помощь «малая артель» каторжан — И. В. Кирееву были высланы 300 рублей по завещанию доктора Ф. Б. Вольфа, товарища по каторге [2]. Дом был куплен в долг, о чем писал Иван Васильевич другу И. И. Пущину 20 декабря 1857 г. [3].

В Минусинском городском архиве хранятся документы на покупку и продажу дома декабристом И. В. Киреевым, датированные 1857 и 1861 гг.

В 1836 г. минусинский мещанин И. П. Скобелин выстроил просторный дом, который был продан его наследниками — сыновьями Матвеем и Петром Ивановичами Скобелиными 8 марта 1857 г. Ф. И. Киреевой за 100 рублей серебром.

Приобретенная усадьба располагалась на ул. Заречной-Георгиевской и состояла из следующих построек: одноэтажный деревянный дом из лиственничного кругляка, изба, амбар, погреб, кладовая, баня и два хлева. Усадьба занимала площадь 16 на 26 саженей. В купчей крепости указан сосед слева, входя во двор, — мещанин Григорий Широков-Малой, а справа было пустопорожнее место [4]. Другие соседи тоже указаны в документе на продажу этого дома: Леонтий Филимонов, а сзади дома Киреева — купец Егор Белов.

28 июля 1861 г. Ф. И. Киреева продала дом минусинскому мещанину Семену Егонскому в связи с отъездом семьи Киреевых на родину Ивана Васильевича, в Тулу. Дворянское общество присвоило ему звание почетного гражданина Тулы, подарило дом с обстановкой, назначило пенсию.

Итак, в Минусинске И. В. Киреев прожил 25 лет, уехав последним из ссыльных декабристов в Тулу, где умер 21 июня 1866 г. и был похоронен на кладбище в с. Можайском Тульского уезда.

Позднее дом И. В. Киреева перешел сыну Семена Егонского — Матвею, затем внучке и внуку Семена — Анфусе Старогородцевой и Алексею Егонскому. Дом стоял на углу улиц Егонской и Георгиевской.

На карте города 1853 г. обозначены только жилые кварталы и незастроенные участки земли, без указания номеров усадеб. За полтора столетия, прошедших с того времени, сложно воспроизвести поусадебную схему улицы Георгиевской, так как деревянный город не раз горел при пожарах и строился заново.

В составленной в 1899 г. «Оценочной книге на домовладения жителей г. Минусинска за 1916–1922 гг.» можно найти знакомые ориентиры — дом купца Г. П. Сафьянова — двухэтажный деревянный, что напротив театра [5]. На улице Георгиевской также стояли дома Егонских — Марии и Алексея. Дом М. В. Егонской оказался не тем, который купил Семен Егонский. Но кем они приходились другим Егонским? Они оказались не родственниками Семена Егонского.

Еще один ориентир, подсказанный внучкой старожила города Петрашовой Ией Петровной. Это дом ее деда Петрашова Лаврентия Фроловича, стоявший ранее на углу улиц Подсинской, 63 и Михайлова (ныне снесен). Наискосок от него стоял двухэтажный деревянный дом, занятый в начале XX в. Знаменским монастырским подворьем (ныне № 80, перестроен).

В «Оценочной книге...» нумерация домов идет не по порядку, что затрудняет построение схемы сторон улицы Георгиевской.

По архивным документам на покупку и продажу домов соседей Скобелиных, Егонских и Филимонова автору удалось выстроить схему усадеб ул. Георгиевской от ул. Итальянской (Обороны) до ул. Егонской (Минусинской). Установлены фамилии владельцев этих усадеб.

Дальнейшие поиски привели к купчей на продажу дома Леонтия Филимонова Екатерине Щербаковой за 8 января 1857 г. В этих документах указан хозяин бывшего дома Киреева — Матвей Егонский [6].

В «Списке лиц, бывших у исповеди в Спасской церкви в 1857 году» значатся члены семьи 40-летнего Семена Ларионовича Егонского: жена Анастасия Васильевна и дети Андрей (19 лет), Алексей (14) и Матвей (12) [7]. А в списке лиц, исповедовавшихся в 1879 г., указаны члены семьи Андрея Семеновича Егонского: Алексей Андреевич (20 лет) и Анфуса Андреевна (15) [8].

Таким образом, бывший дом И. В. Киреева после смерти Семена Егонского (до 1874) перешел по наследству к его сыну Матвею. Но Матвей умер молодым, едва дожив до 30 лет, не оставив детей (до 1879). Тогда дом его перешел его племяннице Анфусе Андреевне Егонской (в замужестве Старогородцевой). Она умерла 12 февраля 1921 г., и ее дом достался по наследству брату — мещанину Алексею Андреевичу Егонскому 11 апреля 1922 г. [9].

По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. (фонд «Минокрстатотдел»), хозяином усадьбы числился Егонский. В усадьбу тогда входили дом, амбар, стайка, сеновал и поднавес [10].

По данным БТИ, дата постройки этого дома — 1855 г. Возможно, что дом, построенный И. П. Скобелиным в 1836 г., был перестроен до продажи его И. В. Кирееву. Дом сложен из круглых лиственничных бревен и сохранил старинные ставни и сарай на усадьбе. Снаружи стены дома обиты вагонкой и покрашены масляной краской. По фасаду дома имеются три окна на ул. Подсинскую и пять окон на ул. Минусинскую. Жилая площадь дома составляет 50,44 кв. метра, в нем пять комнат.

На углу дома прикреплены металлические таблички «Россійское страховое общество. 1827» в виде круга и шестигранника «Государственное строение» с изображением серпа и молота.

В 1920-х гг. дом был национализирован и передан Управлению Усинского тракта, затем ДРСУ. В 2000-х гг. его занимали О. С. Семиранова, ветеран труда ДРСУ, а также семья А. А. Песегова, главного режиссера Минусинского драматического театра.

Итак, можно утверждать, что дом декабриста И. В. Киреева сохранился и находится на углу улиц Подсинской, 60 и Минусинской.

Дом декабриста И. В. Киреева необходимо поставить на государственную охрану как исторический памятник первой трети XIX в.

Список источников

[1] АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 127–129 об.
[2] АГМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 790.
[3] АМКМ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
[4] АГМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 790. Л. 2–3.
[5] АГМ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 1.
[6] АГМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1810. Л. 4 об.–5; Д. 1731.
[7] АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 86. Л. 22–22 об.
[8] АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 205. Л. 97.
[9] АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1.
[10] АГМ. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 283, 284.

Сибирский поход Ермака в политике исторической памяти в советский период и в постсоветской России

В. Г. Кокоулин,
доктор исторических наук, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается трансформация политики исторической памяти о сибирском походе Ермака. Сравнивается освещение данного события в учебной литературе в советский период, 1990-х гг. и современной России. Отмечается, что «войны памяти», которые происходят вокруг фигуры Ермака в настоящее время, связаны с архаичной методологической парадигмой освещения истории Сибири. Предлагается новый подход к освещению истории Сибири в рамках «глобальной истории».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Ермак, Кучум, историческая память, постсоветская Россия.

Сибирский поход Ермака и освоение Сибири — одна из немногих тем региональной истории, которая входит в школьные учебники истории. Однако стремительная трансформация нашего общества, а также изменение фундаментальных мифов, которые лежат в основе политики исторической памяти, привели к тому, что ракурсы освещения данной темы постоянно смещались. Кроме того, «битва памятников», которая развернулась вокруг памятника Ермаку в Тобольске, свидетельствует о том, что в массовом сознании нет однозначного восприятия данной фигуры.

В советское время практически единственным агентом политики исторической памяти было государство. Тем не менее некоторые ключевые аспекты этой политики формулировались и профессиональным историческим сообществом. Если взять пятитомную «Историю Сибири», то легко можно убедиться в том, что все события, которые происходили условно «до похода Ермака», к истории не относятся — они излагаются в разделах археологии и этнографии. В предисловии ко второму тому «Истории Сибири», в котором освещается поход Ермака, прямо указывается:

> Присоединение Сибири к Русскому государству с конца XVI в. обусловило коренной перелом в ее истории, отразившийся на этническом развитии и всех сторонах жизни местного населения и приведший к тому, что в относительно короткий срок Сибирская земля со своим этнически разнообразным населением, среди которого стали численно преобладать русские, превратилась в органическую часть многонационального Российского государства [2, с. 3].

Это, впрочем, не должно удивлять — русско-государство-центричная история до сих пор остается преобладающим способом подачи исторических событий. Соответственно, в этой схеме народы Сибири были «отсталыми», Кучум — «враждебен Российскому государству» и народам Сибири, потому что он, относясь к потомкам чингисидов, установил «иго» и т. д.

В годы перестройки и особенно в начале 1990-х гг. происходит существенная трансформация национальной политики в стране. Известный лозунг Б. Н. Ельцина «Берите суверенитета, сколько проглотите» был воспринят не только национальными

элитами в советских и автономных республиках, но и теми народами и даже территориями, которые такого статуса не имели. Речь в данном случае идет о сибирских татарах и Сибири в целом. Задачей официальной политики исторической памяти становилось закрепление в массовом сознании Сибири как органической части Российского государства, а задачей других агентов политики исторической памяти, наоборот, — показать насильственный характер вхождения Сибири и, соответственно, необходимость создания «Сибирской республики» по территориальному принципу.

Разнонаправленные стратегии политики исторической памяти нашли свое отражение на страницах учебников, специально посвященных истории Сибири. В 1997 г. в Новосибирске было издано учебное пособие для 7–8-х классов, автор которого Ф. С. Кузнецова постаралась показать сибирский поход Ермака в разных ракурсах: с точки зрения организации похода, его значения для развития Российского государства, а также в связи с тем, что источники не дают однозначного ответа на многие вопросы, — альтернативные точки зрения на ключевые проблемы. При этом автор стремилась избегать категоричных и «черно-белых» характеристик участвовавших в событиях деятелей. Так, в частности, хану Кучуму дается вполне нейтральная характеристика:

> В 1563 г. власть в Сибирском ханстве захватил Кучум, потомок Чингисхана. Он убил правителя из местного рода сибирских татар хана Едигера и круто изменил политику. Прежде Сибирское ханство поддерживало добрососедские отношения с Русским государством <...>. Хан Кучум прекратил посылать дань в Москву, более того, он намеревался вытеснить Строгановых с Западного Урала, с рек Чусовой и Камы. Его воины стали совершать набеги во владения Строгановых, подстрекали манси грабить русские деревни [4, с. 37, 38].

Документальные материалы, которые автор приводит в учебнике, дают возможность учащимся увидеть, что, например, по такому вопросу: «Кто организовал поход: царь Иван Грозный, богатые владельцы земель в Приуралье Строгановы или сами казаки по своей инициативе?» — нет однозначного ответа. А общая оценка результатов похода Ермака зависит, например, от того, в каком источнике данные события излагаются: Строгановская летопись дает условно народную оценку этому событию, Есиповская — официальное, «Румянцевский летописец» — церковно-религиозное.

Автор учебника несколько раз подчеркивает, что присоединение Сибири к Российскому государству носило в основном мирный и ненасильственный характер. Приведем несколько фрагментов из данного учебника:

> Строительство острогов создавало военно-стратегическую и хозяйственную базу для дальнейшего продвижения в Сибирь. Постепенно русские отряды без ведения боевых действий заняли стратегически важные места по рекам, которые были в Сибири основными транспортными путями. Инициативу проявляли местные сибирские воеводы. При первой возможности они строили острог, а затем, опираясь на помощь местных князцов, принуждали население платить дань соболями. Те из князцов, кто не был связан с Кучумом, принимали русское подданство. Получив вознаграждение от имени русского царя, местная знать собирала с подвластных им соплеменников дань в пользу России. Расчет правительства овладеть Сибирским ханством относительно мирным путем, казалось, начинал оправдываться [4, с. 65, 66].

> С Кучумом тобольские воеводы пытались установить дипломатические отношения, но безуспешно. Воины Кучума мстили сибирским народам за сотрудничество с русскими, жгли селения, грабили, угоняли скот, собирали с побежденных дань [4, с. 67].

> В деле присоединения Сибири к России явно прослеживается соблюдение государственных интересов. При этом политику России, связанную с проникновением в Сибирь, характеризует некоторая осторожность <...>. Нет документов, удостоверяющих, что военный поход совершен казаками по указу царя, но Иван IV с удовлетворением принял казачье посольство с вестью о приведении народов Сибирского ханства в российское подданство. Сразу же был послан военный отряд на помощь Ермаку. Правительство России пыталось избегать военных конфликтов. Кроме ханства Кучума, которое распалось после первой победы Ермака, в Сибири не было других государственных объединений, способных поставить заслон на пути российской колонизации <...>. Конфликты между пришельцами-русскими и сибирскими аборигенами происходили, но они носили локальный характер [4, с. 72].

> Направленность на мирное присоединение Сибири давала положительные результаты. Поощрялось формирование сибирской дипломатии, учились жить в мире и дружбе [4, с. 73].

В 1996 г. на экраны вышел художественный фильм «Ермак». Если отвлечься от фантастической истории любви Ермака и Алёны, которая положена в основу развития сюжета данного фильма и придает ему определенный драматизм, и обратить внимание на те ключевые моменты, которые транслируются создателями данного фильма для массовой аудитории, то они также стремятся показать «дружбу народов» (невеста Ермака Алёна становится женой хана Кучума, а соратник Ермака Иван Кольцо женится на ногайской девушке Фариде; Ермак приказывает утопить одного из казаков, который измывался над сибирским населением). Кучум, конечно, показан «хитрым», но, как говорится, война есть война. Хитрость и коварство на войне — вполне похвальные качества. Тем не менее показаны и положительные качества Кучума — любовь к жене и детям. Какого-либо отвращения образ Кучума не вызывает. Царь Иван Грозный, например, показан также не с лучшей стороны.

Но наряду с такими трактовками похода Ермака, которые можно считать своеобразным продолжением линии пятитомной «Истории Сибири» на новом этапе, стали появляться учебники, трактовка событий в которых носит резко противоположный характер. Так, в 1998 г. было издано учебное пособие по истории Сибири, написанное кандидатом исторических наук А. С. Зуевым. Историю Сибири до прихода дружины Ермака и характеристику хана Кучума он дает с шовинистических позиций, что становится явным, если последовательно применять данные им оценки. Так, сибирские татары (в отличие, например, от казаков Ермака) занимались «обыкновенным грабежом» [1, с. 14], а «новый сибирский хан Кучум, придя к власти в 1563 г., повел активную антирусскую политику, результатом которой стала острая вооруженная борьба, развернувшаяся в 1560-х — 1570-х гг. на Урале между ним и пермскими солепромышленниками Строгановыми, которым русский царь Иван Грозный поручил оборону восточных границ России и захват сибирских земель» [1, с. 22]. Почему Кучум должен был вести «прорусскую» политику, автор учебного пособия оставляет без ответа. Далее он поучает:

> Сибирское ханство, признав в 1557 г. свою зависимость от Москвы, позднее, при Кучуме, не только нарушило вассальные обязательства, но и фактически начало войну с Россией. А вассала, изменившего сюзерену, требовалось наказать [1, с. 34].

Предвзятость автора в данном случае очень хорошо заметна: достаточно заменить Кучума на Русь, а Москву — на Орду, и получается, что действия ордынцев (того же Тохтамыша) по наказанию русских и вообще все «иго» — справедливые.

Приведем еще один пассаж:

> Став ханом, Кучум разорвал вассальные отношения с Москвой и в 1573 г. открыл против русских военные действия. Пользуясь тяжелейшим положением Русского государства <...>, сибирский хан решил покончить с русским влиянием в Зауралье. Всем «остякам, вогуличам и югричам» он запретил платить дань русскому царю. Ханские воины уводили в Кашлык либо убивали всех, кто ориентировался на союз с Россией [1, с. 20].

Попробуем заменить Москву на Орду второй половины XV в., а Кучума — на Ивана III, который тоже «воспользовался смутой в Орде», как сразу становится абсурдной логика автора учебного пособия.

Рассуждая о причинах движения Российского государства в Сибирь, автор сообщает, что это было связано с необходимостью «расширять свое жизненное пространство» на восток. Правда, у А. С. Зуева этим занимается не «арийская раса», а «русский этнос» [1, с. 34], но суть от этого не меняется. Налицо трактовка событий в духе мифологии фашистского теоретика А. Розенберга.

Основной вывод автора полностью вытекает из этого подхода:

> Рассматривая характер присоединения Сибири к России, в целом можно говорить о завоевании этого обширного региона Русским государством [1, с. 72].

Если обратиться к публикациям А. С. Зуева на эту тему, то суть концепции «завоевания Сибири» сводится к трем основным положениям: многие территории Сибири и Дальнего Востока вплоть до конца XVIII в. не входили в зону русского влияния; Сибирь была завоевана русскими силой оружия, а не путем мирного присоединения; Сибирь стала русской колонией, аналогичной колониям европейских стран в Африке и Азии. Следует отметить, что концепция А. С. Зуева была подвергнута резкой и справедливой критике со стороны ученых ведущего академического института страны — Института российской истории РАН как идеологическое оправдание сепаратистских тенденций и экстремистских настроений в Сибири и на Дальнем Востоке, однако концепция пользуется популярностью в определенных кругах на Западе. Если Сибирь была завоевана, а не присоединена, если она была превращена в колонию, то данная «историческая несправедливость» должна быть исправлена. Если обширные территории Дальнего Востока не входили в зону русского влияния до конца XVIII в., то, значит, они входили в зону влияния других дальневосточных государств и цивилизаций. А следовательно, можно задаться вопросом о «восстановлении исторической справедливости», то есть отторжении этих территорий от России. В итоге те, кто мечтает о расчленении российского Зауралья и Арктики внешними силами, получают в свои руки такой козырь, как «научное» обоснование.

В 2000-х гг. острота дискуссий о «Сибирской республике» и «парад суверенитетов» в основном уходят в прошлое. Однако становятся востребованы такие новые концепты, как «патриотизм» и «государственность». Стремительно набирает популярность такое течение, как «евразийство». В качестве активного агента политики исторической памяти на первый план выдвигается православная церковь. Все это нашло отражение в учебной литературе, в том числе и посвященной истории Сибири. Так, в учебном пособии «История Сибири», написанном Л. Г. Олехом, вновь возвращаются советские оценки событий. Сибирь вновь изображается «отсталой» страной, а Кучум — «жестоким правителем»:

> XV–XVI вв. в Сибири — это период застоя, который был вызван рядом катастрофических явлений. Среди них и монгольские завоевания, и междоусобицы. Усугубляли

положение дел и суровые климатические условия, из-за чего собственных сил для прогрессивного развития оказывалось недостаточно. Требовались конструктивная поддержка извне, сотрудничество не искусственное, не навязанное, а внутреннее, необходимое обеим сторонам [5, с. 53].

Кучум не только усиливает гнет в своем государстве, но и грозит военными походами казахам и даже на Московское государство готовится поднять свой меч. В международных отношениях того времени собираются грозовые тучи. Конфликт между Россией и Кучумовой Сибирью должен был получить более или менее адекватное разрешение» [5, с. 51, 52].

В укрепленном городке Кашлыке в 1563 г. воцарился узурпатор Кучум [5, с. 57].

Однако в «вопросах и заданиях» автор учебника все же делает реверанс в сторону теории евразийцев о благоприятности для Руси монгольского завоевания. Для этого он приводит следующую цитату из Гаспринского (почему-то он называет его Гаспаринским):

Обыкновенно говорят: татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий. Это совершенно верно; но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью другого племени, при той же силе и могуществе, могло бы совершенно уничтожить Русь... Говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охраняло Русь от более сильных, тонко рассчитанных чужеземных влияний.

И далее следует задание:

Проанализируйте этот фрагмент, определите свою позицию [5, с. 53].

В целом автор оценивает присоединение Сибири как достаточно мирный процесс:

Ермак дошел до Оби, взял много расположенных на ней крепостей. Победы достигались не только силой оружия, но и умелой политикой, проводимой Ермаком, его желанием и умением ладить с местным населением. Местных мирных князей он ставил наместниками в завоеванных пределах [5, с. 60, 61].

А также Ермак получает необычное — «православное» — измерение:

Ермак не бежал, он пал в бою с превосходящими силами врага. Он и его воины, как свидетельствует летописец, отдали свои жизни за православную веру. Иван IV повелел именовать Ермака князем Сибирским за великую бескорыстную службу, за взятие Сибирского царства [5, с. 62].

Парадоксально, но рядом со столь восторженной оценкой Ермака приводится характеристика, данная Ермаку Н. М. Карамзиным, который писал следующее:

малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностию к корысти, и благородной любовию ко славе, приобрела новое Царство для России [5, с. 62, 63].

В настоящее время происходит очередное изменение политики исторической памяти. В качестве агента этой политики неожиданно выдвинулась одна из нацио-

нальностей, проживающих в Сибири. Речь идет о сибирских татарах. В августе 2018 г. в Новосибирске бурные дискуссии вызвала реконструкция сражения между войском хана Кучума и дружиной воеводы Андрея Воейкова. Татарские организации Новосибирска выступили против искажения образа хана Кучума и его роли в истории Сибирского ханства. В итоге удалось найти компромисс: к «Битве за Сибирь» добавили историко-культурную инсталляцию «Кучумово царство», которая знакомила с бытом татар, шатром хана Кучума, искусством владения холодным оружием и сабельным боем. Очередной случай произошел в Тобольске, где летом 2020 г. по инициативе частного предпринимателя планировалось установить поклонный крест в честь Ермака. Эти попытки встретили активный протест местной общественности: в адрес губернатора Тюменской области было направлено письмо, авторы которого обвиняли частного предпринимателя в «разжигании межнациональной розни, нарушении стабильности в отношениях между народами в сегодняшних непростых условиях», критиковали «однобокое видение процессов, далеких от исторической действительности» [3, с. 52–54].

Однако наметились и положительные сдвиги, связанные в данном случае не с выработкой более адекватной политики исторической памяти, а с совершенствованием методологии научных исследований. Прежняя парадигма, в рамках которой история Сибири начиналась с приходом дружины Ермака (а история сибирских ханств исключалась из этого процесса, несмотря на то что они имели свою государственность), уже значительно устарела и остается популярной лишь среди некоторых сибирских историков, к сожалению занимающих ключевые посты в академических институтах и образовательных учреждениях исторического профиля.

Стремление увидеть и представить историю человечества как единый процесс, где локальные истории отдельных регионов, народов и культур вписаны в контекст универсальных изменений, обусловленных экономическими и культурными трансойкуменическими связями, привело к формированию особого направления в исторической науке, которое в англосаксонской традиции получило название «World History» или «Global History». За несколько десятилетий интенсивных научных исследований представители этого направления достигли впечатляющих результатов. Благодаря работам таких авторов, как И. Валлерстайн, Р. Коллинз, В. Макнил, В. Грин, М. Ходжсон, Д. Абу-Луход, А. Франк, Н. Розов и другие, россыпь локально-центричных региональных и национальных историй обрела интегральное единство во внутреннюю логику развития. Однако Сибирь по-прежнему остается «белым пятном» в этой картине. Не вдаваясь подробно в причины этого явления, отметим лишь то, что в данной методологии истории Сибирь рассматривается как одна из территорий, которая была активно включена в систему обменов с Ближним Востоком, дальневосточными цивилизациями, Западной Европой и, разумеется, с Российским государством. В этом отношении сибирские ханства, связанные не только с Россией, но и с Ближним Востоком, Центральной и Средней Азией и Китаем, представляют собой не некие «враждебные» русскому государству образования, а самостоятельные субъекты глобальных связей и обмена. Научная разработка проблем истории Сибири в этом ключе и учебная литература данной направленности позволят избежать крайностей политики исторической памяти и, само собой разумеется, «войн памяти» и «войн памятников».

Список литературы

[1] *Зуев А. С.* Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.): учеб. пособие для старших классов общеобразовательных учреждений. Новосибирск: Инфолио-пресс, 1998. 368 с.

[2] История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968.
[3] *Кокоулин В. Г.* Памятник Ермаку в контексте политики исторической памяти в современной России // Культура и образование этнических общностей Сибири: традиционные ценности народов России. К 75-летию Победы. Новосибирск, 2021.
[4] *Кузнецова Ф. С.* История Сибири. Ч. 1: Присоединение к России: учеб. пособие для 7–8 класса общеобразовательных учреждений. Новосибирск: Инфолио-пресс, 1997. 256 с.
[5] *Олех Л. Г.* История Сибири: учеб. пособие. Ростов н/Д; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005. 360 с.

Проблемы изучения, сохранения и презентации истории Гражданской войны на южной территории Красноярского края (на примере фондов Музея-заповедника «Шушенское»)

Ю. О. Комарова,
главный хранитель фондов Музея-заповедника «Шушенское», аспирант СФУ, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье дается краткий обзор хранящегося в фондах Музея-заповедника «Шушенское» историко-культурного наследия периода Гражданской войны. Из-за невостребованности источников наблюдаются проблемы сохранности памятников, которые можно устранить лишь в случае их изучения специалистами. Ключевым моментом является отсутствие практического использования наследия для презентации истории Гражданской войны в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданская война, историко-культурное наследие, объекты культурного наследия.

Не прекращаются острые дискуссии относительно событий Гражданской войны, поэтому все более возрастает роль и значение источников для исследователей этой темы. Важными при изучении драматичных событий в регионе являются анализ и систематизация комплекса сохранившейся источниковой базы. Ученые, краеведы, которые изучают вопросы и проблемы войны на территории Енисейской губернии, как правило, используют архивные данные, воспоминания, мемуары и пр. Но, помимо архивных документов, имеется кладезь других видов источников, которые в настоящее время недостаточно изучены в контексте локальной истории. Этот богатый запас хранится в краевых, муниципальных и школьных музеях. Кроме этого в южном регионе Красноярского края сохранились памятники, братские захоронения, многие из которых потеряли свою функциональность для общества. Для сохранения истории кровавой трагедии XX в. исследователям следует обратить внимание на вышеуказанные источники, чтобы актуализировать и использовать их потенциал.

В работе представлены документальные источники, движимые и недвижимые памятники, которые являются частью фондового собрания Музея-заповедника «Шушенское». В настоящий момент они мало изучены и не используются для популяризации истории Гражданской войны. На примере анализа фондов этнографического музея в статье раскрываются общие проблемы сохранения и презентации подобных источников в регионе.

Среди комплекса деревянных строений конца XIX — начала XX в. сохранился дом, в котором жил шушенский крестьянин Симон Афанасьевич Ермолаев. Так вышло, что именно он был поручителем со стороны политссыльного В. И. Ульянова (Ленина) во время его венчания с Н. К. Крупской в Шушенской Петро-Павловской церкви [6, л. 4]. С. А. Ермолаев был богатым землепользователем, по сибирским меркам имел хороший достаток и большое хозяйство. В 1906 г. он был избран депутатом I Государственной думы от крестьян Енисейской губернии, подписывал Выборгское воззвание, за что и был заключен в Петербургскую тюрьму и лишен гражданских прав. Февральская революция позволила вернуть ему права. Симон Афанасьевич был против большевистской власти на территории Шушенской волости, о чем свидетельствуют архив-

ные документы, в которых говорится о том, что он вел «погромную агитацию против социалистов» [9, с. 3]. В фондах музея хранятся воспоминания крестьян, на основании которых можно утверждать, что в доме, который сейчас используется как выставочная площадь, находился штаб белой власти в волости [2, л. 8].

Когда власть белого правительства пала в Енисейской губернии, началась расправа над теми, кто ей сочувствовал или помогал, не исключением стала и судьба Симона Афанасьевича Ермолаева. На основании все тех же воспоминаний известно, что началась произвольная реквизиция со стороны бывших партизан и самосуд над жителями села. Был убит и сын Симона Афанасьевича — 14-летний подросток Григорий, самому Ермолаеву удалось уехать в Красноярск [2, л. 9]. В 1930-х гг. ему было предъявлено обвинение за участие в контрреволюционной организации, был осужден особой внесудебной тройкой ПП ОГПУ ЗСК [4, с. 207]. Реабилитирован был в 1965 г., умер в Красноярске. Кроме самого дома и информации о его владельце в фондах музея хранится достаточно большое количество предметов из семьи Ермолаевых, эти памятники являются частью мемориальной коллекции, так как Симон Афанасьевич был лично знаком с политссыльным В. И. Ульяновым (Лениным). Сохранившееся наследие представителя белого движения в музее призвано отражать лишь эпоху конца XIX в. и начала XX в. Отсутствует презентация наследия истории XX в., которая, безусловно, имеет место быть в рамках выставочной и культурно-образовательной деятельности учреждения.

Заслуживает внимание еще один памятник недвижимости на территории музея — объект культурного наследия «Братская могила борцов за Советскую власть и коллективизацию, погибших в 1928, 1930, 1938 гг.». Памятник включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. Памятник сохранил информацию о трех шушенцах — участниках Гражданской войны. Гаврила Петрович Парщиков, участник ноябрьского минусинского восстания 1918 г. По делу об этом восстании 60 участников были схвачены в Шушенском и помещены в волостную тюрьму. Там же был и Парщиков, который по дороге на казнь убежал. Умер от «старых ран», полученных в годы Гражданской войны, в 1938 г. [8, с. 397]. Кузьма Федорович Козик был одним из первых, кто вступил в комсомол, а затем в колхоз. Активный пропагандист коллективизации, убит односельчанами в возрасте 23 лет. В газете «Власть труда» от 23 октября 1928 г. сообщается об убийстве комсомольца Козика:

> Семья Козиков переселилась в Шушенское из Белоруссии. Кузьма писал заметки о сельской жизни в газету «Власть труда». За проводимую пропаганду Кузьма не раз получал угрозы со стороны жителей. Убили Кузьму Козика Потылицын Василий и его сын Константин, Ермолаев Никита и Сизина Вера. По материалам дела: 19 декабря 1928 года пьяные жители Шушенского устроили драку с Никоновым и Козиком Кузьмой и Федором. После того как отец сбегал за помощью в сельский совет, его избили, и сын Кузьма выбежал из дома на улицу, в это время Василий выстрелил из ружья, Козик скончался в больнице в этот же день. На суде был вынесен приговор: 10 лет лишения свободы Потылицыну Василию и Константину, Ермолаеву Федору и его сестре Евдокии 10 лет лишения свободы, Сизиной Вере, учитывая наличие 3 малолетних детей, присудили 3 года условно [3, с. 7].

Михаил Федорович Воронецкий родился в Шушенском. По поручению комсомольской ячейки он был послан для разъяснения и агитации за коллективизацию в д. Солба, где был убит в 1930 г., ему было всего 23 года.

Подобных памятников на территории того же Шушенского района четыре. Исследователи обратили внимание на это наследие по той причине, что все памятники на сегодняшний день являются объектами культурного наследия, но не оформ-

лены юридически в собственность муниципалитетов. Такое положение дел влечет к неисполнению охранных обязательств относительно памятников, а это, безусловно, грозит физическим разрушением. К тому же ни один из них сегодня не выполняет заложенную в них при создании функцию, то есть информация об истории и ходе Гражданской войны в регионе широкому кругу людей неизвестна.

В Шушенском музее хранится относительно небольшой фонд документальных источников о красном движении. Это несколько воспоминаний современников и личное дело участника войны, жителя п. Шушенское Букатого Василия Людвиговича. В фондах хранится его полная автобиография, статьи, книга о партизанских подвигах в Гражданской войне и об организации помощи революционерам в Монголии [5]. За заслуги в партизанском движении в период Гражданской войны он был неоднократно поощрен, в том числе в музее хранится орден «Полярная звезда», врученный Монгольской Народной Республикой, и другие награды. На примере личной истории В. Л. Букатого можно проследить противоречивость истории XX в., когда преданные делу революции, активные члены партии подвергались впоследствии репрессиям [1, л. 7]. Эти же документы характеризуют социальный состав партизанского движения в Енисейской губернии: многие его участники — выходцы из переселенческих семей, которые в Сибири работали по найму, вели бедное хозяйство или с юных лет работали на заводах Красноярска.

Вышеперечисленные документы учтены и систематизированы должным образом и могут служить источниковой базой для краткой иллюстрации Гражданской войны в Шушенском. Однако в ходе исследования выяснилось, что достаточно подробная автобиография Василия Людвиговича претендует на то, чтобы являться частью основного фонда и стать доступной для любого гражданина России через Государственный каталог Музейного фонда РФ. В рамках культурной, выставочной и образовательной деятельности музея настоящие источники не используются, что говорит об отсутствии популяризации этого наследия.

Совершенно случайно в библиотечном фонде музея был найден чрезвычайно интересный документ — подшивка журналов «Новое земское дело» за 1919 г. Это еженедельный журнал Енисейской губернской земской управы. Издание печаталось в Красноярске в редакционно-издательском отделении губернской земской управы на ул. Воскресенской, 10.

В печатном издании поднимаются общие вопросы и проблемы уездных, волостных земских управ и сельских управлений. Это явное антибольшевистское издание каким-то образом попало и, самое главное, сохранилось в некогда идеологическом учреждении. В журнале несколько разделов, каждый по-своему интересен и информативен, на страницах — оппозиционные тексты против большевиков и их политики. Безусловно, к источнику нужно относиться беспристрастно и не принимать на веру все указанные обвинения относительно большевиков, которые обозначены в статьях как «суррогат революции» [7, № 1, с. 11]. Также не следует относиться и с полным доверием к появляющемуся благосостоянию в губернии в результате прихода к власти белого правительства.

Печатное издание обличает большевизм, на его страницах пишут о реквизициях с населения, налогах на буржуазию, терроре. Ключевые фигуры обвинений — Ленин и Троцкий. Любопытными кажутся следующие строки:

> Интеллигенция вырезывается едва не поголовно, власть теперь принадлежит единолично Троцкому, так как он арестовал Ленина за его попытку соглашательства и переход к более человеческому способу управления. Вся власть в стране и на местах перешла к так называемым чрезвычайным... [7, № 1, с. 24].

Новости о Льве Троцком:

> Корреспондент «Таймса» из Варшавы передает, что в настоящее время направление русской политики зависит всецело от Троцкого, влияние которого далеко превосходит влияние Ленина. Троцкий живет в Кремлевском дворце, окруженный роскошью, имея в качестве телохранителей китайские войска и красногвардейцев. Он путешествует в особом поезде, составленном из роскошных спального, столового и других вагонов, которые ранее служили для исключительного пользования покойного царя... Троцкий сейчас организует новую армию, которая будет состоять из 6000 красногвардейцев, 5000 китайских войск и от 10 000 до 20 000 других людей [7, №1, с. 24–25].

Подшивка журналов — значимый и интересный документ, он претендует на отдельное освещение и анализ. Здесь лишь следует подчеркнуть, что каждый номер пронизан трагизмом, который переживала страна, пониманием, что братоубийственная война — это страдание для любой враждующей стороны. В одном из номеров опубликовано открытое письмо, которое даже современным человеком читается с комом в горле. В письме высказывается протест, отчаяние от вестей о насильственных смертях:

> Неужели не охватывает ужас при виде беспрерывно льющейся человеческой крови? Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что гибнут, убиваются самые глубокие и в то же время элементарнейшие основы существования человеческого общества: чувство гуманности, сознание ценности жизни человеческой личности, чувство и осознание необходимости правового строя в государстве? Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что мы теряем, потеряли облик человека, носителя и служителя общественных начал правды, истины, добра и красоты? [7, №1, с. 14].

После того как вышеописанный документ был обнаружен и исследован, последовало решение зарегистрировать памятник в основной фонд Музея-заповедника «Шушенское», после чего отправить его на реставрацию художнику-реставратору по документам.

В случае конкретного примера с фондами провинциального музея подчеркивается важность обращения исследователей к памятникам истории о Гражданской войне. Здесь очевидны проблемы сохранности и отсутствие должного учета предметов. Подобное положение имеет вероятность физической утраты памятников. К тому же отсутствует функциональность предметов, источники не используются в культурно-просветительной, выставочной или образовательной деятельностях. И только своевременное обращение к памятникам эпохи Гражданской войны позволит не утратить сохранившееся наследие, дать ему вторую жизнь и беспристрастную оценку.

Список литературы и источников

[1] Автобиография Букатого В. Л. // МЗШ. НВ 5192. 1–7 л.
[2] История села Шушенского. Воспоминания старожила села Россиева Г. Ф. // АМЗШ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437. 1–12 л.
[3] *Кикилова Т. М.* О братском захоронении // АМЗШ. 1–9 л.
[4] Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск, 2005. 448 с.
[5] *Кожевин В., Секерин В.* Василий Букатый. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1977. 127 с. // МЗШ. О/ф 11581.

[6] Метрическая книга, данная из Енисейской Духовной Консистории причту Шушенской Петро-Павловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1898 год (копия) // МЗШ. НВ 5637. 1–8 л.
[7] Новое земское дело. Еженедельный журнал Енисейской губернской земской управы. Красноярск, 1919. № 1–14 // Фонд МЗШ.
[8] Памятники истории и культуры Красноярского края / под ред. Г. Л. Рукши. Красноярск, 1995. Вып. 3. 432 с.
[9] *Терентьева В. И.* Депутат Первой Государственной Думы // Ленинская искра. 1993. 11 дек.

Минусинский музей декабристов — единственный в Красноярском крае

И. И. Негодина,
заведующая отделом «Музей декабристов»,
МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»,
г. Минусинск

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории создания Музея декабристов в Минусинске, сохранению памяти о «первенцах свободы» в мероприятиях и проектах единственного в Красноярском крае Музея декабристов, их вкладе в развитие региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА декабристы, музей, деятельность, мероприятие, память, проект, экспедиция, экспозиция.

В Минусинском округе (1827–1861) на протяжении 34 лет находилась на поселении колония декабристов в количестве 11 человек: С. Г. Краснокутский, С. И. Кривцов, братья А. П. и П. П. Беляевы, И. В. Киреев, братья А. А. и Н. А. Крюковы, Н. О. Мозгалевский, А. И. Тютчев, А. Ф. Фролов и П. И. Фаленберг. Трое из них жили на поселении в селах Минусинского округа (А. И. Тютчев — в с. Курагинском, П. И. Фаленберг, А. Ф. Фролов — в с. Шушенском), остальные — в Минусинске. Декабристы были первыми политическими ссыльными на минусинской земле. Своим нравственным обликом, образом жизни, делами они заслужили уважение у местных жителей. Высокообразованные, культурные люди, лишенные сословных предрассудков, были демократичны в отношении к простому народу. Они явились носителями культурных, научных и хозяйственных знаний, занимались просветительской деятельностью.

Декабристы братья А. П. и П. П. Беляевы оказались первыми учителями в Минусинске: по просьбе местных жителей на своей заимке они открыли школу и обучали детей грамоте. Кроме того, почти все декабристы давали частные уроки местным жителям.

Декабристы братья А. П. и П. П. Беляевы и А. А. и Н. А. Крюковы завели большие фермерские хозяйства, став первыми фермерами:

> Купивши домик, мы наняли пахотную землю, оставленную прежними владельцами, конечно, за бесценок, в количестве шестидесяти или семидесяти десятин. Купили лошадей, бороны, наняли работников и сделались в полном смысле фермерами [1, с. 216].

Учили местных жителей рациональной хозяйственной деятельности с использованием сельскохозяйственной техники, вводили современные приемы земледелия, новые для этих мест огородные, садовые и полевые культуры.

Занимались декабристы и научной деятельностью. Так, П. И. Фаленберг вел метеорологические наблюдения, занимался улучшением использования лесов, снимал копии с каменных изваяний хакасских степей, которые впоследствии передал в Российскую академию наук. С. И. Кривцов по просьбе первого енисейского губернатора А. П. Степанова сделал описание почв Минусинского округа. Эти описания вошли в книгу «Енисейская губерния» [2]. Братья А. П. и П. П. Беляевы участвовали в барометрических исследованиях экспедиции астронома В. Ф. Федорова (1830-е).

Благотворительность также была присуща декабристам: Н. А. Крюков содержал на собственные средства богадельню при Спасском соборе, на средства С. И. Кривцова был построен мост через р. Минусинску. А. Ф. Фролов имел навыки в лечебном деле, поэтому местные жители часто обращались к нему за медицинской помощью.

С. Г. Краснокутский и Н. О. Мозгалевский стали родоначальниками минусинского садоводства, занявшись разведением вишневых, яблоневых и сливовых деревьев. Получая из Европейской России лучшие сорта огородных растений, декабристы щедро делились ими с местными жителями.

Декабрист И. В. Киреев стал первым учителем рисования в Минусинске. Н. А. Крюков, Н. О. Мозгалевский, А. И. Тютчев обучали местных жителей иностранным языкам и игре на музыкальных инструментах.

Таким образом, декабристы внесли огромный вклад в развитие территории Южной Сибири.

Минусинцы хранят память о декабристах. В Минусинске есть улица Декабристов, улица братьев Беляевых, братьев Крюковых, улица Н. О. Мозгалевского. В 2005 г. на месте предполагаемого захоронения декабристов Н. О. Мозгалевского и Н. А. Крюкова установлен памятный знак.

13 августа 1997 г. в Минусинске был открыт первый и до настоящего времени единственный в Красноярском крае Музей декабристов. Музей был открыт как филиал Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Инициатором создания и автором научной концепции музея был директор Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова Владимир Алексеевич Ковалев.

Музей декабристов был открыт в доме, в котором на поселении жили декабристы братья Н. А. и А. А. Крюковы. Он был передан Музею им. Н. М. Мартьянова решением Минусинского горисполкома в 1987 г. для организации в нем Музея декабристов. Дом находится в исторической части Минусинска, на ул. Обороны, 59а (бывшая Итальянская), и является одним из старейших в городе, дата его постройки до 1823 г. Это единственное уцелевшее строение от некогда обширных усадеб братьев Крюковых. Н. А. Крюков приобрел его в 1853 г. у мещанина Л. И. Солдатова. В 1860 г., в связи с отъездом из Сибири, Н. А. Крюков продал его тюменскому купцу В. Т. Молодых, от которого в 1877 г. он перешел к мещанину И. И. Дамаскину. В 1968 г. на фасаде дома были установлены мемориальные доски в память о проживании в нем декабристов. Дом неоднократно перестраивался и использовался под многоквартирное жилье, вплоть до конца 1980-х гг. В 1988–1989 гг. по проекту архитектора А. Г. Лаврова и директора музея В. А. Ковалева здание было отреставрировано с восстановлением прежней планировки. Новый музей стал местом притяжения творческой интеллигенции, неравнодушных к истории местных жителей, гостей города, педагогов, краеведов. На базе музея стали проводиться культурные, образовательные и светские мероприятия и встречи.

Экспозиции музея были посвящены жизни декабристов на каторге, их деятельности в Минусинском округе. В основу экспозиционного замысла музея были положены мемуары А. П. Беляева «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном», впервые опубликованные в журнале «Русская старина» в 1880 г. Цитаты из воспоминаний декабриста дополняют и подтверждают собранные в экспозиции архивные и документальные источники. В экспозиции представлены фотоматериалы, личные вещи декабристов и их потомков, историко-бытовые предметы, копии портретов декабристов, написанные по заказу музея в 1991 г. абаканским художником С. Г. Хлебниковым с портретов Н. А. Бестужева. Дополняли экспозицию фрагменты интерьеров гостиной середины XIX в.

С первых дней работы музея его сотрудники ведут научно-просветительную деятельность среди населения: организуют выставки по декабристской тематике, прово-

дят экскурсии, лекции, мероприятия. На базе музея реализуются музейные культурно-образовательные программы и проекты. Разработанная культурно-образовательная программа «Основы светской (дворянской) культуры» направлена на воспитание и приобщение детей к дворянской культуре через погружение в культурно-историческое пространство. Программа основана на приобщении детей к правилам светского этикета; примеры из жизни и деятельности декабристов, их семей позволяют более полно раскрыть нравственные ценности. Ребенок постигает культурное наследие прошлого, нравственные и духовные качества русского дворянства и осмысливает собственные жизненные позиции, гражданское самосознание и поведение.

Ежегодно в декабре Музеем декабристов проводится акция «Дни дворянской культуры», приуроченная к годовщине восстания декабристов. В рамках акции сотрудники музея проводят музыкальные, литературные вечера, устраивают выставки, читают лекции. Память о декабристах сохраняется и в культурно-просветительских проектах Музея декабристов. Одним из наиболее интересных и зрелищных стал проект 2005 г. «Домашний театр Мартьяновского музея», который успешно реализуется до настоящего времени. Его яркие и интересные постановки, передающие традиции сценической дворянской культуры, привлекают музейных посетителей. Актерами театра являются музейные сотрудники. С момента образования театром руководит И. В. Герман, актер Русского республиканского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова (Абакан, Республика Хакасия). Одной из самых ярких постановок стал моноспектакль «Только тот подвиг свят...», созданный по воспоминаниям декабриста А. П. Беляева, находившегося в ссылке в Минусинске. Спектакль о внутренней борьбе и противоречиях, терзающих декабриста, о переосмыслении его отношения к переворотам, вызывает неизменный интерес как в Минусинске, так и за пределами Южной Сибири, на площадках музеев декабристов других регионов.

В 2001 г. при Музее декабристов был создан клуб «Петербуржец», объединивший жителей и защитников блокадного Ленинграда. Как когда-то декабристы прибыли из Санкт-Петербурга на минусинскую землю, так и ленинградцы-блокадники в годы Великой Отечественной войны были эвакуированы из Ленинграда и отправлены в Минусинск. Совместно с членами клуба музей начал вести работу по военно-патриотическому направлению среди молодежи города и района.

С 2012 г. на территории усадьбы декабристов братьев Крюковых реализуется проект «Петербуржские сады в Минусинске», основу которого составил сад, заложенный в 2004 г. членами клуба «Петербуржец». Целью проекта является историко-ландшафтное благоустройство приусадебного участка музея и увеличение благодаря этому экспозиционного пространства. Проектом предусмотрены несколько зон: садово-парковая, лесная, огородная, интерактивная, где посетителям предоставляется возможность почувствовать себя настоящими огородниками, выполнить некоторые виды сельскохозяйственных работ, используя приспособления и инструменты XIX в. Проект призван отдать дань памяти минусинским декабристам, которые внесли большой вклад в развитие не только сибирского садоводства, но и оказали огромное влияние на развитие Минусинска. Реализация проекта продолжается до настоящего времени.

Музей декабристов принимает участие в различных межрегиональных и всероссийских проектах, таких как «Декабристы на Тульской земле», организованного краеведами Тулы (Тула — Минусинск — Ясная Поляна, 2015 г.). По итогам сотрудничества издан сборник с одноименным названием, куда вошли материалы и Минусинского музея. В 2017 г. Музей декабристов, в рамках своего 20-летнего юбилея, реализовал прием в Минусинске XII Всероссийской молодежной экспедиции «В потомках наше имя отзовется...». Музей декабристов посетили потомки декабристов Н. А. Бестужева (три поколения) из Улан-Удэ и Новосибирска и Н. О. Мозгалевского из Красноярска, представители московского отделения региональной общественной организации «Союз

краеведов России» (Москва), региональной общественной организации «Наследие декабристов» (Улан-Удэ), краеведы и школьники из Улан-Удэ и Новосибирска. Целью участников экспедиции являлось изучение декабристского наследия и истории региона. Все они встретились на минусинской земле, чтобы отдать дань уважения декабристам. Минусинским музеем были организованы встречи участников экспедиции с сотрудниками музеев юга Красноярского края и краеведами, занимающимися темой декабризма.

Все эти годы Музей декабристов ведет работу по поиску и налаживанию связей с потомками декабристов. Поддерживаются контакты с потомками декабристов Н. О. Мозгалевского, Н. А. и А. А. Крюковых. Потомки декабристов являются сегодня активными участниками мероприятий в музее, пополняют музейные фонды семейными фотографиями, документами и предметами по теме «Декабристы».

В 2018 г. принято решение о реэкспозиции Музея декабристов. Инициатором выступила С. А. Борисова, директор Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Обновление экспозиции, которая не менялась со дня открытия музея, было продиктовано временем. Благодаря строительству пристройки к мемориальному дому было значительно расширено экспозиционное пространство. Музеем самостоятельно разработана концепция, выполнены художественные эскизы. Основой новой экспозиции стали мемуары декабриста А. П. Беляева «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном». В новой экспозиции более полно отражена жизнь и деятельность декабристов на поселении в Минусинске, а также показан быт дворян-декабристов, добавлены новые сведения, которые были выявлены в ходе исследовательской работы.

Музей живет и развивается, разрабатываются новые формы работы с посетителями, реализуются новые проекты и программы. И все это ради главной цели: сохранение памяти об удивительных людях, когда-то оказавшихся в Сибири и оставивших свой след в истории нашей малой родины. Музей декабристов в Минусинске остается одним из известнейших музеев на территории Сибири. За 23 года своего существования, несмотря на его удаленность от центральных районов России, музей посетили более 800 тысяч человек.

Список литературы

[1] *Беляев* А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярское книжное издательство, 1990. С. 216.

[2] *Степанов* А. П. Енисейская губерния. СПб.: Тип. Кондрата Вингебера, 1834.

Влияние коммеморативных практик на формирование идентичности: случай с установкой памятника Сталину в Новосибирске

В. А. Фисюков,
студент 4-го курса, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ Коммеморация нередко используется для тесной консолидации общества на основе разделяемых большинством ценностей и исторических трактовок. Правда, в действительности нередко происходит обратная ситуация, и увековечение памяти о каких-либо личностях и событиях способствует скорее дезинтеграции, вскрывает прежние коллективные травмы. В этом отношении показателен случай, произошедший в Новосибирске: после многолетней борьбы группе активистов все же удалось добиться разрешения на установку бюста Сталина. Столь резонансное происшествие анализируется в докладе с помощью смысловых оттенков понятия «мифомоторика», используемого Яном и Алейдой Ассман, феномена исторической политики, сформулированного А. И. Миллером, и типологии ностальгии по С. Бойм. Все эти методы приблизят к ответу на вопрос о степени целесообразности такого рода коммемораций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА бюст И. В. Сталина, коммеморация, мифомоторика, ностальгия, историческая политика.

Выражение «войны памяти» как нельзя лучше описывает ситуацию весьма избирательного, подчас и прямо тенденциозного обращения к прошлому. История превращается в подлинное ристалище, место яростной схватки как с внешними недоброжелателями, так и с «пятой колонной», а ее политизация практически не скрывается [6, с. 20].

Напротив, мемориализация персоналий, воздвижение монументов, изменение топонимии (переименование городов и улиц), проведение церемоний, посвященных празднованию важных для народного самосознания дат, и прочие коммеморации способны стать отличным каналом мобилизации и средством укрепления предвыборных позиций самых разных партий.

Один из таких случаев можно было наблюдать в Новосибирске, когда художественный совет города после нескольких отказов все же утвердил 13 марта 2019 г. размещение памятника И. В. Сталину. Инициативная группа добивалась этого решения долгие три года, еще в 2018 г. Объединенное стратегическое командование ЦВО отказало А. Денисюку, лидеру активистов, в установке бюста возле Дома офицеров, сославшись на предстоящую реконструкцию здания и отметив сохранение «противоречивых» оценок в восприятии исторических заслуг генсека [7].

Худсовет, при большинстве проголосовавших «за» (11 из общих 16) [8], правда, распорядился установить памятник отнюдь не в центральных городских пространствах, а на территории обкома КПРФ. Такое очевидно компромиссное постановление продиктовано некоторыми волнениями еще до официального разрешения: из 243 отзывов в ходе обсуждения места возведения памятника насчитали 85 отрицательных, а на платформе change.org петицию против появления бюста подписали 11 тысяч человек [9]. Об отсутствии общественного консенсуса по вопросу коммеморации исторических заслуг Сталина говорят и предпринятые антивандальные меры — снабжение памятника видеонаблюдением и освещением [11].

Сложившаяся ситуация провоцирует и новый виток дискуссий насчет степени декоммунизации и особенностей мемориальных практик не только в Новосибирске,

но и в целом на постсоветском пространстве, ибо такие акции, помимо воплощения ожесточенной борьбы за право трактовать историю, со временем еще и порождают все новые политические водоразделы. Потому и цель доклада — определение связи между процессом формирования идентичности и коммеморативными практиками в ситуации явно неоднозначного к ним отношения. Ведь столь полярно трактуемые исторические личности могут служить подлинным индикатором общественных чаяний и настроений [3, с. 90], но способны ли они воплотить функцию гражданской консолидации?

Для ответа необходимо:

1. проанализировать выступления политиков на торжественном открытии памятника, выделить главные репрезентации в их речах, связываемые с исторической фигурой Сталина;
2. привлечь противоположные, зачастую негативные оценки этого события; рассмотреть образы, непременно звучащие в аргументах противников установки бюста;
3. выделить возможные пути преодоления общественного раздора в случаях спорной коммеморации.

Источниковая база представлена речами сторонников увековечения памяти о советском лидере, в первую очередь произнесенными нынешним мэром Новосибирска А. Е. Локтем; публицистическими статьями и блогами авторов, находящихся по обе стороны баррикады, среди них особенно стоит выделить довольно известного противника коммеморации Сталина — краеведа К. Голодяева; для полноты картины стоит опираться и на различные информационно-новостные сводки как региональных, так и федеральных издательств; наконец, в виде своеобразного источника может быть использована видеозапись торжественного открытия бюста — это поможет лучше распознать эмоции и акценты в публичных выступлениях.

Методологическая основа доклада включает использование категории «миф» в тех смысловых рамках, которыми она обрастает в толковании А. Ассман: это не столько искажение истории, сколько аффективное ее усвоение «через призму идентичности», культурная конструкция, предназначенная для социального воздействия на настоящее и будущее [1, с. 38–39]. В своих рассуждениях исследовательница упоминает и другое понятие, сформулированное ее коллегой и супругом Я. Ассманом. Речь идет о мифомоторике, то есть ориентирующей силе и значении мифа, способного поддерживать его непреходящую ценность для настоящего с помощью двух функций: обосновывающей (осмысление и превращение этой конструкции в нечто неизменное и при этом необходимое) и контрапрезентной (героизация прошлого, возведение и поддержание пропасти между «тогда» и «сейчас») [2, с. 83–84].

На примере этой коммеморации рассматриваются некоторые методы исторической политики, выводимые А. И. Миллером, например противодействие попыткам общественного диалога по проблемам истории [6, с. 339], апелляции к непатриотическому воспитанию подрастающего поколения [6, с. 22], насаждение вполне конкретных интерпретаций прошлого [6, с. 18] и т. д.

Разобраться в манипуляциях символами и репрезентациями поможет и типология ностальгии по С. Бойм — хотя рамкам исследования больше соответствует ее реставрирующая разновидность (реконструкция прошлого, подпитывающая национальное самосознание и националистические интенции путем обращения к мифам и теориям заговора) [4, с. 104], нежели рефлексирующая (коренится в тоске, больше ориентирована на индивидуальную и культурную память) [4, с. 117–118], для более точного изучения коммеморативных практик пригодятся обе характеристики.

Обращение к таким концептам помогает лучше понять смысловые коннотации, часто связываемые с образом Сталина как, с одной стороны «вождя народов» и «генералиссимуса Победы», синонима жесткой, но справедливой власти, так и «диктатора

и бескомпромиссного тоталитарного лидера», повинного в репрессиях и создании атмосферы страха и доносительства. Сложившееся символическое противоречие лишний раз обнажает во многом деструктивную подоплеку подобных увековечений.

Наконец, заслуживает дополнительных размышлений некоторое дистанцирование от этой резонансной коммеморации Дмитрия Пескова и довольно уклончивые ответы Сергея Меняйло, полномочного представителя президента в СФО, и губернатора Новосибирской области Андрея Травникова [10]. Одно из предполагаемых объяснений такой реакции — политическая опасность официального признания необходимости увековечения Сталина без параллельных замечаний насчет «объективности», так как, во-первых, этот символический ресурс, помимо объединительного потенциала, сулит вполне конкретные риски и, во-вторых, пока, может быть, не до конца разработана стратегия символического обращения со столь недавним стигматизированным прошлым [5, с. 28–30]. Все эти порождаемые современностью коннотации также учтены в докладе.

Итак, можно с уверенностью сказать, что бюст И. В. Сталина никогда не подвергнется «инертной стереотипизации» [1, с. 269], едва ли станет обыденной частью городского ландшафта, которую вечно спешащий куда-то прохожий даже в упор не заметит. Политизация этого увековечения попросту неизбежна, другой вопрос — нужна ли вообще коммеморация, подтверждающая монополию какой-то одной социальной группы на толкование прошлого? Ведь любые попытки такого присвоения истории, ее явной мифологизации влекут за собой только рост напряженности в обществе и, как следствие, его дезинтеграцию.

Список литературы

[1] *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
[2] *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 2004. 368 с.
[3] *Бордюгов Г. А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
[4] *Бойм С.* Будущее ностальгии / пер. с англ. А. Стругача. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.: ил.
[5] *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
[6] Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
[7] https://ria.ru/20190508/1553341814.html.
[8] https://tayga.info/146386.
[9] https://www.svoboda.org/a/29930709.html.
[10] https://vn.ru/news-sergey-menyaylo-i-andrey-travnikov-prokommentirovali-ustanovku-pamyatnika-stalinu/.
[11] https://ngs.ru/text/gorod/2019/05/08/66081385/.

Влияние социально-политических изменений на отношение к историческому наследию (XX — нач. XXI в.)

С. Р. Хмырова,
кандидат исторических наук, заведующая образовательным отделом,
МБУК «Канский краеведческий музей», г. Канск

АННОТАЦИЯ В статье на локальных примерах показано влияние общественно-политических процессов на отношение к историческому наследию, его сохранению и популяризации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА историческое сознание, наследие, музей.

В работах В. А. Ельчанинова подчеркивается подвижный характер исторического сознания, изменчивого по своей природе, элементы которого возникают и развиваются вместе с обществом. В качестве основной функции исторического сознания выделяется понимание обществом своего бытия в процессе развития от прошлого к настоящему [2, с. 36].

Замечено, что в кризисные, переломные, революционные исторические эпохи противостоящие друг другу силы пытаются в своей борьбе призвать на помощь образ наследия, подкрепить и укрепить свои идеологические позиции фундаментальной ссылкой на созвучие и схожесть своего революционного дела с идеями и событиями недалекого или далекого прошлого. Как правило, понятие и образ наследия в такие эпохи может сильно расшириться, а современников может интересовать не только национальное наследие, но и наследие других эпох и культур, созвучное данной эпохе, — даже если оно понимается очень по-разному различными идеологическими течениями. Подобная идеологическая тяга усиливается в ходе кризиса и сразу после него, в период, когда устанавливаются новые социально-политические, социокультурные и социально-экономические традиции [3, с. 121–130]. Это можно рассматривать как эмоционально-ценностное переживание прошлого и попытку осмыслить настоящее через обращение к исторической памяти. Все это проявления исторического сознания.

Вот некоторые примеры. В период установления и утверждения советской власти на большей части территории бывшей Российской империи советским правительством были разработаны и утверждены декрет «О памятниках республики» и «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР» (1918), которые предполагали увековечение памяти о деятелях революционно-освободительного движения прошлого [1]. В это же время национализация имущества представителей «эксплуататорских» классов привела к организации, начиная с 1918 г. и вплоть до середины 1920-х гг., большого количества государственных музеев под лозунгом охраны наследия. Не менее показательными можно считать дискуссии о ленинском наследии, развернувшиеся во второй половине 1980-х гг., на раннем этапе очередного периода глубоких экономических, социально-политических, духовных потрясений в российском обществе.

Локальной историей, иллюстрирующей процесс неоднократного обращения к одному и тому же историческому наследию, может служить история коллекций Канского краеведческого музея, посвященных Гражданской войне на востоке Енисейской губернии.

После свержения советской власти 29 мая 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса на территории Канского уезда начинает разворачиваться партизанское движение [8, с. 122–133]. Большинство его участников — это крестьяне-середняки. Для решения военных задач был сформирован Северо-Канский партизанский фронт, руководящим органом которого на первом этапе был Военно-революционный штаб. Летом 1919 г. возникает Тасеевская партизанская республика. С этого времени высшим законодательным, распорядительным и исполнительным органом военной и гражданской власти становится Военный совет. Его руководителями были большевики, убежденные сторонники советской власти В. Г. Яковенко, Н. М. Буда, Ф. А. Астафьев и др. На определенном этапе обсуждалась возможность разработки и принятия Конституции Тасеевской республики. Долгое время положение партизан было нестабильным, но с сентября 1919 г., когда стали сказываться результаты наступления Красной армии на Восточном фронте, им удалось постепенно взять под контроль всю территорию Канского уезда к северу от Транссибирской железнодорожной магистрали. В январе 1920 г. партизаны вступили в Канск и восстановили в городе советскую власть [4, с. 13–17].

В начале 1930-х гг. перед Музеем местного края города Канска (ныне Канский краеведческий музей) была поставлена задача как можно быстрее создать раздел в экспозиции, посвященный партизанскому движению в годы Гражданской войны в Канском уезде и прилегающих территориях. Заведующему музеем А. С. Пожарскому постоянно ставилось в вину недостаточное внимание к данной теме. Анализ фондов Канского краеведческого музея показал, что от того периода сохранилось очень мало материалов, относящихся к событиям революции и Гражданской войны, что явно не соответствует уделяемому этим темам вниманию. Объяснение этому есть. К середине 1930-х гг. отношение к теме не поменялось, поменялось отношение к самим бывшим тасеевским партизанам. Они вступили в открытое противостояние с властью, отказавшись принимать сталинскую коллективизацию и выступив против нее с оружием в руках. Протест был подавлен, его участники репрессированы. Теперь привлекать к ним внимание посетителей музея было уже нежелательно. Перестали комплектоваться фонды, так как многие документы были изъяты органами НКВД или не сохранились [5, с. 66–68; 7, с. 53–56]. Сотрудники музея стали заложниками политической ситуации. Создание раздела в постоянной экспозиции, посвященного Гражданской войне, было обязательным, а что там можно размещать, было непонятно. В результате репрессии коснулись и музея. Первый директор А. С. Пожарский в 1935 г. был арестован и приговорен к восьми годам лагерей, в том числе за отсутствие внимания к советскому периоду [7, с. 53–56].

Со второй половины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, начинает проводиться целенаправленная работа по собиранию материалов, посвященных рассматриваемым периодам. Удалось сформировать значительный фонд фотографий и документов, в том числе свыше ста портретов участников партизанского движения, документы штаба Северо-Канского фронта. Бывшие партизаны изготовили для музея образцы самодельного вооружения: пушку и трещотку. Активизировалась работа с носителями живой исторической памяти: запись воспоминаний, встречи с молодежью. В результате при музее появилось постоянно действующее объединение ветеранов Гражданской войны — «Клуб традиционных встреч», регулярно собиравшихся в нем.

В 1960-х гг., как результат систематической работы с историко-культурным наследием 1917–1921 гг., ряду улиц Канска были присвоены имена активных участников революции и Гражданской войны Н. И. Коростелева, Р. П. Эйдемана, В. Г. Яковенко, Н. М. Буды, Х. О. Гетоева. В Канске уважительное отношение к этим людям и оставленному ими наследию сохраняется и сейчас, свидетельством чего является то, что в новую эпоху не было переименований улиц.

В середине 1970-х гг. внимание канских краеведов привлекло имя В. Я. Зазубрина, автора первого советского романа о Гражданской войне «Два мира», в котором основные события разворачиваются в Енисейской губернии и Канске. В 1975 г., в связи с 80-летием со дня рождения В. Я. Зазубрина, сотрудниками Канского краеведческого музея была проведена большая работа по сбору предметов, фотографий, документов, относящихся к сибирскому периоду в жизни писателя. Удалось добиться признания дома семьи Теряевых, в котором В. Я. Зазубрин жил в Канске в 1919–1923 гг., памятником культурного наследия и установить на нем памятную табличку.

Историко-культурное наследие периода революции 1917 г. и Гражданской войны оказалось вновь в центре внимания в связи со столетним юбилеем этих событий в 2017–2020 гг. На этом этапе появилась новая интерпретация ранее накопленного материала. Была создана выставка «Локомотив революции». На ней, впервые в Канском краеведческом музее, были представлены материалы, посвященные роли контрреволюционного офицерского подполья и частей Чехословацкого корпуса в свержении советской власти в Канске и Канском уезде и последующих событиях Гражданской войны на этой территории.

Работа музея показывает, что историческое наследие первого десятилетия советской власти является актуальным в разные эпохи и для разных социальных групп.

Список литературы

[1] Декрет СНК «О памятниках Республики» (12 апреля 1918 г.) // Известия ВЦИК. 1918. 14 апр.

[2] *Ельчанинов В. А.* Историческое сознание и проблемы его формирования // Закономерности формирования общественного сознания. Барнаул, 1984. С. 66–86.

[3] *Замятин Д. И.* Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследия» // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 121–130.

[4] *Киселев Л. В.* Злодейское убийство под Тасеево: исторический очерк // У Братского перевоза. Вып. 2. Канск, 2006. С. 6–18.

[5] *Набатчикова И.* Без пропущенных строк // У Братского перевоза. Вып. 1. Канск, 1996. С. 66–68.

[6] Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в СНК Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению // Известия ВЦИК. 1918. № 163 (427). 2 авг.

[7] *Усольцева Г. И.* Краеведы // У Братского перевоза. Вып. 1. Канск, 1996. С. 53–56.

[8] *Фирсанкова Л. И.* Первый председатель Канского Совета. Красноярск, 2019. 162 с.

Память о Великой Отечественной войне как фактор формирования поколенческой идентичности советских беби-бумеров

М. К. Чуркин,
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск

АННОТАЦИЯ В статье на материалах «глубинного» интервью раскрывается содержание и специфика коллективной памяти беби-бумеров о Великой Отечественной войне, определившей их поколенческую идентичность. Установлено, что формированию идентичности группы сопутствовала активная среда коммуникации с фронтовиками — носителями оперативной памяти, а также атмосферный социокультурный фон 1950-х — 1960-х гг., определивший коммуникативное согласие поколения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Великая Отечественная война, историческая память, поколенческая идентичность, коммуникативная память.

Для советского и российского народов масштабные по своему содержанию и последствиям события 1941–1945 гг. стали опорной точкой коллективного опыта нации и поколенческой идентичности, в основание которых легло общее представление о прошлом.

В этой связи историческая память о Великой Отечественной войне, в системе координат памяти поколений, обладает рядом таких функциональных характеристик, как подвижность и лабильность, что ориентирует представителей гуманитарного знания к исследованию не столько событийных аспектов прошлого, сколько рефлексии состояний: представлений о войне, заключенных в канву теорий индивидуальной и коллективной (коммуникативной и культурной) памяти, коммеморативных практик, направленных на поддержание памяти о значимом событии, или конструирования ее новых форм.

Предметом статьи является проблема влияния Великой Отечественной войны на формирование поколенческой идентичности советских беби-бумеров, рожденных в военные и послевоенные годы (1943–1963), чей пик социальной активности охватил продолжительный временной отрезок 1960-х — 1990-х гг., отразив сходные образцы и программы социализации, сложившиеся в эпоху «позднего социализма», а также общие ценностные структуры и иерархии, заданные воспитательным, образовательным и идеологическим контекстом второй половины XX в.

В методологическом плане отправной точкой исследования является тезис К. Мангейма о совместном историческом опыте, шаблонах социализации и ценностных структурах как генерирующих маркерах принадлежности к возрастной группе [4], получивший подтверждение и развитие в трудах Н. Хоува, В. Штрауса [8], А. Ассман [1], что дает основание оперировать понятием «поколенческая идентичность», конструируя его максимально широко: поколения возникают не только благодаря дате рождения, но и на основе сходного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени; в результате коммуникаций и дискурсов. Также принималось во внимание, что пространство коммуникации, в котором формируется идентичность поколения, не может сложиться без общей системы координат, в границах которой акторы ком-

муникативной среды достигают конвенциональной договоренности, осуществляя, согласно логике Ю. Хабермаса, коммуникативное действие, направленное на достижение коммуникативного согласия [7, с. 12]. Таким образом, поколения, принадлежащие к одному архетипу, имеют не только идентичный возрастной показатель, на время которого приходятся формирующие их события, но и ряд базовых установок по отношению к культуре, семье, обществу.

Источниковой базой для предварительных выводов, демонстрирующих масштаб, условия и факторы влияния Великой Отечественной войны на формирование поколенческой идентичности, выступили результаты неструктурированного «глубинного» интервью с представителями научно-образовательного сообщества поколения беби-бумеров (респондентская фокус-группа составила 20 человек), организованного и проведенного исследовательским коллективом кафедры отечественной истории ОмГПУ в 2020–2021 гг.

Результаты проведенной неструктурированной беседы, в соединении с исследовательским опытом в сфере поколенческой памяти, позволили констатировать, что общность представлений о прошлом, центральное место в которых занимают знаковые события национальной истории, является главной опорой социокультурной идентичности поколений. В данном отношении предшественники беби-бумеров — представители «молчаливого» поколения, участники Великой Отечественной войны, заложили фундамент исторической памяти о самом выдающемся сюжете отечественной истории, на долгие годы ставшем базисом коллективного опыта нации. Фронтовая идентичность поколения — первичного носителя и транслятора исторической памяти о событии, формировалась в условиях активной внутригрупповой коммуникации, обусловленной не только статусом победителей, чья репутация была окутана героическим ореолом, но и сложностями адаптации к мирной повседневности, посттравматическим стрессовым расстройством, которые способствовали постоянной актуализации в сознании комбатантов воспоминаний о войне.

Что касается следующего поколения — беби-бумеров, исследования социальной идентичности данной группы, проведенные психологами, наглядно продемонстрировали, что в ее основе располагается не только общность интересов и мировоззрения с представителями своего поколения (74 % выборки), но и устойчивая память о событиях прошлого (62 %) [3, с. 75–76], что было обусловлено существованием активной контактной «зоны» коммуникации с поколением фронтовиков, реализуемой в семейной, профессиональной, бытовой повседневности.

Ю. Хабермас к кругу основных структурных элементов коммуникации относил ориентацию на взаимопонимание, ситуацию действия и речи, «фон жизненного мира» (исторический контекст), «сферы референций» (согласие на уровне знания, нормы, оценок и чувств) [7, с. 324–340].

Руководствуясь положениями теории коммуникативного действия, можно с уверенностью утверждать, что точкой отсчета формирования поколенческой идентичности беби-бумеров выступала универсальная модель воспитания, сложившаяся в конце 1940-х — 1950-х гг. В детские и ранние юношеские годы в условиях семейного окружения закладывались фундаментальные основы этоса поколения, социокультурным фоном становления которого являлась память о прошедшей войне, транслируемая и поддерживаемая непосредственными ее участниками — фронтовиками. В дискурсе коммуникативной памяти беби-бумеров рельефно выделен мотив героического опыта «молчаливого поколения», оцениваемого группой респондентов в качестве поведенческого стандарта:

> Оба родителя пережили войну. Отец служил в пехоте. Его два брата погибли на войне. Один брат был военврачом, у него звезда Героя. У маминого брата две звезды Героя. Мы воспитывались с сестрами на примере военного поколения (Н. Л.);

> Война чувствовалась во всем: разговоры за столом. Пели военные песни за столом, и это мной воспринималось как норма (М. А.).

Большинство интервьюируемых отмечают в своих детских воспоминаниях тот факт, что фронтовики тему войны в бытовых разговорах старались обходить:

> ...про войну отец не говорил, мне кажется, что люди, которые серьезно пострадали, не любили об этом говорить, слишком болезненными были эти воспоминания (Ф. Д.).

Комментируя воспоминания респондентов, необходимо отметить, что «закрытость» фронтовиков в плане рассказов о военном времени носила все-таки локальный характер и являлась реакцией на свертывание государством отдельных элементов социальной политики в отношении ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны (отмена выплаты наградных денег), а также объяснялась сложностью адаптации к условиям мирной повседневной жизни. Чувство «украденной» победы, растущего конфликта между должным и сущим, оказывается в центре коммеморативного дискурса фронтовиков, так созвучного афоризму Т. Шанина «Нет более страшной вещи, чем война, в которой побеждаешь...» [5]:

> Фронтовикам хорошо памятны послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села... Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии — надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего — по крайней мере, элементарного к себе уважения за беспримерную в истории победу [6].

Жизнь участников Великой Отечественной войны как бы расслаивалась на два этапа: до и после нее, когда посттравматический синдром формировал ситуацию системного кризиса личности, атмосферы недовольства своим статусом, социального аутсайдерства, снижения карьерной активности, поиска новых вариантов социокультурной идентичности. В этих обстоятельствах наиболее продуктивной становилась идентичность фронтовая. Интервьюируемые проявили наибольшее согласие в том, что их родственники, принимавшие участие в войне, гораздо охотнее говорили о прошедших событиях в сообществе таких же, как и они, фронтовиков:

> К отцу приходили товарищи. При нас фронтовики о войне не говорили (Ч. К.);

> В деревне был старший брат отца, дядя Ваня. Он прошел две войны рядовым в пехоте, Финскую и Отечественную под Ленинградом. Плохие моменты войны он не вспоминал. Как о светлом моменте, он вспоминал эпизод войны, когда вместо немцев поставили испанскую голубую дивизию, но очень быстро немцев вернули (Ф. Д.);

> Война чувствовалась во всем, особенно в застольных разговорах старших (М. А.).

По сути, эти свидетельства косвенно подтверждают факт формирования новой «фронтовой» идентичности с характерной для нее моделью «вспоминания» о прошедших событиях. А. Ю. Ватлин, обосновывая специфику поколенческого среза в историческом сознании, подчеркнул, что поколенческую идентичность формирует не только то, о чем предпочитают вспоминать или забывать, но и то, каким образом вспоминают:

> Подобно беседе со случайно встреченными земляками, с представителями своего поколения вы столь же быстро найдете общую тему для разговора. Вы можете соглашаться или спорить с ними о прошлом, далеком или пережитом, но в любом случае вы будете разговаривать «на одной волне» [2, с. 3].

Влияние Великой Отечественной войны на формирование поколенческой идентичности беби-бумеров реализовывалось в обстоятельствах детских повседневных практик: домашней среды, игровой коммуникации, внешкольного досуга.

Отсутствие или ограниченность непосредственных контактов послевоенного поколения с отцами-фронтовиками не отменяли общей атмосферы недавно прошедшей войны, которая поддерживалась ее отдельными артефактами и типичными бытовыми сюжетами. Так, респондент Ч. К. (1946 г. р.) в воспоминании об эпизодах раннего детства рассказывает, что «однажды в тумбочке нашел погоны младшего офицерского состава. Один раз видел пистолет»; часть интервьюируемых повествует об особых приметах прошедшей войны — военнопленных и инвалидах в городах и сельских населенных пунктах:

> ...инвалиды без ног едут по булыжной мостовой. Немцы мостили дорогу (Ч. К.);

> Отец был инвалидом. Не пострадавшие в годы войны мужики в колхоз не вернулись. Мне казалось, что мужики без руки, без ноги — это норма (М. А.);

> Родители рассказывали, как тяжело и голодно было в военное время. В городе было много эвакуированных из Ленинграда, страдавших от дистрофии, которые выжили благодаря местному населению (Л. В.).

Местом формирования поколенческой идентичности под воздействием прошедших военных событий выступали детские дворовые игры, среди которых игра в войну занимала первостепенное место:

> Любимые игры — войнушка, прятки, что-нибудь делали и из этого стреляли (Ф. Д.);

> На улице играли только в войну (в пехотинцев) (М. А.);

> Как только бегать научился, любимая игра всех мальчишек — война. Бегали с палками, изображая оружие. Постарше стали — начали окопы рыть. Однажды присыпало, спасла старшая сестра. Ходы разные, баррикады устраивали, даже снаряды были. Снежками бросались из окопов (М. И.);

> Любимая игра — в вырезанных солдатиков (советских, немецких) (Ч. К.);

> Играли в войну, в казаки-разбойники... (Л. В.).

Симптоматично, что некоторые респонденты подобный интерес к играм милитаристского содержания объясняют своеобразным дефицитом острых ощущений поколения детей, которым не досталось героики военной поры. Ч. К. комментирует:

> В войну играли, но войны не хватило. Добирали на улице.

Важная функция в поколенческом коммуникативном согласии беби-бумеров, с точки зрения воздействия Великой Отечественной войны на идентичность, принад-

лежала таким «площадкам» репрезентации, как художественная литература и кинематограф. Вспоминая о круге чтения в детский период, беби-бумеры в качестве основной категории книг выделили литературу приключенческого и военного жанров:

> Считаю, что было много интересных книг, и мир постигался через приключения и военную беллетристику (Ч. К.);

> ...до восьмого класса читал военно-приключенческие книжки в мягких обложках. С патриотической спецификой (К. Б.);

> Читала «Ивана Денисовича» и роман-газету. Роман «Живые и мертвые» (К. Л.).

Знаковую роль в поддержании позитивной памяти о войне и формировании поколенческой идентичности беби-бумеров играл кинематограф. Участники «глубинного» интервью проявили высокую степень единодушия в оценке воспитательного значения кинематографической продукции 1950-х — 1960-х гг., подчеркнув, что преобладающее место в кинопродукции тех лет занимали фильмы, посвященные прошедшей войне:

> Основным развлечением было кино. Даже в деревенский клуб привозили фильмы, и дети, лежа вповалку, могли смотреть кино. Самая большая травма — это когда ждешь кино три недели, а потом привозят фильм с грифом «до 16 лет». В Красноярске было много кинотеатров. Я со старшим братом в выходные получал 10 рублей (до реформы) на кино. Билеты стоили три-пять рублей. Из трофейных фильмов помню два: «Тарзан», «Серенада солнечной долины». Советское кино, в основном 1930-х гг. Много было фильмов про войну, которые мы очень любили (М. А.);

> ...фильмы в основном про войну (К. Л.).

В целом коммуникативная память о Великой Отечественной войне в представлениях беби-бумеров являлась важным фактором поколенческой солидарности, проявлением которой в международной, внутренней социально-политической и культурной ситуации 1950-х — 1960-х гг. становилась не только апологетика героических сюжетов отечественной истории 1940-х гг., но и понимание сущности войн как катастрофических событий:

> Когда я впервые ночевал в новой квартире, проснулся от жуткого грохота. Первая мысль — атомная война началась (С. О.);

> Основная масса населения, реагируя на сложности жизни в СССР, имела установку, что ничего страшного не происходит. Лишь бы не было войны (К. Л.).

Таким образом, память о Великой Отечественной войне беби-бумеров, ставшая фактором поколенческой идентичности, складывалась в контексте активных контактов с поколением фронтовиков, которые, даже имея опосредованный характер, формировали позитивные представления об этом знаковом событии. Вместе с тем нельзя не учитывать, что процесс взросления послевоенного поколения происходил в условиях меняющегося эмоционального фона, заданного либерализацией общественной жизни СССР. В новых условиях к единодушному восприятию войны как эталона народного подвига добавлялось ощущение, что память о войне постоянно реконструируется и используется в сугубо политических целях:

Война очень мощный фактор, он был повернут позитивной стороной (Л. К.).

В дальнейшем, с завершением реформ, инициированных государством, осознание коммеморативного характера памяти о Великой Отечественной войне поставило беби-бумеров в трудную жизненную ситуацию, их карьерные перспективы оказались возможными только при условии выбора конформистских стратегий, что также являлось существенным фактором коммуникативного согласия и идентичности.

Список литературы

[1] *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
[2] *Ватлин А. Ю.* В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. №1. 2013. URL: http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss19.html (дата обращения: 04.07.2021).
[3] *Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №5. С. 71–85.
[4] *Мангейм К.* Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с. С. 8–63.
[5] Несогласный Теодор / реж. А. Архангельский. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLeNbGOowrndm1_GQhsHB63xG9KSopxn8 (дата обращения: 01.07.2021).
[6] *Синявская Е. С.* Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально психологический феномен. URL: http://www.perspektivy.info/print.php? ID=35842 (дата обращения: 11.07.2021).
[7] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.
[8] *Strauss W., Howe N.* Generations. New York: William Morrow & Co., 1991.

Деятельность Русского географического общества

Издания сибирских отделов Русского географического общества как источник изучения русского и инородческого населения Сибири во второй половине XIX в. — 1920-х гг.

Т. А. Кебак,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В статье представлена характеристика изданий сибирских отделов Русского географического общества (далее — РГО) как источника изучения населения Сибири со второй половины XIX в. до конца 1920-х гг. На основе анализа периодических изданий РГО автор приходит к выводу о том, что, во-первых, количество этнографических исследований в изданиях сибирских отделов уменьшается к 1920-м гг. Во-вторых, описание русского населения Сибири в текстах меняется (тематики, образ русского), а характеристика инородцев остается практически без изменений на протяжении всего периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Императорское Русское географическое общество, Русское географическое общество, Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, издания Русского географического общества, русское население Сибири, инородцы Сибири.

Императорское русское географическое общество (ИРГО) — одно из старейших в мире научных обществ. Во второй половине XIX — начале XX в. ИРГО было самой деятельной организацией в России, которая объединяла ученых, правительственных чиновников, исследователей и интеллектуалов, занимавшихся изучением социальных и экономических вопросов Российской империи и ближайших государств. В России возникла разветвленная сеть отделов ИРГО, так как одной столичной организации было недостаточно для изучения огромной империи. В Сибири возникло два наиболее крупных отдела — Сибирский (с 1877 г. — Восточно-Сибирский) и Западно-Сибирский. В восточных отделах по примеру столичного собрата начали публиковать свои периодические издания: «Записки СО ИРГО», «Записки ВСО ИРГО», «Записки ЗСО ИРГО», «Известия ВСО РГО», «Сибирская живая старина» и др. В своих работах историки использовали эти издания эпизодически. Между тем научные периодические издания отличались от общественно-политических не только структурой, принципом отбора материала, но и содержанием статей, посвященных Сибири.

Для журналов ИРГО и его сибирских отделов целью было формирование научного взгляда на Сибирь, так как в Европейской России существовало много мифов о восточном регионе. Выявление и характеристика русского и инородческого населения Сибири в журналах ИРГО дают возможность для их сравнения с описанием жителей региона, зафиксированным в общественно-политических и частных отраслевых ежемесячниках второй половины XIX — начала XX в.

Мною не было найдено исследовательских работ, анализирующих сибирские издания ИРГО как источник изучения населения Сибири второй половины XIX в. — 1920-х гг. Близкая по теме литература была систематизирована на две большие группы.

Во-первых, это работы, посвященные деятельности ИРГО и его сибирских отделов — Сибирского и Западно-Сибирского (далее — СО ИРГО (ВСО ИРГО) и ЗСО ИРГО,

после революций 1917 г. — ВСО РГО и ЗСО РГО). Обращение к данным исследованиям было необходимым для выявления контекста условий формирования и транслирования описаний населения Сибири в журналах ИРГО, к которому относятся история научного общества, его структура, состав, направления исследований, издательская деятельность. Первые работы, посвященные деятельности ИРГО, стали выходить во второй половине XIX в. и были представлены в основном юбилейными книжками ИРГО. В советский период продолжилась традиция выпуска книжек, приуроченных к юбилейным датам ИРГО и его сибирских отделов. Отличие от предыдущего периода заключалось в том, что авторы (В. С. Манассейн, Л. Г. Берг, В. Ф. Семенов, С. А. Токарев, Г. В. Наумов, И. В. Захаров, С. В. Ивлев) не столько пытались представить хронологический обзор работы ИРГО, сколько дать критический анализ его деятельности и отделов. Постсоветский период характеризуется увеличением интереса со стороны исследователей к научным обществам, существовавшим в Российской империи. Историки начали активно использовать архивные источники, мемуарное наследие, пытаясь воссоздать полную картину деятельности ИРГО. Особый интерес авторы (Т. Н. Оглезнева, Е. В. Севостьянова, И. В. Полякова, А. О. Левченко, Т. П. Сизых, Ю. Н. Игумнова и др.) проявили к отдельным аспектам работы ИРГО и его сибирских отделений: географии, этнографии, археологии и пр. В сфере интересов историков (И. В. Захарова, И. А. Скалабан, Л. Б. Ус, М. В. Штергер, Н. Я. Артамонова, М. Э. Уралова) оказались взаимоотношения ИРГО и его отделов с другими научными обществами, властью (центральной и региональной), сибирским обществом и, в частности, местной интеллигенцией. В последние три десятилетия также привлекает серьезное внимание исследователей тема издательской деятельности ИРГО и его сибирских отделов.

Вторая группа работ (А. В. Юдельсон, Н. Н. Родигина, Е. Н. Эртнер, К. В. Анисимова, В. И. Тюпа), которая была мною выделена для сравнительной характеристики описания русского и инородческого населения Сибири в научных периодических изданиях ИРГО и общественно-политических журналах, была посвящена анализу образа Сибири в общественной мысли и русской литературе XIX — начала XX в.

Цель публикации — характеристика изданий сибирских отделов РГО как источника изучения русского и инородческого населения Сибири во второй половине XIX в. — 1920-х гг.

Кратко охарактеризую издательскую деятельность сибирских отделов ИРГО. Труды сибирских отделов издавались за счет государственного финансирования, как и в целом вся проводившаяся в этих филиалах работа. Однако казенных средств хронически не хватало, что отражалось на регулярности исследовательской и издательской деятельности отделов. Выпуск периодических изданий также зависел от научной активности состава отделов ИРГО. В Сибири в середине XIX в. профессиональных ученых практически не было, потому и занятие наукой для членов отдела было «неслужебной обязанностью» со всеми вытекающими отсюда последствиями — занимались исследованиями от случая к случаю. Только к концу XIX в. в Сибири сложились условия (открытие университета, строительство Сибирской железной дороги), повлекшие за собой появление в регионе интеллигенции, способной заниматься научными изысканиями на профессиональном уровне. Исследовательская и издательская деятельность отделов во многом зависела от администрации края в лице генерал-губернатора и губернатора, что оказывало двоякое влияние на деятельность научных обществ: от активной помощи до прямого вмешательства и приостановки работы отдела.

Революции 1917 г., Гражданская война сильно ударили по деятельности ИРГО и его отделов. Однако они смогли возобновить свою исследовательскую и издательскую работу — продолжали выходить традиционные для отделов ИРГО «Известия», «Записки», в том числе появляются и новые издания, например «Сибирская живая

старина», «Бурятоведческий сборник» и пр. Однако к концу 1920-х — началу 1930-х гг. отделы в прежнем своем виде прекращают работу: ЗСО РГО и ВСО РГО закрылись в начале 1930-х гг. Новая власть хоть и была заинтересована в изучении сибирского региона, но не поддерживала исследовательскую и издательскую деятельность РГО не финансово, не идеологически.

Остановлюсь на основных темах, которые исследователи затрагивали, изучая русское и инородческое население Сибири.

Сотрудники региональных отделов ИРГО большое внимание уделяли русскому населению Сибири в сравнении с центральными изданиями ИРГО. Стойкий интерес к русским сибирякам был вызван стремлением узнать, изменились ли колонизаторы за два столетия пребывания в этой «далекой стране» и в чем проявились эти изменения. С этой целью исследователями привлекались архивные, статистические, этнографические данные о русском населении сибирского региона. Во второй половине XIX в., во время развития антропологии и этнографии, особое внимание европейских и русских ученых уделялось вопросу взаимодействия колонизаторов и покоренных ими племен. В рамках данного направления излюбленной темой для рассуждений и споров среди исследователей русского населения в Сибири становится культурная роль русских на востоке. Ученые пытались разрешить следующие вопросы: насколько русский народ был развит, чтобы не подчиниться подавляющему влиянию большинства инородческих племен и быть проводником цивилизации, а также насколько восток способен к принятию «гуманной цивилизации запада»? Признанными исследователями данных вопросов были историки П. А. Ровинский и А. П. Щапов, опубликовавшие серии статей в изданиях сибирских отделов ИРГО [12, 15, 18].

В поле зрения исследователей оказались и лингвистические особенности русского населения региона. Ученые отмечали изменения в речи русских переселенцев, выделяли причины таких трансформаций [1, 3, 6]. Все изменения языковой культуры русских колонизаторов исследователи отмечали с особым беспокойством, так как эти трансформации предполагали окончательную утерю «русскости» сибирским населением, а значит, и роли «цивилизующей силы» восточных окраин. Тема сибирского города, поселения — еще один сюжет, нашедший отражение в журналах сибирских отделов ИРГО. В поле зрения исследователей отделов ИРГО попали города и поселки Сибири, удаленные от основных транспортных путей и, соответственно, от «цивилизации» — это северные города (Сургут, Туруханск, Вилюйск, Нижнеколымск) и пограничные поселения (Тунка, Шилка), в которых сотрудники ИРГО бывали проездом или в ссылке [4, 6, 13, 16, 19]. Надо отметить, что в целом образ сибиряка, предлагаемый сибирскими изданиями ИРГО, довольно пессимистичный — это потерявший свою цивилизаторскую функцию по отношению к племенам восточного региона, опустившийся до полудикого состояния человек. Возможно, излишний драматизм, встречающийся в описании сибиряка, был вызван стремлением местной интеллигенции обратить внимание русского просвещенного общества и властей на проблемы региона.

В фокусе внимания исследователей оказалось старообрядческое население сибирского региона — семейские, скопцы и так называемые поляки [2, 8, 12, 17]. Социокультурные причины интереса к старообрядческому населению со стороны русских интеллектуалов сформировались под влиянием народнической идеологии, которая подразумевала под мистическим культом проявление социального протеста. Соответственно, сектантские общины интерпретировались как перспективный ресурс будущей революции. В статьях авторы акцентировали внимание не на религиозных представлениях староверов, а на способах ведения хозяйства, бытовом укладе, которые признавались интеллигенцией более рациональными и более жизнеспособными для будущего нового общества, чем у православного крестьянина.

В изданиях региональных отделов проблема переселения начала интересовать исследователей с 1880-х гг. При этом пик внимания к аграрным миграциям в восточный край приходился на 1900-е гг. в связи со столыпинской реформой. Основные вопросы, которые рассматривались в рамках переселенческой темы, — это исследование свободных территорий (Якутский край, Степной край и Дальний Восток) на предмет их дальнейшей колонизации, а также история переселения.

После революций и Гражданской войны, когда РГО и его отделы возобновили выпуск своих изданий, произошли изменения в направлении исследований. Во-первых, сузилось определение термина «география», термин перестал пониматься максимально широко, из него исключались этнографические исследования. Во-вторых, целям и задачам РГО была придана политическая окраска. Последствием этих изменений стало сокращение публикаций, посвященных русскому населению в Сибири: от нескольких десятков в дореволюционный период до нескольких публикаций после 1917 г. На сокращение этнографических статей в традиционных изданиях РГО повлияли не только изменения в определении термина «географические исследования», но и появление этнографических изданий, такие как «Сибирская живая старина» (издание создано по примеру «Живой старины», выходило в Санкт-Петербурге с 1891 по 1916 г.), «Бурятоведческий сборник», которые «перетягивают» на себя основной массив этнографических публикаций.

Ориентируясь на публикации сибирских отделов в «Известиях» ВСО и ЗСО, «Сибирской живой старине», можно отметить, что региональные отделы ИРГО занимались изучением как инородческого, так и русского населения, причем последнее подвергалось более пристальному вниманию со стороны исследователей. Как писала этнограф и педагог М. В. Красноженова в журнале «Сибирская живая старина»:

> ...Первая мировая война, которая завершилась грандиозной в мире революцией, принесла полное разрушение прежних устоев жизни и воззрений не только городского населения, но и сельского... На нас, свидетелях распада старого уклада народной жизни, лежит обязанность зафиксировать все, что только возможно, из народной жизни [9, с. 21].

Этнографы вели исследования в области быта, культуры, хозяйственной деятельности русских, их взаимоотношений с инородцами, обращали внимание на положение сибирских старообрядцев, изменения в укладе жизни сибирского населения в целом, связанные со сменой власти. Новыми направлениями в этнографических изысканиях стали детский фольклор и народная педагогика.

Публикации, посвященные инородцам Сибири, часто встречались на страницах сибирских изданий ИРГО второй половины XIX — начала XX в. Авторы акцентировали внимание на «самых многочисленных племенах Зауралья» — якутах и бурятах. Исследователи старались охватить в своих изысканиях все аспекты жизни названных этносов: антропологические данные, язык, быт, верования, взаимодействие с другими племенами, влияние русского населения и пр. Меньший интерес сотрудниками ИРГО проявлялся к другим, не столь многочисленным инородцам Сибири: тунгусам, чукчам, остякам, алтайским народностям и прочим, описание которых было менее подробным.

Исходя из анализа статей журналов сибирских отделов ИРГО, можно выделить в качестве главных проблем инородческой тематики вопрос о влиянии русских на жизнь сибирских аборигенов и о вымирании последних. Авторы выделили положительные и отрицательные стороны взаимодействия «цивилизации» с «первобытными сибирскими племенами», опираясь в своих рассуждениях на популярную во второй половине XIX в. теорию эволюционизма. К позитивным последствиям цивилизо-

ванного влияния сотрудники отделов относили заимствование инородцами русской одежды, пищи, способов хозяйственной деятельности, православие и пр. В статьях сибирских исследователей акцентируется внимание на последствиях негативного влияния «покорителей Сибири» на аборигенов [4, 7, 10, 16, 20]. Во-первых, проблемой для инородцев являлось «отвратительное отношение» к ним русских жителей Сибирского края и, как результат, использование туземцев в целях обогащения. Во-вторых, проблема спаивания инородцев.

Вопрос вымирания инородцев, актуализированный областниками в общественно-политических периодических изданиях, подвергся более тщательному, научному анализу в журналах сибирских отделов ИРГО, в частности исследователями А. С. Еленевым, В. И. Иохельсоном, С. Ф. Коваликом, Д. А. Клеменцем [4, 5, 7, 11]. По мнению авторов географических журналов, это явление не было повсеместным для Сибири и завесило от внутренних и внешних факторов. Внутренние причины вымирания сибирских туземцев, выделенные сотрудниками сибирских отделов ИРГО, можно обозначить в рамках «ориенталистской» теории. К таковым причинам исследователи относили общую «некультурность» инородцев, которая выражалась в их «незнакомстве с самыми основными гигиеническими и санитарными правилами» (что особенно влияло на детскую смертность), в распущенности половых отношений и шаманизме.

По мнению авторов сибирских отделов ИРГО, внешние факторы вымирания инородцев сформировались под влиянием русского населения. В качестве главных причин сокращения численности аборигенов выделялись две, а именно: распространение алкоголизма и ассимиляция туземцев восточного региона.

В статьях региональных отделов ИРГО поднимался вопрос о понимании культуры сибирских инородцев. Актуализировали эту тему политические ссыльные, наиболее «приближенные к культуре инородцев» за время ссылки [5, 14].

После событий 1917 г. в публикациях сибирских отделов РГО исследователи стали чаще писать о северных народах Сибири: ненцах, эвенках, хантах, юкагирах, якутах и др. Особую роль в усилении интереса к северным инородцам сыграл созданный в 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера).

Как и дореволюционные авторы публикаций в изданиях ИРГО, советские исследователи признавали факт вымирания малых народов Сибири, а также призывали новую власть к незамедлительным мерам, таким как кредит, снабжение предметами первой необходимости, культурно-просветительская работа. Как отмечали этнографы, не все северные племена находились на грани вымирания: якуты были исключением. Они не только не ассимилировались, но и сумели «подвергнуть объякучиванию некоторые племена».

Отдельное внимание сибирских этнографов было направлено на изучение бурятского населения, что подтверждается большим количеством публикаций, а также созданием «Бурятоведческого сборника». Исключительное внимание к изучению бурят было вызвано не только территориальной близостью к Иркутску, где выходили издания ВСО РГО, но и многочисленностью и умению адаптироваться данного народа к новым условиям: принятие русской культуры, появление собственной интеллигенции.

Итак, периодические издания сибирских отделов ИРГО на протяжении второй половины XIX — начала XX в. претерпевали множество изменений — менялись структура, название, тираж, периодичность, время выхода. Столь длительный процесс подбора наиболее оптимальной формы для научного журнала был связан с компромиссом между стремлением ИРГО к публикации наибольшего количества информации об империи (и сопредельных стран) и регулярными финансовыми проблемами. После революции 1917 г. РГО и его сибирские отделы продолжили свою исследовательскую,

издательскую и просветительскую работу, несмотря на все сложности финансового и организационного характера.

Одно из важных направлений для сибирских отделов географического общества дореволюционного и советского периодов (до конца 1920-х гг.) — этнографическое, изучающее русское и инородческое население Сибири. За указанный период времени язык описания русского населения претерпел изменения. В дореволюционный период времени для работ членов ИРГО был характерен пессимистический образ сибиряка, который под влиянием природы и инородческого населения утрачивает свои культуртрегерские функции. В публикациях 1920-х гг. этот образ практически не встречается, и, скорее всего, это было связано с изменениями задач в краеведении, о которых было заявлено на Первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде 1925 г. Для исследователей 1920-х гг. становятся важными вопросы описания и сохранения традиций русского населения в Сибири, а также стремление зафиксировать переходный период в культуре и быте сибиряков, происходящий из-за влияния революции и строительства нового государства.

В изучении инородческого населения Сибири темы и язык описания изменились незначительно. В публикациях советских исследователей в подавляющем количестве текстов инородцы все так же оставались «необразованными» и «отсталыми».

Список литературы

[1] *Арефьев В. С.* Образцы народной словесности // Известия ВСО ИРГО. Т. 32. 1901. №1–2. Иркутск, 1902. С. 89–90.

[2] *Бычков А.* Очерки Якутской области. К вопросу о земледелии в Якутской области (скопцы в ссылке) // Известия ВСО ИРГО. Т. 33. 1902. №1. Иркутск, 1902. С. 1–65.

[3] *Григоровский Н. П.* Описание васюганской тундры // Записки ЗСО ИРГО. Кн. 6. Омск, 1884. С. 1–68.

[4] *Еленев А. С.* Естественно-географический очерк р. Енисея от г. Енисейска до г. Туруханска с некоторыми сведениями по этнографии этой местности // Известия ВСО ИРГО. Т. 24. №3–4. Иркутск, 1893. С. 33–94.

[5] *Иохельсон В. И.* Предварительный отчет об исследованиях инородцев Калымского и Верхоянского округов // Известия ВСО ИРГО. Т. 29. №1. Иркутск, 1898. С. 1–42.

[6] *Кларк П.* Вилюйск и его округ // Записки СО ИРГО. Кн. 7. 1864. С. 90–165.

[7] *Ковалик С. Ф.* Верхоянские якуты и их экономическое положение // Известия ВСО ИРГО. Т. 25. №4–5. Иркутск, 1895. С. 1–50.

[8] *Кон Ф. Я.* Хатын-Арынское скопческое селение (факты, цифры, наблюдения) // Известия ВСО ИРГО. Т. 26. №3–4. Иркутск, 1896. С. 58–117.

[9] *Красноженова М. В.* Взятие снежного городка в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С 21–37.

[10] *Кулаков П. Е.* Буряты Иркутской губернии // Известия ВСО ИРГО. Т. 26. №3–4. Иркутск, 1896. С. 118–167.

[11] Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия ВСО ИРГО. Т. 20. №1. Иркутск, 1889. С. 45–56.

[12] *Ровинский П. А.* Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО ИРГО. Т. 3. №3. Иркутск, 1872. С. 120–133.

[13] *Розенбаум С. П., Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСО ИРГО. Т. 31. 1900. №1–2. Иркутск, 1901. С. 79–87.

[14] *Серошевский В. Л.* Якутские песни и певцы // Известия ВСО ИРГО. Т. 24. №2. Иркутск, 1893. С. 48–55.

[15] *Сообщение* П. А. Ровинского о поездке его на Тунку и на Оку до Окинского караула // Известия СО ИРГО. Т. 1. № 4–5. Иркутск, 1871. С. 31–52.
[16] *Швецов* С. П. Очерк Сургутского края // Записки ЗСО ИРГО. Кн. 10. Омск, 1888. С. 1–87.
[17] *Швецова* М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСО ИРГО. Кн. 24. Омск, 1899. С. 1–77.
[18] *Щапов* А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия СО ИРГО. Т. 3. № 3. Иркутск, 1872. С. 1–200.
[19] Экспедиция Я. П. Дуброва к берегам р. Селенги // Известия ВСО ИРГО. Т. 15. № 1–2. Иркутск, 1884. С. 1–92.
[20] *Ядринцев* Н. М. Об алтайцах и черневых татарах // Известия ИРГО. Т. 21. СПб., 1881. С. 228–254.

Записки Забайкальского отделения Русского географического общества (к 125-летию издания)

А. В. Константинов,
председатель Забайкальского регионального отделения РГО, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита

АННОТАЦИЯ В 2021 г. исполняется 125 лет со времени выхода старейшего в Забайкальском крае периодического научного издания «Записки Забайкальского отделения Русского Географического Общества», вышедшего в 1896 г. под названием «Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества». В статье подчеркивается роль «Записок» в изучении Забайкалья и сопредельных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА «Записки Забайкальского отделения Русского Географического Общества», «Записки Читинского отделения Императорского Русского Географического Общества».

Создание каждого отдела (отделения) Императорского Русского географического общества (ИРГО) становилось важным событием для сибирских губерний и областей. К числу таких событий относится и создание в Забайкальской области в 1894 г. сразу двух отделений Приамурского отдела ИРГО — Читинского (ЧОПО ИРГО) и Троицкосавско-Кяхтинского (ТКОПО ИРГО). Первое было создано в областном центре Забайкальской области — городе Чите, второе — в Троицкосавске, уездном городе на границе с Китаем, считавшемся «чайной столицей» России. Заслуживает внимания сам факт создания двух филиалов общества на территории одной области, которые работали самостоятельно и имели свои «сферы влияния». Отделения ИРГО стали первыми научно-просветительскими организациями в крае.

На торжественном собрании членов Читинского отделения, посвященном 50-летию ИРГО (создано в 1845 г.), А. К. Кузнецов, один из его учредителей, в числе важнейших достижений отделения, помимо создания музея и библиотеки, назвал и подготовку первого выпуска «Записок Читинского отделения». Также, обращаясь к аудитории, он сказал:

> Забайкалье исследовано до сих пор менее других частей империи отчасти вследствие отдаленности от центров просвещения. На этом поприще не только для нас, с нашими слабыми силами, но и для последующих поколений предстоят обширные труды, <...> а пока под высоко поднятым могучим знаменем Императорского Русского Географического Общества употребим все силы на полную работу для дорогого нам Забайкалья [8, с. 158].

Отдельные публикации по результатам исследований появились еще до издания «Записок». Так, доклад Г. В. Адрианова «О результатах изысканий по трассе Забайкальской железной дороги» был напечатан в отчете отделения за пять месяцев деятельности 1894 г. Проект издания «Записок» появился в начале 1895 г. Однако уже в напечатанном сборнике, представленном на заседании совета отделения, обнаружили большое количество ошибок. Вновь организованная редакционная комиссия, в которую вошли И. И. Шари (председатель), А. М. Грабовский, И. С. Иконников,

А. К. Кузнецов, С. И. Мартыновский, И. Ю. Старынкевич, исправила ошибки, и сборник был вновь напечатан [1, с. 76].

Первый номер вышел под названием «Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества». Сборник оказался разнообразным по тематике. В него вошли статьи М. А. Кроля «О забайкальских бурятах», В. А. Обручева, А. П. Герасимова, А. Э. Гедройца «Сведения о работах Забайкальской горной партии в 1895 г.», А. Прибылева «Опыт геотермальных наблюдений в шахтах Илинского рудника», О. Минора «Материалы по климату Нерчинска» и др. [6, 12].

Все поступившие в редакцию материалы теперь подлежали рецензированию. Предложенные редакционной комиссией к публикации статьи рассматривались на заседаниях совета. В 1897 г. было утверждено содержание второго выпуска. Последующие выпуски «Записок» (II, 1897; III, 1898; IV, 1901) представляли собой сборники статей различной направленности. В их числе был цикл статей В. Гусева и М. Манакина «Краткое описание Западной Маньчжурии» с публикацией карт, ряд статей А. К. Кузнецова «Программа для собирания сведений о реках Забайкалья», написанная после катастрофического наводнения 1896 г., «Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского Географического Общества 21 января 1896 г.», «Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области», К. Д. Логиновского «Описание игр бурят Восточного Забайкалья», Г. А. Стукова «Некультурные съедобные растения Забайкалья». В 1905 г. были изданы V–VII выпуски «Записок». В качестве приложения к «Запискам» в Москве вышла книга И. Багашева «Минеральные источники Забайкалья». Выпуск V был представлен выступлением председателя отделения Д. М. Головачева, подводящим итоги десятилетней деятельности ЧОПО ИРГО за 1894–1904 гг. [5]. Выпуск VI включал работу Г. А. Стукова «Народные лекарственные травы Забайкалья». Он же автор работы «Очерк флоры Восточного Забайкалья», вошедшей в VIII выпуск.

Особый интерес представляет история появления VII выпуска. В июне 1905 г., в условиях начавшейся Первой русской революции, отделение в ответ на правительственный запрос отправило в Совет Министров документ — «Постановления отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области». Это был объективный доклад о положении дел в области, в котором предлагались меры выхода из кризисной ситуации. В нем, в частности, говорилось:

> В настоящий трудный момент государственной жизни нашей родины Совет Читинского отделения считает долгом совести и своим глубочайшим убеждением не стоять молчаливым зрителем в стороне от важных событий русской жизни.

Далее давалась честная, нелицеприятная характеристика края. Выход из создавшегося положения отделение видело в создании свободного местного земского самоуправления и организации выборов народных представителей, основанных на всеобщей, равной, прямой и тайной подаче голосов [13, с. 16; 16]. Этот выпуск является ярким свидетельством активного участия Читинского отделения в социально-политической жизни края.

Следующие X–XIV выпуски «Записок» — это «Труды Агинской экспедиции», которые издавались отдельными выпусками (вып. I–VII). Считается, что организация Агинской экспедиции и публикация ее трудов являются самым выдающимся предприятием Читинского отделения. Экспедиция была организована в ответ на обращение в 1907 г. Агинской думы в лице общественного деятеля Б. Д. Очирова и волостного старшины Н. Д. Далыкова. В обращении к отделению содержалась просьба «снарядить экспедицию для всестороннего исследования Агинской степи». Отделение дало согла-

сие и уже в 1908 г. организовало проведение экспедиционных работ, а в 1910–1913 гг. были опубликованы ее результаты. В свет вышли следующие работы: «Орогидрографический очерк Агинской степи», «Климат», «Почвенный покров и материнские породы» М. П. Григорьева, «Растительный мир» Г. А. Стукова, «Население» Д. М. Головачева, «Хозяйственный быт» В. В. Солдатова. К VII выпуску прилагалась карта Агинской степи. Не были изданы геологический и исторический очерки, работа о животном мире, а также большинство статистических таблиц, картограмм и рисунков. Средства на организацию экспедиции и публикацию материалов были собраны бурятским населением Агинской и Цугольской волостей [14, с. 15–21; 15, с. 14–15].

С 1896 по 1913 г. вышло 14 выпусков. Говоря об издании «Записок», следует отметить и деятельность по их распространению. В 1897 г. Читинское отделение состояло в книгообмене с 95 учреждениями, обменивалось печатной продукцией не только с российскими, но и с зарубежными организациями. В дальнейшем, в связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной, революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной, издание «Записок» надолго прекратилось.

XV выпуск теперь уже «Забайкальского отдела Русского географического общества» (ЗО РГО) вышел только в 1924 г. под названием «Изучайте родной край». Говоря о «Записках», нельзя не упомянуть об издании «Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Краевого музея им. А. К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924)». В предисловии к изданию председатель отдела А. К. Кузнецов писал:

> Будем надеяться, что ознакомившись с фактами, изложенными в предлагаемом «Обзоре», никто не осудит нас за скромную тридцатилетнюю деятельность, проникнутую исключительно одним стремлением быть полезными родному краю [10, с. 2].

В 1925 г. в «Записках ЗОРГО» (вып. XVI) была опубликована большая работа А. К. Кузнецова «Развалины Кондуевского городка и его окрестности», которая стала итогом его многолетней деятельности по изучению уникального памятника монгольского времени. Последующая ликвидация ЗОРГО и начавшаяся организационная чехарда в краеведении, репрессии против членов общества отрицательно сказались на издательской деятельности. Последний XVII выпуск — «Записки Забайкальского отдела Дальневосточного общества краеведения и Читинского музея им. А. К. Кузнецова, том 1 (XVII том б. ЗОРГО)» вышел в 1930 г. [7].

Издание «Записок» возобновилось только в 1962 г. Это стало возможно благодаря инициативе группы энтузиастов во главе с военным медиком, известным краеведом Е. Д. Петряевым, которые смогли в 1951 г. возродить деятельность Забайкальского отдела. В 1966 г. отдел был преобразован в Забайкальский филиал Географического общества СССР. Филиалу при поддержке партийных органов удалось создать собственное издательство, которым руководил А. И. Сизиков. «Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР» приобрели особую важность, так как филиал не только являлся единственной организацией в области, систематически публиковавшей научные труды [9], но и фактически был всесоюзным издательством географической направленности. В одном из выпусков «Записок» был размещен сборник «Новости агинских краеведов. Вып. I» (1971). Помимо «Записок», филиалом публиковались «Вестник научной информации» [2, 3, 4], который являлся библиографическим указателем изданий отделения (филиала) с конца XIX в. Помимо этого, издавались «Известия», «Забайкальский краеведческий ежегодник». Вдохновителями и организаторами всей работы отдела в эти годы были М. И. Осокин, А. И. Сизиков, В. Ф. Задорожный. В 1980-х гг. издательская активность снизилась, а в середине 1990-х, после того как было отмечено 100-летие Забайкальского отдела РГО, фактически пре-

кратилась. Причиной этого стали новые политические изменения в стране, приостановка на длительное время деятельности руководящего центра РГО.

Возобновить издание «Записок» удалось только после возрождения деятельности РГО (XIV съезд РГО). Официально в 2000-х гг. отделение стало называться Забайкальским региональным отделением ВОО «Русское географическое общество». Однако при обсуждении советом отделения было решено оставить историческое название издания — «Записки Забайкальского отделения Русского географического общества». Очередной 133-й выпуск вышел в 2014 г. к 120-летию отделения при поддержке Забайкальского государственного университета. В 2015 г. вышло два выпуска: 134-й выпуск содержал материалы конференции «V Кузнецовские чтения», посвященной 120-летию Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, и 135-й выпуск под названием «Географические исследования приграничнo-периферийных районов в рыночных условиях». К 125-летию отделения в 2019 г. вышел 136-й выпуск.

Таким образом, за 125 лет опубликовано 136 выпусков «Записок». Несомненно, их издание внесло заметный вклад в дело развития науки и просвещения в крае. В настоящее время многие выпуски «Записок» стали уже библиографической редкостью. Вместе с тем они остаются востребованными, и стоит задача сделать их доступными для исследователей и широкой аудитории.

Список литературы и источников

[1] *Базылева Е. А.* Издательская деятельность Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. №3. С. 75–79.

[2] Вестник научной информации Забайкальского филиала Географического общества СССР. №10 (библиография изданий филиала) / ред.-сост. А. И. Сизиков. Чита: Изд-во ЗФГО СССР, 1971. 56 с.

[3] Вестник научной информации Забайкальского филиала Географического общества СССР. №11 (библиография изданий филиала за 1971–1972 гг.). Чита: Изд-во ЗФГО СССР, 1973. 56 с.

[4] Вестник научной информации Забайкальского филиала Географического общества СССР. №12 (библиография изданий филиала за 1973–1975 гг.). Чита: Изд-во ЗФГО СССР, 1975. 40 с.

[5] *Головачев Д. М.* Десятилетие Читинского отделения. Речь, читанная правителем дел на общем собрании членов отделения 31 октября 1904 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. V. Чита: [Т-во скоропечатни А. А. Левинсона], 1905. 20 с.

[6] Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. 1. Чита: [Тип. Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°»], 1896. 144 с.

[7] *Константинова Н. Н.* Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы). Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Республиканская типография, 2020. 208 с.

[8] *Кузнецов А. К.* Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского Географического Общества 21 января 1896 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. II. Чита: [Типо-литография Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°»], 1897. С. 120–158.

[9] *Кукулеску В., Сизиков А.* Издания Забайкальского филиала Географического общества // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области. Чита: [Обл. тип.], 1994. С. 64–78.

[10] Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Краевого музея им. А. К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924) / под ред. А. В. Харчевникова. Чита: [Гублит-Гостипография], 1924. 91 с.

[11] Отчет о деятельности Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества за 5 месяцев 1894 года. Чита: [Типо-литография Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°»], 1895.
[12] Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1895. Чита: [Типо-литография Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°»], 1896. 50 с.
[13] Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1902–1906 гг. Чита: [Тип. Я. М. Рабиновича], 1907. 71 с.
[14] Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1907–1908 гг. Чита: [Тип. т-ва «Беркут и сын»]. Чита — Харбин. Читинское отделение, 1909. 52 с.
[15] Отчет Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1909–1910 гг. Чита: [Паровая тип. «Заб. Т-во печатного дела»], 1912. 44 с.
[16] Постановления отделения по вопросам государственного благоустройства и благосостояния Забайкальской области // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. VII. Чита: [Типо-литография Торгового Дома «П. А. Бадмаев и К°»], 1905. 14 с.

Международные коммуникации Красноярского подотдела РГО в начале XX века

Е. И. Майзик,
старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

А. С. Вдовин,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

Н. П. Макаров,
кандидат исторических наук, зав. отделом археологии и этнографии,
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

М. С. Баташев,
старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены международные связи Красноярского подотдела Русского географического общества (РГО), деятельность которого значительно повлияла на развитие научной и культурной жизни Енисейской губернии. Выделены формы, направления и специализация международных научных коммуникаций общества. Определены основные участники сотрудничества и их значение для развития науки в Енисейской губернии в начале XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА международные связи, межкультурный обмен, Енисейская губерния, Красноярский подотдел Русского географического общества, коммуникация, зарубежные исследователи.

Деятельность Красноярского подотдела РГО (далее — КОРГО) с момента его организации в 1901 г. тесно связана с межкультурным обменом и международной коммуникацией. Последняя представляет особый интерес для определения масштабов работы, вклада в науку, выполнения целей и задач, стоящих перед обществом [4, л. 41–43]. Их важность определяется не только обменом информацией, но и развитием научного сотрудничества, предпосылками интеграции местной науки в международные исследования.

В работах, рассматривающих историю и деятельность КОРГО, отмечена его важнейшая роль в развитии и популяризации науки на территории Приенисейского края [1, 17]. Международные связи научного общества преобладающе рассматривались исследователями на примере отдельных важных контактов с учеными [2]. Факторами подобных связей можно считать развитие экономики региона, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, переселенческое движение, появление учебных заведений, музеев, потребность изучения обширного края, развитие общественного самосознания, внешнеполитическую обстановку и др. В свою очередь для провинциального научного общества было важным включиться в широкую коммуникационную сеть [13].

Одно из первых международных участий организаторов КОРГО состоялось до организации общества, в 1898–1900 гг. Тогда его организаторы и будущие члены были привлечены к подготовке экспонатов для участия во Всемирной выставке в Париже 1900 г. [5, л. 9]. Их задача заключалась в совместной организации с музеями сбора предметов, характеризующих Енисейскую губернию. Для выставки требовались коллекции птиц и зверей, полезных ископаемых и таежных богатств, охотничьих костюмов и принадлежностей, орудий, фотографий и пр. [5, л. 8–10]. В результате достойного

представления губернии Минусинскому музею были присуждены диплом и серебряная медаль [14, с. 126–127].

С организацией общества наладилась система сотрудничества по переписке для передачи и обмена информацией, решению вопросов о публикациях в зарубежных изданиях [11, с. 88].

Письма, как правило, приходили от научных обществ и ученых Европы и Америки, некоторые из которых занимались подготовкой и выпуском научных и справочных изданий. Сведения о деятельности КОРГО для выпуска «Географического календаря» запрашивал Институт географии Юстуса Пертеса в Германии [6, л. 81]. Библиотека Конгресса США обращалась за сведениями для издания «Справочной книги ученых обществ и учреждений». Члены КОРГО откликнулись на запрос, выслали необходимую информацию и брошюру В. Ю. Григорьева «Красноярское Географическое общество на исходе трех лет своего существования» [7, л. 40]. Из Вашингтона обращались за информацией об обществе для составления «Справочника географических обществ и родственных учреждений». Также в 1903 г. Международный географический конгресс приглашал делегатов КОРГО к участию в Вашингтоне «для воссоединения географических обществ» [8, л. 22–24]. Переписка была оперативной формой получения актуальных научных сведений и материалов.

С включением в введение КОРГО Красноярского городского музея с 1903 г. начал развиваться обмен коллекциями с зарубежными коллегами. С этого времени деятельность музея и научного общества осуществлялась в тесной связи. В практике музеев уже давно существовала пересылка коллекций специалистам для их определения. Так, естественнонаучные коллекции Красноярского музея обрабатывались в Гельсингфорсе, Мюнхене и Вене [9, л. 66]. Ботаник А. Л. Яворский отправлял местные грибы для определения итальянскому миколог Джакомо Брезадоле [10, л. 9 об.]. Другим енисейским коллекциям, приглянувшимся иностранцами, повезло меньше с точки зрения местной науки. Пропорционально открытию археологических памятников, изучению коренных народов древности предметы этнографии чаще вывозились за границу самими зарубежными исследователями.

Существовала проблема и в отсутствии специальной научной литературы, для сбора которой при КОРГО была организована библиотека. Член КОРГО Н. А. Шепетковский на заседании подотдела отмечал:

> Судьба окраин одинаково печальна. А такой далекой, холодной и заброшенной, как Сибирь, — в особенности. Блага цивилизации проникают к ним медленно, просвещение развивается слабо и, доходя до более крупных центров этих окраин, здесь останавливается. Отдаленные уголки и захолустья этих окраин обречены на жалкое существование, они вечные пасынки судьбы, к которым лучи света и знания не доходят и не согревают их [16, с. 3].

Тем самым возможность обмена изданиями рассматривалась как шанс приблизиться к культурным и научным центрам, быть в курсе актуальных специализированных новостей. Это позволяет выделить в отдельную форму связей международный книжный обмен (обмен изданиями).

«Известия», «Записки» и «Отчеты» КОРГО обменивали на свежие выпуски изданий зарубежных организаций, среди которых в 1903 г. были Берлинский этнографический музей, Венгерский музей, Венский естественноисторический музей, Кенигсбергский музей, Копенгагенский музей северных древностей, Лейпцигский этнографический музей, Баварская академия наук, Финское археологические общество, Угро-финское ученое общество в Гельсингфорсе, Вашингтонская национальная библиотека и др. [11]. Это свидетельствует об осведомленности иностранных обществ о деятельно-

сти КОРГО. Библиотека общества пополнялась разнообразными зарубежными изданиями на английском, немецком, французском, датском, финском, шведском языках. Направления полученных научных работ относятся к разным областям: археология, этнография, антропология, биология, зоология, ботаника, орнитология, ихтиология, энтомология, география, геология, океанография, сейсмология, химия, техника, электромеханика, сельское хозяйство, психология, статистика, культура, искусство, библиография, нумизматика и др. Охват книгообмена был основан на европейских и американских представителях с крупными издательствами и развитыми культурными и научными центрами. Обмен с одним учреждением мог быть нерегулярным, а список корреспондентов менялся.

Важной формой коммуникаций стали командировки и экспедиции иностранных исследователей на территорию губернии. Представители немецких, английских, норвежских, американских, финских, венгерских научных обществ изучали местные особенности в рамках разных дисциплин. Они не могли обойти стороной научное общество и музей. Крупными учеными, проводившими здесь исследования, стали финский лингвист Кай Доннер и археолог Арне Тальгрен, норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен и зоолог Орьян Олсен, английский этнограф Мария Чаплицка, орнитолог Мауд Хавиланд, американский антрополог Генри Холл [3, 12]. Исследователи посещали Красноярский музей, обращались к его сотрудникам, нередко такое знакомство преобразовывалось в дальнейшую переписку, пересылку предметов.

С особыми почестями в Красноярске принимали Ф. Нансена, организовав для него встречу со служащими музея и членами КОРГО. Большой интерес и отклик исследователя нашли этнографические коллекции музея. А на торжественном заседании КОРГО в городском театре Ф. Нансен прочитал лекцию о Северном морском пути между Западной Европой и Сибирью. Затем городской голова П. С. Смирнов и научное общество организовали торжественный обед в честь норвежского гостя [15, с. 208–209].

Также члены КОРГО совершали поездки за рубеж. Известно путешествие по Европе консерватора музея А. Я. Тугаринова в 1914 г. для знакомства с организацией зарубежных музеев. Опытом заграничного путешествия и яркими впечатлениями о европейских достопримечательностях Аркадий Яковлевич регулярно делился с коллегами в письмах и на почтовых карточках [18, с. 248–258].

КОРГО сыграл важную роль в развитии науки в Енисейской губернии. Этот вклад реализовывался в том числе через систему международных связей. Контакты с зарубежными учеными способствовали развитию деятельности местных исследователей через переписку и обмен научной информацией, обмен коллекциями и изданиями, через экспедиции и личные встречи. Эти коммуникации характеризуются сложной структурой с разными направлениями и формами развития. Сотрудничество осуществлялось с представителями стран Европы, Америки, Азии в разных научных областях. Формы сотрудничества можно выделить по значимости: экспедиции зарубежных исследователей в Енисейскую губернию; предоставление научной информации, определение коллекций и обмен ими; книжный обмен; публикации в зарубежных изданиях; участие в международных выставках; приглашение к участию в научных форумах. Таким образом, разнообразие форм международных коммуникаций обосновывается целями и задачами, реализованными с их помощью.

В свою очередь КОРГО распространял знания за рубежом. Иностранные исследователи в результате этих связей пополняли музеи енисейскими коллекциями, составляли отчеты, путевые заметки об экспедициях и путешествиях в Енисейскую губернию, публиковали сведения, проводили исследования на местном материале, способствовали популяризации региона среди мировой научной общественности.

Список литературы и источников

[1] *Вдовин А. С.* Красноярскому отделению РГО — 110 лет: история и современность / А. С. Вдовин, М. В. Прохорчук // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Всемирному дню Земли и 110-летию Красноярского регионального отделения Русского географического общества (Красноярск, 22–23 апреля 2011 г.). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. С. 11–18.

[2] *Вдовин А. С., Детлова Е. В., Кузьминых С. В., Макаров Н. П.* К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция: альманах. Красноярск: Литера-Принт, 2010. Вып. 5. С. 106–119.

[3] *Вдовин А. С., Кочкина Е. И.* Вклад зарубежных исследователей в изучение Туруханского края (1910–1920 гг.) // Россия — Сибирь — Красноярский край: сб. материалов VIII Краеведческих чтений, Красноярск, 6 декабря 2016 г. Красноярск, 2017. С. 139–146.

[4] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1–2.

[5] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2.

[6] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 28.

[7] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 29.

[8] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 29а.

[9] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 50.

[10] ГАКК. Ф. 2120. Оп.1. Д. 52.

[11] *Кочкина Е. И.* Международный книжный обмен Красноярского музея в 1889–1930 гг. // VIII Юдинские чтения (Красноярск, 13–16 октября 2015 г.): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2015. Ч. 2. С. 81–89.

[12] *Кочкина Е. И., Вдовин А. С.* «В страну будущего»: из истории изучения севера Енисейской губернии зарубежными исследователями в начале XX в. // Енисейский Север: история и современность. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2016. Вып. 2. С. 83–97.

[13] *Майзик Е. И.* Становление и развитие международных научных связей Приенисейской Сибири в последней трети XIX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 439. С. 160–164.

[14] Минусинский музей — первый на Енисее: коллекции Минусинского регионального краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова / ред.-сост. В. Г. Чернышева; авт. вступ. ст. Т. М. Ломанова. Красноярск: Поликор, 2018. 224 с.

[15] *Нансен Ф.* В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / пер. А. и П. Ганзен. Пг.: Склад при Конторе изданий Товарищества А. Ф. Маркса, 1915. 561 с.

[16] Торжественное заседание Общего собрания 10 января 1902 г. // Известия и протоколы Красноярского подотдела РГО. 1902. Т. 1. Вып. 4. С. 3–6.

[17] *Хорина В. В.* Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник ТГПУ. Красноярск, 2016. № 9. С. 21–28.

[18] *Яворский А. Л.* Двадцать лет на Енисее // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Красноярск, 2011. С. 152–361.

Д. А. Клеменц — исследователь Енисейской губернии

О. А. Милевский,
доктор исторических наук, доцент, профессор,
БУ «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованиями, проводимыми Д. А. Клеменцем в Енисейской губернии. Главное внимание уделяется изучению таких направлений его научной деятельности, как геолого-географическое и археологическое изучение региона. Определяется его конкретный вклад в исследование удаленных и ранее малоизученных мест южной части Енисейской губернии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Д. А. Клеменц, политическая ссылка, Енисейская губерния, Минусинская котловина, путешествия, география, геология, археология.

В рамках изучения научного наследия, связанного с географическим освоением Сибири, современные исследователи постепенно возвращают из исторического небытия имена ученых и путешественников, внесших неоценимый вклад в «открытие» этого огромного региона. Среди этой плеяды первопроходцев значится и имя Дмитрия Александровича Клеменца.

Судьба Клеменца как ученого удивительна. Миру науки конца XIX — начала XX в. он стал известен как географ, геолог, этнограф, археолог и музеевед [1, 20, 22, 24]. Однако в советский период привлекал внимание историков преимущественно как революционер-народник и общественный деятель [4, 25], а его научные достижения оказались на периферии исследовательского интереса. И только в последние десятилетия его научная судьба стала предметом серьезного изучения [18, 19, 23].

Как путешественник и исследователь Клеменц «родился» в Минусинске, куда был сослан за свою революционную деятельность в 1882 г. Одним из очевидных плюсов этого небольшого городка для такого человека, как Клеменц, являлось наличие музея, открытого благодаря подвижнической деятельности провизора Н. М. Мартьянова 10 января 1877 г. [14, с. 47]. Мартьянов и Клеменц быстро сблизились, особенно этому способствовали их научные интересы. Во многом именно Мартьянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая и колоритная фигура Клеменца. Его дебют как путешественника состоялся в 1883 г. Он принял участие в летней экспедиции 1883 г., проводимой при поддержке Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества (далее — ЗСО ИРГО) томским ученым А. В. Адриановым. Разрешение на участие в ней Клеменц получил во многом благодаря протекции Мартьянова.

Программа экспедиции предусматривала посещение не изученной ранее юго-восточной части Алтая. В круг исследований включалось определение истоков р. Томи, а также водораздела рр. Абакан и Мрассу и проведение археологических и этнографических изысканий [7, с. 18]. Уже в первом своем путешествии Клеменц продемонстрировал недюжинные способности. Его особую роль в этом научном предприятии впоследствии отмечал и Адрианов, указывавший, что «Клеменц положительно стал головой и душой экспедиции» [1, с. 110].

Из этих странствий Клеменц вернулся другим человеком. Жажда новых открытий овладела им целиком. В результате зимой 1884 г. он добился разрешения на зимнюю экскурсию. Клеменц проехал по правому берегу Абакана, затем добрался до хребта Изых. Ему удалось собрать коллекцию горных пород, на основе которых он высказал

гипотезу о «принадлежности Изыхских и Бейских пластов к одной и той же формации» [15, с. 13].

Возвратившись, Клеменц не только углубился в работу над собранными геологическими материалами, его привлекла и археология. Именно в начале 1884 г. он впервые в печати — на страницах «Восточного обозрения» — остановился на задачах местной археологии. Подчеркивая настоятельную необходимость скорейшего археологического изучения Минусинского края, Клеменц писал:

> Свод прежде добытых данных, подкрепленный фактами, один в состоянии пролить свет на загадочных творцов доисторической культуры присаянских степей [5, с. 16].

Летом 1884 г. он при финансовой поддержке ЗСО ИРГО уже самостоятельно отправился в составе небольшой экспедиции исследовать верховья Абакана. Ее целью являлось достижение неисследованного уголка Алтая «с водоразделом между вершинами рр. Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебедя (правого притока Бии) и Телецким озером» [1, с. 111]. Эта экспедиция выдалась непростой. И все же Клеменцу удалось достичь истоков Абакана и нанести их на карту [19, л. 1]. Более того, на обратном пути следования он выдвинул блестящую научную гипотезу об изменении русла Енисея ниже д. Означенной (Саяногорск) [22, с. 4].

Зима 1884–1885 гг. проходила для Клеменца намного более насыщенно, чем предыдущие периоды экспедиционного простоя. Он вплотную начал заниматься подготовкой каталога, затем переросшего в серьезнейшую работу «Древности Минусинского музея» [10]. Работая над книгой, Клеменц задумывает и еще один проект: начинает собирать и обрабатывать материал для подготовки «Карты Минусинского округа с указанием главнейших археологических памятников». Впоследствии ее опубликует в «Сибирских древностях» В. В. Радлов [23, с. 112].

Летом 1885 г. он проверил свою гипотезу о старом русле Енисея, совершив две поездки из Минусинска по Абаканской степи до Енисея у д. Означенной и подножия Саян у с. Бейского и собрал немало данных в подтверждение гипотезы о старом русле Енисея. В дальнейшем эту его идею ученые подтвердили [13, с. 278].

Его экспедиции 1883–1885 гг. дали ценнейший материал для географической и, что еще более важно, геологической характеристик юго-западной части Минусинского округа. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСО ИРГО», привлекли внимание к личности Клеменца маститых ученых. В частности, на геологические данные, впервые введенные им в научный оборот, опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901) [25, с. 75].

Летом 1886 г. вышла книга «Древности Минусинского музея». Ее появление стало настоящей научной сенсацией не только в отечественной, но и мировой археологии. Она сделала имена Клеменца и Мартьянова известными не только в российском, но и в европейском научном сообществе [8, с. 6].

После окончания срока ссылки осенью 1886 г. Клеменц перебрался в Томск, где начал активно сотрудничать с редакцией «Сибирской газеты». Но давнее увлечение журналистикой не могло отвлечь его от новых научных планов, в которых основное место по-прежнему занимало изучение южных районов Енисейской губернии, тем более что перед самым отъездом из Минусинска он получил предложение от И. М. Сибирякова исследовать прииски Енисейской губернии и дал на это согласие. Для этого Клеменц разработал целую программу исследований [16, с. 309].

Эти планы совпали с установлением им в 1888 г. контактов с Императорской археологической комиссией (ИАК). В письмах к товарищу председателя ИАК В. Г. Тизенгаузену Клеменц просил о содействии для продолжения занятий «местной археоло-

гией» и сформулировал свое предложение к ИАК поручить ему «раскопку Ачинских курганов и собирать сведения о памятниках древности и их топографии» [23, с. 157].

Руководство ИАК приняло в отношении Клеменца положительное решение, выделив ему грант в размере 300 рублей и выдав открытый лист на проведение раскопок в пределах Минусинского округа и других округов Енисейской губернии [23, с. 157]. Утвердительный ответ ИАК давал ему возможность убить сразу двух «научных зайцев» — выполнить задание Сибирякова и заняться археологией.

В результате лето 1888 г. он запланировал посвятить своеобразному комплексному изучению южных районов Енисейской губернии. Только археологическими работами и проектом Сибирякова он решил не ограничиваться. Как бы территориально совмещая два вида экспедиций, он по поручению ВСО ИРГО запланировал еще и поездку по Канскому и Ачинскому округам. Задача его была сформулирована следующим образом:

> Проследить промежуточные отложения между чулымскими третичными пластами и присаянскими девонскими отложениями. Кроме того, он посетит с геологической целью верхнюю долину реки Кана. Кроме геологических исследований, г. Клеменц займется также составлением гербария и будет делать наблюдения по этнографии и археологии [2, л. 392].

Полевой сезон 1888 г. Клеменц начал с движения вдоль окраины Кузнецкого Алатау к улусу Чебаки. Затем он посетил прииски по Белому и Черному Июсу и поднялся в верховья этих рек. Во время этого путешествия он совершил несколько значимых открытий: определил границу распространения девонских отложений в предгорьях Кузнецкого Алатау, изучил третичные отложения Ачинского округа, месторождения медных руд, каменного угля и золотые прииски, северное предгорье Саян у Канского Белогорья и северо-восточную часть Кузнецкого Алатау по рр. Черный и Белый Июс. Результатом ачинских геологических изысканий Клеменца стали обширные коллекции. Часть из них и гербарий он отправил во ВСО ИРГО [21, л. 331]. Вторая половина и петрографический материал были им переданы Минусинскому музею [21, л. 336].

Активно проводил он и археологические изыскания. За лето 1888 г. Клеменц только в окрестностях с. Чебаки раскопал шесть курганов. Современные специалисты отмечают, что

> раскопки были произведены тщательно, выполнены великолепные, хранящиеся в архивах чертежи [12, с. 20].

По авторитетному мнению М. А. Дэвлет, в технике раскопок Клеменц намного превосходил большинство тогдашних археологов [7, с. 32].

Большое значение для развития сибирской археологии имела и разведка археологических памятников, проведенная Клеменцем с целью их описания и составления карты. В ходе разведки он насчитал 530 различных курганов. Кроме того, им было изучено несколько писаниц и петроглифов [12, с. 20–21]. Тогда же он раскопал около с. Назарово большой курган. Этот «новый тип» курганов, по его словам, стал основой для выделения целого этапа лесостепной тагарской культуры [12, с. 15].

Самым важным результатом археологического сезона 1888 г. стали раскопки Назаровского кургана — первого земляного кургана с миниатюрами, исследованного в Сибири. Эти раскопки привели Клеменца к выводам относительно различий в культуре Причулымья и соседней Хакасско-Минусинской котловины. Время подтвердило его правоту [12, с. 19]. Собранную коллекцию из Назаровского кургана в количестве 123

предметов Клеменц отправил в Москву для демонстрации на VIII Археологическом съезде, который состоялся в 1890 г., затем ее передали в Исторический музей.

Летом 1889 г. его археологические исследования продолжились. Главным их объектом стали раскопки в Уйбатской степи огромного кургана, который местные жители называли «Чаа-тас» [12, с. 16]. Однако за один полевой сезон работы закончить не удалось. Продолжение по согласованию с ИАК запланировали на следующий год. Так и произошло. Раскопки в Уйбатской степи Клеменц успешно завершил в 1890 г., и они принесли превосходные результаты [12, с. 16]. Плодотворное сотрудничество Клеменца с ИАК закончилось в 1890 г. За это время он сделал несколько крупных археологических открытий, которые по достоинству оценили в ИАК.

Второй важной задачей исследований на 1889 г. оставалась работа по программе Сибирякова. Поэтому во второй половине лета Клеменц отправился изучать южную систему Енисейского горного округа, где собрал значительный геологический, статистический и экономический материал на золотых приисках. Из этой экспедиции он возвратился в Минусинск только в начале октября. В дальнейшем весь собранный материал по программе Сибирякова он обобщил в рукописи «Об экономическом положении приисковых рабочих». К сожалению, она так и не вышла в свет и до сих пор пылится на архивных полках.

Собранные геологические коллекции и записи он в декабре 1889 г. передал в дар минералогическому музею Томского университета [4, л. 129–130]. В дальнейшем профессор Томского университета А. М. Зайцев использовал материалы, добытые Клеменцем, в серии статей о геологическом строении данного региона. Причем многие выводы в статьях принадлежали непосредственно Клеменцу, на что и обращал внимание Зайцев. Одной из значимых для будущего золотодобычи научных гипотез Клеменца стало подтвержденное впоследствии геологами предположение о том, что золотоносной породой в этом районе можно считать не только кварц, но и глинистый сланец [9, с. 176]. Также Клеменц осмотрел первое коренное месторождение золота, недавно открытое в этой системе, и дал его описание с планом и разрезами [22, с. 7].

В 1890 г. Клеменц с супругой переехал в Иркутск, где с 20 мая 1891 г. являлся правителем дел ВСО ИРГО. В 1897 г. он перебрался в столицу, где сначала занимал должность консерватора Музея археологии и этнографии, а с февраля 1902 г. стал заведующим этнографическим отделом Русского музея [16, с. 605]. Однако и в Иркутске, и в Петербурге Клеменц никогда не забывал о своей «первой научной любви» — южной части Енисейской губернии. Он поддерживал научные и дружеские контакты с Н. М. Мартьяновым до самой смерти последнего в 1904 г. [18].

Интерес к изучению этих мест Клеменц сохранил до конца жизни, и даже в отставке, занимаясь уже литературным трудом, он в одном из очерков обращался к освещению проблем этого региона [6], который хорошо знал и искренне любил.

Список литературы и источников

[1] *Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тип. К. И. Витковского, 1917. С. 103–124.

[2] ГАИО. Ф. 293. Оп. 1 ОЦ. Д. 8.

[3] ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.

[4] *Гольдфарб С. И.* Д. А. Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 176 с.

[5] Д. К. Исследование древностей Минусинского округа и верховьев реки Енисея в 1882 г. И. С. Боголюбского // Восточное обозрение. 1884. № 14. С. 16.
[6] Д. К. К переселенческому вопросу // Сибирские вопросы. 1910. № 44. С. 13–16.
[7] *Дэвлет* М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
[8] *Дэвлет* М. А. Д. А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3–9.
[9] *Зайцев* А. М. К геологии южной золотоносной системы Енисейского округа (Материал, собранный Д. А. Клеменцем в 1889 г.) // Вестник золотопромышленности и горного дела. 1892. № 13. С. 175–177.
[10] *Клеменц* Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886. 185 с.
[11] *Клеменц* Д. А. Заметка о девонских отложениях Минусинского округа // Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск, 1890. С. 13.
[12] *Ковешникова* Е. А. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX веков. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 125 с.
[13] *Козьмин* Н. Н. Избранные труды. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.
[14] *Кон* Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 209 с.
[15] Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск: Тип. Окружного штаба, 1890. 145 с.
[16] *Милевский* О. А., *Панченко* А. Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 695 с.
[17] *Милевский* О. А. Рождение путешественника: географические исследования Д. А. Клеменца в Минусинской ссылке (1882–1886) // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. № 2. 2017. С. 100–108.
[18] *Милевский* О. А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н. М. Мартьянова и Д. А. Клеменца // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 61–71.
[19] МКМ. О/ф 10 614/5.
[20] *Мякотин* В. Памяти Д. А. Клеменца // Русское богатство. 1914. № 2. С. 341–344.
[21] НБ ТГУ. ОРКП. Архив Г. Н. Потанина. № 331.
[22] *Обручев* В. А. Обзор путешествий Д. А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тип. К. И. Витковского, 1917. С. 1–34.
[23] Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. 208 с.
[24] *Попов* И. И. Д. А. Клеменц // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 291–300.
[25] *Федорова* В. И. Революционный народник, ученый и просветитель Д. А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 176 с.

Исследования сотрудников Императорского Русского географического общества на Алтае в последней четверти XIX — начале XX века

А. А. Рябченко,
студент 4-го курса, ИИМО, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ В работе рассмотрена научно-исследовательская деятельность участников этнографических экспедиций на Алтай, их вклад в изучение этнографии Алтая. Описан процесс развития этнографических исследований на территории Алтая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Императорское Русское географическое общество, Алтай, этнография.

Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) был учрежден в 1877 г. по настоянию почетного члена ИРГО — генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, обращавшего внимание ИРГО на неэффективную работу Сибирского отделения. Н. Г. Казнаков указывал, что сотрудники отделения проводят исследования преимущественно на территории востока Сибири, оставляя без должного внимания западную ее часть. Таким образом, упускалось из виду обильное количество материалов для работы этнографов и географов. Учрежденный Западно-Сибирский отдел с центром в Омске позволил разделить труд исследователей и изучать большее количество материалов. Региональное отделение стало первой исследовательской организацией, изучавшей коренных жителей Западной Сибири и сибирских инородцев в контексте этнографии. Ежегодная государственная субсидия в две тысячи рублей позволила организовывать экспедиционные исследования [10, с. 402–403].

Первые экспедиции ЗСО ИРГО с целью изучения быта и жизни инородческого населения Западной Сибири и переселенцев осуществил Н. М. Ядринцев. В 1878 г. он побывал на территории Алтайского горного округа. Результаты экспедиции были опубликованы. Н. М. Ядринцев выявил населенные пункты, не нанесенные на карту 1868 г., составил описание инородческого района с его населением, рассмотрел особенности русской колонизации Алтая и пришел к выводу о том, что заселение совершается от периферии к центру, охватывая весь Алтай кольцом. Этнограф также указал на ценность культуры переселенцев, отметив привнесенные ими рациональные способы ведения хозяйства [4, с. 5–8].

В 1880 г. осуществилась вторая экспедиция под руководством Н. М. Ядринцева в горы Алтая. Ее членам удалось собрать большое количество этнографических и антропологических данных о местном населении. Таким образом, экспедиции Н. М. Ядринцева внесли значительный вклад в исследование этнографии региона [5, с. 4–8].

В это же время проходят научные экспедиции этнографа Г. Н. Потанина на север Монголии по поручению ИРГО: 1876–1878 гг. и 1879–1880 гг. Во время поездок Г. Н. Потанин изучил географию края и большое количество этнографического материала.

Во время первой своей поездки через Алтай он установил, что Тянь-Шань и Алтай — две разные, самостоятельные горные системы. В 1877 г. побывал на юге Алтая, в путе-

вых записках делая заметки о местных географических особенностях и быте коренного населения. В письме генерал-губернатору Н. Г. Казнакову Г. Н. Потанин указал на притеснение инородцев русскими переселенцами, а также на самоуправство местных купцов. В том же году он побывал в поселении Онгудай. Изучая культуру местного населения, исследователь обратил внимание на положение христиан-инородцев: крещеные инородцы не имели изб, не освоили скотоводство, не говорили по-русски. В своих письмах Г. Н. Потанин указывал на возможное решение проблемы — разрешить селиться русским крестьянам в данное поселение. По мнению Г. Н. Потанина, это должно было способствовать скорой ассимиляции крещеного населения в русскую культуру. Прогнозы исследователя были верны: село преобразилось, население значительно увеличилось, появились избы, мельница и кожевня [3].

Летом 1882 г. была организована экспедиция члена-сотрудника ЗСО ИРГО В. М. Краузе на Алтай. Отправившись в июне из Омска в Семипалатинск, он ознакомился с бытом казаков иртышской линии. Целью дальнейшей поездки исследователя являлось изучение быта раскольников, проживавших на Алтае. Исследователь побывал в большинстве поселений староверов в регионе. Отправившись далее к Котон-Карачаю, В. М. Краузе изучил местность, где, по утверждениям местных жителей, встречался каменный уголь. Найденные экспедицией образцы были доставлены в музей ЗСО ИРГО. По возвращении в Омск чтению подробного отчета о поездке отделом было посвящено два заседания. Кроме того, В. М. Краузе был подготовлен материал о взаимоотношениях русских казаков и инородцев на Алтае [6, с. 4–6].

Следующую экспедицию на Алтай ЗСО ИРГО в январе 1883 г. поручил А. В. Адрианову. В ходе работ он выделил две крупные группы инородческого населения: черневых и абаканских татар. Инородцев исследователь называл по месту их обитания. Во время поездки Александр Васильевич делал заметки о хозяйстве крестьян-переселенцев, об их экономическом положении. В своем предварительном отчете А. В. Адрианов подробно описал обнаруженные археологические памятники: курганы и могильники. Кроме того, А. В. Адрианов вел метеорологический дневник, а также во время путешествия им были собраны образцы почвы из 19 различных пунктов. Образцы были отосланы В. В. Докучаеву в Петербургский университет [1].

В связи с нехваткой средств ЗСО ИРГО сократил количество экспедиций. Сотрудники обратились к обработке собранных материалов. На общем собрании членов организации (1888) М. А. Шестаковым были изложены основные причины вымирания инородцев в Западной Сибири. Докладчик указал, что инородцы не могут конкурировать с торговцами-промышленниками, испытывают притеснения со стороны администрации, в связи с чем считал необходимым принять меры, направленные на поддержание и защиту материального положения инородцев [7, с. 19–20].

В 1898 г. член ЗСО ИРГО М. В. Швецова предприняла этнографические исследования в нескольких волостях Змеиногорского и Барнаульского округов. С разрешения томского губернатора вела работу в архивах Алтайского округа. Собрав достаточное количество материала после исследовательских работ в Змеиногорском уезде, М. В. Швецова в 1899 г. написала статью «„Поляки“ Змеиногорского округа», опубликованную в «Записках Западно-Сибирского Императорского Русского Географического Общества». М. В. Швецова подробно описала быт и культуру «поляков» — потомков ранее живших на территории Польши русских раскольников, переселившихся в XVIII в. на Алтай. Ею был изучен антропологический тип, традиционная одежда и верования алтайских «поляков» [9].

В 1898 г. члены Общества любителей исследования Алтая (ОЛИА), действовавшего в Барнауле с 1891 г., подняли вопрос о присоединении организации к ЗСО ИРГО в качестве самостоятельного отделения. Распорядительный комитет ИРГО и его

вице-председатель П. П. Семенов с одобрением встретили идею объединения двух научных организаций ввиду их схожих целей, однако окончательного разрешения дано не было. Только лишь в марте 1902 г. дело о включении ОЛИА в состав Западно-Сибирского отдела было доведено до конца — от распорядительного комитета было получено согласие на открытие Алтайского подотдела ЗСО ИРГО [8, с. 3–4].

Благодаря присоединению местная краеведческая организация решила большую часть своих прежних проблем, связанных в первую очередь с постоянной нехваткой денежных средств. Обладая правами подотдела ЗСО ИРГО, учреждение получало большую свободу в своей научной деятельности, освобождалось от обязательной цензуры, получало ежегодные субсидии в размере 500 рублей и возможность бесплатной отправки писем и посылок почтой.

В 1902 г. активный сотрудник Алтайского подотдела ЗСО ИРГО, преподаватель реального училища в Барнауле В. И. Верещагин на субсидию в 150 рублей осуществил ботаническое обследование долины р. Чарыш. В 1903 г. средства были предоставлены Н. С. Гуляеву для изучения археологического памятника «Большереченское городище» и архивов волостных правлений.

В 1905 г. Алтайский подотдел ЗСО ИРГО организовал экспедицию к р. Чуе с целью сбора естественно-исторических коллекций. Под руководством В. И. Верещагина была составлена энтомологическая коллекция, обширный гербарий, выполнены барометрические наблюдения, сделаны фотографии обследуемых местностей.

Во время пребывания в алтайских селах В. И. Верещагин отметил различия между жителями Европейской России и переселенцами: при входе в дом местные жители не молились на образа, не всегда снимали головные уборы, чем отличались от крестьян из европейских губерний. Жители деревень, населенных преимущественно раскольниками, относились с пренебрежением к православным членам экспедиции: не были гостеприимны, с неохотой пускали исследователей на ночлег. Во время посещения поселений инородцев, имея возможность опросить местных жителей, В. И. Верещагиным были записаны местные сказания и легенды [2].

Впоследствии на средства Алтайского подотдела ЗСО ИРГО А. П. Велижанин осуществил экспедицию в Кулундинскую степь.

В 1913 г. в распоряжение Алтайского подотдела ЗСО ИРГО было передано здание бывшей лаборатории Алтайского округа для устройства в нем публичного музея. Разнообразные материалы, полученные во время экспедиций сотрудников Алтайского подотдела ЗСО ИРГО, оказались востребованы при осуществлении музейной деятельности. Благодаря публикациям сотрудников ЗСО ИРГО в научный оборот были введены разносторонние сведения об Алтае.

Список литературы и источников

[1] *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым. Омск, 1886. 165 с.

[2] *Верещагин В. И.* По Восточному Алтаю: дневник путешествия в 1905 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. 101 с.

[3] *Кравченко Г. Г.* Г. Н. Потанин и Алтай: хроника и итоги пребывания // КиберЛенинка — научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/g–n–potanin–i–altay–hronika–i–itogi–prebyvaniya.

[4] Отчет Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1879 год. Омск, 1879. 18 с.

[5] Отчет Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1880 год. СПб., 1880. 17 с.
[6] Отчет Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1882 год. СПб., 1883. 8 с.
[7] Отчет Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества с 1-го июля 1886 г. по 1-е октября 1888 г. Омск, 1890. 46 с.
[8] Отчет Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Омск, 1902. 95 с.
[9] *Швецова* М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1899. Кн. 26. С. II, 1–92.
[10] *Шокальский* Ю. М. Отделы Императорского Русского Географического Общества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XXII. 481 с.

История сотрудничества членов ИРГО и Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. Современность и пути развития

Е. Ю. Сидорина,
заведующая научной библиотекой,
Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается сотрудничество Минусинского музея и Императорского Русского географического общества (ИРГО) по изучению южной территории Восточной Сибири. Особое уделено внимание членам ИРГО, которые не только в своей научной деятельности использовали материалы музея и библиотеки, но и передавали предметы, коллекции в Минусинский музей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинский музей, ИРГО, экспедиция научная.

С открытием в 1877 г. Минусинского музея начинается планомерное изучение южной части Восточной Сибири ИРГО: совершаются экспедиции, во время которых ведется исследовательская работа по археологии, этнографии, геологии, ботанике. В своей научной деятельности участники экспедиций использовали музейные коллекции и издания библиотеки, но вместе с тем и пополняли музейные коллекции.

Экспедиции совершались как по инициативе самого ИРГО, так и по инициативе его отделов. Начиная с 1876 г. ни одна экспедиция по поручению ИРГО не миновала Минусинский музей: геологическая Иннокентия Александровича Лопатина (1876), географическая 1881 и 1883 гг. Александра Васильевича Адрианова, археологическая в 1886 г. Николая Михайловича Ядринцева, археологическая доктора Мартина по поручению Шведского антропологического общества и ИРГО в 1891 г.

Экспедиции ИРГО на прилегающие территории близ Минусинска обогащали музей предметами и коллекциями, а в библиотеку поступали издания, как труды ученых — руководителей экспедиций, так и отчеты, труды, дневники.

Основатель Минусинского музея Н. М. Мартьянов неоднократно осуществлял экспедиции на средства ИРГО. Так, в 1882 г. состоялась его поездка в северо-восточную часть Минусинского округа [3, с. 54].

В музей поступили образцы горных пород и гербарий растений.

Через год, в 1883-м, Н. М. Мартьянов на средства ИРГО совершил три поездки в юго-восточную часть Минусинского округа на горы Изых и Борус, материалы экспедиции также поступили в музей [3, с. 55].

А. В. Адрианов по поручению ИРГО совершил экспедицию на Алтай и Саяны в 1881 г. Материалы были опубликованы в Записках ИРГО по общей географии и напечатаны в нескольких номерах томской «Сибирской газеты» за 1884 г.

Для того чтобы совершить путешествие, А. В. Адриановым было написано письмо в ИРГО [23, с. 1223–1230].

Экспедиция за Саяны снаряжалась в Минусинске, а начальным пунктом путешествия был улус сагайца Попилата Орешкова на р. Нене, впадающей в Уйбат. Адрианов подробно описывал маршрут путешествия, о чем печатала «Сибирская газета» [24, с. 211–214].

По приезде в Минусинск (1883) А. В. Адрианов осуществляет археологические изыскания и раскопки древних курганов, шесть из которых «...на большом Тагарском

острове Енисея против Минусинска, верстах в 5-ти от города... и один курган в долине Немира...» [1, с. 615]. В статье он подробно описывает раскопанные курганы, деревянные срубы, погребальную посуду, украшения в виде бляшек.

В период с 1891 по 1896 г. А. В. Адрианов передал в музей коллекцию бабочек и жуков, собранных в северной части Минусинского округа, древности в археологический отдел, образцы серебряных руд, пополнил нумизматическую коллекцию музея — передал редкую монету династии Хань (1891), образцы горных пород и отпечатки животных, а также зубы и кости мамонта, черепа и глиняные сосуды из раскопок (1896) [15, с. 5].

В экспедициях деятельное участие принимали как жители Минусинска, так и невольные жители — ссыльные, которые сотрудничали с Минусинским музеем и были членами ИРГО.

Дмитрий Александрович Клеменц в Минусинске отбывал ссылку и со своим приездом в город (в марте 1883 г.) стал неизменным помощником Н. М. Мартьянову: научно определял музейные предметы, помогал советами и совершал экспедиции [3, с. 55].

В 1884 г. Д. А. Клеменц и А. И. Венцковский на средства Западно-Сибирского отдела ИРГО исследовали верховья Абакана, откуда в музей доставили богатый материал.

О ходе экспедиции шли письма в Восточно-Сибирский отдел ИРГО, как отмечалось:

> ...прочитаны письма г. Клеменца о ходе его экспедиции, предпринятой минувшим летом в верховья р. Абакана. Из этих писем видно, что начало экспедиции (май, июнь, из Минусинска) было вполне успешно, как в отношении материальных средств (кроме 200 руб., посланных от отдела <...>), минусинский купец Г. П. Сафьянов, член ВСО, дал в распоряжение экспедиции 2 лошади с седлами и вьюками... [25, с. 137].

Георгий Павлович Сафьянов — минусинский купец, был помощником М. Н. Мартьянову в организации музея, принимал активное участие в экспедициях. Как отмечал А. В. Адрианов:

> Без Г. П. Сафьянова не обходилось никакое русское начинание на верхнем Енисее <...>, никакая научная экскурсия или ученая экспедиция.

Обладая мягким характером, владеющий языком сойотов, энергичный и умный человек, Г. П. Сафьянов

> ...был желательным и необходимым советником и сотрудником [2, с. 1].

В 1892 г. в Известиях Восточно-Сибирского отдела ИРГО (т. XXIII, № 3) была напечатана работа Д. А. Клеменца «Соленые озера Минусинского и Ачинского округов и девонские отложения на верхнем Енисее». Автор пишет о том, что

> минеральные озера встречаются только в области девонских отложений. Соли их — несомненный продукт выщелачивания девонских пород [11, с. 44].

Н. М. Мартьянов и И. А. Лопатин — первые, кто высказал мысль о принадлежности красных песчаниково-известняковых слоев к девонской системе на территории Ачинского и Минусинского округов после исследования бейских известняков.

Д. А. Клеменц постоянно ссылается на геологические исследования Н. М. Мартьянова в Минусинском округе, он находит гранит, красный песчаник.

Д. А. Клеменц занимался изучением и Качинской степи. Об этом путешествии писала газета «Восточное обозрение» (1886):

> Небольшая этнографическая экскурсия в качинскую степь. Но прежде посетили Тагарский остров, близ Минусинска, где много древних могил. Затем переправились через перевоз под Синем камнем через Енисей... Путешественники посетили Абаканскую управу, где увидели церемонию жертвоприношения горному духу Тагтай. Разговаривали с шаманом, которого звали Апчей, который рассказал, что знаком со многими петербургскими господами, такими как В. В. Радлов, А. В. Адрианов, которые пользовались услугами шамана [4, с. 10–12].

В 1888 г. Д. А. Клеменц представил Восточно-Сибирскому отделу исследование о наговорах и приемах у крестьян Минусинского округа, которые были напечатаны в Известиях ИРГО (т. XIX).

Д. А. Клеменц интересовался и антропологией, доисторической археологией. В 1891 г. в музей Д. А. Клеменц передал растения из Сойотии.

Член-корреспондент ИРГО Иван Тимофеевич Савенков по поручению Восточно-Сибирского отдела в 1883 г. проводил изыскания и раскопки в отношении доисторической археологии вдоль среднего течения Енисея, в 1886 г. результаты были представлены отделу (т. XVII). В 1891 г. И. Т. Савенков сделал описание каменных орудий Минусинского округа.

Правитель дел Сибирского отдела ИРГО Яков Павлович Прейн исследовал растения в окрестностях Красноярска, а в 1888 г. произвел ботанические исследования в Ачинском и Минусинском округах Енисейской губернии. В 1892 г. Я. П. Прейн обработал в Минусинском музее гербарий, собранный М. Г. Юдиной в Балахтинской волости Ачинского округа. На следующий год, в 1893-м, также по заданию Сибирского отдела совершил ботаническую экскурсию по Енисейской губернии.

Изучением инородцев Енисейской губернии в Восточной Сибири занимался Н. Ф. Катанов, который по заданию ИРГО и Академии наук исследовал тюркские племена не только на юге Енисейской губернии, но и в Монголии.

Катанов Николай Федорович — действительный член ИРГО, экстраординарный профессор тюркских наречий при Императорском Казанском университете.

Об экспедициях Н. Ф. Катанова писала газета «Восточное обозрение» (1888):

> ...об экспедиции г. Катанова, снаряжаемой географическим обществом в Монголию. Экспедиция, как сообщает г. Катанов, сначала направится в Мариинский округ Томской губ. для исследования и изучения быта и языка племени кюэрик, оттуда — в Ачинский округ Енисейской губернии для той же цели, к племени кызыльских татар, от которых экспедиция двинется на юг, в Минусинский округ, для собирания этнографических и лингвистических материалов у племени бельтиров, до сих пор никем не исследованного... [5, с. 2];

в 1889 г.:

> Экспедиция Н. Ф. Катанова снаряжается для лингвистических и этнографических исследований тюркских племен в Сибири (Томская, Енис. и Иркут. губ.), Монголии и Восточном Туркестане (Аксу, Кашгар, Яркенд). На расходы экспедиции ассигнуется ежегодно 800 руб. от Академии наук, 600 руб. от Географического Общества и 600 руб. от С.-Петербурга. Экспедиция выехала из Петербурга 9-го декабря. Направится она в Северную Монголию через Томск, Красноярск, Минусинск, к верховьям реки Енисея. К началу 1890 года предполагается обследовать землю сойетов или саянцев, лежащую между Саянским хребтом и хребтом Танну-ола, вдоль линии монгольских караулов, от озера Косогола на восток до верховьев р. Кобдо на западе [6, с. 3];

> Село Усинское Енисейской губернии, 17 апреля (1889). Путешественник Катанов прибыл вместе со своим помощником И. К. Реполовским 14 апреля. Затем верхом отправились на Петропавловский прииск Гусева. На прииске они пробыли 9 дней, и за это время они успели записать «1200 слов сойотского языка, 3 песни и около 100 предложений из разговорной речи». Катанов считает, что сойоты «произошли от смеси тюркских и финских (самоед.) элементов. Сами они себя называют туба [7, с. 9];

> Путешественник Катанов прибыл 28-го мая (1889) р. Шаганар лев. пр. Улукема, близ которого находится заведение Тархова. До настоящего времени г. Катанов собрал 2 сказки, 70 песен и много др. материалов как по языку исследуемого народа, так и по религии и по обычаям... [8, с. 4].

Минусинский музей вел переписку не только с ИРГО, но и с его отделами, с членами общества — учеными, которые помогали с научным определением тех или иных музейных предметов, коллекций. Так, горный инженер И. А. Лопатин оказал услуги в описании геологической коллекции Сибири и, в частности, Енисейской губернии, давал советы по археологии [3, с. 68, 70]. В 1895 г. он дополнил и заново составил таблицу геологических названий Минусинского округа [14, с. 11]. А в 1879 г. музеем специально были приобретены издания для определения геологической коллекции.

Вице-председатель ИРГО Петр Петрович Семенов передал музею богатую коллекцию жесткокрылых Европейской и Азиатской России, коллекцию он сам собрал и определил.

В 1885 г. музей посетили известные ученые, которые не только осматривали его, но и научно определили накопленный материал. Это И. Д. Черский, И. А. Лопатин, И. Т. Савенков.

> ...когда г. Черский приехал изучать в Минусинск остатки вымерших животных, ему пришлось просто ползать по полу, перебирая кости, которыми была устлана вся комната [13, с. 79–80].

Н. М. Мартьянов в 1880 г. составил для генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрия Гавриловича Анучина подробное описание музея, извлечение было напечатано в Известиях Восточно-Сибирского отдела ИРГО и в 25 экземплярах «Путеводителя по музею».

ИРГО оказывало помощь по участию Минусинского музея в выставках. В 1896 г. по предложению иркутского генерал-губернатора музей представил свои коллекции в Сибирском отделе Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Благодаря П. П. Семенову, заведующему Сибирским отделом выставки, экспонаты музея были систематично и наглядно размещены в павильоне Восточной Сибири.

> Из чучел промысловых зверей и птиц, принадлежащих Музею и Восточно-Сибирскому отделу И. Р. Геогр. Общества, была устроена живописная группа на искусственном утесе [14, с. 10].

Часть предметов была размещена в стеклянных витринах, на этажерках, полках, столах, стенах [13, с. 121]. За участие в выставке в Нижнем Новгороде Минусинскому музею был присужден диплом первого разряда «за высокую научную ценность коллекций и просветительное их значение».

До 1900 г. музей не получал правительственного пособия, он существовал на частные пожертвования. Благодаря участию музея в Нижегородской выставке П. П. Семенов

обратил внимание посетившего выставку министра финансов Сергея Юльевича Витте на коллекции музея и рассказал о его необеспеченности.

Неоднократно ИРГО в лице его вице-председателя П. П. Семенова ходатайствовало о материальной поддержке музея, о его дальнейшем развитии, и было получено разрешение о получении правительственного пособия 1500 рублей в год [16, с. 2].

И в 1900 г. музей, благодаря П. П. Семенову, показал свои коллекции в Париже на Всемирной выставке. П. П. Семенов писал в письме Н. М. Мартьянову:

> Приняв на себя общее руководство по собиранию предметов для Окраинного Отдела Парижской выставки (1900 г.), в состав которого входит также Енисейская губерния, я обращаюсь к Вашему содействию по сбору некоторых экспонатов, характеризующих природу, население и древности южной половины губернии, отлично зная Ваше глубоко просвещенное внимание к интересам края [13, с. 135].

На расходы по выставке была выделена одна тысяча рублей. Музей за участие в работе Всемирной Парижской выставки был награжден дипломом и серебряной медалью.

В 1902 г., в год 25-летнего юбилея Минусинского музея, Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела ИРГО проявил инициативу по организации празднования юбилея: были разосланы циркуляры в адрес общественных учреждений, ученым и лицам, сочувствующим музею. День юбилея музея ознаменовался

> ...закрытием торговых заведений и освобождением от занятий всех учащихся, что дало возможность самым широким кругам населения присутствовать при торжестве и принимать в нем участие [17, с. 2].

С приездом Н. М. Мартьянова в город и основанием музея ведутся метеорологические наблюдения: Мартьянов привез с собой термограф, флюгер. Затем в музей поступил и дождемер. И с этого времени, а именно с 1874 г., начинается отсчет метеорологическим наблюдениям, создана метеорологическая станция. ИРГО присылает для станции и сейсмоскоп, который отмечал время и направление землетрясений.

Минусинский музей в период с 1881 по 1900 г. посетили ученые экспедиции ИРГО, члены которых пользовались коллекциями и книгами музея: 1881 г. — географическая — А. В. Адрианов по поручению ИРГО; 1883 г. — географическая — А. В. Адрианов по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО; 1884 г. — географическая — Д. А. Клеменц по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО; 1885 г. — археологическая — И. Т. Савенков по поручению Восточно-Сибирского отдела ИРГО; 1900 г. — этнографическая — С. П. Швецов по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО.

И в XXI в. продолжается сотрудничество Минусинского музея и РГО: на базе Минусинского музея 29 сентября 2011 г. было открыто Минусинское региональное отделение РГО. В честь 175-летия РГО 14 декабря 2020 г. в Минусинске состоялось торжественное открытие именной таблички Николаю Михайловичу Мартьянову — основателю Минусинского регионального краеведческого музея, члену ИРГО.

ККО ВОО РГО и Минусинский музей реализуют совместный проект «Музей без стен».

В научную библиотеку музея поступают издания от РГО.

Список литературы и источников

[1] *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны // Сибирская газета. 1884. № 24. 10 июня.
[2] *Адрианов А. В.* Г. П. Сафьянов // Сибирская жизнь. 1913. № 8.
[3] Десятилетие Минусинского музея (1877–1887) / сост. А. О. Лукашевич по поручению комитета Минусинского музея. Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1887.
[4] Восточное обозрение. 1886. № 47. 20 нояб.
[5] Восточное обозрение. 1888. № 21. 29 мая.
[6] Восточное обозрение. 1889. № 3. 15 янв.
[7] Восточное обозрение. 1889. № 26. 25 июня.
[8] Восточное обозрение. 1889. № 28. 9 июля.
[9] *Ермолаева Л. Н.* Георгий Павлович Сафьянов и Минусинский музей // Мартьяновские краеведческие чтения (2008–2009): сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2010. Вып. VI.
[10] *Ермолаева Л. Н., Сидорина Е. Ю., Чернышёва В. Г.* Минусинский музей и Русское географическое общество // Мартьяновские краеведческие чтения (2010–2011): сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2012. Вып. VII.
[11] Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1892. Т. XXIII.
[12] История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества (1845–1895) / сост. по поручению Совета Императорского Русского Географического Общества, вице-председатель общества П. П. Семенов, при содействии действительного члена А. А. Достоевского. Ч. III. Отдел V. Приложения, указатель и состав общества. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1896.
[13] *Кон Ф. Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902.
[14] Отчет по Минусинскому местному музею и Общественной библиотеке за 1895 год. Красноярск: Тип. Ал. Д. Жилина, 1896.
[15] Отчет по Минусинскому местному музею и Общественной библиотеке за 1896 год. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1897.
[16] Отчет по Минусинскому местному музею и Общественной библиотеке за 1900 год. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1901.
[17] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1902 год. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1903.
[18] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1904 год. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1905.
[19] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1908/9 гг. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1910.
[20] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1910/11 гг. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1912.
[21] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1912 год. Минусинск: Тип. В. В. Федорова, 1913.
[22] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук, и Общественной библиотеке за 1913 год. Минусинск: Тип. А. Ф. Метелкина, 1914.
[23] Сибирская газета. 1881. № 43. 20 дек.
[24] Сибирская газета. 1884. № 8. 19 февр.
[25] Сибирская газета. 1884. № 36.
[26] *Сидорина Е. Ю.* Вклад Г. П. Сафьянова в изучение Приенисейского края (по периодическим печатным изданиям научной библиотеки Минусинского музея) // Мартьяновские краеведческие чтения (2010–2011): сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2012. Вып. VII.

Деятельность сотрудников Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1902–1920 гг.

Т. В. Тишкина,
кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) действовал в Барнауле с 1902 г. Его сотрудники занимались сбором, обработкой и распространением материалов для всестороннего изучения Алтайского округа и сопредельных территорий. Осуществлялись экспедиции, публичные лекции, публикации. С 1918 г. работал публичный музей. В 1920 г. организация была переименована в Алтайский отдел Русского географического общества (РГО).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтай, Барнаул, музей, экспедиция, издательская деятельность.

В 1891 г. в Барнауле было создано Общество любителей исследования Алтая (ОЛИА). Цели деятельности организации заключались в сборе материалов для всестороннего изучения Алтая и сопредельных территорий. Реализовать указанные цели предполагалось не только силами членов организации, но и привлеченных лиц и учреждений [10, с. 1]. Сотрудниками ОЛИА являлись врачи, горные инженеры, педагоги, служащие статистического отдела Алтайского округа и т. д. Общество существовало за счет поступлений членских взносов (5 руб. ежегодно), средств, вырученных от продажи изданий, а также пожертвований частных лиц.

В 1898 г. совет организации возбудил ходатайство перед ИРГО о прикреплении к нему ОЛИА. На общем собрании членов ОЛИА 24 марта 1902 г. начальник Алтайского округа, почетный председатель А. Ф. Кублицкий-Пиоттух прочел уведомление о присоединении организации к Западно-Сибирскому отделу ИРГО (ЗСО ИРГО) в качестве его Алтайского подотдела. Был скорректирован устав Алтайского подотдела ЗСО ИРГО в соответствии с общим уставом отделов и подотделов ИРГО. Целями деятельности организации по-прежнему оставались сбор, обработка и распространение материалов для всестороннего изучения Алтайского округа и сопредельных территорий [1, л. 147]. Делами организации управлял совет. Ежегодно на общем собрании членов Алтайского подотдела ЗСО ИРГО закрытой баллотировкой избирались председатель, товарищ председателя, три члена совета и три кандидата в члены совета. В 1902 г. председателем стал И. И. Биль, обязанности товарища председателя и казначея исполнял Д. И. Зверев, в состав совета входили В. И. Верещагин, Е. Г. Родд, Н. С. Гуляев, кандидатами в члены совета состояли И. П. Выдрин, А. М. Головачев, Н. Я. Овчинников [5, с. 3].

В последующие годы председателями совета избирались инспектор Барнаульского реального училища В. Н. Галанин, чиновник Главного управления Алтайского округа Д. И. Зверев, контролер Алтайского округа Н. Н. Соколов, врач А. П. Велижанин и другие лица.

В 1902 г. в организации числились 81 действительный член, 10 почетных членов, к 1904 г. состав увеличился до 98 действительных членов. Среди вступивших в 1903 г. в организацию лиц — И. М. Вяткин (агент по продаже сельскохозяйственных машин,

с. Белоглазово), С. Х. Христофоров (учитель, с. Чистюнька), К. А. Стоцкий (помощник управляющего Змеиногорским имением), В. А. Андреев (управляющий Колыванской гранильной фабрикой), К. Н. Тульчинский (горный инженер), Э. Э. Кисс-Шлезингер (главный доверенный «Золотопромышленного предприятия князя Александра Турн-и-Таксиса и доктора Иосифа Жаннэ») и др. [2, л. 20]. Члены Алтайского подотдела ЗСО ИРГО проживали в Барнауле, Томске, Красноярске, Новониколаевске, Бийске, Чите, Локте, Змеиногорске и других населенных пунктах.

Активными сотрудниками Алтайского подотдела ЗСО ИРГО являлись архивариус Главного управления Алтайского округа Н. С. Гуляев, преподаватель Барнаульского реального училища В. И. Верещагин, лесничий Алтайского округа Е. Г. Родд, старший производитель работ Алтайского землеустройства Н. Я. Овчинников, производитель работ Алтайского землеустройства Б. М. Быков и др.

Сотрудники Алтайского подотдела ЗСО ИРГО продолжили распространение «Краткой программы для собирания сведений о природе и населении Алтая», разработанной ОЛИА в 1892 г. Она включала 21 раздел (описание местности, землевладение, земледелие, промыслы, торговля, обряды и обычаи, народное образование и т. д.), каждый из которых содержал по нескольку конкретных вопросов. Программу рассылали священникам, учителям и другим лицам. Ответы корреспондентов изучались членами Алтайского подотдела ЗСО ИРГО и хранились в библиотеке организации. Так, например, по указанной программе работали учитель А. Шубин (с. Маралихинское), сельский писарь Ф. Е. Галанов (Колонковский участок Уксунайской волости Кузнецкого уезда) и др. Совет организации рассылал опросные листы для сбора сведений о метеорите, замеченном в небе над южной частью территории Алтая в ночь с 9 на 10 мая 1904 г., рассматривал рукописи, предложенные авторами для публикации в выпусках «Алтайского сборника».

Осуществляя пропаганду краеведческих знаний, сотрудники Алтайского подотдела ЗСО ИРГО регулярно представляли публичные доклады на различные темы. В течение 1902 г. было прочитано семь докладов, среди которых: «Об исследованиях Телецкого озера» П. Г. Игнатьева; «О вреде Monocham mu'a в Бобровской гари 1990 г.» Е. Г. Родда; «Исследование о неурожае хлебов и трав в северо-западных волостях Алтайского округа» С. В. Бессонова; «К истории Алтайского округа (ложные слухи о вторжении китайцев в пределы Бийского и Кузнецкого округов в начале и половине XIX в.)» Н. С. Гуляева и т. д. [5, с. 5–6]. Среди публичных докладов последующих лет, вызвавших интерес публики, следует упомянуть «Об эндемизме Алтайской флоры» П. Н. Крылова, «О столкновении между калмыцким и русским населением в Горном Алтае летом 1904 г.» М. К. Барсова, «К вопросу о положении обрабатывающей промышленности в Алтайском округе» М. О. Курского, «О колебании уровня вод в озерах западной части Барнаульского уезда» К. Н. Миротворцева и др.

Каждый член организации обязывался ежегодно оплачивать взнос в размере 5 рублей. Однако совет неоднократно обозначал проблему поступления членских взносов. Так, например, в 1904 г. была получена денежная сумма в 100 рублей, в 1905 г. уплатили взносы только 16 членов организации из 59, проживавших в Барнауле. В 1910 г. совет решил привлечь швейцара Алтайского собрания к сбору взносов, приурочив процесс к дням выдачи служащим наградных выплат [3, л. 10].

Реализацию различных направлений деятельности Алтайского подотдела обеспечивали ежегодно выделяемые ЗСО ИРГО пособия в размере 500 рублей. Благодаря этим финансовым поступлениям члены организации получили возможность осуществления экспедиционных исследований. В июне-июле 1902 г. В. И. Верещагин потратил 150 рублей на ботаническое обследование долины р. Чарыш от с. Усть-Кан до с. Коргонского. В результате удалось получить данные по географии растений, составить гербарий из 800 видов растений [5, с. 8–9]. Экспедиционная деятельность

В. И. Верещагина на территории Алтая продолжилась в 1905 г. В феврале 1903 г. археолог-любитель Н. С. Гуляев представил в совет организации ходатайство на предоставление ему 149 рублей 80 копеек для осуществления исследований в окрестностях д. Большая Речка и пещер в долинах рр. Чарыш и Ханхара. На проведение археологических работ он получил от Императорской Археологической комиссии открытый лист [4, с. 34]. Доклады о результатах работ Н. С. Гуляев представил на собраниях членов Алтайского подотдела ЗСО ИРГО 29 октября и 17 ноября 1902 г. [8, с. 104]. В 1904 г. 200 рублей были выданы приват-доценту Томского университета П. Н. Крылову на три экспедиции в Нарымский край. Ему удалось пройти 500 верст (более 533 км) по р. Тыме, собрать 236 видов растений Томской губернии [6, с. 27]. Совет Алтайского подотдела ЗСО ИРГО в 1911 г. передал Г. Д. Гребенщикову 100 рублей для научных исследований на Алтае. В 1913 г. А. П. Велижанин получил 75 рублей для двухнедельной поездки в Кулундинскую степь с целью сбора материалов для пополнения коллекций музея. В 1914 г. была выдана ссуда студенту Московского археологического института А. Н. Липскому, занимавшемуся на Алтае сбором археологических и этнографических материалов. Следует упомянуть, что ряд запланированных экспедиций Алтайского подотдела ЗСО ИРГО не состоялся по различным причинам.

Разнообразные экспедиционные сборы, частные пожертвования способствовали пополнению коллекций организации. Первоначально из-за отсутствия собственного помещения собранные материалы часто перемещали, некоторое время они хранились в ящиках в кладовой Барнаульского завода. В 1900 г. по распоряжению начальника Алтайского округа ОЛИА получило две комнаты в помещении лаборатории Главного управления Алтайского округа. К 1902 г. каталог собрания включал

> ...около 50 номеров, содержавших в себе более 200 отдельных предметов: образцы горных пород и минералов, археологические артефакты, коллекцию хлебных злаков и т. д. [5, с. 8].

Были приобретены предметы обстановки: шкаф для размещения энтомологического собрания; полки-этажерки и этажерки-столики для зоологических экспонатов; подставка для костей мамонта. На устройство музея было потрачено 143 рубля 25 копеек. В течение года в организацию поступили представительный гербарий растений флоры Алтая, коллекция жуков и бабочек, палеонтологические находки, заспиртованные зоологические предметы. Впоследствии собрание пополнялось образцами горных пород, древесных пород, почв Алтая, фотоснимками. В 1903 г. были приобретены витрины для размещения минералогической коллекции, птичьих яиц и гнезд, рамы для археологических предметов. В количестве 200 экземпляров было распечатано воззвание к участию в устройстве музея. Воззвание рассылалось по адресам членов организации, управляющих рудниками и заводами Алтайского округа и заинтересованных лиц. Работой по формированию музея руководили В. И. Верещагин и Е. Г. Родд.

Одновременно с расширением музейного собрания осуществлялось пополнение библиотеки организации. На нужды библиотеки ежегодно тратили по 25 рублей, направляя средства на переплетные работы, приобретение справочной литературы. В 1904 г. в составе библиотеки имелось 1610 изданий, распределенных по 15 разделам: история, этнография, антропология, геология и палеонтология, статистика, отчеты разных обществ и учреждений и пр. В 1905 г. фонд библиотеки состоял из 1719 изданий. Ежегодное его пополнение осуществлялось за счет активного обмена с другими учреждениями издаваемого организацией «Алтайского сборника». Так, например, в 1904 г. экземпляры V тома «Алтайского сборника» были направлены на адреса 54 учреждений: Санкт-Петербургского политехнического института; Оренбургского, Красноярского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского отделов ИРГО; Пермской ученой архивной

комиссии; Нерчинского, Тобольского, Томского, Якутского, Румянцевского, Красноярского музеев и т. д. В 1910 г. экземпляры X тома «Алтайского сборника» были посланы в Читинское отделение Приамурского отдела ИРГО, Императорскую Академию наук, Императорскую публичную библиотеку, Музей антропологии и этнографии и другие учреждения. В результате книгообмена в библиотеке Алтайского подотдела ЗСО ИРГО появились «Иллюстрированный определитель растений Сибири» (от Главного управления землеустройства и земледелия), «Труды» Ученой архивной комиссии, «Материалы по этнографии России» (от этнографического отдела Русского музея) и множество других изданий. Тома «Алтайского сборника» были отправлены в Омск для экспонирования на Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке (1911).

По распоряжению императора Николая II в ведение Алтайского подотдела ИРГО поступили обширная библиотека и музейное собрание Алтайского горного округа, формировавшееся в течение XIX в. В 1913 г. было предоставлено двухэтажное здание бывшей Главной лаборатории Алтайского округа. Сооружение и прилегающий к нему участок земли (350 саженей) передавались в постоянное владение на все время существования Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. Кроме этого даровалось пять тысяч рублей для осуществления капитального ремонта помещений.

С началом Первой мировой войны в здании разместились штабы 55-й и 56-й бригад государственного ополчения, Алтайский подотдел ЗСО ИРГО смог занять его лишь в феврале 1915 г. [7, с. 14]. Сотрудники организации приступили к работе с коллекциями и книжным собранием. Летом 1918 г. музей был открыт для посетителей, его фонды активно пополнялись. В ведении Алтайского подотдела ЗСО ИРГО находились также метеорологическая и сейсмическая станции. В составе организации насчитывался 121 сотрудник.

Обстоятельства военного времени, сложная политическая ситуация, недостаточное финансирование (РГО не выдало субсидию на второе полугодие 1917 г. и на 1918 г.) препятствовали плодотворной работе Алтайского подотдела ЗСО РГО. Были приостановлены издательская и экспедиционная деятельность. Финансовую поддержку организации оказали культурно-просветительный отдел Центрального союза кооперативов, Министерство народного просвещения правительства А. В. Колчака, ряд организаций (Бийский народный университет, Общество эсперантистов и др.), частные лица. Инфляция отразилась на смете, составленной советом на 1919 г., для деятельности организации требовалось не менее 15 520 рублей [9, с. 385].

В декабре 1919 г. в Барнауле была установлена советская власть. Здание, библиотека, музейное собрание и имущество Алтайского подотдела ЗСО РГО перешли в ведение отдела народного образования при Алтайском губернском революционном комитете. Не имея сведений от РГО, совет приостановил деятельность. Работа организации уже под названием «Алтайский отдел Русского географического общества» возобновилась с 28 апреля 1920 г.

Список литературы и источников

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 29.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 31.
[3] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 40.
[4] ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236.
[5] Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1902 год. Барнаул, 1904. 44 с.

[6] Отчет Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1904 год. Барнаул, 1905. 36 с.
[7] *Падалкина О. В.* Музей глазами современников // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. 17. С. 6–24.
[8] *Тишкина Т. В.* Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул. 2010. 288 с.
[9] *Тишкина Т. В.* Музей Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества // Грибушинские чтения — 2011. На стыке традиций, эпох, континентов. Тезисы докладов и сообщений VIII Всероссийской научно-практической конференции. Кунгур, 2011. С. 383–386.
[10] Устав Общества любителей исследования Алтая. Барнаул, 1896. 8 с.

Социально-демографические и политические процессы

Формирование городских поселений в зоне строительства БАМа: проблемы проектирования и градостроительная практика (1970-е — 1980-е гг.)

Н. С. Байкалов,
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ

АННОТАЦИЯ В работе рассмотрены особенности формирования населенных пунктов в зоне строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) позднесоветского периода, охарактеризованы основные этапы развития градостроительной концепции района нового хозяйственного освоения, выявлены причины отставания в обеспечении застройщиков проектной документацией, а также описаны последствия опережающей застройки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА БАМ, Всесоюзная ударная комсомольская стройка, проектирование населенных пунктов, градостроительство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–09–43043.

В процессе сооружения БАМа (1974–1989) на карте Восточной Сибири и Дальнего Востока возникло несколько десятков новых населенных пунктов. Генеральная схема районной планировки зоны строительства БАМа была разработана по заданию Госстроя РСФСР Государственным институтом проектирования городов (Гипрогором) при участии 20 специализированных научно-исследовательских и проектных институтов. Она не имела аналогов в отечественном опыте составления проектов районной планировки по размерам охватываемой территории площадью в 1,6 млн кв. км, располагавшейся в пределах шести краев, республик и областей, по особо сложным природно-климатическим условиям, сжатым срокам проектирования и прочим условиям. В зоне БАМа было выделено 14 планировочных районов, где в перспективе должны были образоваться 40 промышленных узлов [6, с. 183].

Схема опиралась на единые методологические подходы и принципы социалистического расселения. За основу принимался дифференцированный подход к организации расселения в различных климатических зонах: в наиболее освоенной южной зоне на базе существующих городов должны были располагаться опорные пункты будущей системы расселения; в промежуточной зоне размещались отдельные ее подцентры — «базовые города»; в самой северной части предполагалось устройство только временных поселков с ограниченным контингентом периодически сменяющихся трудовых ресурсов [5, с. 392–396].

В качестве опорных пунктов рассматривались крупнейшие многофункциональные центры с проектной численностью более 500 тысяч человек, расположенные в освоенных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока и лежащие южнее районов строительства (Иркутск — Улан-Удэ — Благовещенск — Хабаровск), а также Братск и Комсомольск-на-Амуре, расположенные на западной и восточном «крыльях» зоны БАМа. Базовые города планировалось разместить непосредственно в пределах зоны БАМа (Усть-Кут, Казачинск, Ново-Киренск, Чульман, Удокан, Тында, Ургал). Они должны были стать центрами горнодобывающей и лесной промышленности, а также транспортно-распределительными пунктами. Численность таких поселений пла-

нировалась в интервале от 50 тысяч до 100 тысяч человек. Третьим звеном проекта являлись города и рабочие поселки с численностью 10–15 тысяч человек, возникающие как транспортные узлы и как центры добывающей, лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленности (гг. Холоднинский, Молодежный, Кропоткин) [6, с. 192]. В более поздних разработках базовые города были сгруппированы по трем районам: западному (Усть-Кутскому), центральному (Южно-Якутскому) и восточному (Комсомольскому). Всего в них планировалось сосредоточить до 60–65 % населения зоны БАМа.

Советская градостроительная доктрина рассматривала промышленность в качестве главной причины возникновения, существования и развития населенных пунктов [5, с. 389]. В то же время проектировщики отмечали, что значительная часть природных богатств зоны БАМа не выявлена и не изучена, что создавало неопределенность перспектив развития большинства населенных пунктов. Данное обстоятельство затрудняло «разработку максимально достоверных прогнозов развития структуры расселения, масштабов и функциональной роли городов и поселков в районах освоения». В проектно-планировочных работах по расселению

> была поставлена задача формирования опорной сети центров расселения, стабильной при различных возможных стратегиях хозяйственного освоения зоны БАМ [1, с. 44–61].

На практике это означало отсутствие четких представлений о месте размещения и перспективах развития того или иного населенного пункта, что осложняло работу проектных институтов над генпланами городов и поселков.

В научных и проектных работах по организации расселения в зоне БАМа не учитывалась уже сформировавшаяся сеть городских поселений. Даже в середине 1980-х гг. проектировщики продолжали говорить о гипотетических населенных пунктах, привязанных к наиболее перспективным месторождениям притрассовой территории [2, с. 118–119].

Для подготовки проектов конкретных поселений вышеописанные разработки не подходили. Фактически проектные институты руководствовались рядом инструкций, в том числе «Рекомендациями по проектированию населенных мест БАМа», разработанными Институтом ЛенНИИградостроительства при участии ЛенЗНИИЭПа и ЦНИИСа Минтрансстроя СССР. В документе содержались единые требования к архитектурно-планировочной организации населенных пунктов БАМа: максимальная компактность и плотность застройки; четкость архитектурно-планировочного построения, ясность композиции, основанная на том, что ее главными осями должны стать улицы, ведущие к железнодорожному вокзалу, производственной зоне и общественному центру; максимально кооперировать все виды обслуживания в едином торгово-общественном центре (ТОЦ) с размещением последнего в центре поселка — на главных путях движения к производственной зоне и вокзалу.

С учетом демографических особенностей зоны БАМа в СНиП «Планировка и застройка городов, поселков и сельских населенных пунктов» внесены дополнения, в которых для городов-новостроек предусматривались первоочередное строительство яслей и детских садов, поликлиник, родильных домов, детских больниц, учреждений культуры и спортивных сооружений по нормам, установленным для расчетного срока строительства. Создание единых (объединенных) инженерных сетей предусматривалось только в районах компактных групп населенных мест. Относительно изолированные поселения должны иметь локальные инженерные системы.

Для обеспечения единой градостроительной концепции в зоне БАМа при Госстрое РСФСР была создана служба главного архитектора БАМа. Своеобразие облика возво-

димых поселков планировалось обеспечить контрастностью высоких односекционных домов с протяженными блоксекционными домами и низкими объемами общественных зданий. Лестницы, подпорные стенки и откосы рассматривались в качестве важных конструктивных элементов в местностях с горным рельефом.

Архитектурный облик городов и поселков БАМа разрабатывался на основе зрительного восприятия из перспективы наиболее посещаемых мест. Главным элементом архитектурного ансамбля каждого населенного пункта являлось здание железнодорожного вокзала, в архитектуре которого проектировщики рекомендовали отразить

> традиционные формы и черты национальных архитектурно-художественных школ союзных республик, участвовавших в сооружении БАМа [1, с. 47].

Всего проектировщиками было намечено построить на трассе БАМа 4460 зданий служебно-технического и производственного назначения, в том числе 69 вокзалов, из которых 28 — на 25 пассажиров, 30 — на 50 пассажиров. На 11 станциях было намечено строительство вокзалов по 14 индивидуальным проектам на 100, 200, 300 и 400 пассажиров. Типовые проекты вокзалов на 25 и 50 мест со стенами из кирпича были разработаны в блокировке с постом электрической централизации, связи и сигнализации и утверждены МПС [8, л. 245–248].

В некоторых населенных пунктах БАМа проектировщикам удалось реализовать эстетически привлекательные проекты железнодорожных вокзалов по индивидуальным проектам. Например, в Северобайкальске здание вокзала со стеклянными стенами, окнами в форме иллюминаторов и изогнутой крышей, напоминающей парус или байкальскую волну, было построено по проекту новосибирского архитектора В. П. Авксентюка. Проект железнодорожного вокзала Тынды, разработанный московскими архитекторами, символизировал развернувшую крылья лебедь. Разработка стала победителем Международного архитектурного конкурса в г. София в 1975 г. Благодаря сложным конструкциям и изысканному оформлению вокзалы стали важнейшим элементом архитектурного облика поселений БАМа.

Кроме здания вокзала типовой план постоянного поселка включал торгово-бытовой центр, дом культуры и жилой массив. На территории, отведенной под постоянный поселок, могли размещаться временные микрорайоны, в которых проживали транспортные строители. В таком случае по мере возведения постоянных объектов они подлежали постепенному сносу.

Архитектурная документация большинства городских населенных пунктов не соответствовала принятым нормам. В планах развития поселений отсутствовали проекты инженерного оборудования — центральных сетей канализации, водоснабжения, тепловых сетей. Например, только в 1979 г. Сибгипротранс задержал проектно-сметную документацию по стационарным поселкам Северо-Байкальского района объемом в 12 млн рублей [3, л. 226]. В 1980 г. из 27 возводимых поселков западного участка стройки более трети были обеспечены проектной документацией частично, по пяти населенным пунктам проекты отсутствовали [10, л. 147–148].

Работа проектных институтов не сопровождалась надежными научными изысканиями местности, что приводило к частым пересмотрам и корректировкам проектов. Например, отсутствие наблюдений за количеством снеговых осадков привело к тому, что все предусмотренные в проекте здания п. Кунерма не выдерживали фактической снеговой нагрузки. В результате генплан Чечинггражданпроекта был возвращен на переработку [9, л. 53–56].

Разработанный Ленгипрогором генплан Северобайкальска, включавший строительство крупного железнодорожного узла и поселка с населением в 25 тысяч человек,

был «урезан» после обнаружения наличия вялой (высокотемпературной) вечной мерзлоты, пестрого состава отложений, наличия разломов в земной коре. Госгражданстрой и Госстрой РСФСР приняли решение максимально ограничить рост Северобайкальска, придав ему статус поселка железнодорожников. Из первоначального проекта исключили зону отдыха, пляжное хозяйство, набережную Байкала и т. д. «Усеченный» проект включал железнодорожную станцию и предприятия железнодорожного назначения, жилой поселок на 14 тысяч человек, притом что фактическая численность населения к 1980 г. в нем составляла уже 19 тысяч [4, с. 57–58]. В итоге 5 ноября 1980 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Северобайкальск был преобразован в город республиканского подчинения и застраивался с нарушением утвержденного генплана.

Внеплановая застройка по разовым отводам земельных участков приводила к некомплексности, многочисленным нарушениям санитарных, противопожарных, экологических и архитектурных норм. Строительство без необходимых технических изысканий и проектной документации приводило и к более серьезным последствиям. Так, из-за непригодности местного грунта узловую железнодорожную станцию из п. Муякан Баунтовского района Бурятии строители были вынуждены перенести в Таксимо. Житель Таксимо, занимавший во время стройки руководящий пост, вспоминал:

> ...проектанты здесь практически жили, новосибирские и томские, и с листа выдавали проектные задания... Генплана нет, а мощности разворачивать надо. Вот их и садили микрорайонами... [7].

Таким образом, проектирование населенных пунктов в зоне строительства БАМа осуществлялось одновременно с их возведением при недостаточной степени изученности геологических, природно-климатических, экологических и прочих условий местности. В результате застройка характеризовалась отсутствием планировочной целостности, территориальной протяженностью, пространственной и ведомственной разобщенностью отдельных микрорайонов, однотипностью архитектурно-планировочных решений. Данные особенности обусловили трудности территориального развития городских поселений притрассовой зоны в постсоветское время.

Список литературы и источников

[1] БАМ: первое десятилетие / отв. ред.: А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. Новосибирск: Наука. СО, 1984. 208 с.
[2] БАМ: строительство и хозяйственное освоение / ред.: А. Г. Аганбегян, А. А. Кин, В. П. Можин. М.: Экономика, 1984. 144 с.
[3] ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12. Д. 2.
[4] *Кривой А. С.* БАМ от А до Я. Иркутск: Вост.-Сиб. издательская компания, 2004. 368 с.
[5] *Меерович М. Г.* Базовые постулаты советской урбанизации // Сборник научных трудов РААСН. 2017. Т. 1. С. 388–397.
[6] *Перцик Е. Н.* Вопросы планировки зоны БАМа // Вопросы географии. Сборник сто пятый. Байкало-Амурская магистраль. М.: Мысль, 1977. 216 с.
[7] Полевые материалы автора: интервью с работником администрации Муйского района, п. Таксимо, 2002.
[8] РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 2941.
[9] РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3392.
[10] РГАЭ. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 3825.

Социально-демографические аспекты развития городов Республики Хакасии: современная ситуация

Н. А. Баранцева,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан

АННОТАЦИЯ Целью исследования является изучение некоторых аспектов социально-демографического развития городского населения Республики Хакасия. Сделаны выводы о снижении демографического потенциала республики вследствие композиционного сдвига в составе населения, сокращения естественного прироста ввиду устойчивой тенденции к сокращению рождаемости и росту смертности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА городское население, динамика естественного прироста, рождаемость, смертность, Абакан.

За последние пять лет население Абакана — единственного крупного города Хакасии, являющегося культурно-образовательным и финансово-экономическим центром республики, ежегодно увеличивалось примерно на две тысячи, составив в 2021 г. 186,8 тысячи человек. На одну тысячу человек увеличилось население среднего по численности Черногорска (75,4 тыс.). Вместе с тем население трех городов республики сократилось: Саяногорск (46,0 тыс.), Абаза (15 тыс.), Сорск (11,2 тыс.). Социально-демографические проблемы малых городов являются наиболее острыми и имеют комплексный характер, показывая тенденцию к естественной и миграционной убыли населения.

Сдерживающими факторами развития средних и малых городов Сибири являются неразвитая промышленная и транспортная инфраструктура, неблагоприятная социально-профессиональная и возрастно-половая структура населения с выраженной тенденций к «демографическому старению», слабая доступность благоустроенного жилья, низкие доходы.

В столичном городе Абакане ситуация с «демографическим старением» населения менее острая, нежели в республике в целом, в частности в малых и средних городах. Более благоприятное соотношение между детскими и пожилыми возрастами (22,1 % к 24,1 %, а при трудоспособном населении — 53,8 %) определяет лучшие перспективы естественного прироста Абакана. В то же время с 2016 г. население республики в целом неуклонно уменьшается, особенно в северных, депрессивных районах, отдаленных от столицы. За счет внутренней и внешней миграции растет только население Абакана, в остальных местностях наблюдается миграционный отток.

Показатели естественного прироста и абсолютного числа рождений в республике снижаются не в последнюю очередь за счет изменения репродуктивных установок населения со среднедетной (три ребенка) на малодетную семью (один-два ребенка). У молодежи все большее распространение получают внесемейные ценности, что объективно снижает рождаемость. В 2019 г. в общем числе рождений доля детей, родившихся первыми, составила 37,8 %, вторыми — 40,9 %, третьими и последующими — 21,2 %.

Суммарный коэффициент рождаемости, который для сохранения стабильного населения должен составлять не менее 2,5 на одну женщину, колеблется в Хакасии в пределах 1,7 в городах и 1,9–2,0 в сельской местности.

Большой вклад в снижение естественного прироста населения вносит смертность, основными причинами которой, как показал 2019 г., являются болезни системы кровообращения (50,1 % от общей численности умерших), новообразования (18,9 %) и внешние причины (8 %).

На продолжительность жизни населения влияют состояние системы здравоохранения, культура питания, самосохранительное поведение (отказ от курения, занятие физкультурой и пр.). Слабое формирование такого поведения, а также недостаток соответствующей инфраструктуры (доступных спортивных залов, сферы проведения активного досуга для граждан старшего возраста и пр.) препятствуют росту продолжительности жизни. Продуманная социально-демографическая политика, поддержка семьи призваны улучшать «человеческий потенциал».

Социально-экономическое развитие города Енисейска и местное купечество

В. П. Бойко,
доктор исторических наук, профессор, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Е. В. Ситникова,
кандидат архитектуры, доцент, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

АННОТАЦИЯ Рассматривается история формирования одного из старейших городов Енисейской губернии — Енисейска, в котором огромную роль в становлении и развитии экономики, общественной жизни и культуры сыграло местное купечество. Исследована история становления и эволюции Енисейска как экономического и общественного центра Енисейской губернии, роль местного купечества в возникновении и развитии торговли и промышленности, самоуправления, образования и культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, купечество, экономика, предпринимательство, Енисейск.

Исследование проведено в рамках работы над грантом РФФИ, проект № 19–49–700003 «Формирование архитектурного облика сибирских городов и местное купечество в XVII — начале XX в.».

Город Енисейск был основан в 1619 г. рядом с впадением р. Мельничной в Енисей тобольскими служилыми людьми П. Албычевым и Ч. Рукиным и стал первым русским острогом в Восточной Сибири. В 1647 г. в Енисейском остроге находилось: две церкви, пушной и два хлебных амбара, съезжая, таможенная и тюремная избы, воеводский и гостиный дворы. За стенами острога располагались еще одна церковь, казенные амбары с продовольствием и жилые постройки [2, т. 1, с. 529]. В XVII в. Енисейск становится важнейшим опорным пунктом освоения Восточной Сибири — енисейские казаки основали Иркутск, Якутск, Нерчинск, Баргузин, Илимск, Братск, Верхнеудинск. В это время город становится вторым после Тобольска центром ремесла и торговли: широкую известность в Сибири приобретают написанные здесь иконы, изделия енисейских портных, кожевников, мастеров кузнечного, литейного и ювелирного дела, резчиков по дереву и золотошвеек.

Как пишет ведущий специалист в области истории Енисейского купечества Е. В. Комлева, после образования Енисейской губернии численность купечества в городах губернии возросла, но по-прежнему оставалась невысокой, составляя около 3 % всех горожан края. В 1780-х — 1820-х гг. больше всего купцов проживало в старом сибирском центре ремесла и торговли — Енисейске, но постепенно роль ведущего города переходила к Красноярску [3, с. 41]. В 1767 г. в купечестве Енисейска состояло 3013 душ мужского пола, что соответствовало городу, который по численности населения входил в число крупнейших городов Российской империи. Однако с проведением в это время Московского тракта мимо Енисейска и принудительного переселения енисейских жителей на Алтай и в Забайкалье, где находились горные заводы, принадлежавшие царской семье, начинается упадок этого города, усилившийся после образования в 1822 г. Енисейской губернии с центром в Красноярске. Однако после открытия в Енисейской тайге россыпного золота и начала «золотой лихорадки» начинается кратковременный подъем Енисейска как центра золотодобычи, строительство здесь роскошных купеческих особняков, красивых зданий для общественных, про-

Вид города Енисейска. Гравюра 1865 г.

светительских и культурных нужд не только города, но и округа. Пик добычи золота в Енисейской тайге приходится на 1847 г., когда было добыто 1212 пудов золота (95 % всей годовой добычи золота в России) [2, т. 1, с. 530]. В конце XIX — начале XX в. основными занятиями жителей Енисейска были золотопромышленность (17,3 % населения), кузнечное, кожевенное, кирпичное производство, извозный, рыбный и пушной промыслы. Все эти сферы предпринимательства находились под контролем местных и иногородних купцов, о которых и поговорим подробнее.

После введения довольно значительной платы за купеческие свидетельства в конце XIX в. число гильдейских купцов резко уменьшилось: в 1784 г. — 301 чел., в 1895 г. — 207 чел., в 1801 г. — 171 чел., в 1840 г. — 144 чел. [5, т. 1, с. 215]. Как отмечали современники, енисейские купцы были хитры и изворотливы в торговле, не гнушались порой и мелким обманом, за что получили не очень почетное прозвание «сквозняки». В домашнем быту енисейские купцы, как ни в каком другом городе Сибири, отличались хлебосольством и винным «угощением». Не забывали они жертвовать и на городское благоустройство. Все самые лучшие здания XVIII–XIX вв. построены на пожертвования купцов. Из наиболее влиятельных купцов этого времени можно назвать И. Плотникова, И. Тельных и, конечно, С. А. Самойлова, избранного от Енисейска в первый российский предпарламент — Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г.

Интересно отметить сведения об Енисейске в путеводителе по Сибири за 1895 г.:

> В торгово-промышленном отношении Енисейск имеет значение как центр заготовления припасов для золотых промыслов Енисейского округа. В конце прошлого и начале настоящего столетия Енисейск имел значительный торг с Туруханским краем и был средоточием торговли европейской и азиатской. В первой половине XIX века торговля эта начала упадать, и в 1831 году в Енисейске уже не было прежней знаменитой ярмарки. Для приезжих заметим, что в городе 2 гостиницы с номерами и несколько заезжих домов, из которых лучшие — Стодырнова и Киркилло. Существует общественное собрание, пользующееся репутацией порядочности. Помещение приспособлено для сценических представлений. Плата за вход в клубные вечера 50 к. Извощики удовлетворительные, плата по таксе: в час 40 к., за конец 20 к. [4, с. 74].

Отметим, что ситуация в начале XXI в. в отношении гостиниц в Енисейске не улучшилась — приезжим трудно найти приличное место для ночлега за умеренную цену.

В XVIII–XIX вв. Енисейск считался одним из красивейших городов не только Сибири, но и всей России. Однако частые пожары и наводнения привели к неоднократ-

ной перестройке зданий и сооружений города, в результате чего его облик менялся. Тем не менее здесь сохранилось большое количество храмов: Спасо-Преображенский мужской монастырь (1643), Спасский (1750) и Богоявленский (1738–1764) соборы, Воскресенская (1735–1747), Троицкая (1773–1776) и Успенская (1793–1818) церкви. Из общественных зданий следует отметить: здания воеводского дома (до 1722), магистрата (1747–1753), присутственных мест (1782), мужской гимназии (1876–1886), городской лечебницы (1898), краеведческого музея (1880-е), типографии Дементьева (1890-е). Особую красоту и оригинальность городу придают купеческие особняки, выстроенные в классическом стиле и в эклектике, а также деревянные дома, богато украшенные художественной резьбой [2, т. 1, с. 531].

Наиболее значимыми для истории Енисейского округа купцами, на наш взгляд, являются купцы Кытмановы. Основателем династии считается **Петр Михайлович Кытманов**, крестьянин Назимовской волости Енисейского уезда, который нажил капиталы традиционным для тех мест способом: поставкой продовольствия и фуража на золотые прииски и скупкой пушнины в низовьях Енисея. По отзыву современника В. Н. Соколова, ссыльного в те края большевика, Петр Михайлович «был характерной для Енисейска и для Сибири вообще фигурой. Крестьянин одной из деревень по Енисею, смолоду ездил за рыбой, был извозчиком продуктов в тайгу на прииски, узнал там от приятелей, приисковых рабочих места с «золотишком» и из маленького приискателя сделался одним из крупных енисейских золотопромышленников». Проживал сначала в с. Анциферовском Енисейского округа, а затем переехал в с. Назимово Анциферовской волости. В 1863 г. построил и пожертвовал для сельского училища дом в с. Анциферовском [1, с. 184].

Типичным для Енисейской губернии купцом был старший сын П. М. Кытманова — **Игнатий (1818–1895)**, ставший в 1858 г. енисейским купцом первой гильдии, а потом и потомственным почетным гражданином, советником коммерции. В 1861 г. он построил самый большой в то время в Енисейске каменный дом. Дом построен в середине XIX в. по «образцовому проекту» из альбома губернских построек 1930 г.

Старший сын Игнатия Петровича — **Александр Кытманов (1858–1910)** стал не только крупным предпринимателем, но и ученым, общественным деятелем и благотворителем. Он окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет и на средства отца организовал экспедицию на юг Украины для исследования местных черноземов, за что получил степень магистра. В 1882 г. вернулся в Енисейск, где продолжил заниматься наукой и предпринимательством. С 1887 г. разрабатывал прииски в Енисейской губернии и в компании с братом в 1902 г. на пяти приисках добыл 32 фунта золота (1 фунт — 409,5 г). Кроме того, братья Кытмановы продолжили дело своего отца в организации пароходного сообщения по р. Енисей.

Широкую известность в Сибири получила благотворительная деятельность А. И. Кытманова, который жертвовал на нужды образования, собирал средства для открытия краеведческого музея в Енисейске, устраивая платные концерты, причем сам принимал в них активное участие — читал стихи, прозу, исполнял роли в любительских спектаклях. Открытие музея состоялось 1 октября 1883 г., и с этого времени А. И. Кытманов неизменно был директором-распорядителем этого заведения. В 1891–1892 гг. экспонаты музея демонстрировались на выставках в Красноярске, в 1896 г. — в Нижнем Новгороде (коллекция по местным промыслам, золотопромышленности и этнографии) [1, с. 185]. Особый интерес А. И. Кытманов проявлял к истории и этнографии: в 1892–1893 гг. предпринял путешествие по Енисею до Гольчихи для ознакомления с рыбными промыслами и аборигенным населением. Попутно члены экспедиции изучали флору и фауну этих краев, и впоследствии были изданы научные труды. Создал А. И. Кытманов и замечательный труд под названием «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии», который, к сожале-

нию, остался незаконченным, но недавно был издан и стал лауреатом Всероссийского конкурса «Университетская книга» (Томск, 2019).

Крупнейшими купцами Енисейска во второй половине XIX — начале XX в. были купцы **Баландины**. Основателями династии выступили братья Федот и Софрон Григорьевичи Баландины, приехавшие в Сибирь из г. Вязники Владимирской губернии. В 40-х гг. братья разбогатели на виноторговле, подрядах и золотопромышленности, вступили во вторую гильдию купцов Енисейска. Капитал отца и дяди унаследовал **Алексей Софронович Баландин (1823–1898)**, который в 1852 г. записался в купцы первой гильдии Енисейска, будучи самым богатым человеком этого города [2, т. 1, с. 160]. Об этом свидетельствуют его звания личного, а затем и потомственного почетного гражданина (1863) и советника коммерции (1880-е). В середине XIX в. А. С. Баландин владел в Енисейске двумя домами. Один находился на центральной Большой улице и совмещался с торговыми помещениями: на нижнем этаже дома размещались мануфактурный и бакалейный отделы, склады для товаров, «ренсковый» (винный) погреб. Магазин для продажи промышленных товаров был угловым с одним торговым залом, из которого существовало два выхода на Большую улицу [1, с. 92]. На арендованной за городской чертой общественной земле А. С. Баландин завел оптовый склад для спирта, который выкуривался на его собственном заводе в д. Каменской Усть-Тунгусской волости Енисейского округа. Также он стал одним из инициаторов пароходного движения по Енисею, выступив главным учредителем Енисейской пароходной компании вместе с земляками Грязновыми, Калашниковыми и Кытмановыми. После выхода в 1862 г. Положения о городских общественных банках А. С. Баландин выступил организатором первого Общественного банка в Енисейске и долгие годы был директором его правления. Кроме этого он занимал престижные выборные должности — городового судьи и городского головы [1, с. 93].

Купеческий род Дементьевых считается самым древним и многочисленным в Енисейске, первые его представители упоминаются уже в середине XVII в. Видным купцом династии был **Иван Иванович Дементьев**, который в 1784 г. заключил с местной властью контракт на перевозку соли из казенного Троицкого солеваренного завода в Енисейск и Туруханск. В 1763–1778 гг. исполнял обязанности президента Енисейского провинциального магистрата, а с 1769 г. был еще и городским головой. Дела вел совместно с братьями Василием и Михаилом, вели они торговлю в лавках, а закупку товара осуществляли на огромном пространстве от Кяхты до Урала. К концу жизни дела его пошатнулись, и он перешел в мещане [1, с. 142]. Семейному делу не дал зачахнуть его сын **Григорий Иванович (1763–1836)**, который в начале XIX в. вступил в третью гильдию енисейского купечества и занимался мелкооптовой торговлей по городу и уезду. В объявленном капитале состояли три его сына и невестка. Наибольших успехов в коммерции добился его младший сын **Илья Григорьевич (1818–1850)**, который после смерти отца объявил отдельный капитал третьей гильдии и занимался торговлей разными товарами и скупкой пушнины на Ангаре. В 1847 г. он из третьей гильдии перешел сразу в первую, что обычно было необходимо для крупнооптовой торговли, занятия пароходным сообщением и золотопромышленностью. Погиб он в 1850 г. трагически — от взрыва в собственном магазине, где хранился в большом количестве порох.

В результате проведенного исследования можно отметить, что енисейское купечество сформировалось уже во второй половине XVIII в. и было порождением традиционных занятий местных жителей — приобретение на территории Европейской России ремесленных и промышленных товаров (ткани, изделия из металлов, спиртные напитки и другие товары) и обмен их на меха у аборигенного населения с низовьев Енисея. В середине XIX в. на первый план вышла разведка и добыча золота, в результате чего некоторые местные купцы баснословно обогатились. В конце XIX — начале

XX в. золотопромышленность переместилась на восток, где были открыты новые россыпи золота, и енисейские купцы вновь вернулись к традиционной торговле с Туруханским краем, добавив еще торговлю китайскими товарами в Кяхте (ткани и чай), и поездкам на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки.

Список литературы

[1] *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII — начало XX в.) / отв. ред. Ю. Л. Александров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

[2] Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / рук. проекта акад. РАН А. П. Деревянко. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.

[3] *Комлева Е. В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века). М.: Akademia, 2006. 384 с. + 16 с. вклейка.

[4] Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России с подробным дорожником / Изд-е В. А. Долгорукова. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1895. 352 с.

[5] Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012.

Информационная система по населению городов Сибири на рубеже XIX–XX веков: вопросы создания цифрового поля исследователя

Е. А. Брюханова,
кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ Представлена характеристика информационной системы по городам Сибири на рубеже XIX–XX вв., включающая данные из номинативных, статистических, описательных и визуальных (исторические карты, фотографии) источников. Рассмотрены вопросы перевода в цифровой вид и онлайн-представления исторических материалов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА перепись 1897 г., Сибирь, городское население, база данных, исторический источник, цифровой формат.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–78–10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.».

Создание историко-ориентированных информационных систем является одним из актуальных и дискуссионных направлений исторических исследований. Базы данных и информационные ресурсы позволяют обеспечивать аккумулирование, хранение и анализ исторических данных из разных источников, а также создавать возможности удаленного доступа для пользователей. Тем не менее процесс разработки архитектуры ресурса, его интерфейса представляет собой отдельную исследовательскую задачу, предусматривающую, с одной стороны, источниковедческий и содержательный анализ исходных источников и данных, а с другой — моделирование вероятных направлений использования ресурса. Такой подход необходим для определения как информационных блоков и их связей, так и форматов представления данных в онлайн-формате.

Теоретические вопросы трактовки, классификации и использования информационных систем в исторической науке рассмотрены в работах Н. Г. Поврозник, Д. А. Гагариной, С. И. Корниенко [5] — авторов российского каталога по историко-ориентированным системам [8]. В работах Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой [1], В. Н. Владимирова [4] представлены актуальные тенденции применения информационных технологий и онлайн-ресурсов в истории. Кроме того, в статье И. М. Гарсковой о современных проблемах источниковедения представлен тезис о том, что в результате создания базы данных или информационной системы создается «новый источник» или «источник нового поколения» [6, с. 153].

В статье представлена характеристика основных блоков информационной системы «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.: по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.» [9], а также некоторые дискуссионные вопросы перевода в электронный вид и репрезентации исторических данных. Основная идея информационной системы состояла в создании комплекса источников по городам и городскому населению Сибири рубежа XIX–XX вв., переведенных в электронный, удобный для исследователя формат. Центральными информационными блоками

ресурса стали опубликованные и архивные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Одним из основных элементов системы является база данных по персональным сведениями переписных листов переписи 1897 г. по населению 11 городов и административных центров Тобольской, Енисейской губерний, Амурской области и о. Сахалин из архивных фондов государственных архивов Тобольска, Красноярского и Хабаровского краев, Амурской области, исторического архива Дальнего Востока [3]. Всего более 85 тысяч записей. По базе данных жителей городов Сибири реализован поиск: по персональным данным, по населенному пункту, по источникам, по родному языку, по вероисповеданиям.

Стоит отметить, что на следующем этапе реализации проекта предстоит большая работа по верификации и корректировке данных. База данных заполнялась с оцифрованных переписных листов, представленных в электронном архиве Государственного архива в Тобольске [12], заполненных переписчиками конца XIX в. вручную, поэтому возможны проблемы, связанные с правильной расшифровкой рукописного текста, его транслитерацией и ввода. Наибольшие сложности вызывало прочтение личных данных (фамилий, имен, отчеств). Часть именных сведений, относящихся преимущественно к служащим, священно- и церковнослужителям, купцам, врачам и т. п., можно верифицировать с помощью адрес-календарей и памятных книжек губерний за 1896–1898 гг. Но определенная доля именных сведений все же может иметь несколько вариантов прочтений. Определенные трудности вызывали сведения о местах рождения, проживания, занятости и т. п., а также унификация данных. Кроме сложностей прочтения некоторых административных данных (во многих случаях верификация осуществлялась с помощью списка населенных мест губерний близкого года), в переписных листах встречались умышленно или случайно искаженные сведения: указаны уезд или волость из другой губернии, несуществующие губернии (например, в тобольской тюрьме находится выходец из Парижской губернии). Проблемы унификации чаще возникали для тех сведений, для которых не предусмотрены отдельные графы или графа «дословно по источнику». Например, грамотность отмечается только «галочкой», означающей «да/нет», как было указано в правилах заполнения переписного листа, но в заполненных листах встречались такие записи, как «грамотен по-татарски». Для сведений о физических недостатках также не было предусмотрено отдельное место, поэтому сведения в переписном листе вносились в графу именных сведений. Представленные сведения в базе данных сохранялись в комментариях к каждой записи, а для сведений о физических недостатках была сделана отдельная графа в разделе занятости.

Следующий информационный блок представлен массивом статистических данных в формате электронных таблиц, включающих сведения из опубликованных результатов переписи 1897 г. [10], Обзоров губерний за 1896–1897 гг., а также специальных обследований по городам Российской империи за 1879 [7] и 1904 гг. [11]. Сведения внесены в таблицы, отражающие динамику численности населения, состава населения, инфраструктуры городов. Все данные сопровождаются ссылками на источник.

Одним из решений репрезентации данных стало использование электронных карт для пространственного анализа и представления исторических сведений. Электронная карта городов Сибири, созданная на основе современного ресурса Yandex.map, размещена на титульной странице информационной системы. Кроме отражения географического положения административного пункта она выполняет роль пространственной навигации по проекту: выбрав город, пользователь получает информацию о наличии в системе статистических сведений, фотографий и сведений из переписных листов по выбранному городу.

На платформе Yandex.map также создана интерактивная карта объектов городской инфраструктуры Тобольска и других городов Тобольской губернии на рубеже

XIX–XX вв. На карте представлены учреждения государственной и местной власти, религиозные, культурные, образовательные, торговые и другие организации, а также частные домохозяйства. Методика исторической реконструкции городского пространства заключалась в сопоставлении сведений переписных листов о дворовых местах и учреждениях с данными исторических и современных карт, списками объектов историко-культурного наследия и другими источниками [2]. При этом требовалось учитывать ряд обстоятельств, таких как год постройки здания или расположение того или иного учреждения в 1897 г., что необходимо для корректной связи домохозяйства со сведениями о жителях из переписных листов. Но если о многих учреждениях информация сохранилась на картах и в исторических справках, то сведения о частных организациях и домохозяйствах представлены гораздо реже. Наиболее полно удалось идентифицировать казенные и частные домохозяйства по Тобольску. По другим городам работа продолжается. Результатом должна стать серия интерактивных карт с обозначением месторасположения объектов городской инфраструктуры, отдельных частных домов, дополненных фотографиями, заметками и, где это возможно, сведениями о жителях из переписных листов.

Следующий информационный блок направлен на визуализацию городского пространства и представляет собой коллекцию исторических фотографий городов Сибири рубежа XIX–XX вв., представленную общими видами городов, видами отдельных улиц и объектов инфраструктуры. Некоторые сложности в данном направлении были связаны с определением места хранения визуальных источников. Исторические фотографии выявлялись с помощью Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации, научно-справочного аппарата по коллекциям музеев и архивов Сибири, опубликованных источников. Тем не менее часть фотографий не имеет точного указания на хранилище или содержит частичные поисковые данные (например, «Изображение предоставлено Государственным архивом Амурской области»). Каждая фотография сопровождается сведениями о городе, месте и объектах, которые на ней изображены, по возможности дополняется геометкой и «связывается» с соответствующим переписным листом. Визуальный ряд планируется дополнить заметками с краткими сведениями об объектах, например датами постройки или введения в эксплуатацию, об отнесении к объектам историко-культурного наследия, списками служащих или учащихся и т. п.

Таким образом, информационная система «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.: по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.», с одной стороны, основана на исторических материалах, с другой — отражает их источниковедческий анализ и авторский подход к унификации и репрезентации данных. Информационная система включает несколько уровней данных: от сведений о городском населении Сибири в целом и всех городах и административных центрах до материалов по отдельным учреждениям и домохозяйствам вплоть до персональных данных о жителях городов. Ресурс аккумулирует и представляет пользователям свободный доступ к номинативным, статистическим и визуальным источникам, обеспечивает возможность разноаспектного поиска по персональным данным. В целом авторы представленной информационной системы рассчитывают создать ресурс, который будет рассматриваться как «источник нового поколения» исторических данных по городам и городскому населению Сибири конца XIX — начала XX в. и станет достойным вкладом в развитие цифрового поля российской исторической науки.

Список литературы и источников

[1] *Бородкин Л. И., Гарскова И. М.* Историческая информатика: перезагрузка? // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С. 5–11.

[2] *Брюханова Е. А., Чекрыжова О. И.* Проблемы on-line реконструкции городского пространства Сибири на рубеже XIX–XX вв. (на примере города Тобольска) // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: материалы Международной конференции, Москва, 4–6 декабря 2020 г. М., 2020. С. 257–264. DOI 10.29003/m1818.978–5–317–06529–4/257–264.

[3] *Брюханова Е. А., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И., Иванов Д. Н.* База данных по первичным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: структура и возможности анализа // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 20–33. DOI: 10.7256/2585–7797.2020.1.32387. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32387 (дата обращения: 10.08.2021).

[4] *Владимиров В. Н.* Историческая информатика: пути развития // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 86–92.

[5] *Гагарина Д. А., Корниенко С. И., Поврозник Н. Г.* Информационные системы в цифровой среде исторической науки // История: электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 7 (51). URL: http://history.jes.su/s207987840001638–0–1 (дата обращения: 10.08.2021). DOI: 10.18254/S0001638–0–1.

[6] *Гарскова И. М.* Источниковедческие проблемы исторической информатики // Российская история. 2010. № 3. С. 151–161.

[7] Города России. Т. 1: Города России в 1904 году. СПб., 1906.

[8] Каталог «Историко-ориентированные информационные системы». URL: http://digitalhistory.ru/sample-page/ (дата обращения: 10.08.2021).

[9] Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.: по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. URL: https://person1897.histcensus.asu.ru/ (дата обращения: 10.08.2021).

[10] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXII (Амурская губерния), Т. LXXIII (Енисейская губерния), Т. LXXIV (Забайкальская область), Т. LXXV (Иркутская губерния), Т. LXXVI (Приморская область), Т. LXXVII (о. Сахалин), Т. LXXVIII (Тобольская губерния), Т. LXXIX (Томская губерния), Т. LXXX (Якутская область). СПб., 1899–1905.

[11] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб, 1882.

[12] Электронный архив Государственного архива в г. Тобольске. URL: http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk/tobolsk-ob-material (дата обращения: 10.08.2021).

Финансовая помощь обороне СССР, оказанная жителями Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны

К. А. Голодяев,
научный сотрудник, МАУК «Музей Новосибирска», г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ В работе рассматривается один из видов материальной помощи, оказываемой жителями Новосибирской области действующей Красной армии в годы войны — сбор наличных средств в фонд обороны через реализацию облигаций, билетов денежно-вещевой лотереи. На основе архивных данных и газетных публикаций соответствующего периода приведены качественные и количественные показатели сбора средств. В заключение автор делает вывод о большом значении жертвенности населения для Победы нашей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирск, Великая Отечественная война, помощь фронту, жертвование, Победа.

С самого начала войны в Новосибирске и Новосибирской области началось движение помощи действующей армии. Во всех отделениях Госбанка были открыты специальные счета для приема добровольных взносов.

Военный руководитель финотдела Новосибирской области Николай Степанович Кузнецов:

> Как только гитлеровские разбойники напали на нашу страну, широким потоком стали поступать от населения денежные средства и материальные ценности в фонд обороны [7, л. 1, 1об.].

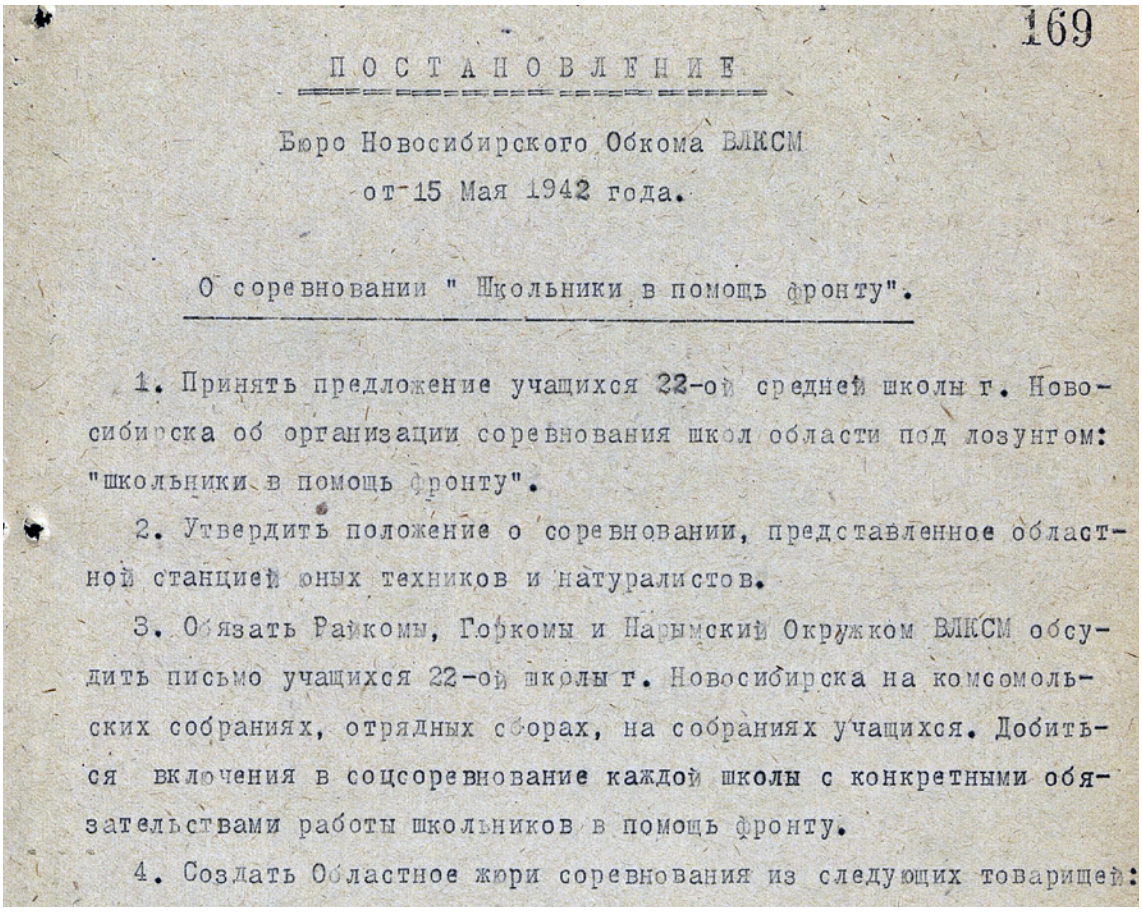
С обращением ко всем трудящимся Новосибирской области выступил коллектив Кузнецкого металлургического завода им. Сталина:

> Мы отдаем в народный фонд обороны — фонд разгрома фашистских людоедов — наши трудовые сбережения и ценности, сегодня мы вносим свой первый вклад — однодневный заработок [1, с. 3].

Оно тут же было одобрено на бюро обкома ВКП(б). Металлургов широко поддержали все — от мала до велика.

> Я, пионерка 5 класса 51 новосибирской школы, Куценко Людмила, накопила 32 руб. 50 коп. и вношу их в фонд обороны нашей прекрасной родины. Прошу ПРИНЯТЬ эти деньги и призываю всех ребят последовать моему примеру, для того чтобы сделать столько самолетов, танков и снарядов, сколько нужно для полного уничтожения кровожадной собаки — Гитлера [9, д. 10341, л. 1].

> Золотые кольца, серебряную посуду вносят в фонд обороны домашние хозяйки домоуправления №10 Кагановичского района Новосибирска. Домохозяйка тов. Задонская внесла золотую коронку для зубов, серебряную ложку, два пуда пшеницы, серебряный рубль, досрочно внесла деньги за государственный заем. Старушка тов. Фатюгова внесла золотое кольцо и серебряную ложку — самые ценные вещи, которыми она располагала. Тт. Осокина, Мальцева, Нарожных внесли облигаций на 150 рублей каж-



169

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Новосибирского Обкома ВЛКСМ
от 15 Мая 1942 года.

О соревновании " Школьники в помощь фронту".

1. Принять предложение учащихся 22-ой средней школы г. Новосибирска об организации соревнования школ области под лозунгом: "школьники в помощь фронту".

2. Утвердить положение о соревновании, представленное областной станцией юных техников и натуралистов.

3. Обязать Райкомы, Горкомы и Нарымский Окружком ВЛКСМ обсудить письмо учащихся 22-ой школы г. Новосибирска на комсомольских собраниях, отрядных сборах, на собраниях учащихся. Добиться включения в соцсоревнование каждой школы с конкретными обязательствами работы школьников в помощь фронту.

4. Создать Областное жюри соревнования из следующих товарищей:

Постановление ВЛКСМ о соревновании «Школьники в помощь фронту» [6, л. 169]

дая. Домохозяйки единогласно приняли предложение тов. Фатюговой: «Досрочно внести деньги за заем. Собирать подарки для раненых» [2, с. 3].

Не остались в стороне и сельские жители. Колхозница из Северного района Н. Н. Зубчанова долгие годы сохраняла памятные 10 рублей серебряной монетой дореволюционной чеканки, но сдала и ее в фонд обороны [12, с. 54]. Жители районов области сдали в фонд обороны десятки миллионов рублей.

Это притом, что с началом войны доходы населения ощутимо понизились, появились новые обязательные налоговые сборы — например, на одиноких и бездетных граждан, военный (первоначально — надбавка к подоходному налогу), увеличились ставки сельскохозяйственного налога с личных приусадебных хозяйств, сильно выросли цены на товары первой необходимости, да и обыденную логику припасов «на всякий случай» никто не отменял.

И хотя газеты полны самыми бодрыми историями, живые воспоминания людей, которых гораздо меньше, значительно их поправляют, показывая реальность ситуации. Многие рабочие в городе сами были фактически разуты и раздеты, катастрофически не хватало постельного белья, одежды, жили впроголодь.

Надежда К.:

У нас и на фронт нечего взять было. Папа на войне, мама на работе, а мы трое маленьких. А мы что, дети, посадим? Картошку только, да и той мало. Сашка старший, ему десять было [17, с. 57].

Колхозники сельхозартели «Борьба» вносят деньги из личных сбережений. 19.01.1943. Ф. М. Зильберман [9, д. 10311, л. 1].

Но тем не менее, наверное, не было в области ни одной семьи, так или и иначе не охваченной мобилизацией денежных средств в фонд обороны. И даже праздники были рабочим днем, но с максимальной производительностью труда, с перечислением заработанных средств Красной армии.

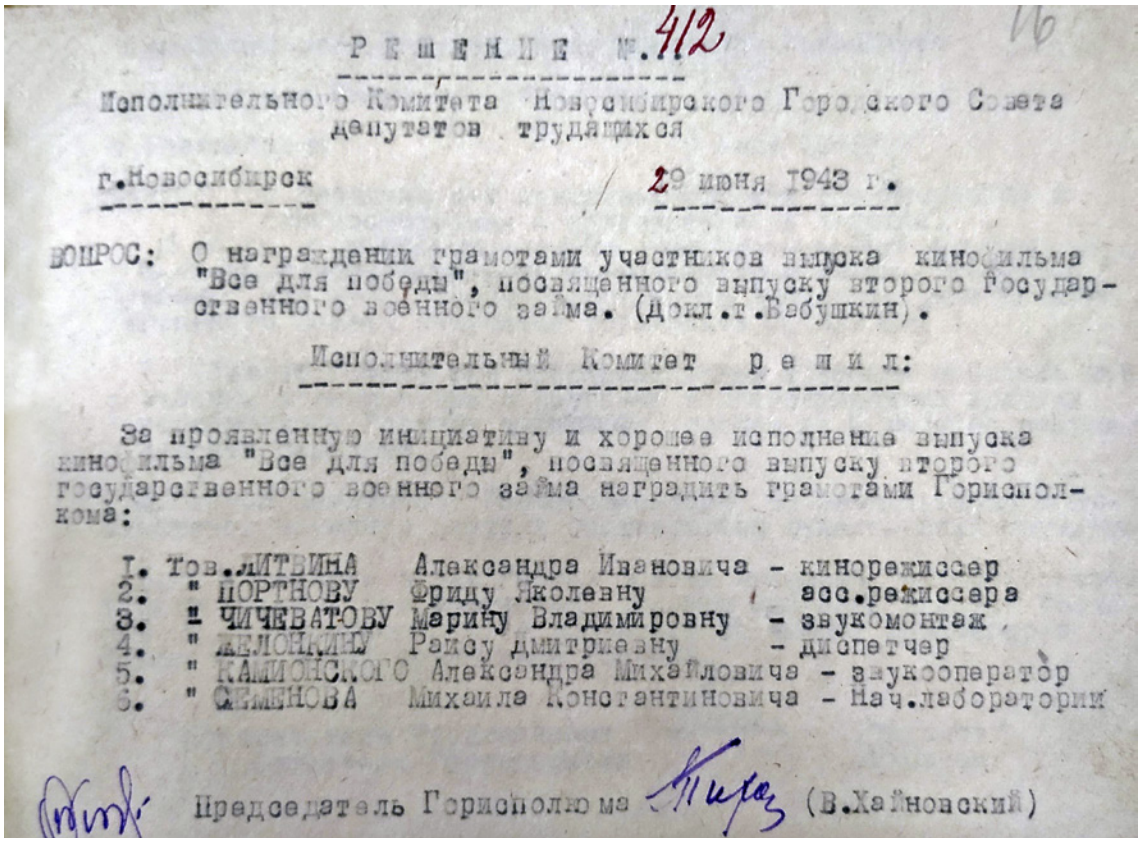
У каждого вкладчика был свой лицевой счет и книжка, куда заносилось все, что сделал для фронта данный работник. Уже за первые месяцы новосибирцы собрали более 15 млн рублей, а к 1 июня 1942-го только по Новосибирску в фонд обороны поступило 46 765,2 тыс. рублей, в том числе наличных денег — 34 234,7 тыс., драгоценностей — на 36,6 тыс., облигаций — на 12 450 тыс., целевых на строительство военной техники — 2 587,8 тыс. руб. [4, д. 148, л. 14, 36]. План мобилизации денежных средств 1942 г. областью был выполнен на 102,4 %. Трудящиеся передали в фонд обороны страны 179 200 тыс. рублей наличными и 73 100 тыс. рублей облигациями [8, л. 5].

К концу 1943-го в Новосибирской области насчитывалось уже 60 тысяч вкладчиков в фонд обороны. На 1 января 1945 г. трудящиеся Новосибирской области передали Красной армии 1 млрд 701 млн 145 тыс. рублей [10, с. 50].

2 января 1943 г. на 175-тысячном митинге новосибирцы предложили создать в области сталинский фонд победы, формируемый за счет изготовления сверхплановой продукции.

Широко была развернута система военных займов, которые выпускались по подписке среди населения, колхозов и промартелей. Первый военный заем был выпущен в апреле 1942 г., второй — в июне 1943-го, третий — в 1944-м, четвертый — уже в мае 1945-го. Срок погашения — 20 лет. Все они были реализованы практически за несколько дней с перекрытием планируемых сборов.

Рабочие, служащие ежегодно подписывали заем в размере их месячного заработка. Стахановцы и другие высокооплачиваемые работники подписывались на полтора или даже два оклада. То же касалось армейских офицеров и генералов. Достаточно много примеров и добровольного приобретения. Люди вызывали друг друга на соревнование по количеству покупаемых облигаций.



Р Е Ш Е Н И Е №.412

Исполнительного Комитета Новосибирского Городского Совета депутатов трудящихся

г.Новосибирск 29 июня 1943 г.

ВОПРОС: О награждении грамотами участников выпуска кинофильма "Все для победы", посвященного выпуску второго Государственного военного займа. (Докл.т.Бабушкин).

Исполнительный Комитет р е ш и л:

За проявленную инициативу и хорошее исполнение выпуска кинофильма "Все для победы", посвященного выпуску второго государственного военного займа наградить грамотами Горисполкома:

1. Тов. ЛИТВИНА Александра Ивановича - кинорежиссер
2. " ПОРТНОВУ Фриду Яковлевну - асс.режиссера
3. " ЧИЧЕВАТОВУ Марину Владимировну - звукомонтаж
4. " ЖЕЛОНКИНУ Раису Дмитриевну - диспетчер
5. " КАМИОНСКОГО Александра Михайловича - звукооператор
6. " СИМЕНОВА Михаила Константиновича - Нач.лаборатории

Председатель Горисполкома (В.Хайновский)

Постановление Новосибирского горисполкома о награждении творческой группы фильма «Всё для Победы!» [15, л. 16]

И здесь, как и на производстве, среди населения были «стотысячники», купившие облигаций на сумму 100 тысяч рублей и более. В 1942 г. в Новосибирской области абсолютная сумма средств, привлеченных в бюджет по займам, составила 112,7 млн рублей против 41,9 млн в 1941-м [7, л. 1, 1 об.].

Не всегда, конечно, сбор денег проходил добровольно, во многом он был обязательным.

Раиса Максимова:

> Написали мы нашей тетке письмо, в котором сообщили о своей беде. Та продала лошадей и выслала нам две тысячи рублей, чтобы мы не голодали. Если бы мы могли знать, какую роль сыграют эти деньги! Нам еще не сообщили о переводе, а Тамару уже вызвали в райсовет и стали требовать, чтобы она подписалась на заем на четыре тысячи рублей. — Откуда такие деньги? — удивилась сестра. — А вам прислали две тысячи, вы напишите, и вам еще две пришлют! Сестра отказалась — ведь мы были голые и босые, без угла... Тогда ее заперли на ночь в холодную комнату. Она наревелась, намерзлась, а когда утром открыли двери, сказала: — Куда бы написать, что здесь так над людьми издеваются? Лучше бы она не говорила этого! Ночью ее арестовали, но сначала сделали обыск, сорвали с шеи золотые крестики — последнее наше богатство и память о папе. Осталась я в 11 лет без угла, без средств к существованию, одна-одинешенька [14, с. 162].

Власть всячески старалась поддерживать патриотический дух: с помощью убеждения, активной пропаганды в прессе и по радио, наглядной агитации, мас-

сово-политических мероприятий. Фраза «на нужды фронта» делала чудеса. В 1943 г. в Новосибирске был снят фильм «Всё для Победы!», разъясняющий важность военного займа. Его создатели были отмечены грамотами Горисполкома.

В 1942 г. подписка одного колхозного двора на заем в среднем в области составляла 223 рубля, в 1943-м — 456 рублей, в 1944-м — 571 рубль [11, л. 63–65].

Два раза в год среди населения проводились розыгрыши по облигациям четырехпроцентного займа. Можно было выиграть от 200 до 50 тысяч рублей. Таблицы выигрышей публиковались в центральных газетах. Выигрыши в большей части также перечислялись в фонд обороны.

Государственные займы стали действенным финансовым инструментом обеспечения Красной армии, и массовое участие в них населения страны сыграло важную роль в приближении Победы.

> Трудящиеся Новосибирска и области за годы Отечественной войны дали своему государству 1 миллиард 130 миллионов рублей. Если подсчитать, то на эту сумму можно построить 11 млн 300 тыс. самолетов [5, л. 133],

говорится в докладе первого секретаря обкома ВКП(б) М. В. Кулагина на партактиве в апреле 1946 г.

В целом по СССР за годы войны было размещено госзаймов на общую сумму более 81 млрд 500 млн рублей. По ним было выручено 100 млрд 541 млн рублей [13], почти вдвое больше, чем за весь довоенный период, — около 10 % поступлений в госбюджет [18, с. 81].

Также в годы войны было проведено четыре денежно-вещевых лотереи. Помимо наличных денег, разыгрывались и ценные вещи: каракулевые дамские пальто, меха чернобурой лисицы и песца, ковры, золоченые и серебряные часы, серебряные портсигары, письменные приборы, одежда, обувь и пр. Населением было приобретено лотерейных билетов на общую сумму 13 млрд 52 млн рублей, из них 10 млрд 442 млн рублей было перечислено в бюджет — на оборону страны [12].

За годы Великой Отечественной войны жители СССР передали в фонд обороны и фонд Красной армии более 17 млрд рублей, 15 млн в иностранной валюте, свыше 4,5 млрд рублей облигациями госзаймов, 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательных кассах, сдали 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра [3, с. 762]. В целом обязательные и добровольные взносы населения составили 270 млрд рублей, или 26 % всех доходов госбюджета [19, с. 122].

Глядя на эти сводки и цифры, можно подумать о сытой благополучной Сибири, жителям которой достаточно просто и быстро можно было снаряжать помощь фронту и другим регионам страны.

Однако открытые статистические данные показывают, что в период июля 1941 — августа 1944 г. в Новосибирской области смертность превысила довоенный уровень (1938 — июнь 1941 г.) почти на треть (68 555 человек против 49 478) [4, д. 183, л. 130–130 об.]. Из-за превышения смертности над рождаемостью естественный прирост населения обратился в естественную убыль. По данным историка А. Г. Теплякова, в 1943–1945 гг. только в Новосибирске от голода умерло 3,5 тысячи человек [16].

Все это — слагаемые цены Победы, доставшейся трудящимся Новосибирской области, да и всей страны огромными, неимоверными усилиями. Ее жители отдали фронту все, что могли, и даже больше. Несмотря на весь трагизм происходящего в тылу, нельзя недооценить трудовую доблесть новосибирцев в годы Великой Отечественной войны, их жертвенность, нелегкую и бескорыстную помощь родной армии, которая дала возможность выжить многим ее бойцам и, безусловно, приблизила День Победы.

Список литературы и источников

[1] В городе металлургов // Советская Сибирь. 1941. №181, 2 авг.
[2] В фонд обороны // Советская Сибирь. 1941. №182, 3 авг.
[3] Великая Отечественная война 1941–1945. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 762.
[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34.
[5] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 288.
[6] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 88.
[7] ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 7. Д. 77.
[8] ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 7. Д. 2452.
[9] ГАНО. Ф. Р-2190. Оп.1.
[10] Гордые сыны России. Сибирь и сибиряки на защите Отечества: метод. пособие / авт.-сост. Ю. А. Фабрика. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2011. 91 с.
[11] *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.
[12] Книга памяти: Российская Федерация, Новосибирская область. Т. 1. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во. 1994, 512 с.
[13] *Ломкин А. В.* Финансовый фронт Великой Отечественной [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» 10.05.2019. URL: https://zvezdaweekly.ru/news/t/20194301216-e9IH6.html (дата обращения: 12.09.2020).
[14] *Максимова Р. А.* Землетрясение // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / авт.-сост. Т. Иванова. Новосибирск: Детская литература, 1999. 368 с.
[15] НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 541.
[16] *Тепляков А. Г.* Власть не ассоциирует себя с репрессированными, она ассоциирует себя с властью [Электронный ресурс] // Тайга-инфо. URL: http://tayga.info/details/2012/03/30/~107485 (дата обращения: 05.01.2015).
[17] *Тихонов С. С.* Воспоминания детей о войне и глубина исторической памяти // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2020. 606 с.
[18] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985. 492 с.
[19] *Шитов В. Н.* История финансов России: учеб. пособие. М.: КноРус, 2011. 122 с.

Продовольственное обслуживание в городах Сибири: на примере развития сети общественного питания Барнаула и Томска в 1960-х — 1980-х гг.

Е. В. Демчик,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

Г. А. Гряникова,
аспирант, специалист по УМР, кафедра отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается продовольственное обслуживание городского населения Сибири в 60-х — 80-х гг. XX в. На основе документов Государственных архивов Алтайского края и Томской области и материалов региональных исследований изучены организация сети общественного питания, качество продовольственных товаров и культура обслуживания в столицах Алтайского края и Томской области — Барнауле и Томске.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА продовольственное обслуживание, общественное питание, экономическая история, повседневность, Барнаул, Томск.

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 19–49–220005 «Торговля и товарное снабжение Алтайского края в 1960-х — 1990-х гг.: от плановой к рыночной экономике».

Продовольственное обслуживание как одна из основных практик повседневности занимает ключевое место в экономическом и социокультурном развитии городов Сибири. Изучение функционирования сети общественного питания и организационно-экономических показателей отдельных предприятий по предоставлению населению продовольствия необходимо для формирования научного представления о степени влияния экономики на повседневность. Исследование вопросов истории экономического развития конкретных регионов позволяет определить частные особенности, связанные с уровнем производства и сложившимися повседневными торговыми практиками, а также выявить общий уровень продовольственного обслуживания населения Сибири в 1960-х — 1980-х гг. на примере развития сети общественного питания. Актуальным становится детальное изучение деятельности управлений Алтайского края и Томской области, оказывавших непосредственное влияние на организацию продовольственного снабжения и культуру обслуживания в региональных столицах — Барнауле и Томске.

В советской историографии по экономической истории отдельные аспекты пищевой промышленности и сельского хозяйства представлены без рассмотрения влияния организации производства на развитие торговли и сети общественного питания [18, 21, 22, 23]. За рамками изучения остаются вопросы развития потребительского рынка, проблемы продовольственного снабжения и культуры обслуживания. Особый интерес представляют современные научно-популярные издания, содержащие воспоминания городских жителей о 1960-х гг. На основе детских воспоминаний С. Ф. и А. С. Ужакиных становится возможным сформировать представление о розничной торговой сети, средних ценах и качестве товарного снабжения барнаульцев [25]. Книга-фотоальбом Г. И. Абрамочкина содержит студенческие воспоминания

о быте и повседневности жителей Томска [1]. Работы информативно иллюстрированы фотографиями, способствующими составлению визуального образа. Однако небольшого круга региональных исследований недостаточно для составления целостной картины о состоянии продовольственного обеспечения населения. В них лишь фрагментарно отражаются производственные показатели предприятий пищевой промышленности, личные расходы потребителя на продукты питания, повседневные торговые процессы, общая культура обслуживания без указания особенностей развития сети общественного питания.

Комплексное осмысление обозначенного вопроса и объективное сравнение систем продовольственного снабжения в сибирских городах требуют привлечения данных первоисточника, которые, входя в научный оборот, способствуют составлению общей картины системы управления продовольственной торговлей на региональном уровне и ее влиянию на потребительский рынок. Неопубликованные документы Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области содержат фактический материал об обеспечении продовольственными товарами населения и результатах государственных и общественных проверок. Материалы региональных исследований способствуют определению отношения потребителя к системе продовольственного обслуживания в городах Сибири.

В 1960-х — 1980-х гг. Алтайский край занимал ведущие позиции по производству продовольствия. В отличие от других отраслей именно пищевая промышленность была включена в систему естественных внутрихозяйственных связей, то есть потребляла сырьевые ресурсы своего региона и вывозила готовую продукцию за его пределы в незначительных количествах. Развитию способствовало такое новое явление в производстве, как формирование агропромышленных комплексов в городах края — Барнауле, Бийске, Рубцовске, Славгороде. Потребности жителей Барнаула обслуживали предприятия кондитерской, молочной, пивоваренной, хлебопекарной промышленности. В то время как за пределы города частично вывозилась продукция мельничного комбината, мясокомбината, дрожжевого завода, что свидетельствует о достаточном количественном уровне производства, способном обеспечить не только столицу края, но и прочие города [20, с. 111–115].

В структуре личного потребления жителей Томской области первое место занимали пищевые продукты, что было характерно для большинства районов СССР. Об особом внимании в экономике региона к продовольственному обслуживанию в 1960-х гг. свидетельствует количественное преимущество объединений, регулирующих деятельность по предоставлению продуктов питания населению, — пять из девяти, относящихся к Управлению торговли (Горпищторг, Гастрономторг, Горхлебторг, Горплодовощеторг, Трест столовых) [17, л. 9]. Управление торговли Алтайского крайисполкома располагало 12 объединениями, включая семь, относящихся к продовольственном снабжению (Горпищторг, Гастрономторг, Горхлебторг, Горплодовощеторг, два Треста столовых, Краевая контора ресторанов и кафе) [4, л. 23]. В 1967 г. произошло выделение Управления общественного питания из структуры Управления торговли. Централизованная система управления народным хозяйством СССР способствовала унификации деятельности организаций в регионах. В связи с этим возможно говорить о единых задачах управлений Алтайского края и Томской области.

На торговое обслуживание и качество предоставляемых услуг потребителя непосредственное влияние оказывает образование и квалификационный уровень административно-управленческого и цехового персонала (директоров, продавцов, поваров и др.).

В 1970 г. все рабочие Треста столовых №1 Томска обладали средним общим образованием, но 7 % окончили только четыре класса, в то время как 3 % административно-управленческого персонала окончили вуз и 23 % — средние специальные учреждения

[13, л. 2]. Директоров столовых регулярно отправляли на курсы повышения квалификации с сохранением среднемесячной заработной платы по месту работы [13, л. 20]. Но в целом подготовка кадров непосредственно на предприятиях велась неудовлетворительно, требуемый план по этому показателю выполнялся только на 42 % [13, л. 47].

Постоянное внимание вопросу повышения квалификации работников уделялось и в сети общественного питания Барнаула. В 1972 г. среднее общее, средне специальное и высшее образование имели 85 % работников. При этом доля персонала, окончившего вузы, составляла 28 %. В то же время регулярным было прохождение повышения квалификации (например, на Высших Ленинградских курсах) или обучение в заочных или вечерних школах [11, л. 10]. Но, несмотря на предъявляемые требования, квалификация поваров была низкой: высший разряд (V–VI) имели менее 7 % от общего состава [8, л. 11–12].

Так, несмотря на общую тенденцию к повышению образования работников, наличие высшего или специального образования не являлось определяющим фактором при формировании штатов сети общественного питания. Повышение квалификации и переподготовка кадров проводились в недостаточном объеме, что негативно сказывалось на организации деятельности предприятий, торговом обслуживании и удовлетворении запросов потребителя.

Статистические отчеты трестов столовых позволяют сформировать представление о количестве предприятий, их местоположении и методах обслуживания. В 1971 г. обеспеченность жителей Барнаула сетью общепита превышала общесоюзный показатель в 1,7 раза [10, л. 1; 24]. Продажу готовой пищевой продукции населению осуществляли 1753 предприятия: столовые, кафе, буфеты, ж/д буфеты, домовые кухни, закусочные, фабрики-кухни, автомат, девять ресторанов [9, л. 112–113; 12, л. 332–333]. Особое место в развитии потребительского рынка занимали новые формы предоставления продовольствия населению — беляшный киоск и реализовывавший сладкую вату «Фешмак» [25, с. 202].

Меньшим количеством предприятий обладала сеть общественного питания Томска. К единственному тресту столовых относились кафе «Молодежное» и «Отдых», 3 ресторана и 18 столовых с 74 филиалами. Последние были представлены цеховыми и диетическими столовыми, буфетами, киосками и магазинами кулинарии. Отдельно стоит выделить такие розничные торговые точки, как шашлычная и «пончики» [14, л. 24; 15, л. 7, 46–53]. Особенным вариантом предоставления продовольственных услуг стало функционирование в кондитерском магазине «Белочка» прилавка, за которым можно было выпить кофе [19]. Небольшое количество ресторанов определяло индивидуальное отношение потребителя к каждому из них. Из-за вывески ресторана «Север» с медведем на льдине посетители говорили: «Пойдем, посидим на льдине с медведем!» Ресторан вокзала Томск-1 обозначали как: «Сходим, посмотрим японский паровоз!» [2, с. 86].

Характерным в развитии продовольственной торговли регионов стало активное внедрение прогрессивных форм обслуживания: конвейерные линии раздачи, питание с подноса и по комплексному меню, витаминные столы и столы самостоятельного расчета, торговля по цехам и отделам, оплата после приема пищи и по абонементам, прием заказов на изготовление кулинарных и кондитерских изделий [14, л. 27].

К общим организационно-производственным недостаткам относились невыполнение плана по собственной продукции, низкое качество готовой продукции, наценки и нарушение розничных цен, обвес и обсчет, нарушение порядка ведения книги жалоб и предложений.Неудовлетворительным было санитарное состояние предприятий общественного питания: недостаточная уборка залов и производственных цехов, нарушение правил хранения и сроков реализации продуктов [14, л. 1–4; 6, л. 1–12]. Особый интерес представляет выявление инспекцией по торговле в Томске

такого нарушения, как организация недейственного социалистического соревнования среди работников и недостаточное формирование коммунистического отношения к труду [14, л. 3]. Общим явлением стал дефицит отдельных продуктов питания. Так, в барнаульской торговле отмечались перебои с кондитерскими и макаронными изделиями, сливочным и растительным маслами [5, л. 191]. В томском «Гастрономе» отсутствовали какао, кофе, сода, плавленый сыр, в магазинах Горпищторга — крупы, за исключением гороховой и гречневой, свежемороженая и соленая рыба, свинина [16, л. 2]. Кроме того, не соблюдались правила выкладки товаров. Например, на витринах томских магазинов одновременно были представлены вафли, конфеты, кисели, печенья и сырная продукция [16, л. 3].

Для решения указанных проблем в региональных столицах проводились кулинарные советы, дегустации блюд, выставки-продажи [7, л. 7–18; 14, л. 25]. Работники торговли Барнаула регулярно принимали участие в тематических вечерах «Дни повара», «Дни качества» и КВН на кулинарные темы [3, л. 12–14]. Принимаемые меры по количественному росту сети продовольственной торговли, повышению квалификации сотрудников и внедрению прогрессивных форм привели к постепенному улучшению обслуживания городского населения Сибири [7, л. 15; 14, л. 27]. Сохранявшиеся жалобы населения Барнаула и Томска в целом носили одинаковый характер: продажа некачественных товаров, нарушение правил торговли и розничных цен, случаи обвеса и обсчета.

Таким образом, комплексное сравнение продовольственного обслуживания жителей сибирских городов в 1960-х — 1980-х гг. позволяет сделать выводы об общем и особенном в экономическом и социокультурном развитии регионов. Стоит отметить количественное преимущество барнаульской торговой сети и особое внимание к культуре обслуживания в Томске. В целом можно сделать вывод о едином стремлении к удовлетворению спроса потребителя путем внедрения новых форм обслуживания, увеличения ассортимента, повышения квалификации работников и роста предприятий общепита.

Список литературы и источников

[1] *Абрамочкин Г. И.* Томск — город моей молодости: [книга-фотоальбом]. Томск: ТМЛ-Пресс, 2016. 225 с.
[2] *Бурматов Г. И.* Что бывало в Томске? Томск: Красное знамя, 2009. 349 с.
[3] ГААК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 23.
[4] ГААК. Ф. Р-926, Оп. 3. Д. 78.
[5] ГААК. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 486.
[6] ГААК. Ф. Р-1118. Оп. 3. Д. 24.
[7] ГААК. Ф. Р-1118. Оп. 4. Д. 11.
[8] ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 1.
[9] ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4.
[10] ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 78.
[11] ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 97.
[12] ГААК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 420.
[13] ГАТО. Ф. Р-757. Оп. 1. Д. 581.
[14] ГАТО. Ф. Р-757. Оп. 1. Д. 595.
[15] ГАТО. Ф. Р-757. Оп. 1. Д. 709.
[16] ГАТО. Ф. Р-1358. Оп. 1. Д. 39.
[17] ГАТО. Ф. Р-1410. Оп. 1. Д. 750.

[18] *Григорьян Г. С.* Торговля в развитом социалистическом обществе. М.: Экономика, 1977. 174 с.
[19] *Кайгородова Е.* Фотофонд. Томские магазины советской эпохи [Электронный ресурс]. URL: https://obzor.city/article/577277. — Загл. с экрана.
[20] *Курсакова Е. Н.* Становление и развитие Алтайского края как аграрно-промышленного комплекса (1970–1985 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 111–118.
[21] Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд., 1987. 448 с.
[22] Преображенный Алтай / под ред. А. И. Лизиной, Т. М. Макеева. Барнаул: Алт. кн. изд., 1967. 235 с.
[23] Статистика общественного питания / Н. П. Тительбаум, Е. М. Новожилова, Л. М. Макарова, М. Т. Астафьев, А. М. Минделевич. М.: Статистика, 1975. 222 с.
[24] Торговля СССР: стат. сб. [Электронный ресурс]. М., 1989. URL: https://istmat.info/node/30999. — Загл. с экрана.
[25] *Ужакин С. Ф., Ужакин А. С.* Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул, 2013. 272 с.

Частная торговля как фактор восстановления и развития экономики Сибири в годы нэпа

Е. В. Демчик,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

И. М. Дубик,
студент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АННОТАЦИЯ В статье оценивается роль частной торговли в период нэпа, выявляются тенденции взаимодействия государства и частного капитала на протяжении 1920-х гг. Отмечены основные противоречия новой экономической политики. Сделан вывод, что частная торговля способствовала налаживанию экономических связей между городом и деревней, насыщению рынка товарами, выполняла социально значимую функцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА нэп, кризис, предпринимательство, частный сектор.

Одним из основополагающих элементов современной рыночной экономики является предпринимательство, развитие которого создает условия для экономического роста страны. В России предпринимательская деятельность стала неотъемлемой составляющей национальной экономики. В то же время результат экономических санкций, а также ситуация кризиса 2020 г. свидетельствуют о том, что предпринятые антикризисные меры стабилизации экономики без опоры на малый и средний бизнес недостаточно эффективны. В этом контексте особое значение приобретает переосмысление роли частной инициативы в восстановлении и дальнейшей стабилизации экономики страны.

В марте 2021 г. новая экономическая политика отметила свой столетний юбилей, и современная историография вновь возвращается к нэпу со спектром новых подходов и оценок. Наблюдается интерес к предпринимательской деятельности в условиях новой экономической политики на региональном уровне. Так, Е. В. Демчик [2] и И. А. Чуканов [8], А. В. Дроздков [3] рассматривают процесс становления и законодательного оформления рыночных отношений, факторы развития частного бизнеса, а также процесс свертывания нэпа на примере отдельных регионов. Особое внимание облику частного торговца уделяется в работах И. Б. Орлова [6].

Рассмотрим роль частной торговли в восстановлении и развитии экономики Сибири в годы нэпа. Источниковую базу исследования составили документы Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Новосибирской области, официальные статистические данные, опубликованные в 1920-х гг. аналитические отчеты хозяйственных ведомств, а также материалы региональной газеты «Советская Сибирь».

Становление и развитие рыночных отношений в 1920-х гг. протекало в условиях доминирования государства во всех сферах посредством использования идеологических, правовых рычагов. Частный капитал использовался в хозяйстве при сохранении монополии государства на внешнюю торговлю и основные средства производства, в руках государства оставались железнодорожные пути сообщения, элеваторы, портовое хозяйство, а также стратегически важные промышленные предприятия.

Разрешительные меры советской власти в отношении частного предпринимательства, выражавшиеся в признании за ним права заниматься хозяйственной деятельностью, предоставили возможность государственным органам взаимодействовать с частником, легализовали его деятельность, что способствовало активному возрождению наиболее распространенной формы частного предпринимательства — торговли. При помощи частной инициативы и разрешения рыночных отношений правительство надеялось восстановить разрушенные экономические связи между различными секторами экономики. Это противоречило декларируемым принципам социалистического строительства, но позволяло государству выполнять свою основную функцию как аппарата управления.

Так, идея перехода к рыночным отношениям в 1921 г. стала выражением стремления использовать механизмы рынка в качестве взаимосвязи между разрозненными элементами экономики. В этом смысле трудно переоценить значение частной торговли. Речь идет о связи государственного, частного и кооперативного сегмента хозяйственной деятельности. В условиях кризиса и неустойчивости всей системы роль такого гибкого элемента, который выступал бы связующим звеном, была особенно важна. Исследователь частного капитала СССР Ю. Ларин приводит высказывание, которое отражает ситуацию, сложившуюся в сфере накопления частного капитала в первоначальный период нэпа:

> ...Буржуазия принесла с собой уменье двигаться в условиях товарно-рыночных отношений, и мы принуждены были дать ей наши товарные фонды и наши средства [4].

Специфика геополитического устройства страны определяла исключительное значение торговли. На фоне экономической нестабильности и разрушенных связей между различными элементами народного хозяйства частная торговля выступала связующим звеном, выполнявшим различные функции: производство товаров, услуг и доведение их до конечных потребителей, создание новых рабочих мест в условиях безработицы. Огромные пространства в сочетании с неудовлетворительным состоянием транспортной системы, малонаселенность территорий Сибири — все это делало торговлю существенной частью всего хозяйственного организма.

На протяжении нэпа частная торговля сталкивалась со множественными ограничениями. В период становления нэпа монополия на основные потребительские товары сковывала рынок. Вплоть до 1922 г. ассортимент товаров в частных лавках отличался от набора товаров в госторгах и кооперации, что тем не менее не помешало частнику сыграть положительную роль в укреплении товарооборота между городом и деревней, появление частных торговых предприятий способствовало оживлению рынка.

Характерно, что значительная часть предприятий была открыта людьми, не имевшими отношения к торговой деятельности. Бывшие домохозяйки, безработные стремились организовать свое дело в условиях безработицы. Однако существование таких предприятий было недолгим — не имея необходимых навыков и умений, владельцы быстро приходили к разорению, на месте обанкротившихся торговых точек возникали новые и так же быстро исчезали.

К осени 1923 г. позиции частного капитала укреплялись, создавались все новые торговые предприятия. Так, на его долю приходилось 86,8 % общей численности торговых предприятий и 51,3 % общего товарооборота Сибири. Благодаря усилиям именно частных торговцев в течение весьма короткого периода времени — всего двух лет — стало возможным восстановление 70 % довоенной численности торговых предприятий Сибири. В среднем оборот одного частного магазина в 1922/1923 г. составлял менее половины довоенного [5]. Типичный частный магазин или лавка организовывали свою работу преимущественно на собственные средства. Цены сибирской част-

ной розницы были в целом выше цен государственных магазинов и кооперации. Так, по отдельным видам дефицитных товаров розничные цены в частном секторе устанавливались выше цен государственной торговли и кооперации на 15–75 %, а перец, например, относящийся к числу недостаточных товаров, продавался с наценкой в 117,3 % [1, л. 59 об.]. В несколько искусственно завышенные цены на товары, пользовавшиеся повышенным спросом населения, как правило, вкладывалась цена полученных предпринимателями «в нагрузку» неходовых товаров, которые реализовывались иногда по ценам ниже оптовых. При этом рост кооперативной и государственной торговой сети не компенсировал вытеснение частника.

Причины успешной конкуренции частного торгового сектора с государственным и кооперативным заключались в целом комплексе приемов и способов организации предпринимателями своего дела. Одним из путей получения большей прибыли являлись более низкие, чем в кооперации, накладные расходы и расходы на содержание служебного аппарата. Привлекали в частные магазины вежливое обращение частных торговцев с покупателями, а также отпуск товаров в кредит постоянным посетителям. Непостоянность правительственного курса в отношении нэпманов, отсутствие правовых и законодательных гарантий, стремление уклониться от налоговых выплат приводили к распыленности торговой сети, создавали условия, в которых выживаемость частного сектора определялась его маневренностью, умением приспосабливаться к меняющейся конъюнктуре. По этим параметрам кооперативная и государственная торговля значительно проигрывала большинству частных торговцев.

Преимуществом частника в конкуренции с бюрократической инертной машиной государственных органов являлись быстрота оборота, маневренность. Так, на всем протяжении нэпа частный торговец активно использовал агентуру для скупки зерна, имел широкую сеть для реализации хлеба по высокой цене, грамотно вкладывал средства в оборот на заготовительном рынке. Государство не могло в полной мере конкурировать с частником. Борьба государственных органов с частным капиталом обострилась перед началом хлебозаготовок 1927/1928 г.

В результате вытеснения частника началось сокращение важнейшего источника снабжения населения. Происходило разрушение внутреннего товарооборота, так как государственные органы не готовы были полностью заменить частного торговца. Продовольственная ситуация ухудшилась к осени 1928 г., когда запасы хлеба в крупных городах были исчерпаны почти полностью. В архивах ОГПУ сохранились высказывания тех лет:

> Если не было бы частников, то совсем пропали бы [7. с. 228].

Неразвитая торговая сеть государственных предприятий и кооперации не могла обеспечить потребности населения. В отличие от работников кооперации и государственной торговли частные предприниматели открывали свои магазины не только в центральных районах города, но и на окраинах, ориентируясь прежде всего на потребительский спрос. Исходя из интересов клиентов, частные торговцы подбирали соответственный ассортимент товаров для своих магазинов, зачастую отпускали товары в кредит своим постоянным посетителям, чего не допускалось в государственной и кооперативной торговле. Производственные и торговые предприятия Сибпромбюро ВСНХ более 40 % имевшихся у них товаров продали через частных лиц [9].

Таким образом, в годы нэпа частная торговля выполняла социально значимую функцию, так как брала на себя, с одной стороны, снабжение населения товарами, с другой — осуществляла связь между мелкими производителями и потребителем. Именно благодаря частному посредничеству кустари и ремесленники могли продолжать свою деятельность. Частная торговля давала возможность гражданам получить

средства к существованию в условиях безработицы и нестабильной экономической ситуации. Торговая деятельность не требовала ни значительных капиталов, ни высокой профессиональной квалификации. В связи с этим роль частного сектора в восстановлении и развитии экономики 1920-х гг. трудно переоценить.

На всем протяжении нэпа происходило постепенное закрепление механизма директивного ценообразования как эффективного способа решения хозяйственных проблем, усиливалось вмешательство государства в рыночные отношения. Резкие изменения курса советской власти в отношении нэпмана — от восстановления частной торговли в начальный период нэпа до полной ликвидации частного сектора путем активного вмешательства государства в экономику и репрессивных мер — препятствовали стабильному развитию частноторговой деятельности. Несмотря на многочисленные ограничения, частный торговый сектор успешно обеспечивал восстановление и укрепление связи между городом и деревней, насыщал рынок товарами повседневного спроса. Вытеснение частного капитала происходило не вследствие качественных улучшений работы государственного и кооперативного торговых секторов, а в результате применения административных мер в отношении частного капитала, что свидетельствовало о свертывании новой экономической политики и переходе к командно-административным методам управления.

Список литературы и источников

[1] ГАНО. Ф. 1073. Оп. 1а. Д. 46.
[2] *Демчик Е. В.* Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа. Барнаул, 2018.
[3] *Дроздков А. В.* Создание рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа (1921–1923 гг.). Барнаул: Известия АГУ, 2012.
[4] *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 2.
[5] *Назаров Н.* Сибирская торговля до войны и теперь // Жизнь Сибири. 1924. № 5/6. С. 88, 89, 93.
[6] *Орлов И. Б.* Современная отечественная историография нэпа — достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116.
[7] *Павлюченков Н. А., Яковлев А. Н.* Россия нэповская // Новый хронограф. 2002.
[8] *Чуканов И. А.* Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). М., 2001.
[9] *Шпиндлер Е.* Этапы торговой политики госорганов ВСНХ и обзор результатов ее по Сибири к концу 1922 г. // Жизнь Сибири. 1923. № 2. С. 104.

Демографическая ситуация в Красноярском крае в настоящее время

А. В. Задорин,
старший преподаватель, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ На основании данных официальной статистики и научных публикаций рассматривается демографическая ситуация в Красноярском крае в 2019–2020 гг.: рождаемость, смертность, брачность, разводимость, расселение. Вскрываются причины ухудшения демографической ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА демографическая ситуация, Красноярский край, население, рождаемость, смертность, демографическая политика.

Красноярский край — второй по площади субъект Российской Федерации, занимает 2 366 797 кв. км (или 13,65 % территории страны). Это стратегически значимый регион, где разворачиваются крупные индустриальные проекты, осваивается Арктическая зона, развиваются южные территории.

Одно из основных преимуществ региона состоит в его обеспеченности природными ресурсами. Край является лидером по отечественным запасам угля, никеля, нефелиновых руд, магнезитов, графита и по добыче золота, это энергетический гигант и крупнейший экспортер цветных металлов.

Но эти показатели мало что могут сказать о социально-экономических условиях в регионе. Да, Красноярский край — кладовая природных ресурсов и промышленный гигант. Вопрос в том, способствуют ли названные факторы увеличению численности населения и росту качества его жизни. В этой связи возникает необходимость в более надежном измерителе.

Индикатором социально-экономических условий в стране и ее регионах может служить демографическая ситуация (обстановка), под которой понимается

> состояние демографических процессов, состава и размещения населения в какое-либо определенное время... применительно к стране в целом или отдельным ее частям (регионам) [1, с. 445].

Рассмотрим демографическую ситуацию в Красноярском крае, кроме состава населения (текущий учет не очень точно отражает половозрастной и национальный состав населения, а данные переписи 2010 г. устарели).

Численность населения Красноярского края на 1 января 2021 г. составила 2 855 899 человек [2]. При этом численность городского населения составила 2 217 054 человека (77,6 %), сельского — 638 845 человек (22,4 %) [2]. На первый взгляд это говорит о высокой степени урбанизированности. Но реальное положение дел противоречит такому выводу. Достаточно сказать, что в краевой столице — Красноярске сконцентрировался 1 092 851 человек [3], или 38,3 % всего населения края. В остальных городах и поселках городского типа — 39,3 %. В то же время полноценная городская среда развивается преимущественно в Красноярской агломерации, и происходит это в ущерб периферии [4].

Необходимо сказать, что демографические итоги 2020 г. еще не подведены. Поэтому мы будем оперировать данными за январь — октябрь [5, с. 93]. За январь —

октябрь 2020 г. в Красноярском крае родилось 24 255 человек, что на 1450 меньше, чем за аналогичный период 2019 г. Умерло 30 918 человек — на 1272 больше, чем за тот же период 2019 г. Естественная убыль составила 6663 человека (в 2019 г. была 3941).

Таким образом, за десять месяцев 2020 г. в регионе значительно возросла убыль населения — почти в два раза по сравнению с 2019 г. Ухудшение ситуации произошло по обоим компонентам естественного движения населения: рождаемость снизилась, а смертность, наоборот, выросла. Это говорит о недостаточной эффективности социально-экономической политики в регионе и демографической политики как ее части (а есть ли она? [6]).

Последнее снижение рождаемости в Красноярском крае началось в 2016 г., и негативная тенденция продолжается. За 2019 г. число родившихся на 1000 населения составило 10,5 [7] (данные за 2020 г. еще не опубликованы) — это самый низкий показатель с 2005 г. Как можно заметить, меры поддержки семей с детьми (выплата «материнского капитала» и т. д.) ситуацию не исправляют. Здесь прежде всего имеет место структурная причина: из детородного возраста постепенно выходит многочисленное поколение женщин, рожденных в 1980-х гг. [8].

Выхода из сложившегося положения имеется два: сделать так, чтобы женщины чаще рожали, либо привлекать мигрантов. На первый взгляд последний вариант кажется менее затратным: и широкие меры поддержки не нужны, и результат будет быстрым. Но иностранные мигранты нуждаются в адаптации и натурализации (юридический процесс приобретения гражданства на основе добровольного желания соискателя гражданства). Главным условием для натурализации является отказ от прошлого гражданства и непрерывное проживание на территории РФ не менее пяти лет [9]. А это затраты со стороны государства, ибо мигрантам необходимо юридическое и другое сопровождение. Диаспора (национально-культурное объединение) не всегда может помочь соотечественнику, да и не все мигранты поддерживают связь со своим сообществом.

Более рациональным предложением следует считать демографическую политику, направленную на собственный народ. Такой вариант патриотичен и полностью отвечает национальным интересам. Однако здесь придется приложить большие усилия, поскольку в настоящее время уровень рождаемости в крае не обеспечивает замещения поколений.

Для измерения уровня рождаемости применяется суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Он показывает, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т. е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель. Его величина не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данном календарном периоде. Суммарные коэффициенты рождаемости исчисляются как суммы возрастных коэффициентов.

В 2019 г. СКР в Красноярском крае составил 1,51, причем в городском населении он составил 1,37, а в сельском — 2,25 [10]. Если говорить о ситуации в общем, то с такой рождаемостью не воспроизвести даже поколения родителей: для простого поддержания численности населения необходим показатель 2,12 [11, с. 209]. Но, как можно видеть, сельское население себя воспроизводит, а городское — нет.

Данная проблема рассматривалась автором, в частности, в монографии [12]. Вкратце суть дела такова. Более трети населения региона проживает в краевом центре, а условия жизни в мегаполисе препятствуют многодетности. Часто не хватает жилплощади, много времени отнимает работа (и поездки туда и обратно), отвлекают разнообразные виды досуга и т. д. Большой город привлекает молодежь, особенно девушек: они более чувствительны к бытовым условиям. В результате возникают диспропорции в половозрастной структуре населения: в Красноярске избыток моло-

дых женщин, а в малых городах и сельской местности — избыток молодых мужчин. Отсюда напрашивается вывод: необходимо развивать периферию. Но сказать легко, а сделать трудно, ведь в таком случае придется проводить социально-экономическую политику, противоречащую интересам большого бизнеса. Как известно, львиная доля капиталов сосредотачивается именно в больших городах: там более развитая инфраструктура, более квалифицированные работники и широкий рынок сбыта товаров.

Другая сложность обусловлена характером самого процесса рождаемости. Мнения людей о желаемом числе детей отличаются инерционностью и с трудом поддаются внешним воздействиям. Поэтому изменения социально-экономических условий, особенно если они происходят постепенно, а не скачкообразно, далеко не сразу ведут к изменению «демографических идеалов» семьи и, стало быть, числа детей в семье. Сначала меняются социально-демографические условия, потом демографические идеалы, а далее сам (часто с большим разрывом во времени) характер демографических процессов [13, с. 11].

Сколько детей женщины хотят родить и планируют родить, можно узнать только в ходе переписи населения, всеобщей или выборочной. Последняя перепись (микроперепись) состоялась в октябре 2015 г. и охватила примерно 1,7 % постоянного населения [14]. Результаты оказались неоптимистичными. Почти половина всех женщин настроена на рождение двоих детей, а около трети женщин и вовсе ограничатся одним ребенком [15]. Причем денежные выплаты мало влияют на рождение очередного ребенка [15]. Требуются комплексные меры. А потому процесс старения населения продолжается, и преломления этой тенденции не предвидится.

Что касается основных причин смерти населения, то здесь мы можем говорить только о 2019 г. [16]. Нам необходимо знать число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100 тысяч населения (коэффициенты применяются для удобства сравнения показателей по Красноярскому краю с Россией в целом).

По-прежнему больше всего людей умирает от болезней системы кровообращения, на втором месте идут новообразования, и замыкают тройку внешние причины (убийства, самоубийства, несчастные случаи, случайные отравления алкоголем). Такая структура смертности сложилась в 2000-х гг. (в 1990-х гг. на втором месте шли внешние причины), и характерна она не только для края, но и для России в целом. Сравнивая показатели по РФ и краю, сразу обнаруживаются две тенденции. Во-первых, смертность в крае выше, а во-вторых, селяне умирают чаще горожан по всем основным причинам.

Показатели смертности таковы. Болезни системы кровообращения: РФ — 573,2, Красноярский край — 589,4. Новообразования: РФ — 203,5, Красноярский край — 235,7. Внешние причины: РФ — 93,8, Красноярский край — 123,3. Такая ситуация связана и с плохой экологией, и с дефицитом врачей. Возникают очереди на прием к узким специалистам и даже к терапевтам (которые направляют к узким специалистам). А в это время болезни прогрессируют.

Наиболее тяжелое положение наблюдается в сельской местности. Как это ни парадоксально, но селяне умирают намного чаще горожан. Не спасают ни более чистый воздух, ни физическая активность (огород, хозяйство), ни минимум стрессов. Причины высокой смертности социально-экономические: деградация инфраструктуры и бедность. Сокращаются амбулатории, фельдшерско-акушерские пункты (ФАП), больницы (хотя в связи с распространением коронавируса этот процесс приостановился). И селянам остается обследоваться (а зачастую и лечиться) в городах: Красноярске, Канске, Ачинске и др. А до города надо доехать и где-то жить, если лечение не стационарное. Это не всем по карману. Отсюда неблагоприятная статистика смертности. Болезни системы кровообращения: городское население — 553,8 на 100 тысяч населения, сельское — 713,1. Новообразования: городское население — 223,4, сельское — 278,2.

Важным фактором прироста населения является его брачное состояние, так как дети появляются чаще всего в семье. Судя по статистике, ситуация в брачно-семейной сфере не способствует приросту. За январь — октябрь 2020 г. в Красноярском крае было заключено 13 907 браков (за тот же период 2019 г. — 16 901) [5]. Зарегистрировано разводов 10 360 (в 2019 г. — 11 927) [5]. Тенденции противоречивые. С одной стороны, меньше разводов, но и браков тоже меньше. Однако соотношение браков и разводов в 2019 г. выглядело лучше. Если в 2019 г. это соотношение было 1,42:1, то в 2020 г. оно ухудшилось до 1,34:1. Чем грозит продолжение нынешних тенденций? Разводов будет больше, чем свадеб. Необходимо повышать престиж семьи.

Из анализа демографической ситуации следуют нерадостные выводы. Главный из них, по мнению автора, в следующем. Социально-экономическая политика на федеральном и краевом уровнях способствовала возобновлению естественной убыли населения. И это в богатом регионе!

Внушает оптимизм следующий факт: в структуре смертности внешние причины не вышли на второе место. Это может говорить об удовлетворительном эмоциональном состоянии общества (или же его адаптации к перманентным социально-экономическим преобразованиям в стране). Больше всего жизней уносят сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, с ними и надо прежде всего бороться. Как? Повышать уровень и качество жизни населения, преимущественно периферии. В этом видится и залог повышения рождаемости (кто-то родит второго ребенка, а кто-то решится и на третьего и т. д.).

Но одно дело — сказать, а совсем другое — сделать. Так что последнее слово, как всегда, остается за политиками и управленцами.

Список литературы и источников

[1] *Кваша А. Я.* Ситуация демографическая // Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 445–446.

[2] Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 года и в среднем за 2020 год. URL: https://web.archive.org/web/20210319185917/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wJkrbrPg/Popul2021_Site.xls (дата обращения: 29.07.2021).

[3] Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MZmdFJyI/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01–01–2021.xlsx (дата обращения: 29.07.2021).

[4] *Задорин А. В.* Поселенческая структура Красноярского края в 1970–2010 гг.: проблемы совершенствования / А. В. Задорин, М. Д. Северьянов // Известия Алтайского гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2016. № 4. С. 71–75.

[5] Социально-экономическое положение Красноярского края в январе — ноябре 2020 года: доклад, № 1.37.2. Красноярск, 2020, декабрь. URL: https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/JCeJrrK3/1.37.2–11.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

[6] *Задорин А. В.* Демографическая политика в Красноярском крае в 2007–2009 гг.: а была ли она? // Актуальные проблемы российского регионализма: областническая идеология и культурология в истории и современной философской общественно-политической мысли: материалы Всерос. молодеж. науч. конф. Омск, 2012. С. 152–155.

[7] Число родившихся на 1000 населения за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31269 (дата обращения: 29.07.2021).

[8] *Задорин А. В.* Подъем рождаемости в Красноярском крае: причины и прогноз на будущее // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 458–463.

[9] Гражданство онлайн. URL: https://grazhdanstvo.online/zakon/naturalizatsiya-grazhdanstva/ (дата обращения: 29.07.2021).
[10] Суммарный коэффициент рождаемости. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517# (дата обращения: 29.07.2021).
[11] *Медков В. М.* Введение в демографию. М.: Акад. проект; Фонд «Мир», 2006. 432 с.
[12] *Задорин А. В.* Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 178 с.
[13] *Кваша А. Я.* Что такое демография? М.: Мысль, 1985. 126 с.
[14] Микроперепись населения 2015 года как отражение демографической ситуации современной России. URL: https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/Микроперепись+населения+2015+года+как+отражение+демографической+ситуации+современной+России.pdf (дата обращения: 29.07.2021).
[15] Итоги микропереписи населения 2015 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 29.07.2021).
[16] Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100 000 населения. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31270 (дата обращения: 29.07.2021).

Материалы региональной периодической печати о причинах роста преступности в городах Енисейской губернии в конце XIX — начале XX века

Т. А. Кискидосова,
кандидат исторических наук, ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», г. Абакан

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные причины роста преступности в городах Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. в освещении сибирской периодической печати. Криминогенная ситуация сложилась из-за усиленного притока пришлого населения. Росту преступности способствовали стремившиеся в города ссыльнопоселенцы и рабочие золотых приисков. Региональная пресса, информируя о причинах роста преступности в городах, стремилась привлечь внимание местных органов власти к решению данной проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Енисейская губерния, город, периодическая печать, преступность, ссыльные, полиция.

В последние годы интерес ученых вызывают проблемы девиантного поведения российского населения в дореволюционной период [8, 9, 10 и др.]. Данная тема недостаточно изучена в отечественной историографии. Современные исследователи все чаще используют периодическую печать в качестве исторического источника. Газетные материалы, выступая разновидностью периодики, отличаются оперативностью общественно значимой информации и комплексностью содержания [9, с. 166]. Многочисленные новостные заметки в местных газетах о криминальной жизни вызывали повышенный интерес читательской аудитории.

Сибирская периодика, освещая криминальную обстановку в регионе, часто обвиняла в бездействии и попустительстве полицию. Однако было бы несправедливым перекладывать всю ответственность за рост преступности на стражников порядка. Постепенно журналисты обратили внимание на то, что не только слабый полицейский надзор становился причиной роста краж, грабежей, убийств и других видов уголовных преступлений. Криминогенной ситуации в городах способствовали участившиеся побеги каторжников и рабочих с золотых приисков, а также средоточие ссыльных в городах [18, 23 нояб.]. Корреспондент «Восточного обозрения» отмечал, что «скоро прохода не будет по улицам от мазуриков и карманников» [1, 12 авг.].

В региональной прессе отмечалось, что с массовым притоком уголовных ссыльных в Восточную Сибирь происходил рост преступности. Современники заметили, что уголовные ссыльные способствовали «грубости нравов», они становились потенциальными ворами, грабителями и убийцами. Партии поселенцев из Европейской России в арестантских халатах и без денег направлялись в города и села, создавали криминогенную ситуацию. Типичный портрет уголовного ссыльного тех лет был следующим: из одежды он имел в лучшем случае арестантский халат, сорочку и порты, но в основном и этого не имел, полунагой, в лохмотьях и с хриплым от пьянства голосом, истощенный и нравственно испорченный человек, отторгнутый от семейной и общественной жизни. Считалось, что ссыльные были бездельниками, пьяницами и героями разнузданных страстей. Они прошли школу всевозможных мест заключения и этапов, являлись на места назначения с определенными взглядами на жизнь [4, 29 окт.]. Согласно

циркуляру генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова, на период с 1873 по 1875 г. запрещалось проживать в городах ссыльным из евреев. Данный закон не распространялся на ссыльных других национальностей. На протяжении двух с лишним лет ссыльные евреи не появлялись даже в окрестностях Красноярска. По истечении указанного срока вновь начался приток ссыльных евреев в город [12, 16 сент.].

Периодически полиция проводила массовые рейды, выискивая нарушителей правопорядка. В результате проверки, проводимой с 15 августа по 6 сентября 1875 г., в Енисейске и его окрестностях задержали 150 человек. Из них 35 заключили в тюрьму, 22 выслали этапным порядком в места причисления. Остальные 93 человека были освобождены по невиновности. Итогом деятельности полиции стали 43 возбужденных дела [17, 23 нояб.].

В 1878 г. в Енисейской губернии 35 % преступлений совершили ссыльнопоселенцы. Они являлись основными виновниками наиболее тяжких преступлений (63 убийства из 87) [18, 27 янв.]. Жители уездных городов Енисейской губернии стремились избавиться от наплыва ссыльных. Например, в 1884 г. Ачинская городская дума просила полицию применить закон, по которому запрещалось ссыльным евреям проживать в городах. В результате деятельности полиции данную категорию людей выселили из Ачинска. В губернском центре Красноярске сконцентрировалось значительное количество ссыльных. Обыденным явлением города в 1870-х — 1880-х гг. стали прогулки по улицам «жиганов» с гармониками и песнями [3, 26 июля].

В Енисейске с притоком ссыльных участились кражи, грабежи и убийства. Кровавые сцены могли происходить среди бела дня на людных улицах. Относительно спокойным становился весенне-летний период, когда «жиганы отправлялись на работу в тайгу». Как правило, осенью они бежали с золотых приисков и заполняли города [3, 6 окт.]. Большое скопление ссыльных в Енисейске способствовало тому, что горожане предлагали очистить городское пространство от лишних и сомнительных людей, лиц без определенных занятий. Обыватели крайне редко обращались с жалобой в полицию, при этом не за помощью, а с целью напомнить о неблагополучной ситуации в городе [13, 2 июня].

Корреспондент «Восточного обозрения» констатировал:

> Красноярск был настолько переполнен ссыльными, что обыватель потерял всякое терпение в борьбе с самими вопиющими случаями покушений на его личную и имущественную безопасность и уже не требовал, а умолял о помощи [3, 8 окт.].

Следователь по особо важным делам докладывал губернатору о криминальной обстановке, сложившейся из-за притока ссыльных в город, а также жаловался на бездействие городской полиции. В качестве доказательства следователь приложил к делу несколько билетов ссыльных с полицейской пометкой: «Разрешается проживание в Красноярске». Губернатор обратился к полиции разъяснить сложившуюся криминальную ситуацию в городе. На губернаторский запрос полицмейстер ответил, что заявление следователя не соответствует действительности и объясняется его «болезненным умственным состоянием». Далее полицмейстер отписывался, что о криминальной обстановке в городе ему ничего не известно [3, 26 июля].

Бездействие полицейских чинов вынудило местные власти пойти на решительные меры. 22 августа 1884 г. енисейский губернатор И. К. Педашенко распорядился изгнать из города всех подозрительных лиц. Данное распоряжение касалось прежде всего ссыльных. В полиции на смену старым кадрам пришли новые, на смену пришел другой полицмейстер. На нового полицмейстера Кульченкова возлагалось проведение очистки города от ненужных элементов. Он решительно занялся проверками и выдворением из города подозрительных элементов. За неделю арестовали 200 лиц

без определенных занятий, из них было много беглецов с каторги. Часть арестантов отправили в острог. Другую часть наказали за непредставление документов о своих заработках. Они получили по сто ударов розгами за праздношатание, а затем сданы для отправки этапным порядком в места причисления. Оттуда арестантов направляли в пересыльную тюрьму, где им сбривали волосы на одной половине головы. В проведенной операции не обошлось без перегибов со стороны полиции. Из города выслали минусинских и канских мещан, временно находившихся в губернском центре. Проверки коснулись и сельских жителей, мотивом для их задержания стала «бесписьменность», то есть отсутствие паспорта. Так, например, крестьянка Рыбинской волости С. Ф. Крилова и ее трое малолетних детей провели пять суток в полицейской каталажке. В городе задержанная проживала у своей матери, ее арестовали за «бесписьменность» (неимение письменного вида на жительства), а затем выслали из города. Усилиями полицейских удалось значительно очистить Красноярск от ссыльных. В то же время корреспондент «Восточного обозрения» указал на то, что не всех ссыльных выслали из города:

> Ссыльные евреи-поселенцы (Липман, Франфурт, Еленчук, Глянцшнигель, Вантруб и др.), занимавшиеся ростовщичеством и другими аферами, должны быть высланы [3, 8 окт.].

Учитывая, что ссыльным-евреям запрещалось проживать в городах, становилось непонятным бездействие полицейских в отношении некоторых лиц. По всей вероятности, полиция предпочитала закрывать глаза и не арестовывать обеспеченных поселенцев. В целом полицейское управление противоречиво относилось к ссыльным элементам. В отношении одних применялись репрессивные меры и их изгоняли, других — с выгодой для себя использовали, третьих — поощряли [12, 16 сент.].

Развитие золотопромышленности и большой денежный приток в Енисейск способствовали росту преступности в этом «золотом городе». Отличительной особенностью Енисейска от многих других сибирских городов было сосредоточение там пришлых рабочих и беглых каторжников. Каждую осень с окончанием приисковых работ этот город заполоняли рабочие. Они получали деньги в задаток от золотопромышленников на будущий сезон. Сумма задатка колебалась от 25 до 30 рублей и считалась хорошей приманкой для рабочих, однако они «проматывали полученные деньги за короткий срок». После утомительного труда на приисках рабочие, оказавшись в городе, находили себе отдых и расслаблялись. Они на время становились основным контингентом увеселительных заведений. Сама по себе городская жизнь давала много соблазнов, увлекала и развращала рабочий люд. До отправки на промыслы оставалось несколько месяцев, а «голодный желудок» толкал их к совершению краж, грабежей и даже убийств. Ежегодно золотопромышленники теряли рабочих, которые попали не на прииски, а в тюрьму [15, 9 марта].

Выход рабочих с приисков способствовал усилению преступности и в других приенисейских городах. В это время в Ачинске чаще происходили убийства, грабежи, кражи и конокрадства [14, 28 нояб.]. Полиция не могла противодействовать росту преступности в городах и признавала «собственное бессилие в борьбе с этим дурным элементом» [16, 11 февр.].

Временное пребывание рабочих в Енисейске позволяло получать хорошую прибыль владельцам ресторанов, кабаков и трактиров. Увеселительные заведения представляли особую опасность для рабочего, когда «он приходил туда пьяным или напивался там». Трактиры и кабаки являлись настоящими «притонами для разного темного люда». Известный в городе трактир «Ермошка» стал местом обитания для многих приисковых рабочих. Туда же устремлялись любители легкой наживы — карточные

шулера. В трактире рабочие могли оставить все заработанные на приисках деньги [6, 24 окт.]. Кроме трактира в Енисейске подобных злачных мест было несколько. Притоны при доме Дементьева и кабаки, помещенные в общественных домах на Набережной улице, привлекали «жиганов». К ним местное население относило людей нанятых, но не явившихся на золотые прииски. Обычно «жиганы» проводили свои дни у береговых харчевен и кабаков, они предпочитали промышлять мелкими кражами. С наступлением весны в любое время суток по городу разгуливали «жиганы» в одних рубахах и портах. Как правило, из-за собственной лени они были неспособны к труду. Часто эти попрошайки создавали угрозу местным жителям. Если в городе происходили кражи, убийства или грабежи, то полицейские с поисками направлялись первым делом в притоны [4, 2 июля].

Дома терпимости в Енисейске, содержавшиеся преимущественно представителями еврейской диаспоры, также являлись средоточием различных мошенников. По городским слухам, «там были устроены искусственные приспособления для вытаскивания и обирания денег». Но воры оставались безнаказанными, обыватели замечали, что «им бабушка ворожит» [2, 15 дек.]. В 1880-х гг. в Енисейске насчитывалось около семи домов терпимости и множество тайных притонов на частных квартирах. Перед окончанием таежных работ в этот город съезжались «жрицы любви» из соседних городов. Обычно притоны устраивались около кабаков или пивных, так как считалось, что «без прекрасного пола скучновато во хмелю» [7, 12 июня]. В одном квартале города находились два дома терпимости Затуранского и Варшавской. По сути дела они представляли настоящие притоны. Журналист «Енисейского листка» писал:

> В домах терпимости находят приют пришлые рабочие и ссыльный люд, там пьянство девушек, картежная игра и другие безнравственные поступки. Это настоящие вертепы разбойничества, убийства и грабежа [7, 30 янв.].

В Красноярске настоящими притонами, наводящими ужас на горожан, были питейные заведения на Песочной улице и Кучках. В 1887 г. Красноярская городская дума ограничила число питейных заведений в городе и запретила открывать питейные дома по почтовому тракту. Однако владельцы питейных заведений и кабаков, несмотря на ограничения и запреты, проявляли хитрость. Например, владелец кабака Иофель переименовал собственное питейное заведение, расположенное на тракте, в трактир, отличавшийся тем, что нельзя выносить на вынос спиртные напитки. Таким образом, притон жуликов остался на старом месте. Подобных переименованных притонов сохранилось в Красноярске множество [16, 6 марта].

Обычно криминальными районами в городах становились окраины, «переполненные смесью удальства и трусости», где «группировались вредные отбросы, хороня „концы“ в своих трущобных поселках». Складывалось впечатление, что в этих районах люди жили во власти инстинктов. Окраины формировались за счет пришлого населения, представленного мигрантами-маргиналами. В неблагополучном пригороде сконцентрировались основные дестабилизирующие факторы городской жизни [9, с. 166]. В начале XX в. в Красноярске криминальностью отличался район Афонтовой горы. Обыватель отмечал, что «там жили и честные люди, которые составляли меньшинство, но они боялись указать полиции на вредных соседей». Горожане не осведомляли стражников порядка, предпочитая не рисковать собственной жизнью. Донести полицейским на преступника в этих трущобах означало «попасться на нож или „форму“» [5, 5 марта].

Жившие за счет подаяний нищие также являлись источником беспокойной жизни горожан. Корреспондент «Сибирской газеты» заметил:

> Кражи начинают увеличиваться, число праздно шатавшихся нищих с каждым днем растет. Мер не принимается никаких [11, 1 марта].

Беспризорные дети, находясь на улице, попадали в среду разврата и преступности и пополняли ряды малолетних преступников. Подростки-жулики доставляли массу хлопот полиции [6, 11 апр.]. В Енисейске объездные караульные отказывались заниматься вылавливанием бродяг, видя в этом полную бесполезность. На следующий день всех задержанных бродяг выпускали из полицейского участка [18, 13 янв.].

Таким образом, в условиях модернизации конца XIX — начала XX в. и стремительного увеличения численности городского населения происходил рост преступности в городах Енисейской губернии. Журналисты, информируя читателей о криминальных происшествиях в регионе, приводили массу примеров о возмутителях спокойной жизни. Они связывали рост преступности прежде всего с притоком уголовных ссыльных и рабочих с золотых приисков. Проживание ссыльных в сибирских городах стало жгучим и больным вопросом, который обсуждался на страницах сибирской прессы, стремившейся достучаться до представителей местной власти. Некоторые публицисты опирались на статистические данные и факты, что придавало статьям исследовательский характер.

Список литературы

[1] Восточное обозрение. 1882.
[2] Восточное обозрение. 1883.
[3] Восточное обозрение. 1884.
[4] Восточное обозрение. 1887.
[5] Енисей. 1900.
[6] Енисейский листок. 1893.
[7] Енисейский листок. 1894.
[8] *Жеравина А. Н.* Томск второй половины XIX — начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 402 с.
[9] *Максимова И. В.* «Мы, балканские, отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов. Волгоград: ООО «Бланк», 2018. С. 166–174.
[10] *Микитюк В. П., Яхно О. Н.* Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 447 с.
[11] Сибирская газета. 1881.
[12] Сибирская газета. 1884.
[13] Сибирская газета. 1885.
[14] Сибирский вестник. 1885.
[15] Сибирский вестник. 1886.
[16] Сибирский вестник. 1887.
[17] Сибирь. 1875.
[18] Сибирь. 1880.

Сибирская нефть в послевоенных планах СССР

М. В. Комгорт,
доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

АННОТАЦИЯ Статья анализирует ситуацию, связанную с необходимостью расширения ресурсной базы нефтяной промышленности СССР в послевоенный период в связи с реализацией партийных директив по перестройке топливно-энергетического баланса страны, корректировкой нефтяного экспорта и задачами по созданию материально-технической базы коммунизма. Показана неопределенность с выбором доминирующих нефтегазоносных провинций, способных обеспечить решение этих задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА сибирская нефть, нефтепоисковые работы, топливно-энергетический баланс, нефтегазоносные провинции, нефтяная промышленность.

На завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы руководство страны предприняло ряд мер, направленных на расширение ресурсной базы нефтяной промышленности за счет более активного поиска и освоения новых нефтеносных районов. Программа восстановления народного хозяйства наряду с достижением непосредственной цели предусматривала и постановку перспективных задач по развитию базовых отраслей экономики. В феврале 1946 г. И. В. Сталин определил их следующим образом:

> ...нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, *три новых пятилетки*, если не больше [16, с. 7].

По расчетам, произведенным М. В. Славкиной, для достижения через 15 лет (т. е. к 1960 г.) намеченного уровня добычи нефти необходимо было наращивать ее объем ежегодно на 3 млн тонн. Заметим, что в 1928–1940 гг. в стране добывалось не более 1,6 млн тонн в год.

> В условиях послевоенной ситуации для нефтяной отрасли подобные установки означали чрезвычайный мобилизационный сценарий развития, в котором заведомо закладывались крайне напряженные контрольные цифры и ограниченность материальных и трудовых ресурсов. Тогдашний нарком нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков позже вспоминал, что был без преувеличения в ужасе от услышанной цифры [15, с. 389].

Конкретные задачи по созданию сырьевой базы нефтяной промышленности за Уралом были обозначены уже в конце войны. В феврале 1944 г. был издан приказ Народного комиссариата нефтяной промышленности и Комитета по делам геологии при СНК СССР, который обязал научные и производственные геологические организации закончить работы по обобщению геологических материалов по нефтегазоносности Западной Сибири к 1 июня 1944 г.

В числе основных задач, поставленных перед Министерством геологии СССР, значилось

> обеспечение народного хозяйства разведанными в недрах запасами минерального сырья путем ведения геолого-съемочных, поисковых и разведочных работ на всей территории СССР [14, л. 1].

Для их осуществления в его составе был создан ряд геологических управлений, в том числе Главное управление по разведке нефти и газа, которому, наряду с решением других задач, было поручено усилить нефтегазопоисковые работы на территории Сибири.

В конце 1940-х гг. за подписью И. В. Сталина был принят ряд правительственных постановлений, конкретизировавших задачи вновь созданного министерства. Следует заметить, что назначение его в 1946 г. на пост председателя правительства, несомненно, повысило статус принимаемых этим органом постановлений. «Авторитет „главы Советского государства“, как именовали в 1940-х — начале 1950-х гг. И. В. Сталина, — пишет Р. Г. Пихоя, — распространялся на Совет Министров СССР и его аппарат, на органы исполнительной власти. В конце 1930-х гг., во время войны и в послевоенный период, едва ли не до 1956 г., важнейшие решения принимались не на заседаниях Политбюро, а в так называемом „опросном порядке“, т. е. оформлялись задним числом. В то время едва ли не важнее были решения Совмина СССР — органа, где власть концентрировалась в значительно большей степени, чем в собственно партийном руководстве» [12, с. 11, 392].

По свидетельству современников, развитию нефтяной промышленности Сталин уделял большое внимание. «Так как Сталин тщательно изучал вопросы, связанные с нефтяной промышленностью, я не видел после него никого, — признавался в одном из интервью Н. К. Байбаков. — Он задавал такие вопросы, тонкие, щепетильные, как профессионал, спрашивал членов Политбюро, участников совещания, после принимал решение. Эти решения были законом для нас» [11, с. 412].

Об «особом положении» отрасли свидетельствовал и факт ее курирования Л. П. Берией (в ранге заместителя председателя Совета Министров СССР). В 1946 г. при распределении обязанностей между председателем правительства и его заместителями ему было поручено контролировать работу 12 министерств, комитетов и главных управлений, в том числе министерств нефтяной промышленности западных, южных и восточных районов СССР [13, с. 30–31].

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о высочайшей степени информированности Берии по вопросам нефтяной промышленности, глубокой вовлеченности в работу «нефтянки» и непосредственном участии в решении многих проблем [15, с. 60]. То, что с участием «куратора» проходили все согласования и утверждение руководящих кадров и без него не мог быть решен ни один важный для нефтяной промышленности вопрос, подтверждают и современники. «Ведал нами десять лет, непосредственно руководил в Совмине, находясь на посту первого зама, Л. П. Берия, — говорил Н. К. Байбаков. — Но он к нам относился очень осторожно, прислушивался, что мы говорим, что нужно делать. Оказывал содействие. Конечно, он зверь был настоящий, карьерист абсолютный, ясно. Но в то же время, я скажу, он был деловым человеком» [11, с. 413]. Судя по документам, после ареста Берии в 1953 г. руководством рассматривался вариант назначения его министром нефтяной промышленности [10, с. 51].

В январе 1947 г. по предложению Министерства геологии Совет Министров СССР принял постановление «О бурении опорных скважин для определения направления разведочных работ на нефть и газ в районах, не изученных бурением». Министерству нефтяной промышленности восточных районов, созданному в 1946 г. после разделения Министерства нефтяной промышленности по региональному принципу, предпи-

сывалось наряду с продолжением бурения четырех скважин в азиатской части СССР заложить в 1949–1950 гг. семь скважин на территории Западной и Восточной Сибири, Якутской АССР, о. Сахалин и п-ове Камчатка.

Новое министерство испытывало вполне понятные трудности организационного периода. С намерением помочь в их преодолении в октябре 1947 г. правительство приняло специальное постановление «О важнейших задачах геологоразведочных работ, о структуре и о неотложных мерах помощи Министерству геологии». В документе, в частности, отмечалось, что поисково-разведочные работы в новых районах ведутся в недостаточных размерах. Постановлением были определены первоочередные задачи Министерства на 1948–1950-е гг., в числе которых значились поиски месторождений нефти и природного газа на востоке СССР, в первую очередь в Кузнецко-Минусинском районе, в районах Тувы, Западно-Сибирской низменности и по окраинам Сибирской платформы.

Постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по усилению геологопоисковых и разведочных работ на нефть и газ в районах Сибири», принятое в сентябре 1950 г., вынуждено было констатировать, что Министерство геологии не справилось с поставленными перед ним задачами. За послевоенный период, отмечалось в документе, ни одна из пятнадцати введенных в разведку площадей не была полностью разведана, не были подготовлены геологические материалы для их промышленной оценки [2, л. 136–144].

Проблема расширения ресурсной базы добычи жидких углеводородов приобрела особую актуальность в условиях кардинальной перестройки структуры топливно-энергетического баланса страны, определенной во второй половине 1950-х гг. в качестве важнейшей государственной задачи решениями XX и XXI съездов партии. Планирующие органы прогнозировали увеличить добычу нефти и газа в семилетке (1959–1965) с 31,8 % до 51 % с намерением к 1965 г. довести их уровень, в пересчете на условное топливо, до 49,5 % [8, с. 473]. При этом удельный вес угля и низкокалорийных видов топлива (торф, дрова, сланцы) предполагалось снизить соответственно до 42 % и 5 %. Заметим, что в 1955 г. каменноугольным топливом удовлетворялось более 75 % общей потребности страны в топливе [17, с. 40].

Трансформации топливно-энергетического баланса требовали и изменения в экспортной политике государства. До середины 1950-х гг. в нефтяном экспорте СССР преобладал вывоз нефтепродуктов, превышавший экспорт сырой нефти почти в три раза. После XX съезда КПСС, в связи с определением новых «политико-идеологических ориентиров», положение изменилось: поддержка стран социалистического выбора требовала в том числе увеличения поставок жидких углеводородов. Причем, как отмечает А. А. Иголкин, «в ущерб собственным интересам» [5, с. 89].

На какие нефтяные регионы необходимо было сделать ставку? В этом вопросе не было достаточной определенности. В нефтегазовой стратегии в послевоенный период руководство страны сохраняло установку на ввод в промышленное освоение новых нефтяных районов только по мере падения добычи в старых. По этой причине основной расчет был сделан на Волго-Уральскую провинцию. Ставка на «второе Баку» была вполне объяснима: к этому времени в ее недрах находилось более 80 % промышленных запасов нефти, имелось 150 месторождений и 250 площадей, перспективных на нефть. В 1950-х гг. регион увеличил добычу нефти в 9,4 раза и продолжал давать основной прирост добычи нефти, обеспечивая около 70 % от общесоюзного уровня [9, с. 80].

В конце 1950-х гг. Министерство геологии СССР «исключительно перспективными» считало и среднеазиатские республики. При этом у руководства министерства не было сомнений, что именно здесь

> в самом недалеком будущем геологами будет подготовлена *третья* (!) крупнейшая нефтегазоносная область СССР [10, с. 55].

Кроме Средней Азии специалисты Главного управления газовой промышленности и Министерства геологии планировали получить основной прирост промышленных запасов газа в первой половине 1960-х гг. в районах Поволжья, Северного Кавказа, Украины и Азербайджана. Не исключалось, что «*третьим, Северным Баку*» станет Тимано-Печорская провинция [7, с. 134].

Проведенный нами анализ директивных документов партийных съездов 1950-х — 1960-х гг. показал, что и у руководства страны не было должной определенности при выборе доминирующей нефтегазоносной провинции. Так, решения XX съезда КПСС (1956) при перестройке топливно-энергетического баланса ориентировали на «всемерное развитие нефтяной промышленности Поволжья и Урала». При этом предлагалось не ослаблять внимания «к старым нефтяным базам — Баку и Грозного, дающим лучшие сорта нефти». В газовой промышленности ставка была сделана *на ввод в промышленную разработку* Ставропольского, Шебелинского, Степного месторождений и *подготовку к эксплуатации* Березовского газового месторождения. Также было намечено приступить к строительству газопровода Березово — Свердловск [3, с. 15, 17, 442].

Решения XXI съезда партии (1959) фактически дезавуировали намерения в отношении освоения Березовского района, поскольку для обеспечения потребностей Урала в топливе предусматривали строительство газопроводов из Узбекской ССР (нового центра газовой промышленности), Коми и районов Поволжья [8, с. 19, 17, 183–184]. На XXII съезде КПСС (1961) Средняя Азия вновь позиционировалась как

> важный район размещения энергетических производств на базе использования огромных ресурсов газа и гидроэнергии [4, с. 177, 267].

Кроме обеспечения непосредственных потребностей экономики в более эффективных энергоносителях, на разработку и реализацию промышленной политики государства в 1960-х гг. оказывали влияние и «политические императивы». Энергетическая компонента советской экономики приобретала особое значение в связи с необходимостью осуществления масштабной программы создания материально-технической базы коммунизма, намеченной XXII съездом КПСС (1961) на ближайшие 20 лет. К моменту завершения ее строительства, то есть к 1980 г., добычу нефти и газа планировалось увеличить соответственно почти в 5 и 15 раз [4, с. 170]. Впоследствии при оценке такого долгосрочного планирования специалисты признали, что на заметном снижении его качества сказалось в том числе и усиление идеологической составляющей в намеченных планах [6, с. 205].

Таким образом, в 1940-х — 1950-х гг. руководство страны, понимая необходимость интенсификации развития нефтяной и газовой промышленности для решения стратегических задач советской экономики и реализации «политико-идеологических» императивов, не могло определиться с выбором доминирующей нефтегазоносной провинции, способной «снять» ресурсные ограничения с этих отраслей.

Список литературы и источников

[1] Газовые ресурсы СССР / под ред. В. Г. Васильева. М., 1959. С. 123.
[2] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 434. Л. 136–144.
[3] XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. II. М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1956. С. 15, 17, 442.
[4] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I. М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1962. С. 177, 267.

[5] *Иголкин А. А.* Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // Экономический вестник Ростовского госуниверситета. 2008. Т. 6. №1. С. 89.
[6] *Иголкин А. А.* О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. // Труды Института российской истории. 2012. Вып. 10. С. 205.
[7] *Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю.* Курс отечественной нефтяной и газовой промышленности: учеб. пособие. Тюмень, 2011. С. 134.
[8] Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1959. С. 19, 183–184.
[9] *Комгорт М. В.* Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и перспективы промышленного освоения ресурсного потенциала региона в 1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. №331. С. 80.
[10] *Комгорт М. В.* Создание «сибирской нефтяной базы» в промышленной политике государства (1940–1960-е годы) // Вестник Челябинского университета. 2014. №8 (337). С. 55.
[11] *Омельчук А. К.* Частное открытие Сибири: каждый сам открывает свою родину. Тюмень, 2007. С. 413.
[12] *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007. С. 11, 392.
[13] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР. 1945–1953 / сост.: О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева. М., 2002. С. 30–31.
[14] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[15] *Славкина М. В.* Отечественная нефтяная промышленность: мобилизационная модель развития // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. С. 389.
[16] *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1947. С. 7.
[17] Энергетические ресурсы СССР. Топливно-энергетические ресурсы / под ред. Н. В. Мельникова. М., 1968. С. 40.

Лютеранское население Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века: социально-демографический аспект

И. В. Копылов,
кандидат исторических наук, старший преподаватель СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск

Д. Ю. Хоменко,
преподаватель, Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье анализируются численность и половозрастной состав лютеранского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Выявлено, что для конца XIX в. было характерно существенное преобладание мужчин во всех репродуктивных возрастах. В начале XX в. соотношение мужчин и женщин лютеранского вероисповедания выравнивалось, что стало возможно лишь из-за изменения характера механического прироста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА лютеране, Енисейская губерния, половозрастная структура, механический прирост, уголовная ссылка, массовые аграрные переселения.

Глобализация актуализировала вопросы, связанные не только с поддержанием численности исчезающих или немногочисленных народностей, но и сохранением их культуры. По всему миру под угрозой полного забвения находятся уникальные культуры, носители которых физически исчезают, либо вымирая, либо растворяясь в более крупных этносах. При этом проблема сохранения национальной идентичности нередко сплетается с проблемой поддержания численности с потенциальным переходом от суженного воспроизводства к расширенному. Важно отметить, что в современном мире эти проблемы актуальны не только для коренных малочисленных народов, но и для диаспор, оторванных от своей исторической родины и проживающих в иноэтничном окружении, особенно на фоне так называемых миграционных кризисов.

История Российский империи предоставляет современным исследователям возможность обобщить уникальный опыт существования относительно замкнутых социально-демографических общностей в рамках многонационального, имперского государства, а также изучить способы сохранения национальной идентичности. При этом отдельный интерес представляют демографические характеристики определенной социально-демографической общности (в первую очередь численность и половозрастной состав). Особый интерес в этом плане представляют собой диаспоры, представители которых проживали в Сибири и были отрезаны от основной части своего народа. Подходящим объектом для изучения представляется лютеранское население Енисейской губернии, поскольку большинство лютеран во второй половине XIX — начале XX в. проживали в моноконфессиональных поселках. Выбор в качестве объекта исследования именно конфессиональной, а не национальной общности связан в том числе с тем, что в XIX — начале XX в. религия оставалась важной составляющей этнической идентичности. Кроме того, дореволюционная статистика гораздо чаще оперировала вероисповедальным критерием, чем этническим.

Современники оставили описания заселения лютеранских колоний Енисейской губернии в середине XIX в. [3] и положения колоний в конце XIX в. [17]. В советский

период данная тема практически не попадала во внимание историков. В постсоветской историографии можно выделить работы, посвященные религиозной жизни лютеран Енисейской губернии [6], этносоциальным процессам в среде лютеранского населения [1], диаспорам отдельных народов, исповедовавших лютеранство [16]. Однако при этом социально-демографическая характеристика лютеранского населения не становилась предметом специального изучения.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в анализе численности и половозрастного состава лютеранского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

В качестве основных источников используются опубликованные данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., Памятные книжки Енисейской губернии, отчеты енисейских губернаторов, отложившиеся в центральных и местных архивах.

На протяжении изучаемого периода лютеранское население формировалось за счет естественного и механического прироста, причем второй играл определяющую роль. Можно выделить две волны миграции лютеран: первая, во второй половине XIX в., связанная со штрафной колонизацией, и вторая, связанная с добровольными массовыми аграрными переселениями в начале XX в.

Данные статистического учета лютеранского населения показывают, что во второй половине XIX в. большинство лютеран проживали в Минусинском округе: в 1863 г. — 72 % (подсчитано по: [2, с. 188]), в 1888 г. — 87 % (подсчитано по: [9]), в 1901 г. — 69 % (подсчитано по: [10, с. 87]). Это объясняется тем, что в 1850-х гг. на юге Енисейской губернии были основаны колонии-поселения для водворения уголовных ссыльных лютеранского вероисповедания.

Появление колоний было следствием указа Николая I от 1845 г., который требовал

> важных преступников евангелического исповедания, ссылаемых в Сибирь на поселение, отправлять в Енисейскую губернию, где образовать для всех их в Минусинском округе одну или две колонии [13, с. 55–56].

В 1850–1851 гг. первые пять финских семей из западносибирской лютеранской колонии Рыжково основали д. Верхний Суэтук. В 1858–1859 гг. латыши основали отдельную колонию — Нижнюю Буланку. Позднее в этом населенном пункте вместе с латышами стали водворяться немцы. А в 1861 г. несколько эстонских семейств из Верхнего Суэтука основали новое поселение — Верхнюю Буланку [3, с. 60–66]. Представители всех четырех указанных народов исповедовали лютеранство.

Статистические сведения о соотношении мужчин и женщин лютеранского вероисповедания за вторую половину XIX в. демонстрируют, что диаспора формировалась искусственным путем, в ходе уголовной ссылки: на долю женщин в 1850 г. приходилось всего 36,6 % лютеранского населения (*табл.* 1). Такое соотношение полов демонстрирует, что ссыльнопоселенцы (абсолютное большинство из которых были мужчинами) в большинстве отправлялись в ссылку без семей. За десятилетие этот разрыв только углубился: в 1859 г. на долю женщин приходилось уже 24,4 %. Как видно из *таблицы* 1, доля женщин в половой структуре лютеран сохранялась в указанных пределах до конца XIX в. Стоит отметить, что такое соотношение полов не в состоянии было обеспечить даже простое воспроизводство населения, что в очередной раз показывает преобладание механического прироста над естественным.

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. позволяют выявить и проанализировать половозрастную структуру лютеранского населения (*табл.* 2). Эти сведения представляют особый интерес, поскольку подводят итог социально-демографическому развитию лютеран первой миграции за вторую половину XIX в.

Таблица 1
Динамика численности лютеранского населения в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в., чел.*

Год	Оба пола	Мужчины	Женщины	Соотношение полов,%	
				мужчин	женщин
1850	186	118	68	63,4	36,6
1859	628	475	153	75,6	24,4
1863	1357	969	296	71,4	28,6
1868	1856	1285	571	69,2	30,8
1888	4243	3209	1034	75,6	24,4
1897	3871	2449	1422	63,3	36,7
1901	6454	3482	2889	54,0	46,0
1905	8814	4698	4011	53,3	46,7
На 1 января 1917	12342	6197	6145	50,2	49,8

* Составлено и подсчитано по: [14, л. 183; 4, л. 181; 2, с. 188; 15, л. 91, 102; 9; 12, с. 51; 10, с. 87; 11, с. 9; 5, л. 7].

Таблица 2
Соотношение полов лютеранского населения Енисейской губернии по материалам переписи населения 1897 г.,%*

	До 1 года	1–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50 и старше
Мужчины	56,1	53,8	49,8	68,2	68,9	67,9	72,0
Женщины	43,9	46,3	50,2	31,8	31,1	32,1	28,0

* Составлено по: [12, с. 180–181].

Мужчины преобладали во всех возрастах (кроме 10–19 лет). Наблюдался серьезнейший дефицит невест для молодых мужчин, что в условиях замкнутой конфессиональной общности могло повлечь за собой либо ассимиляцию с иноконфессиональным окружением, либо вынужденное безбрачие. Тем не менее половозрастная пирамида свидетельствовала о постепенном выравнивании диспропорции полов «снизу»: в соответствии с биологически обусловленной закономерностью мальчиков рождалось больше, чем девочек, но к половому созреванию соотношение выравнивалось (что мы и видим в возрасте с 10 до 19 лет, где на 49,8 % мужчин приходилось 50,2 % женщин). В старших возрастах по-прежнему преобладали мужчины, так как сохранялась система уголовной ссылки. Такая конфигурация создавала предпосылки для выравнивания полов в будущем, после отмены уголовной ссылки.

Условно диаспору лютеран можно было назвать старой, так как доля лиц старше 60 лет составляла 13,2 % (здесь и далее рассчитано по *табл.* 2), что согласно шкале Ж. Божё-Гарнье и Э. Россета соответствует начальному уровню демографической старости. В реальности это обусловлено исключительно тем, что лютеране, как было сказано ранее, пополнялись преимущественно за счет ссылки, из которой люди уже не возвращались. Причем мужчины были гораздо «старше» женщин: среди них доля лиц старше 60 лет составляла 15,9 % (у женщин — 8,7 %).

Наивысшие темпы прироста (учитывая абсолютные значения) лютеранского населения пришлись на конец XIX — начало XX в.: с 1897 по 1901 г. его численность воз-

росла на 66,7 %, а с 1901 по 1905 г. — на 36,5 % (здесь и далее рассчитано по *табл.* 1). Это было связано с тем, что на рубеже XIX–XX вв. началась вторая волна миграции лютеран в Енисейскую губернию, связанная с их участием в массовых аграрных переселениях.

Наиболее активно из числа лютеран в аграрных переселениях в Сибирь в начале XX в. участвовало население Прибалтики. Согласно официальным данным, с 1896 по 1914 г. в Сибири водворились 23 134 переселенца обоего пола из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний (подсчитано по: [7, с. 38–41]). Между тем Н. А. Баранцева приводит сведения о 32 тысячах латышей (вместе с субэтносом латгальцев, традиционно исповедавших католичество), водворившихся в одну только Енисейскую губернию. Прибывая в Сибирь, латыши и эстонцы предпочитали основывать моноэтнические поселки либо создавали совместные [1, с. 78–79].

При этом население лютеранских колоний-поселений юга Енисейской губернии не пополнялось новыми, добровольными, переселенцами — в них продолжали жить ссыльные и их потомки. Изменилась и структура расселения лютеран по территории Енисейской губернии: в 1905 г. в Минусинском уезде проживало уже 58 % лютеран губернии (подсчитано по: [11, с. 9]), а к 1917 г. — только 33 % (подсчитано по: [5, л. 7]).

К началу XX в. наблюдалось выравнивание половой структуры: к 1 января 1917 г. на 1000 мужчин приходилось 1008 женщин, что предельно близко к оптимальному соотношению. Это объясняется тем, что большинство аграрных переселенцев прибывали в Сибирь в составе семей. Так, из числа переселенцев Лифляндской губернии за период с 1896 по 1914 г. 15 200 человек прибыли в Сибирь в составе семей, и только 510 — одиноких [7, с. 38]. Дополнительное влияние на выравнивание половой структуры оказала отмена уголовной ссылки в Сибирь по закону от 12 июня 1900 г. [8, с. 24].

Таким образом, можно констатировать, что для лютеранского населения Енисейской губернии второй половины XIX — начала XX в. механический прирост был определяющим. Первая волна миграции была связана со штрафной колонизацией, вторая — с участием лютеран в массовых аграрных переселениях. При этом выявлено, что штрафная колонизация неблагоприятно сказывалась на половозрастном составе лютеран, в то время как вторая волна миграции благотворно повлияла на их численность и половозрастную структуру.

Список литературы и источников

[1] *Баранцева* Н. А. Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецкого народов Енисейской губернии как отражение государственной политики к кон. XIX — перв. тр. XX вв. // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, 2010. С. 78–84.

[2] Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. С. XII, 344.

[3] *Гаупт* В. Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. С. 58–78.

[4] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Ед. хр. 96. К. 1736. Л. 181.

[5] ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 1.

[6] *Дворецкая* А. П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск: СФУ, 2015. 188 с.

[7] Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / сост.: Н. Турчанинов, А. Домрачев. Пг.: Переселенческое управление, 1916. 81 с.

[8] *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Лантерна-Вита, 1995. 207 с.
[9] Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. / под ред. Г. А. Хотунцева. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1889. 395 с.
[10] Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1903. С. VII, 74, 136.
[11] Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год / под ред. Н. В. Доброхотова. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1907. С. XII, 106, 80, 77, 51.
[12] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 73. Енисейская губерния / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. 185 с.
[13] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1846. Т. XX–II.
[14] РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 87.
[15] РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 86.
[16] *Чернышёва В. Г.* Немецкое население Минусинского округа в XIX — начале XX веков. Немцы в Сибири: история, язык, культура: Тезисы Междунар. науч. конф. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. / отв. ред. В. А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. С. 104–108.
[17] *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. С. IX, 122, 212, VII.

Снабжение населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Красноярского края)

С. В. Кухта,
ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск

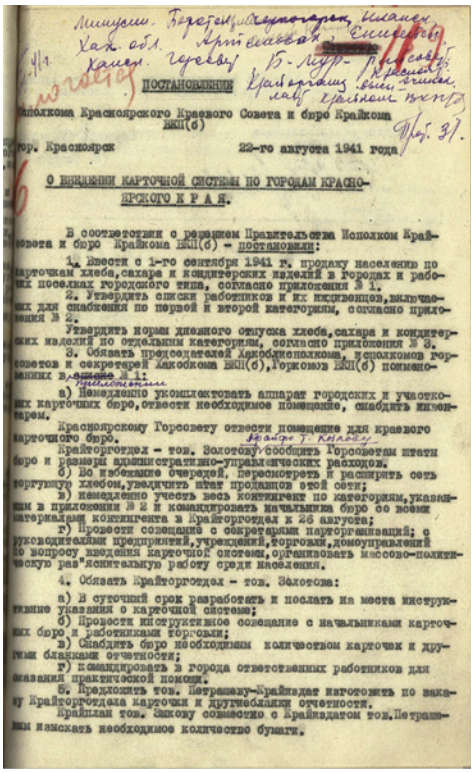
АННОТАЦИЯ В статье на основании архивных документов раскрываются особенности нормированного снабжения, функционирования карточной системы, трудности повседневной жизни в условиях дефицита товаров первой необходимости в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА повседневность, тыл, снабжение, питание, товары первой необходимости, воспоминания, Великая Отечественная война.

Начавшаяся 80 лет назад Великая Отечественная война круто изменила повседневную жизнь населения Красноярского края, потребовала мобилизации всех физических и духовных сил советского народа. Разноплановые документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, рассказывают о выносливости и повседневном героизме рядовых красноярцев, в том числе позволяют всесторонне проанализировать трудности их снабжения товарами первой необходимости и структуру питания. В этом контексте наиболее содержательны материалы фондов «Красноярский краевой комитет КПСС», «Красноярский городской комитет КПСС», «Исполком Красноярского краевого Совета», «Бюро продовольственных и промтоварных карточек торговых отделов исполкомов», «Красноярский краевой торг». Большое количество заслуживающих внимания аналитических материалов отложилось в не слишком востребованном у исследователей фонде «Уполномоченный Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Красноярскому краю». Особенный интерес, несомненно, представляют многочисленные воспоминания тружеников тыла, собранные в «Коллекции документов, посвященных 55-летию празднования Победы над Германией», и в фонодокументах — радиопередачах цикла «Шла война народная», подготовленных Красноярским краевым радиокомитетом.

По воспоминаниям современников, с началом войны в Красноярском крае сразу же возникли трудности как с продовольствием, так и с промтоварами. Оторванность от регионов страны с развитым сельским хозяйством, пищевой и легкой промышленностью, оккупированных врагом, рост населения края в результате эвакуации не могли не привести к дефициту товаров первой необходимости. Сложность заключалась не только в прекращении поставок этих товаров с запада СССР, но и в том, что значительная часть продукции местного производства направлялась на снабжение действующей армии.

Как известно, единственно возможным выходом из сложившейся чрезвычайной ситуации оказалось введение уже знакомой населению карточной системы, которая в первую очередь регламентировала продажу гражданам хлеба, сахара и кондитерских изделий. Уже 22 августа 1941 г. было издано постановление крайисполкома о введении с 1 сентября карточной системы по городам Красноярского края. Объем выдаваемых горожанам продуктов определялся в зависимости от принадлежности к той или иной группе снабжения: рабочим и инженерно-техническим работникам



ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Исполкома Красноярского Краевого Совета и бюро Крайкома ВКП(б)

гор. Красноярск 22-го августа 1941 года

О ВВЕДЕНИИ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ ПО ГОРОДАМ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.

В соответствии с решением Правительства Исполком Крайсовета и бюро Крайкома ВКП(б) – постановили:

1. Ввести с 1-го сентября 1941 г. продажу населению по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий в городах и рабочих поселках городского типа, согласно приложения № 1.

2. Утвердить списки работников и их иждивенцев, включаемых для снабжения по первой и второй категориям, согласно приложения № 2.

Утвердить нормы дневного отпуска хлеба, сахара и кондитерских изделий по отдельным категориям, согласно приложения № 3.

3. Обязать председателей Хакоблисполкома, исполкомов горсоветов и секретарей Хакобкома ВКП(б), Горкомов ВКП(б) поименованных в ~~списке~~ приложении № 1:

а) Немедленно укомплектовать аппарат городских и участковых карточных бюро, отвести необходимое помещение, снабдить инвентарем.

Красноярскому Горсовету отвести помещение для краевого карточного бюро.

Крайторготдел – тов. Золотову сообщить Горсоветам штаты бюро и размеры административно-управленческих расходов.

б) Во избежание очередей, пересмотреть и расширить сеть торгующую хлебом, увеличить штат продавцов этой сети;

в) немедленно учесть весь контингент по категориям, указанным в приложении № 2 и командировать начальника бюро со всеми материалами контингента в Крайторготдел к 26 августа;

г) Провести совещание с секретарями парторганизаций; с руководителями предприятий, учреждений, торговли, домоуправлений по вопросу введения карточной системы, организовать массово-политическую раз"яснительную работу среди населения.

4. Обязать Крайторготдел – тов. Золотова:

а) В суточный срок разработать и послать на места инструктивные указания о карточной системе;

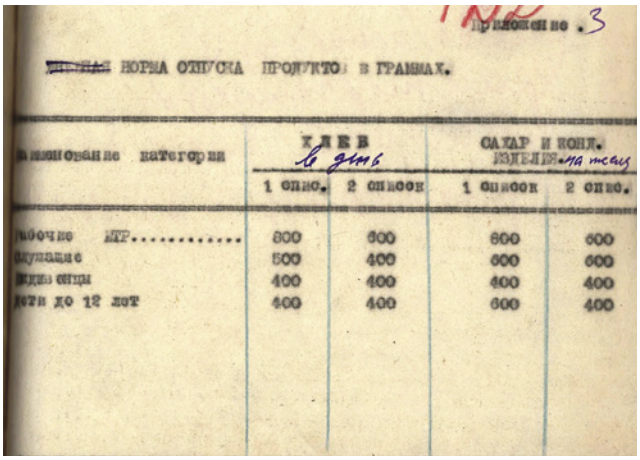
б) Провести инструктивное совещание с начальниками карточных бюро и работниками торговли;

в) Снабдить бюро необходимым количеством карточек и другими бланками отчетности;

г) командировать в города ответственных работников для оказания практической помощи.

5. Предложить тов. Петрашеву-Крайиздат изготовить по заказу Крайторготдела карточки и другие бланки отчетности.

Крайплан тов. Зыкову совместно с Крайиздатом тов. Петрашевым изыскать необходимое количество бумаги.



Приложение 3

~~ДНЕВНАЯ~~ НОРМА ОТПУСКА ПРОДУКТОВ В ГРАММАХ.

Наименование категории	ХЛЕБ в день		САХАР И КОНД. ИЗДЕЛИЯ на месяц	
	1 спис.	2 список	1 список	2 спис.
Рабочие МТР.....	800	600	800	600
Служащие	500	400	600	600
Иждивенцы	400	400	400	400
Дети до 12 лет	400	400	600	400

Норма отпуска продуктов в граммах по категориям, 22 августа 1941 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 797. Л. 122.

Постановление крайисполкома о введении карточной системы по городам Красноярского края, 22 августа 1941 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 797. Л. 119.

полагалось 600–800 г в день, служащим — 400–500 г, иждивенцам и детям до 12 лет — 400 г, а сахара и кондитерских изделий в месяц — 400–600 г [15, л. 119, 122]. Колхозники не были охвачены нормированным снабжением, основным источником продуктов для них был только личный огород и зерно, полученное за трудодни.

Были созданы краевое и городские карточные бюро, в каждом районе города действовали участковые карточные бюро, контролировавшие выдачу карточек как работникам различных предприятий и заводов, так и «неорганизованному» населению. С 30 февраля 1942 г. была установлена обязательная ежемесячная перерегистрация продуктовых карточек, однако регулярно выявлялись случаи их подлога. Выдача карточек производилась через предприятия и учебные заведения, неработающим гражданам — через домоуправления. Утерянные карточки не восстанавливались [13, л. 108].

> <...> Однажды у меня украли мою 800-граммовую и мамину хлебные карточки. Я пришла в ужас, на весь месяц остаться без хлеба. Подошла к <мастеру> Карлу Карловичу Фрейману, плачу, а он дает мне свои талоны, говорит: «Возьми талончики, иди, покушай». Сходила я в столовую, прихожу на свое рабочее место, смотрю, а у меня на столе лежат кусочки хлеба, каждый, кто работал на линейках, отрезал от своей порции, а ведь у них тоже были сестренки, братья... А на следующий день, ничего не говоря, купили мне 800-граммовую карточку <...>, —

вспоминала В. Криволуцкая, работница Красноярского радиозавода [9, л. 11–12].

С 24 октября 1942 г. нарушителям трудовой дисциплины было приказано снижать норму на 200 г — для получателей 800 г в день и на 100 г — для рабочих, получающих по 600 г [21, л. 106]. Не занятое на производстве население отоваривало хлебные карточки в специальных магазинах. В Кировском районе Красноярска был всего один такой магазин, где, например, учителя ждали подвоза хлеба по пять-шесть часов, в дежурном магазине Сталинского района выдача хлеба начиналась только в 10 часов вечера и шла примерно до двух ночи.

Плакат военных лет. КГКУ «ГАКК». Ф. П-148. Оп. 1. Д. 91. Л. 19 об.–20 об.

Плакат военных лет. КГКУ «ГАКК». Ф. П-148. Оп. 1. Д. 109. Л. 8об.

Специальными решениями правительства было организовано дополнительное снабжение работников науки, искусства и литературы, доноров, лиц, нуждающихся в усиленном питании по состоянию здоровья, учителей, врачей и инвалидов. Особые нормы устанавливались для отдельных категорий населения, в первую очередь беременных женщин и детей. К примеру, с июля 1944 г. женщинам, начиная с шестого месяца беременности и в течение четырех месяцев после родов, на месяц сверх установленных норм снабжения выдавались продукты в следующем объеме: масло — 800 г, сахар — 600 г, крупа — 1200 г, молоко свежее — 12 л [11, л. 31–31 об.; 20, л. 15–17; 7, л. 3].

Нормируемые продовольственные товары при продаже их населению через торговую сеть и предприятия общественного питания часто замещались эквивалентными заменителями: вместо натурального чая — кофе-суррогат и чайные напитки, вместо сахара — глюкоза, вместо крупы — детская мука «Нестле», толокно, картофельная мука, саго и крупа «Геркулес», вместо мяса — масло растительное и свино-бобовые консервы [21, л. 90]. Кроме того, приказом крайторготдела от 22 октября 1942 г. устанавливалось, что рабочим, получающим 800-граммовую норму хлеба по карточкам, полагалось выдавать по 700 г, по истечении декады они могли получить картофель (400 г за каждые недополученные 100 г хлеба) [13, л. 12]. В столовых была введена строжайшая экономия овощей — варить их нужно было неочищенными, чистить только вручную, тщательно собирать картофельный крахмал [16, л. 42].

Количество завозимых в города края продуктов питания постоянно сокращалось. Так, в мае 1942 г. секретарь крайкома по торговле и общественному питанию писал:

> <...> Фактический же подвоз продуктов сократился, как, например: по гор. Красноярску по мясу в четвертом квартале подвоз сократился по сравнению с первым кварталом в шесть раз, картофеля в два раза. Цены же за это время выросли по говядине — в два с половиной раза, по маслу животному — в четыре раза, по картофелю и овощам — в четыре раза <...> [3, л. 56–57].

Обертка банки сгущенного молока производства Канского завода молочных консервов, 1944 г. КГКУ «ГАКК». П-148. Оп. 1. Д. 166. Л. 25об.

Весной сокращение завоза сельхозпродуктов объяснялось еще и бездорожьем.

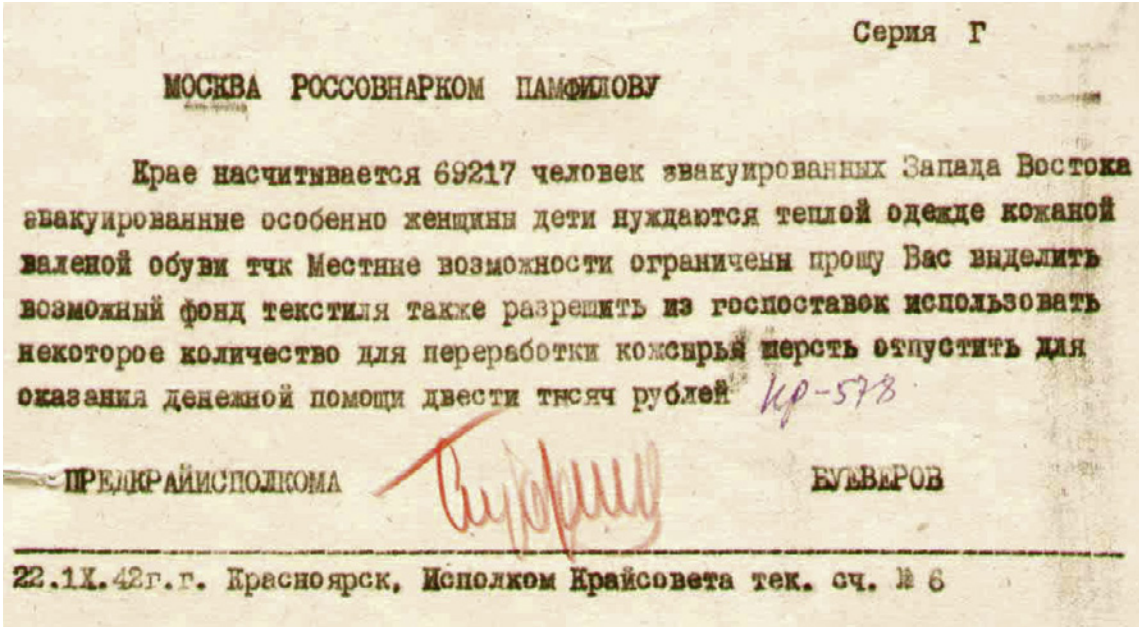
Важное место в структуре питания городского населения заняли дикорастущие растения и грибы, сбор которых осуществлялся в соответствии с утвержденными крайпотребсоюзом планами. Организовывались воскресники, декадники по сбору ягод, грибов, зелени с участием опытных заготовителей и школьников [14, л. 166]. Из ягод варили варенье, используя вместо дефицитного сахара мед, наладили производство чая из брусничного листа, кваса из щавеля [21, л. 195]. Особое внимание уделялось также отстрелу дичи и диких животных, вылову рыбы, для осуществления которых катастрофически не хватало рабочей силы [18, л. 234].

Пристальное внимание руководство обратило на развитие индивидуального и коллективного огородничества, животноводства и птицеводства, осуществляемых рабочими и служащими. Это привело к бурному росту подсобных хозяйств в пригородах. По данным земельного отдела Красноярского горсовета видно, что в 1944 г. 22 648 хозяйств рабочих и служащих Красноярска производили посев на более чем 1000 гектарах за чертой города, где выращивали огурцы, помидоры, капусту, морковь, свеклу, лук, турнепс [6, л. 3–4; 11, л. 40–40 об.].

Представляется необходимым обратиться непосредственно к воспоминаниям жителей края. Труженик тыла, ветеран Красноярского радиозавода А. Левицкий вспоминал:

> <...> когда начал функционировать завод, стали выдавать талоны на пайки, появились хлебные карточки. Стахановцам давали по 800 граммов хлеба, потом на одном из митингов проголосовали за то, чтобы отчислить 100 граммов на фронт. Стало 700 граммов. Моя мама получала 350 граммов, сестра — 250. В цехах мы получали эту пайку хлеба, да еще был кипяток. Потом организовалась столовая, где давали бульон с пятью звездочками вермишели. Дополнительным пайком выдавали жмыховые плиты, их не разгрызешь зубами. <...> Что касается быта, маленькая сестра сидела дома, мама с женщинами зимой выкапывала изо льда бревна, приносила нам крапивный суп. Ели заваруху — тесто из муки, немного горячей воды, лук, масло. Делали лепешки. Ходили на поля, собирали мороженую картошку, ее чистили, пропускали через мясорубку и также делали лепешки [9, л. 2–3].

> <...> мы с братом голодными глазами смотрели на витрину в магазине, где в стеклянной круглой колбе-банке лежали желтые горошины, — нам сказали, что это витамины <...>, ежедневно ходили в этот магазин и ждали, что вдруг их кто-то купит, — хотели попросить попробовать, но их почему-то никто не покупал. Можно вспомнить, как



Серия Г

МОСКВА РОССОВНАРКОМ ПАМФИЛОВУ

Крае насчитывается 69217 человек эвакуированных Запада Востока эвакуированные особенно женщины дети нуждаются теплой одежде кожаной валеной обуви тчк Местные возможности ограничены прошу Вас выделить возможный фонд текстиля также разрешить из госпоставок использовать некоторое количество для переработки кожсырья шерсть отпустить для оказания денежной помощи двести тысяч рублей Кр-578

ПРЕДКРАЙИСПОЛКОМА БУЬВЕРОВ

22.IX.42г.г. Красноярск, Исполком Крайсовета тек. сч. № 6

Телеграмма в Москву с просьбой о выделении возможного фонда текстиля для эвакуированных, 22 сентября 1942 г. КГКУ «ГАКК». Р-1386. Оп. 4. Д. 51. Л. 70.

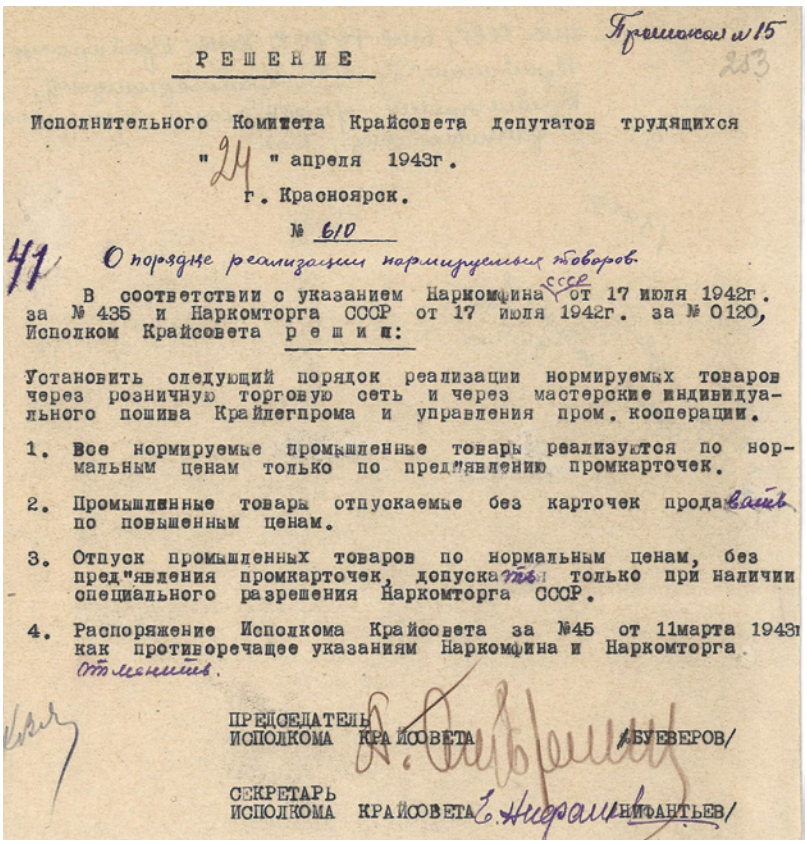
> грызли жмых до крови в деснах, как ходили зимой на Березовские поля и выкапывали из земли мороженую картошку, а потом резали ее кружочками и лепили на железную печку; как летом ходили на окрестные поляны, копали какие-то корешки и ели их. Мой брат постоянно просил есть, у него был большой живот и тоненькие ножки <...>. Мы голодными глазами смотрели, как мама делила нам этот хлеб — черный и липкий кирпичик, — кому достанется корочка, мякиш был очень невкусный, —

вспоминала Е. Марченко, ученица школы № 47, работница завода № 580 в Красноярске [10, л. 8–9].

> <...>Мы часто выезжали на полевые работы в соседние села, колхозы. Копали силосные ямы. Страшно тяжелая работа. Помню, как однажды возвращались из пригородного села. Нас там не кормили. Шла по пыльной проселочной дороге, ботинки, казалось, с каждым шагом становились все тяжелее. Так хотелось есть, что, кажется, еще немного, и я упаду. Знаю, что дома есть нечего, уже несколько дней хлеб не давали и по карточкам. Семья у нас была большая, а хозяйства не было. Стараюсь об этом не думать, успокаиваю себя мыслями о том, что мама все равно что-нибудь придумает и накормит меня. Мама, действительно, наварила чугун супа из свекольной ботвы. Больше в нем ничего не было. Но и это спасение. Вот это ощущение голода не покидало меня почти всю войну <...>, —

так описывала свой рабочий день Л. Козлова, студентка Абаканского медучилища [8, л. 1].

Интересно, что, несмотря на колоссальную нехватку товарных фондов, крайторготдел летом 1942 г. и зимой 1943 г. приказал развернуть сеть ларьков по торговле прохладительными напитками и наладить в магазинах торговлю горячим чаем и кофе [1, л. 35–35 об.; 21, л. 175]. С 1 июля 1942 г. были введены нормы отпуска по карточкам керосина, спичек и соли: соли — до 400 г, спичек — до трех коробок, керосина — поллитра на одного человека в месяц [17, л. 28, 34].



Промокол № 15

253

РЕШЕНИЕ

Исполнительного Комитета Крайсовета депутатов трудящихся

"24" апреля 1943г.

г. Красноярск.

№ 610

41 О порядке реализации нормируемых товаров.

В соответствии с указанием Наркомфина СССР от 17 июля 1942г. за № 435 и Наркомторга СССР от 17 июля 1942г. за № 0120, Исполком Крайсовета решил:

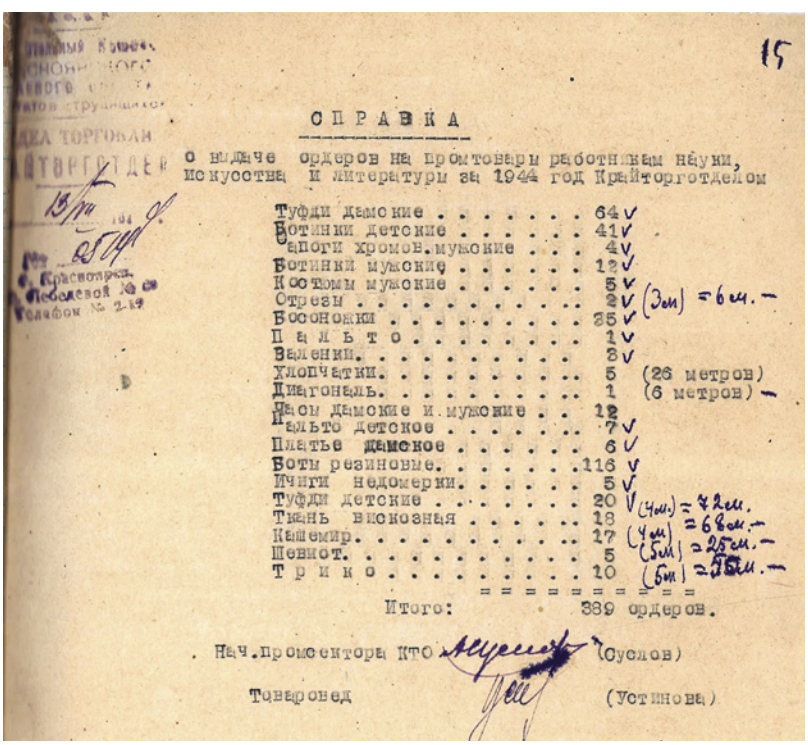
Установить следующий порядок реализации нормируемых товаров через розничную торговую сеть и через мастерские индивидуального пошива Крайлегпрома и управления пром. кооперации.

1. Все нормируемые промышленные товары реализуются по нормальным ценам только по пред"явлению промкарточек.
2. Промышленные товары отпускаемые без карточек продавать по повышенным ценам.
3. Отпуск промышленных товаров по нормальным ценам, без пред"явления промкарточек, допускать только при наличии специального разрешения Наркомторга СССР.
4. Распоряжение Исполкома Крайсовета за №45 от 11марта 1943г как противоречащее указаниям Наркомфина и Наркомторга отменить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА КРАЙСОВЕТА /БУЕВЕРОВ/

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА КРАЙСОВЕТА /НИФАНТЬЕВ/

Решение крайисполкома о порядке реализации нормируемых товаров, 24 апреля 1943 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 880. Л. 253.



15

СПРАВКА

о выдаче ордеров на промтовары работникам науки, искусства и литературы за 1944 год Крайторготделом

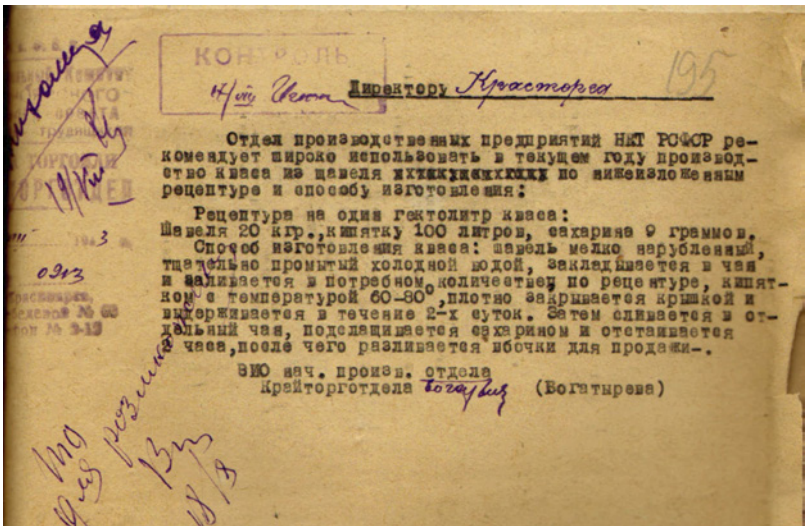
Туфли дамские	64	
Ботинки детские	41	
Сапоги хромов. мужские	4	
Ботинки мужские	12	
Костюмы мужские	5	
Отрезы	2	(3м) = 6м.—
Босоножки	35	
Пальто	1	
Валенки	3	
Хлопчатки	5	(26 метров)
Диагональ	1	(6 метров) —
Часы дамские и мужские	12	
Пальто детское	7	
Платье дамское	6	
Боты резиновые	116	
Ичиги недомерки	5	
Туфли детские	20	(4м.) = 72м.
Ткань вискозная	18	(4м) = 68м.—
Кашемир	17	(5м) = 25м.—
Шевиот	5	(5м) = 50м.—
Трико	10	

Итого: 389 ордеров.

Нач. промсектора КТО (Суслов)

Товаровед (Устинова)

Справка о выдаче ордеров на промтовары работникам науки, искусства и литературы за 1944 г. крайторготделом, 13 июля 1944 г. КГКУ «ГАКК». Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 71. Л. 15.



КОНТРОЛЬ

Директору Красторга

195

Отдел производственных предприятий НКТ РСФСР рекомендует широко использовать в текущем году производство кваса из щавеля по нижеизложенным рецептуре и способу изготовления:

Рецептура на один гектолитр кваса:
Щавеля 20 кгр., кипятку 100 литров, сахарина 9 граммов.

Способ изготовления кваса: щавель мелко нарубленный, тщательно промытый холодной водой, закладывается в чан и заливается в потребном количестве по рецептуре, кипятком с температурой 60-80°, плотно закрывается крышкой и выдерживается в течение 2-х суток. Затем сливается в отдельный чан, подслащивается сахарином и отстаивается 2 часа, после чего разливается в бочки для продажи.

ВИО нач. произв. отдела
Крайторготдела (Богатырева)

Записка крайторготдела с рецептом изготовления кваса из щавеля, август 1943 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 39. Л. 195.

БОЛЬШЕ ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

В передовой промыслово-кооперативной артели инвалидов им. Ворошилова (Красноярск).

На снимке (слева направо): мастера сапожного дела П. И. Семилетов и Н. С. Гурков сдают готовую продукцию зав. цехом Т. Г. Аристовой.

Фото В. Рехлова.

Заметка «Больше товаров широкого потребления». КГКУ «ГАКК». Газета «Красноярский рабочий», 23 июня 1943 г., № 130.

Особо острым был дефицит предметов одежды и обуви, о чем свидетельствуют многочисленные факты невыхода на работу зимой из-за их отсутствия [4, л. 226]. Всю хорошую одежду граждане добровольно отправляли в посылках на фронт, донашивая купленные еще до войны вещи. К примеру, в 1944 г. из выделенных краю трикотажных, швейных, чулочно-носочных изделий и кожаной обуви на общую сумму 19,7 млн рублей фактически было получено только на 6,4 млн, что привело к срыву снабжения промтоварами рабочих оборонных заводов, школьников, учителей и т. д. Выделение обуви через поставщиков Средней Азии еще больше осложнило положение со снабжением, так как полученная обувь из сыромятной кожи (чуни) и на деревянной подошве в условиях суровой сибирской зимы была непригодна к носке [2, л. 17].

Незначительные фонды промтоваров, имевшиеся в крае, отпускались почти исключительно эвакуированным, в первую очередь детям [19, л. 74]. Однако эти фонды ни в коей мере не удовлетворяли даже самые насущные потребности. Руководством уделялось особое внимание снабжению работников науки и искусства, что не исключало, однако, периодических задержек в выдаче им промтоваров («<...> вовсе не выда-

ется верхнее платье или шерстяные ткани, белье, мужская обувь и недостаточно — женская <...>»). В 1944 г. крайторготдел выдал работникам науки и литературы 1 ордер на получение пальто, 12 — на ботинки, 10 — на трико [5, л. 5а – 5а об., 15].

Строго регламентировалась реализация из торговой сети Красноярска дефицитного мыла. В соответствии с приказом Красноярского краевого отдела торговли от 15 марта 1943 г. реализация мыла производилась по разовому талону промтоварной карточки в количестве 400 г хозяйственного или одного куска туалетного мыла [21, л. 47]. Помощь в снабжении частично оказывали предприятия местной промышленности и отделы рабочего снабжения. Местными предприятиями в 1942 г. был освоен выпуск зубного порошка из древесного угля и гипса, мыла из глины, чернил из бурого угля, краски-медянки, деревянных гребней, порошка для бритья, металлических игрушек из консервных банок и утильсырья и многого другого [12, л. 22 об., 22, 23].

В экстремальных условиях военного времени закономерно снизилось производство товаров народного потребления и значительно ухудшилось качество питания жителей Красноярского края. Нормированное распределение, экономия, привлечение ресурсов дикой природы, налаживание производства товаров из местного сырья позволили смягчить товарный дефицит, не разрешив, однако, полностью сложнейшую задачу снабжения всех категорий населения в условиях продолжающейся войны. Очевидно, что в рамках настоящей статьи невозможно представить все многообразие документов 1941–1945 гг. по этой теме, хранящихся в краевом архиве. С некоторыми из них можно ознакомиться удаленно — на сайте http://красноярские-архивы.рф.

Список литературы и источников

[1] ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 758.
[2] ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 957.
[3] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 530.
[4] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 21.
[5] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 71.
[6] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 472.
[7] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 475.
[8] ГАКК. Ф. П-1052. Оп. 1. Д. 49.
[9] ГАКК. Ф. П-1052. Оп. 1. Д. 73.
[10] ГАКК. Ф. П-1067. Оп. 1. Д. 110.
[11] ГАКК. Ф. П-1143. Оп. 1. Д. 62.
[12] ГАКК. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 148.
[13] ГАКК. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 1.
[14] ГАКК. Ф. Р-1385. Оп. 4. Д. 33.
[15] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 797.
[16] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 808.
[17] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 840.
[18] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 847.
[19] ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 44.
[20] ГАКК. Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 37.
[21] ГАКК. Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 39.
[22] ГАКК. Красноярский рабочий. 1942. 26 авг.
[23] ГАКК. Красноярский рабочий. 1943. 1 окт.

Сталинская экономика в контексте поиска эффективной модели хозяйствования

Л. Н. Лазарева,
кандидат исторических наук, Московский государственный областной университет, г. Москва

АННОТАЦИЯ «Скелетом» советской экономической системы оставалась весь отпущенный Советскому Союзу срок существования сталинская экономическая модель. Без изучения ее генезиса и эволюции на принципах объективности и историзма, с привлечением широкого круга источников, невозможно ответить на вопрос: подлежал хозяйственный механизм, сформированный под воздействием вызовов, догоняющей модернизации, корректировке? Был ли закономерен его итог?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА советский проект, сталинская экономическая модель, методика исследования.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21–09–43005 «Методология исследования причин распада СССР».

В русле предлагаемых к обсуждению проблем VIII Международного Сибирского исторического форума значится тема «Власть и общество: взаимодействие и конфликты». И то и другое в рамках данной дихотомии в немалой степени определяется эффективностью модели хозяйствования. Именно она в ее воздействии на все без исключения стороны социального и политического климата парадоксально определила — на разных этапах советской истории — и победу СССР в Отечественной войне, и распад великого государства.

Вопрос вопросов: «Почему не стало Советского Союза?» [10] — будоражит умы не только российских, но и зарубежных исследователей.

Сегодня поиск ответа актуален как никогда: экономическая модель «общества потребления» основана на расточительной эксплуатации природных ресурсов, количество которых ограничено. Анализ попытки найти альтернативный путь развития дает шанс формированию оптимального сочетания государственного управления и частной инициативы.

Важно понять: порочна сама экономическая модель или дело в плохих исполнителях?

Американский экономист, профессор Хьюстонского университета Пол Грегори в монографии «Политическая экономия сталинизма» [6] дал доказательный ответ — плоха сама система. Она была крайне неэффективна и направлена на выживание в чрезвычайных ситуациях. В то же время не менее авторитетный исследователь оксфордский профессор экономической истории Роберт С. Аллен, утверждает: большевики дали России шанс вырваться в мировые лидеры — «рост экономики прекратился лишь потому, что руководству страны не хватило находчивости, позволяющей справляться с новыми вызовами времени» [2, с. 279]. Продолжается дискуссия и в отечественной историографии.

Геополитическая катастрофа на ⅙ части суши, безусловно, как и смерть любого больного, требовала процедуры «вскрытия» [2, с. 8]. «Отцы-основатели» новой страны занялись этим в числе первых [3, 14]. Они доказывали (может быть, в первую очередь самим себе): «шоковая терапия» — закономерный финал советского периода истории.

К поиску ответа подключилось научное сообщество. В числе огромного количества работ, анализирующих разные аспекты данной проблемы [11, 12, 9, 8], представ-

ляется важным выделить точку зрения д. и. н., проф. В. В. Журавлева, формирующую по-новому методологию исследований данного вопроса. Историк, подводя итог анализу российских реформ в контексте теории догоняющей модернизации, резюмирует: они подменялись социальным экспериментированием из-за нежелания и неумения «верхов» в системе, на базе национального менталитета давать ответы на запросы общемирового развития, советский этап — закономерное звено в нелегком историческом пути России [16, с. 658].

В сходной парадигме, на базе институционального подхода, выполнено исследование экономистами и социологами Р. М. Нуриевым и Ю. В. Латовым [13]. Они через сопоставление основных этапов формирования российских экономических институтов с западными аналогами выделили особенности данного процесса в нашей стране.

Таким образом, к специфическим чертам современного этапа поиска причин гибели СССР можно отнести: междисциплинарный характер исследований, присутствие контекста общемировых трендов, рассмотрение проблемы в структуре исторического опыта страны. Позитивный эвристический потенциал содержит анализ генезиса и эволюции системы хозяйствования, формировавшейся в ходе поиска прагматичных ответов на предъявляемый большевикам модернизационный запрос в условиях советского проекта.

Основой, «становым хребтом» советской модели стала сталинская экономика, которой, несмотря на «дестанализацию» и попытки ее реформирования, так и не была найдена полноценная замена. В то же время инициированные руководителями страны изменения и правки, при недостаточном осмыслении особенностей механизма данной экономической системы, не позволили повысить эффективность хозяйствования в требуемых для поставленных задач объемах.

Сталинская экономическая модель сформировалась в ходе решения задачи форсированной модернизации, в промежутке 1931–1934 гг. Она представляла собой сложную систему. Ее фундаментом было директивное планирование в натуральных и ценовых показателях. Важным условием функционирования данной системы выступал постоянный мониторинг хода выполнения планового задания. На XVIII съезде ВКП(б) В. М. Молотов сформулировал задачи, на которые должны быть нацелены проверки: предупреждение диспропорций, поиск резервов, в соответствии с выявленным корректировка заданий по отдельным отраслям и районам [1, с. 665].

На партийные и профсоюзные организации возлагалась задача соединить директивное планирование с «живым творчеством масс». Постановления 1929 г. формировали этот жизненно важный управленческий механизм, очерчивая задачи партийных и профсоюзных организаций в совершенствовании производственного процесса, организации активного участия трудящихся в обсуждении заданий промфинплана.

Приоритет сектора «А» (главная задача индустриализации — обеспечение суверенитета СССР — политического и экономического) диктовал перекачку ресурсов из аграрного сектора и ставил развитие сектора «Б» на второе место. Требование «не допускать диспропорций» реализовывалось в парадигме «единой фабрики». Предприятия становились «цехами» в народно-хозяйственном комплексе страны. Трудовые коллективы мотивировались делать много, качественно, дешево. Что именно и для кого производить — командовал центр. Поэтому он и отвечал за то, чтобы усилия и ресурсы тратились на создание нужной стране продукции, а рентабельность отдельных предприятий была подчинена интересам народно-хозяйственного целого.

Конкуренцию заменил плановый показатель «снижение себестоимости», который, подкрепленный ценовой, кредитной, налоговой политикой, «заставлял» бороться с бесхозяйственностью и формировал запрос на введение инноваций в производственный процесс.

Жесткая система директивных заданий дополнялась косвенными мерами экономического воздействия на развитие народного хозяйства[1]. Тем не менее «экономические рычаги» были подчинены плановому началу. Цель — закрыть источники и клапаны капитализма — формировала «прокрустово ложе» рынка.

Коллективизация позволила устанавливать государству заготовительные цены на основные виды сельскохозяйственной продукции в 10–12 раз ниже рыночных [7, с. 15]. Заработанное в колхозе на трудодни не обеспечивало крестьянам прожиточного минимума. Их кормило личное подсобное хозяйство. Давление с помощью налоговой системы вынуждало продавать на колхозном рынке и часть продукции личных хозяйств. Этот канал снабжения городского населения эффективно дополнял государственные.

Несмотря на успешное решение задач форсированной индустриализации, экономическая эффективность данной системы подвергалась критике современников. На основании материалов XVIII съезда ВКП(б) и XVIII партийной конференции можно говорить о сформировавшемся к началу 1940-х гг. запросе на корректировку сложившегося хозяйственного механизма. В выступлениях на высших партийных форумах отмечались его недостатки: просчеты планирования, неритмичность производства, крупные потери от брака, бесхозяйственность, нарушение поставок смежникам и т. п. Тем не менее сталинская экономическая модель смогла обеспечить победу в Великой Отечественной войне и восстановление народного хозяйства на основе внутренних ресурсов в условиях экономических санкций. Послевоенное десятилетие дает исследователю возможность судить о функционировании уже зрелой сталинской модели. Задача самодостаточной экономики, способной производить любой вид промышленной продукции, оставалась актуальной, так же как и в годы «великого перелома». Это было продиктовано не только стремлением «гарантировать Родину от всяких случайностей» [17, с. 18]. В представлениях сталинских обществоведов, развитие сектора «А» создавало базу для модернизации сектора «Б». Анализ проекта новой программы партии [19, с. 43], работа над которым шла с 1946 по 1947 г., и Генерального плана развития СССР [18, с. 29] позволяют сделать вывод о том, что отказываться от выбранной стратегии советские руководители не собирались. В то же время в этих же документах были поставлены задачи повысить уровень жизни населения, добиться потребления на душу населения, сопоставимого с ведущими капиталистическими странами, постепенно переходить на распределение «по потребностям». Такой подход актуализировал запрос на повышение эффективности хозяйственного механизма экономической модели. Ставка делалась на повышение производительности труда как за счет его интенсификации (давление пересмотра норм выработки в сторону увеличения (среднее между показателями ударников и уже достигнутым) сочеталось с внутризаводским хозрасчетом и сдельной заработной платой, премиальной системой и т. п.), так и за счет повышения скорости разработки и внедрения научно-технических изобретений.

Важную стимулирующую и стабилизирующую роль в сталинской модели играли ежегодные снижения цен и госзаймы. Этот механизм, заложенный еще в 1930-х гг., достиг наибольшего развития после войны. Снижение цен настраивало массы позитивно по отношению к советской власти, внушая социальный оптимизм, подталкивало экономику на путь интенсификации: регулярно после снижения цен проходили пересмотры норм выработки ниже, чем у ударников, выше, чем существовавшие. Плановое задание по снижению себестоимости в условиях снижения цен ставило

[1] Например, поощрительные расценки труда, премиальное стимулирование, заготовительные цены на особо нужные государству культуры, премиальные фонды предприятий и т. п. Важную роль играла кредитная и налоговая политика, помогая центру стимулировать трудовые коллективы на выполнение и перевыполнение плановых заданий.

предприятие перед необходимостью вскрывать резервы и наращивать производительность труда. Этот механизм должен был побуждать управленческое звено к скорейшему внедрению достижений научно-технического прогресса в производственный цикл [15, л. 66]. В условиях товарного дефицита денежный навес изымался с помощью добровольно-принудительных государственных займов, кампания по подписке на которые проходила вслед за снижением цен.

Документы экономического совещания 1951 г. позволяют сделать вывод о том, что сформировавшаяся хозяйственная модель не была в должной степени понята теоретиками [19, с. 82]. Закономерно, что последовавшее реформирование, не достигая поставленных целей, демонтировало механизмы, ломавшие ее эффективность.

Современная экономика РФ, по мнению авторитетных политиков [5], требует новой концепции развития. Выдвигаемая рядом авторов идея об отказе от калькирования западных теорий, поиска собственной модели модернизации, перенесения в современность наиболее эффективных механизмов, «нащупанных» советскими экономистами (планирование по целям, проектное управление и т. п.), кажется привлекательной [4]. В то же время исследование сталинской экономики в контексте поиска эффективной модели хозяйствования позволяет усомниться в реальности предложенного. Сталинская хозяйственная модель работала в совокупности составляющих ее факторов, включавших в том числе идеологию, партийный контроль, «живое творчество масс».

Итак, можно констатировать: методология причин распада СССР должна строиться на изучении совокупности всех факторов, приведших к такому исходу. В противном случае речь идет лишь о формировании очередных исторических мифов. Исследование генезиса и эволюции сталинской экономической модели в данном контексте формирует траекторию поиска, приближающего научное сообщество к объективным ответам.

Список литературы и источников

[1] XVIII съезд ВКП(б) (10–21 марта 1939 г.). Стенографический отчет. М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1939. 740 с.

[2] *Аллен Р. С.* От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.

[3] *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009. 331 с.

[4] *Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О.* Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. URL: https://crystalbook.ru/ (дата обращения: 03.08.2021).

[5] Главное препятствие: мы из Советского Союза. Кудрин объяснил, в чем проблема российской экономики // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/28312/4453810/ (дата обращения: 03.08.2021).

[6] *Грегори П.* Политическая энциклопедия сталинизма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 400 с.

[7] *Земсков В. Н.* Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. М.: Вече, 2018. 302 с.

[8] *Кара-Мурза С. Г.* Народное хозяйство СССР: цифры, факты, анализ. М.: Родина, 2020. 480 с.

[9] *Колганов А. И.* Путь к социализму: пройденный и непройденный: от Октябрьской революции к тупику «перестройки». М.: Ленанд, 2018. 400 с.

[10] *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, СПб.: Дмитрий Булганин, 2007. 200 с.

[11] *Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 303 с.
[12] *Мау В. А.* Сочинения: в 6 т. Т. 1: Государство и экономика: опыт экономической политики. М.: Дело. АНХ, 2010. 712 с.
[13] *Нуриев Р. М., Латов Ю. В.* Экономическая история России. Опыт институционального анализа. М.: Кнорус, 2017. 268 с.
[14] *Попов Г. Х.* Реформирование нереформируеого. Попытка Алексея Косыгина. М., 2009. 527 с.
[15] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1243. Л. 66.
[16] Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. / Ин-т обществ. мысли; ред. кол.: И. Н. Данилевский, В. В. Журавлев, А. Б. Каменский [и др.]. М.: РОССПЭН, 2016. 320 с.
[17] Речь И. В. Сталина перед избирателями 9 февраля 1946 г. Воронеж: Воронеж. обл. кн-во, 1946. 24 с.
[18] *Симонов М. А.* Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг. / Вестник Вятского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. С. 27–35.
[19] Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост.: д. и. н., проф. В. В. Журавлев, к. и. н. Л. Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. 646 с.

О состоянии воспроизводства населения по данным ревизских сказок первой половины XIX века (на примере населения юга Приенисейского края)

Е. В. Леонтьев,
старший научный сотрудник,
Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск

АННОТАЦИЯ В статье на основе обработки материалов податных ревизий 1816 и 1850 гг. приводится информация о процессе воспроизводства населения на юге Приенисейского края в первой половине XIX в., в том числе представлены расчетные данные о количестве деторождений, выживаемости детей и продолжительности межродовых интервалов у женщин в семьях крестьян Минусинской волости и мещан Минусинска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ревизские сказки, крестьяне, мещане, брак, деторождение, дети, репродуктивный период.

Материалы податных ревизий традиционно относятся к числу наиболее важных источников по истории населения России имперского периода. Особенную ценность для авторов представляют ревизские сказки — первичные реестры облагаемых налогом семей, заполнявшиеся во время подворного обхода выборными чинами сельских и городских обществ. В отличие от сводных ведомостей они содержат персонифицированную информацию по каждому отдельному домохозяйству в составе того или иного селения [2, с. 155]. Занесение и обработка первичных данных требуют значительных усилий и времени, поэтому использование ревизских сказок в качестве основного источника вынуждает обычно ограничить исследование локальными рамками. Это уменьшает репрезентативность полученных результатов, но расширяет возможности проводимого анализа. На примере рассматриваемой популяции появляется, скажем, возможность статистически описать, как менялись в течение жизни человека такие его социально значимые характеристики, как семейное состояние, положение в составе семьи, количество детей и т. д. Несмотря на известные ограничения, результаты проводимых подсчетов позволяют получить весьма интересную и, главное, достоверную информацию о демографическом поведении и воспроизводстве населения в имперский период.

Мы попытались предпринять подобное исследование на материалах ревизских сказок крестьян и мещан юга Приенисейской Сибири первой половины XIX в. Нас преимущественно интересовали ответы на следующие вопросы: 1) как среди замужних женщин разного возраста менялась в течение указанного периода доля матерей, имевших новорожденных младенцев; 2) каким было количество детей у замужних и вдовых женщин, приближавшихся к финальной стадии репродуктивного цикла; 3) какое число семей оставались бездетными и/или прерывались ввиду отсутствия наследников мужского пола?

Источниками использованных данных являются материалы VII и IX подушных переписей 1816 и 1850–1851 гг. Среди первых были отобраны ревизские сказки крестьян восьми населенных пунктов Минусинской волости Красноярского уезда: сс. Минусинского, Шушенского, дд. Маломинусинской, Кавказской, Лугавской, Потрошиловой, Казанцевой и Каптыревой (всего 404 двора, 2596 душ обоего пола). Вторую группу составили аналогичные документы мещан Минусинска — окружного

центра на юге Енисейской губернии с 1823 г. Различие сословного статуса сравниваемых здесь популяций (крестьян на 1816 г. и мещан на 1850 г.) не случайно. Жителями Минусинска в 1850 г. преимущественно являлись бывшие крестьяне с. Минусинского и д. Маломинусинской, зачисленные в 1828–1830 гг. в мещанское сословие после придания селу статуса города [1, л. 45]. Поэтому результаты предпринятого анализа должны были позволить нам судить о том, как отразилось на состоянии воспроизводства указанного населения «открытие» города и начавшееся складывание в Минусинске новых городских форм быта.

Таблица 1
Доля замужних женщин, имевших детей догодовалого возраста: 1816–1850 гг. (%)*

Возрастные когорты	Крестьяне Минусинской волости. 1816 г.	Купцы и мещане города Минусинска. 1850 г.
20–29 лет	44,70 132**	41,38 87**
30–39 лет	33,54 164	35,62 73
40–49 лет	26,80 97	12,90 62
Всего:	35,62 393	31,67 222
Суммарное число деторождений в возрасте от 20 до 49 лет	10,44	8,96

* Подсчитано по данным: АГМ. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2 об.–10; ед. хр. 141. Л. 2 об.–66. Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 37 об.–80, 90 об.–97, 114 об.–131, 133 об.–144, 151 об.–165.
** Число наблюдений.

Представленные в таблице 1 данные отражают изменение детородной активности замужних (вдовых) женщин в течение репродуктивного цикла. Среди крестьянок Минусинской волости в возрасте от 20 до 29 лет практически каждая вторая, как видим, являлась в начале XIX в. матерью новорожденного младенца. Доли таких матерей в составе разных возрастных когорт позволяют рассчитать среднюю продолжительность межродовых интервалов у их представительниц: так, например, для женщин от 20 до 29 лет он составлял 27 месяцев; то есть новые роды наступали здесь в среднем через каждые два года и три месяца. У крестьянок последующих возрастов: от 30 до 39 и от 40 до 49 лет — длительность указанного промежутка увеличивалась соответственно до 36 и 45 месяцев. Это, очевидно, обусловливалось как ухудшением состояния здоровья женщин, так и увеличением среди них доли вдов и жен, находившихся в повторном браке (соответственно прерывавших на какое-то время брачные отношения) после смерти первого супруга. Если суммировать показатели деторождений в каждой из выделенных когорт, то получим, что в течение рассматриваемого периода крестьянка Минусинского волости рожала в среднем не менее десяти раз. При этом полученная цифра является, безусловно, заниженной, поскольку при ее подсчете не учитывались незарегистрированные мертворождения и рождения младенцев, умерших некрещеными в первые дни свои жизни. Все это, безусловно, свидетельствует об отсутствии в крестьянской среде регулярных практик, направленных на ограничение детородной функции.

Сравнение количества матерей с догодовалыми младенцами в деревнях Минусинской волости в 1816 г. и среди мещан Минусинска в 1850 г. показывает, что активность деторождений в обеих группах в целом была примерно одинаковой. Исключение составляет лишь когорта представительниц старшего возраста от 40 до 49 лет, где

отмеченный показатель снизился в последнем случае почти в два раза. Под влиянием этого суммарное число деторождений тоже уменьшилось: с 10,44 до 8,96. Считать обозначенное явление признаком начавшегося перехода минусинских мещан к сознательному ограничению рождаемости было бы очевидной ошибкой. Гораздо правильнее в этой связи обратить внимание на состояние смертности населения в Минусинске после придания селу статуса города.

Обработка ревизских данных 1795, 1812, 1834 и 1850 гг. свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. коэффициент смертности мужчин в возрасте от 20 до 49 лет вырос здесь с 0,47 до 0,93 % в год; у пожилых людей старше 49 лет тот же показатель остался неизменным (3,72 %) [3, с. 52]. Ввиду недостатка фактического материала судить о причинах такой динамики преждевременно. Но здесь кажутся важными выявленные Б. Н. Мироновым данные о смертности жителей Ярославской губернии в 1842–1851 гг. Автор показывает, что в пределах указанной территории в середине века вероятность летального исхода среди молодых мужчин-горожан (20–49 лет) была примерно в 1,5–2 раза выше, чем у женщин-горожанок, и в 2–2,5 раза выше, чем у мужчин в сельской местности [4, Приложение, табл. 3]. Среди людей пожилого и преклонного возраста обе эти особенности являлись менее выраженными или вовсе не прослеживались. То есть в городском быту существовали некие факторы, которые по сравнению с деревней сильнее всего отражались на продолжительности жизни молодого мужского населения; по мере того как Минусинск превращался в городское поселение, влияние этих факторов проявляло себя и среди его жителей. Следствием этого было сокращение времени, проведенного в браке замужними женщинами, что объясняет снижение числа деторождений.

Таблица 2
Распределение замужних и вдовых женщин в возрасте 40–49 лет по числу детей в их семьях: 1816–1850 гг.*

Количество детей	Крестьяне Минусинской волости. 1816 г.		Купцы и мещане Минусинска. 1850 г.	
	число матерей	% их в общем количестве	число матерей	% их в общем количестве
0	4	3,67	7	10,00
1	9	8,26	7	10,00
2	11	10,09	11	15,71
3	16	14,68	16	22,86
4	25	22,94	10	14,29
5	17	15,60	6	8,57
6	16	14,68	8	11,43
7+	11	10,09	5	7,14
Всего:	109 4,16	100,0	70 3,67	100,0

* Подсчитано по тем же данным, что и в предыдущей таблице.
** Среднее число детей обоего пола в семье.

В следующей таблице показано, как распределились замужние и вдовые женщины старшего репродуктивного возраста по числу имевшихся у них детей. Среди крестьян Минусинской волости в 1816 г. большинство матерей, приближавшихся к финальной стадии детородного цикла, имели в семьях от трех до шести детей обоего пола. У минусинских мещанок в 1850 г. аналогичное число детей было от двух до четырех. Доля бездетных женщин и матерей с одним ребенком в первом случае составляла 11,93 %,

во втором — 20,00 %. Если учитывать детей только мужского пола, то получится, что около 30 % семей купцов и мещан Минусинска, попавших в ревизию в 1850 г., прервались в последующий период ввиду отсутствия сыновей-наследников. Это довольно значительная цифра, позволяющая судить о скорости обновления популяции жителей окружного города в середине XIX в.

Если сопоставить приведенные в обеих таблицах данные о суммарном числе деторождений и количестве живых детей в семьях минусинских крестьян и мещан, то получим, что в обоих случаях большинство рожденных детей не доживали до взрослого состояния.

Таблица 3
Распределение по возрасту детей у женщин в возрасте от 40 до 49 лет 1816–1850 гг.*

Возраст детей	Крестьяне Минусинской волости. 1816 г.		Купцы и мещане Минусинска. 1850 г.	
	число детей	% их в общем количестве	число детей	% их в общем количестве
0–1	26	5,74	8	3,11
2–4	58	12,80	21	8,17
5–9	108	23,84	57	22,18
10–14	109	24,06	57	22,18
15–19	116	25,61	64	24,90
20+	36	7,95	50	19,46
Всего:	453	100,0	257	100,0

* Подсчитано по тем же данным, что и в предыдущей таблице.

Интересно сравнить, как распределялось по возрасту потомство у матерей из рассматриваемых популяций в начале и середине XIX в. Как видим, в семьях минусинских мещанок, чей возраст находился в интервале от 40 до 49 лет, доля младенцев и детей младшего возраста была меньше, чем у женщин из крестьянских семей (11,28 и 18,54 %), а доля подростков и детей взрослых, наоборот, больше (44,36 и 33,56 %). Это указывает на то, что по сравнению с крестьянками начала века жительницы Минусинска, чей детородный период пришелся в основном на 1830-е — 1840-е гг., вступали в брак, начинали и прекращали рожать детей на несколько лет раньше.

Полученная информация, очевидно, конкретизирует наше представление о процессе воспроизводства населения на юге Приенисейского края в первой половине XIX в. В частности, заслуживают внимания данные о количестве деторождений, выживаемости детей и продолжительности межродовых интервалов у женщин в семьях местных крестьян и мещан Минусинска. Взятые вместе, они позволяют считать, что после придания Минусинску статуса города рождаемость его жителей — переведенных в мещанское сословие крестьян — стала постепенно снижаться. Наиболее вероятной причиной этого, по-видимому, являлся реконструируемый по данным ревизий рост мужской смертности, отрицательно влиявший среди женщин на продолжительность времени, проведенного в браке.

Список литературы и источников

[1] АГМ. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 12.
[2] *Ватин В. А.* Минусинск. Исторические очерки. Минусинск: Ridero, 2018. 636 с.
[3] Минусинск. Очерки социальной истории уездного города Сибири XIX — начала XX вв. Минусинск, 2020. 202 с.
[4] *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е гг. Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 263 с.

Освоение сибирских земель. История деревни Шарловки

В. А. Лукьянов,
независимый исследователь, Красноярский край, Козульский район, д. Шарловка

АННОТАЦИЯ В статье представлены основные этапы развития д. Шарловой Покровской волости Ачинского округа от появления первых переселенцев до настоящего времени. Развитие отдельного населенного пункта представлено в контексте истории региона и страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА д. Шарлова, Ачинский уезд, переселение, история села.

13 июля 1881 г. был издан закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселения». Описание участка Зимовье на Шарловой Покровской волости Ачинского округа. Участок заключает: удобной земли — 4521,78, неудобной — 49,88 десятины. На участок может быть водворено 293 души.

В законе от 13 июля 1889 г. правительство установило для переселенцев льготы по двум основным группам повинностей — казенным и земельным. В первые три года переселенцы освобождались от казенных и земских денежных сборов полностью, следующие три года — наполовину, лишь по истечении шести лет переселенцы несли полностью эти повинности. По мнению А. А. Кауфмана, переселенцы, прожившие на новом месте каких-нибудь четыре-пять лет, достигали в среднем такого уровня благосостояния, о котором даже не могли мечтать на родине.

Крестьянский начальник 1-го участка Ачинского округа М. Д. Росновский в своей объяснительной записке от 1898 г. указывает: в мае 1898 г. из числа водворившихся в п. Шарловом 33 семей Саковичи — три семьи, Стреж — три семьи, Чавлытко — две семьи, Савицкие — две семьи и др. «Я водворил в таежном участке и, вправду сказать, не был уверен, что они не сбегут скоро отсюда; каково же было мое удивление и восторг, когда, прибыв спустя месяц в этот участок, нашел там более десяти почти совсем оконченных домов, загороженные и вспаханные огороды, две гатированных просеки к реке, лошадей. Шарловцы прибыли из Минской и Виленской губерний и не обладали большими средствами: по виду народ жиденький, истощенный, но с большим запасом труда и энергии».

Из документа «Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, составлены по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи от 1917 г.» и по другим исследованиям 1916–1919 гг. в д. Шарловке числится:

— число наличных хозяйств — 124,
— население — 794 человека.

Количество скота:

— лошадей — 348 голов,
— к. р. с. — 541 голова,
— овец и коз — 473 головы,
— свиней — 511 шт.

Земледелие:

— под посевами — 307,7 десятины,
— площадь пара — 110,9 десятины,

— площадь выкашиваемых покосов — 390 десятин.

В 1904 г. в деревне была построена школа, первым учителем была Лазацкая.

Не прошла стороной жителей д. Шарловки Гражданская война. Из воспоминаний участника ледового похода А. Г. Ефимова: 4 января 1920 г. в д. Шарловке собрались конный полк ижевцев, в том числе 4-й, 11-й и 17-й Оренбургские казачьи полки, один кавалерийский полк из 1-й кавалерийской дивизии и еще несколько небольших частей, почти все конные.

В деревне у жителей белогвардейцы требовали лошадей, которых они спрятали в лесу. Так, крестьянина Давида Хорунжего поставили к воротам дома и целый день стреляли в него так, чтобы пули пролетали рядом, требуя отдать лошадей. К концу дня Хорунжий из огненно-рыжего превратился в седого. В июле 1919 г. Михаила Григорьевича Зайцева и его пять земляков призвали на службу в белогвардейскую армию. В Ачинске в ночное время они совершили побег и присоединились к партизанскому отряду Копылова. Зайцев принимал участие в боях на Дальнем Востоке против японских интервентов, участвовал в штурме Волочаевской сопки в октябре 1922 г., освобождал Владивосток от белогвардейцев.

Во время поисковых работ я думал, что сибирскую деревню уж точно обошли репрессии, но я ошибался. В настоящий момент мной установлено: 22 человека были репрессированы, из них семь человек расстреляны, остальные отбывали сроки в лагерях. Так, в семье Толкачевых было четыре сына, троих расстреляли, а четвертый, Иннокентий, умер в лагере. Сын Иннокентия Михаил во время Великой Отечественной войны прибавил себе год и ушел на фронт защищать Отечество.

И вот грянул 1941 г. Из деревни ушли на фронт, по неполным установленным данным, 157 человек, вернулись 90, погибли 42 человека, пропали без вести 25 человек.

Земляки воевали по всему фронту — от Карелии до Краснодарского края. Принимали участие в обороне Москвы, Сталинграда, воевали на Курской дуге, подо Ржевом и т. д. Воевали в пехоте, танкистами, летчиками, артиллеристами, связистами ходили в тыл врага за «языком» и т. д. Квитович Д. К. получил звание Героя Советского Союза 30 октября 1943 г. при форсировании р. Днепр. Летчик Дергач Н. П. бомбил Берлин на бомбардировщике ИЛ-4. Чавлытко П. М. штурмовал Берлин на «Катюше». Каждая фамилия — это легенда. Могилы шарловцев на всем протяжении боев. В Германии в земле лежат два солдата: Савицкий Федор Константинович 1904 г. р. получил смертельное ранение 9 мая 1945 г., умер 22 мая 1945 г.; Русак Дмитрий Герасимович умер от ран 23 октября 1945 г.

В деревне женщины и дети трудились за своих отцов и старших братьев.

Дети в полях собирали упавшие колоски, те, кто постарше, работали на лошадях. Трудились под девизом «Всё для фронта, всё для победы!».

Выживших в Великой Отечественной войне судьба разбросала по всей России. Так, Дергач Н. П. служил в Подмосковье, летал на стратегическом бомбардировщике ТУ-95. В июне 1961 г., являясь командиром полка, на встрече с Юрием Алексеевичем Гагариным лично вручил памятный подарок — макет самолета ТУ-95.

9 июля 1961 г. на праздновании Дня Воздушного флота СССР в Тушино Н. П. Дергач вел звено тяжелых стратегических бомбардировщиков. Крюков П. О. после Победы служил в МВД 35 лет, дослужился до заместителя министра МВД Республики Коми. Житель Шарловки Чавлытко П. М. всю свою послевоенную жизнь посвятил улучшению жизни родного района, долгое время был председателем Козульского райсовета. С его активным участием в п. Козулька в середине 60-х гг. построен Дом культуры, который до сих пор является центром культурной жизни района. Финансирование его строительства Петр Максимович добился, встретившись с тогдашним министром культуры СССР Фурцевой Е. А. Многие вернулись в деревню и продолжали трудиться на родной земле. В 1961 г. совхоз им. Молотова был преобразован в мясо-мо-

Командир полка Н. П. Дергач вручает Ю. А. Гагарину памятный подарок — макет самолета ТУ-95 (июнь 1961 г.)

лочный совхоз им. Чапаева, в который входило Шарловское отделение. Труженики отделения раскорчевывали поля, расширяли посевные площади. Сеяли пшеницу, овес, ячмень. Неоднократно механизаторы Чавлытко А. Ф., Стреж В. В., Циттель Ф. Ф. и другие награждались премиями за ударный труд. Доярки Стреж Г. С., Савицкая Г. Д., Кудрина Н. были признаны победителями в соцсоревнованиях. В 1975 г. в соцсоревновании среди коллективов животноводов Шарловская ферма была признана лучшей в Козульском районе. В деревне работала школа-шестилетка, с 7-го класса учащихся обучали в Козульке. Жили дети в интернате. В совхозе строили дома, и молодежь после окончания школы и службы в армии оставались в деревне. Руководство совхоза молодым работникам давало новую технику. В деревне работал клуб, жители деревни участвовали в художественной самодеятельности. Коллектив ездил по отделениям с концертами. В клубе была очень хорошая библиотека. В деревне работал фельдшер.

Ну вот пришла перестройка, гласность, оптимизация. Все рухнуло, деревня оказалась нерентабельной. КРС под нож, поля заросли бурьяном, кустарником, молодым лесом. В настоящее время в деревне около 50 дворов. В этом году в школу пошли учиться шесть учеников. Клуб и школу разобрали на дрова.

Спасибо партии и правительству за наше светлое будущее.

В настоящее время проводится большая работа по изучению истории д. Шарловки. Результатами такой работы стали как документальные материалы, так и историко-художественные произведения. На частные пожертвования построен мемориал Памяти. На основе собранного материала учитель Панкрац И. П. написал поэму «Освоение. История и люди сибирских деревень. Деревня Шарловка». Ученица Кемчугской средней школы им. Героя Советского Союза Хлебникова Михаила Андреевича — Стручинская Екатерина стала победителем краевого конкурса сочинений «ВОВ в судьбе моей семьи»; ученица Кедровской школы Кудрина Ольга — призер краевого конкурса с сочинением «Каждый за Родину павший — герой», она же стала участницей Всероссийского конкурса «Моя малая Родина» в номинации «История моего сельского населенного пункта — подвиг села».

Список литературы и источников

1. *Александрович* Н. Ю. Переселение белорусских крестьян в Енисейскую губернию на рубеже XIX–XX вв.
2. *Кауфман* А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 23.
3. Архив г. Ачинска.
4. *Осколков* М. Г., краевед.
5. *Ефимов* А. Г. Великий Сибирский Ледяной поход (1954 г.).
6. ОБД «Мемориал».
7. Газета «Правда» № 191 от 10.07.1961 г.
8. Книга памяти жертв политических репрессий в Красноярском крае.

Зерновое производство Алтайского края во второй половине 1980-х гг.

Д. С. Орлов,
доктор исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, г. Бийск

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается, как осуществлялась реконструкция развития зерновой отрасли в Алтайском крае во второй половине 1980-х гг., показана ее динамика, выявлены проблемы развития. Сделан вывод, что изменения, происходившие в зерноводческой отрасли региона в исследуемый период, были связаны с изменениями аграрной политики Советского государства. Позитивная динамика производства продукции зерновых культур была связана с восстановлением отрасли после кризиса начала 1980-х гг. и стимулирующим воздействием мер, принятых в рамках реализации Продовольственной программы 1982 г. Были проведены значительные работы по восстановлению плодородия почв, внедрялись интенсивные технологии землепользования. В структуре пашни региона сократилась доля посевов зерновых культур. Совхозы и колхозы региона увеличили продажу государству зерна твердых и сильных сортов, что стало признаком повышения качества производимого зерна и снижения доли кормового (фуражного) зерна. Большое влияние на зерновую отрасль региона продолжали оказывать погодные условия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА сельское хозяйство, аграрная политика, зерноводство, совхозы, колхозы, Алтайский край.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей развития зернопроизводства Алтайского края. Принципиальное значение при этом отводится исследованию проблем в развитии зерноводческой отрасли, анализу динамики производства продукции и государственных закупок, развитию химизации и внедрению новых агротехнологий. Алтайский край в указанный период занимал ведущее место в аграрном комплексе Западной Сибири, был крупнейшим производителем зерновых культур. Анализ заявленной проблемы на уровне края реализуется в контексте развития аграрных отношений в Западно-Сибирском экономическом районе и стране в целом.

К середине 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве страны стабилизировалась. Аграрный кризис в начале десятилетия проявился в резком снижении эффективности сельхозпроизводства, его фондоотдачи, окупаемости применяемых средств, производительности труда, росте себестоимости продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [6, с. 150–151]. Кризисная ситуация также выражалась в фактическом банкротстве большинства колхозов и совхозов, убыточности производства большинства видов сельхозпродукции, снижении объемов капиталовложений в аграрный сектор. Катализатором аграрного кризиса стала сильная засуха 1981–1982 гг., нанесшая особо сильный урон зерноводству.

Высокой оставалась «метеозависимость» сельского хозяйства, приводившая к частым неурожаям. В поданной 28 августа 1982 г. в Политбюро ЦК КПСС от имени Л. И. Брежнева «Записке по вопросам сельского хозяйства» указывалось, что в стране

> до сих пор почти половина площадей зерновых культур не получает минеральных удобрений. Плохо обеспечены хозяйства и машинами для внесения их в почву. А разве дело, что органические удобрения разбрасываются вилами или растаскиваются по полям бульдозерами? Колхозы и совхозы испытывают большую нужду в почвообрабатывающей и посевной технике для внедрения безотвальной системы обработки.

> Ее применение дает весомую прибавку к урожаю почти во всех зонах страны. Из года в год мы теряем много зерна из-за несовершенства уборочной техники [3, с. 76].

Но основным системным фактором кризисных явлений в зерновом хозяйстве являлось несовершенство хозяйственного механизма советского сельского хозяйства, не создававшего необходимых экономических стимулов для наращивания производства.

Ситуация, сложившаяся в аграрном секторе к началу 1980-х гг., вынудила правящие круги к принятию мер, направленных на замедление спада в аграрном производстве. Принятая майским (1982) пленумом партии Продовольственная программа СССР, рассчитанная до 1990 г., содержала решение реализовать ряд мер по росту материального благосостояния колхозников, увеличению объемов жилищного и культурно-бытового строительства, совершенствованию медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Агропромышленный комплекс выделялся как самостоятельный субъект планирования и управления. Были списаны долги сельхозпредприятий, прошел очередной раунд повышения закупочных цен [5, с. 21–61]. Ситуация в сельском хозяйстве региона с 1983 г. в целом начала стабилизироваться.

Во второй половине 1980-х гг. в структуре посевов колхозов и совхозов Алтайского края произошли следующие изменения. На фоне незначительного общего роста объема используемых сельскохозяйственных угодий и увеличения посевов кормовых культур произошло сокращение посевов зерновых с 4192,1 тыс. до 4121,4 тыс. га (табл. 1). К 1989 г. по сравнению с 1985 г. удельный вес посевов зерновых снизился с 65,4 до 61,7 %. Доля яровой пшеницы сократилась с 43,3 до 41,2 %.

Таблица 1
Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Алтайского края в 1980–1989 гг. (тыс. га) [1, л. 3]

	1980 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
посевная площадь, всего	6617,6	6407,2	6465,1	6532,7	6593,4	6676,3
зерновые	4539,5	4192,1	4271,0	4265,4	4226,3	4121,4
в т. ч. яровая пшеница	3232,8	2775,7	2802,9	2815,0	2828,1	2748,1
сахарная свекла	60,4	60,3	59,3	63,7	67,6	66,2
подсолнечник	90,4	95,7	90,3	103,9	114,2	128,3
картофель	74,7	74,9	74,1	75,9	83,3	82,8
овощи	10,7	8,6	8,5	9,1	13,2	13,2
кормовые культуры	1791,0	1948,4	1931,8	1972,9	2033,0	2127,9

Одним из факторов наращивания производства зерна во второй половине 1980-х гг. являлись более благоприятные погодные условия, чем в первой половине десятилетия. Свою роль в развитии зернового хозяйства сыграло развитие материально-технической базы сельхозпроизводства. Выросли поставки тракторов, зерноуборочных комбайнов, другой техники. Увеличились масштабы внесения в почву удобрений и обработки посевов гербицидами.

Большую роль сыграло внедрение отношений подряда и аренды, начавшееся в середине 1980-х гг. и значительно стимулировавшее развитие зернопроизводства. В 1986 г. на коллективном подряде в Алтайском крае работало 9339 бригад и звеньев. Они обрабатывали 5,4 млн га пашни (76 %), обслуживали 89 % поголовья коров, 70 % молодняка КРС, 73 % свинопоголовья и все поголовье овец и коз. 5640 коллективов

на подряде применяли чековую форму оперативного контроля. 3315 бригад работали на сквозном подряде, обслуживая 33 % пашни и 34 % скотопоголовья [2, л. 34].

Среднегодовой валовой сбор зерновых культур в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах в годы XII пятилетки достиг уровня 6120,3 тыс. тонн (табл. 2), существенно превышая показатели VIII, X и XI пятилеток (5204,7 тыс., 5526,6 тыс. и 4647,4 тыс. тонн соответственно) и лишь немного уступая результатам первой половины 1970-х гг. — 6318,1 тыс. тонн [1, л. 4].

Таблица 2
Производственные показатели развития зернопроизводства в хозяйствах всех категорий Алтайского края в 1985–1989 гг. [1, л. 4, 5, 7]

	Валовой сбор, тыс. т	Урожайность, ц/га	Госзакупки (включая возврат ссуд), тыс. т
1985 г.	6104,3	14,6	2909,7
1986 г.	6266,5	14,7	3172,2
1987 г.	6541,5	15,3	3175,8
1988 г.	5224,9	12,4	1589,6
1989 г.	6448,2	15,6	2574,9

Среднегодовая урожайность алтайской зерновой нивы составила 14,5 ц/га и была выше аналогичных показателей за предыдущие четыре пятилетки. Высокими были в двенадцатом пятилетии и продажи зерна государству (2628,1 тыс. т), уступая только показателям первой половины 1970-х гг. — 3101,5 тыс. тонн.

Основной зернопроизводящей зоной края оставалась Кулундинская степь, дававшая в благоприятные годы львиную долю урожая зерновых культур. Максимальное производство и закупки зерновых в Алтайском крае имели место во влагодостаточные (для степной зоны) годы.

Начали внедряться интенсивные технологии выращивания зерновых культур, под которыми понималась совокупность приемов и методов ведения земледелия, обеспечивающих увеличение продуктивности пашни на основе комплексного применения средств химизации, мелиорации, комплексной механизации и внедрения передовых методов агротехники (размещение посевов по лучшим предшественникам, безотвальная вспашка и другие приемы защиты почвы от ветровой и водной эрозий). Интенсивная технология в первую очередь предполагала высокий уровень применения минеральных удобрений и ядохимикатов.

Позитивные сдвиги в зерновом хозяйстве отчасти были связаны с улучшением агротехники. Применялись почвозащитные и влагоудерживающие агротехнологии. Безотвальная обработка с оставлением стерни на поверхности поля способствовала накоплению влаги, уменьшала промерзание почвы и улучшала впитывание талых вод. В годы с малоснежной и ветреной зимой безотвальная обработка повышала влагозарядку почвы весной. Благодаря этому в первой половине вегетации пшеница меньше страдала от июньской засухи, чем при отвальной вспашке [4, с. 154].

Активизировались меры по борьбе с ветровой и водной эрозиями. Расширилась высадка защитных лесонасаждений. На сильно эродированных почвах высеивались многолетние травы, на среднеэродированных — осваивались севообороты с полосным размещением многолетних трав и зерновых культур, на слабоэродированных — вводились почвозащитные севообороты. Большой эффект давало введение и освоение научно обоснованных севооборотов. Это позволяло оптимизировать структуру посевов, размещать экономически значимые культуры по лучшим предшественникам.

Проводилась работа по сортообновлению зерновых культур. В 1980 г. в Западной Сибири возделывалось 25 сортов пшеницы, среди них 21 сорт мягкой и 4 сорта твердой. Основную часть пшеничного поля — 81,4 % занимали среднеспелые сорта, среднепоздние — 10 %, среднеранние — 8,4 %. Самый широкий набор сортов был в Алтайском крае. Если в 1975 г. здесь высеивали 13 сортов, то в 1980-е гг. — 17.

Таблица 3
Качество реализованной государству пшеницы в Алтайском крае (тыс. т) [1, л. 8]

	Всего пшеницы	в том числе			Итого высококачественного зерна	В % к общей реализации
		сильной	твердой	ценной		
1985 г.	2030,3	384,3	115,9	806,9	1307,1	64,4
1986 г.	2363,4	613,5	195,7	915,1	1724,3	72,9
1987 г.	2382,7	561,3	241,1	866,6	1668,7	70,0
1988 г.	1177,0	336,5	186,9	455,3	978,7	83,2
1989 г.	1914,9	500,0	313,4	853,2	1666,6	87,0

Предпринятые меры позволили сельхозпредприятиям продавать государству зерно более высоких кондиций. Во второй половине 1980-х гг. было реализовано 77 % высококачественного зерна, что значительно опережало показатели четырех предшествующих пятилеток (33,1, 39,3, 33,9 и 57,6 % соответственно) [1, л. 8].

Таким образом, в зерноводческой отрасли Алтайского края произошли следующие изменения. В структуре пашни сократились посевы зерновых культур, снизился удельный вес посевов яровой пшеницы. Совхозы и колхозы региона значительно увеличили продажу государству зерна твердых и сильных сортов, что свидетельствует о повышении качества производимого зерна и уменьшении доли кормового зерна. Стали масштабнее применяться химизация и современные агротехнологические приемы.

Список литературы и источников

[1] ГААК. Ф. П. 1. Оп. 151. Д. 129.
[2] ГААК. Ф. Р. 1794. Оп. 1. Д. 246.
[3] *Ильиных В. А., Пивоваров Н. Ю.* Зерновая проблема в СССР в начале 1980-х гг. (Записка Л. И. Брежнева от 28 августа 1982 г. по вопросам развития зернового хозяйства) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. №1.
[4] *Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н.* Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х — 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.
[5] Продовольственная программа СССР: сб. нормативных документов. М., 1985. 283 с.
[6] Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.] / В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков, В. М. Рынков [и др.]. Новосибирск, 2012. 408 с.

Остров Молокова на Енисее — первая авиабаза полярной авиации СССР

Д. О. Скобелев,
кандидат экономических наук,
директор ФГАУ НИИ «Центр экологической промышленной политики», г. Москва

АННОТАЦИЯ Об истории первой авиабазы полярной авиации СССР на острове Молокова в Красноярске и Енисейской авиагруппы полярной авиации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА полярная авиация, Енисейская авиагруппа, остров Молокова.

Освоение Севера в Советской России началось уже в 1920 г. В первые годы советской власти руководители молодого государства четко понимали важность экономического освоения Северного морского пути. Доставка грузов, идущих на экспорт в Европу, США и Японию, приносила валюту, столь необходимую для восстановления Советской России после разрушительного времени революции и Гражданской войны, и этот путь вдоль северного побережья страны оказался не только самым коротким и дешевым по затратам, но для некоторых видов сырья и единственным. Надо сказать, что и поступление импортных товаров и оборудования в географический центр страны благодаря судоходству на Енисее и выходу к Транссибу тоже имело не менее важное значение. Несметные богатства северных территорий — сибирский лес, пушнина, а позднее соль и графит имели огромный спрос и успешную реализацию на мировых рынках. Опять же по Енисею и Оби шли на Север суда с экспортным зерном из богатых хлебом районов Сибири и Алтая. Для заинтересованности торговых людей правительственным решением для устьев сибирских рек было введено порто-франко: как экспортные, так и импортные грузы, перевозимые Северным морским путем, были полностью освобождены от всех видов таможенных пошлин. Карское море и Енисейский залив стали крайне важным геополитическим объектом. Карские экспедиции стали известны всему миру. Необходимо было создавать портовую инфраструктуру, организовывать проводку судов, обеспечивать безопасность плавания, продумывать дальнейшую логистику. Назрела необходимость в создании организации, руководящей процессом.

Комитет Северного морского пути (Комсеверпуть) был создан в Омске 20 апреля 1920 г. при Сибирском ревкоме для обеспечения Карских морских экспортно-импортных экспедиций. В «Положении о Комсеверпути» отмечалось, что Комитет создается при Сибревкоме для всестороннего оборудования, усовершенствования и изучения Севморпути в целях превращения его в артерию постоянной практической связи, а также для технической организации и осуществления товарообмена с заграницей, транспортировки грузов Европейской России через устье рр. Обь, Енисей, Лена, Колыма.

Карские экспедиции проводились ежегодно. Только в 1921–1925 гг. в ходе Карских экспедиций было отправлено на экспорт 4,5 тыс. тонн древесины, 9,5 тыс. тонн животного сырья, почти 3,3 тыс. тонн технических культур, более 2,9 тыс. тонн полезных ископаемых, 45 тонн пушнины. Всего было вывезено почти 20,5 тыс. тонн экспортных грузов. Импорт за тот же период составил почти 31,5 тыс. тонн, в том числе 8,2 тыс. тонн сельхозмашин и инвентаря, 3,6 тыс. тонн оборудования для промышленно-

А. Д. Алексеев и Б. Г. Чухновский в Красноярске

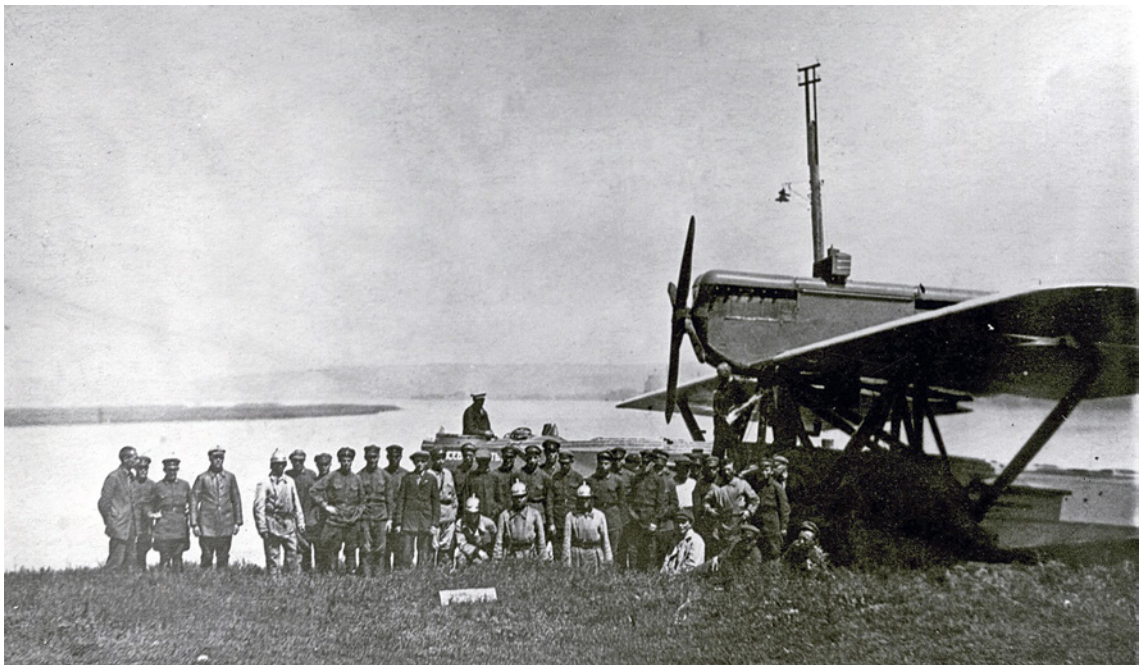
сти, 6,2 тыс. тонн полуфабрикатов[1]. В 1928 г. Комитет был преобразован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта «Комсеверпуть» с правлением в Новосибирске.

Авиация в «Комсеверпути» появилась в 1929 г. Инициаторами выступили летчик Борис Григорьевич Чухновский и летчик-наблюдатель Анатолий Дмитриевич Алексеев при поддержке сотрудника «Комсеверпути» Марка Ивановича Шевелева. Первый самолет — «Дорнье Валь», получивший собственное наименование «Комсеверпуть», был получен от Управления Военно-воздушных сил. В летнюю навигацию 1929 г. экипаж Чухновского выполнял полеты по ледовой разведке в Карском море.

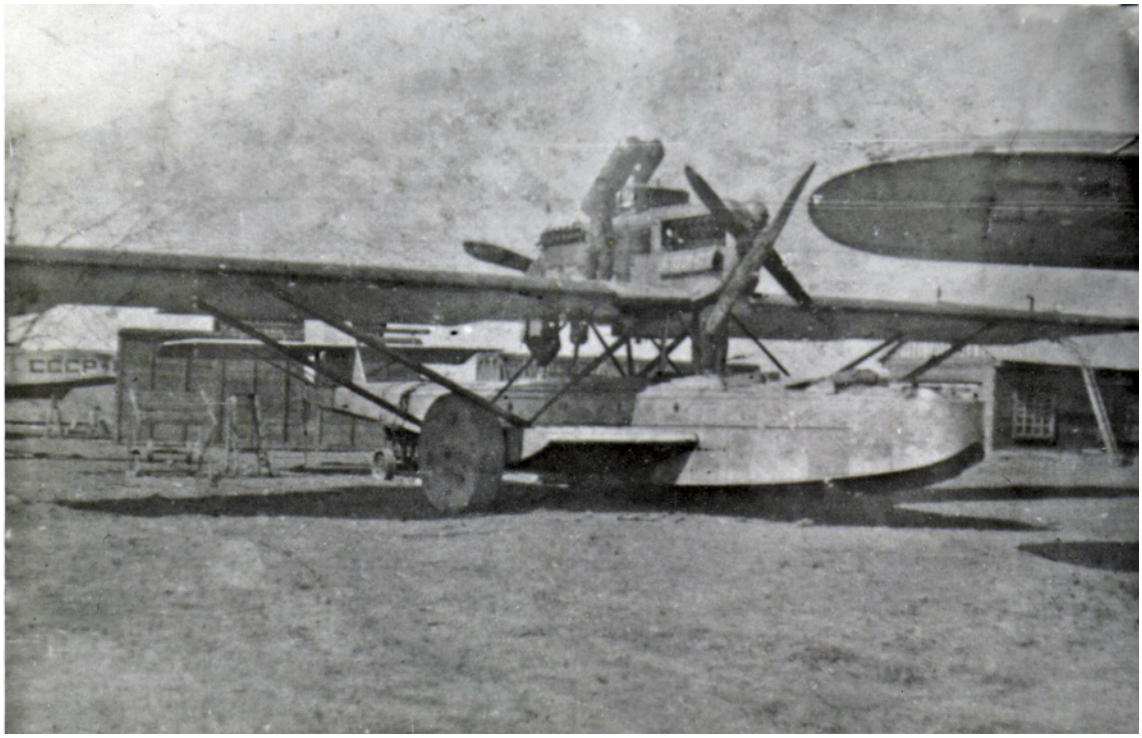
После завершения ледовой разведки и окончания навигации «Комсеверпуть» прилетел в Игарку, затем в Красноярск, где Чухновский посадил самолет на Абаканскую протоку Енисея. На острове Телячьем был построен деревянный временный склад для хранения самолета. Так, первое пристанище самолета Чухновского (и, как оказалось, исключительно удобная для взлета-посадки гидросамолетов Абаканская протока) предопределило создание в недалеком будущем на острове Телячьем основной гидроавиабазы полярной авиации. Первоначально этот проект был не один, рассматривался и проект постройки гидроаэропорта в районе п. Ладейки в сентябре 1932 г. Но в итоге было принято решение об организации гидроавиабазы все-таки на острове Телячьем.

Уже в январе 1930 г. на острове Телячьем закипела работа. Полуразобранный самолет вытащили из времянки-сарая и по льду Абаканской протоки перетащили в затонские мастерские. Срочность сборки была обусловлена сообщением о пропаже

[1] ГАКК. Красноярский рабочий. 01.06.1921.



Самолет «Дорнье Валь» («Комсеверпуть-1») на Енисее, 1931 г.



Остров Молокова, самолет «Дорнье Валь» на ремонте

Остров Молокова, здание гидропорта, 1937 г.

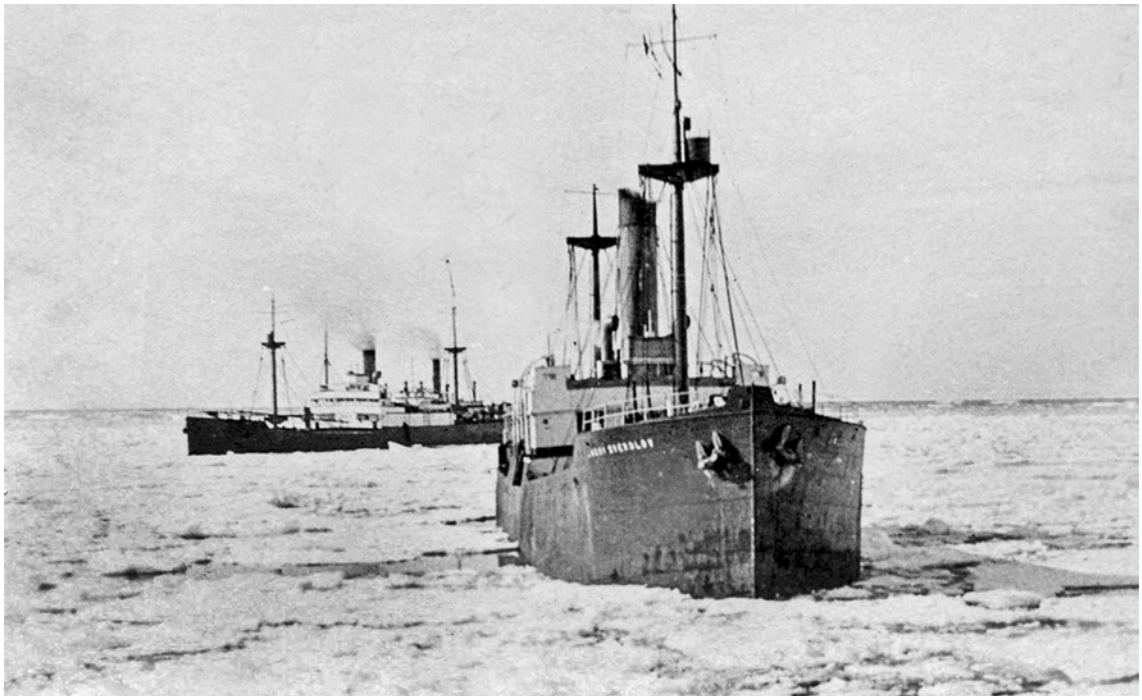
в районе мыса Северный на Чукотке американских летчиков Эйельсона и Борланда. Об этом радировал в Москву капитан засевшего во льдах в том же районе парохода «Ставрополь» П. Г. Миловзоров. Правительство отреагировало незамедлительно. Два из трех посланных на эвакуацию пассажиров парохода «Ставрополь» и уже находившихся в бухте Провидения самолетов были перенацелены на поиск пропавшего экипажа. Готовился и «Комсеверпуть» Чухновского[2]. К сожалению, американские авиаторы были найдены погибшими. Нашли их в 50 милях от мыса Северный участники интернациональной американо-канадско-советской группы, возглавляемой советским летчиком Маврикием Слепневым. Изношенный за время поисков «Комсеверпуть» встал в Иркутске на ремонт. Из ремонта вышел как раз к летней навигации 1930 г.

Наличие в Авиаслужбе только поплавковых гидросамолетов предопределило достаточно узкий период их эксплуатации — только в летнюю навигацию. Зимой самолеты в разобранном виде хранились на острове Телячьем в Красноярске. Весной самолеты собирали, проводили необходимый ремонт и — вперед на Север!

Летом 1932 г. бортмеханик Борис Григорьевич Крутский организовал на острове Телячьем ремонт двух самолетов «Дорнье Валь». Как он впоследствии рассказывал корреспонденту газеты «Красноярский рабочий»:

> ...Для ремонта самолетов нами были привезены из Севастополя дюральщики, из Москвы — обойщики, а все остальные профессии рабочих были набраны на месте, в Красноярске.
>
> Несмотря на то что ремонт производился нами в самых неблагоприятных условиях, с большими затратами на выплату командировочных, перевозку багажом

[2] ГУНБКК. Красноярский рабочий. 17.01.1930.



Карские операции, 1920-е гг.

> материалов и отсутствием надлежащего оборудования, ремонт удалось закончить в кратчайший срок. Качество ремонта было удовлетворительно[3].

В следующие годы остров стал развиваться в двух направлениях — как гидроавиабаза (гидропорт со всеми службами) и как авиаремонтные мастерские для морских самолетов.

В 1934 г. руководство ГУ СМП пришло к решению о создании тыловых снабжающих и ремонтных баз, связанных с магистральным транспортом. Реки Енисей, Иртыш, Обь, Лена, Колыма, пересекающие железнодорожную магистраль, предопределили организацию центральных авиабаз на этих водных артериях, что позволило в навигационный период легко осуществлять северный завоз, а в зимнее время центральные авиабазы стали хорошими аэродромами и местом ремонта и хранения самолетно-моторного парка.

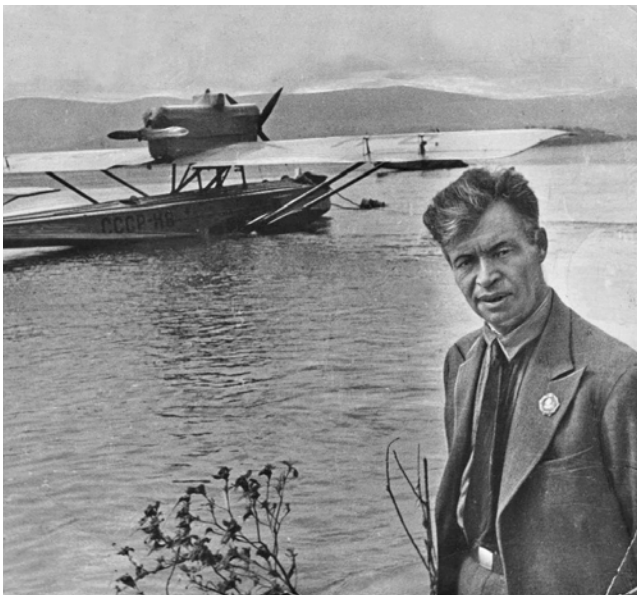
В создании наземной базы полярной авиации особое значение ГУ СМП придавало постройке основной гидроавиабазы полярной авиации в Красноярске на пересечении железнодорожной магистрали и водной магистрали Енисея.

Это широко освещалось в местной и центральной прессе. В статье главного инженера Управления воздушной службы ГУ СМП Абраменка «Пути освоения Арктики» так и было написано:

> В создании земной базы полярной авиации особое значение придается ГУ СМП постройке основной гидроавиационной базы в Красноярске на пересечении железнодорожной магистрали и водной магистрали Енисея, являющейся выходом к огромному району работ Северного морского пути — Лено-Карских операций. Красноярская

[3] ГАКК. Красноярский рабочий. 26.08.1934.

В. С. Молоков, 21 февраля 1935 г.



В. С. Молоков на Енисее, 1934 г.

> гидроавиабаза имеет исключительное значение в деле освоения Великого Северного морского пути, в деле завоевания Арктики[4].

Первая очередь стройки базы на острове Телячьем, в 1934 г. переименованном в остров Молокова в честь пилота Енисейской авиалинии — одного из первых Героев Советского Союза, предусматривала постройку гидроаэропорта, авиаремонтных мастерских с теплым ангаром и складов снабжения. Но в планах второй очереди (1935) сразу предусматривалось строительство большого авиаремонтного завода, кроме ремонта, выполняющего работы по переоборудованию отдельных стандартных типов самолетов, выпускаемых промышленностью, к специфическим нуждам Севера. Была создана специализированная строительная организация «Авиагидрострой» во главе с инженером С. З. Барановским. Строительство осуществлялось хозяйственным способом, строительные работы производились одновременно на острове Молокова и на обоих берегах Енисея. Строились аэровокзал, гидроспуск, авиамастерские, бензохранилище, двухэтажный дом для летного состава и дом для обслуживающего персонала, испытательный стенд, склады, трансформатор, водопровод, котельная, три ангара (один теплый и два сборных холодных).

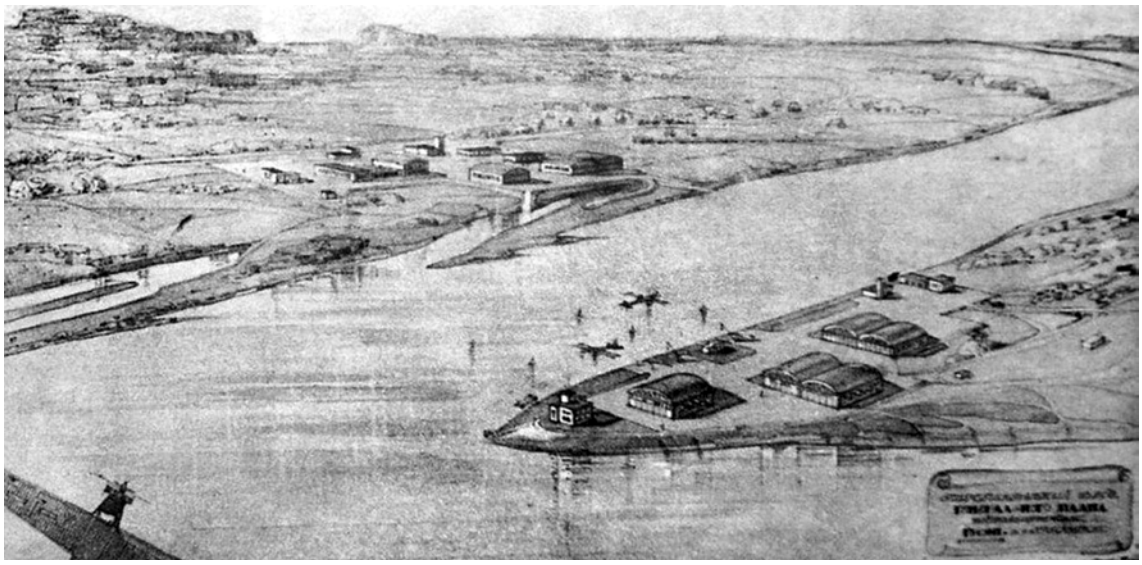
Красноярская авиабаза ГУ СМП стала состоять из двух частей — сама авиабаза со всеми объектами в восточной оконечности острова Молокова и вторая часть с объектами авиаремонтного завода и жилыми домами на правом берегу Абаканской протоки р. Енисей.

В день авиации 18 августа 1934 г. начальник авиагидролинии Красноярск — Диксон Прилуцкий в статье «Воздушная столбовая дорога в Арктику» в газете «Красноярский рабочий» вспоминал, как это начиналось, и рассказывал о сегодняшнем дне авиалинии:

> По решению ГУ СМП в Красноярске создана центральная база для воздушных кораблей, работающих в Арктике и по зимовкам.

---

[4] ГУНБКК. Красноярский рабочий. 22.08.1934.



База на острове Молокова на генеральном плане, 1935 г.

> База эта — начальный пункт воздушной «столбовой» дороги в Арктику. По ней весной уходит в Карское море на ледовую разведку, в экспедиции и на зимовки ряд воздушных кораблей. Уже осенью текущего года на остров Телячий пришвартуется более десятка морских воздушных кораблей[5].

По штату в гидропорту на 1 января 1935 г. было 18 человек: линейный инженер, три авиатехника, два авиамоториста, три катерных моториста, три аэродромных рабочих, шофер, пять сторожей и кладовщик[6].

В январе 1935 г. начальником ГУ СМП был утвержден проект гидроавиаремонтной базы в Красноярске.

По штатному расписанию на 1937 г. Красноярский гидропорт уже насчитывал 50 человек личного состава.

В конце августа 1938 г. Енисейскую авиалинию передали из ГУ СМП в Гражданский воздушный флот (ГВФ). Так как воздушная линия Красноярск — Игарка перешла в ГВФ, вместе с ней в ГВФ перешла и гидроавиабаза на острове Молокова. Самолеты те же — Г-1, ПР-5 и МП-1, работающие круглогодично. С гидропорта пассажиры стали улетать в Игарку, Туру, Кежму, Байкит, Енисейск, Мотыгино.

Во время Великой Отечественной войны гидропорт продолжал свою работу. Самолетов остался самый минимум — всего два экипажа на близких к списанию по износу самолетах Г-1. Полеты были редки и только по заданиям краевого руководства и для нужд обороны. В июне 1942 г. почти все народно-хозяйственные перевозки на территории Красноярского края вновь передали в ведение ГУ СМП. Гидросамолеты МП-1 и северные Г-1 и СП вновь передали в полярную авиацию. Полеты по спецзаданиям продолжились, гидропорт свою работу не останавливал ни на минуту.

Во время войны остров Молокова стал еще и Центральной авиаремонтной базой полярной авиации (ЦАРБ) — в связи с нехваткой площадей на КрАЗе на правом берегу Енисея для эвакуированного авиазавода цех ремонта самолетов полярной авиации перевели на остров Молокова.

---

[5] ГУНБКК. Красноярский рабочий. 22.08.1934.

[6] ГАКК. Ф. Р-1421. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–10.

М. И. Шевелев в Красноярске, 1930-е гг.

Б. Г. Чухновский, 1928 г.

Основным аэродромом Красноярска во время войны стал сухопутный аэродром на левом берегу Енисея. В 1941–1945 гг. бетонная взлетно-посадочная полоса аэродрома Красноярск и сухопутный аэропорт хоть и находились в ведомстве ГВФ, но были главной базой для обеспечения перегона боевых и транспортных самолетов, поступающих из США в СССР по Красноярской воздушной трассе по программе ленд-лиз, и новых советских самолетов-бомбардировщиков, перегоняемых во фронтовые части авиации дальнего действия с авиазаводов Иркутска и Комсомольска-на-Амуре. К тому же на сухопутном аэродроме базировались учебные самолеты эвакуированной в Красноярск Харьковской военной авиашколы стрелков-бомбардиров и запасной авиаполк ВВС Красной Армии. Основными магистральными самолетами ГВФ стали Ли-2 и С-47 — колесные грузопассажирские тяжелые машины.

Абаканская протока как гидроаэродром отходила на второй план. С нее взлетали МП-1 на Кежму, Богучаны и Мотыгино и испытываемые изделия эвакуированного на площади КрАЗа авиазавода № 477 Наркомата авиапромышленности — гидросамолеты Бе-4.

После окончания войны цеха ЦАРБ так и остались на острове на достаточно долгое время. Гидропорт продолжал активно работать все 1950-е гг. Задачи постепенно изменились — после реорганизации и передачи завода имени Побежимова в Минречфлот, а позднее и расформирования полярной авиации самолетов на Абаканской протоке не стало.

Закрыл гидропорт построенный и сданный в эксплуатацию Коммунальный мост через Енисей, в связи с чем полеты на Абаканской протоке были запрещены. Здания и сооружения гидропорта передали в ДОСААФ, и историческое здание гидропорта на долгие годы стало домом для клуба водно-моторного спорта, а после развала СССР перешло в частные руки, благодаря чему и сохранилось до настоящего времени почти в первозданном виде.

Идеально сохранившееся до нашего времени здание штаба гидроавиабазы на северном мысе острова является объектом культурного наследия. Это здание сегодня, воз-

можно, единственное в стране сохранившееся историческое здание, имеющее отношение к зарождению полярной авиации России.

Все великие первопроходцы воздушных путей Арктики прошли через этот памятник истории. Его энергетика ценна и сегодня.

Именно поэтому проект «Парк-музей освоения Севера», о котором пойдет речь в презентации, рассчитан именно на территории острова Молокова — места исторической памяти, места силы, места накопленной десятилетиями энергии героических свершений наших предшественников — первопроходцев путей освоения Севера, первых Героев страны и Героев Великой Отечественной войны.

Это — идеология, это то, чего сейчас особенно не хватает в современной жизни. Причем идеология не личного потребления и обогащения, а идеология бескорыстного героического служения на благо Отечества наших предшественников.

Негативные факторы, влияющие на жизнь населения Минусинского уезда в годы Гражданской войны

В. В. Топчеев,
старший научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск

АННОТАЦИЯ В статье анализируются негативные факторы, оказывающие влияние на жизнь населения Минусинского уезда в годы Гражданской войны, прежде всего деградация хозяйственной деятельности, миграционные процессы и отсутствие гарантий безопасности, а также деятельность органов власти в условиях кризиса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА хозяйственная деятельность, спекуляция, инфляция, миграционные процессы, эпидемиологическая ситуация, безопасность.

Историография Гражданской войны в России 1917–1922 гг., к сожалению, носит идеологизированный характер. Но если политическая и военная история периода освещена достаточно полно, то бытовые стороны жизни населения бывшей Российской империи изучены очень слабо. В советское время данному вопросу научным сообществом не уделялось должного внимания [11, с. 2]. В современной России данной теме посвящены работы В. Ж. Цветкова, А. А. Семенова, А. Н. Федорова, А. Ю. Давыдова, В. Б. Аксенова и других, но все они носят односторонний характер, так как описывают жизнь населения крупных городов и преимущественно на территории, подконтрольной советской власти.

Вне всякого сомнения, условия жизни обывателей крупных городов сильно отличались от бытия населения уездных центров и тем более от жизни крестьян сельских поселений. Поэтому мы в данной статье будем говорить о факторах, влияющих на жизнь населения Минусинского уезда с 1918 по 1920 г. Рассматривать их мы будем с точки зрения хозяйственной деятельности, влияния внешних факторов и безопасности.

В годы Первой мировой войны в Минусинском уезде сложились следующие негативные факторы: дезорганизация транспортной системы, нехватка рабочих рук, упадок хозяйственной деятельности, спекуляция. Цены на продовольствие и товары первой необходимости выросли в два раза, что для привыкших к стабильности людей было серьезным потрясением [12, с. 171].

В годы Гражданской войны эти тенденции усилились. В первые месяцы после крушения советской власти транспортная система в Сибири работала довольно сносно. Минусинские купцы даже имели выход на азиатские рынки, освоенные ими в предшествующий период. Но с перенесением боевых действий на территорию уезда все экономические связи прервались, а после установления повсеместно в Сибири советской власти общий упадок транспорта стал ощущаться и в регионе. При этом на бытовом уровне все власти, управляющие Сибирью в годы Гражданской войны, ограничивали передвижение граждан. На выезд из города необходимо было получать разрешение.

Остро сказывалась в уезде нехватка рабочих рук. Война выгребала мужское население и прежде всего квалифицированную, образованную ее часть. В 1918–1919 гг. в Минусинске было трудно найти прислугу. Низкоквалифицированный труд в усло-

виях дефицита финансов недостаточно оплачивался. Поэтому в городе требовались водовозы, сторожа, курьеры, прачки, технички, возчики. Не хватало и высококвалифицированных работников: плотников, столяров, опытных машинисток. Все это сказывалось на развитии хозяйства, поэтому колчаковская администрация, несмотря на приверженность идеям рыночного хозяйства, прибегала и к силовым акциям. Доходило до курьезов. В сентябре 1919 г. «была объявлена регистрация лиц, подлежащих отбытию трудовой повинности», в которую входили в том числе и юристы. Данную проблему пыталась решить и советская власть, но уже смело прибегая к мобилизациям: учителей, медицинских работников, фармацевтов и даже музыкантов в военный оркестр [8, с. 2].

Но подлинным бедствием для региона являлась безудержная спекуляция. Вот как это описывает журналист газеты «Минусинский край» в сентябре 1919 г.:

> Ни для кого не секрет, что у нас спекулянтов развелось более чем у богатых хлебопромышленников мышей в амбаре [10, с. 1].

Кроме местных прибывали дельцы пароходами из Читы, Иркутска, Канска, Ачинска, Томска и Красноярска. Они приезжали с товаром, торговали в гостиницах, частных домах, на биржах, закупали товары и увозили его в другие регионы. Все это без официального разрешения и выплат пошлины в местный бюджет.

> Трудно указать, кто теперь не бросился за легкой наживой; булочники-крендельщики закрыли свои заведения; портные, сапожники, столяра, кузнецы бросили мастерские, и даже чиновники подали в отставку и занялись спекуляцией [10, с. 1].

Летом 1919 г. Сибирь увидела совсем уже экзотичных торговцев:

> В уезде появились китайцы, грязные, засаленные, с огромными деньгами, скупают николаевские деньги [16, с. 2].

Как и в предшествующий период, справиться со спекулянтами, активно пользующимися услугами чиновников-коррупционеров, в условиях рыночного хозяйства не удалось. Советская власть сумела значительно уменьшить деятельность спекулянтов на глобальном уровне, но ликвидировать мешочников как класс у нее не получилось.

Одновременно с вывозом ресурсов из региона перед уездным руководством встал вопрос острой нехватки бюджетных средств. Решить эту проблему попытались с помощью повышения налогов. В сентябре 1919 г. городская дума ввела очередные повышения. Облагались все торговые и промышленные предприятия, все виды транспорта, включая велосипеды и скот, вплоть до собак. Вот только платить эти налоги в условиях хаоса и дезорганизации власти никто не собирался. Потому что, по выражению современника, «городская казна была пуста» [10, с. 1].

По этой причине коммунальное хозяйство влачило жалкое существование. О чем свидетельствует история с мостом через р. Минусинку, который не могли починить в течение трех месяцев. Даже на постройку необходимых городу «заразных бараков» денег так и не нашли, хотя вопрос поднимался в течение многих лет. По наследству эта проблема перетекла и к советской администрации, усугубляясь тем, что при эвакуации белые вывезли все имеющиеся финансы. Уже 22 октября 1919 г. новые городские власти в газете «Соха и молот» просят жителей уезда «уплатить платежи» [4, с. 1]. Судя по дальнейшим объявлениям, платить по-прежнему никто не собирался.

Все эти негативные тенденции привели к росту цен на продовольствие и товары первой необходимости.

Цены на продовольствие и товары первой необходимости

№ п/п	Название товара	1914 г.		1916 г.		1919 г.	
		цена	мера	цена	мера	цена	мера
1	Мука пшеничная	80 коп.	пуд	1 руб. 70 коп.	пуд	50 руб.	пуд
2	Мука ржаная	50 коп.	пуд	1 руб. 30 коп.	пуд	35 руб.	пуд
3	Мясо	12 коп.	фунт	18 коп.	фунт	4 руб. 50 коп.	фунт
4	Сахар	18 коп.	фунт			5 руб.	фунт
5	Картофель	17 коп.	ведро			7 руб.	ведро
6	Масло	35 коп.	фунт			11 руб.	фунт
7	Дрова	4 руб.	сажень			294 руб.	сажень

Таблица составлена по источникам: [6, с. 2; 7, с. 2; 13, с. 4].

При этом зарплата неквалифицированного работника составляла к этому времени около 100 рублей в месяц и ее зачастую не выплачивали. Главным вопросом лета 1919 г. стало повышение оклада сразу на 70–100 %, так как инфляция не оставляла возможностей людям наладить свой быт.

Еще более дорогими были товары первой необходимости. Мыло стоило 14 рублей за кусочек. Мануфактура, зачастую иностранного производства, была недоступна для обычных граждан. Готовая одежда стоила еще дороже. И если пиджачная пара за 300 рублей в 1917 г. обывателя «сводила с ума» [3, с. 141], то цены 1919 г. уже никого не удивляли. За одну пару катанок просили неподъемные 233 рубля, а цены на сапоги были вовсе астрономическими. В августе 1919 г. в с. Восточном на пашне были ограблены братья Лазейкины:

> двое неизвестных, угрожая смертью, забрали у них две пары сапог [13, с. 4].

В советском Минусинске ситуация только ухудшилась. Командование партизанской армии постоянно обращалось к крестьянам с просьбой помочь продовольствием и фуражом. Нечем было кормить раненых в госпитале, учащихся, служащих. В начале ноября 1919 г. принимается решение о забое имеющегося в армии скота по причине полного отсутствия фуража. В этих условиях у власти оставались только силовые методы получения необходимых припасов. При этом, реквизируя продовольствие и сено, оплачивали только треть стоимости изымаемого имущества, остальное возмещали «по мере возможности» [4, с. 1]. В 1919–1920 гг. продовольствие прячется или продается на «черном» рынке по спекулятивным ценам. Запашка площадей и поголовье скота сокращаются. Промышленные предприятия оказываются без ресурсов. Продовольствие и товары первой необходимости становятся совершенно недоступными для населения. В этих условиях переход к практикам военного коммунизма был делом времени.

Главным внешним фактором, влияющим на жизнь населения Минусинска, являлись миграционные процессы. Помимо мобилизации, существовала еще проблема беженцев. Город многократно подвергался осадам, штурмам, переходил из рук в руки. И всякий раз это сопровождалось бегством определенной части населения. Покидающие родину купцы, чиновники, промышленники, квалифицированные работники способствовали дезорганизации хозяйства региона и упадку торговли. Летом 1919 г., когда угроза занятия Минусинска частями партизанской армии была очень велика

и среди населения все чаще проявлялись панические настроения, в городе появились люди, желающие на этом заработать. Сибирская компания «Гирсфельд» продавала отъезжающим разнообразные транспортные средства: двуколки, телеги, шарабаны, сани и, конечно же, лошадей [9, с. 2]. Это было весьма кстати, так как во время массового бегства транспорт было не достать.

Помимо отъезжающих, в город прибывало большое количество беженцев из других мест, как частных лиц, так и организаций. Посчитать их и хоть как-то организовать не получалось. К осени 1919 г. положение беженцев становится критическим. Поэтому советская администрация требует в недельный срок зарегистрироваться и организовать собрание для решения вопросов, связанных с выдачей провизии.

Прямым следствием миграционных процессов стало ухудшение эпидемиологической ситуации. Летом 1919 г. в Благовещенске, Чите, Иркутске фиксируется вспышка холеры. В Минусинском уезде растет количество заболеваний желудочно-кишечного тракта, в первую очередь брюшного тифа и дизентерии. Но главной опасностью стала эпидемия сыпного тифа, пик которой пришелся на 1919–1920 годы [2, л. 14]. В этих условиях власти всех уровней предпринимали различные меры по борьбе с заболеваемостью. Начальник военного района предписывал городской управе очистить рыночные балаганы, превращенные жителями в общественные уборные. Сама управа безуспешно борется с бродившим по улицам Минусинска скотом. Комендант города требует прекратить продажу несозревших овощей и фруктов, а гарнизонный врач призывает оштрафовать начальника уездной милиции И. А. Бахова за ненадлежащие содержание двора [13, с. 4].

Советская власть в первые месяцы своей деятельности предпринимает абсолютно аналогичные мероприятия. С той лишь разницей, что ужесточаются санкции за невыполнение приказов — арест сроком на три месяца или штраф в три тысячи рублей. Но ситуация к этому времени серьезно ухудшилась, и администрация города начинает предпринимать чрезвычайные меры. Прежде всего мобилизует необходимые ресурсы, как людские, так и материальные. Благодаря этим мерам в 1921 г. эпидемию взяли под контроль [1, л. 6].

Крушение государства с его институтом законности, деградация системы морально-этических норм и появление большого количества людей, привыкших решать проблемы силой оружия, делали жизнь людей опасной даже вдали от боевых действий. Причем при всех режимах. Характерной чертой жизни населения Минусинского района было безудержное пьянство, против которого безуспешно боролись военные и гражданские власти на протяжении всего периода. Запрет 9 ноября 1919 г. свободной торговли алкогольными напитками ничего не изменил, так как в регионе действовали целые самогонные заводы. К концу периода, в связи с бегством большого количества интеллигенции, изменился социальный состав населения городов. Журналисты отмечают снижение культурного уровня зрителей в театре, которые позволяют себе: курить, лузгать семечки, громко разговаривать и даже плевать в соседей [4, с. 1].

На этом фоне ухудшилась криминогенная ситуация. Уезд захлестывает череда краж. Обворовывают дома и мастерские, вынося имущество на многие тысячи рублей. Уводят скот. Возрастает и количество бытовых убийств. Летом того же года общественность Минусинска возмутило убийство с корыстными целями казаками конвоя известного научного и общественного деятеля А. А. Турчанинова. К осени 1919 г. Минусинская тюрьма была переполнена. Более половины арестантов — 216 человек сидели за уголовные преступления [14, с. 2]. Данная тенденция продолжилась и в годы советской власти. В большом количестве пропадают лошади, а людей, торгующих краденым, ловят прямо на городском рынке.

Но больше всего гражданское население страдало от действий военных. Особой неуправляемостью отличались разного рода полувоенные формирования.

Милиционеры пьянствуют, нарушают общественный порядок и даже совершают уголовные преступления. Летом 1919 г. в Иркутске военное командование внушает общественности мысль о том, что милиция является лишь «инструментом исполнительной власти». Начальникам районов предписывается «воздержать своих зарвавшихся милиционеров» [10, с. 1]. С вступлением в Минусинск частей партизанской армии ситуация не изменилась. Чтобы пресечь незаконные аресты и грабежи, 7 декабря 1919 г. командование было вынуждено ввести в городе осадное положение [5, с. 1].

Методы ведения боевых действий всех вооруженных формирований на территории уезда не отличались гуманностью, о чем свидетельствует следующий документ, подписанный командующим Минусинским подрайоном И. И. Трауманом:

> Правительство будет возмещать убытки, произошедшие от прохода правительственных отрядов, убытки же, нанесенные бандами красных, местным жителям возмещаться не будут [15, с. 2].

Таким образом, на жизнь населения Минусинского уезда в годы Гражданской войны оказывали влияние следующие негативные факторы: дезорганизация транспортной системы, нехватка рабочих рук, деградация хозяйственной деятельности, спекуляция, инфляция, многократный рост цен на продовольствие и товары первой необходимости, миграционные процессы, тяжелая эпидемиологическая ситуация, а также отсутствие всякой гарантии безопасности. Это ухудшало бытовые условия жителей города и в меньшей степени сельских поселений, приводя к бедственному положению и многочисленным жертвам. Данные проблемы в одинаковой мере вставали перед всеми властями, контролирующими регион, которые боролись с ними зачастую похожими методами, с той же степенью эффективности, порой способствуя увеличению масштаба бедствий.

Список литературы и источников

[1] АГМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
[2] АГМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
[3] *Аксенов В. Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 г. М., 2002. 141 с.
[4] *Грюнбер П.* Протокол заседания Президиума Армейского Совета депутатов крестьянской армии // Соха и молот. 1919. № 25. 22 окт.
[5] *Кравченко А. Д., Щетинкин П. Е., Иванов А. А.* Распоряжение Главного штаба и Армейского Совета по крестьянско-рабочей армии и населению города Минусинска и его уезда // Соха и молот. 1919. № 54. 7 дек.
[6] Местная жизнь. Неурожай // Минусинский край. 1914. № 122. 29 окт.
[7] Местная жизнь. Существующие цены на предметы первой необходимости // Южная Сибирь. 1916. № 13. 9 июня.
[8] Объявление о мобилизации от Главного военного штаба // Соха и молот. 1919. № 26. 23 окт.
[9] Объявления // Минусинский край. 1919. № 85. 4 сент.
[10] Плательщик. Из кипы заявлений. Не додумались. Земство и милиция // Минусинский край. 1919. № 91. 11 сент.
[11] *Семенов А. А.* Повседневная жизнь России в годы гражданской войны: 1917–1920 гг. [Электронный ресурс] / Дис. ... д. и. н. ВАК РФ 07.00.02 / disserCat — электронная библиотека диссертаций. 2005. С. 564. URL: https://www.dissercat.com/content/povsednevnaya-zhizn-naseleniya-rossii-v-gody-grazhdanskoi-voiny-1917–1920-gg (дата обращения: 27.07.2021).

[12] *Топчеев* В. В. Сравнительный анализ социально-экономических процессов в Минусинском уезде в годы Русско-японской и Первой мировой войн // Мартьяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.). Вып. 9. Минусинск, 2016. С. 171.
[13] Хроника. Базарные цены. Грабеж. О штрафах // Минусинский край. 1919. № 88. 7 сент.
[14] Хроника. В тюрьме // Минусинский край. 1919. № 73. 19 авг.
[15] Хроника. Разъяснение правительства // Минусинский край. 1919. № 56. 22 июля.
[16] Хроника. Скупщики денег // Минусинский край. 1919. № 76. 23 авг.

Героизм и самопожертвование летчиков полярной авиации как обыденная повседневность

В. В. Филиппов,
историк авиации, г. Москва

АННОТАЦИЯ О работе летчиков полярной авиации на Енисейском Севере в 1930-х — 1940-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Северный морской путь, полярная авиация, Енисейская авиагруппа.

Работа полярных летчиков в 1930-х — 1940-х гг. была постоянно сопряжена с преодолением трудностей. Героизм и самопожертвование, проявляемые ими в повседневной жизни и работе, были делом обыденным. Причин тому множество: несовершенство оборудования стандартных типов самолетов, применяемых для полетов в Арктике, сложнейшие метеоусловия полетов, слабое радионавигационное обслуживание или его полное отсутствие, отсутствие оборудованных средствами обогрева, эксплуатации и ремонта аэродромов и аэропортов, недостатки в снабжении специальным обмундированием и т. д. и т. п.

В своей книге «Родное небо» Василий Сергеевич Молоков пишет:

> ...Сейчас даже трудно представить, в каких условиях мы летали. Кабины для экипажа были открытые, только впереди козырек из целлулоида. Шум мотора заглушал слова, так что переговариваться с бортмехаником, сидящим сзади, приходилось знаками или записками. Налетевшая метель залепляла козырек, приходилось смотреть сбоку через борт, и тут уж снег бил прямо в лицо... А то, бывало, летишь в жесточайший мороз, градусов в 40–50. Резкий ветер пронизывает насквозь... Однажды летел я из Красноярска в Туруханск, полет продолжался четыре часа, а мороз был сильнейший. Промерз я ужасно — казалось, все внутренности обледенели. Удивляюсь теперь, как довел машину до базы. Выбрался из кабины — рук, ног не разогну... [4, с. 57].

В документах архивов и в прессе тех лет сохранилось много свидетельств о том, как летчики полярной авиации поступали в критических ситуациях, не теряя самообладания и ставя на первое место не собственное здоровье, а выполнение поставленных задач.

Так, на восточном побережье Таймыра в 1934 г. исключительно настойчиво и планомерно работал во время зимовки летчик Мауно Янович Линдель. Он налетал на самолете У-2 Н-12 52 000 километров, за все время произвел только одну вынужденную посадку из-за отказа двигателя (вырвало цилиндр). Сделав из фюзеляжа сани, Линдель пешком направился к острову Домашнему, до которого оставалось около 150 километров. Дорога была необычайно тяжелой. Выбившись из сил, в крайнем изнеможении летчик проходил в сутки по 6–10 километров. Самодельные сани в конце концов пришли в негодность, и их пришлось бросить. Взвалив самое необходимое на плечи, Линдель продолжал путь и в конце июля добрался до острова Домашнего, где провел все лето в ожидании парохода для смены зимовщиков. Снял зимовщиков и Линделя с острова Домашнего летчик Анатолий Дмитриевич Алексеев [1, с. 225, 236, 237, 254].

Особенно много написано о Василии Сергеевиче Молокове, причем характеризующего его не только как высококлассного летчика, но и как специалиста в технике и вообще как исключительно порядочного человека, не боящегося трудностей и не чурающегося черновой работы.

Из статьи В. М. Баранова «Меня спас Молоков» в газете «Красноярский рабочий» от 05.10.1936:

> ...Первый раз мне довелось встретить В. С. Молокова в необычной обстановке. Было это в Чукотском море на дрейфующей льдине в лагере О. Ю. Шмидта. Я был одним из челюскинцев, ожидающих помощи с Большой земли.
>
> Утром 7 апреля 1934 г. мы увидели, что к нам идут два самолета. Вскоре опустился первый из них, на котором прилетел Молоков, а потом и второй — летчика Каманина. Встреча была короткая — 30–40 минут. Часть этого времени Молоков потратил на какой-то мелкий ремонт машины, во время которого исколол себе тросом руки. Не обращая внимания на идущую из руки кровь, Василий Сергеевич стал торопиться с погрузкой пассажиров и поспешил вылететь с тремя пассажирами. Во второй рейс, не теряя ни минуты, он погрузил 4-х человек, в том числе и меня, и улетел в Ванкарем. Одного из нас — кочегара Сергеева Молоков разместил в парашютном ящике. Это был его первый опыт увеличения нагрузки таким необычным способом. Когда мы в Ванкареме начали его благодарить, он был явно смущен и поторопился снова улететь в лагерь. В тот день он еще летал дважды и вывез за три рейса 14 человек. Даже по этим двум встречам я понял, что Молоков — человек особого уклада. У него все взвешено, все рассчитано. Не только он, но и все окружающие, глядя на него, не сомневаются в успехе того, что он делает.
>
> Люди никогда для Молокова не были обезличенными. В конце апреля, перед тем как должен был прийти «Смоленск», чтобы забрать челюскинцев, я шел к фактории бухты Провидения, у которой разместились откапывать из-под снега бочки с бензином. По дороге мне попался человек в обычной рабочей одежде, без шапки, с ломом на плече. Приняв его за здешнего зимовщика, я обратился к нему с вопросом — давно ли он здесь живет. Каково же было мое удивление, когда мой собеседник ответил:
>
> «Что же ты, товарищ Баранов, своих знакомых не узнаешь? Ведь я тебя вывозил со льдины. Я — Молоков».
>
> Мне трудно было узнать Василия Сергеевича. Я видел его в шлеме, закутанным в шарф, из-за которого были видны только глаза. А глаза у него молодые. А тут я увидел седеющую голову. Мне стало неловко. Я его не узнал, а вот он, оказывается, помнит всех тех, с кем ему приходилось встречаться. По дороге к бочкам с бензином мы вспоминали про лагерь, про полет. А потом работали вместе — он разбивал смерзшийся лед ломом, а я лопатой. Собственно говоря, особой надобности в том, чтобы Молоков откапывал бензин, не было. Многие в эти дни работали меньше, чем он. Он мог и отдохнуть. Но не мог он усидеть без дела.
>
> Потом мы ехали вместе до Москвы. Вокруг него всегда толпился народ. Любят его за смелость, отвагу, скромность, простоту и какую-то особую, немногим свойственную задушевность в общении с окружающими [2, с. 2–3].

Полярная авиация славилась своими людьми — специалистами экстракласса. Причем это касалось не только летчиков, профессионалами своего дела были штурманы, бортмеханики, бортрадисты.

> ...Авиатехник Василий Ивашина, работающий с 1929 года в полярных широтах, в октябре 1933 года вылетел из Ленинграда на Енисейский Север на новом самолете

«Дорнье Валь». Самолет пилотировал летчик Рябенко. На борту тяжелой морской машины находились второй пилот Жихарев, бортмеханик Орлов и два пассажира. На Арктику уже надвигалась зима, погода с каждым днем становилась все хуже и хуже, дули холодные ветры, учащались туманы, пасмурные дни. Самолет, заблудившись в тумане, сжег почти весь запас горючего и в районе Мачуй-Сале, неподалеку от домика зимовщика Грудицкого, совершил посадку на воду.

Льдины уже плавали по реке, надо было уходить в надежное место. За отсутствием бензина пришлось заправить баки самолета небольшим количеством керосина, которым поделилась зимовка с экипажем. Самолет взлетел на бензине, а через пять минут полета Ивашина перевел машину на керосин. И ничего — сильно дымила, но летела машина на керосине. Экипаж решил пробиваться на зимовку Гыдоямо к Гыданской губе, рассчитывая здесь заправиться бензином. Внезапно налетевшая пурга сбила пилота с намеченного курса, громадная машина растерянно закружилась в снежном вихре. На 55-й минуте полета, воспользовавшись улучшением видимости, Ивашина посмотрел на баки с горючим и ахнул — кругом нуль! Оглядел местность — льды. Прошла минута. Моторы уже чихали, готовясь заглохнуть, когда летчик Рябенко, заметив среди льдов лужицу, пошел на посадку... Дул сильный южный ветер, погоняя низко стелющиеся облака. Очертания берега то появлялись, то исчезали в тумане. О продолжении полета не приходилось и мечтать — в баках не было ни грамма керосина, ни капли бензина. Самолет качался на плавниках в небольшой полынье, зажатой со всех сторон льдами. Посадка совершена была в Гыдоямском заливе. Но где, в какой его части — неизвестно. А залив велик, он простирается на добрые сотни километров. Потянулись томительные дни ожидания. Погода не улучшалась, густые туманы клубились надо льдами. На самолете имелась резиновая шлюпка — клипер-бот. Несколько попыток спустить клипер-бот на воду окончились неудачей — ветер опрокидывал легкую лодку. На 14-й день Ивашина решил все же сделать вылазку на берег. Жихарев, Греков и Ивашина, взяв из скудного остатка продовольствия жесткий пятидневный паек, ружья, топор, веревки и спальные мешки, спустились на клипер-бот. Ивашина сел на весла. Борясь со встречным ветром, он с огромным трудом выгреб к обрывистой кромке льда. Лед оказался слабый, он сейчас же проломился под тяжестью тела Ивашины. Мокрый, в обледеневшей одежде, выкарабкался Ивашина на край льда, держа в зубах канат, привязанный к носу лодки. Товарищи ему подали весла. Подкладывая под колени весла, чтобы не провалиться в воду, бортмеханик медленно пополз по хрупкому льду. Он пополз на четвереньках, подкладывая под колени весла, таща за собой на канате клипер-бот, в котором сидели его товарищи. Он полз шаг за шагом в тумане, обвеваемый жестким ветром. Клипер-бот медленно плыл за ним. Ивашину никто не мог сменить: его и товарищей, сидевших в шлюпке, разделило десятиметровое расстояние, которое невозможно было пройти, не провалившись под лед. Пять километров полз на коленях Ивашина, таща на буксире груженную людьми и припасами шлюпку. Достигнув твердого льда, он вытащил на него клипер-бот. Здесь, привязав к спине спальные мешки, продовольствие и вскинув на плечи ружья, товарищи простились с героем-бортмехаником. Они пошли влево по берегу, исчезнув в тумане. Ивашина пополз обратно, обвязав грудь буксирным канатом. Совершенно изнеможенный, обессиленный, он лег плашмя на лед, почти достигнув кромки. Больше не было сил. Усилием воли он заставил себя проползти еще 10 метров, потом влез в спальный мешок и, повалившись на лед, уснул мертвым сном... Плеск воды заставил лежащего на льду человека поднять голову. Немного спустя он полз опять, опираясь онемелыми руками на весла, превращенные в лыжи... для колен. Спустив клипер-бот на воду, Ивашина закружил в тумане по полынье, разыскивая самолет... Огромные ледяные сосульки свисали с бортов самолета. Он леденел. Ночью неожиданно полил дождь, сменившийся штормом.

Шторм бушевал трое суток. Брызги волн застывали на корпусе судна. В условиях низких температур воздуха кольцо открытой воды сужалось. Самолет леденел, тяжелел, все глубже осаживаясь корпусом. Надо было каждый час, каждую минуту быть готовым к катастрофе. Продовольствия оставалось на день, на два, не больше... Ивашина, в прошлом моряк, лучше всех управлял лодкой. Решив эвакуироваться с самолета, экипаж все свои надежды возлагал на легкую резиновую шлюпку. Ее несколько раз спускали на воду. Ивашина выбивался из сил, работая веслами, но ничего не мог сделать. Ветер, со страшной силой дувший с берега, не давал утлому суденышку продвинуться вперед. <...> Берега Ивашина достиг только на рассвете. <...> По берегу залива люди набрали плавника и развели костер. Обогревшись и высушив одежду, они решили ждать известий от Жихарева и Грекова, ушедших пять дней назад пешком по берегу. <...> Вечером неожиданно раздался далекий выстрел, и со стороны гор показались две фигуры. Это был Жихарев, возвратившийся к месту аварии с одним рыбаком. Жихарев сообщил, что ему с Грековым удалось в километрах в 60-ти отсюда набрести на избу зимовщиков-рыбаков, с помощью которых они добрались до фактории Гыдоямо. Здесь оказались баки с горючим. По сообщению Жихарева, Греков двигался к месту посадки самолета с этим горючим, погруженным на нарты. Жихарев, немного отдохнув, пошел вместе с Ивашиной навстречу оленьему поезду. Шли двое суток, проваливаясь в снег и воду. Добравшись до рыбацкой избы, узнали, что оленьи нарты с бензином идут уже по тундре к берегу залива. Нарты, груженные горючим, пришли к лагерю экипажа «Дорнье Валь» в вечернее время. Залив с каждым часом замерзал все более и более. Ивашина вместе с пилотом Рябенко, не теряя дорогого времени, сейчас же погрузили два бидона горючего на клипер-бот и отправились в плавание к самолету. В момент, когда лодка подходила к «Дорнье Валь», ее швырнуло волной, и громадные сосульки, свисшие с борта обледенелого самолета, пробили бок резинового клипер-бота. Воздух зашипел как змея, клипер-бот сжался, и Рябенко с Ивашиной еле успели вскарабкаться на борт машины и втащить туда получившую пробоины лодку. 12 часов ночи. Не мешкая ни секунды, Ивашина вскрыл первый бидон и вылил его в бак. Он взялся за второй, как вдруг почувствовал сильный запах бензина. Ивашина впотьмах нащупал течь из поломанного бензопровода. Драгоценный бензин убегал. Что делать? Кинувшись к каюте, Ивашина замазал щель в бензопроводе мылом, остановив течь. Во втором бидоне вместо ожидаемого бензина оказалось масло. Опять неудача. Поднялся ветер, забушевал шторм. Путь назад, к лагерю, был отрезан: в шлюпке — пробоина, резиновый клей остался на берегу, грозно рокочут волны в заливе, погруженном в чернильную тьму. Рябенко и Ивашина остались ночевать на самолете... Утром, кое-как заклеив титаником заплатку на боку клипер-бота, Ивашина и Рябенко поплыли к берегу за горючим. В пути пришлось качать ножным насосом воздух в двойные резиновые стенки лодки. Ветер опять был встречный, южный, словно здесь никогда не бывает попутных ветров. Целый день греб Ивашина, чтобы сломить сопротивление ветра... На следующее утро Ивашина и Рябенко с четырьмя бидонами горючего вновь поплыли к самолету. Залили баки, заправили машину. Мотор глохнет, не дает зажигания. Опять на дырявом клипер-боте отправились они на пустынный берег, к которому становилось все труднее приставать из-за увеличившегося припая. Согрев на берегу воду в бидонах и закутав их в спальные мешки, Ивашина еще раз переплыл залив. Заправил кипятком радиатор. Но мотор не работал. Ивашина пробыл на самолете еще сутки и, наконец, установив низкопробность добытого на Гыдоямо бензина, уступавшего по своему качеству даже керосину, уехал в отчаянии греться у костра. Было ясно, что с таким бензином мотор не издаст ни звука. Казалось, ничто не могло уже вырвать самолет из ледяных объятий арктической стихии. Зимовка самолета во льдах залива означала его гибель — это знали все. Радиостанция фактории Гыдоямо передала весть полярным станциям

о бедственном положении «Дорнье Валь». На помощь замерзающему самолету вылетает пилот Алексеев. Ивашина, гревший у костра свои распухшие от мороза пальцы, слышал шум мотора где-то там, над головой, но густой низкий туман, как нарочно надвинувшийся в полдень с юга, прикрыл непроницаемым пологом и лагерь на берегу, и беспомощную машину в заливе. Алексеев, не обнаружив ни людей, ни самолета «Дорнье Валь», возвратился в Дудинку. Ночью опять была снежная буря. Утром, взглянув на залив, люди обмерли — залив был скован льдами. Самолет исчез. Снявшись с лагеря, экипаж «Дорнье Валь» пошел по берегу, держа путь на факторию Гыдоямо. Тяжело шагая по снегу, они вдруг неожиданно в прояснившейся дали увидели очертания самолета, который растерянно кружился в шуге, окруженный льдинами. Льды затирали легкий корпус машины на глазах экипажа. На фактории Гыдоямо экипажу удалось сколотить спасательную экспедицию в составе 12-ти человек. Экспедиция разыскала самолет, впаянный во льды залива. Спасать машину было уже поздно — она одна весила 41,2 тонны, не считая 62 мешков пушнины в багажнике. Было решено оставить на обледеневшем самолете Жихарева и Ивашину, поручив им связаться с рыбацкими зимовщиками для организации широких спасательных работ. Ивашина заявил, что он никуда от своего «Дорнье Валь» не уйдет. Ивашина очень тяжело захворал. 29 октября, переборов болезнь, он отправился с Жихаревым на рыбацкие зимовки. За 80 километров от самолета на зимовках они наскоро сколотили спасательный отряд в числе 16-ти рыбаков-добровольцев, достали багры, топоры, доски, веревку, две палатки. Кочующие в гыданской тундре туземцы охотно отдали оленей. Поезд в 40 нарт двинулся к самолету. Вырвать машину изо льдов было очень трудно. Ивашина подошел к этому ответственному делу со всей серьезностью опытного авиатехника. Тут же, на льду, Ивашина стал изобретать подъемник и полозья, на которых можно было бы вытянуть машину на берег, не проломив мягкого дюралюминиевого киля. Для такого подъемника нужны были тяжелые бревна метров по 15–16 длиной, много бревен. В 8–10 километрах от места спасательных работ имелось достаточное количество нужного плавникового леса. К этому плавнику устремил свой взор Ивашина. Каждое бревно тащили к месту работ три-четыре дня. Натаскав нужное количество леса, спасатели в течение 10-ти дней напряженного труда сделали ворот-подъемник Ивашины. Начали подрубать вокруг самолета лед. Киль обнажился, высвобождаясь из плена. За три дня до наступления полярной ночи кончилось все продовольствие. Посланный за продуктами на зимовку рыбак почему-то задержался, люди делили между собой последние галеты. Спасательных работ не прекращали. Самолет, вырубленный из залива, лежал поверх льда. Осталось протащить его к берегу. Ивашина отмерил расстояние — 9675 шагов. Голодные люди, впрягшись в канаты, осторожно потащили самолет к берегу. Стояла ночь. Солнце ушло из Арктики почти на полгода. И в ночь, когда поднялась пурга, сбившиеся в кучу герои услышали лай собак. Это прибыло продовольствие на собачьих нартах. 9675 шагов отряд героев-рыбаков прошел в девять суток. Самолет вытащили на берег. Здесь Ивашина поставил плоскости машины, ее хвост и нос на якоря, накрепко заморозив их. Самолет окружили рамами, чтобы снега и бураны не причинили ему вреда. Остаться сторожить машину вызвался старик Иван Самбураков. Над самолетом он натянул брезент, расставил вокруг на снегу капканы на песцов, а сам великолепно устроился в кабине. Ивашина ушел с рыбаками в зимовье. В течение декабря 1933 года, января, февраля, марта, апреля 1934 года не меньше трех раз в месяц он ездил на собаках навещать машину, очищая ее вместе с Самбураковым от снега. В конце мая, когда собаки уже не могли везти нарты, проваливаясь в рыхлый наст, Ивашина прошел 80 километров пешком к машине. <...> Воды вскрылись только в августе 1934 года. <...> Осмотрев местность, Ивашина предложил товарищам подвести к самолету воду. Протекавшая неподалеку речушка позволяла надеяться на успех задуманного предприятия. Две недели ушло на рытье

> канала, перемычку сорвали, и вода с жадным урчанием устремилась к машине. Самолет мягко качался на вешней воде. Самолет по каналу был выведен в залив. Здесь он внезапно накренился, едва зачерпнув крылом воду. Машина села на подводный лед, который, как выяснилось, сковывал еще залив. Трое суток Ивашина и Жихарев вели самолет по заливу, отталкиваясь шестами от подводного льда. Хоть и приближался конец августа, но льды крепко держались под водной поверхностью Гыданского залива. Встретив уходящую в тундру протоку, Ивашина и Жихарев приплавили к берегу самолет. Пришвартовав машину в надежном месте и забрав ружья, они ушли вглубь тундры исследовать протоку. После двухдневной разведки было установлено, что протока выходит в реку Юрибей. Радостные, они вернулись к машине, спасенной от неминуемой гибели. Впрягшись в бечеву, Ивашина, Жихарев и Кириллов потащили волоком самолет по протоке. 49 часов тянули бечеву по берегу три «бурлака». Тундра цвела под ногами, зеленея своими бескрайними просторами. На реке Юрибее низкопробный гыдоямский бензин, принесший столько горя зимой Ивашине, приняв неожиданно вспышку, наполнил гулом и рокотом поршни и цилиндры моторов, замолкших 11 месяцев назад. Плавно руля по реке, красавец «Дорнье Валь» вышел к фактории Гыдоямо. Сюда 23 августа примчался по воздуху летчик В. Махоткин, доставивший горючее самолету, обязанному своим спасением бортмеханику Василию Лукичу Ивашине [3, с. 81–84].

Во время Великой Отечественной войны экипажи полярной авиации выполняли ледовую разведку для проводки караванов с грузами, полеты по поиску подводных лодок противника, спасали потерпевших крушение моряков.

О работе полярной авиации на Крайнем Севере в годы Великой Отечественной войны лучше сказать словами начальника ГУ СМП Ивана Дмитриевича Папанина:

> ...Многих людей спасли в те годы летчики полярной авиации. Тяжело приходилось им, особенно в первое время. На старых машинах, часть которых была уже списана с вооружения не только в военной, но и в гражданской авиации, они по многу часов летали над открытым морем и льдами, всегда вовремя доставляя штабам морских операций сведения о ледовой обстановке. Успехами арктических операций в годы войны Главсевморпути во многом было обязано самоотверженной работе полярных пилотов, штурманов, радистов и бортмехаников. В 1943–1944 годах парк полярной авиации пополнился новыми машинами дальнего действия, но напряжение в работе полярных летчиков не ослабло: они проводили в воздухе по 18–20 часов в сутки [5, с. 321].

Самый выдающийся пример героизма и самопожертвования полярных летчиков в эти годы — это спасение экипажем Матвея Ильича Козлова моряков и пассажиров с потопленного 12 августа 1944 г. в Карском море немецкой подводной лодкой транспорта «Марина Раскова». На грузовом пароходе «Марина Раскова» находилось 55 членов экипажа, 354 пассажира (в том числе 124 женщины и 16 детей — семьи зимовщиков и военнослужащих) и 6503 тонны различных грузов для доставки в Диксон.

Погода в районе авиабазы на Диксоне не изобиловала ясными днями, чаще всего были сильные ветры и туманы, делавшие использование авиации практически невозможным. Но, несмотря на циклон и обледенение, гидросамолеты совершали посадку на воду, принимали на борт и вывозили найденных людей. Подполковник Козлов, вылетевший на разведку на самолете ГСТ «СССР Н-275» 17 августа, утром 18 августа нашел спасательную шлюпку, с которой снял и доставил на Диксон 25 человек, 10 из них находились в крайне тяжелом состоянии. На поиск людей 19 августа вылетели три самолета. В шторм капитан Станислав Сокол обнаружил кунгас, в котором находилось 35 человек, но из-за сильной волны попытка снять людей не была успешной, смогли поднять на борт только двоих. Следующие несколько дней стояли густые

туманы, нелётная погода, штормило. Самая сложная операция досталась именно экипажу самолета ГСТ Матвея Козлова. Обнаружив кунгас с людьми 23 августа в 45 милях северо-западнее острова Белого, пилот в шторм, при волне высотой три метра, в 17.35 посадил самолет на воду и подрулил к кунгасу. На кунгасе оказалось 14 человек живых и 20 мертвых. Многократные попытки подвести самолет поближе к кунгасу при сильнейшем шторме были сопряжены с риском разбить самолет, но оставить изможденных людей — значило обречь их на неминуемую гибель. Когда до кунгаса осталось метров 20–25, бортмеханик Камирный — богатырь по сложению, выбравшись через носовой люк, перебросил на кунгас метательный линь. Там его подобрали и, с большим трудом вытянув, закрепили швартовый трос. По протянутому между самолетом и кунгасом тросу бортмеханик Никифор Камирный и штурман Иван Леонов на резиновой четырехместной лодке перевозили людей по двое на самолет, переносили их на руках, так как самостоятельно двигаться они не могли. Семь рейсов заняли полтора часа. Взлететь при волне высотой три метра на перегруженной машине было невозможно, и командир самолета принял решение рулить с работающими моторами по морю к острову Белому, до которого было около 50 миль. Свыше 12 часов продолжался этот беспримерный переход по бушующему морю. Моторы перегревались, но, когда их останавливали, ветер тут же разворачивал самолет лагом к волне. В 3.00 ночи из-за перегрева вышел из строя правый мотор. Только в семь часов утра через 12 часов хода против волны, ночью, на одном моторе самолет М. И. Козлова встретил тральщик Т-906, который отбуксировал гидросамолет в пролив Малыгина, принял спасенных на борт и доставил на Диксон. Козлов, после устранения неисправности мотора, перелетел на Диксон и сел буквально на последних каплях бензина.

Двенадцать часов продолжался этот беспримерный в истории авиации, да и мореплавания, переход в ночном штормовом северном море самолета, ставшего по необходимости кораблем. Каким мастерством и самообладанием надо было обладать командиру экипажа Матвею Ильичу Козлову, чтобы удержать самолет на плаву столь продолжительное время! [5, с. 325]

Тогда из 636 человек, находившихся на борту потопленных судов, удалось спасти 259 человек (186 человек — на Т-116, 73 человека — самолетами). Погибли 377 человек, в том числе 107 женщин и все дети. Это была крупнейшая военная катастрофа в Арктике...

О подвиге летчика Козлова тогда не писали газеты, не передавало радио. Героизм летчиков Беломорской военной флотилии и полярной авиации, проявленный при спасении людей конвоя БД-5, был высоко оценен советским правительством. Приказом Командующего Северным Флотом № 0107 от 14 декабря 1944 г. весь экипаж самолета МП-7 (ГСТ) «СССР Н-275» Матвея Ильича Козлова был награжден орденами [6, с. 207].

Приказ Командующего Северным Флотом № 0107 от 14.12.1944 г.:

Наградить членов экипажа самолета Н-275 УПА ГУ СМП:
орденом Красного Знамени:
— командира самолета подполковника Козлова Матвея Ильича;
орденом Отечественной войны 1-й степени:
— второго пилота старшего лейтенанта Попова Владимира Александровича;
— бортмеханика техника-лейтенанта Камирного Никифора Потаповича;
орденом Отечественной войны 2-й степени:
— штурмана самолета младшего лейтенанта Леонова Ивана Ефремовича;
орденом Красной Звезды:
— бортмеханика-бортрадиста Земскова Алексея Дмитриевича,
— бортрадиста Богаткина Николая Алексеевича.
Командующий Северным Флотом адмирал Головко [6, с. 207–208].

Север всегда был территорией преодоления, ею и остался сегодня. Приведенные примеры повседневного героизма и самопожертвования летчиков полярной авиации — пример нам сегодняшним и подтверждение того, что предел возможностей человека в критической ситуации, которая в Арктике может возникнуть в любой момент, ограничен во многом не только уровнем подготовки и профессиональными качествами, но и в не меньшей степени зависит от морально-психологической устойчивости и веры в свое дело.

Список литературы и источников

[1] *Визе В. Ю.* На «Сибирякове» и «Литке» через ледовитые моря. М.: Изд-во Главсевморпути, 1946. С. 225, 236, 237, 254.
[2] ГУНБКК. Красноярский рабочий. 05.10.1936.
[3] ГУНБКК. Советская Арктика. М., 1936. № 7. С. 81–84.
[4] *Молоков В. С.* Родное небо. М.: Воениздат, 1977.
[5] *Папанин И. Д.* Лед и пламень. М.: Политиздат, 1977.
[6] *Филиппов В. В.* Енисейский Север. Хроники обороны Арктики 1940–1945 гг. Красноярск: Поликор, 2020.

Ленд-лиз на Северном морском пути

В. В. Филиппов,
историк авиации, г. Москва

АННОТАЦИЯ О поставке по программе ленд-лиз из США в СССР кораблей, самолетов и портового оборудования для Главного управления Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Северный морской путь, ленд-лиз, оборудование, флот, авиация.

К началу Великой Отечественной войны большую часть и так немногочисленного военного и особенно гражданского флота на северном морском театре составляли корабли-ветераны. Суровые условия эксплуатации судов в обстановке частых штормов и льдов также не улучшали ситуацию — суда часто выходили из строя и требовали ремонта. К июню 1941 г. Северный флот имел 51 корабль, самые мощные из них — восемь миноносцев. В связи с катастрофической нехваткой военных кораблей для обеспечения охраны и обороны северных акваторий и побережья, были мобилизованы рыболовецкие и гидрографические суда, мотоботы, катера. Часть судов погибла от действий подводных лодок и авиации противника и в сложных условиях плавания. Флот требовал замены устаревших и изношенных судов, а также пополнения новыми кораблями с современным оборудованием и вооружением.

Через северные порты шла поставка в СССР военных и народно-хозяйственных грузов из Англии и США. Руководил процессом в ранге Уполномоченного ГКО начальник ГУ СМП Иван Дмитриевич Папанин, и у него была возможность проанализировать ситуацию с состоянием флота и выйти с предложениями напрямую на курировавшего импортные поставки А. И. Микояна, которому Папанин непосредственно подчинялся.

В течение 1942 г. в состав Северного флота вошли полученные от союзников 10 тральщиков, оборудованных гидроакустической аппаратурой. Они использовались не только для траления, но и для поиска подводных лодок. Кроме того, новыми радиолокационными и гидроакустическими средствами оснащались старые сторожевые корабли и катера. На корабли устанавливалось импортное зенитное вооружение и реактивные бомбометы. Все это повышало эффективность борьбы с подводными лодками и авиацией противника.

В августе 1944 г. по договоренности между правительствами США, Англии и СССР в счет репараций с Италии Северному флоту были переданы во временное пользование: линейный корабль, крейсер, восемь эскадренных миноносцев и три подводные лодки, объединенные в эскадру.

В общей сложности англичане и американцы поставили Северному флоту 185 боевых кораблей, включая линкор, крейсер, три ПЛ, девять миноносцев, два тральщика, 32 торпедных и 62 противолодочных катера. Это пополнение позволило сформировать к началу 1945 г. в составе флота бригаду торпедных катеров, бригаду и дивизион больших охотников, два дивизиона тральщиков и отдельный отряд десантных судов. Кроме того, в течение всей войны поставлялись судовые моторы, генераторы, средства связи и навигации [6, с. 44].

Для обеспечения перевозок по Севморпути И. Д. Папанин запросил у Внешторга целую номенклатуру товаров и оборудования, в том числе портовые краны, дизель-генераторы, тракторы и даже металл для ремонта кораблей:

Исх. № 1309 от 11.06.1943 г.
Распоряжение СНК СССР от 06.1943 г.
Обязать НКВТ закупить в США и отправить в июле 1943 г. через Владивосток для ГУ СМП:
— листовой стали — 803 тонны,
— сортовой стали — 244 тонны,
— заклепок — 57 тонн.
Всего — 1104 тонны.
Зам. председателя СНК СССР А. Микоян [3, л. 290].

Также в США был размещен заказ на строительство новых кораблей для ГУ СМП и Наркомфлота СССР различных классов — от ледоколов до лихтеров и буксиров.

Исх. № 7228 от 04.06.1943 г.
Выписка из проекта Постановления СНК СССР от 06.1943 г.
В целях обеспечения завоза грузов в 1943 году по реке Енисей для Норильстроя НКВД и других организаций на Енисейском Севере, а также в целях развития баржестроения в Енисейском бассейне в частичное изменение Постановления СНК СССР от 25.12.1942 г. № 2006 обязать:
<...>
4. НКВТ заказать в США по импорту 20 металлических лихтеров грузоподъемностью по 3000 тонн с доставкой в СССР во 2-м квартале 1944 г.
ГУ СМП обеспечить проводку этих лихтеров Севморпутем с попутным грузом до Дудинки [3, л. 284].

Для СССР в США были построены три ледокола: «Северный ветер» (с 1946 г. — «Капитан Белоусов»), «Южный ветер» (в СССР — «Адмирал Макаров»), «Западный ветер» (в СССР — «Северный полюс»). Первым был принят в эксплуатацию «Северный ветер».

Приказ ГУ СМП Р-64 от 04.03.1944 г.
Включить в состав действующего ледокольного флота ГУ СМП ледокол «Северный ветер» и передать его в эксплуатацию во Владивостоке Морскому Арктическому пароходству ГУ СМП с 25.02.1944 г.
ИО Каминов [1, л. 46].

Приемка ледокола типа CR 96 «West Wind» («Западный ветер») состоялась 9 февраля 1945 г. Приемка ледокола CR 98 «South Wind» («Южный ветер») из состава американского флота была осуществлена 15 марта 1945 г. Ледокол получил наименование «Адмирал Макаров». Командиром ледокола был назначен капитан-лейтенант Константин Константинович Бызов. Флаг СССР на корабле был поднят 24 марта 1945 г.

Ледоколы той же серии, что и «Nord Wind» («Северный ветер»), построены в Сан-Педро, штат Калифорния, на заводе «Вестерн Пайп Энд Стил Компани».

Эти ледоколы после окончания войны были возвращены в США (в 1949–1951 гг.), как и суда типа «Либерти» [5, л. 268].

Ледоколы этого типа имели водоизмещение 5300 тонн. Размеры 82×19,3×7,8 м, шесть двигателей по 2000 л. с. Скорость хода до 16 узлов. Вооружение — четыре пушки 102-мм. Восемь зенитных установок «Блофорс» 40-мм. Шесть 2-мм зенитных автоматов «Эрликон». Бомбометы. В 1944 г. были получены и благополучно перегнаны в СССР 15 буксирных пароходов.

Справка по вопросу приемки и перегонки 15 буксиров из США в порты СССР

06.02.1944 г. распоряжением СНК № 2358-с на ГУ СМП возложена организация перегона 15 буксиров из США в порты СССР:
— для ГУ СМП 6 буксиров: на реку Лена — 3, в Тикси — 1, в Нордвик — 1, на Диксон — 1;
— для НКМФ 4 буксира: в Николаевск-на-Амуре — 2, в Петропавловск-на-Камчатке — 1, во Владивосток — 1;
— для НКРФ 4 буксира: на Енисей — 2, на Обь — 2;
— для НКВД 1 буксир на Колыму.
Личный состав экипажей собран из наркоматов, экипажей ледоколов «Красин» и «Добрыня Никитич», находящихся в США, уволенных бойцов из морской пехоты — 302 человека. На каждом буксире штат 27 человек.
Буксир № 51 «Капитан Мелехов» в ГУ СМП.
Буксир № 52 «Капитан Сергиевский» в ГУ СМП.
Буксир № 53 «Летчик Черепков» в ГУ СМП.
Буксир № 57 «Летчик Асямов» в ГУ СМП.
Буксир № 58 «Патриот» в ГУ СМП.
Буксир № 65 «Генерал Брусилов» в ГУ СМП.
Буксир № 54 «Александр Суворов» в НКРФ.
Буксир № 55 «Михаил Кутузов» в НКРФ.
Буксир № 63 «Победа» в НКРФ.
Буксир № 64 «Родина» в НКРФ.
Буксир № 59 «Иван Сусанин» в НКМФ.
Буксир № 60 «Адмирал Макаров» в НКМФ.
Буксир № 61 «Багратион» в НКМФ.
Буксир № 62 «Слава» в НКМФ.
Буксир № 56 «Александр Невский» в Дальстрой НКВД [4, л. 180–186].

Акт № 7 от 30.11.1944 г.
Составлен 24.11.1944 г. в г. Сан-Луис, США.
Буксирный пароход «Летчик Асямов», строительный номер AG-57, построен в 1944 году в г. Сан-Луис, США, на верфи St. Lous Shipbuilding@Still.Co, передан 24.11.1944 г. капитану Чебурову Николаю Матвеевичу [4, л. 68].

Приказ ГУ СМП Р-304 от 04.12.1944 г., г. Красноярск
О распределении буксирных пароходов, поступивших из США в 1945 году
Передать Северо-Якутскому речному пароходству 4 буксирных парохода (по 800 л. с.), порту Тикси — 1, порту Нордвик — 1. Обеспечить перегон пароходов из порта Провидение в порт Тикси.
Каминов [2, л. 55].

Всего из США было получено более 150 судов гражданского назначения. Большой подмогой стали 28 танкеров и сухогрузы типа «Либерти».

Из поставленных на кораблях союзных конвоев в северные порты самолетов значительная часть тут же собиралась и направлялась в авиаполки ВВС Карельского, Ленинградского фронтов и Северного флота. Потери восполнялись таким же способом. В итоге на начало Петсамо-Киркенесской операции (7 октября 1944 г.) в ВВС Северного флота из 289 истребителей — 254 были английского и американского производства (в т. ч. 168 Р-39), из 72 торпедоносцев — 66 А-20 [7, л. 225–227].

Очень эффективно использовались истребители Р-39 и штурмовики А-20, уже в СССР переделанные в торпедоносцы.

В 1943 г. в полярную авиацию из ГВФ передали два новых С-47 из числа поступивших в Красноярск по воздушной трассе Красноярск — Уэлькаль. Самолеты стали

использоваться на стратегической ледовой разведке в зимнее время с сухопутных и ледовых аэродромов.

В 1944 г. на смену выработавшим все ресурсы самолетам «Дорнье Валь» и МБР-2 в полярную авиацию и морские разведывательные авиаполки поступили летающие лодки PBN-1 «Каталина». Первые четыре «Каталины» пригнали экипажи полярной авиации во главе с Героем Советского Союза И. П. Мазуруком. Маршрут был очень длинным — самолеты летели по северному маршруту Элизабет-Сити — озеро Гандер — Рейкьявик — Мурманск. 4 июня 1944 г. первые четыре лодки совершили посадку в губе Грязной. Остальные 20 прибыли до 16 июня 1944 г. В состав перегоночной группы входили экипажи из 22-го и 118-го разведывательных авиаполков, уже имеющие опыт полетов на советских «Каталинах» — собранных по лицензии на Таганрогском авиазаводе ГСТ (МП-7). К сожалению, в первом же перегоне в составе ведущего экипажа над Исландией 18 июня 1944 г. пропали без вести подполковник Н. П. Романов, старший техник-лейтенант А. М. Скворцов и старшина Н. Е. Кузнецов из 16-го авиаотряда Беломорской военной флотилии. Новые летающие лодки поступили на вооружение в 118-й РАП и 44-й САП.

Аналитическая записка к отчету о работе Инженерного управления НКВТ СССР в г. Мурманске за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

...Первый пароход «Декабрист» с грузами Импортного управления прибыл в Мурманский торговый порт 20.12.1941 г. — груз 111 тонн.

В 1942 г. в порт Мурманск прибыло:

— самолетов: 40 А-20, 124 Р-39, 272 Р-40, 875 Харрикейн, 20 прочих типов;

— танков: 426 М-3 средний, 412 М-3 легкий, 20 М4А2, 466 Матильда, 531 Валентайн, 907 БТР.

В 1943 г. в порт Мурманск прибыло:

— самолетов: 6 А-20, 57 Р-39, 108 Р-40, 456 Харрикейн;

— танков: 15 М-3 средний, 156 Черчилль, 81 М4А2, 97 Матильда, 421 Валентайн, 133 САУ, 3 БТР.

В 1944 г. в порт Мурманск прибыло:

— самолетов: 111 Р-40, 5 Р-47 и Р-63, 15 Харрикейн, 71 Спитфайр;

— танков: 3 М3 средний, 889 М4А2, 119 БТР;

— торпедные катера — 73 штуки.

В 1945 г. в порт Мурманск прибыло:

— самолетов: 437 Спитфайр;

— танков: 2 М3 легкий, 648 М4А2, 6 Черчилль, 9 БТР;

— торпедных катеров — 51;

— самоходных барж — 270.

Всего в порт Мурманск за 1941–1945 гг. прибыло:

— самолетов: 46 Б-3 и А-20С, 181 Р-39, 491 Р-40, 1346 Харрикейн, 508 Спитфайр, 25 прочих (В-25, О-52 и др.). Авиамоторов — 1843;

— танков: 441 М3 средний, 442 М3 легкий, 1638 М4А2, 563 Матильда, 952 Валентайн, 162 Черчилль, 138 САУ, 537 танковых моторов, 276 тракторов, 62 танкоремонтные мастерские, 971 зарядная станция, 128 бронемашины (вездеходы, транспортеры), 76 трейлеров;

— артиллерии: 7 батарей 90-мм пушек, 633 пушки 40-мм и 37-мм;

— торпедных катеров — 139;

— самоходных барж — 270 [6, л. 218].

Без всяких сомнений и обсуждений — германский фашизм победил советский солдат. Но помощь союзников в первые годы войны помогла сохранить жизни. Как гово-

рил А. И. Микоян: «...Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали». А поставки 1944–1945 гг. помогли лучше оснастить армию и флот и помогли восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

Список литературы и источников

[1] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 336.
[2] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 341.
[3] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 4. Д. 118.
[4] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 4. Д. 146.
[5] РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 4. Д. 147.
[6] Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука. 1994.
[7] ЦВМА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 77. Л. 311; Д. 78.

Норвежские предприниматели и исследователи в истории Сибири в конце XIX — первой трети XX века

А. С. Хромых,
кандидат исторических наук, учитель обществознания, педагог-организатор, лицей МГИМО им. А. М. Горчакова, г. Москва

АННОТАЦИЯ В XIX — первой трети XX в. активно развивалось российско-норвежское сотрудничество в хозяйственной и культурной сферах. Ряд известных норвежских исследователей и предпринимателей вели деятельность на территории Сибири, используя Карский морской путь. Деятельность норвежцев способствовала культурному взаимообмену и хозяйственному развитию региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, норвежцы, Йонас Лид, Фритьоф Нансен, Отто Свердруп, Карский морской путь.

Русско-норвежские отношения имеют давнюю историю. К IX в. относят первые упоминания о полулегендарном походе викингов под предводительством Оттара из Холугаланда, который достиг, по мнению авторитетного специалиста по истории Северного морского пути М. И. Белова, побережья Кольского полуострова [4, с. 30]. В 1028 г. король Норвегии Олаф II Святой со своим сыном, будущим королем Магнусом I, нашел убежище при дворе Ярослава Мудрого. После смерти отца малолетний Магнус был усыновлен Ярославом Мудрым и воспитывался в его семье. Зимой же 1043/1044 г. Ярослав Мудрый выдал дочь Елизавету за будущего короля Норвегии Харальда III Сурового. Первый дипломатический договор между Новгородской республикой и королевством Норвегия был заключен в 1251 г. Затем наступил период Кальмарской унии, когда произошло объединение королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей (1397–1523). В 1536 г. Кальмарская уния распалась, но Дания в одностороннем порядке объявила Норвегию своей провинцией, началась Датско-норвежская уния с явным преобладанием Дании. Норвегия сохранила собственные законы и некоторые государственные институты, но бывшие норвежские территории — Исландия, Гренландия, Фарерские острова — перешли во владение Дании. В 1814 г. Дания была вынуждена передать Норвегию королю Швеции, и только в 1905 г. Норвегия получила независимость.

Русско-норвежские отношения получили достаточно хорошее освещение как в норвежской историографии (М. Йентофт [6], Р. Даниельсен [5], Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. Нилсен [14]), так и в отечественной (И. П. Бацис [1], Т. А. Шрадер [15], Р. В. Пересадило [13], А. С. Касиян [7] и др.). Однако основными направлениями данных исследований являлись либо освещение вопроса установления дипломатических отношений, либо взаимодействие норвежских рыболовов, поморских крестьян и коренного населения. В контексте контактов между Норвегией и Сибирью следует отметить переведенные на русский язык книги Ф. Нансена «В страну будущего» [12], Й. Лида «Сибирь — странная ностальгия» [10] и «Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История „Сибирской компании“» [11], а также исследования Г. Ф. Быкони [16] и М. Вереншелль [2]. Однако в настоящее время пока не созданы цельные, фундаментальные исследования, посвященные проблеме взаимодействия Сибири и Норвегии.

Хронологические рамки данной статьи охватывают начало XIX — первую треть XX в. В начале XIX в. в Норвегии был основан первый университет (1811), и, следова-

тельно, появились первые ученые и исследователи, которые оказались на территории Сибири. В конце 1920-х гг. советское правительство окончательно отказалось от новой экономической политики, и СССР стал закрытой страной для иностранцев, в том числе и норвежцев.

Первым известным норвежским ученым, посетившим территорию Сибири, стал Кристофер Ханстен, норвежский астроном, физик и геофизик. Он изучал земной магнетизм, открыл суточные вариации горизонтальной составляющей напряженности магнитного поля Земли. В ходе исследований Ханстен производил магнитометрические замеры в Норвегии и Финляндии, а в 1828–1830 гг. совместно с Г. А. Эрманом предпринял путешествие в Западную Сибирь, где рассчитывал найти второй магнитный полюс Земли [9, с. 272].

В начале XX в. Сибирь посетил Фритьоф Нансен. Он в 1913 г. на судне «Коррект» совершил плавание от Норвегии к устью Енисея и последующее исследование внутренних районов Сибири. После возвращения в Норвегию он написал известную в России книгу «В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море». В Норвегии книга вышла в 1914 г., а в России — в 1915 г. В книге описывается путешествие Нансена 1913 г. на судне «Коррект» и его последующее пребывание в России. Правда, у широкого круга читателей, современников Нансена, она не вызвала огромного интереса, так как в это время в самом разгаре были военные действия на фронтах Первой мировой [12].

Интерес представляет деятельность спутника Ф. Нансена по экспедиции в Гренландию в 1888–1889 гг. и капитана «Фрама» во время экспедиции в Центральную Арктику в 1893–1896 гг., норвежского полярного путешественника Отто Свердрупа. В 1914 г. по приглашению русского правительства на корабле «Эклипс» участвовал в поисках без вести пропавших экспедиций В. А. Русанова и Г. Л. Брусилова и оказал существенную помощь гидрографической экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач», зазимовавших во время сквозного похода у берегов Таймыра. В 1921 г. по приглашению советского правительства участвовал в проведении Карской экспедиции.

В середине XIX в. появился интерес к просторам Сибири со стороны норвежских промысловиков, так как истощились промысловые богатства вблизи берегов Норвегии. Норвежские промысловики начали искать угодья в бассейне Карского моря. В 1868 г. норвежец Э. Карлсен, используя благоприятную ледовую обстановку, обогнул остров Вайгач и проник в Карское море. В 1869 г. недалеко от Новой Земли, в Карском море занимались охотой и рыбной ловлей 24 промышленника, в 1870 г. — свыше 60 промысловых судов. Имеются сведения, что в 1871-м и последующих годах рядом с Новой Землей встречали несколько десятков норвежских судов. Любопытно, что официальные российские власти не чинили преград норвежским промыслам в своих территориальных водах [11, с. 71].

В конце XIX в. Сибирь стала интересна не только норвежским промысловикам, но и крупным норвежским предпринимателям, которые планировали организовать на ее территории многопрофильный бизнес. Наиболее ярким представителем норвежских предпринимателей, развернувших свою деятельность на территории Сибири, являлся Йонас Лид. Впервые Й. Лид заинтересовался Арктикой в 1889 г., когда ему было восемь лет. Именно тогда Ф. Нансен вернулся из Гренландской экспедиции в качестве национального героя. Ф. Нансен стал для юного Лида кумиром и образцом для подражания.

Детская мечта осуществилась 18 января 1910 г., когда состоялась судьбоносная встреча Й. Лида с Альфредом Дэрри, который смог зажечь его грандиозным проектом организации прямой торговли между Европой и устьем сибирских рек.

Начались многочисленные переговоры как с норвежскими, так и с английскими деловыми кругами, в результате которых Лиду удалось добиться финансирования раз-

ведочной экспедиции в Сибирь и организации в 1911 г. торговой ярмарки в Красноярске с целью изучения спроса сибиряков на иностранные товары.

В начале 1912 г. Лид зарегистрировал общество с норвежско-английским и русским капиталом в 143 тысячи крон, которое получило название «Сибирская пароходная, промышленная и торговая компания с ограниченной ответственностью».

После первоначальной неудачной экспедиции 1912 г. китобойного судна «Талла» он тщательно проанализировал ошибки и, вместо того чтобы просто их исправить, при поддержке своих партнеров пытается резко повысить авторитет компании смелым шагом — приглашением знаменитого Ф. Нансена для поездки в Сибирь под флагом «Сибирской компании». Эта торговая экспедиция по Карскому морскому пути 1913 г., закончившаяся полным коммерческим успехом, не только показала жизнеспособность идеи Лида и Дэрри, но и поставила «Сибирскую компанию» в ряд самых крупных и успешных иностранных предприятий в России. Всего же «Сибирская компания», в первую очередь усилиями Лида, в 1912–1917 гг. организовала шесть торговых экспедиций. Не все они приносили коммерческий успех, но одна удачная перекрывала с лихвой прежние убытки. Акционерный капитал «Сибирской компании» к 1917 г. составил 8 млн норвежских крон, 10 млн российских рублей и 1,5 млн фунтов стерлингов. Свои конторы «Сибирская компания» имела в Нью-Йорке, Лондоне, Христиании (Осло), Петербурге, Москве, Архангельске, Новониколаевске (Новосибирске), Красноярске. В сибирские уездах Енисейской и Тобольской губерний имелись торговые агенты компании.

Благодаря усилиям Й. Лида был основан Маклаковский лесопильный завод Енисейского уезда (ныне на месте с. Маклаково — г. Лесосибирск, крупнейший в Красноярском крае лесопромышленный центр). Так, Й. Лид стал крестным отцом этого города. Также в 1916 г. при участии «Сибирской компании» был построен завод в Усть-Енисейском порту по производству консервов из рыбы и дичи.

В экспедициях, организованных по Карскому морскому пути, Й. Лид добивался примерно равного соотношения между импортируемыми и экспортируемыми сибирскими товарами, что способствовало не только обогащению «Сибирской компании», но и развитию региона в целом.

Первая мировая война и падение царизма в феврале 1917 г., особенно приход большевиков к власти сильно осложнили реализацию этих планов. Лид лавирует: с одной стороны, он в марте 1917 г. временно приостанавливает деятельность предприятий общества и переводит часть акций в новое «Русское общество» с капиталом в 2 млн рублей, на которые приобретает акции сибирских пароходств; с другой стороны, уехав в 1917 г. в США, пытается установить прямые торговые контакты между Сибирью и Америкой, соединив их трансатлантической линией [11, с. 13–19].

В какой-то мере Й. Лида можно назвать и политическим деятелем. Он был почетным дипломатом Королевства Норвегия в Сибири с января 1914 г. по июнь 1918 г. На этот пост его назначил Хакон VII, первый король независимой Норвегии, кузен Николая II по матери. В начале 1918 г. Лид был приглашен из Осло в Лондон на секретные переговоры по вопросу о возможности «спасения» Николая II и его семьи, находившихся тогда в Тобольске. В Лондоне Лид встречался с Франциском Баркером, великим князем Михаилом Романовым и другими высокопоставленными лицами. Лиду предлагал похитить царскую семью из Тобольска, а затем на одном из речных пароходов отправить ее по реке Иртыш до устья Оби. Далее, в зависимости от обстоятельств, семью планировалось пересадить на быстроходный катер и сразу двигаться в море, по направлению к Новой Земле или устью реки Енисей, где планировалось дождаться другого благоприятного момента для выхода в море. Англичане поддержали Й. Лида. Осуществление этого плана было сорвано, так как царскую семью перевели в Екатеринбург [8, с. 392–394].

После революции и Гражданской войны Й. Лид приезжает в Москву, ведет переговоры с первыми лицами страны, выступает за мирную торговлю с Советской Россией, в том числе по Главсевморпути. С 1924 г. он принимает гражданство СССР, передает созданные Вихманом чертежи заполярных перевалочных портов, данные о перспективах импорта западного оборудования. Безвозмездно сделав подсчеты огромнейших возможностей экспорта леса и других товаров из бассейна Енисея, он берется довести его объем до 300 тысяч тонн. Что-то удалось пробить энергичному норвежцу. Заброшенный консервный завод восстанавливают норвежские специалисты из фирмы «Конкорд». Сделаны первые шаги по возобновлению экспорта леса из низовьев Енисея. Но вся деятельность Й. Лида прекратилась после сворачивания новой экономической политики в СССР [11, с. 19–21].

Однако идея освоения Карского морского пути преследовала Й. Лида до самой смерти, несмотря на фактическое прекращение существования «Сибирской компании». Он пристально изучает сообщения, связанные с усилиями Советского Союза по освоению Арктики.

Помимо Й. Лида, в период новой экономической политики в СССР хотел организовать свой бизнес норвежский предприниматель Кристофер Ганневиг. В 1914 г. он основал компанию «Ганневиг броверс». В 1915 г. перебрался в Америку. Он проявлял интерес к Сибири еще до революции. В 1916 г. создал акционерное общество для постройки железной дороги в Сибирь. В 1918 г. вместе с русским полярным художником-исследователем А. А. Борисовым обратился к советскому правительству с предложением концессии на строительство этой дороги, названной ими «Великий Северный путь». Предложение было рассмотрено и одобрено Совнаркомом, но реализовать его не удалось по финансовым причинам [3, с. 42–45].

Можно сказать, что с приобретением Норвегией в 1905 г. статуса независимого государства активизировались дипломатические, хозяйственные, торговые отношения и культурные связи с Российской империей в целом и с Сибирью в частности. Инициативу в данном взаимодействии проявляли не только государственные органы Норвегии, но и отдельные предприниматели и ученые. Этому способствовало наличие морской и сухопутной границы, значительные запасы природных ресурсов в Сибири и острая нужда увеличивающегося сибирского населения в машинах, произведенных на европейских фабриках. Причем в Сибирь через просторы Арктики сначала отправились норвежские ученые и исследователи, которые ее открыли для предпринимателей-соотечественников. К сожалению, зарождающийся полноценный процесс международного сотрудничества был прерван революцией 1917 г.

Список литературы

[1] *Бацис П. Э.* Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг.: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1973. 26 с.

[2] *Вереншелль М.* Консул Юнус М. Лид и Россия // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: РАН, 2003. С. 458–464.

[3] *Голубев А. А.* Проект Трансполярной магистрали: история и современность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 42–50.

[4] История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / под ред. Я. Я. Гаккеля, А. П. Окладникова, М. Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.

[5] История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен [и др.]. М.: Весь Мир, 2003. 515 с.

[6] *Йентофт* М. Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 238 с.
[7] *Касиян* А. С. Россия и Норвегия, 1905–1914 гг.: становление дипломатических отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.
[8] *Кинг* Г. Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. 462 с.
[9] *Колчинский* И. Г., *Корсунь* А. А., *Родригес* М. Г. Астрономы: биограф. справочник. Киев: Наукова думка, 1985. 509 с.
[10] *Лид* Й. Сибирь — странная ностальгия. М.: Весь Мир, 2009. 302 с.
[11] *Лид* Й. Сибирская Арктика: исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск: Растр, 2019. 320 с.
[12] *Нансен* Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг.: Изд-е К. И. Ксидо, 1915. 454 с.
[13] *Пересадило* Р. В. Русско-норвежские отношения в материалах Государственного архива Архангельской области // Русский Север в документах архива. Архангельск, 1998. С. 72–89.
[14] Россия — Норвегия: сквозь века и границы / ред.: Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсен. М.: Художник и книга, 2004. 500 с.
[15] *Шрадер* Т. А. Торговые связи Русского Поморья с Северной Норвегией, конец XVIII — начало XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 176 с.
[16] Jonas Lied in Siberia (1910–1919) // Consul Jonas Lied and Russia / Collector, Diplomat, Indastrial, Explorer. 1910–1931. Oslo: Unipub. 2008. P. 85–95.

Человек в истории

Личные воспоминания в изучении трудармейской повседневности Кузбасса в годы войны

Б. Е. Андюсев,
кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Воспоминания солдата о службе и трудовой деятельности в 1667-м стрелковом (строительном) батальоне Трудармии в г. Кузбассе в годы Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА трудовая мобилизация, Кемерово, строительный батальон Трудармии (стройбат), азотно-туковый и военный («пороховой») заводы, трудармеец, повседневность трудармейцев, психология трудармейца.

Актуальность. К важнейшим особенностям в изучении различных аспектов Великой Отечественной войны в постсоветский период можно отнести проблемы и вопросы повседневности, как фронтовой, так и повседневности тыла. Вектор познания существенно расширился за счет углубления чисто военной событийности к внутренним «человеческим» факторам противостояния и преодоления немыслимых прежде трудностей и страданий. Человек войны, человек на войне: кто он и каковы его истоки и мотивы выживания и соучастия в приближении победы? Именно этим вопросам мы посвятили свое небольшое исследование. Основано оно на методологических подходах устной истории, биографической истории, истории социально-психологической.

Научное осмысление проблемы повседневности сибирского тыла требует серьезной базы системного комплекса источников, и прежде всего архивных. Но данное исследование проводим на основе выявленного нами пять лет назад и хранящегося в личном архиве документа личного происхождения, ценность которого несомненна. Это собственноручно записанные воспоминания участника войны, уроженца Красноярского края Вшивкова Петра Матвеевича.

Цель представляемой работы — выявление отдельных аспектов военной повседневности в тыловых формированиях Трудармии Кузбасса на основе анализа воспоминаний фронтовика Петра Матвеевича Вшивкова.

Предметом нашего исследования является выявление различных сторон повседневности Кузбасса военного времени в воспоминаниях ветерана.

Хронологические рамки нашей работы относятся к периоду ноября 1941 — весны 1942 г.

Регион и территория исследования представлены городом Кемерово Кемеровской области.

Воспоминания П. М. Вшивкова представляют собой рукописную книгу, сшитую из школьных тетрадей белыми и черными нитками, тонкой проволокой, общим объемом 1062 страницы рукописного текста, написанного шариковой ручкой различных оттенков синего цвета [1]. В основном текст рукописи читабелен, шрифт крупный, слегка наклонный вправо. Воспоминания написаны в виде литературно необработанного текста, с множественными грамматическими и орфографическими ошибками. Это объясняется тем, что автор имел незаконченное начальное образование и рабочие профессии. Данный источник был нами выявлен в процессе работы над проектом «Устная история: человек в повседневности XX века».

Автор воспоминаний Вшивков Петр Матвеевич родился в 1923 г. в д. Жербатихе Курагинского района Красноярского края в крестьянской семье. Ушел из жизни на рубеже 1990-х гг., оставив рукопись в семье сына.

Данные военного билета свидетельствуют, что в 1941 г. он был мобилизован в ряды РККА, где пробыл до 1947 г. Послужной список включает прохождение воинской службы в составе 1667-го стрелкового (строительного) батальона в городе Кемерово. Затем в действующей армии в составе 456-го стрелкового полка; 134-го гвардейского стрелкового полка. Воинские звания: красноармеец, мл. сержант, сержант. Воинские специальности: стрелок ручного и станкового пулемета [2].

Результаты исследований. Нами был изучен и проанализирован текст рукописи, сделана фотокопия книги, выполнен компьютерный набор рукописи и произведена правка текста. Дополнительно провели анализ документов, хранящихся в семье ветерана, произведя сверку о призыве и демобилизации, о воинских частях, в которых служил автор, данных о наградах [3].

В энциклопедических словарях дефиниция термина «воспоминания» — это повествование о явлениях жизни (личной или общественной), свидетелем которой был автор. Так же объясняется термин «мемуары». Однако мы считаем, что в опубликованных мемуарах на первый план выходят не только описательные воспоминания, но и авторские оценочные размышления об увиденном, о его причинах и взаимосвязи с подобными событиями. В этом ключе найденные нами воспоминания рядового солдата-пехотинца П. М. Вшивкова вдвойне интересны тем, что они более сродни «воспоминаниям и размышлениям» военачальников, писателей, публицистов.

Текст данных воспоминаний (солдатских мемуаров) содержит описание жизни автора в виде первых детских воспоминаний и впечатлений второй половины 1920-х гг. до 1979 г. с дополнительным разделом до 1988–1989 гг. Изучение рукописи позволяет сделать вывод о неординарности автора, о глубине познаний, размышлений, представлении богатого жизненного опыта. Несмотря на малограмотность, Петр Матвеевич показал наличие литературных способностей в умении выстроить развернутое жизнеописание, умении слагать стихи и басни. Мы видим яркие зарисовки увиденного, характеристики и образы современников, доказательные выводы, образное мировосприятие. Рукопись свидетельствует об авторском обобщении прожитых лет, включающих, как он пишет, «три жизни»: довоенную, в годы Великой Отечественной войны и жизнь послевоенную.

Автор пишет обо всем, что происходило в их семье, в кругу родных, в его биографии, в стране и локальных территориях пребывания. Петр Матвеевич свою жизнь описал достаточно правдиво и критично, не приукрашивая, не скрывая неприятных эпизодов. Автор, лично пережив события, описывает их спустя многие десятилетия с позиций «происходящего здесь и сейчас». Происходящие события, поступки свои он старается объяснить и мотивировать, анализировать по прошествии многих десятилетий как с оценок и мотивов общей психологии времени, так и с позиций ментальности умудренного жизненным опытом пожилого человека.

Мы не ставили своей целью представить анализ всего текста воспоминаний. Основной задачей стало представление на основе данных воспоминаний в первом приближении достаточно слабоизученную тему Трудармии в восприятии рядового красноармейца-трудармейца. На этой основе мы можем глазами вчерашнего крестьянина оценить роль тыловых воинских формирований строительного профиля на территории Кемеровской области. Мы можем глазами автора, участника событий провести описание общего, типичного для военной поры и локального для тылового города, частного в жизни солдата анализ его воспоминаний. Особо ценным представляется описание мельчайших деталей повседневной жизни военных строителей на военных стройках в городе Кемерово.

Для нас важно увидеть изнутри осуществление жестокого, но жизненного требования военного времени «Всё для фронта, всё для победы!». Вслед за автором мы можем прочувствовать невероятные трудности, лишения, переживания и устремления типичного представителя военного поколения.

Мы пропустим в целом воспоминания довоенных лет. Однако на одном эпизоде необходимо остановиться. Данное событие нам необходимо для анализа парадоксов сознания советских людей.

Относятся события к трагическому в истории страны 1937 г. Петр Матвеевич описывает их так (тексты автора исправлены по правилам правописания. — *Прим. ред.*):

> Я учился в четвертом классе. Отец работал в леспромхозе плотником, строил бараки для лесозаготовщиков, и что заставят, то и приходилось строить. Старшая сестра Вера работала на лесозаготовках. Мать рыбачила, сдавала рыбу в магазин, а младшие сестра Валя и брат Леня тоже учились в школе. А в каникулы мы с матерью рыбачили на озерах. И вроде бы и обжились малость.

И даже спустя многие десятилетия в жизнь автора входят

> ...то враги, то недруги, не дают жить хорошо и спокойно. Весной 1937 г. стали огороды делить да все овощи садить, и между собой все делить стали землю. У нас огород большой, на две семьи сорок соток. Отец справедливо делил огород пополам по двадцать соток. А сосед Кулаженко говорит, что нет, мне нужно тридцать соток, хотя его семья на одного человека меньше. Но спорили они, спорили между собой да и поругались. Но этот сосед Кулаженко не только хотел иметь весь огород, а он еще и хотел иметь один весь дом. И он решил сжить отца... и этот кровожадный человек своего зверства добился...

Мы видим, что «*вдобавок Кулаженко этот приподобный*» был местным

> активистом, хотя малограмотный, но подхалимный, вдобавок двуличный. Начальство он встречал как своих сородичей и рад был встрече с начальником любым до бесконечности... И вот таких двуличных я не могу видеть даже хуже врага.

Петр Матвеевич пишет, что Кулаженко

> писал на крестьян и на моего отца, что якобы отматерил жизнь, начальство, власть.

На основе его нескольких доносов Матвей Вшивков и несколько других крестьян были репрессированы.

> Осиротил детей. Нас у матери осталось четверо. Отец оказался прав, не виноват. Но только умер там в тюрьме. Да теперь и этого гада в живых нет...

Так, через воспоминания, через оценки и эмоции крестьянского парня мы можем видеть, как общество оценивало неправедные репрессии того времени и их причины.

Далее автор дает год за годом описания тяжелой жизни без кормильца, скитания и начало трудовой жизни накануне войны. И вот осенью 1941 г.

> стали наши годы, 1922–1923 гг. рождения, вызывать в военкомат и вручать повестку за повесткой.
> Проработал я еще месяц, успел до следующей получки. Получку получил еще больше.

Так пришла повестка и Вшивкову Петру Матвеевичу

явиться в райвоенкомат к десяти часам дня 25/X-1941 г. Вечером собрались мы, все товарищи, девушки, посидели, поговорили, отметили вечер, поговорили о многом.

Призванных в армию молодых парней на лошадях отвезли из Курагино в Минусинск.

Прощаясь с родными матерями, мы кричали, что вернемся с победой. Вернемся живы-здоровы. Ждите нас домой с победой!

Так началась

наша военная обстановка... В Минусинске мы формировались, и пробыли мы здесь две недели, а потом пошли маршем в г. Абакан.

Молодого человека из глубинки более всего поразило количество новобранцев.

Нас набралось столько, что я еще не видел столько до этого людей... Вышли на реку... Ни впереди, ни сзади не видать края людей... пришли в Абакан на железнодорожную станцию, а там еще больше нашего брата. Мы ожидали поезда, когда под нас подадут вагоны для отправки... Нас столько много людей, и всего два года призыва — 1922–1923 гг., всего два года. И где только набрали столько людей, подумал я про себя.

Петр Матвеевич не скрывает, что испугался гудка паровоза:

как заорет, подавая гудок... не видел, не слышал никогда... Я напужался даже... и побежал за угол здания, а все смеялись и подшучивали...

Через сутки пути поезд прибыл на станцию Ачинск.

Здесь повагонно сходили мы в столовую на ужин. Пришли к вагонам, нам объяснили, что поедем дальше, пока до города Кемерово никому никуда не отлучаться...

Потом паровоз дал сигнал, и эшелон с новобранцами поехал дальше. Бойцы в теплушках беспрерывно кочегарили поочередно печку-буржуйку: зима с 1941 на 1942 г. была крайне суровой, с морозами, необычными даже для Сибири. Так, пропуская встречные, догоняя попутные составы, через несколько дней они ночью приехали в город Кемерово. Всех вывели на платформу, и повагонно быстрым маршем двинулись в город.

Прибывшие переночевали в теплом полупустом автомобильном гараже. Утром всех построили повагонно, впервые по-армейскому ровными шеренгами во главе со своими и вновь представленными командирами подразделений. К ним вышел подполковник, поздоровался и представился как командир полка.

Вы изучать военное дело будете и одновременно заниматься трудом. Вас разделим на две группы. Одна будет работать на АТЗ, или азотно-туковом заводе, другая группа бойцов будет строить военный завод. Дисциплина будет воинская, с изучением военного дела. И всегда быть в боевой готовности; по сигналу выступить на защиту родины для полной победы над врагом. Питаться будете в столовых № 5 АТЗ и № 7 военного завода.

Из краткого объяснения задач следовало, что далее на фронт их не отправят. Что их эшелон с этого дня составляет полк или четыре батальона по три роты повзводно и по отделениям.

Так начались трудовые будни строителей воинской части, именуемой автором воспоминаний и зафиксированной в военном билете как 1667-й резервный запасной стрелковый батальон. Документы у новобранцев были изъяты и заменены небольшим листом бумаги с личными данными, на котором с угла на угол была красная полоса и черным по красному напечатано короткое слово «Бронь». Петр Матвеевич пишет о раздвоении сознания: с одной стороны,

> я понимал, что и здесь нужна рабочая сила. Нужно строить завод, чтобы выпускать продукцию и побеждать врага как можно быстрее;

с другой —

> в военкомате нас призвали с оружием защищать родину.

Разместили бойцов строительных батальонов по месту работы: в казармах азотно-тукового завода и в новых казармах недалеко от строящегося военного завода. Автор воспоминаний попал служить на стройку военного завода.

Интересны описания первых дней еще в переходном состоянии от домашней жизни.

> А мы, бойцы, закурили и, толкая друг друга, грелись, так как стояли сильные морозы... Потом... каждую группу повели по назначенным местам и, где новый завод, привели нас к казармам. Там стояло четыре больших новых казармы и один большой крестовый дом. Каждой роте нашей группы своя казарма. В крестовом дому находилось начальство и был штаб. Затем разбили и повзводно, и поотделенно.

Достаточно быстро сложился воинский распорядок с назначением дежурных, дневальных. Распределили всех: кто печки топить, кто дрова пилить, и закипела работа.

> Мигом затопили печи, и стало тепло, разделись и, кто в чем в домашним был, легли спать. Утром после завтрака отдыхали, писали письма домой, получили солдатское обмундирование, рабочую спецовку, бывшую в употреблении, поношенную.

Бойцам-строителям выдали постельные принадлежности, солдатскую посуду — котелки и ложки.

> Оружия нам не выдали никакого, а занимались материальною частью оружия роты: был у нас автомат, ручной пулемет, был даже станковый пулемет, пара винтовок, две бутылки зажигательные, граната ручная и пара противотанковых гранат.

Первые дни пребывания в Кемерове прошли в ежедневных занятиях по изучению военного дела, огнестрельного оружия и ухода за ним. Трижды в день их водили строем, с песней питаться в столовую №7 при военном заводе. Воспоминания П. М. Вшивкова раскрывают характер питания и рацион военных строителей в начале службы.

> На завтрак давали хлеба двести грамм, суп рассольник, чай без сахара в неограниченном количестве; в обед хлеба двести грамм, суп рассольник, на второе ложку картофельного пюре, ложку капусты или вместо ложки капусты пару маленьких зеленых

> соленых помидор; вечером двести грамм хлеба, двадцать пять грамм сахара и чаю сколько желаешь, вот и все питание.

Вскоре начались трудовые будни. На работу, на стройку нового завода, повели строем с песней. От казармы до рабочего места оказалось шесть километров в одну сторону. «*Остановили нас в степи и стали объяснять задачу. Вот здесь будем строить канал: для кого и чего, знать незачем; военная тайна*» (более вероятно, что это был глубокий протяженный котлован). Недалеко от выбранного места находился тупик железной дороги. Маневровый паровоз притолкал три больших вагона. Один вагон на время работ служил солдатам для обогрева и поочередно курилкой. Второй вагон был оборудован для хранения инструмента, это топоры, пила, ломы, кайла, лопаты. В отделении стоял третий вагон со взрывчаткой и остальным имуществом.

Вначале из толстых досок-плах военные строители настлали в виде тротуара неширокую дорогу протяженностью до одного километра.

Начались взрывные работы, которые выполняли специалисты-взрывники.

Землю «*рвали*» взрывчаткой, затем поочередно вручную каждый наполнял ею одноколясную тачку и по настилу из плах возил к транспортерам. Далее свезенная земля наметывалась в высокие п-образные насыпи на три стороны высотой по двадцать метров и длиной насыпей по три километра. Сказали им только, что «*среди этих гор будет один из цехов*». Работы проводились со всей строгостью: во время взрывов всем приказывали размещаться в убежище, в стороне, в трехстах метрах, в большом прочном подвале. От работы освобождались командиры полка, батальона, рот и взводов. По команде старших прерывались на отдых в виде перекуров.

В январе началась полоса невероятно суровых морозов. Работа была физически очень трудная, а питание на работе стало хуже: дневной паек был шестьсот граммов черного хлеба, к тому же некачественного, часто сырого, недопеченного. Приварок плохой: два раза в день суп рассольник, двадцать граммов сахара и чай в неограниченном количестве.

> Вот и все питание… в связи такого плохого питания и с очень трудной работой было даже и такое. Идя с работы, бойцы-рабочие падали, невмоготу было идти или даже подняться, и даже, случалось, умирали…

Петр Матвеевич в своих воспоминаниях предстает человеком советской формации, патриотом своей страны. Он неоднократно повторяется вставками в тексте о вере в победу, аргументирует оправдательно невероятную жертвенность своих однополчан-сослуживцев.

> Но работали и продолжали работу, потому что мы, люди Советского Союза, знали и верили в победу, знали, что одолеем врага. Знали с начала войны, что рано или поздно поставим врага на коленки перед советской страной. …И каждый говорил и исполнял в то время тяжелое советский лозунг «Всё для фронта, всё для победы!».

И этим самым ковали победу на фронтах Отечественной войны…

> Военное дело мы перестали изучать… Я мечтал по-своему, но моя мечта изменилась. И что дальше?

И по прошествии многих десятилетий в своих воспоминаниях Петр Матвеевич переживает, вспоминая:

Вот идем мы на работу, а женщины вокруг, глядя на нас, о чем-то разговаривают. И меня смущало в том, что вот, мол, видите, а наши мужья на фронте головы кладут, кровь проливают, воюют и погибают за родину. А они вот тут в тылу работают. Да работать и дурак сможет... А вот они в тылу прячутся от фронта.

И решил он любым способом «*прорваться*» в военкомат и на фронт.

А если не отправят, не возьмут, добровольно подам заявление... голодовать здесь, погибнуть, нет не бывать этому.

Скрываясь от начальства, в один из актированных морозных дней Петр Вшивков и три его товарища пришли в городской военкомат.

Но начальник военкомата на наше обращение не ответил, вернул наши заявления.

Затем он прочитал их «*броневые листки*», вернул их обратно и сказал: «*Нет, не могу, ребята, не имею права по броне людей брать в действующую...*» Через пару дней они вновь пошли в горвоенкомат тайком,

в виде обмана, мол, заболели и идем в поликлинику, а сами в военкомат, у нас одна у всех болезнь, на фронт... приходим, но опять было бесполезно. Военком не стал даже разговаривать.

Зима затягивалась, и положение военных строителей становилось все тяжелее.

На работу и в столовую мы ходили уже не строем и без песен. Шли с работы, тянулись один за другим без всякой каманды... Ходили в столовую с котелками в руках. А девушки из общежития еще и пели, задорно поддевая нас:
Эх, солдат с котелком,
Ты куда шагаешь?..

Так получилось, что еще дважды Петр с друзьями сходили в военкомат, но все напрасно. И уже ближе к лету в военкомат пошел он один, и случилось невероятное: попал под очередной призыв на фронт.

Начальник горвоенкомата поглядел на меня, потом сказал: а ну-ка зайди... садись. И показал рукой на стул. Так вот что, тов. Вшивков, мы отправляем двадцать человек. Но получилось повесток двадцать, а бойцов девятнадцать. Один умер, а повестка на него выписана, дело твое, желаешь — зачислим. Но только я тебе как родной отец скажу... тоскливо и страшно ехать на фронт по повестке умершего.

Отвечаю ему, ничего, товарищ капитан, две смерти не бывать, одной не миновать... то не судьба... Капитан пожал мне руку, пожелал счастья, вернуться домой и с победой, и приказал зачислить меня... И тут же нас сводили в баню...

Вернувшись в роту, красноармеец Вшивков доложил своему начальству о том, что

принят защитником в маршевую часть. Утром меня проводили товарищи, а другие встретили. И так менялся облик жизни...

Мы не видим в тексте реакцию командира на убытие бойца на фронт, но во фразе «*меня проводили*» слышится, что событие было воспринято как позитивное решение.

Дальнейший путь пролегал через формирование воинского эшелона в Новосибирске, выезд в действующую армию под Воронеж, где в течение полумесяца шло по-настоящему воинское обучение: изучили матчасть стрелкового вооружения, прошли огневую подготовку, отработали тактические занятия.

> Всем бойцам… выдали красноармейские книжки, личное оружие, боеприпасы, саперные лопатки, каски, противогазы, фляжки и даже котелки, все воинское снаряжение и новое обмундирование.

И самое интересное, они «*приняли присягу*». Действительно, анализируя предыдущую часть текста воспоминаний, мы пытались найти ответ на вопрос: «Принималась ли воинская присяга красноармейцами запасного полка в Кемерове?» Тут и стало очевидным, что воинов-строителей и не готовили к отправке на фронт. Их судьба заведомо была определена, быть Трудовой армией.

Далее Петр Матвеевич Вшивков воюет на передовой в качестве наводчика станкового пулемета. Воюет геройски. За участие во взятии немецкого «языка» в составе разведгруппы был награжден орденом Красной Звезды. В апреле 1943 г. стрелок-пулеметчик П. М. Вшивков получил в бою множественные осколочные ранения. Он описывает процесс длительного излечения в госпиталях Бийска, Барнаула и Новосибирска. Был признан негодным к строевой службе и направлен в часть В-64 в город Кемерово на завод АПЗ в газовой цех охранником.

Затем из-за последствий ранения попал в подсобное хозяйство от завода, в совхоз «Металлоплощадка». Здесь встретил знакомых по 1667-му батальону товарищей-стройбатовцев. Увидел, что по-прежнему жили они тяжело, впроголодь, «*были и холодны и голодны, и одежда плохая, и обувь тоже*». В этом эпизоде тыловой повседневности в воспоминаниях П. М. Вшивкова зафиксирован еще один. Он вспоминает, что холостые ребята «*попоженились, а глядя на них, и женатые повторно поженились*». Лишь для того, чтобы только прожить трудные годы войны. Все же, какое ни на есть, у женщин имелось хозяйство.

> И вот, к примеру, был там один из наших, красноярский, и звали его по имени Алеша, фамилии я его не помню. А девушку звали Оля. Вот полюбил Алеша Олю, и поженились они. Но в сущности-то он ее обманул, и про них была сложена песня «Парень из стройбата»:
>
> Случай этот самый
> Был у нас в совхозе.
> Прошлогодним летом,
> Под кустом березы,
> Тихо шепчет в поле,
> Полоса не сжата.
> Прижимался к Оле
> Парень из стройбата. <…>
> Олечка не знает,
> В Красноярском крае,
> Что у Леши-мужа
> Есть жена другая.
> Но война уймется,
> Целым, невредимым
> Он домой вернется,
> К женушке любимой.

До свидания, скажет
Оле на вокзале,
И дружка стройбата
Вспоминай как звали. <...>
Но зачем же Леше
Оля доверяла,
Он домой уехал,
Олечка осталась.

Про себя Петр Матвеевич пишет, что он

не захотел обидеть женщину и забить себе голову семейной жизнью. Молодой еще, а второе, и главное, еще война идет.

И вновь повторилась ситуация 1942 г.

Я пошел в горвоенкомат, написал заявление добровольно на фронт, меня приняли, ведь я уже воевал. И был набор, и я с ними. И не один был, нас добровольцев было человек двадцать. И вот вторично поехал добровольцем на фронт. Ехали мы, большинство сибиряки, и половина из нас были фронтовики. Сформировались недалеко от города Бийска в маршевые роты, пришли на станцию, погрузились в вагоны. Дернул паровоз, застукали вагоны, и мы поехали на фронт, опять туда, где воют мины, бомбы, снаряды, свистят пули...

Можно и дальше цитировать строки воспоминаний теперь уже сержанта Вшивкова, воевавшего до 19 мая 1945 г., однако формат публикации не позволяет рассмотреть все аспекты фронтового бытия. По ним можно изучить порядок прибытия пополнения или отвода бойцов в тыл на отдых, устройство траншеи и землянки, распорядок дня во время передышки и в боевой обстановке, солдатские развлечения, «*юмор, шутки и даже проделки*» рано повзрослевших юношей. Автор дает меткие характеристики однополчанам и командирам, показывает различные стороны взаимоотношений между ними. Крайне интересны описания дружбы солдат разных национальностей.

Выводы. Непреходящая актуальность и ценность воспоминаний сержанта П. М. Вшивкова уходит в более значимую проблему сохранения свидетельств участников Великой Отечественной войны.

Воспоминания, дневники, записи, письма значимы для нас, но особо для будущих поколений исследователей. Они позволяют взглянуть на события глазами ушедших в прошлое субъектов истории. Помогают понять их мысли, оценки, мотивацию поступков, роль фронтовой жизни в дальнейшей судьбе ветеранов. Здесь раскрываются те реальные аспекты истории Великой войны, которые нельзя нигде иначе обнаружить, можно только вероятностно предположить и интерпретировать.

Список литературы и источников

[1] *Вшивков* П. М. Воспоминания (Жизнь и судьба). Рукопись. 1064 с.
[2] Военный билет сержанта запаса Вшивкова П. М.
[3] Комплекс личных документов: орденская книжка — 1, удостоверения к медалям — 7, удостоверение участника войны — 1, личные фотографии — 4.
[4] Материалы сайта ЦАМО РФ: www.podvignaroda.ru.

Научная деятельность и судьбы ученых Хакасии: Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев

Н. Я. Артамонова,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

АННОТАЦИЯ В статье освещается творческая деятельность Н. Ф. Катанова (1862–1922) и С. Д. Майнагашева (1886–1920), первых представителей хакасской научной интеллигенции. Отмечается влияние революционных событий 1917 г. на судьбы обоих ученых. В работе использованы материалы фонда личного происхождения К. М. Патачакова. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения жизни и научного наследия этих личностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Н. Ф. Катанов, С. Д. Майнагашев, К. М. Патачаков, ученый, фонд личного происхождения, наука, научная интеллигенция, национальная интеллигенция, Хакасия, инородцы.

Интерес исследователей к истории отечественной интеллигенции возобновился в начале 1990-х гг. В рамках данной проблемы ученые стали чаще обращаться к проблеме национальной интеллигенции, ее облику, культурно-историческим предпосылкам формирования, сущностным качествам. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что советская историография не баловала своим вниманием дореволюционных представителей научной интеллигенции хакасского народа. Так, Н. Г. Доможаков, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), в одном из своих выступлений (январь, 1947) отметил, что научное наследие Катанова нуждается в критической оценке [1]. В то же время известный тюрколог Н. А. Баскаков в «Записках ХакНИИЯЛИ» за 1951 г. оценил Н. Ф. Катанова как «крупнейшего представителя дооктябрьского хакасоведения...» [4, с. 93]. Попытка объективной оценки личности Н. Ф. Катанова и его научного наследия принадлежит тому же Н. Г. Доможакову, выступившему с докладом на объединенном заседании совета ХакНИИЯЛИ и Абаканского пединститута, посвященном 95-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова [8]. Таким образом, начало объективной оценки личности Н. Ф. Катанова и его научной деятельности было положено. С образованием Республики Хакасия на государственном уровне стали проводиться юбилейные конференции, сформировалась отрасль научного знания «Катановедение». Значительный вклад в изучение личности Н. Ф. Катанова внесли С. П. Ултургашев, В. Н. Тугужекова, Р. М. Валеев и др. Этнографическое изучение хакасов, которое начали в дооктябрьский период Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев, продолжил этнограф К. М. Патачаков [12, с. 104]. Фонд личного происхождения ученого, находившийся в Национальном архиве РХ, содержит внушительный информационный материал о жизненном пути, творческой деятельности Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева [11]. Значительная часть материалов фонда вошла в научные публикации самого К. М. Патачакова, многие материалы остались до сих пор невостребованными.

Этнограф П. Е. Островских, побывавший в Хакасии в конце XIX в., отмечал:

> Наши инородцы весьма способны: Красноярская учительская семинария видела в своих стенах целый ряд их, и все они были на лучшем счету. Многие из них участвуют теперь в сибирских повременных изданиях, состоя сельскими учителями или священниками. Казанский же проф. Катанов, родом сагаец, сам себе пробил дорогу к высшему образованию [10, с. 326].

Вся жизнь Н. Ф. Катанова была посвящена науке. Первоначальные попытки научной деятельности приходятся на период его обучения в Красноярской гимназии. С 1880 г. он занялся «записыванием сагайских текстов и описыванием обычаев своего племени». Некоторые материалы были посланы в Санкт-Петербург Г. Н. Потанину и опубликованы под фамилией Катанова в «Очерках Северо-Западной Монголии» (СПб., 1883) [5, л. 3]. По окончании гимназии с 1884 по 1888 г. Н. Ф. Катанов обучался на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета и окончил курс со степенью кандидата в мае 1888 г. Будучи студентом, Катанов не позволял себе отвлекаться на дела, препятствовавшие достижению поставленной цели, в связи с чем дал «подписку» о том, что во время своего пребывания в числе студентов или слушателей Санкт-Петербургского университета он обязуется не принадлежать ни к какому тайному сообществу, без разрешения на то ближайшего начальства не вступать в дозволенные законом общества, не участвовать ни в каком денежном сборе [5, л. 57]. Студент Катанов в течение всех студенческих лет активно публиковал свои сочинения в различных научных изданиях. Его «Грамматику и словарь койбальского наречия», а также статью на немецком языке о тюркских наречиях издала Академия наук в одном из своих журналов [д. 5, л. 88]. Из письма к А. А. Ярилову от 27 декабря 1886 г. можно узнать, что он

> начал составлять полный словарь для всех тюркских наречий... Работы хватит еще лет на 15 [5, л. 89].

По окончании университета Н. Ф. Катанов был командирован Императорским Русским географическим обществом (ИРГО), Академией наук в Восточную и Западную Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Китайский Туркестан для подробного исследования быта, языка, фольклора тюркских (татарских) племен названных территорий. Экспедиция продолжалась с 15 февраля 1888 г. по 31 декабря 1892 г. [8, с. 15]. Молодой исследователь успешно выполнил задание благодаря точным и подробным указаниям В. В. Радлова, Н. И. Веселовского и И. Н. Березина, а также достаточным средствам, которыми снабдили его командировавшие [5, л. 4]. В экспедиции он скрупулезно исследовал быт и язык минусинских татар, карагасов Иркутской губернии, урянхайцев Северной Монголии, казак-киргизов Семиречья и тюрков Китайского Туркестана [5, л. 4]. В дальнейшем судьба Н. Ф. Катанова была связана с Казанским университетом, где он занимал должность VI класса, преподавателя в звании экстраординарного профессора по кафедре турецко-татарских наречий [5, л. 4–5].

В свое время Н. Н. Козьмин утверждал, что

> первые представители получившей европейское образование туземной интеллигенции... денационализировались, растворялись в русской интеллигентной среде... [9, с. 78].

Связи же Н. Ф. Катанова с родным народом, по мнению известного историка-этнографа, сохранялась лишь потому, что «его специальностью было изучение турецких языков и поскольку родственные узы заставляли его изредка посещать родные места». «Это был кабинетный ученый», — сделал вывод Н. Н. Козьмин [9, с. 78]. На самом деле это утверждение Н. Н. Козьмина противоречит действительности, поскольку Н. Ф. Катанова

> тянули полевые исследования живого и оригинального материала, добытого собственными усилиями, а не через вторые руки [8, с. 17–18].

Так, с 1896 по 1899 г. на свои средства он предпринял новое путешествие в Минусинский округ и в Уфимскую губернию. В 1896 г. в долине р. Абакан он исследовал быт и язык племен кайбал, бельтир, сагайцев, качинцев [3, с. 19]. Закономерным результатом плодотворной научной деятельности стала защита магистерской диссертации 7 декабря 1903 г. Самым крупным научным произведением Н. Ф. Катанова начала XX в. стал «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (1903). «Эту работу... нельзя читать без удивления и восхищения, — отмечал в упомянутом выше докладе Н. Г. Доможаков. — Она доставила автору-хакасу всемирную и бессмертную славу» [8, с. 18]. Историко-филологический факультет Казанского университета 15 декабря 1907 г. удостоил Н. Ф. Катанова степени доктора сравнительного языкознания за труд «Образцы народной литературы...», что было редчайшим явлением в истории тогдашнего русского сравнительного языкознания [8, с. 24].

Н. Ф. Катанову была чужда любая политическая деятельность, он до конца жизни был предан науке. В период революций 1917 г. и первые годы существования советской власти он занимался музейной работой в Казани, принимал участие в работе организационных комитетов Казанского пединститута, Высшего института народного образования, Археолого-этнографического института, читал лекции по татарскому языку и литературе на внешкольных курсах [8, с. 31]. Тяжелые голодные 1920-е гг. подорвали здоровье ученого. «Мытарства по огороду, нетопленная квартира» ускорили уход из жизни Н. Ф. Катанова. Он скончался 10 марта 1922 г. [8, с. 31–32].

Имя ученого-этнографа С. Д. Майнагашева было предано забвению на долгие годы. В советской историографии упоминания о нем носили в основном негативный характер. Объективная оценка его научной и общественно-политической деятельности была дана в 1990-х гг. Одним из тех, кто способствовал возвращению доброго имени С. Д. Майнагашева, был А. Н. Гладышевский, доцент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова [7]. В 1911 г. С. Д. Майнагашев поступил на отделение общественно-юридического цикла Московского народного университета им. А. Л. Шанявского, потерпев неудачу поступления в Томский университет [7, с. 14–15]. В письмах к своим землякам он писал:

> Ах, как я люблю уже университет! Да, он оправдал все мои надежды, большего я от него не ожидал [2, с. 689].

Важнейшей составляющей в жизнедеятельности университета была организация научной работы слушателей. По поручению Русского комитета летом 1913 г. С. Д. Майнагашев посетил Хакасию с целью изучения шаманства, новой в его научной работе темой. В октябре 1913 г. он представил доклад о результатах экспедиции в ИРГО в Санкт-Петербурге [2, с. 689]. Судя по письмам другу-земляку И. В. Барашкову и впечатлению от выступления, именно тогда у него появился интерес к науке:

> Переживаю период повышенного интереса; хочется поработать, сделать что-нибудь зимой одновременно с учебой в народном университете [2, с. 690].

Помимо научных исследований в университете, С. Д. Майнагашева привлекала правозащитная и общественно-политическая деятельность. По документам, которые находятся в личном фонде К. М. Патачакова, можно видеть, что С. Д. Майнагашев, будучи студентом, посещал студенческие сходки, в частности сходку по поводу смерти Л. Н. Толстого. В письме И. В. Барашкову он пишет, что сходка не была разрешена администрацией.

> Прибыла полиция, городовые. Трухнул. Я, думаю, попаду в историю, и капут моей «благонадежности», а капут может быть моим надеждам на будущее, но... обошлось благополучно [2, с. 690].

Вернувшись из Москвы на родину, С. Д. Майнагашев не остался в стороне от обсуждения различных сторон политической жизни. Знания, полученные на курсах в университете им. А. Л. Шанявского, ему пригодились. Его интересовали дела Аскизской управы, работа кредитного товарищества, проблемы взяточничества «управских» лиц, вопросы формирования национальной интеллигенции. Так, в одном из писем своему земляку И. В. Барашкову он писал о том, что

> для возрождения... минусинских инородцев нужны интеллигентные люди из самих инородцев, своя инородческая интеллигенция, объединенная, проникнутая уважением к родному народу [6, л. 33].

Говоря об отсталости, первобытных способах ведения хозяйства, он отмечал, что

> нужно развивать хозяйственную деятельность народа, поднять культуру хозяйства... И опять нужны люди — люди специальных технических знаний и люди общего образования, глубоко идейного направления, которые бы организовали дело одухотворения, объединяли бы разрозненные силы [2, с. 689].

Велика его заслуга в разработке хакасского алфавита и создании хакасской письменности.

«Сложные социально-экономические условия жизни в Хакасии, — писал А. Н. Гладышевский, — заставили С. Д. Майнагашева оставить научно-исследовательскую работу и активно включиться в правозащитную и общественно-политическую деятельность» [7, с. 25]. Особенно востребованным это стало в разгар революционных событий 1917 г. Февральскую революцию он «воспринял как важнейшее событие, открывавшее новые горизонты в жизни страны и населявших ее народов» [7, с. 28]. Он «чутко улавливал тенденции общественного развития и реально представлял назревшие проблемы переустройства жизни коренного населения Хакасии». По сути, он стал «национальным лидером своего народа» [7, с. 28]. Жизнь С. Д. Майнагашева трагически оборвалась в 1920 г. По мнению А. Н. Гладышевского, С. Д. Майнагашев

> мог быть подвергнут репрессиям за принадлежность к партии эсеров, членство в Уездном комиссариате, за то, что возглавлял Степную Управу в период колчаковщины [7, с. 42].

Н. Ф. Катанов и С. Д. Майнагашев являются первыми представителями хакасской интеллигенции. Каждый из них оставил свой неповторимый след в истории Хакасии. Научные труды Н. Ф. Катанова известны далеко за пределами России. С. Д. Майнагашев проявил себя как ученый-этнограф, правозащитник, общественный деятель. На судьбы Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева по-разному повлияли революционные события 1917 г. Один активно включился в общественно-политическую жизнь, став лидером своего народа, другой сохранил верность науке и научным традициям. Жизнь и творческое наследие Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева стали объектом исследования разных специальностей. С учетом современных условий развития исторической науки, новых методов и подходов изучение разнопланового, плодотворного научного творчества, общественно-политической и культурно-просветительной деятельности первых ученых Хакасии должно быть продолжено. Скрупулезное и объективное изуче-

ние личностных качеств, мотивов, побуждений к научной работе, научной этики ученых расширит знания о жизни и деятельности Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева. Особую важность должны иметь источники личного происхождения ученых, письма, дневники, воспоминания.

Список литературы и источников

[1] *Алябьева Л. А.* Работа института // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хакгосиздат, 1951. Вып. II. С. 135–150.
[2] *Артамонова Н. Я.* Материалы о научной деятельности С. Д. Майнагашева в фондах личного происхождения ученых Хакасии // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 687–691.
[3] *Ахпашев В. И.* Аскиз в жизни Н. Ф. Катанова // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение. Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2003. С. 15–20.
[4] *Баскаков Н. А.* К истории изучения хакасского языка // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хакгосиздат, 1951. Вып. II. С. 85–104.
[5] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 966. Оп. 1. Д. 88.
[6] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 966. Оп. 1. Д. 120.
[7] *Гладышевский А. Н.* Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920: очерк жизни и деятельности. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1999. 64 с.
[8] *Доможаков Н. Г.* Николай Федорович Катанов // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения / сост. канд. филол. наук Н. Г. Доможаков; ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 3–32.
[9] *Козьмин Н.* Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. №1. С. 72–89.
[10] *Островских П.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке. 1894 г.) // Живая старина. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
[11] Патачаков Кузьма Михайлович // ГКГУ РХ «Национальный архив». Ф. 966. Оп. 1.
[12] *Чертыков В. К.* Кузьма Михайлович Патачаков (28.06.1922–24.05.1998) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. №4 (24). С. 104.

Александр Бестужев-Марлинский на Кавказе, 1830–1834 гг.

К. А. Вовченко,
студент, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

АННОТАЦИЯ Доклад посвящен исследованию важнейших событий жизни декабриста А. А. Бестужева-Марлинского во время ссылки на Кавказе. Также статья описывает вклад Бестужева в сферу культуры, образования, истории (изучение литературной деятельности декабриста на примере произведений «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур», этнографических исследований Кавказа, материалов и экспозиций Дома-музея А. А. Бестужева-Марлинского в Дербенте).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА романтизм, Кавказская война, культура, быт, этнографические исследования.

Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский был отправлен в ссылку на Кавказ, где провел четыре года, с 1830 по 1834 г. За это время он успел создать множество художественных произведений и мемуаров, которые имели успех среди знаменитых писателей и критиков, а также этнографических описаний, которые были недоступны ранее. В этих трудах он первый из авторов обращает внимание на глубокий и таинственный характер кавказцев, описывает обычаи и традиции восточных народов того времени. А. А. Бестужев-Марлинский пытался показать неизвестную для Российской империи сторону кавказских народов через художественные произведения, что было и является большой ценностью, поскольку Кавказская война длилась более 50 лет, а для общества было необходимо осознавать уклад жизни и менталитет народа, с которым велась ожесточенная битва для дальнейшей ассимиляции и мирного существования. Эта тема является актуальной и сегодня, так как мир вступил в эпоху глобализации, где взаимодействие между нациями необходимо для дальнейшего развития цивилизации. Также в своих произведениях «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур» автор развивает направление романтизма в русской литературе. Впоследствии его произведения станут опорой и вдохновением для других писателей, а тема войны, идущей параллельно с духовным развитием личности героев, найдет отражение в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир».

Романтизм и этнографические характеристики в поэме «Аммалат-бек» (1832) и повести «Мулла-Нур» (1890)

В поэме «Аммалат-бек» прослеживаются элементы направления романтизма в литературе. Читатель наблюдает противопоставление героев: русских и кавказцев, «европейцев и азиатов» [8, с. 162], их отношение к мести, войне, культурному наследию. Характерной чертой романтизма в поэме является наличие личного дневника у главного героя, Аммалата. Сравнение также происходит от лица героев: в своем дневнике Аммалат-бек пишет:

> Русские ничем не лучше наших татар. Так же падки на выгоды, так же охочи пересуживать, и не для того, чтобы исправить ближнего, а чтобы извинить себя; а про их лень и говорить нечего. Долго они властвуют здесь, а что сделали доброго, какие постановили твердые законы, какие ввели полезные обычаи, чему нас выучили, что устроили или построили они порядочного? Верховский открыл мне глаза на недостатки моих одноземцев, но с этим вместе я увидел недостатки русских, которые тем

> больше непростительны, что они знают полезное, выросли на добрых примерах, и здесь, будто забыв свое назначение, свою деятельную природу, утопают в животном ничтожестве [4, с. 233].

Эта цитата заставляет читателя задуматься о правильности миссии на Кавказе. А. А. Бестужев-Марлинский большое внимание уделял демонстрации иной культуры, так как считал, что «завоевание должно идти путем органической связи исконных начал жизни с началами европейской культуры, а не через гром пушек, море крови и зарево пожаров» (М. Васильев).

Стоит отметить, что А. А. Бестужев-Марлинский особое значение уделяет описанию природы, обычаев и нравов кавказцев периода XIX в.: читатель встречает множество географических названий Кавказа: «на треть агача расстояния от Хунзаха»; «пойдем гулять по берегу Узени» [2, с. 60]. Также автор использует культурологическую терминологию: «В свою очередь горские хищники бродятся за Терек ночью или переплывают его на бурдюках (мехах)». Прослеживается и описание исторических событий, изложенных А. А. Бестужевым-Марлинским:

> Осенью, в 1819 году, кабардинцы и чеченцы, ободренные отсутствием главнокомандующего, собрались в числе полуторы тысячи человек сделать нападение на какую-нибудь деревню за Тереком, ограбить ее, увезти пленников, угнать табун. Предводителем был кабардинский князь Джембулат.

Таким образом, автор предоставляет читателю полную и достоверную картину, насыщенную реальными фактами из жизни кавказских народов, что являлось весьма значимым и диковинным сюжетом для народов Российской империи.

Повесть «Мулла-Нур» изначально задумывался как роман, но в 1837 г. А. А. Бестужев-Марлинский погибает в перестрелке с черкесами, и произведение остается незаконченным.

«Мулла-Нур» близка к «Аммалат-беку» не только общностью темы, не только сходством героев, не только обилием этнографического и фольклорного материала, в повести прослеживаются детальные описания природы, обычаи и нравы кавказцев, автор делает многочисленные сноски на национальные термины. Главный герой является татарским разбойником, который раздает богатства нуждающимся. Мулла-Нур представляется читателю как благородный человек, который не оставляет золота себе, несмотря на свое происхождение. Тем самым, возможно, А. А. Бестужев-Марлинский пытается сломать стереотипы о восточных народах, показать их личность с другой стороны, непривычной для жителей России. Стоит отметить, что данный сюжет основан на реальных событиях. Сам А. А. Бестужев-Марлинский в очерке «Путь до города Кубы» писал о том, что ему «прожужжали уши про Мулла-Нура»[1].

А. А. Бестужеву-Марлинскому удалось воссоздать образ Кавказа, быт и культуру народов и сделать их интересными для читателей, так как эти образы органично и ненавязчиво присутствуют в тексте, тем самым читатель не ощущает, что его поучают, изучение нового мира предоставлено ему самому, что повышает заинтересованность и вовлеченность аудитории. Во время прочтения художественных произведений Александра Александровича читатель приобретает новые знания о жизни кавказских народов, поэтому данные художественные произведения стоит отнести к передовой и просветительской литературе как эпохи XIX в., так и современной.

---

[1] Бестужев-Марлинский и его Кавказские повести. Эволюция романтизма Бестужева. URL: http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/kritika/kanunova-kavkazskie-povesti/evolyuciya-romantizma-bestuzheva.htm.

А. А. Бестужев-Марлинский призывает читателей в первую очередь воспринимать народ как этнос со своим укладом жизни и бытом, а не как вражеский народ, чьи земли необходимо захватить кровопролитным путем.

Дом-музей А. А. Бестужева-Марлинского в Дербенте

Э. С. Хидирова пишет о писателе:

> До него никогда не была столь высока степень проникнутости, близости описываемого образа Кавказа, Дагестана. Креативность значения его приобщенности к фольклорным ценностям высока, особенно для последующих писателей, продолживших тему Дагестана [7, с. 107].

Благодаря глубоким познаниям о быте и жизни местного населения Кавказа описание в художественных произведениях весьма достоверно. Согласно высказыванию А. Алексеева о писателе:

> Осведомленность его в кавказских наречиях и его сильные этнографические интересы — несомненны [3, с. 59].

> О горах и горцах, в частности о Дагестане, Бестужев для своего времени знал больше, чем кто-нибудь другой... [7, с. 110].

М. Васильев отмечает, что А. А. Бестужев-Марлинский с детства с большим интересом увлекался изучением культуры своего народа, невзирая на свое происхождение, но также умел находить общий язык и заводить знакомства с другими народностями, как, например, в сибирской и кавказской ссылках. Будучи на Кавказе, писатель овладел тремя языками: татарским, персидским и арабским, нередко выполнял роль переводчика в переговорах. М. Васильев пишет о больших и пышных проводах А. А. Бестужева-Марлинского из Дербента в 1834 г., сравнивая их с «крупным городским мероприятием» [3, с. 58]. С 1988 г. в Дербенте открыт мемориальный Дом-музей А. А. Бестужева-Марлинского, который является памятником федерального значения[2].

На данный момент музей представляет собой двухэтажный дом с четырьмя комнатами, где жил писатель. Экспозиция имеет подлинные вещи А. А. Бестужева-Марлинского, которые он завещал Дербенту. Не каждому декабристу посвящен отдельный музей, существуют несколько музеев, посвященных истории и жизни декабристов в ссылке: Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, музей в Минусинске, в Чите и Тобольске. Память немногих декабристов была удостоена отдельного культурного центра.

Согласно С. С. Гасановой,

> К 1835 году современники ставят Бестужева в ряд лучших европейских писателей, ему отдается предпочтение даже перед А. С. Пушкиным [4, с. 4].

Произведения Александра Александровича были актуальными для своей эпохи, но и остаются такими на сегодняшний день, так как, например, современная наука, межкультурная коммуникация, занимается вопросами ассимиляции и изучения культур народов мира и определением стратегий и тактик для благоприятного существования и развития на планете. Писатель пропагандирует передовые идеи, которые

[2] Дом-музей Александра Бестужева-Марлинского. URL: https://www.culture.ru/institutes/19964/dom-muzei-aleksandra-bestuzheva-marlinskogo (дата обращения: 09.08.2021).

нашли отражение в современной эпохе: равенство наций и толерантность. Искренняя увлеченность А. А. Бестужева-Марлинского культурой Кавказа была оценена местными жителями, о чем свидетельствуют мемуары и воспоминания историков, Дом-музей в Дербенте. Декабрист один из первых указывает на ошибку людей в нежелании осведомляться о культурных различиях, он говорит о том, что эта ответственность лежит именно на нас, что подтверждают его гуманистические идеи о межкультурном развитии.

Список литературы

[1] *Алексеев П. В.* «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Мотив обрусения мусульманина в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» // ФГБОУ ПВО «Горно-Алтайский государственный университет». Горно-Алтайск, 2013. С. 264–265.

[2] *Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек. 2011.

[3] *Васильев М.* Научно-педагогический сборник. Казань, 1926. С. 57–65.

[4] *Гасанова С. С.* Вклад выдающихся русских деятелей в историю и культуру Дербента // Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Дербент, 2015.

[5] Дом-музей А. А. Бестужева-Марлинского. URL: https://www.culture.ru/institutes/19964/dom-muzei-aleksandra-bestuzheva-marlinskogo.

[6] *Канунова Ф. З.* А. А. Бестужев-Марлинский и его Кавказские повести. URL: http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/kritika/kanunova-kavkazskie-povesti/bestuzhev-kritik-i-teoretik-romantizma.htm.

[7] *Хидирова Э. С.* Инновационные образы в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 107–110.

[8] *Шишкова Н. М.* Литературный дискурс о Кавказе в повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» // Вестник АГУ. 2015. Вып. 2. С. 161–165.

[9] *Эмирова Л. А.* Романные начала в позднем творчестве А. А. Бестужева-Марлинского (повесть «Мулла-Нур») // Дагестанский государственный педагогический университет. Махачкала, 2011. С. 1–6.

Хертек Анчимаа-Тока — первая в истории женщина — глава государства

З. Ю. Доржу,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Тувинский государственный университет, г. Кызыл

О. Ю. Иргит,
кандидат исторических наук, ученый секретарь, Тувинский научный центр, г. Кызыл

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается политическая и общественная деятельность Хертек Анчимаа-Тока (1912–2008), влияние исторических событий на судьбу первой женщины — главы государства. Главный идеолог женского движения в Тувинской Народной Республике, участвовала в организации политических репрессий. Несмотря на неоднозначные страницы биографии, она является одним из уважаемых и почитаемых деятелей Тувы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинская Народная Республика, первая женщина — глава государства, женское движение, политические репрессии.

В декабре 2008 г. в британском журнале The Times вышла статья «Khertek Anchimaa Toka: the world's first female head of state» («Хертек Анчимаа-Тока: первая женщина — глава государства»), посвященная памяти Хертек Амырбитовны Анчимаа-Тока, которая ушла из жизни 4 ноября 2008 г. в возрасте 96 лет. Интерес зарубежных авторов обусловлен тем, что она действительно была первой в истории женщиной, избранной на должность главы государства. На заседании Президиума Малого Хурала — высшего законодательного и распорядительного органа власти Тувинской Народной Республики (ТНР) [6, с. 80] 6 апреля 1940 г. она была избрана председателем, будучи депутатом Малохо Хурала ТНР. Должность она занимала до 11 октября 1944 г., т. е. до вхождения Тувы в состав РСФСР.

Целью статьи является изучение биографии Хертек Анчимаа-Тока, ее политической карьеры и общественной деятельности, влияния разных исторических событий на ее судьбу. Заслуживает внимания феномен успешной карьеры и политического долголетия девушки из бедной семьи, ставшей главой государства до достижения 30 лет.

Родилась Хертек Анчимаа в 1912 г. в местечке Устуу-Оору (ныне с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района) в семье аратов (крестьян-кочевников). Когда ей было шесть лет, от болезни умер ее отец Амыр-Беди. Мать в одиночку воспитывала пятерых детей, и Анчимаа до 16 лет была вынуждена жить со своими родственниками [9].

В августе 1921 г. по итогам Всетувинского учредительного хурала (съезда) была образована Тувинская Народная Республика. В 1922 г. создана Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), которая активно принимала в свои ряды аратов. Партия сразу стала играть доминирующую роль в политической жизни страны и распространяла среди аратов идеи классовой борьбы для их дальнейшего вступления в мировое революционное движение [5, с. 137]. В 1925 г. был сформирован Тувинский революционный союз молодежи, известный как ревсомол. Одной из основных задач ТНРП и ревсомола была ликвидация безграмотности населения Тувы.

В 1930 г. была принята национальная письменность на основе латиницы. К тому времени 18-летняя Анчимаа занималась общественной работой. Она работала писа-

рем в районном хурале [11, с. 22] благодаря знанию монгольского языка, на котором велось делопроизводство.

Анчимаа быстро освоила новый алфавит и вступила в ряды ревсомола. Кампания по ликвидации безграмотности населения была масштабной и работала по простой схеме: овладевшие грамотой должны были обучить других. Молодая 18-летняя девушка обучила грамоте многих, ее «ученики» были старше ее на десятки лет. Учились в ликбез-классах на протяжении трех месяцев. Людей собирали в специальных избах-читальнях, а в некоторых случаях — и в юртах самих же «учеников» [9].

Результатом активной работы Анчимаа по обучению письменности аратов стало то, что уже в 1931 г. в 19 лет ее приняли в ряды ТНРП. Для молодой девушки это было большим достижением. Но на этом ее успехи не закончились. В том же году собирали новую группу молодых тувинцев для учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ) в Москве. Ее включили в число 76 отобранных юношей и девушек.

КУТВ был кузницей кадров, воспитанных на основе марксистко-ленинских идей. Выпускники КУТВ были главными «бомбистами» культурной революции, которые возвращались на родину, чтобы вести культурно-просветительскую деятельность [12, с. 67]. Одним из первых выпускников КУТВ из Тувы был Салчак Тока, который вернулся в 1929 г. и сразу стал секретарем ЦК ТНРП и министром культуры. Он и руководил масштабной кампанией по ликвидации безграмотности населения Тувы.

Хертек Анчимаа училась в КУТВ в 1931–1935 гг. Из 76 тувинских студентов 33 человека были зачислены на подготовительный курс университета, а 43 — на рабочий факультет. Все учились на полном государственном обеспечении. За годы обучения ни один из студентов не мог поехать в Туву, так как каникулы не были предусмотрены. В летнее время студенты работали на картофельных полях Москвы. По воспоминаниям самой Анчимаа, когда она впервые увидела картофель, то с удивлением спросила у местного жителя: «Вот сейчас закопаем, а как мы картошку осенью найдем?» [1, с. 45].

Ярким воспоминанием об учебе в Москве было участие в слушаниях доклада И. В. Сталина в 1933 г. и встреча в марте 1935 г. с Н. К. Крупской, которая была образцом подражания для девушек-революционерок того времени [9]. В мае 1935 г. Хертек Анчимаа в числе 11 выпускников, получивших диплом о высшем образовании, вернулась на родину.

В Туве Анчимаа стала заведующей отделом пропаганды и агитации ЦК ревсомола. Ее главной функцией было привлечение молодых людей в революционное движение, в первую очередь это касалось тувинских девушек. Именно в этот период ТНРП вошла в состав Коминтерна. Это значительно, к недовольству некоторых членов Правительства ТНР, укрепило власть партии. Генеральный секретарь ЦК ТНРП Салчак Тока активно собирал сторонников, в основном из числа выпускников КУТВ, их стали называть кутвянами [7, с. 120]. Это было связано с тем, что в 1933 г. после неудачной политики коллективизации ЦК ТНРП потерял свое доминирующее положение в политической жизни Тувы. Из-за этого между членами партии и правительства произошел раскол на «левых сталинистов», выступавших за кооперативные хозяйства, и «правых уклонистов», защищавших частное хозяйство аратов.

Хертек Анчимаа стала одной из приближенных Салчака Тока, ему импонировали ее уверенность и преданность делу, в то время как многие его оппоненты явно проявляли консерватизм в вопросах равноправия полов, что и было одной из причин поражения «правого уклона». Сам Тока был уже женат на Александре Алехиной, у них рос сын. В первое время отношения между Токой и Анчимаа носили деловой характер.

В 1936 г. произошли преобразования в Министерстве внутренних дел ТНР, расширились его полномочия, усилилось сотрудничество с НКВД СССР [4, с. 36]. Новым

министром стал Оюн Полат, который был преданным сторонником «левого уклона». При активной поддержке Салчака Тока и ЦК ТНРП карательный орган стал готовить уголовные дела против некоторых видных политических деятелей ТНР.

Показательным стало «Дело девяти» против премьер-министра Сата Чурмит-Дажы и его сторонников, которые были оппонентами растущей власти Салчака Тока и кутвян [7, с. 121]. В октябре 1938 г. решением Чрезвычайной судебной коллегии Верховного суда ТНР девять видных политических деятелей были приговорены к смертной казни через расстрел. Двум из них позже смертную казнь заменили тюремным сроком, остальные были расстреляны [2, с. 150].

Прямых доказательств участия Салчака Тока и Хертек Анчимаа в массовых репрессиях, последовавших после «Дела девяти», нет. Многие документы были утеряны либо уничтожены в советское время. Тем не менее нельзя и отрицать их причастность к этим событиям. Именно в 1938 г. Тока окончательно закрепил свою власть в Туве. Анчимаа стала руководить женским отделом ТНРП, остальные сторонники Тока получили руководящие должности. Так, Алексей Баир стал председателем Совета Министров ТНР, а Оюн Полат — председателем Президиума Малого Хурала. Однако ни Баир, ни Полат не задержались на должностях больше двух лет. В 1940 г. они оба были сняты со своих постов и отправлены учиться в Москву. Позднее Алексей Баир подвергся репрессиям, в 1948 г. его заключили в ГУЛАГ. Оюн Полат также попал в опалу и не мог занимать руководящие должности.

В апреле 1940 г. Хертек Анчимаа была избрана председателем Президиума Малого Хурала. Так, в 28 лет она стала первой в истории женщиной — главой государства. В отличие от Алексея Баира и Оюна Полата, которых подвели их личные амбиции, Анчимаа продолжала оставаться преданным соратником и другом Салчака Тока. В 1941 г. они стали жить вместе. Свадьбы не было, так как в этом они не видели необходимости. Александра Алехина в том же году покинула Туву, так и не привыкнув к жизни за пределами СССР. Тока к тому времени воспитывал троих детей: сын Валентин был от первого брака, а Валерий и Анна были его приемными детьми. В 1942 г. у них родился сын Владимир, а в 1944 г. — Виктор. В будущем они станут известными композиторами Тувы [10, с. 445]. Будучи матерью пятерых детей, Анчимаа успешно руководила деятельностью республиканских учреждений народного образования, культуры, занималась решением социальных проблем, радела за процветание Тувы.

Годы, когда Анчимаа была главой Тувы, пришлись на тяжелый период Великой Отечественной войны. Она была одним из главных организаторов помощи советскому народу. Самым популярным словом в Туве стало слово «дузаламчы» — «помощь», которая поступала от каждой семьи и в совокупности стала важным вкладом в дело победы над общим врагом [3, с. 32]. Анчимаа также сыграла важную роль в добровольном вхождении Тувы в состав РСФСР в 1944 г. Позднее за активную помощь фронту она была награждена орденами Ленина (1944), Трудового Красного Знамени (1946), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946) и двумя орденами ТНР (1939 и 1942) [11, с. 24].

После вхождения Тувы в состав РСФСР Анчимаа занимала должность заместителя председателя облисполкома (1944–1961). В 1961 г. Тувинская автономная область была преобразована в Тувинскую АССР, где Анчимаа уже занимала должность заместителя председателя Совета Министров. За свою 40-летнюю политическую карьеру Анчимаа продолжала заниматься той же работой, что и в молодые годы, — подготовкой кадров. Она лично отбирала абитуриентов для поступления в учебные вузы в СССР, следила за учебой и последующим трудоустройством молодых выпускников [10, с. 438].

Интересны аналогии между фигурами тувинских и российских правителей, данные ее земляками:

> ...Салчак Тока для Тувы являл собой одновременно Ленина, Сталина и даже Петра Великого. Супругу его Х. А. Анчимаа-Тока можно сравнить в первую очередь с Н. К. Крупской, которая была соратницей своему мужу-революционеру, поддерживала его решения, но при этом находилась в тени своего пассионарного супруга [8, с. 110].

В 1963 г. Анчимаа участвовала во Всемирном конгрессе женщин в Москве. Там участвовали Эжени Коттон, Долорес Ибаррури, Тамина Адиль и первая женщина-космонавт В. В. Николаева-Терешкова. Об этом Анчимаа писала:

> Это был действительно великий форум женщин всего мира. На нем увидела, как много существует стран и народов на земном шаре, находящихся на различном уровне развития, различных по социальному происхождению, по политическим взглядам и религиозным убеждениям [1, с. 100].

В 1973 г., после ухода из жизни Салчака Тока, Анчимаа взяла его фамилию. Отныне ее звали Хертек Анчимаа-Тока. А в 1979 г. она ушла на заслуженный отдых, но продолжала заниматься активной общественной деятельностью. Она была председателем Тувинского отделения Общества советско-монгольской дружбы, избиралась делегатом на Международный конгресс женщин, часто выступала перед студентами и школьниками [9].

Одним из самых сложных периодов жизни Хертек Анчимаа-Тока стал период перестройки, когда в конце 1980-х гг. стали известны ранее закрытые архивные документы о политических репрессиях в Туве. Она, а также Оюн Полат и другие соратники Салчака Тока оказались под давлением общественности. Стремление дискредитировать Салчака Тока часто переходило к обыкновенной клевете и подмене понятий. В действительности 1930-е — 1950-е гг. были сложным периодом тоталитарной власти, когда исполнители репрессий были вынуждены выполнять требования сталинского режима. В противном случае репрессии могли захлестнуть их самих.

Анчимаа-Тока в мае 1989 г. и в сентябре 1990 г. выступила с заявлениям о несогласии с обвинениями в свой адрес. «Лучше бы скорее умереть, чем слушать эту клевету», — писала она. Против нее не было проведено люстрации или уголовного преследования. Свою роль сыграли и заслуги в деле государственного строительства и кадровой политики в Туве.

Таким образом, судьба первой в истории женщины — главы государства была тесно связана со сложным тоталитарным режимом. Склонная к лидерству и решительным действиям, Анчимаа добилась успешной политической карьеры. Она была человеком своего времени, именно конкретные исторические условия сыграли решающую роль в формировании ее взглядов и личных качеств. Для консервативной патриархальной Тувы, только вступившей на путь преобразований, был жизненно необходим такой человек. Она прекрасно понимала ту систему, на которую работала. Своим трудолюбием, собственным примером вела тувинских аратов по пути развития к лучшей жизни, сыграла важную роль в становлении политической элиты и общественного самосознания в азиатской стране. Тем самым Анчимаа оставила выдающийся след в истории как одна из самых прогрессивных женщин прошлого столетия.

Список литературы

[1] Анчимаа-Тока Х. А. Мои пройденные пути. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1982. 384 с.
[2] Байыр-оол М. С. Главный красный нойон Тувы. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. 499 с.
[3] Доржу З. Ю. Тувинская Народная Республика накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 29–36.
[4] Доржу З. Ю. Иргит О. Ю. Дело девяти — судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской Народной Республики в годы политических репрессий // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2017. № 2 (34). С. 32–39.
[5] История Тувы: в 3 т. Т. II. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
[6] Конституции Тувы. 1921–1993 гг. / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1999. 216 с.
[7] Культ личности и политические репрессии в Туве / под ред. М. Б. Достак-оола. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. 144 с.
[8] Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.
[9] Монгуш С. М. Хертек Анчимаа-Тока: государственный деятель // Центр Азии. 2001. 21 дек.
[10] Салчак Тока: коллективная монография. М.: Слово, 2015. 544 с.
[11] Хадаханэ М. А. Судьба тувинки // Славные дочери Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1967. 146 с.
[12] Харунов Р. Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан: Журналист, 2009. 144 с.

Красноярский юрист Д. Е. Лаппо в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.)

С. П. Звягин,
доктор исторических наук, доцент, профессор,
Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово

АННОТАЦИЯ Д. Е. Лаппо (1861–1936) — юрист, видный сибирский общественно-политический деятель, разделявший идеологию Партии народной свободы, этнограф. Ему посвящено несколько научных публикаций. Однако до сих пор недостаточно известно о его деятельности в период революций и Гражданской войны (1917–1920). Новые сведения из архивов и газет того времени дали возможность заполнить эту лакуну в его биографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, революция, Гражданская война. Д. Е. Лаппо, законность.

Дмитрию Евдокимовичу Лаппо посвящена не одна публикация [13, 15, с. 121–129; 16, с. 125–137; 23, 25, с. 161 и др.]. Однако до сих пор недостаточно сведений о его жизни и деятельности в годы революций и Гражданской войны в Сибири (1917–1920).

На демократической волне, вызванной Февральской революцией в Красноярске, кадеты начали издавать «Свободную Сибирь». Первый номер газеты вышел 28 марта 1917 г. В нем речь шла о поддержке Временного правительства, о войне до победного конца, о создании правового государства [16, с. 133]. В апреле 1919 г. при большом скоплении публики была отмечена очередная годовщина издания. В адрес Д. Е. Лаппо, как одного из руководителей «Свободной Сибири», звучали слова благодарности [10, 13 апр.].

За широкую поддержку Временного правительства в это время выступали красноярские кадеты. Д. Е. Лаппо получил назначение членом Красноярского окружного суда 8 мая 1917 г. [15, с. 122].

Новые власти вели подготовку к проведению первых демократических выборов. На 2 июля 1917 г. было назначено голосование в Красноярскую городскую думу. Программа партии народной свободы (ПНС) была конкретной. Она затрагивала все важные точки жизни города. Кадеты предостерегали избирателей против списка № 2. «Это список большевиков, — писали кадеты, — которые в третий раз пытаются силою вырвать власть, ведомые Лениным, уличенным в сношении с германцем».

Тем не менее по итогам выборов победили большевики, которые получили почти половину мест (41 из 83), эсеры — 27 мест. Кадеты, возглавляемые Д. Е. Лаппо, получили 9 мест [1, с. 10, 12].

1 августа 1917 г. Д. Е. Лаппо был назначен заместителем председателя комиссии по рассмотрению дел о лицах, которые арестованы во внесудебном порядке. 25 августа 1917 г. его ввели в комиссию по переработке временного земского положения и разработке вопроса об областном сибирском земстве и областной земской думе. С 6 сентября 1917 г. он — председатель комиссии по разбору дел бывшего губернского жандармского управления [15, с. 121–129]. Кроме этого Д. Е. Лаппо был членом Красноярского комитета Сибирского союза городов [9, с. 37].

О популярности Д. Е. Лаппо среди однопартийцев говорит следующий факт. В конце сентября 1917 г. на Енисейском губернском съезде ПНС его выдвинули кандидатом № 2 в члены Всероссийского Учредительного собрания [17, 1 окт.]. Возглавил спи-

Дмитрий Евдокимович Лаппо, ок. 1921 г.
(из коллекции А. Ульверта, г. Красноярск)

сок С. В. Востротин [16, с. 133]. В своей монографии М. Д. Северьянов сообщил том, что в партийном губернском списке Лаппо значился под № 2, вслед за С. В. Востротиным [13, с. 95]. Впрочем, избраны они не были [3, с. 73]. С. В. Востротин в те годы у красноярских кадетов шел номером первым. Знаток проблемы В. Г. Хандорин назвал виднейших лидеров сибирских кадетов. Из красноярских политиков он выделил только С. В. Востротина [23, с. 130].

Будучи последовательным сторонником постепенного изменения общественного строя, Д. Е. Лаппо не принял Октябрьскую революцию. Как и другие кадеты, занял жесткую позицию в отношении пришедших к власти большевиков и левых эсеров [24].

6–12 декабря 1917 г. в Томске проходил Чрезвычайный Сибирский областной съезд. Среди кадетов с совещательным голосом значился Д. Е. Лаппо [7, л. 15]. После дискуссии делегатам от торгово-промышленников дали только право совещательного голоса. Д. Е. Лаппо от имени представителей цензовых элементов заявил, что «в роли статистов» они работать не будут и поэтому покидают съезд [25, с. 47].

Д. Е. Лаппо активно выступал в печати. Он призывал к «труду и свободе», протестовал против разгона большевиками 5 (18) января 1918 г. в Петрограде Учредительного собрания, критиковал «комиссародержавие» большевиков [16, с. 134–135].

На заседании Красноярской городской думы 6 марта 1918 г. гласный Д. Е. Лаппо предложил увеличить срок подачи адресных листов в милицию по проведению выборов с 12 до 24 часов [4, л. 9].

18 июня 1918 г. большевистская власть в Красноярске пала. В тот же день Д. Е. Лаппо был назначен прокурором Красноярского окружного суда [2, 22 июня; 15, с. 121–129].

Однако уже в конце августа — начале сентября 1918 г. в ряде сибирских городов прошла информация о готовящемся назначении Д. Е. Лаппо товарищем министра внутренних дел [19, 31 авг.; 22, 1 сент.; 21, 8 сент.]. Действительно, 24 августа 1918 г. руководитель МВД С. С. Старынкевич предложил Д. Е. Лаппо принять назначение исполняющим обязанности товарища министра. Причем просил не отказать. При согласии надо было выехать в Омск немедленно [6, л. 35].

29 августа 1918 г. Д. Е. Лаппо телеграфировал из Красноярска в Омск. Он писал, что затрудняется с положительным ответом, и назвал две причины: незаконченность дел и нежелание создавать затруднения министру юстиции Г. Б. Патушинскому «поды-

скать» заместителя на пост прокурора суда. Однако уже 30 августа наш герой получил телеграмму от Г. Б. Патушинского:

> Во имя здорового построения государственности... нельзя отказываться [6, л. 29].

В начале 2001 г. мы не знали причин, по которым это назначение не состоялось [12, с. 26].

Дальнейшие поиски в архивах придали этому сюжету неожиданный поворот. 10 сентября 1918 г. председатель Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский телеграфировал С. С. Старынкевичу с одной из станций Красноярской железной дороги:

> Назначение Вашим товарищем Лаппо невозможно. Подробности шифром.

Нам удалось найти в архиве и объяснение. Дело было в пристрастии Д. Е. Лаппо к алкоголю. Его часто в пьяном виде поднимали на улице. Получив приглашение занять должность в Омске, напился «пьяным» и до выяснения личности ночевал в участке. Копия телеграммы была направлена в министерство юстиции [6, л. 32–33]. Понятно, что эта переписка не упомянута в дневнике П. В. Вологодского [28].

Своеобразным индикатором личности Д. Е. Лаппо стала его реакция на убийство 23 сентября 1918 г. офицерами местного гарнизона видного социалиста-революционера А. Е. Новоселова. Того в конце января 1918 г. избрали министром внутренних дел Временного правительства автономной Сибири [27, с. 195].

В Красноярске местными общественными организациями, городской управой, губернским и уездным земством, комитетами партий социалистов-революционеров и социал-демократов было выпущено воззвание к населению против убийства А. Е. Новоселова и насилий над Сибирской областной думой. В типографию явился Д. Е. Лаппо с нарядом милиции, тираж был изъят. Представители общественности пришли к нему на дом с жалобой. Домашние им передали, что прокурор уехал «копать картошку» [8, 1 окт.]. В данном случае приверженность нашего героя законности не выдерживает критики.

Осенью 1918 г., по нашему мнению, Д. Е. Лаппо оказался причастным к усилению в регионе политических позиций члена ЦК ПНС В. Н. Пепеляева [11, с. 245]. Тот принял активное участие в государственном перевороте, приведшем к власти А. В. Колчака. М. В. Шиловский охарактеризовал Д. Е. Лаппо как активного сторонника колчаковского режима [26, с. 161].

19 декабря 1918 г. Д. Е. Лаппо выступил с докладом по текущему моменту на собрании красноярской организации ПНС. Заодно он «прошелся» и по «покойной» Сибирской областной думе.

> Мы же, кадеты, в реакции не участвуем, мы социалисты. По той же причине мы не пошли в так называемую областную думу. В этом учреждении, детище социалистов, Вы могли видеть проявление самой дикой реакции, —

заявил оратор [18, 21 дек.].

Перед Д. Е. Лаппо как прокурором были поставлены задачи по восстановлению деятельности прокурорского надзора в губернии. Однако в условиях разраставшейся Гражданской войны гражданская администрация, в том числе и органы прокурорского надзора, все более и более оттеснялись от исполнения своих обязанностей военными властями, что не способствовало установлению законности. Начались неправосудные аресты и расстрелы.

Д. Е. Лаппо протестовал, требовал соблюдения юридических процедур, но его голос не слышали. Так, только в течение нескольких дней 1919 г. в Енисейской тюрьме было расстреляно: 5 апреля — 35; 28 апреля — 36; 29 апреля — 27; 2 мая — 9; 18 мая — 26 человек. На запрос Д. Е. Лаппо, кто были эти люди, кем были задержаны и кем были осуществлены казни, получил уклончивый ответ от начальника тюрьмы, что казни осуществлялись военным командованием [24].

Были арестованы руководители красноярских большевиков, в частности Дубровинский, Парадовский, Вейнбаум, Яковлев, Белопольский и др. Инициатором привлечения их к ответственности стал Д. Е. Лаппо [15, с. 121–129]. Суд обвинил их в содействии отдаче приказа о расстреле чешских пленных-заложников, допущении бесследного исчезновения двух чехов, разрушении железнодорожных мостов, а также в других преступлениях [14, С. 36–37]. Тем временем режим А. В. Колчака приближался к своему краху.

8 января 1920 г. в Красноярск вступили части 5-й Красной армии. Как считает П. Н. Мешалкин, советская власть не преследовала Д. Е. Лаппо. Она якобы учла его многообразные заслуги [16, с. 135]. Вместе с тем Д. Е. Лаппо был арестован 5 апреля 1920 г. в Иркутске. Через две недели его этапировали в Красноярск. Большевики намеревались обвинить Д. Е. Лаппо

> в попустительстве и укрывательстве всех белогвардейских бесчинств, творившихся в красноярской тюрьме [15, с. 121–129].

В ходе следствия выяснились важные подробности службы нашего героя при белых. Большевик Сулаквилидзе 22 августа 1920 г. показал:

> Лаппо... протестовал против расстрелов и смертной казни и всегда сообщал о незаконных действиях Военных властей Министру юстиции и прокурору палаты, в чем я убедился сам, находясь на службе <в> архиве Иркутской судебной палаты.

И. А. Теодорович свидетельствовал о том, что ему известно, что Д. Е. Лаппо упорно боролся с безграничным произволом разнузданной военщины; благодаря Д. Е. Лаппо после острейших его конфликтов с генералом С. Н. Розановым была, хотя и временно, отменена система заложничества; Д. Е. Лаппо всемерно противился выдаче в руки чехов Дубровинского, Вейнбаума, Яковлева, Белопольского и Парадовского и, наконец, что он сам (И. А. Теодорович) смог избежать расстрела. При этом Д. Е. Лаппо не задумался пойти на решительное столкновение с генералом С. Н. Розановым [15, с. 121–129]. Даже в условиях Гражданской войны наш герой находил в себе силы придерживаться закона.

3 февраля 1921 г. мера пресечения была заменена Д. Е. Лаппо на подписку о невыезде. Уголовное дело содержит информацию о семье Д. Е. Лаппо. Он состоял в гражданском браке с Прасковьей Яковлевной Малаховой. Его первая жена Марфа Семеновна Троицкая была сестрой управляющего Енисейской губернией при А. В. Колчаке — Петра Семеновича Троицкого. На момент ареста Д. Е. Лаппо она находилась на лечении в психиатрической больнице.

В семье было четыре сына — Дмитрий (29 лет), Лев (26 лет), Сергей (24 года) и Александр (16 лет) [15, с. 121–129]. По состоянию на 15 октября 1921 г. в Красноярском лагере губчека находился сын Д. Е. Лаппо — Лев [5, л. 101]. Д. Е. Лаппо проживал в Красноярске на ул. Воскресенской, д. 41.

В следующий раз наш герой был арестован 13 февраля 1931 г. Его обвинили в контрреволюционной деятельности. Только 7 апреля 1932 г. он вышел на свободу. Срок предварительного заключения зачли в срок наказания [15, с. 121–129].

П. Н. Мешалкин относил смерть Д. Е. Лаппо к 1935 г. [16, с. 137]. М. В. Шиловский в недавней работе назвал днем смерти 7 февраля 1936 г. [25, с. 161].

Список литературы и источников

[1] *Бердников Л. П.* Вся красноярская власть: Очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993). Факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1996. С. 10.
[2] Воля Сибири (Красноярск). 1918. 22 июня.
[3] *Голостенов М. Е.* Востротин Степан Васильевич // Политические партии России 1917: биограф. словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 73.
[4] ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 80. Л. 9.
[5] ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 19. Л. 101.
[6] ГАРФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 28. Вологодский.
[7] ГАТО. Ф. Р. 578. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[8] Дело рабочего. 1918. 1 окт.
[9] *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 244 с.
[10] Енисейский вестник. 1919. 13 апр.
[11] *Звягин С. П.* В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 342 с.
[12] *Звягин С. П.* Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Биогр. очерк. Красноярск: Кларетианум, 2001. 92 с.
[13] *Комарицын С.* Глава красноярских кадетов // Безформата. URL: Krasnojarsk.bezformata.com/listnews/glava-krasnojarskih-kadetov/14987382/ (дата обращения: 04.07.2021).
[14] Красноярский край в истории Отечества. Кн. 2. 1917–1940 / гл. ред. А. А. Григорьев. Красноярск: Кн. изд-во, 1996. 272 с.
[15] *Лопатин П. К.* Жизнь и дела кадета Лаппо // День и ночь. 2009. № 5–6. С. 121–129.
[16] *Мешалкин П. Н.* Лидер красноярских кадетов // Мешалкин П. Н. Одержимые о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Красноярск, 1998. С. 125–137.
[17] Свободная Сибирь. 1917. 1 окт.
[18] Свободная Сибирь. 1918. 21 дек.
[19] Свободный край. 1918. 31 авг.
[20] *Северьянов М. Д.* Страницы истории и жизни. Красноярск: СФУ, 2011. 270 с.
[21] Сибирская жизнь. 1918. 8 сент.
[22] Сибирский курьер. 1918. 1 сент.
[23] *Хандорин В. Г.* Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
[24] *Чернышов В. В.* Исследователь Степного права. К 155-летию со дня рождения Д. Е. Лаппо // Архивы Красноярского края. URL: красноярские-архивы.рф//gosudarstvennyi-arkh/users/articles/527 (дата обращения: 01.07.2021).
[25] *Шацилло М. К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 — начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 342 с.
[26] *Шиловский М. В.* Лаппо Дмитрий Евдокимович // Общественно-политическая жизнь в Сибири, конец XIX — начало XX века: Энциклопедический словарь / ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2019. С. 161.
[27] *Шиловский М. В.* Судьбы, связанные с Сибирью. Новосибирск: Сова, 2007. С. 191–202.
[28] A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Vol. 1 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002. 455 p.

Сибирская ссылка участника «Процесса 50-ти» Филата Егорова (Лаврентьева)

В. А. Зырянова,
краевед, с. Казанцево Шушенского района Красноярского края

АННОТАЦИЯ Исследование семейной легенды о предке, родившемся в середине XIX в. далеко от сибирской земли и угодившем в сибирские края за свой мятежный нрав и непокорный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА семейная легенда, рабочий-революционер, «Процесс 50-ти», сибирская ссылка, Минусинск, Шушенское, Ленин, Крупская.

Это история о рабочем-революционере, осужденном царским правительством к ссылке в Якутию и Сибирь. Было тогда мятежному прадеду всего 24 года. Остальные 40 лет своей нелегкой жизни провел Филат Егоров под надзором полиции. Началось исследование с тетрадки, в которую правнучка мятежного прадеда В. Л. Чижова (Зырянова) записала воспоминания о предках, в том числе и о прадеде Филате Егоровиче:

> Наш прадед работал в Москве на ткацкой фабрике ткачом. Это было в 70-х годах 19 века, когда только зарождалось рабочее движение в России. Прадед стал активным борцом за свержение старого строя. Он принял участие в работе, которую возглавлял известный ткач Петр Алексеев.

Затем добавились воспоминания других правнуков, нашлись книги, фотографии, начался поиск информации по теме.

Родился Филат Егорович Егоров в 1853 г. в крестьянской семье. Крестьянская жизнь известна своей беспросветностью, и в поисках лучшей доли оказался 20-летний Филат в Москве.

> Егоров (он же Лаврентьев) Филат Егорович, крестьянин д. Сычики (Гжатск. у. Смоленской губ.). Род. в 1853 г. Рабочий в Москве. В конце 1874 г. принадлежал к московскому рабочему кружку; вел пропаганду среди рабочих; распространял запретные книги [5, с. 392].

Организатором просветительской работы был Петр Алексеев, земляк Филата Егорова, тоже из Смоленской губернии.

Филат Егоров распространял книги на фабриках Тюляева и Тимашева [6, с. 18]. Всего два месяца прошло, а какие результаты! Кружки на двадцати фабриках, кружки на Курско-Харьковской железной дороге, кружки в мастерских. Встречи, ежедневные читки и беседы.

> Организация разрасталась, уже нужен был устав, программа. Собрались наиболее видные участники: Петр Алексеев, Николай Васильев, Филат Егоров, Иван Джабадари, Михаил Чикоидзе, Софья Бардина, Ольга и Вера Любатович, Лидия Фигнер и др. Свою организацию они назвали Всероссийской социально-революционной. В программу был внесен пункт о свержении самодержавия [6, с. 19].

По заданию организации Филат Егоров в начале 1875 г. переехал из Москвы в крупнейший текстильный центр Иваново-Вознесенск, где также занимался революционной пропагандой под фамилией Василия Лаврентьева. Вот откуда эта вторая фамилия! Позднее Егоров поменяет фамилию на Лаврентьев. Затем он вновь вернулся в Москву и жил здесь на нелегальном положении до самого ареста. Организация «москвичей» просуществовала недолго. Весной 1875 г. она была раскрыта. Большинство членов группы, в том числе Петр Алексеев и Филат Егоров, были арестованы. В марте 1877 г. состоялся известный «Процесс 50-ти», на котором прозвучала знаменитая речь Петра Алексеева. Говорил на суде и Филат Егоров. Защитительная речь направлена была против существующих царских порядков и произвела сильное впечатление на собравшихся.

Филат Егорович Егоров (Лаврентьев) (1853–1917)

14 марта 1877 г. объявили приговор «по Процессу 50-ти»: 47 человек из 50 суд приговорил к каторжным тюрьмам, ссылке. Петр Алексеев приговорен к лишению всех прав состояния и каторжным работам в крепостях на 10 лет. Революционная деятельность Петра Алексеева не пропала даром: его опыт служил примером для ряда поколений рабочих-революционеров. Мятежного прадеда Филата Егорова приговорили к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепостях на 9 лет. Сначала была высылка в Канск Томской губернии.

Петр Алексеевич Алексеев (1849–1891)

> Безропотно сносить насилие прадед не умел. Он сочинял противоправительственные стихи и подавал местным властям дерзкие заявления. Неусмиренного Филата выдворили под строгий надзор в Нарым. Но и тут он не покорился и продолжал писать «укорительные и дерзкие» прошения. Ввиду очевидной неисправимости был переведен в Верхоленск Иркутской губернии, где угодил в тюрьму за «оскорбление на словах» жандарма.

Бежал, был пойман. Суд вновь приговорил его к тюремному заключению на год и три месяца. В 1889 г. выпущенный из тюрьмы Филат Егоров сослан на жительство в один из отдаленных улусов Якутской области — Западно-Кангаласский.

После Якутии Филат Егоров был определен на пожизненное проживание в Сибири, избрал местом жительства Минусинск и летом 1895 г. со своей семьей перебрался туда. Плыли на пароходах «Якут» и «Пермяк». Потом — «тяговой» на лодке, которую тянули лошади. Затем двигались на своих лошадях до Красноярска. Оттуда в Минусинск. Подробности передвижения семьи из Якутии в Минусинск найдены в архиве Л. В. Зырянова, мужа внучки Филата Егорова (Лаврентьева).

Поселились Егоровы (Лаврентьевы) на берегу озера Тагарского, что в 14 километрах от Минусинска. Филат стал работать сторожем. Он охранял дачу братьев Брагиных, содержавших в Минусинске заезжую квартиру для политссыльных. Прочитав о новом занятии Филата Егоровича

в воспоминаниях В. Л. Чижовой, я усомнилась: а был ли в 1895 г. курорт на Тагарском? Сначала в 1873 г. здесь построили соляную варницу (сользавод), которая работала 15 лет и затем закрылась. После открылся курорт, но проработал только два года [4]. Значит, приблизительно к 1890 г. курорта на Тагарском уже не было. А Филат Егорович появился там в 1895 г. Ответ нахожу в исследовательской работе школьницы А. Усковой из Лугавского:

> Просуществовавший два года курорт В. С. Корженевского закрылся, но остался «дикий курорт»: жители Минусинска приезжали лечиться и отдыхать. Начали строить дачи. Сюда, на Тагарское, приезжали лечиться и отдыхать политические ссыльные Ф. Я. Кон, А. Н. Макаревский и др. [7].

В домашней библиотеке Н. Л. Чернявской (Зыряновой), правнучки Филата Егорова, хранится книга «Ленинские места на Енисее» (1974). Автор Е. И. Владимиров (1905–1980), известный красноярский историк, краевед, работая над книгой о сибирской ссылке В. И. Ленина, несколько раз прошел, проплыл, проехал на лошадях путь от Красноярска до Шушенского, встречался со многими людьми, оставившими воспоминания о пребывании Владимира Ульянова в ссылке в этих краях. Встречался Ефим Ильич и с внучкой Филата Егорова, Н. Ю. Зыряновой (Лаврентьевой). Этому подтверждение — памятная надпись на книге от автора.

Из книги Е. И. Владимирова:

> Согласно предписанию енисейского губернатора от 14 октября 1895 г., за Филатом Егоровым учрежден негласный надзор и особо секретное наблюдение. Живет на заимке около Тагарского соляного озера Шушенской волости, имеет жену, пять сыновей и одну дочь. Занимается черными работами, этим и пропитывается [1, с. 45].

Егоров имел пару хороших лошадей, пахал пашню, в свободное время возил пассажиров из Минусинска по разным направлениям. Однажды Филату Егорову довелось иметь дело вот с какими пассажирами. В мае 1898 г. в Минусинск приехала Н. К. Крупская со своей матерью Елизаветой Васильевной. Они следовали в Шушенское, к месту ссылки В. И. Ленина.

> В Минусинске Крупские остановились на заезжей квартире политических ссыльных в доме Брагиных. Здесь переночевали. Н. К. Крупская зашла навестить ветерана польского революционного движения Феликса Яковлевича Кона [1, с. 44].

У В. Л. Чижовой (Зыряновой) сохранилась фотография от матери — Нины Юрьевны — Феликс Кон, польский революционер.

> Феликс Кон очень тепло принял Надежду Константиновну и подыскал надежного ямщика Филата Егорова, осужденного в 1877 году по громкому политическому процессу 50-ти [1, с. 44].

> Как свидетельствует Кон, Филат был во всех отношениях прекрасным товарищем, считался своим человеком и принимал живое участие в делах ссылки. Он распространял нелегальную литературу, помогал бежавшим из Сибири, делил с ними последний кусок хлеба [8].

Вечером в четверг 7 мая 1898 г. Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна были доставлены Филатом Егоровым во двор усадьбы Зыряновых в Шушенском, где

Приезд Н. К. Крупской и ее матери Елизаветы Васильевны в Шушенское (картина В. П. Бутанаева)

квартировал Владимир Ильич [1, с. 45]. Об этом же событии в газете «Путь Ильича» — под рубрикой «Слово краеведу» — Е. И. Владимиров пишет:

> В четверг утром 7 мая 1898 г. Филат Егоров усадил своих пассажиров в коробок, сплетенный из черемуховых прутьев. Коробок был прикреплен к дрожкам, запряженным парой лошадей. Ехали через сосновый бор, мимо деревушки Оторваловка (сейчас Головино), озера Тагарского, через с. Лугавское, мимо д. Каменка. Там дорога шла над Енисеем; по западной оконечности горы Думной спустились к реке Оя, миновали д. Нижняя Коя и в д. Оя переправились на пароме-перетяге через тихую равнинную реку Оя. Оставили влево с. Казанцево, д. Чихачёво, мимо пристани Хворостецкого приехали в с. Шушенское [2].

В Шушенском музее есть картина В. П. Бутанаева, на которой художник изобразил ямщика, доставлявшего Н. К. Крупскую и ее мать к В. И. Ленину в Шушенское.

О семье Филата Егорова... Жена Мария Федоровна, в девичестве Карзина, швея-белошвейка из г. Рузы, была всегда с ним. Первая дочь Лидия родилась в Иркутске. У них было много детей: две дочери — Лидия и Вера и шесть сыновей — Юрий, Михаил, Олег, Всеволод, Герман и Сократ. «Кроме моего деда Юрия, — пишет правнучка Вера Лукинична, — я знала деда Германа и их сестру Веру. Все Лаврентьевы (Егоровы) были рослые, красивые, работящие».

Вспоминает правнучка Филата Егорова, Лидия Лукинична:

> Надежда Константиновна однажды была у Егоровых дома. Она погладила по голове Германа, десятилетнего сына Филата, и стала расспрашивать, как они живут, чем питаются. Сам дед Герман рассказывал об этом.

Из семейных хроник известно, что В. И. Ленин не раз пользовался транспортными услугами Егорова (Лаврентьева):

> А однажды В. И. Ленин и Филат Егорович по просьбе Ленина тайком от властей ездили на лошади Филата Егоровича в Хакасию. Переправились через Енисей и Абакан. Ехали несколько дней вверх по Абакану, а потом свернули вглубь степей. Там у них на ночлеге украли лошадь. Возвращались до Минусинска на наемных лошадях. А потом Филат Егорович приехал в Тагарское, взял другую лошадь. Поехал в Минусинск и отвез Ленина в Шушенское [Архив Л. В. Зырянова].

Многие ссыльные с большой теплотой относились к семейству Филата. Выросшие в суровом сибирском краю «филатята» — пятеро сыновей Егорова-Лаврентьева (шестой сын Сократ умер в трехлетнем возрасте) — были богатырского сложения. Они слыли лучшими лоцманами, сплавщиками леса. А вот учиться им не пришлось по причине того, что отец их был лишен всех прав.

Незадолго до своей смерти Филат в очередной раз был заключен под стражу и отправлен в тюрьму. Причина была все та же: дерзкие высказывания в адрес властей. Как результат отсидки, сильно пошатнулось здоровье, пострадало зрение. Умер Филат Егоров 17 апреля 1917 г. Где же похоронен «мятежный прадед»? Правнуки утверждают, что место упокоения Филата Егоровича в таежной деревне Петропавловке Курагинского района.

А. Н. Макаревский (1863–1942) — ученый, доктор ветеринарных наук, профессор

Никто из потомков точно не знает дату отъезда большого семейства Лаврентьевых с берега озера Тагарского в Курагинскую волость Минусинского уезда. Лаврентьевы занимались там крестьянским трудом: сеяли, косили, держали скот, сажали большие огороды, была пасека. В 1922 г. Лаврентьевы погрузили свои разобранные дома и скарб на плоты и переплавились в д. Аёшку Новоселовского района. Главой семьи после смерти Филата была матушка Мария Федоровна. Жена Филата Егоровича умерла 29 июля 1938 г. в возрасте 84 лет.

Об этом же у Е. И. Владимирова:

> С 1922 по 1938 г., до конца жизни своей, в д. Аёшка проживала у сына Германа ветеран революционного движения России, московская швея Мария Федоровна Лаврентьева. Находясь под негласным надзором полиции, она в 1878 г. добровольно последовала в Сибирь за своим женихом Филатом Лаврентьевым, осужденным по политическому «Процессу 50-ти» [3].

На фотографии из семейного архива Зыряновых — серьезный мужчина, сидящий в старинном кресле. На обороте подпись: профессор Макаревский, знакомый дедушки Филата. Ссыльный рабочий и профессор? Что их могло связывать? При сопоставлении хронологий жизни этих людей становится ясно, что они вполне могли встретиться и в Якутии, и тем более в Минусинске! Они были земляками и людьми, близкими по духу. Вероятнее всего, знакомство состоялось в Минусинске. Известно, что Филат Егоров приехал в Минусинск в 1895 г. И в этом же году, по информации Минусинского музея, на Минусинской метеостанции начинает работать А. Н. Макаревский. Таким образом, в течение шести лет и один, и другой находились рядом, в Минусинске. Поэтому вряд ли ошибалась внучка Филата Егорова, считая профессора Макаревского знакомым дедушки.

Подводя итог рассказу о событиях более чем вековой давности, должна заметить, что семейная легенда о «мятежном прадеде», ее выстраивание, исследование, поиски ответов на вопросы оказались не только интересным, увлекательным делом, но и заставили задуматься о многом. Филат Егоров (Лаврентьев), Петр Алексеев — гордые, сильные люди, способные к самопожертвованию во имя общего блага, убежденные в правоте своего дела, бесстрашные борцы за достойную жизнь для простых людей из народа.

Список литературы и источников

[1] *Владимиров* Е. И. Ленинские места на Енисее. Красноярск, 1974. С. 44–45.
[2] *Владимиров* Е. И. Где пролегали сибирские пути В. И. Ленина // Путь Ильича. 1974. № 95 (4822). 8 авг.
[3] *Владимиров* Е. И. Из истории д. Аёшка // Путь Ильича. 1976. № 42 (5080). 8 апр.
[4] Озеро Тагарское: взгляд в прошлое // Власть труда. URL: http://vtruda.ru/obshchestvo/istoriya/ozero-tagarskoe-vzglyad-v-proshloe-08–08–2013.
[5] Деятели революционного движения в России / Электронная библиотека ГПИБ. Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь / сост.: А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. М., 1929. Т. 2. Портреты. Егоров (Лаврентьев) Филат Егорович. С. 392. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3875-t-2-semidesyatye-gody-vyp-1-a-e-sostavlen-a-a-shilovym-m-g-karnauhovoy-1929-xxiv-s-406-stb-fot#mode/inspect/page/222/zoom/4.
[6] *Островер* Л. И. Петр Алексеев. 1957. URL: https://e-libra.ru/read/526956-petr-alekseev.html#.
[7] *Ускова* А. Озеро Тагарское: реф. 29.11.2011. Лугавская СОШ № 19. URL: https://www.stud24.ru/geography/ozero-tagarskoe/143942–422478-page1.html.
[8] *Ценина* И. Пристань вдали // Московская правда. 1981. 31 дек.
[9] Полный текст исследования семейной легенды о Филате Егорове (Лаврентьеве) см.: Красноярская газета. 2020. № 75. 20 нояб.

Уральский самородок (памяти А. П. Южакова)

К. Ю. Кладова,
старший преподаватель, кафедра «История и документоведение», Курганский государственный университет, г. Курган

Г. А. Московченко,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики, математики и информационных технологий, Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, г. Курган

АННОТАЦИЯ Александр Петрович Южаков — доктор физико-математических наук, профессор, один из основоположников Красноярской научной школы по многомерному комплексному анализу. Научное наследие А. П. Южакова до сих пор весьма значительно в теории многомерных вычетов. Его ученики работают в России, Германии, Израиле, Узбекистане. Его помнят и чтут в научных школах по комплексному анализу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А. П. Южаков, математическая наука, многомерный комплексный анализ, многомерные вычеты, Красноярская научная школа.

В 2021 г. исполнилось 90 лет со дня рождения одного из основоположников красноярской научной школы по многомерному комплексному анализу, доктора физико-математических наук, профессора Александра Петровича Южакова. Родился он в д. Санино, расположенной недалеко от города Кургана, в крестьянской семье. Родители его выросли в крепких семьях, пользовавшихся уважением односельчан, в которых детей воспитывали в строгости и труде. Дети помогали ухаживать за коровой и огородом, носить воду, заготавливать дрова, зимой чистить снег. Александр Петрович отмечал, что привычка к упорному физическому труду, привитая в детстве, помогала ему всю жизнь. Способности к учебе у Александра проявились с ранних лет. Читать он научился сам, сидя за букварем рядом со старшей сестрой. Любил книги. Его мать вспоминала, что можно было дать книгу и оставить ребенка надолго. В школе Александр учился на пятерки — помогали способности и строгое воспитание. Мать требовала, чтобы он делал очень хорошо все, за что бы ни брался. В школу в 7–8-е классы ходил в другую деревню пять километров на лыжах. А затем на лыжных соревнованиях неожиданно для себя занял первое место. Так и стал лыжником, что всегда помогало Александру Петровичу отдыхать от умственной работы в лесу, на природе.

Старшие классы Александр Южаков заканчивал в Кургане. Вспоминал, как в субботу вечером при луне ходил на лыжах домой. На выпускном вечере трое товарищей, в том числе и Александр, спонтанно решили поступать в Казанский авиационный институт. И поехали, Александр поступил. Все теоретические дисциплины шли хорошо, а «слесарка», как он говорил, не давалась. В конце концов Александр оказался в Шадринском педагогическом институте на физико-математическом факультете. Педагоги в институте, по воспоминаниям А. П. Южакова, были сильные. Окончил пединститут Александр Петрович по специальности «математика» с отличием и был оставлен ассистентом кафедры математики Шадринского учительского института [2, л. 5об.].

Вскоре Александр Петрович поступил в аспирантуру при кафедре математического анализа Уральского государственного университета в Свердловске. Руководителем у него был выдающийся советский математик Валентин Константинович Иванов (лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР). Научный руково-

дитель ставил Александру Петровичу задачи в области многомерного комплексного анализа, которые в нашей стране ранее не исследовались. Для их изучения ему пришлось овладеть английским, французским и итальянским языками. Так и определилась тема кандидатской диссертации и область математического интереса ученого.

В начале 1960-х гг. Александр Петрович возвращается в Курган. В Курганском педагогическом институте его принимают на должность старшего преподавателя, а затем и заведующего кафедрой математики [2, л. 5 об.]. В это время он продолжает работу над кандидатской диссертацией на тему «Вычеты функций двух и многих переменных», защита которой успешно прошла в 1964 г. в Свердловске. После защиты кандидатской диссертации один из оппонентов А. П. Южакова — математик Л. А. Айзенберг — предложил ему переехать в Красноярск для научной работы в лаборатории теории функций Института физики СО АН СССР, к тому же в Красноярске в это время открылся университет [6, с. 4]. Александр Петрович с семьей переезжает в Красноярск. В красноярском Академгородке плодотворно работают молодые ученые, приехавшие из разных городов СССР. В Красноярске во второй половине 1960-х гг. под руководством Л. А. Айзенберга начинает объединяться группа ученых, специализирующихся по теории функций многих комплексных переменных. Самым старшим по возрасту среди них был А. П. Южаков. Вскоре эта группа пополняется их учениками из числа талантливых студентов и выпускников математического факультета Красноярского университета.

В 1965 г. Александр Петрович прошел по конкурсу в Институт физики СО АН СССР, где проработал до 1986 г. [2, л. 3 об.]. А. П. Южаков регулярно участвовал во всесоюзных и региональных конференциях, школах, семинарах, в том числе принимал участие в 1966 г. в Международном математическом конгрессе, делал секционный доклад. Александр Петрович участвовал в четырех международных конференциях по комплексному анализу: в Болгарии (1981, 1987), ГДР (1984), Польше (1989) [2, л. 4].

А. П. Южаков опубликовал около ста научных работ в центральных математических журналах, сборниках, тезисах докладов конференций. Было издано учебное пособие по спецкурсу «Элементы теории многомерных вычетов» [11], две статьи в Математической энциклопедии издательства «Советская энциклопедия», раскрывающие понятия «вычет» и «вычет-форма» [8, 9], обзор (добавление) в книге Г. П. Егорычева «Интегральное представление и вычисление комбинаторных сумм» [3] на тему «Сведения из теории многомерных вычетов» (книга переведена и издана в США) [2, л. 4]. В 1979 г. вышла монография Л. А. Айзенберга и А. П. Южакова «Интегральные представления и вычеты в многомерном комплексном анализе» (переведена и издана в США) [1]. В 1985 г. опубликована обзорная статья «Методы вычисления многомерных вычетов» [10] в издательстве «Итоги науки и техники. Современные проблемы математики». Позднее она была переведена на английский язык в «Энциклопедии математики» (издательство «Шпрингер») [2, л. 4]. В этом же году в Институте математики СО АН СССР Александр Петрович защитил докторскую диссертацию на тему «Многомерные вычеты и их применения». По воспоминаниям В. А. Степаненко,

> когда Южаков в Новосибирске защищал докторскую, то Решетняк, глубокий знаток этих всех вопросов, вышел и сказал: «Если бы я точно и глубоко не знал всю эту тематику, то я бы подумал, что то, что Александр Петрович сейчас нам доложил, — это принадлежит классике». Это такая колоссальнейшая похвала [7].

А. П. Южаков был тонким специалистом в топологии, успешно применяя эти знания в работе над вычетами многих комплексных переменных. Красноярские математики шутили, что Александр Петрович может представить себе n-мерное пространство.

Работу в Институте физики СО АН СССР А. П. Южаков сочетал с преподаванием в Красноярском государственном университете на математическом и физическом факультетах. В разные годы Александр Петрович читал такие математические дисциплины, как математический анализ, дифференциальные уравнения, дифференциальная геометрия, аналитическая геометрия, теория функций комплексных переменных, топология, спецкурсы по теории многих комплексных переменных.

А. П. Южаков внес существенный вклад в развитие научной школы по теории многих комплексных переменных в Красноярске. Он был видным ученым, чьи труды известны отечественным и зарубежным математикам.

Александр Петрович был внимательным педагогом и научным руководителем. Под его руководством защищено восемь кандидатских диссертаций. Доктор физико-математических наук, профессор А. К. Цих тепло вспоминает первую встречу со своим будущим научным руководителем А. П. Южаковым:

> Он был часто весь в мелу, остановить его было невозможно, я сразу же почувствовал в нем глубокого ученого... Девочки наши были в «отключке», а на меня это, наоборот, произвело глубочайшее впечатление, и, как говорится, состоялась любовь с первого взгляда [7].

Глубокое впечатление производили на студентов и аспирантов доброта и оптимизм А. П. Южакова, внимательность и терпение по отношению к ним. Е. К. Лейнартас рассказывает:

> Я Александра Петровича встретил на втором курсе, он вел у нас матанализ. Большущее впечатление произвел на всех студентов и на меня тоже... На втором курсе он мне предложил задачу — разложение на простейшие дроби... Я к этому отнесся очень ответственно... Потратил какое-то время, разложил на простейшие... Как это сделал, я не знаю... В итоге увлекся и оказался на кафедре теории функций у Александра Петровича. Он на меня столько времени потратил... Оформили задачу, она была опубликована... Для меня это был потрясающий пример, как терпеливо надо к студентам относиться. Получается — не получается, но надо... Я был с ним на рыбалке, где-то еще, и всегда потрясало его хорошее отношение к людям: ко всем людям, студентам и аспирантам [7].

Александр Петрович брал с собой на охоту и рыбалку учеников, иностранных коллег-математиков, что создавало дружественную атмосферу в коллективе; не забывал своих учеников и аспирантов в годы их службы в армии, ведя с ними переписку о науке и в целом о жизни, помогал коллегам в трудных жизненных ситуациях [7].

В настоящее время красноярская научная школа по многомерному анализу объединяет 14 докторов наук, 35 кандидатов наук, 19 аспирантов и докторантов [4].

По инициативе А. К. Циха, ученика А. П. Южакова, на базе СФУ совместно с Институтом вычислительного моделирования Сибирского отделения Академии наук, открыт научно-образовательный Красноярский математический центр, руководителем которого он и является [5].

Научное наследие Александра Петровича до сих пор весьма значительно в теории многомерных вычетов. Его ученики работают в России, Германии, Израиле, Узбекистане. Его помнят и чтут в научных школах по комплексному анализу в Швеции и Франции. В память о нем его именем названа научная библиотека Красноярского математического центра, большую часть которой составляют книги из его семейной библиотеки.

Коллеги и ученики Александра Петровича обычно вспоминают о нем как об уральском самородке, с которым им посчастливилось пересечься в жизни.

Список литературы и источников

[1] *Айзенберг Л. А., Южаков А. П.* Интегральные представления и вычеты в многомерном комплексном анализе. Новосибирск: Наука, 1979. 366 с.
[2] АКГУ. Д. 18–08.
[3] *Егорычев Г. П.* Интегральное представление и вычисление комбинаторных сумм. Новосибирск: Наука, 1977. 285 с.
[4] Научная школа профессора А. К. Циха «Интегральные методы в комплексном анализе и алгебраической геометрии» // Сибирский федеральный университет. URL: https://research.sfu-kras.ru/science/schools/tsikh (дата обращения: 12.07.2021).
[5] Научно-образовательный математический центр «Красноярский математический центр». URL: Красноярский математический центр (sfu-kras.ru) (дата обращения: 12.07.2021).
[6] Многомерный комплексный анализ: межвуз. сб. / отв. ред. А. М. Кытманов. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 2002. 196 с.
[7] Семинар по многомерному комплексному анализу, посвященный памяти А. П. Южакова. 04.03.2021. Видеозапись. Из личного архива Г. А. Московченко.
[8] *Южаков А. П.* Вычет // Математическая энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. И. М. Виноградов. М.: Советская энциклопедия, 1977. 1152 с.
[9] *Южаков А. П.* Вычет-форма // Математическая энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. И. М. Виноградов. М.: Советская энциклопедия, 1977. 1152 с.
[10] *Южаков А. П.* Методы вычисления многомерных вычетов // Итоги науки и техники. Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1985. Т. 8. С. 6–28.
[11] *Южаков А. П.* Элементы теории многомерных вычетов: учеб. пособие по спецкурсу. Красноярск: [б. и.], 1975. 182 с.

К. В. Лукашевич — преподавательница Девичьего института Восточной Сибири, популярная российская детская писательница

М. В. Кузнецова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения, факультет бизнес-коммуникаций и информатики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск

И. Б. Гуськова,
историк театра, председатель межрегиональной общественной организации «Фонд В. А. Теляковского», г. Москва

АННОТАЦИЯ Имя Клавдии Владимировны Лукашевич — прекрасное открытие для Иркутска и Сибири в целом. Представлена биография и творческая деятельность популярной российской детской писательницы, которая волею судеб оказалась в Иркутске и занималась педагогической деятельностью в одном из главных учебных заведений Восточной Сибири — Девичьем институте им. Императора Николая I. Отмечено, что становление и развитие женского образования были важным социокультурным явлением городской жизни Иркутска как центра культуры и образования Восточной Сибири. Представлена характеристика художественных произведений К. В. Лукашевич, в которых образно и с большой любовью описаны жизнь Иркутска и природа Байкала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА образование и просвещение, литературная деятельность, преподавание, художественные произведения.

Клавдия Владимировна Лукашевич, одна из наиболее популярных российских детских писательниц конца XIX — начала XX в., волею судеб оказалась связана с Иркутском, с Иркутским девичьим институтом им. Императора Николая I, а жизнь Иркутска и природа Байкала стали действующими героями ее произведений.

Клавдия Владимировна родилась в 1859 г. в Санкт-Петербурге в интеллигентной семье, училась в Петербургской женской гимназии. В 1885–1890 гг. жила в Иркутске по месту службы мужа Константина Францевича, который в 1885 г. был произведен в коллежские советники и назначен инспектором Девичьего института Восточной Сибири им. Императора Николая I [12].

В Иркутске Клавдия Владимировна преподавала русский язык в младших классах Девичьего института (3, с. 28). Это было первое среднее учебное заведение для девочек в Восточной Сибири, институт играл важную роль в жизни города и его жителей, значение его велико [4, с. 80]. Он был открыт в 1845 г., были разработаны организационные документы и установлены правила [11]. Из отчетов того времени:

> Дух учения в институте направлен был на сколь возможно твердое и гармоничное развитие умственной и нравственной стороны воспитанниц... к тому, чтобы сделать воспитанниц вполне полезными и деятельными членами в кругу домашнем и общественном и чтобы приготовить их к важной роли — быть начинательницами нового воспитания, разумного для следующих поколений края [3, с. 12].

Становление и развитие женского образования в Иркутске было значительным социокультурным явлением жизни города. Первоначально женская интеллигенция города была представлена приехавшими для педагогической деятельности женщинами, уже в 1860-х гг. появляются местные интеллигентки, что, несомненно, способствовало изменению общественного сознания и было фактором культурного роста сибирских

городов. Немалая роль в формировании образа сибирской женщины середины XIX — начала XX в. принадлежала педагогам Иркутского девичьего института. Именно они стали первыми представительницами женской интеллигенции города, именно они дали толчок ее дальнейшему развитию и совершенствованию. Они использовали опыт столичного образования и реализовали его в Иркутске. Это приводило к повышению грамотности городского населения, увеличению количества образованных женщин. Преподавательницы Иркутского девичьего института способствовали становлению нового образа женщины-иркутянки: интеллигентной, образованной, ответственной, независимой [8, с. 48]. К. В. Лукашевич была выпускницей Петербургской гимназии, она не имела специальных педагогических компетенций, однако, приехав в Иркутск и получив приглашение для преподавания, будучи образованной и имея собственных детей, при дефиците преподавательских кадров в Сибири, она с удовольствием, со старанием и знанием дела обучала девочек сколько было возможно, пока оставалась здесь.

В автобиографии К. В. Лукашевич упоминает, что жизнь в Иркутске она описала в рассказе «Ясное солнышко» [2]. В 1890 г. произошли трагические события, скончался Константин Францевич, а затем умерла и дочь. Клавдия Владимировна с тремя малолетними детьми вернулась в Петербург. Испытывая жизненные трудности, она все же смогла заниматься литературной деятельностью. Она общалась с известными столичными литераторами, сотрудничала со многими детскими периодическими изданиями — много издавалась у И. Д. Сытина, И. Н. Кушнерева, М. О. Вольфа, М. М. Стасюлевича и других, ее книги иллюстрировали художники Е. М. Бем, М. П. Клодт и др. [7, с. 403].

В детских произведениях К. В. Лукашевич стремилась привить любовь к знаниям и природе, чувства дружбы и благодарности, любознательность, следуя педагогическим принципам К. Д. Ушинского. Задушевностью, любовью к детям пронизаны ее произведения, их отличает занимательность сюжета, легкий стиль, глубина замысла, умение проникнуть в детскую душу. К. В. Лукашевич использовала бытовые и патриотические сюжеты, писала антологии сказок, календари, учебные пособия и хрестоматии для начального обучения, пособия по проведению детских и юношеских музыкально-драматических утренников, вечеров, праздников.

> Во всех своих произведениях... я стремилась внушить детям чувства долга и правды, любовь к человеку и к родине... [7, с. 403].

К. В. Лукашевич — автор детских пьес для театра [5, с. 296].

В 1917 г. К. В. Лукашевич уехала в Геленджик на лечение, потом вернулась в Петербург по приглашению А. В. Луначарского, но отношения с советской властью, видимо, были прохладными, воинствующая новая власть требовала произведений «в духе времени»; К. В. Лукашевич «лишили обеспечения» «за недостаточную активность после революции» [2]. Между тем ценности, которые провозглашала Клавдия Владимировна в детских произведениях, — вечны. Произведения К. В. Лукашевич проникнуты любовью к детям, желанием пробудить в них человечность, трудолюбие, внимание к окружающему миру. И неслучайно, что сегодня ее произведения переиздаются, читаются, на них воспитываются новые поколения детей.

Произведения К. В. Лукашевич «Холодное сердце», «Ясное солнышко», «Соня Малых» имеют сибирские сюжеты, здесь нигде не называются Иркутск, Девичий институт, но это явно видно из контекста, и это художественное описание, безусловно, очень ценно для нас; это позволяет зримо представить жизнь иркутян, изображения природы Байкала и Ангары. Описания природы восхитительны, например описание кедра: «царь сибирской тайги — длинноигольчатый могучий кедр». Привлекает внимание описание иркутского базара:

> Чего, чего только не навезли из окрестных сел: тут вкусная сибирская рыба: нельма, максуны, таймень и др.; дальше груды кедровых шишек; возы капусты, овощей, минусинских мелких арбузов; целые вороха душистой ягоды облепихи; а в стороне бочки с солеными омулями, селенгой и с соленой черемшой... [6, с. 10].

С любовью и тонко описаны бытовые детали: дом с садом, огородом и теплицей, в котором поселились герои повести, прибывшие в Иркутск из столицы. Описание Байкала, Ангары, Листвянки:

> Лиственничное... ютится полукругом по берегу Байкала. От озера всегда дует холодный ветер; равномерно поднимаются волны; далеко раскинулась водная ширь; только справа Ангара прорезала две скалы и понесла свои воды из «Сибирского моря»... [6, с. 43–44].

Повесть «Холодное сердце», изданная в Москве в 1901 г., имеет сибирский сюжет, содержит много деталей бытовой жизни, в ней описан страшный пожар в Иркутске (очевидно, пожар 1879 г., разрушительный и губительный для города).

Яркая и нелегкая жизнь Клавдии Владимировны впечатляет. Недостаточность архивных и других документальных источников не позволяет «доподлинно» обрисовать жизнь К. В. Лукашевич в Иркутске. Дополнительным штрихом к ее портрету является пересечение с фамилией Шостакович.

Семья Лукашевич, проживая в Иркутске, была дружна с Болеславом-Артуром Петровичем Шостаковичем, о чем свидетельствует внучка Клавдии Владимировны — Елена Порядкова [10, с. 80]. Революционное прошлое Б.-А. П. Шостаковича известно, в 1866 г. он «за укрывательство государственного преступника Ярослава Домбровского был осужден и сослан в Томскую губернию» [1]. С 1880 г. он жил в Иркутске, активно участвовал в общественной, научной жизни, в деятельности по управлению городом. Занимаясь вопросами, связанными с развитием образования и просвещения в Иркутске, Шостакович, вероятно, познакомился с Константином Францевичем Лукашевичем, инспектором Девичьего института Восточной Сибири, и его женой Клавдией Владимировной.

Клавдия Владимировна Лукашевич была крестной матерью композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича [9, с. 27], в ее доме в Петербурге познакомились будущие родители композитора Софья Васильевна Кокоулина и Дмитрий Болеславович Шостакович. В детские годы Дмитрия Дмитриевича Клавдия Владимировна принимала участие в его воспитании и досуге, и позднее, уже в юношеские годы, композитор проводил время в кругу родных Клавдии Владимировны [9, с. 28].

Клавдия Владимировна умерла в Ростове-на-Дону в 1931 г. Один из сыновей Клавдии Владимировны — Павел Константинович Хмызников стал гидрографом, доктором географических наук, известным исследователем Арктики и северных морей, действительным членом Полярной комиссии АН СССР.

Имя Клавдии Владимировны Лукашевич — прекрасное открытие для Сибири и Иркутска. Ее деятельность, вклад в развитие просвещения и формирование интеллигенции еще следует изучать, привлекая новые источники.

Список литературы и источников

[1] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Ед. хр. 10025.
[2] ИРЛИ. Ф. 136 (архив К. В. Лукашевич). №1 (краткая автобиография, список трудов, автопортрет, 1926 г., 7 л.).
[3] Исторический очерк деятельности Иркутского института Императора Николая I: Первое 50-летие. 1845–1895. Иркутск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1896. 98 с.
[4] *Кузнецова* М. В. Иркутская школа в XVIII — первой половине XIX веков / М. В. Кузнецова. Иркутск, 2011. 312 с.
[5] *Лукашевич* К. Театр для детей. Комедии и сцены (для школьных и домашних спектаклей). Отдел 1. Для старшего и среднего возрастов. Отдел 2. Для младшего возраста. Со множеством рисунков художников Е. Лебедевой и И. Николаевского. Изд. Тов-ва И. Д. Сытина, 1914. 296 с.
[6] *Лукашевич* К. В. Ясное солнышко и другие рассказы и повести. М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1901. 246 с.
[7] *Николаев* П. А. Лукашевич К. В. / Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. К — М / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. 592 с.
[8] *Пихтина* Л. С. Педагоги Иркутского Девичьего Института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллигенции // История и археология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 48–52.
[9] *Порядкова* Е. Виолончелист за стеной // Советская музыка. 1981. №10. С. 27–28.
[10] *Порядкова* Е. Сибирские корни // Советская музыка. 1983. №9. С. 79–80.
[11] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35.
[12] ЦГИА СПб. Ф. 346. Оп. 1. Д. 1.

Вклад ленинградских ученых в развитие электроэнергетики Сибири в середине — второй половине XX века

С. Б. Ульянова,
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

С. В. Кулик,
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

И. В. Аладышкин,
кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ Доклад посвящен участию ленинградских ученых в строительстве крупнейших гидроэлектростанций страны и созданию объединенной энергосистемы Сибири. Основываясь на сюжетах строительства Новосибирской и Красноярской ГЭС, рассматриваются особенности организации, соотношения и взаимодействия структурных составляющих проектирования и строительства важнейших объектов гидроэнергетики Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА история советской электроэнергетики, гидроэлектростанции, Объединенная энергосистема Сибири, история науки и техники, ленинградские ученые.

Строительство больших сибирских гидроэлектростанций и создание Объединенной энергосистемы Сибири — одно из наиболее впечатляющих достижений СССР второй половины XX в., оказавшее многоплановое влияние не только на энергетику, но и на многие отрасли народного хозяйства страны. В историографии, как правило, уделяется внимание экономическим и политическим аспектам строительства сибирских ГЭС [2, 3, 7]. Однако эта тема интересна также в историко-научном и историко-техническом плане. Достижения советской гидроэнергетики тех лет сохраняют актуальный исторический опыт организации НИОКР в СССР, а также развития академического предпринимательства в его советском варианте.

Нас заинтересовало участие ученых и научно-исследовательских организаций северной столицы в кардинальном преобразовании гидроэнергетической системы Сибири в послевоенные десятилетия. Анализ вклада ленинградских ученых помогает прояснить особенности организации проектирования и строительства крупнейших ГЭС страны, соотношения и взаимодействия структурных составляющих научно-исследовательской работы в сфере гидроэнергетики. В данной статье мы ограничимся двумя опорными сюжетами — строительством Новосибирской и Красноярской ГЭС, которые связаны с разными периодами интенсивного строительства. Первый период — 1950-е гг., когда были сооружены Новосибирская и Иркутская ГЭС, второй — 1960-е — 1980-е гг., когда появились самые крупные ГЭС — Саяно-Шушенская, Братская, Красноярская.

Начало работ ленинградских научных организаций над проектами сибирских ГЭС датируется 1945 г., когда Ленинградское отделение института Гидроэнергопроект (Ленгидэп) получило техническое задание на проектирование Новосибирской и Каменской ГЭС на р. Оби [6, с. 257]. А в мае 1955 г. распоряжением института Гидроэнерго-

проект проектно-изыскательские работы по созданию Красноярской ГЭС (проектное задание, топография, геология, гидрология) были переданы Ленгидэпу. Сооружение Красноярской ГЭС стало крупнейшим проектом 1950-х — 1960-х гг. Для сравнения: если установленная мощность Новосибирской ГЭС составляла 490 МВт, то установленная мощность Красноярской ГЭС была в десять раз больше.

В дальнейшем именно Ленгидэпу доверят работу над Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС, которые образуют Енисейский каскад. Таким образом, ленинградские ученые работали над проектами двух самых крупных ГЭС (Красноярской и Саяно-Шушенской) не только Сибири, но и всего Советского Союза. И здесь возникает вполне закономерный вопрос: почему именно Ленинграду было доверено проектирование крупнейших в стране гидроэлектростанций на Енисее?

В решении технических проблем производств, размещенных на Урале и в Сибири, ведущую роль изначально играли столичные научные учреждения [3]. Ангаро-Енисейский регион был поделен между двумя организациями: московским (Мосгидэп) и ленинградским (Ленгидэп) отделениями Гидроэнергопроекта. В результате Мосгидэп «отвечал» за Ангару, а Ленгидэп — за Енисей. На выбор между Москвой и Ленинградом в пользу последнего могло повлиять затягивание сроков Мосгидэпа по техническим проектам, а также то, что ленинградские специалисты предложили лучший вариант определения створа будущей электростанции (Мосгидэп предложил Красноярский створ, в 15 км от города, а Ленгидэп сделал ставку на Шумихинский створ, в 40 км от Красноярска).

Можно отметить и другие факторы, обусловившие выбор ленинградской проектной организации:

— ведущий свое начало от образованной в 1917 г. «Изыскательской партии по исследованию водных сил Севера» [6, с. 16], Ленгидэп к началу 1950-х гг. накопил огромный опыт изыскательских и проектных работ в области гидроэнергетики с большой базой типовых проектов;
— ленинградские ученые долгое время занимались изучением возможностей строительства ГЭС на Оби и Енисее. Первая схема гидроэнергетического использования Оби была создана в 1933–1934 гг. по заданию Госплана СССР институтом «Ленгипроводхоз». Чуть раньше, в 1932 г., ленинградский инженер Г. В. Рудницкий составил «Программу работ и мероприятий 1-й очереди использования водных сил Енисея», которая рассматривалась в Красноярском подотделе Русского географического общества [4, с. 109];
— институт обладал впечатляющим кадровым составом, в нем работали ведущие гидроэнергетики страны (а также геологи, гидрографы, геодезисты, инженеры-электрики, архитекторы и др.). Это позволяло выполнять проекты любой сложности в сжатые сроки;
— связи с научно-исследовательскими институтами, вузами, проектными организациями и промышленными предприятиями. Ленгидэп, получая от министерства задание на составление проекта той или иной сибирской ГЭС, заказы на дополнительные исследования передавал другим институтам и организациям на хозрасчетной основе. Ленинград был крупным центром турбиностроения (Ленинградский металлический завод им. И. В. Сталина, Ленинградский завод турбинных лопаток и др.).

Среди целого ряда научных организаций, расположенных в Ленинграде, с которыми сотрудничал Ленгидэп, особо выделялся Всесоюзный НИИ гидротехники им. Б. Е. Веденеева (ВНИИГ). Выполняя множество прикладных научных исследований, связанных со строительством и эксплуатацией сибирских ГЭС, ВНИИГ стал ключевым научным партнером Ленгидэпа, что было вполне оправданно. Уже в 1930-х гг. институт оказался ведущей организацией страны по проблемам гидро-

энергетики и энергетического строительства с целым рядом уникальных лабораторий, не имевших аналогов в стране. Так, в 1958 г. в лаборатории плотин и гидроузлов ВНИИГ производились гидравлические исследования на пространственной модели, связанные с изучением условий работы сооружений Красноярской ГЭС в эксплуатационный период [10, д. 278, л. 37]. 1960-е гг. отмечены значительным расширением лабораторной базы института, появлением филиала института в Красноярске.

Заказы Ленгидэпа выполняли также многие ленинградские вузы: Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина (ЛПИ), Гидрологический институт, Институт железнодорожного транспорта, Ленинградский институт инженеров водного транспорта, Лесотехническая академия [10, д. 187, л. 23 об.]. Например, в лабораториях ЛПИ проводили исследования высоконапорных временных туннельных водосбросов [10, д. 209, л. 20], совместно с Ленинградским металлическим заводом работали над созданием новых видов турбин [10, д. 187, л. 23 об.]. Работа для столь важных объектов экономики страны ценилась, заказами дорожили [1].

Отдельно следует отметить комплекс исследований в области электротехники и передачи электрической энергии для сибирских ГЭС, которые велись на электромеханическом факультете ЛПИ, в частности на кафедре «Электрические сети и системы», где в 1957–1962 гг. было налажено использование уникального по меркам того времени парка аналоговых вычислительных машин [5, с. 14]. Сотрудники кафедры принимали участие в исследованиях, связанных с работой Красноярской ГЭС на линии электропередачи большой протяженности и высокого напряжения (500 кВ) [10, д. 245, л. 26–27], в крупных комплексных исследованиях, проводившихся в Ленинграде для Объединенной энергетической системы Сибири (1960–1970) и конкретно для Саяно-Шушенской ГЭС (1970–1980) [5, с. 18; 9, л. 27].

Территориальная близость ленинградских научных организаций и промышленных предприятий облегчала сотрудничество, интенсивный обмен информационными, финансовыми, кадровыми, инновационными ресурсами. Здесь уместно говорить о том, что сегодня назвали бы синергетическим эффектом, получаемым в результате слияния отдельных частей в единую систему.

Учитывая удаленность объектов работ от Ленинграда на много тысяч километров, переброска оборудования, транспорта, людей и вообще организация работ занимали много времени и требовали больших средств. Ведь получив от министерства задание на составление проекта ГЭС на месте, в Сибири организовывалась комплексная экспедиция из ленинградских специалистов [10, д. 172, л. 70] для геологических, горных, топографических, геодезических, гидрологических и других работ. А территории работ были расположены, как правило, в малообжитых и необжитых районах, где изыскателям приходилось самим строить жилье, обеспечивать себя продовольствием, преодолевая большие расстояния по малопригодным дорогам [10, д. 196, л. 5 об.].

Сдача проекта отнюдь не означала завершения по нему работ ленинградских организаций. Технический проект гидроузла Новосибирской ГЭС был утвержден в 1952 г. Строительством занималось управление «Новосибирскгэсстрой». Но с 1951 г. существовала практика авторского надзора проектных организаций за строительством (приказ Министра электростанций СССР от 5.III.1951 г. № 84). Поэтому и после утверждения проекта Ленгидэп контролировал все виды работ по строительству Новосибирской ГЭС, включая даже сооружение жилых, общественных и производственных корпусов и благоустройство площадок.

Удаленность объектов от Ленинграда создавала дополнительные сложности. Коллективу не хватало инженеров-дорожников, электриков, технологов-энергетиков. Бывали случаи, что сотрудники не сменялись после положенных шести месяцев

работы в экспедиции. Все заявки на материалы отправлялись из Сибири в Ленинград и выполнялись не спеша и не полностью. Из Ленинграда высылались даже канцелярские принадлежности [10, д. 202, л. 21–24].

На издержки территориальной удаленности накладывалась структурная избыточность системы управления с извечной бюрократизацией. Работа по Новосибирской и Красноярской ГЭС выполнялась по договорам с немыслимым количеством министерств и комитетов, чьи полномочия и сферы ответственности пересекались и дублировались: Министерство нефтяной промышленности, Министерство промышленности продовольственных товаров, Министерство сельского хозяйства, Министерство городского и сельского строительства. Даже Комитету по физической культуре и спорту при Совмине СССР потребовались от Ленгидэпа рабочие чертежи стадиона в рамках строительства Новосибирской ГЭС [10, д. 187, л. 17–20].

Перипетии ведомств и отделений, издержки территориальной удаленности можно перечислять долго, но крупнейшие ГЭС страны построены именно в рамках сложившейся на то время системы. Сибирские ГЭС, особенно образующие Енисейский каскад, — это не только экономический прорыв, Всесоюзная комсомольская стройка и т. п., это еще и мощный драйвер научных исследований, как прикладных, так и фундаментальных [10, д. 240, л. 9–14, 49–54]. Например,

> ...впервые в Советском Союзе, а в таких масштабах и за границей разработан проект вертикального механического судоподъемника, заменяющего шлюз <...>. В проекте Красноярской ГЭС мощность одного агрегата (турбина и генератор) принята 300 тыс. кВт. Машин такой мощности еще нет в мировой практике [10, д. 202, л. 33, 99–100].

Так, в процессе разработки проектов больших сибирских ГЭС сотрудниками ВНИИГ было решено множество научно-технических проблем, в том числе: исследование ледового и термического режимов сооружений Новосибирской ГЭС [11], исследование пропуска льда через сооружения Красноярской ГЭС [12] и др. Работы по проектированию и строительству сибирских ГЭС ленинградскими проектными и научно-исследовательскими организациями дали толчок совершенствованию теоретического фундамента современной гидротехнической науки.

Следует признать, что ведущую роль в проектировании сибирских ГЭС в послевоенный период сыграло Ленинградское отделение Гидроэнергопроекта. Во многом это стало результатом формирования в Ленинграде эффективного научно-технического кластера, то есть системы научных организаций и промышленных предприятий, объединяющих свои ресурсы для реализации конкретных проектов высокотехнологического гидротехнического строительства. Свою роль сыграла и конкуренция, своего рода академическое предпринимательство по-советски между столичными проектными, научными организациями. Но когда мы говорим о проектах строительства крупнейших ГЭС страны, не стоит забывать, что они стали возможны лишь в силу уникальной природы и колоссальных водных ресурсов Сибири.

Список литературы и источников

[1] *Александров* Г. Каскад трансформаторов вступил в строй // Политехник. 1960. 8 сент.

[2] *Алексеев* В. В. Электрификация Сибири: ист. исследование. Ч. 2: 1951–1970 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 270 с.

[3] *Артемов* Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 254 с.

[3] *Брызгалов В. И.* Из опыта создания и освоения Красноярской и Саяно-Шушенской гидроэлектростанций. Красноярск: Сибирский ИД «Суриков», 1999. 560 с.
[4] *Васильева Н. О., Царев В. И.* К истории исследования энергоресурсов Енисея // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 109.
[5] История кафедры «Электрические системы и сети» / сост. Ю. П. Горюнов. URL: http://belyaev.spb.ru/history/history.pdf (дата обращения: 02.08.2021).
[6] История Ленгидропроекта 1917–2007 гг. / под ред. Ю. А. Григорьева и А. И. Ефименко. СПб.: Гуманистика, 2007. 512 с.
[7] История промышленности Новосибирска. Т. 1: Начало (1893–1917). Новосибирск, 2004. Историческое наследие Сибири. 653 с.
[8] *Ломакин А.* Вклад энергетиков // Политехник. 1960. 14 янв.
[9] ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 4. Д. 65.
[10] ЦГАНТД СПб. Ф. 72. Оп. 11.
[11] ЦГАНТД СПб. Ф. Р-315. Оп. 22. Д. 1346.
[12] ЦГАНТД СПб. Ф. Р-315. Оп. 23. Д. 3183.

Жизнь и хозяйственная деятельность П. И. Фаленберга и А. Ф. Фролова в Шушенском по данным архивных источников и дореволюционной литературы

И. В. Кучерова,
старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела,
Музей-заповедник «Шушенское», пгт Шушенское Шушенского района Красноярского края

АННОТАЦИЯ В статье представлены биографические сведения о декабристах, проживавших в с. Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии, полученные на основе архивных данных и дореволюционной литературы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА декабристы в Шушенском, политическая ссылка, хозяйственная деятельность декабристов.

В первой четверти XIX в. в России получили широкое распространение идеи отмены крепостного права и введения Конституции. Участники заграничных походов Русской армии мечтали перенести на родную почву то, что видели в просвещенной Европе. Многие офицеры стали объединяться в тайные общества, деятельность которых вылилась в дальнейшем в попытку государственного переворота — восстание 14 (26) декабря на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Восстание было жестко подавлено правительственными войсками. Пять восставших — Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Петр Каховский, Михаил Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол — были казнены, более ста человек сосланы в Сибирь на каторгу и поселение на разные сроки. Жизнь в сибирской ссылке стала испытанием для многих декабристов, которые до отправки в Сибирь жили достаточно обеспеченно. Однако навыки, полученные ими во время обучения, службы в армии и ведения своего хозяйства, помогли выжить в суровом краю. Также многие декабристы внесли огромный вклад в развитие и научное изучение региона.

Расселены декабристы были практически по всей Сибири. В Енисейской губернии, в частности, в разное время отбывал наказание 31 участник восстания на Сенатской площади. В Минусинском округе проживало 11 человек. В Шушенском на поселении находились Петр Иванович Фаленберг и Александр Филиппович Фролов. В музее-заповеднике «Шушенское» собрана и хранится информация об их жизни в селе в период ссылки. Научными сотрудниками изучены документы Минусинского городского архива, воспоминания других декабристов, литература конца XIX — начала XX в. о декабристах. Как же жили Фаленберг и Фролов в сибирской глубинке?

П. И. Фаленберг, подполковник, участник Отечественной войны 1812 г., член Южного общества, был отправлен на каторжные работы на 12 лет в Иркутскую губернию, но срок был сокращен до восьми лет. По отбытии срока отправлен в Троицкий солеваренный завод, а затем в 1833 г. — в с. Шушенское на поселение. В первое время Фаленбергу пришлось столкнуться с большими трудностями, в том числе материальными. Однако Петр Иванович познакомился с И. В. Кутузовым-Голенищевым, смотрителем казенных поселений, который жил в Шушенском и имел большое уважение в среде местного населения. В дальнейшем Фаленберг получил поддержку с его стороны. Илья Васильевич, по воспоминаниям декабриста А. Беляева, пригласил Фаленберга жить у себя, где Петр Иванович стал помогать ему в его многочисленных хозяйственных работах (управляющий заведовал мельницами, разными мастерскими и т. п.)

А. Ф. Фролов

П. И. Фаленберг

[5, с. 250]. В доме Ильи Васильевича часто собирались декабристы из Минусинска, и Фаленберг с Николаем Крюковым радовали друзей игрой на скрипке.

Материальных средств Фаленберг фактически не имел. Благодаря помощи жен декабристов и содействию И. В. Кутузова-Голенищева ему удалось выйти из трудного положения. Только в 1835 г. Фаленберг из казны стал получать пособие в размере 200 рублей в год и одежду крестьянского образца по утвержденной норме. Также по указу императора Николая I «государственным преступникам» было выделено 15 десятин земли. Свой надел Фаленберг частично использовал для сенокоса, завел плантацию под табак (снимал до 40 пудов в сезон, по данным волостного правления) и развел огород, где выращивал различные овощи из семян, присланных родными из европейской части России. Из донесения от 23 мая 1852 г. известно, что в 1851 г. весной в результате разлива Енисея плантация Фаленберга была затоплена. Жители Минусинска быстро собрали ему в пособие довольно значительную сумму денег [7, с. 579]. В хозяйстве Фаленберга также было три лошади, пять коров, пятнадцать овец. В зимнее время изготавливал сигары, которые продавал на золотые прииски, занимался выделкой кож и шил головные уборы. Петр Иванович проявлял интерес к камням с древними надписями, привезенным с берегов Енисея в волостное правление. Он снял с них копии и отправил в Академию наук.

Описание дома и усадьбы Фаленберга имеется в книге контрактов Шушенского волостного правления в документах о купле-продаже его хозяином в 1859 г. купцу по фамилии Молодых. Дом состоял из семи комнат и кухни. В усадьбе были баня, три амбара с погребом под одной крышей, каретный сарай, конюшня, над ней сеновал, сарай для сушки табака, коровьи и овечьи стойла и два навеса. Дом продавался с обстановкой. Из обстановки перечисляется шесть столов, семь стульев с подушками, три дивана, соломенное «волтерское» кресло с подушкой, два комода, один комод для посуды, этажерка, три кровати, настенные часы [1]. Описание усадьбы и обстановки дома свидетельствует о том, что Петр Иванович смог обустроить свой быт не хуже, чем до ссылки в Сибирь. Дом Фаленберга не сохранился — сгорел в результате большого пожара в 1888 г.

Что касается семьи Петра Ивановича, до заключения под стражу и отправки в Сибирь он был женат на Евдокии Васильевне Раевской. После суда жена с Фаленбергом

в Сибирь не поехала (женам декабристов было разрешено не ехать за мужьями и даже подать на развод). Вскоре Евдокия Васильевна вышла замуж второй раз. Сам Фаленберг женился второй раз только после вести о смерти своей жены на уроженке станицы Саянской Анне Федоровне Соловьевой. Свадьба состоялась в 1840 г. Вот какое описание свадьбы дается в книге П. М. Головачева «Декабристы. 86 портретов»:

> Стародавние обычаи в то время еще в полной силе господствовали в глухих местностях Сибири, и свадьба Фаленберга состоялась при полном их соблюдении. Девичник справлялся в доме отца невесты. После венчания был обед, а вечером песни и пляски. Девицы, составив круг, пели: «Вы, бояре молодые» и пр., причем одна из них ходила с платком, плавно приплясывая, и бросала его кому-нибудь из сидящих вдоль стены молодых казаков, который тогда выходил к ней, они плясали вместе в такт песни; затем песня переходила в речитатив со словами: «Вот и я, твой кум, уж и ты, моя кума! Где мы сойдемся, там обоймемся, где мы свидимся, там поцелуемся!», затем протяжно повторялись слова: «Вы, бояре молодые» и пр. Вся минусинская колония декабристов, бывшие блестящие представители русской армии и флота, принимали живейшее участие в брачном пире Фаленберга. П. А. Крюков играл на скрипке, а прочие участвовали в хоре [5, с. 252].

После женитьбы Петр Иванович направил прошение иркутскому генерал-губернатору о поступлении на государственную службу. Однако получил отказ. В браке с Анной Федоровной у Фаленберга родилось трое детей: дочь Инна и сыновья Федор и Александр.

П. И. Фаленберг с семьей оставил Сибирь после общей амнистии 1856 г. и в 1859 г. отправился в Ригу. Скончался Фаленберг 13 февраля 1873 г. в Белгороде Курской губернии и похоронен в Харькове.

Александр Филиппович Фролов, подпоручик Пензенского пехотного полка, член «Общества соединенных славян», осужден по второму разряду, сроком на 20 лет, каторгу отбывал в Читинском остроге и в Петровском Заводе. Срок каторги был сокращен, и в 1836 г. Фролов был отправлен на поселение в с. Шушенское. Александр Филиппович также получил в пользование 15 десятин земли и

> на отведенных землях засевал от 3-х до 5-ти десятин земли хлеба, так как земли сии для хлебопашества неудобны, местами болотисты и солончаты.

Увлекался огородничеством. Помимо земледелия, Фролов занимался столярным, токарным, слесарным делом, строительством. Его дочь Надежда Александровна в воспоминаниях рассказывала, что

> отец во всякую работу уходил с головой. Чего только не делал. Седла, сбруи, чемоданы, шубы жене и детям. Тарантасы да фаэтоны. Его работы так по всей Сибири фроловками звались, в образец вышли [8].

Александр Филиппович увлекался чтением литературы по земледелию, активно общался с крестьянами, также оказывал им медицинскую помощь.

До приезда в Шушенское Александр Филиппович не был женат. Вступил в брак он уже в Шушенском в 1846 г. с Евдокией Николаевной Макаровой, уроженкой с. Каптырево. Имел трех детей — Николая, Надежду и Петра. По Манифесту об амнистии от 1856 г. Фролову, как и Фаленбергу, было разрешено вернуться в европейскую часть России. Вместе с семьей выехал в Керчь, там Фроловы жили до 1872 г. (Александр Филиппович занимался в Керчи хлебопашеством и овцеводством), затем переехали в Троице-Сергеев

Посад. В 1879 г. семья перебирается в Москву, где и умер Александр Филиппович после нервного удара в 1885 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что, несмотря на большие трудности и тяготы жизни в Сибири, декабристы смогли не только выжить, но и обустроить свой быт, обеспечить себя и свои семьи всем необходимым. Они смогли приспособиться к местным условиям и значительно повлияли на развитие региона. Декабристы заказывали семена овощей и зерновых культур из европейской части России и распространяли их в крестьянской среде. Это способствовало появлению новых сортов в Сибири, улучшению урожайности и благоприятно сказывалось на развитии сельского хозяйства. Так, благодаря Фаленбергу табак стал одной из сельскохозяйственных культур, которую крестьяне Минусинского округа активно выращивали и продавали на золотые прииски. Табак в этой местности продолжали выращивать и в советское время вплоть до 60-х гг. XX в.

Список литературы и источников

[1] АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1506. Л. 2–3.
[2] АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 416.
[3] АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 464.
[4] *Беляев* А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805–1850 / [соч.] А. Беляева. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1882.
[5] *Головачев* П. М. Декабристы. 86 портретов. М.: Изд. М. М. Зензинова, 1906.
[6] Декабристы. Мемуары. Документы. Исследования. URL: http://decabristy-online.ru.
[7] Характеристика декабристов М. Кюхельбекера и Фаленберга // Русская старина: ежемесячное историческое издание. Гл. 1–49. СПб., 1870–1918. Изд. 1904 г. № 3.
[8] МЗШ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 912.

Канский краеведческий музей: первые лица

Л. В. Малюченко,
директор МБУК «Канский краеведческий музей», г. Канск

АННОТАЦИЯ В статье дается характеристика основных этапов в истории Канского краеведческого музея и роли тех, кто создавал музей и руководил им в течение XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музей, краеведение, коллекции, Д. С. Каргополов, А. С. Пожарский, А. Н. Буда, Н. П. Шевченко, Г. И. Усольцева.

Георг Гегель писал: «Великий человек эпохи тот, который может воплотить в словах волю своей эпохи, сказать своей эпохе, в чем ее воля, и выполнить ее. То, что он делает — сердцевина и суть его эпохи, через него проявляется эпоха» [1, с. 81–83]. История Канского краеведческого музея и его руководителей во многом подтверждает эти утверждения.

В 1912 г. Дмитрий Семенович Каргополов, краевед и педагог, начинает собирать первую в Канске коллекцию краеведческих материалов. Наиболее интересными были материалы по местной археологии, палеонтологии, произведения русского медного художественного литья — иконы, складни и кресты, нумизматика. Многие предметы из этих коллекций и сегодня можно увидеть в музее.

Дмитрий Семенович Каргополов (1858–1922) — сибирский краевед. Родился в казачьей семье. В 1880 г. окончил Красноярскую учительскую семинарию, директором которой был известный исследователь древностей И. Т. Савенков. Служил по окончании курса в городских и уездных училищах Красноярска, Ачинска. Интерес к местной истории стал определяющим в жизни молодого учителя. В 1889–1898 гг. работал в Красноярской губернской гимназии. Тесно связан был с Обществом любителей естественной истории. Являлся действительным членом губернского статистического комитета. В 1898–1901 гг. — смотритель, а затем инспектор Енисейского городского училища. Принимал участие в работе совета местного музея. С 1912 г. служит в Канске учителем естествознания и математики в реальном училище. Систематизирует собранные за много лет естественнонаучные коллекции и открывает для обозрения всем желающим собрания минералов, предметов археологии, нумизматики. Занимается археологическими изысканиями в окрестностях Канска, сотрудничает с учеными Казанского университета Е. А. Поповым и И. Е. Ермолаевым, предпринявшими археологическую экспедицию в 1912 г. с учеными-ботаниками Российской академии наук, работавшими в уезде в 1913 г. Вспоминают Д. С. Каргополова и как блестящего педагога-просветителя, непременного члена Общества попечения о начальном образовании.

Коллекции Д. С. Каргополова после революции перешли в государственную собственность. На их основе в 1922 г. в Канске открывается государственный музей местного края (ныне Канский краеведческий музей).

Информация о том, кто был назначен руководителем музея на момент его открытия, в имеющихся документах отсутствует. В 1925 г. музей возглавил Александр Степанович Пожарский (1874–1939). А. С. Пожарский родился в с. Петровском Рыбинского уезда Ярославской губернии. Получил художественное образование. В период его руководства в музее были созданы естественнонаучный, археологический, этнографический отделы, отдел греко-римской скульптуры. А. С. Пожарский принимал

участие в художественном оформлении экспозиций. До настоящего времени в музее сохранилось созданное им изображение первобытного человека. А. С. Пожарский являлся ответственным секретарем Общества любителей краеведения Канского округа. Одновременно с работой в музее преподавал в Канской городской совпартшколе. В апреле 1935 г. был репрессирован. Умер в лагере.

В начале 1930-х гг. перед музеем была поставлена задача — как можно быстрее создать разделы в экспозиции, посвященные партизанскому движению в годы Гражданской войны в Канском уезде и прилегающих территориях и социалистическому строительству. Заведующему музеем А. С. Пожарскому постоянно ставилось в вину недостаточное внимание к данным темам. Анализ фондов показал, что от того периода работы музея сохранилось очень мало материалов, относящихся к событиям революции и Гражданской войны, истории 1920-х — 1930-х гг., что явно не соответствует уделяемому этим темам вниманию. Объяснение этому есть. К середине 1930-х гг. отношение к теме не поменялось, поменялось отношение к самим участникам этих событий. Они вступили в открытое противостояние с властью, отказавшись принимать сталинскую коллективизацию и выступив против нее с оружием в руках. Протест был подавлен, его участники репрессированы. Теперь привлекать к ним внимание посетителей музея было уже нежелательно. Перестали комплектоваться фонды, так как многие документы были изъяты органами НКВД или не сохранились [2, с. 66–68; 3, с. 53–56]. Сотрудники музея стали заложниками политической ситуации. Создание раздела в постоянной экспозиции, посвященного Гражданской войне, было обязательным, а что там можно размещать, было непонятно. Сложные общественно-политические процессы, протекавшие в стране, оказывали непосредственное влияние на работу всех учреждений культуры.

После ареста А. С. Пожарского директором музея стала Анна Николаевна Буда. Она родилась в с. Троицком Тасеевской волости Канского уезда в 1909 г. В 1929 г. окончила школу № 2 в Канске. После окончания школы работала в Канской милиции, заведовала паспортным столом. В 1930–1933 гг. училась в высшей школе в Иркутске. С 1934 г. начинает работать в музее сначала заместителем директора, а с затем директором.

По сведениям, имеющимся в стенограммах заседаний Канского горисполкома и других органов управления городом в годы Великой Отечественной войны, музей не был закрыт на период военного времени. Вопрос о его работе рассматривался в 1943 г. Было отмечено, что музей должен активизировать работу на предприятиях и в госпиталях и проводить больше мероприятий военно-патриотической направленности. Директором музея на тот момент оставалась А. Н. Буда. О наличии других сотрудников неизвестно.

1950-е — 1960-е гг. — это период оживления деятельности краеведческих музеев, связанного с общей демократизацией в стране, реабилитацией многих жертв политических репрессий. Состав фондов Канского краеведческого музея свидетельствует о том, что велась активная работа по сбору вещей, фотографий, документов, посвященных периоду революции и Гражданской войны в истории востока Красноярского края. В настоящее время идет работа по уточнению информации о руководителях и сотрудниках музея этого времени.

1970-е — 1980-е гг. отмечены небывалым музейным бумом. Этот период, связанный с именем Нины Павловны Шевченко, возглавлявшей музей в течение 20 лет, сами его работники называют наивысшей точкой развития. Это связано как с массово-просветительской работой, так и с собирательской деятельностью. При этом музей участвовал в сибирских региональных научно-практических конференциях по различным направлениям музееведения. Именно в это время коллекции фондов Канского музея пополнились ценными, с точки зрения их краеведческого значения, музейными предметами. Это изобразительные и письменные источники по истории

советского периода (промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение). Этнографическая коллекция значительно пополнилась в результате проведения экспедиций в Абанский, Дзержинский, Саянский (с. Агинское) районы, в села Канского района. В последней четверти XX в. сформирована основная часть коллекции изобразительного искусства.

Таким образом, коллекция музейных экспонатов достигла 30 тысяч единиц хранения. Учитывая все это, в 1987 г. администрация города выделила музею дополнительную площадь под передвижные выставки — выставочный зал на Предмостной площади.

В конце 1980-х гг. музей возглавил человек, с именем которого связано изменение сущности музея, его духа, направленности, — Галина Ивановна Усольцева. Именно с ней связано открытие имени известного до того только в профессиональных кругах писателя Владимира Зазубрина. В этот период сделано научное описание коллекций археологии (специалисты Иркутского государственного университета), живописи, графики, скульптуры, ДПИ, меднолитой старообрядческой иконы (искусствовед Н. Н. Исаева, доктор искусствоведения, профессор). Отреставрированы уникальные музейные предметы: хоругвь начала XX в. и плащаница XIX в. Канский краеведческий музей становится неоднократным участником красноярских музейных биеннале.

Во многом благодаря этим людям сейчас, в начале 2020-х гг., Канский краеведческий музей является одним из ведущих центров культурной жизни города.

Список литературы

[1] *Гегель* Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
[2] *Набатчикова* И. Без пропущенных строк // У Братского перевоза. Вып. 1. Канск, 1996. С. 66–68.
[3] *Усольцева* Г. И. Краеведы // У Братского перевоза. Вып. 1. Канск, 1996. С. 53–56.

Деятельность городского головы П. С. Смирнова по благоустройству г. Красноярска

Л. Е. Мариненко,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ Охарактеризована роль городского головы П. С. Смирнова в процессе благоустройства Красноярска. Сделан вывод о том, что причины строительства водопровода, городской электростанции были обусловлены противопожарными и санитарными мероприятиями. Появление городской электростанции и централизованного водоснабжения в начале XX в. привело к улучшению бытовых условий жизни только части горожан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА благоустройство Красноярска, органы местного самоуправления, модернизация, городской голова Красноярска.

На рубеже XIX–XX вв. пространство городской среды стремительно меняется. Новации нового столетия, порожденные модернизационными процессами, оказывали существенное влияние на экономику и социальную сферу городов, качество жизни горожан. Достижения науки активно внедрялись в повседневную жизнь городского населения: улицы городов осветили электрические фонари, появилась телефонная связь, телеграф, централизованное водоснабжение. Важную роль в модернизации инфраструктуры городов России во второй половине XIX — начала XX в. сыграли должностные лица органов местного самоуправления. В 1910–1914 гг. городским головой Красноярска был П. С. Смирнов, активная деятельность которого способствовала успешной реализации проектов по благоустройству города.

В начале XX в. одной из важных проблем Красноярска было отсутствие водопровода. Неудовлетворительное обеспечение горожан качественной питьевой водой оказывало негативное влияние на уровень заболеваемости населения инфекционными болезнями. Жители Красноярска вынуждены были пользоваться водой из Енисея, берега которого были так загрязнены, что «цвет воды имел цвет крепкого чайного настоя» [4, с. 5–6]. Вопрос о необходимости создания городского водопровода неоднократно поднимался представителями общественных организаций и органов местного самоуправления Красноярска. Так, член пожарного общества П. С. Троицкий в своем докладе, представленном в феврале 1903 г. в Красноярской городской думе, приводил в качестве аргументов о пользе водопровода для города трудности с доставкой воды для тушения пожаров и прямую зависимость между ростом заболеваемости населения инфекционными болезнями и плохим качеством питьевой воды [1, л. 1–3]. Должностные лица местной администрации Красноярска, понимая насущную необходимость решения данного вопроса, неоднократно ходатайствовали в вышестоящие инстанции с просьбами об изыскании средств для строительства водопровода, но безрезультатно. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь в период работы П. С. Смирнова в должности городского головы Красноярска.

На одном из заседаний городской думы Красноярска в марте 1910 г. П. С. Смирнов поставил вопрос о необходимости создания водопровода и электрического освещения в городе. В своем докладе он отметил, что

> стремление к благоустройству не чуждо нашему городу, и уже 25 лет обсуждается местными властями вопрос о водопроводе. Но не имея средств и возможности найти их, привели к тому, что вопрос был отложен [1, л. 50–51].

Городской думой было принято решение о сооружении в Красноярске хозяйственно-противопожарного водопровода, а функции ведения всех дел по строительству объекта были возложены на водопроводно-электрическую комиссию.

Благодаря энергичным усилиям городского головы Красноярска для обеспечения необходимого финансирования строительства в 1911 г. было получено разрешение Министерства финансов на помещение городских специальных капиталов в облигациях городского займа на сумму 600 тысяч рублей для устройства противопожарного водопровода и электрического освещения. Погашение займа обеспечивалось доходами и недвижимостью Красноярска и было включено в ежегодную смету расходов города [1, л. 155]. Между городской управой и фирмой «Нептун» был заключен договор о разработке проекта и составлении сметы на сооружение водопровода, который должен был подавать в город воду из р. Енисей и устройства насосной станции на острове Посадном, мощность которого предполагала 100 тысяч ведер в сутки [1, л. 141].

Одновременно шла работа по проектированию и строительству электростанции, которая должна была обеспечить электроэнергией насосную станцию водопровода. В феврале 1911 г. городская дума Красноярска постановила изъять городские участки в районе Садовой улицы для устройства силовой станции городского водопровода и электрической станции [2, с. 170].

В период служебных командировок в Москву и Петербург П. С. Смирнов активно занимался поисками специалистов по проектированию электростанции. После долгих поисков и переговоров было решено поручить это дело преподавателю Императорского Московского технического училища, инженеру-механику К. А. Кругу, с которым в мае 1911 г. П. С. Смирнов, как городской голова, подписал договор о разработке проекта и составлении сметы строительства центральной городской электростанции. В конце августа 1911 г. начались работы по сооружению городской электростанции. Земляные работы и работы, связанные с каменной кладкой, осуществлялись быстрыми темпами, чтобы успеть до зимних морозов и закончить к этому периоду цикл каменного строительства. Одновременно шел монтаж оборудования городской уличной осветительной сети [1, л. 174, 282, 285]. 18 марта 1912 г. состоялось торжественное открытие городской электростанции. 24 марта 1912 г. электричество появилось на улицах и в домах горожан. В первый день горело 262 лампочки, к маю — свыше 3500, а к концу года — 12 000 лампочек. Светом было обеспечено 250 квартир, построено 25 километров электролиний, а вместе с домовыми подводками — 50 километров [2, с. 171]. К сожалению, полностью удовлетворить потребность города в электроэнергии городская электростанция сразу не смогла, также не удалось обеспечить равномерное освещение всего города.

Строительство водопровода тоже было сопряжено с решением множества технических, организационных и финансовых вопросов, в связи с чем П. С. Смирнов постоянно ездил в служебные командировки в другие города для решения этих вопросов. Так, в июне 1912 г. городской голова сообщил членам Красноярской городской управы и водопроводно-электрической комиссии, что в ходе поездки в Томск ему удалось достигнуть соглашения с Управлением Сибирской железной дороги о прокладке водопровода под железнодорожными путями по линии ул. Воскресенской [1, л. 312].

Строительство объекта завершилось к концу 1913 г. Впервые водопровод был испытан в сентябре 1913 г., когда пожарная дружина подключила к гидранту рукав и продемонстрировала собравшимся горожанам струю воды, высота которой доходила до 10 метров [3, с. 159]. 28 декабря 1913 г. состоялось торжественное открытие городского водопровода. Первая очередь водопровода прошла по улицам центральной части города. Вода подавалась центробежными насосами из шахтного колодца на Посадном острове [2, с. 172]. Водопровод имел протяженность 12 километров, было построено 90 смотровых колодцев, водонапорная башня в Николаевской сло-

боде и две водоразборные будки [3, с. 159]. Однако возможность подключения к водопроводу преимущественно была у состоятельных горожан, а воду из водоразборных будок могли использовать жители, жившие неподалеку. Часть жителей Красноярска по-прежнему покупала воду у водовозов.

Появление централизованного водоснабжения, увеличение потребления воды горожанами поставило на повестку дня необходимость решения вопроса с городской канализацией. На одном из заседаний Красноярской городской думы в 1913 г. при обсуждении вопроса о строительстве в Красноярске канализации П. С. Смирнов выступил с убедительной речью о важности скорейшего проектировании и строительства данного объекта для улучшения санитарного состояния городской среды, указав на то обстоятельство, что реализация подобных проектов требует значительного срока, поэтому проектирование необходимо начать сейчас, не откладывая этот вопрос. Городская дума большинством голосов постановила признать устройство канализации в Красноярске необходимым и внести в смету города на 1914 г. 1000 рублей на подготовительные работы по разработке предварительного проекта канализации [5, с. 370–373]. К сожалению, далеко не все планы удалось реализовать П. С. Смирнову, его тяжелая болезнь и скоропостижная смерть в 1914 г. прервали череду успешно реализованных мероприятий по благоустройству города.

Таким образом, в начале XX в. городская среда Красноярска стремительно менялась благодаря деятельности органов местного самоуправления и личной инициативе отдельных должностных лиц, в числе которых следует отметить городского голову Красноярска П. С. Смирнова. Появление централизованного водоснабжения и городской электростанции стало основой для улучшения в будущем социально-бытовых условий жизни горожан, обеспечения необходимыми ресурсами различных отраслей экономики города, развития инфраструктуры Красноярска. Но все же следует отметить, что построенные объекты не обеспечили полностью потребности города. Городские окраины по-прежнему испытывали трудности с доставкой воды, во многих домах и на некоторых улицах отсутствовало электричество.

Список литературы и источников

[1] ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 157.

[2] *Кибардин В. В.* История строительства первых электрических станций г. Красноярска // Вестник КрасГАУ. 2011. №6. С. 168–174.

[3] Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2013 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск: ГУНБ, 2012. 204 с.

[4] Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь — ноябрь 1902 г. Электронные текстовые данные. Красноярск: ГУНБ. 327 с.

[5] Обзор хозяйства города Красноярска за июль — сентябрь 1913 г. Электронные текстовые данные. Красноярск: ГУНБ. 380 с.

Историк и его эпоха (о Юрии Васильевиче Журове)

Л. Э. Мезит,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

О. Г. Софронова,
специалист по охране труда, МАОУ СШ № 149, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье раскрывается жизненный путь, научная деятельность Ю. В. Журова, основное внимание уделено эволюции его представлений о политических позициях сибирских крестьян в переломный период революции и Гражданской войны. Труды ученого широко используются современными исследователями сибирской деревни, так как объем фактологического материала, обобщенный им, имеет и сегодня большую ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА партизанские республики, сибирское крестьянство, научная работа.

Журов Юрий Васильевич родился 9 апреля 1934 г. в Енисейске Красноярского края в семье преподавателя педагогического училища, умер 29 декабря 2009 г. Юрий Васильевич из той самой трудовой интеллигенции, которая в советскую эпоху подарила миру большинство историков. Не трудно предположить, что именно в такой семье и могла зародиться великая тяга к знаниям, а те самые просторы направили эту тягу к родной истории. В 1937 г. семья переехала в Красноярск, где в 1952 г. он поступил в Красноярский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет, который в 1956 г. окончил с отличием, в 1960 г. — годичную аспирантуру в Иркутском пединституте, защитил кандидатскую диссертацию (тема: «Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны»). В 1964 г. защитил в Иркутском госуниверситете докторскую диссертацию (тема: «Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны»). В 1977 г. Ю. В. Журову было присвоено звание профессора. Здесь окончательно определились его научные интересы, сформировалась собственная научная школа. В 1970–1983 гг. был членом диссертационного совета по истории при Иркутском университете, членом научного совета по проблемам истории Сибири в Институте истории и филологии Сибирского отделения Академии наук.

Другой стороной жизни стала преподавательская деятельность. Определился новый круг забот — студенты, аспиранты, лекции и семинары, экзамены и зачеты: в 1956–1957 гг. работал старшим лаборантом кафедры истории, одновременно — учителем истории школы № 27 г. Красноярска, в 1957–1960 гг. — ассистентом кафедры. В 1960–1966 гг. — старший преподаватель кафедры, в 1966–1970 гг. — доцент кафедры истории. В 1970–1972 гг. — декан историко-филологического факультета КГПИ, в 1972–1974 гг. — старший научный сотрудник, с 1975 г. — зав. кафедрой истории, с 1975 г. приказом МП РСФСР был назначен проректором по научной работе родного вуза. В 1975 г. был назначен проректором по науке КГПИ. Коллеги до сих пор вспоминают его коммуникабельность, созданную им творческую атмосферу в институте. Ему удалось объединить вокруг себя творческую молодежь, он способствовал ее научному росту, вдохновлял собственным примером трудолюбия, учил оригинальным подходам к анализу и интерпретации научного материала. В руководстве кафедрой проявились лучшие человеческие качества Юрия Васильевича — деликатность, готовность прийти на помощь и в то же время твердость и неуступчивость в принципиальных вопросах.

Будучи профессором кафедры, он читал курс лекций по истории советского общества, спецкурсы по историко-партийному строительству, которые с интересом воспринимались студенческой аудиторией. Параллельно редактировал монографии, составлял и издавал научные сборники, руководил аспирантами. Под его научным руководством успешно защищены более десяти кандидатских диссертаций, в том числе О. М. Андреевым, В. А. Кучеряевым, В. А. Пинаевым и др.

Автор около 140 научных публикаций, среди которых особо выделяются авторские монографии и книги: «Енисейское крестьянство Сибири в годы гражданской войны» (1972), «Гражданская война в сибирской деревне» (1986), «Проблемы методологии истории» (1996), «Четверть века Страны Советов. Основные проблемы истории СССР с конца 1920-х гг. до марта 1953 г.» (2004). Также является соавтором научных работ «Союз рабочего класса и крестьянства Сибири. 1917–1937 гг.» (1978) и «История крестьянства Западного региона России (1917–1941 гг.)» (2002).

Юрия Васильевича Журова по праву считали ведущим специалистом по истории сибирского крестьянства начального периода советской истории.

Участниками и первыми исследователями 1920-х гг. Гражданская война подразделялась на два этапа: «демократическую» контрреволюцию, когда у власти находились социалисты, и военную диктатуру. Но при этом подчеркивалось отсутствие принципиальных различий между обоими режимами. Антибольшевистские правительства представлялись как антинародные. Их деятельность сводилась к разграблению народного достояния и террору против населения [1, 8, 11, 12].

В те же годы появились публикации А. А. Ансона (А. Абова), В. Д. Вегмана, Н. Ф. Преображенского, Ю. Г. Циркунова и некоторых других авторов, посвященные партизанскому движению в Сибири. Для них были характерны минимальная опора на источники, отсутствие сколько-нибудь обстоятельной аргументации оценок и выводов [2, 3].

Одной из ключевых задач сибирской историографии стало изучение партизанского и подпольного движения. Вокруг интерпретации их причин и характера развернулась острая дискуссия. Участник событий эсер Е. Е. Колосов отводил антиколчаковскому движению в тылу решающую роль в свержении режима. Самой активной организующей силой он считал эсеров и сплотившихся вокруг них деятелей земской оппозиции, которым удалось направить в нужное русло городское подполье и партизанскую активность, вовлечь в сопротивление почти поголовно все крестьянство [7].

В отечественной исторической науке с середины 1930-х до начала 1950-х гг., в связи с возникновением международной угрозы для обороноспособности СССР, активизировались исследования по военной проблематике Гражданской войны.

В середине 1950-х — 1970-х гг. появились многочисленные сборники документов и мемуаров, освещающие борьбу за власть Советов как в Сибири в целом, так и в ее отдельных регионах. Заметно расширилась проблематика, источниковая база. В этот период И. Ф. Плотниковым, М. И. Стишовым созданы обобщающие труды о большевистском подполье и партизанском движении. Исследователи полагали, что партизанская борьба связана прежде всего с экономическими причинами, в ней участвовала основная масса зажиточного по российским меркам среднего крестьянства. Лишившиеся при А. В. Колчаке возможности сбывать сельскохозяйственную продукцию крестьяне сплотились в партизанские отряды. При этом уровень организации сопротивления политическим режимам и роль в нем большевиков существенно преувеличивались [4, 10].

На территории Сибири партизанское движение началось вскоре после свержения здесь советской власти, уже летом 1918 г., и продолжалось вплоть до разгрома белых армий в начале 1920 г. По приблизительным подсчетам Ю. В. Журова, из 400 тысяч партизан периода Гражданской войны в России на территорию Сибири приходи-

лось до 150 тысяч. В партизанских районах края, освобожденных из-под власти антибольшевистских правительств, в разное время проживали почти 1,8 миллиона человек, или около четверти его населения [5, с. 96, 131]. И хотя эти цифры, возможно, завышены, нельзя не признать, что сибирское партизанское движение, разрушая и ослабляя тыл контрреволюции, тем самым существенно облегчило задачу Красной армии, особенно в период проведения ею наступательных операций. Объективно оно превратилось во второй по значимости военно-стратегический фактор в разгроме колчаковщины, в восстановлении на территории Сибири власти Советов, в победе большевизма.

Юрий Васильевич одним из первых выделил два этапа в развитии партизанского движения на территории Енисейской губернии (осень 1918 — весна 1919 г.; весна — осень 1919 г.). В его работах появилось понятие «партизанская республика» и выделение основных центров деятельности партизан. Одним из первых Ю. В. Журов обосновал очаговый характер партизанского движения в Сибири, революционно-демократический характер власти в партизанских республиках. Фактологический материал, введенный в оборот Ю. В. Журовым в его работах, имеет познавательную ценность и сегодня [4, с. 139, 179–205].

В последнее время наиболее объективную и содержательную характеристику партизанского движения в Сибири создали историки Н. С. Ларьков и В. И. Шишкин, А. П. Шекшеев [10, 13, 14, 15]. Не все выводы Ю. В. Журова они разделяют. Н. С. Ларьков и В. И. Шишкин не признавали общекрестьянский фронт в Сибири в конце 1919 — начале 1920 г. и не согласились с революционно-демократическим характером власти в партизанских республиках [10, с. 83–85].

А. П. Шекшеев, наоборот, разделяет мнение Ю. В. Журова, что не все партизанские отряды Енисейской губернии были под пролетарско-большевистским влиянием. Он убедительно доказал, что следование крестьян за бывшими уголовниками, выпущенными в 1917 г. из тюрем, бывшими офицерами обусловлено было тем, что они вносили организационные начала в крестьянское повстанчество, так как политические взгляды крестьянства были неустойчивыми [13, с. 57].

В 1983 г. Ю. В. Журов приказом МП РСФСР был переведен на должность ректора Брянского университета. С 1995 г. — заслуженный деятель науки РФ. Награжден двумя орденами, медалями, стал член-корреспондентом Российской академии образования, действительным членом Академии социальных наук, Академии гуманитарных наук, Петровской академии наук и искусств.

Работая в Брянском государственном педагогическом университете им. И. Г. Петровского, сфера научных интересов Ю. В. Журова расширилась, однако он по-прежнему продолжал изучать партизанское движение и отношение крестьянства сибирского региона к событиям смутного времени. В его монографии 1996 г. «Проблемы методологии истории» он переосмыслил ряд некоторых собственных положений. Во второй главе монографии «Революция, гражданская война и исторические судьбы крестьянства России» автор обосновал свой интерес к теме в новых условиях:

> В последние семь-восемь лет резко обострился интерес к истории крестьянства России революционного и предреволюционного периодов. Разные политические деятели, партии, объединения и группы ищут обоснование своей позиции по вопросам аграрно-крестьянско-продовольственной политики в множественных и очень часто прямо полярных процессах, охвативших тогда российскую деревню. И, как это уже не раз было в нашей истории, здесь много перегибов, абсолютизации, дилетантства и даже фальсификаторства, вольного или невольного. Поэтому объективное, комплексное, деполитизированное, не подчиненное одной какой-либо идеологии исследование деревни 1917 г. и последующих за ним годов приобретает актуальней-

шее значение и прямо выходит на сегодняшнюю общественно-политическую и экономическую практику [6].

Совершенствуя прежние взгляды, он показал, что партизанское движение развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и организованности и, будучи преимущественно крестьянским, обрело социально-политическую неоднородность и различные идейно-политические устремления участников. В основном же «республики» и «фронты», подчиненные прежде всего влиянию большевиков, боролись за Советы, но воспринимались населением как общедемократические структуры.

Именно в итоге Гражданской войны сибирское крестьянство окончательно раскололось не только в социальном, но и в идейно-политическом плане. И это произошло несмотря на то, что в ходе борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией на рубеже 1919–1920 гг., а в некоторых районах и чуть раньше и чуть позже бедноте и середнякам приходилось бороться против белогвардейцев и интервентов вместе с частью кулачества. Гражданская война окончательно рассеяла иллюзии трудового крестьянства о том, что якобы возможно осуществить глубокие общественные преобразования без борьбы в условиях тогдашней России. При этом как правящие круги, так и крестьянство отдавали предпочтение мирным, легитимным формам этой борьбы. Колебания среднего крестьянства по вопросу о принятии или непринятии советской власти в основном были изжиты. Это учитывали эсеры, выбросившие в 1920–1921 гг. лозунг «За Советы, но без коммунистов». Конечно, и в 1920-х гг. середняк продолжал колебаться при определении своей позиции по ряду важных социально-экономических и политических преобразований. Но это были уже колебания по отношению к отдельным шагам правящей партии и Советского государства, а не в целом к советской власти как диктатуре пролетариата, как власти социалистической, как власти, олицетворявшей союз рабочего класса и трудящегося крестьянства [6].

Рассматривая причины и мотивы массовой поддержки крестьянством советской власти, перехода значительной части середнячества в лагерь революции к середине 1919 г. и даже части кулачества некоторых регионов страны в конце 1919 — начале 1920 г., испытавших на себе режимы контрреволюции, следует учитывать и рост патриотическо-державных настроений в этих группах сельского населения.

Обобщая все вышеназванное и все процессы экономического, социального и политического характера, охватившие крестьянство в 1917–1921 гг., мы вправе рассматривать их как единое явление, как аграрно-крестьянскую революцию в России. Аграрно-крестьянская революция явилась составной частью народной борьбы за советский общественный строй, за победу революции в России. Ее исход зависел от исхода борьбы за победу и утверждение советской власти в стране, от исхода борьбы Советского государства, пролетариата за победу социалистической революции.

Первый этап аграрно-крестьянской революции имел место с весны 1917 г. до лета 1918 г. Внутренней гранью в первом этапе, безусловно, является октябрь 1917 г. Второй этап охватывает лето 1918 г. — март 1921 г. На этом этапе можно выделить три периода: лето 1918 г. — март 1919 г., март 1919 г. — примерно начало 1920 г. и начало 1920 г. — март 1921 г. [6].

Партизанское движение, будучи преимущественно крестьянским по своему составу, в то же время являлось одной из форм военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. В характерных чертах партизанского движения, в преобразованиях, осуществленных в советско-партизанских районах, реализовывался процесс развития аграрно-крестьянской революции. Мы вправе рассматривать партизанско-повстанческое движение в деревне, в районах, оккупированных контрреволюцией,

как возможность самопроявления революционности крестьян, в условиях тогдашней обстановки не потерявшего своего крестьянского лица.

Революционно-демократические и социалистические задачи в партизанском движении были гранями единого процесса. Но если первые шли от внутреннего его содержания, как результат абсолютного преобладания крестьян среди повстанцев, то вторые — от степени пролетарского, большевистского и вообще социалистического влияния на это движение. Эти процессы, имеющие принципиальное значение, сформировавшиеся в 1917–1921 гг., имели продолжение в нашей стране и в течение всех 1920-х гг.

Список литературы

[1] *Анишев А. И.* Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. / Военно-полит. акад. им. т. Толмачева РККА и РККФ. Л.: Гос. изд-во, 1925. 288 с.
[2] *Ансон А. А.* (*Абов А.*). О партизанском движении в Сибири. Новосибирск, 1932. 24 с.
[3] *Вегман В. Д.* Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // Сибирские огни. 1923. №1–2. С. 127–147.
[4] *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство Сибири в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.
[5] *Журов Ю. В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 96, 131.
[6] *Журов Ю. В.* Проблемы методологии истории. Брянск, 1996. 199 с. URL: https://textarchive.ru (дата обращения: 16.07.2021).
[7] *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. 198 с.
[8] *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 271 с; Т. 2. 423 с.
[9] *Куцый Г. С.* Борьба профсоюзов за установление власти Советов в Приморье. Март — ноябрь 1917 г. / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Дальневосточный филиал им. В. Л. Комарова. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1963. 148 с.
[10] *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 4 / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 76–114.
[11] *Мамет Л. П.* Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М.: Науч.-иссл. асс-ция по изучению национальных и колониальных проблем, 1930 (Тип. кооп-ва «Наука и просвещение»). 159 с.
[12] *Парфенов П. С.* Гражданская война в Сибири. 1918–1920. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1925. 168 с.
[13] *Шекшеев А. П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 593 с.
[14] *Шишкин В. И.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1985. 319 с.
[15] *Шишкин В. И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология, философия. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 59–63.

Андрей Васильевич Мозгалевский. Поиски корней своего семейного древа

Е. А. Мозгалевская,
кандидат исторических наук, педагог-организатор, руководитель музея «Лесное: из прошлого в будущее», ГБУ ДО Дом детского творчества «Союз» Выборгского района г. Санкт-Петербурга

АННОТАЦИЯ В статье прослеживается жизненный путь потомка декабриста Николая Осиповича Мозгалевского — Андрея Васильевича Мозгалевского, участника Великой Отечественной войны, заслуженного деятеля науки и техники. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, как он и сам автор статьи занимались исследованием родословной семьи Мозгалевских. Автор приходит к выводу, что память о декабристах не умирает почти уже два столетия во многом и благодаря усилиям их потомков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА праправнук декабриста, Общество соединенных славян, поселение в Сибири, курсант — участник Великой Отечественной войны, капитан 1 ранга, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, семейное древо, память потомков.

Мой отец, Андрей Васильевич Мозгалевский, — праправнук декабриста Николая Осиповича Мозгалевского. Николай Осипович Мозгалевский родился в многодетной семье мелкопоместного дворянина Нежинского уезда Осипа Федоровича Мозгалевского (имел 50 душ мужеского пола в хуторе Городок) [5, с. 188]. Осип Федорович был женат на дочери метрдотеля при дворе французского короля Людовика XVI Виктории Карловне де Розет [5, с. 189]. Всего в семье родилось девять детей — четыре мальчика (Кирилл, Алексей, Петр, Николай) и пять девочек (Мария, Авдотья, Елена, Прасковья, Варвара) [4, с. 169]. Николай был младшим сыном. Он родился в 1801 г.

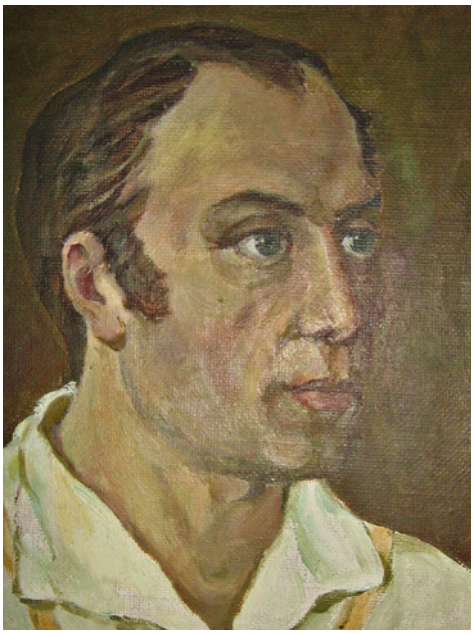
Сначала Николай Мозгалевский обучался дома, затем в разных пансионах и Нежинском народном училище. Позднее поступил в Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге, откуда был выпущен в 1821 г. прапорщиком в Саратовский пехотный полк [4, с. 169].

В Общество соединенных славян Николай Мозгалевский вступил под влиянием Михаила Матвеевича Спиридова и был принят Иваном Федоровичем Шимковым как раз в то время, когда шли переговоры об объединении с Южным обществом [8, с. 64].

Николай Мозгалевский принимал участие во всех собраниях, где звучали призывы к свержению существующей власти, и, хотя участия в восстаниях не принимал, был осужден по VIII разряду и приговорен в июле 1826 г. к ссылке на поселение вечно в Сибири. Он был отправлен в г. Нарым Тобольской губернии. Здесь он женился на местной казачке Евдокии Ларионовне Агеевой. В августе 1826 г. приговор Н. О. Мозгалевскому был смягчен до 20 лет. В 1836 г. декабрист был переведен на поселение в с. Курагинское, затем в 1837 г. — в с. Тесинское и, наконец, в 1839 г. — в г. Минусинск [3, с. 114].

В Минусинске Н. О. Мозгалевский занимался земледелием, огородничеством, бахчеводством, разводил табак, делал опыты посадки вишен. Он давал также частные уроки местным жителям [8, с. 64].

В семье Н. О. Мозгалевского родилось восемь детей: Павел, Валентин, Александр, Виктор, Варвара, Елена, Пелагея и Прасковья.



А. Н. Мозгалевский с матерью

Н. О. Мозгалевский. Портрет-реконструкция Г. С. Хлебникова, 1991 г.

Старший сын декабриста, Александр, как и его отец, сначала занимался сельским хозяйством, затем служил у частных предпринимателей, стал соляным контролером в Акцизе на Кордоне на берегу Енисея [1].

Александр Николаевич Мозгалевский имел десять детей. Его старший сын Василий окончил Минусинское городское училище, учился также на дому у сына декабриста А. Н. Крюкова. Позднее он жил в Красноярске и работал на строительстве моста через Енисей [5, с. 193]. Одного из четырех сыновей Василия Александровича звали Василий.

Василий Васильевич Мозгалевский окончил Красноярскую гимназию, поступил в Киевское Великого князя Константина Константиновича военное училище. Вскоре началась Первая мировая война. Василий Васильевич ушел на фронт в составе Сибирского горно-артиллерийского дивизиона — сначала канониром, а потом бомбардиром. В октябре 1914 г. он отличился в боях под Августовом и был награжден георгиевским крестом IV степени, а также произведен в младшие фейерверкеры. Затем его отправили для продолжения учебы в Киевское училище, которое он ускоренно окончил в чине прапорщика [5, с. 193]. Потом он снова оказался на войне в 292-м пехотном Малоархангельском полку. В декабре 1915 г. был контужен у д. Пурвинки, был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». Позднее, уже в чине поручика, Василий Васильевич Мозгалевский был назначен командиром 1-го батальона 292-го пехотного Малоархангельского полка. После Октябрьской революции он в белых войсках воевал на Восточном фронте [2]. После разгрома войск белых Василию Васильевичу удалось спастись. Он женился на Ларисе Андреевне (урожденной Поповой), эмигрировал в Эстонию, где в г. Нарве стал торговым агентом. В его семье родилось два сына — Вадим и Андрей.

Вадим Васильевич Мозгалевский погиб во время Великой Отечественной войны в районе г. Геленджика. Он командовал зенитными орудиями. В письме, которое пришло к матери Вадима, его командир описал обстоятельства его гибели. 18 апреля 1943 г. был налет на зенитную батарею, в которой принял участие 21 вражеский бомбардировщик, осколками упавшей бомбы Вадиму оторвало ногу, он был ранен в грудь и голову. Не приходя в сознание, Вадим скончался [Семейный архив Е. А. Мозгалевской].

Мой отец Андрей Васильевич Мозгалевский родился 8 сентября 1924 г. в г. Нарве. В 1926 г. его родители развелись. Вместе с матерью и братом Вадимом он переехал в Баку к бабушке. До девяти лет Андрей воспитывался дома. В 1933 г. поступил сразу

Василий Александрович Мозгалевский

Василий Васильевич Мозгалевский

Вадим Васильевич Мозгалевский

во второй класс школы-семилетки № 58. Был ударником учебы. Возглавлял ученический комитет, а потом школьное отделение Осовиахима. В 1940 г. в числе четырех лучших учеников школы Андрей Мозгалевский был отобран в 9-й класс 6-й военно-морской спецшколы представителями Каспийской флотилии.

В декабре 1941 г. Андрей Мозгалевский был переведен на подготовительные курсы в Каспийское высшее военно-морское училище. В феврале 1942 г., когда из Ленинграда в Баку эвакуировали ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского, Мозгалевский в числе других курсантов был переведен на подготовительные курсы этого училища.

В 1942–1943 гг., будучи курсантом, Андрей Мозгалевский принимал участие в охране Апшеронского полуострова, патрулировании в Баку, проходил практику на плавучей зенитной батарее «Полюс» Каспийской флотилии (охраняла Астрахань с воздуха).

Летом 1944 г. он был направлен на боевую практику матросом на тральщик Северного флота. Сначала проходил практику электриком, затем — котельным машинистом. Корабль, на котором служил А. В. Мозгалевский, участвовал в конвоях, сопровождавших суда союзников.

После Великой Отечественной войны Андрей Васильевич Мозгалевский окончил ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского. В 1947 г. лейтенантом он был направлен на службу в Амурскую флотилию. Служил там на «энергопоезде» в 18 километрах от Хабаровска. В 1949 г. А. В. Мозгалевский был командирован в Москву на курсы по подготовке специалистов по неконтактной технике, которые окончил с отличием в 1952 г. С 1952 по 1956 г. он проходил службу на Балтийском флоте в Таллине, получил звание капитан-лейтенанта. В 1956 г. А. В. Мозгалевский защитил кандидатскую диссертацию и был переведен на военно-морскую кафедру Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), начал заниматься проблемами технической диагностики и автоматического контроля.

В 1966 г. в звании капитана 2 ранга А. В. Мозгалевский защитил докторскую диссертацию по автоматическому контролю. В 1967 г. он стал единственным в СССР на тот момент профессором на военно-морской кафедре. В 1968 г. капитан 1 ранга А. В. Мозгалевский стал начальником военно-морской кафедры ЛЭТИ. На кафедре была широко развернута научная работа. В эти годы А. В. Мозгалевским была создана школа-семинар по технической диагностике сначала в Ленинграде, а затем и в СССР. Ученый многие годы был председателем комиссии Госстандарта по технической диагностике.

В 1976 г. А. В. Мозгалевскому было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

Все заслуги, которые были у моего отца, не мешали ему оставаться скромным, дружелюбным, общительным человеком и проявлять неожиданные инициативы на своей должности. Например, вместо обычной физической подготовки на кафедре были созданы из офицеров и гражданских сотрудников две футбольных команды, между которыми постоянно проходили соревнования. Однажды команда кафедры сыграла дружеский матч с журналистами Ленинграда, и он был организован тоже А. В. Мозгалевским.

Кафедра под руководством А. В. Мозгалевского была признана лучшей военной кафедрой в СССР.

С 1982 по 1988 г. А. В. Мозгалевский являлся заведующим кафедры электрификации и автоматизации ЛЭТИ. С 1988 по 1995 г. он был профессором этой кафедры.

Около 12 лет А. В. Мозгалевский состоял членом ВАК при Совете Министров СССР. Свыше 20 лет он был руководителем секции «Надежность и контроль качества» Ленинградского Дома научно-технической пропаганды.

Под руководством А. В. Мозгалевского защитили кандидатские диссертации около 60 человек и докторские диссертации — 6 человек.

Несмотря на то что мой папа всю жизнь очень активно трудился на основном месте работы, у него всегда хватало времени на свою семью. После Великой Отечественной войны он женился на своей бывшей однокласснице Татьяне Григорьевне Сафроновой, которая была его верной спутницей всю жизнь. Я, Мозгалевская Елена Андреевна 1956 г. р., — младшая дочь в семье. Моя сестра — Топорнина (по мужу) Ольга Андреевна на десять лет старше меня.

Хватало у папы времени на свои увлечения и интересы, не касающиеся служебных дел. В течение 20 лет своей жизни Андрей Васильевич занимался поисками корней своего семейного древа.

Один из знакомых моего отца в середине 1970-х гг. разбирал архив своего умершего родственника и обнаружил там стихотворение Марии Михайловны Богдановой под названием «Моему прадеду»:

Не думал он, что мне поручит
Судьба читать сей желтый лист...
Мой прадед, гвардии поручик,
Малоизвестный декабрист...

Такими словами начинается стихотворение. Внизу подпись:

Этот стих посвящается декабристу Николаю Осиповичу Мозгалевскому, умершему в г. Минусинске Енисейской губернии в 1844 г. [8, с. 63–64].

Когда в 1978 г. в журнале «Современник» был опубликован роман Владимира Чивилихина «Память», Андрей Васильевич написал письмо автору. Завязалась переписка сначала с писателем, потом с его вдовой. Именно из этой переписки папа узнал, что Мария Михайловна Богданова — историк и является его двоюродной тетей. В то время Мария Михайловна жила в Москве в доме престарелых. Но встретиться со своей родственницей папа не успел, она вскоре умерла.

Я, как дочь и как студентка, которая оканчивала исторический факультет в то время, не могла не подключиться к поискам отца. В университетской библиотеке я нашла две статьи М. М. Богдановой, посвященные Н. О. Мозгалевскому, его потомкам и декабристам в Сибири.

Курсант Андрей Васильевич Мозгалевский

Андрей Васильевич Мозгалевский, 1960-е гг.

Через три года после окончания университета я вышла замуж и отправилась по месту службы своего мужа, военного строителя, в Красноярский край. Там мне посчастливилось повстречать человека, чья двоюродная бабушка, Надежда Дмитриевна Орликова, была женой правнука декабриста — Александра Владимировича Мозгалевского — двоюродного дяди моего отца.

В конце 1980-х гг. мы с отцом активно разыскивали материалы о декабристе Н. О. Мозгалевском и его потомках: совершили поездку на родину Н. О. Мозгалевского в г. Нежин, вели переписку с Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова (где папа побывал в 1983 г. попутно, навещая мою семью в Красноярском крае) и Центральным государственным военно-историческим архивом в Москве.

Когда мы с отцом имели уже довольно полное представление о жизни Николая Осиповича Мозгалевского и собрали много материалов о его потомках, мы поняли, что собираем сведения из разных уголков нашей страны, но не ищем в городе, где он учился и находился в заключении. И мы отправились в Петропавловскую крепость, где узнали о существовании Декабристской секции.

В начале 1990-х гг. мы с папой как члены Декабристской секции выступили в Москве на учредительной конференции Всероссийского общества «Наследие декабристов» с докладом о нашем предке-декабристе. После этой поездки я в Приозерске, где в то время жила по месту службы моего мужа, возглавила филиал Санкт-Петербургского отделения этой организации (так стала называться Декабристская секция). Надо сказать, что работа филиала была довольна активной: регулярно проводились заседания членов местного общества, которые публиковали статьи по декабристской тематике в местной газете. В то время, когда я жила в Приозерске, заседания отделения общества «Наследие декабристов» в Санкт-Петербурге посещал в основном Андрей Васильевич Мозгалевский. Он же ходил по библиотекам и архивам, пополняя наши сведения о роде Мозгалевских [7, с. 286–287].

Продолжались поиски корней семейного древа и в начале 1990-х гг. Мы с папой регулярно посещали 13 июля акции памяти, посвященные декабристам, которые устраиваются ежегодно на кронверке Петропавловской крепости.

Мой отец Андрей Васильевич Мозгалевский умер 20 сентября 1995 г. в Санкт-Петербурге в возрасте 71 года. Похоронен на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга. В результате нашей с ним совместной исследовательской деятельности по изучению своей родословной составлено, конечно, не полное, но уже достаточно ветвистое генеалогическое дерево потомков декабриста Н. О. Мозгалевского.

Идут годы, десятилетия, и вот уже столетия, а память о декабристах не умирает во многом и благодаря их потомкам. Когда в руки моего отца, Андрея Васильевича Мозгалевского, праправнука декабриста, случайно попал пожелтевший листок со стихотворением Марии Михайловны Богдановой, правнучки того же декабриста, ему как бы была передана «эстафета» по сохранению памяти о славных предках. На мой взгляд, потомкам, безусловно, неординарных людей, «первенцев свободы» выпала миссия сохранения памяти о них и их наследии.

Список литературы

[1] *Вахмистров* А. В. Потомки декабриста Мозгалевского. URL: https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5937 (дата обращения: 05.08.2021).

[2] *Волков* С. В. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 1914. Буква «М». URL: http:/russsianestonia.eu (дата обращения: 06.04.2021).

[3] Декабристы: биограф. справочник / сост. С. В. Мироненко; ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1988.

[4] Декабристы. Сибирский некрополь: сб. / авт.-сост. В. И. Поляков. М.: Третий Печатный Дом, 2016. 268 с.

[5] *Мозгалевская* Е. А. Военная династия Мозгалевских // Вуокса: краеведческий альманах. Вып. 1. 2-е изд. Приозерск: Администрация МО Приозерский район Ленинградской области, 2000. С. 187–196.

[6] *Мозгалевская* Е. А. Слово о моем отце // Мера: литературный, историко-художественный и религиозно-философский журнал. СПб.: Глагол, 1996. С. 133–138.

[7] *Мозгалевская* Е. А. Судьба наша такая... // Хранители памяти: материалы к истории Декабристской секции при Государственном музее истории г. Санкт-Петербурга / отв. ред. П. В. Ильин. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2012. С. 281–290.

[8] *Мозгалевский* А. В., *Мозгалевская* Е. А. Рядовой член Общества соединенных славян Николай Осипович Мозгалевский // Мера: литературный, историко-художественный и религиозно-философский журнал. СПб.: Глагол, 1996. С. 63–68.

Тайное и явное в родословной К. У. Черненко

А. С. Нилогов,
кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной советского государственного деятеля, генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко (1911–1985) на материале таких массовых генеалогических источников, как церковные метрические книги Анашенской Спасской церкви (Минусинский округ Енисейской губернии) конца XIX — начала XX в. Объектом изучения является биологическая родословная К. У. Черненко, а предметом — архивно-документальная реконструкция родословной К. У. Черненко. Источниковую базу исследования составили фонды Государственного архива Красноярского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Черненко, родословная, Государственный архив Красноярского края, Терсковы, метрическая книга, генеалогия.

> Причина скудости документов о Черненко вполне очевидна. Возглавляя без малого 20 лет тайную канцелярию партии и ее главный архив — Общий отдел ЦК КПСС, Константин Устинович свою биографию засекретил сам лично. Он же и установил жесточайшие правила допуска к архивным сокровищам, причем делал это систематически, с тех пор как воцарился в партийной канцелярии (январь 1965 г.). Просматривалось не просто рвение, а своего рода бюрократический садизм: к работе с секретными документами не допускались даже проверенные партийцы, с «допусками». Только после того, как историки получили доступ к личному архивному фонду К. У. Черненко (коллекции № 83 РГАНИ), появилась возможность некоторые «белые пятна» закрыть. Хотя далеко не все — массив рассекречен частично (Л. В. Максименков [1, с. 38]).
>
> Тем удивительнее, что биография этого советского генсека имеет едва ли не самое большое количество «белых пятен». Создал «пятна» сам Черненко, пользуясь своим служебным положением. Возглавив в 1960-х г. Общий отдел ЦК КПСС, он получил доступ к самым важным партийным секретам, в том числе к биографиям вождей.
>
> Установив строжайшую систему допуска к работе с документами архива, Черненко постарался, чтобы в его массиве навсегда исчезли самые спорные и неоднозначные страницы собственной биографии (А. Сидорчик [2]).

В исследовании генеалогии К. У. Черненко (1911–1985) [27] существует один интересный аспект о якобы восточноевразийском происхождении его матери: то ли из камасинцев, то ли из тофаларов, то ли из якутов. Как нам удалось выяснить, ее полное имя — Харетина (Харетиния, Харитина)[1] Федоровна Терскова [20, с. 11; 21, с. 217–218]. Причем следует заметить, что в литературе до наших изысканий употреблялось ошибочное отчество Дмитриевна, а девичья фамилия вообще была неизвестна [23, с. 22]. Видимо, эти обстоятельства и породили ничем не подтвержденную гипотезу о том, что по материнской линии К. У. Черненко был неславянином. Нам хотелось бы разобраться с этой генеалогической гипотезой, критически проанализировав первоисточники.

---

[1] Также зафиксирована с именем Христина в качестве восприемницы (крестной матери) «крестьянская жена Христина Феодорова Черненкова»: метрическая запись № 61 о рождении/крещении 10(23).07.1908/13(26).07.1908 Стефана — сына инородца Топанского улуса Никиты Тимофеевича Бадындаева и Пелагеи Терентьевны [8, л. 73 об.–74, № 61].

Начнем с небольшого казуса. В статье о К. У. Черненко в Википедии ранее сообщалось, что мать генсека имела тофаларские корни. Никакой ссылки на достоверный источник информации не было, однако в новой редакции статьи тофаларские корни стали приписывать уже второй жене отца Черненко — Устина Демидовича, чье имя также неизвестно [29]. В книге помощника К. У. Черненко в 1984–1985 гг. — Виктора Васильевича Прибыткова (1935–2020) читаем:

> Душой семьи была мать, Харитина Дмитриевна, женщина деятельная, неутомимая, работящая. <...> Семью Черненко постигло страшное горе — от тифа умерла мать. С ее смертью жизнь в доме пошла наперекос. Женщина, поселившаяся в нем после смерти матери, не только не смогла заменить ее, но и фактически ускорила распад семьи [23, с. 22].

Книга В. В. Прибыткова, написанная для серии «Жизнь замечательных людей», не является строгим научным историческим исследованием, скорее — мемуарами бывшего соратника генсека, в которых отсутствуют ссылки на архивные документы. Скорее всего, отчество Дмитриевна перекочевало из книги Прибыткова в Википедию и другие публикации. Прибытков много общался с последней официальной женой Черненко — Анной Дмитриевной Любимовой (1913–2010), поэтому не исключено, что могла произойти накладка двух отчеств — жены и матери.

Итак, в ходе просмотра метрических книг по Анашенской Спасской церкви, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), нами были выявлены следующие сведения о семье Устина Демидовича и Харетины Федоровны Черненко:

1. метрическая запись № 67 о рождении/крещении дочери Марии — 14/27 августа 1902 г. (крещена 16/29 августа); восприемниками записаны «деревни Больше-Тесинской крестьянин Агафон Тимофеев Терсков и той же деревни крестьянка Елизавета Афанасиева Терскова» [9, л. 27 об.–28, № 67];
2. метрическая запись № 38 о смерти/погребении дочери Марии 29 августа (11 сентября) 1902 г. (погребение 31 августа/13 сентября) [9, л. 49 об.–50, № 38];
3. метрическая запись № 74 о рождении/крещении дочери Александры 4/17 ноября 1906 г. (крещена 5/18 ноября); восприемниками записаны «деревни Теси крестьянин Даниил Феодоров Терсков и той же деревни крестьянская дочь девица Пелагия Деомидова Черненкова» [10, л. 251 об.–252, № 74];
4. метрическая запись № 83 о рождении/крещении дочери Варвары 23 ноября/6 декабря 1907 г. (крещена 25 ноября/8 декабря); восприемниками записаны «деревни Улазской крестьянин Никита Иоаннов Колегов и деревни Теси крестьянская жена Аксиния Петрова Терскова» [11, л. 41 об.–42, № 83];
5. метрическая запись № 4 о рождении/крещении дочери Агнии 19 января/1 февраля 1910 г. (крещена 21 января/3 февраля); восприемниками записаны «деревни Теси крестьянин Роман Диомидов Черненко и той же деревни крестьянская дочь девица Клавдия Феодорова Терскова» [12, л. 147 об.–148, № 11].

Как видно, среди восприемников (крестных) выступили крестьяне Терсковы, которые, по нашей гипотезе, являются родственниками со стороны Харитины Федоровны. В первом исследовании нами было предположено, что метрическая запись о бракосочетании/венчании родителей К. У. Черненко сохранилась частично — только правая часть от разворота, где имеется запись № 2 за январь 1902 г. со сведениями о поручителях (свидетелях) со стороны жениха и невесты:

> По женихе села Батеней крестьянин Косьма Диомидов Черненко и деревни Теси крестьянин Роман Черненко; по невесте деревни Теси крестьяне Феодор Иоаннов Плотников и Петр Андрианов Терсков [9, л. 30, № 2].

10 (22) октября 1899 г. девица Харетина Федоровна Терскова была выявлена как восприемница для Параскевы — дочери крестьян из д. Теси Семена Кондратьевича Чернова и его законной жены Александры Федоровны [13, л. 33 об.–34, 130 об.–131, № 76]. Предположив, что Даниил Федорович, Клавдия Федоровна Терсковы могут быть родными братом и сестрой Харетины Федоровны, мы продолжили поиск по метрическим книгам Анашенской Спасской церкви. В результате была найдена запись, подтверждающая родство Харетины и Клавдии. Так, 28 октября/9 ноября 1896 г. у крестьянина д. Теси Феодора Прокопьева Терскова и его законной жены Александры Никифоровой родилась дочь Клавдия (крещена 3 (15) ноября), а ее восприемниками выступили

> Казанской губернии Мамадышского уезда Омарской волости села Дегитли крестьянин Акакий Васильев Титов и родная сестра воспринятому младенцу Харитина Феодорова Терскова [14, л. 215 об.–216, № 78].

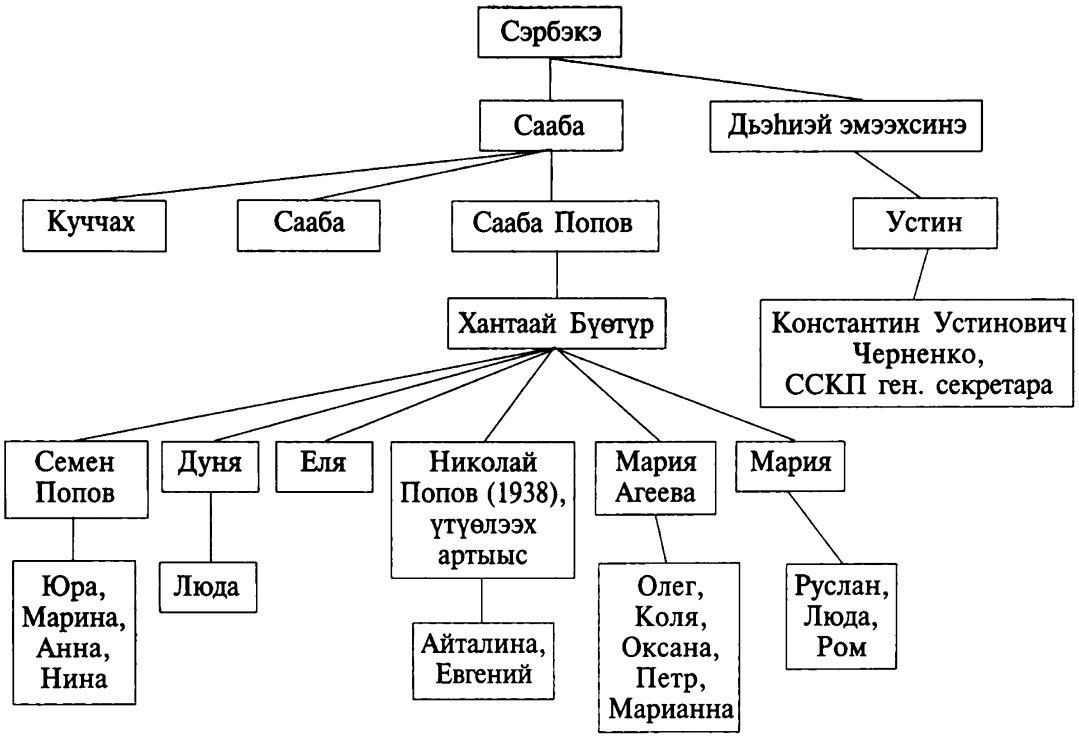
Далее мы просмотрели метрические книги по Анашенской церкви за вторую половину XIX в., чтобы выявить запись о рождении/крещении самой Харитины, однако, к сожалению, книги сохранились не за все годы. Так, например, отсутствуют метрики за 1877–1881 гг., а ведь именно в этот пятилетний период и могла родиться Харитина, равно как и ее потенциальная сестра — Александра[2]. Скорее всего, она родилась в конце сентября — начале октября, так как именины для этого имени выпадают на 5 октября по старому стилю [22]. Нам неоднократно встречались метрические записи по Анашенской церкви о рождении/крещении Харитин — например, рождение/крещение Харитины Федоровны Игнатьевой 2 (14)/5 (17) октября 1897 г. [17, л. 245 об.–246, № 50].

Также была выявлена метрическая запись о рождении/крещении 4 (16)/11 (23) декабря 1883 г. Даниила — сына Федора Прокопьевича и Александры Никифоровны Терсковых [18, л. 75 об.–76, № 68], который в 1906 г. выступил восприемником для дочери Харитины — Александры. Кроме того, прослежена еще одна родственная связь между Харитиной и Фокой Федоровичем Терсковым: так, Харитина Федоровна Черненко 6 (19) августа 1907 г. стала восприемницей для Марии (рождена 5 (18) августа) — дочери Фоки Федоровича и Елизаветы Афанасьевны Терсковых [11, л. 78 об.–79, № 64]. Напомним, что именно Елизавета Афанасьевна Терскова стала в 1902 г. восприемницей для первенца Устина Демидовича и Харитины Федоровны Терсковых — Марии. Обнаружена и метрическая запись о рождении/крещении 15 (27)/18 (30) июля 1876 г. Фоки — сына Федора Прокопьевича и Александры Никифоровны Терсковых [15, л. 318 об.–319, № 36].

Таким образом, благодаря выявленным метрическим записям о семье Федора Прокопьевича и Александры Никифоровны Терсковых удалось удостоверить родственные связи между их детьми — Фокой, Харитиной, Даниилом и Клавдией. Увенчались поиски и находкой метрической записи о бракосочетании/венчании родителей Харитины Федоровны Терсковой: 7 (19) апреля 1874 г. 22-летний Федор Прокопьевич Терсков женился на 20-летней Александре Никифоровне Черкасовой, дочери крестьянина из д. Сарагаш Новоселовской волости Никифора Ефимовича Черкасова [16, л. 193 об.–194, № 9].

---

[2] К сожалению, установить родство Харитины Федоровны и Александры Федоровны не удалось, так как вследствие плохой сохранности метрических книг за 1890-е гг. не найдена запись о бракосочетании/венчании Семена Кондратьевича Чернова и Александры Федоровны. Возможно, речь может идти об Александре — дочери крестьянина из д. Теси Федора Тимофеевича Терскова и его законной жены Елизаветы Денисовны, которая родилась/крещена 17 (29)/18 (30) апреля 1876 г. [15, л. 307 об.–308, № 20].



К сожалению, метрические книги по Анашенской церкви позднее 1912 г. еще не выложены в открытый доступ в электронном каталоге ГАКК [30]; об их изучении будет сообщено в следующей статье. Со слов родственников К. У. Черненко нам известно, что в семье была старшая дочь Агриппина (Аграфена), родившаяся якобы 20 июля 1903 г. (стиль летосчисления неясен), в замужестве — Немлева (умерла 14.09.1987). Также известно о старшей сестре Валентине и братьях Николае и Александре. Последний родился в 1918 г., о чем имеется документ из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), а на сайте «Память народа» приведена информация из наградного листа капитана А. У. Черненко о награждении его в сентябре 1945 г. орденом Красной Звезды [19, л. 97, 150–150 об.]. К сожалению, в оцифрованном документе строка о постоянном домашнем адресе семьи скрыта, но на сайте из сводной картотеки награждений указано, что родом он был из д. Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края (шкаф 94, ящик 13) [26]. Метрическая запись о рождении Валентины, родившейся до 1910 г., не выявлена.

Теперь же разберемся с вопросом, откуда взялась информация о якутском происхождении матери К. У. Черненко. После выхода нашего первого материала в абаканской газете «Шанс» в 2018 г. на якутских сайтах опубликовали сообщения о том, что якутская версия о происхождении матери генсека не подтвердилась [1, 2, 3]. Поэтому мы решили выяснить первоисточник этой гипотезы.

Вначале нам встретился материал с одного якутского форума, где сообщалось, что по матери К. У. Черненко был саха. Якобы его мать была из с. Хорула Нюрбинского улуса [28]. Там же приводилась статья Зинаиды Андреевны Дмитриевой из журнала «Полярная звезда» (№ 4, 2010) — «Глава Советского государства был родом из Нюрбы» [5], переопубликованная на информационно-аналитическом портале «ИА SakhaNews» [25]. Оказалось, что сама статья — это отклик на книгу нюрбинского краеведа Ахмеда Андреевича Дмитриева «Нюрбачан. Нюрбинский улус: родом из знаменитых Бордонцев» [4], выпущенная в свет издательством «Бичик» в 2007 г. на якутском языке. В книгу вошли воспоминания жителей с. Нюрбачан, родословные истории некоторых семей,

ранее не публиковавшиеся архивные данные. Процитируем статью З. А. Дмитриевой: «Вот одна из историй, предлагаемых автором вниманию пытливого читателя, — родословная Поповых. Дочь местного жителя Саввы Попова-Сэрбэкэ вышла замуж за украинца Устина Черненко и уехала с ним в местность Ессей, что в Красноярском крае. Ее внук, Константин Устинович Черненко, стал в свое время Генеральным секретарем ЦК КПСС, руководителем Советского государства.

Однажды Валерию Романовичу Васильеву, когда он работал в Ленинском райкоме комсомола, пришлось побывать в командировке в Новосибирской области. Там состоялась его беседа с ректором высшей партийной школы Альбертом Константиновичем Черненко — сыном К. У. Черненко (которого, кстати, официальные потомки Черненко не признают. — *Прим.* А. Н.). К огромному удивлению Васильева, ректор стал расспрашивать его о своих родственниках, проживающих в Ленинском (ныне Нюрбинском) районе, — Саввиновых. К сожалению, Валерий Романович их не знал и ничего не мог рассказать» [5, с. 73].

Итак, сразу же бросается первое несоответствие: «ее внук, Константин Устинович Черненко». Наверное, все-таки «его внук», то есть внук Саввы Попова-Сэрбэкэ, чья дочь якобы вышла замуж за Устина Черненко. Однако на родословной схеме, опубликованной в книге А. А. Дмитриева, ситуация другая. На предыдущей странице эта схема приведена целиком [4, с. 78].

На генеалогической схеме видно, что Константин Черненко — правнук Сэрбэкэ, а никак не внук. Родственная цепочка следующая: Сэрбэкэ — Дьэһиэй эмээхсинэ («старуха из Ессея») — Устин — К. У. Черненко. З. А. Дмитриева пишет:

> Старики уже ушли в иной мир, но род Саввы Попова продолжается. Его потомки носят фамилии Саввиновых, Поповых, Агеевых, Ивановых. Родословная их такова: у Саввы Попова-Сэрбэкэ родилась «старуха из Ессея», которой К. У. Черненко приходится внуком [5, с. 73].

В начале статьи говорилось, что дочь Саввы Попова-Сэрбэкэ вышла замуж за Устина, однако ниже мы узнаём, что К. У. Черненко — внук «старухи из Ессея». Тогда за кого вышла замуж эта «старуха из Ессея», чтобы у нее родился отец Константина — Устин? Думаю, что на этом недоразумении уровень якутских генеалогических изысканий можно пресечь на корню. Противоречия очевидны в самих первоисточниках этой сахаларской гипотезы. Никаких архивно-документальных свидетельств для данной версии не приведено. Кроме сомнительных воспоминаний весьма заметно желание породниться с генсеком ЦК КПСС:

> По сведениям Зинаиды Кузьминой, когда К. У. Черненко занял пост Генерального секретаря, ее отец, Н. Саввинов, рассказывал в сельсовете о том, что является его родственником, но никто ему не поверил.

В то же время учитель географии в Нюрбинской школе № 2 Том Семенович Тимофеев тоже рассказывал, что на свадьбе один русский человек, когда они вместе вышли покурить, утверждал, что Константин Устинович наполовину якут. Том Семенович тогда не обратил внимания на эти слова, просто пропустил мимо ушей. При разговоре с автором статьи он тут же вспомнил этот факт.

Евдокия Алексеевна Алексеева сейчас в преклонном возрасте, проработала 34 года в 15-й базовой школе Якутска, отличник просвещения РСФСР, «учитель учителей». Она вспоминает, что родители рассказывали, будто ее тетя вышла замуж за украинца Устина Черненко и уехала куда-то далеко. К сожалению, она давно покинула малую родину и о судьбе тетки ничего больше не знает.

Автор статьи на основании материалов книги «Нюрбачан» написала справку, куда включила родословную Саввы Попова, и отправила в Москву Е. А. Саввиновой, чтобы она нашла родственников К. У. Черненко [5, с. 74].

В заключение приведем еще один показательный отрывок из статьи З. А. Дмитриевой:

> Когда автор собирал материалы для книги «Нюрбачан», старики не могли вспомнить имени бабушки Константина Устиновича, называли просто — «старуха из Ессея». Они рассказали, что «старуха» — это дочь Саввы Попова, что она вышла замуж в Накаасе (I Нюрбе) за Устина Черненко. Есть сведения, что Савва был ссыльным русским. Это подтверждает дочь П. С. Попова (Хантаай) — Е. П. Попова, которая ныне живет в Якутске. Сама она стройная, высокая, славянской внешности. Можно предположить, что «старуха из Ессея», вышедшая замуж за украинца, тоже была красавицей [5, с. 75].

Хочется в последний раз прокричать горе-исследователям: вы уж определитесь: то ли «старуха из Ессея» — это бабушка Константина Устиновича, то ли его мать, вышедшая замуж за Устина Черненко! И даже если она действительно была бабушкой, то как звали ее мужа, то есть дедушку Константина, — неужели Устин?[3]

Предположить можно все, что угодно, но без документальных и генетических доказательств рассмотренная якутская версия — это одно большое недоразумение. Можно, конечно, еще поиграть в созвучия «Ессей» — «Енисей», выдавая озеро за реку, но нам было проще изучить оцифрованные метрические книги Анашенской Спасской церкви, к приходу которой относились крестьяне Черненко из д. Тесинской Новоселовской волости Минусинского округа Енисейской губернии.

В перспективе необходимо изучить материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в частности фонд № 83, содержащий документы партийно-государственной деятельности и личного происхождения К. У. Черненко с 1929 г. по 15.06.1986 (всего 428 единиц хранения, рассекречены частично) [6].

Список литературы и источников

[1] Генсек Константин Черненко оказался родом не из Якутии? 21.06.2018 / SakhaLife.ru [Электронный ресурс]. URL: https://sakhalife.ru/gensek-konstantin-chernenko-okazalsya-ne-sahalyarom/ (дата обращения: 01.08.2021).

[2] Генсек Константин Черненко оказался родом не из Якутии? 21.06.2018 / Якутия. Образ будущего [Электронный ресурс]. URL: http://yakutiafuture.ru/2018/06/21/gensek-konstantin-chernenko-okazalsya-rodom-ne-iz-yakutii/ (дата обращения: 01.08.2021).

[3] Генсек Константин Черненко оказался родом не из Якутии? 21.06.2018 / Якутский республиканский комитет КПРФ [Электронный ресурс]. URL: http://sakhakprf.ru/13544-gensek-konstantin-chernenko-okazalsya-rodom-ne-iz-yakutii (дата обращения: 01.08.2021).

[4] *Дмитриев А. А.* Нюрбачан. Нюрбинский улус: родом из знаменитых Бордонцев. Якутск, 2007. 408 с.

[5] *Дмитриева З. А.* Глава Советского государства был родом из Нюрбы // Полярная звезда. 2010. № 4. С. 73–75.

[6] Документы партийно-государственной деятельности и личного происхождения К. У. Черненко, 428 ед. хр., 1929–1986 гг. // РГАНИ. Ф. 83. Оп. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://

[3] Эврика: а как насчет второй жены Устина Черненко и мачехи Константина, от которой последнему путем горизонтального переноса мог передаться монголоидный фенотип?..

ргани.рф/fond-83-opis-1-dokumenty-partiyno-gosudarstvennoy-deyatelnosti-i-lichnogo-proishozhdeniya (дата обращения: 01.12.2021).

[7] *Максименков Л. В.* Человек одного года // Огонек. 2015. №10. 16 марта. С. 38–39 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2684617.

[8] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1908 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 2. Д. 287 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3516018&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3516020&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[9] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1902 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 2. Д. 124 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3326156&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3326168&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3326170&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[10] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1906 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 2. Д. 124 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3326156&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3326162&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[11] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1907 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 2. Д. 287 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3516018&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[12] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1910 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 2. Д. 287 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3516018&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3516024&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[13] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1899 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 399 [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3323892&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, http://catalog.krasarh.ru:9090/archkrasnoyarsk/private/imageViewer/show?objectId=3323900&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[14] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1896 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 388 [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323648&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323656&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.12.2018).

[15] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1876 год // ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д. 131 [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3479550&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3479588&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021)

[16] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1874 год // ГАКК. Ф. 824. Оп. 1. Д. 131 [Электронный ресурс]. URL:

https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3479550&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3479578&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[17] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1897 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 388 [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323648&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323658&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[18] Метрическая книга Анашенской Спасской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1883 год // ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 372 [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323252&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf, https://catalog.krasarh.ru/private/imageViewer/show?objectId=3323262&attributeId=2097&serial=1&group=1243&ext=.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

[19] Наградной лист Черненко Александра Устиновича // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687582. Д. 2376 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39095181/ (дата обращения: 01.08.2021).

[20] *Нилогов А. С.* Докопался до прапрадеда // Шанс. 2018. № 17. 26 апреля — 2 мая. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://abakan.bezformata.com/listnews/dokopalsya-do-prapradeda/66597949/, https://alexnilogov.livejournal.com/985964.html (дата обращения: 01.08.2021).

[21] *Нилогов А. С.* Родословная Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Мартьяновские краеведческие чтения (2018–2019). Вып. 12. Минусинск, 2019. С. 217–220 [Электронный ресурс]. URL: https://музей-мартьянова.рф/files/Март чтения вып XII.pdf.

[22] *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/2423/Харитина (дата обращения: 01.08.2021).

[23] *Прибытков В. В.* Черненко. М., 2009. 224 с. URL: https://vk.com/doc-99210143_410282348?hash=ef20d14d092e6c2d73&dl=8665ff518c40cd71ab, http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/pribytkov_vv01.pdf.

[24] *Сидорчик А.* «К. У.» значит Черненко. История самого странного лидера Советского Союза / Аргументы и факты. 24.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/history/k_u_znachit_chernenko_istoriya_samogo_strannogo_lidera_sovetskogo_soyuza.

[25] Чего только не узнаешь о своей родословной, если покопаться в архиве... (перепубликация статьи З. А. Дмитриевой) / ИА SakhaNews. 02.07.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.1sn.ru/40899.html (дата обращения: 01.08.2021).

[26] Черненко Александр Устинович // ЦАМО РФ. Сводная картотека награждений. Шкаф 94. Ящик 13 [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1108343455/ (дата обращения: 01.08.2021).

[27] Черненко Константин Устинович / Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4682584 (дата обращения: 01.08.2021).

[28] Черненко Константин Устинович <...> был по матери саха. 15.09.2016 / Форум [Электронный ресурс]. URL: https://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=4063985 (дата обращения: 01.08.2021).

[29] Черненко, Константин Устинович [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черненко,_Константин_Устинович (дата обращения: 01.08.2021).

[30] Электронный каталог ГАКК [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.krasarh.ru/ (дата обращения: 01.08.2021).

«Вера без дел мертва есть»: к 120-летию принятия монашества М. И. Сусловым

Н. А. Орехова,
кандидат исторических наук, ученый секретарь, Красноярский краеведческий музей, г. Красноярск

Б. Е. Рычков,
краевед, г. Донецк

АННОТАЦИЯ Статья посвящена Михаилу Ивановичу Суслову (Макарию) (1844–1915), родоначальнику замечательной династии миссионеров, исследователей, государственных деятелей. Работа основана не только на архивных данных, литературе и источниках, но и на дневниковых записях, воспоминаниях, хранящихся в семьях потомков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, Крайний Север, православная церковь, миссионерство, приход, просвещение, инородцы.

18 сентября 1915 г. жители Красноярска прощались с умершим накануне архимандритом Макарием, настоятелем Енисейского Спасского монастыря. Отпевал его сам Преосвященный Никон по «монашенскому чину». На кладбище Всехсвятской городской церкви усопшего положили на вечное упокоение. Так простились с человеком, посвятившим жизнь не только делу служения людям, Богу и Отечеству в одном из самых отдаленных уголков Российской империи, но и миссионерской деятельности в среде инородцев Туруханского края Енисейской губернии.

Род Сусловых — из потомственного приходского духовенства, сформировавшегося в Сибири к концу XVIII столетия. В 1755 г. в с. Николаевском Томского заказа священник Петр Суслов, формируя фамильный куст прихода, определил своего сына Ивана, бывшего семинариста, дьячком [5].

Внук Петра Суслова и сын Ивана — Николай, получивший домашнее образование, не стал нарушать семейную традицию и благодаря писателю Николаю Лескову получил наибольшую популярность из всего сусловского рода. В книге «Сибирские картинки восемнадцатого века» читаем:

> Когда в конце восемнадцатого века в г. Красноярске основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всем составе духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который мог бы учить священной истории и началам православного учения веры. <...> Был найден способный человек, разысканный в Томском заказе. Это был пономарь Суслов, которого Красноярское духовное правление аттестовало так: «он, Суслов, в чтении исправен, и письмоумеющ, и арифметики первую часть ныне доучивает в твердости, чему и священно-учительских детей обучать со временем может». Из всех учителей того времени в Сибири никакой другой не был так хорошо аттестован, как этот Суслов [10, с. 153].

Время учительства о. Суслова с 1790 по 1795 г. составляет лучший период в истории народного образования Красноярска. Затем о. Николай стал священником

Петропавловской церкви с. Новоселовского Красноярского уезда, где родился М. И. Суслов 12 июля 1844 г. [4, л. 21–22 об.].

С 17 лет Михаил Иванович начал служить Церкви после неполного курса обучения в Красноярском духовном училище: был пономарем Ботойской Введенской (1861), затем священником Дудинской (1869), Верхне-Инбатской (1871), Тазовской (1874) церквей, настоятелем Туруханского Преображенского собора с отнесением обязанностей благочинного церквей Туруханского края (1877) [8, с. 32–33].

В Ессейском приходе священника прихожане не видели целое десятилетие, что объясняется трудностями передвижения в этот самый отдаленный приход благочиния. В 1882 г. М. И. Суслов принимает решение немедленно отправляться в путь, даже если не получит разрешения начальства и необходимых денег для найма перевозчиков. С поставленной задачей успешно справляется, испытав при этом различные трудности. В пути он уже прощался с жизнью, сетуя, что уходит из нее без покаяния: обильное кровотечение, потеря сознания, а вокруг испуганные и растерявшиеся тунгусы. Он просит их раздеть его и зарыть в снег, кровотечение останавливается, жизнь возвращается. Одной из главных целей его путешествия было

> постараться войти в сообщение с ними (ессейцами), инородцами, употребляя речь тихую и мягкую; по возможности изъяснить предположение (уже частию состоявшееся) о причислении их к приходу Хатанской церкви [6, с. 87–91].

В 1889 г. по инициативе М. И. Суслова в Туруханске открывается миссионерская школа, которой он сам заведует, являясь единственным учителем по всем предметам. После неоднократных поездок в Красноярск Суслову удалось подыскать подготовленного к педагогической деятельности человека, согласившегося жить в Туруханске, не особо благоприятном для житья. Им оказался государственный служащий Андрей Кожевников, вскоре ставший мужем Анастасии — дочери Михаила Ивановича.

Недостаток денег для содержания школы заставлял заведующего выкручиваться как только можно: свой домик и квартиру псаломщика он сдает в аренду, берет взаймы деньги у церковного старосты, находит благотворителей, помогающих школе, собственноручно сложил пять школьных печей, за свой счет обил классную комнату ситцем.

Помимо зятя Кожевникова — учителя, школьные обязанности выполняли другие члены его семьи, которые не смели роптать за неоплату труда, зная суровый нрав заведующего: дочь Анастасия готовила школьникам пищу, сын Михаил, помимо обучения детей пению, заготовлял дрова, его молодая жена Любочка Подгорбунская, только что приехавшая в Туруханск из Красноярска, изнеженными руками пианистки стирала в студеной речной воде нижнее белье детишек, проживавших в интернате, без мыла, которое не на что было купить.

За все это его (Михаила Ивановича) «отблагодарили»: ссыльный поляк Мицкий, дворянин, сосланный за поджог дома крестьянина и находящийся в остроге за кражу денег у самого благочинного, доносил церковному начальству, обвиняя заведующего школой в финансовых махинациях, пытаясь унизить его честь и достоинство. Пришлось Суслову оправдываться и доказывать:

> Не жалел я для нея ни личного труда, ни средств своих, даже не замечал, что мое увлечение этою школою наносит мне чувствительный ущерб в материальном отношении. <…> При всех испытанных мною скорбях при заведывании школою многократно приходил я к решимости отказаться от всех должностей и бежать из Туруханского края [2, л. 1–46].

Василий Дмитриевич Касьянов, протоиерей города Красноярска, в своем дневнике за 1896 г. пишет:

> 15 июня, суббота. ...Ко всеношной явился Туруханский Суслов... я его встретил и имел участие в его горькой участи [9, с. 679].

В 1896 г. Михаил Иванович впервые за 27 лет покидает Туруханск и четыре года служит в церкви с. Подсопочного, где снова заведует школой и выделяет для нее комнату своей квартиры из-за ветхости школьного здания. Известно, что Север обладает особой притягательной силой, особенно для людей сусловского склада характера. В 1900 г. он просит направления в Хатангу — самый северный на Земле православный храм — расположенный за Полярным кругом. Целых 80 лет не проживал в Хатанге священник: кому резон находиться в постоянном холоде, терпеть, как и местные жители, голод, нужду в самом необходимом?

Михаил Иванович ставит перед собой цель построить новый храм, школу, так как считает, что церковь и школа несут местным несчастным жителям спасение от всех трудностей; домики для причта: местного священника, псаломщика, дьякона, миссионера — монаха. Но для этого нужны деньги, строительные материалы. В сибирских газетах и журналах, в российской прессе публикуется его воззвание ко всем, кто не равнодушен к нуждам и бедам людей, оказавшихся на грани вымирания, не только по условиям климата, но из-за алчности купцов, на каждом шагу обманывающих доверчивых «детей природы», приучивших их к алкоголю, заразивших венерическими, иными заразными болезнями. К сбору денег и вещей привлечены церковные старосты по всей России. Владельцы пароходов не требуют оплату за доставку товаров; государственный служащий — отдельный пристав Туруханского края открывает специальный счет для собранных средств; священник Дудинской церкви Андрей Кожевников (зять иеромонаха) принимает от благотворителей товары для дальнейшей переправки их в Хатангу.

Воззвание возымело действие. Строительные материалы собраны и поступают по назначению, их лично принимает иеромонах, договаривается с перевозчиками о цене доставки, устраивает склады для хранения, нанимает строителей, при этом горюя, что миссионерская его деятельность отходит на второй план.

Стройка кипит. Радоваться бы иеромонаху, закрыться в своей келье, читать духовные книги да молиться... Но нет, его кипучая натура требует дел. Он набирает в воскресную школу местную молодежь, начинает учить ее грамоте и, воспользовавшись пребыванием в Хатанге ученых, просит проэкзаменовать учеников. Все шесть учеников получили удовлетворительные оценки, а самый юный из них, восьмилетний Миша Аксенов, по всем предметам аттестован на пять. Экзаменационную ведомость подписал в 1905 г. помощник начальника Хатангской экспедиции Русского географического общества, кандидат истории Олег Оскарович Баклунд.

Подтверждение успехов учеников учеными авторитетами потребовалось для учителя не случайно: в 1894 г. епископ Акакий, посетив Туруханскую школу, упрекнул заведующего в том, что ни один ученик не окончил полный курс, не был аттестован, тем самым давая намек на уровень преподавания. Самолюбие Михаила Ивановича как учителя было ущемлено, и в 1905 г., через 11 лет, с помощью столичных ученых он доказывает свою педагогическую состоятельность.

Более 10 лет в Хатангском приходе прослужил иеромонах Макарий. Своим образом жизни, поведением в быту, активным участием в борьбе с эпидемиями, с засильем купцов, нещадно эксплуатирующих добытчиков пушнины, посвящая язычников в христианство, нес он грамотность и культуру народам, находящимся на грани вымирания.

Не окончив полный курс духовного училища, Михаил Иванович всю свою жизнь повышал уровень своего мировоззрения, имея дома обширную библиотеку, кото-

рую подарил школе, выписывал и читал столичные и зарубежные журналы, переписывался с видными учеными-этнографами. Как человек творческий, он не слепо подходит к толкованию церковных догматов, объясняя свои решения особенностью полярного края. Так, сам совершает обряд бракосочетания в пост, разъясняя, что священник может попасть в эту местность снова в пост или вообще появиться здесь лет через десять.

Немало рукописей оставил М. И. Суслов, с которыми можно ознакомиться в ГАРФ, ГАКК и других архивах. Чего стоит отчет по благочинию за 1893 г.: географические особенности приходов, пути следования к ним, климатические условия северного края, ведение круглосуточного дневника температуры воздуха, языковая разнородность местных жителей, свадьбы, крещения младенцев, погребение, остатки язычества; свойственные инородцам добродетели и пороки. А сколько в отчете чисто литературных зарисовок — эссе об охоте на диких оленей или описание пурги в тундре! [1].

В альманахе, изданном в Туруханске, опубликован полный текст доклада иеромонаха Макария о совершенствовании миссионерской деятельности, в котором он делает акцент на то, что если в приходе более полустолетия отсутствует священник, то, по его словам,

> вряд ли такой приход сохранил вероучение церкви, всосанное с молоком матери в неповрежденности и чистоте [12, с. 170].

Знакомство с биографиями Сусловых позволяет выявить характерную черту их рода — учительство как любимое занятие, для которого ничего не жаль: ни личного времени, ни материальных затрат. Они готовы бесплатно учить ребятишек грамотности, пению, рукоделию. Не стала исключением из семейного правила Варвара — дочь Михаила Ивановича, который приходится правнуком учителю Николаю.

22 ноября 1903 г. в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце открылась международная научно-практическая выставка «Детский мир». От Енисейской губернии на выставку были выставлены 29 экспонатов, двадцатым в нем числилась автобиография учительницы В. Сусловой. Училась Варя, как и все дочери священника Михаила Суслова, в Красноярском епархиальном училище, из второго класса которого вышла в 15 лет в 1890 г., поступив помощницей учительницы в Иверскую школу при Енисейском женском монастыре. Вообще-то ее манила к себе монашеская жизнь, но, попробовав свои силы в школьном деле, она взялась за него, по ее словам, с радостью и любовью.

Варе по каким-то причинам не пришлось пройти полный курс епархиального училища, а мастерство преподавания она постигала на различных курсах. Отсутствие диплома, по-видимому, не позволило ей в советское время заниматься любимым делом. В середине 20-х гг. прошлого столетия жила она в Красноярске в церковной сторожке, исполняя обязанности уборщицы в храме.

В долгие сибирские зимние ночи одиночества в промозглой темной церковной избушке Варвара Михайловна согревает душу воспоминаниями из своей автобиографии:

> Так живы для меня впечатления первого дня моей учительской деятельности в Толстомысах, что я до сих пор как бы переживаю этот день. Учащихся собралось 33, был совершен молебен в молитвенном доме. Все мы вошли в квартиру, где помещалась школа. <...> Уселись мои 33 ученика на скамьи и глядят на меня с нетерпеливым ожиданием. Так и казалось, так и читалось в их глазах: «Чем же займешь нас?» <...> Дети одно знали от родителей из рассказов, что в школе ставят в угол, да еще на дресву... Переписала я своих учеников... Один мальчик говорит: «Тетенька, тебя мама велела

> звать пить чай...» Так началось мое знакомство не только с детьми, но и с их родителями, и началось, видно, в добрый час... [7, с. 177].

Варвара Михайловна 23 года отдала учительству, принеся ему в жертву свою личную жизнь. Она, единственная из семи детей Михаила Ивановича, не создала своей семьи, что было особой печалью для отца.

Своего одиннадцатилетнего сына, Михаила (1869–1929), однажды ослушавшегося учителя церковно-приходской школы, Михаил Иванович Суслов лично отвез в тундру к тунгусу Николаю Пелю из рода Чапогырь и отдал в батраки. Жил он среди чужих людей за 1200 верст от родного дома. Получив прощение отца через 10 лет, он остался жить с северным народом, вырастившим его, и не порывал с ним связи до конца жизни. Он был совершенно безграмотным, но владел двумя языками: русским и тунгусским. Он служил дьячком Свято-Троицкого собора в Туруханске. В 1911 г. Михаил Михайлович был назначен ессейским катехизатором с резиденцией на берегу озера Чиринда [13, с. 87–102]. А в 1914 г. он обучал языку Марию Чаплицкую, руководителя английской этнографической экспедиции. Его фотография представлена в музее библиотеки Оксфордского университета.

В советское время М. М. Суслов работал заведующим хозяйством Эвенкийской культбазы (в создании которой принимал участие его сын Иннокентий). Хорошо зная тунгусский язык, он был проводником и переводчиком многих экспедиций. Им составлен тунгусско-русский словарь (23 л.), рукопись которого хранится в краевом музее. Большой интерес для исследователей представляет также «Опись походной Троицкой церкви Туруханской миссии», составленная Михаилом Сусловым на шести листах. Датируется 04.09.1896.

Иннокентий Михайлович (1893–1972) продолжил дело Михаила Ивановича и своего отца. Его судьба, как и судьба его родных, была тесно связана с жизнью эвенков и якутов. Желание отца — увидеть сына ученым, который смог бы нести народам Севера знания и помог бы найти путь к новой жизни, стала для него программой к действиям. Справедливо замечено, что

> он был верен Северу, как бы всю жизнь платил долг народу, который в трудный момент бескорыстно принял его отца как своего, вырастил хорошим человеком и тем самым предопределил путь самого Кеши — сына Михи [11, с. 5].

Всего полтора года пришлось учиться И. М. Суслову в Петербургском университете: 1914 г., война, затем революция, Гражданская война, в конце которой встретилась любовь — участница хора, созданного им в агитпоезде, Верочка Клафтон, папа которой был только что расстрелян в 1920 г. в Омске как руководитель пресс-службы Колчака. Александр Клафтон, сын англичанина, студент медицинского факультета Казанского университета, учившийся в одни годы с Лениным, не был допущен к защите диплома из-за участия в марксистском кружке и сослан в Самару, где подрабатывал репортером в местной газете вместе с Алешей Пешковым. Вступил в партию кадетов, активно в ней сотрудничал. Политические взгляды у Пешкова и Клафтона были противоположны.

В 1930-х гг. в лесах Подмосковья А. М. Горький и И. М. Суслов собирали грибы. И невдомек было им обоим, что у них есть общий знакомый: для пролетарского писателя — коллега-журналист, надменный англичанин, а для коренного сибиряка — тесть. Иначе не согласился бы Алексей Максимович пригласить к себе на дачу рекомендованную Сусловым повариху из Туринской культбазы Агафью Максимовну Голенецкую в качестве повара. Родилась она в с. Чалбышево Енисейского уезда в семье крестьянина и, скорее всего, являлась родственницей Татьяны Ивановны

Подгорбунской, мамы Любови Афанасьевны — невестки Михаила Ивановича, девичья фамилия которой Голенецкая. В те времена указывать на родственные связи было небезопасно.

Однако Иннокентий Михайлович не всегда следовал этим правилам: порода сказывается. Муж его тети Александры, самой младшей из дочерей священника Суслова, лишившейся матери, когда ей был один год и два месяца, Рычков Константин Михайлович (псевдоним Ракай) в начале 20-х гг. был исключен из ВКП(б) парткомиссией за сокрытие фактов своей биографии. И. М. Суслов стал на его защиту и обратился в самые высокие партийные инстанции с прекрасной характеристикой человека, преданного делу революции.

Костя Рычков, родившийся в Усть-Каменогорске в 1882 г., обучался в Бийском катехизаторском училище (этот факт он старался не указывать в автобиографии), где по всем предметам у него 4 и 5. После он учительствует в сельской школе, учит церковному пению, служит псаломщиком. Но душа зовет на Север. По прошению его назначают псаломщиком в Тазовскую церковь Туруханского благочиния. В конце лета он добирается до Туруханска, но далее путь закрыт: надо дожидаться, когда мороз скует топь болот, по которым можно проехать. Три месяца проходят быстро в задушевных беседах на всевозможные темы с настоятелем местного монастыря о. Макарием, который делится с двадцатилетним псаломщиком своим многолетним опытом.

В Тазовском Константин создает школу для местных ребятишек на бесплатной основе, усиленно изучает язык, переводит на него молитвы, учебные пособия и руководства, составляет остяцко-русскую азбуку, отсылает их ученым. Все это дается ему с легкостью, так как местные жители самоеды — выходцы из алтайских племен, а в училище у него по алтайскому языку только «отлично». О нуждах школы «заваливает» письмами и рапортами церковное начальство [3].

Летние каникулы Костя проводит в Туруханске, влюбляется в младшую дочь Михаила Ивановича. Молодожены отправляются в Тазовское, где вместе учительствуют, опять же без оплаты труда, как и положено сусловской породе.

В 1906 г. молодая семья с первенцем Всеволодом обосновывается в Усть-Каменогорске, где глава семьи, осознав свои способности в журналистике, учреждает газету «Прииртышский край», которую сам и редактирует. Газета защищает интересы местного населения, что не нравится губернатору. Редактора высылают за пределы степного края.

По заданию академии наук он с женой и малолетними детьми отправляется в экспедиции по Туруханскому краю, выполняя поручения видных петербургских ученых С. Ф. Ольденберга, Л. Я. Штернберга, К. Г. Залемана, В. В. Радлова. Революция, которую он сразу же принял, ввергает его в свой вихрь: председатель военно-революционного трибунала Южного фронта, редактор газеты «В пути» в поезде Троцкого, организатор телеграфного агентства и заведующий отделом внешних связей Башкирии, председатель Усть-Каменогорского исполкома, директор партархива в Семипалатинске, сотрудник сибирских журналов.

Умер Константин Михайлович в 1923 г. от туберкулеза легких, заразившись в экспедициях, проживая в чумах больных. Жена Александра Михайловна умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г. Сын Всеволод Константинович окончил в Ленинграде Институт восточных языков, работал переводчиком посольства России в Турции, участник Великой Отечественной войны, морской офицер-политработник.

21 августа 2021 г. исполнилось 120 лет со дня вступления священника Суслова Михаила Ивановича в монашество. Его жизнь и деятельность являются примером не только для многочисленных его потомков, но и всех, кто так или иначе причастен к его работам, делам и устремлениям.

Список литературы и источников

[1] ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 67.
[2] ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–46.
[3] ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 113.
[4] ГАКК. Ф. 874. Оп. 1. Д. 7. Л. 21–22 об.
[5] Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1918.
[6] *Андерсон Д., Орехова Н.* ...Употребляя речь тихую и мягкую // Северные просторы. 2003. № 3–4. С. 87–91.
[7] Енисейские епархиальные ведомости. 1903. 1 мая. С. 177.
[8] Енисейские епархиальные ведомости. 1915. 10 окт. С. 32–33.
[9] *Касьянов В. Д.*, протоиерей. Из дневников 1870–1897 гг.: в 2 кн. / авт.-сост. А. В. Броднева. Красноярск: Восточная Сибирь, 2012. Кн. 1. 702 с.
[10] *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М., 1989.
[11] *Ленский С.* Имя на карте // Сибирский промысел. 1996. № 1. С. 3–5.
[12] Я здесь живу, и край мне этот дорог : 90-летию Туруханского района посвящается : альманах. Туруханск: Инспаер, 2018. С. 170.
[13] *Anderson D. G., Orekhova N. A.* The Suslov legacy: the story of one family s struggle with Shamanism // Sibirica. Vol. № 1. 2002. P. 87–102.

«И вижу Шалоболино — село...»

В. Ф. Семочкина,
заведующая сектором краеведения
при МБУК «Межпоселенческий РДК», филиал Шалоболинский СДК,
с. Шалоболино Курагинского района Красноярского края

АННОТАЦИЯ В работе рассказывается о поэте Константине Сульдине, уроженце с. Шалоболино. Его стихи изданы в сборниках, на некоторые из них написаны песни. Стихи его поэтичны, искренни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА К. Н. Сульдин, сибирская поэзия, поэты Красноярского края, Шалоболино.

Сибирская Швейцария моя,
Родные минусинские края,
Где первозданно все, неповторимо
И все до боли близко и любимо.
И речка Шушь, Туба и Енисей
Среди тайги, отвесных скал, полей.
В цветах со снежной шапкою Саяны
В мечтах своих я вижу из Кургана.
И вижу Шалоболино — село,
Где мое детство буйно зацвело,
Село, где юность крылья обрела,
Несчастной и счастливою была [2].

Это стихотворение «Сибирская Швейцария моя» поэта Константина Сульдина, нашего земляка.

Константин Николаевич Сульдин родился в 1929 г. в с. Шалоболино. У него рано умерла мать, отец женился и уехал на Украину. Мальчика воспитывала бабушка и дедушка. Свою бабушку Варвару он звал мамой. Вот что рассказывает И. И. Борисенков, сын друга Константина Сульдина:

> Жили они бедно. Моя бабушка помогала им чем могла. Перешивала из старых вещей одежду для Кости [5].

Учился Константин в Шалоболинской школе, тогда она была семилетней. Вот что о нем вспоминает Надежда Ивановна Медведева, его одноклассница:

> Я не помню точно, в каком классе он у нас появился. Он был такой подвижный, так умел строить рожицы, что весь класс ухохатывался. А я училась хорошо, на уроках боялась пошевелиться, его ко мне и посадили. Но он был такой смешной, что я стала отвлекаться, смеяться, тогда его посадили одного на заднюю парту [6].

> Как ученик Костя не был отличник, но был хорошистом. Был очень общительным, участвовал во всех занятиях, которые нам прививали, особенно по военному делу, в то время для нас было основное занятие, изучали винтовку (разбирали, собирали), один раз в неделю уходили в бор, учились стрелять. Костя был хоро-

ший стрелок и вообще был активен во всех делах. Еще тогда пытался сочинять небольшие стишки, —

вспоминает его другая одноклассница — Александра Степановна Лопатина (Долгих) [6].

Друзей у него было много, он умел дружить, но лучшими его друзьями были Геннадий Ермолин и Иван Борисенков. Эту дружбу они сохранили на всю жизнь. Стихотворение «Песня о Шалоболино» посвящено другу и однокласснику Борисенкову Ивану Ивановичу, позже ставшему директором Шалоболинской уже средней школы:

За цепочкою скал темно-синих,
Где сливаются Шушь и Туба,
Уголок заповедный в Сибири,
Где моя начиналась судьба.
Ах, село ты мое Шалоболино,
Среди сосен и белых берез,
Где прошли мои годы школьные,
Где родился я, где рос.
Там черемухой пахнет весною
И горят, словно звезды, жарки,
Ах, как хочется встретить вас снова,
Дорогие мои земляки [2].

Началась Великая Отечественная война. Костя рвался на фронт, хотя был еще подростком. Однажды он даже убежал, но был пойман возле бора, и его вернули домой. Война оставила в нем глубокий след. Вот что пишет его одноклассница Александра Степановна:

Помимо учебы, у нас было много работы по оказанию помощи фронту. Нужно помогать старшим: летом работа на полях с утра до вечера, зимой учеба. Каждый класс отправлял на фронт один раз в неделю собранное, для этого ходили по домам, собирали вещи (кисеты, носки, варежки, письма). Потом их укладывали в посылки и отправляли [6].

Как я завидовал солдатам,
Что были на передовой.
Хотел бежать на фронт — куда там!
Вернули за селом домой [2].

Стихи Константин начал писать рано. Одно из первых его стихотворений — «Рассказ колхозницы» было опубликовано в 1944 г. в районной газете «Тубинский колхозник».

В Шалоболино поэт встретил свою первую любовь Аду Белоусову, свою одноклассницу. Она останется для него звездой на долгие годы. Этому чувству светлой любви он посвящает многие свои стихи.

Яркою, полночною звездою
Надо мной глаза твои взошли.
То ль за счастьем, то ли за бедою
За собой позвали, повели [2].

Или другое стихотворение, тоже посвященное Аде:

У подножья голубых Саян
Аромат цветов душист и пьян.
Расплескались чудо-огоньки,
На поляне дикие жарки.
Словно звезды алые, горят,
Не отнять от них влюбленный взгляд.
Сорвала мне девушка цветок,
Сердце он мое зажег [2].

Это были чистые стихи, наполненные первой юношескою влюбленностью.

В глаза твои бы посмотреть,
Услышать сердца стук.
Стремится в песне улететь
К тебе душа, мой друг [2].

Рассказывает одноклассница Константина Александра Степановна Лопатина:

Костя очень бережно и трепетно относился к Аде. Ада была очень скромной девочкой, отличницей. Их дружбе можно было позавидовать. Можно сказать, что они очень любили друг друга [6].

Подолгу в глаза мы друг другу глядели
И все ж наглядеться с тобой не сумели.
Как будто бы знали, мы вечно друг к другу
Тянуть будем руки сквозь годы разлуки [2].

А разлука была долгой. Эту боль поэт долго носил в себе. Ада уехала после 7-го класса, но встреч у них больше не было, хотя он всю жизнь ее искал и посвятил ей много стихов.

Много лет спустя он вспоминает свою первую и несбывшуюся любовь:

Светят мне из далеких годов
Сотни солнц из сибирских жарков
И девичьей души зеркала,
Что сожгла мою душу дотла.
Вновь мечты мои там, у Саян,
Где от первой любви я был пьян,
Ту, с которой расстался давно,
Вижу снова, как будто в кино [2].

Эта любовь оставила в его душе след на всю жизнь.

Анна Александровна Лопатина рассказывает, как они помогали Косте искать Аду, но найти ее им не удалось. Костя очень тяжело переживал эту разлуку.

Окончив школу в Шалоболино, он с бабушкой Варварой и дедушкой уезжает на Украину в г. Дрогобыч к тетке.

Там ему попадается объявление о наборе курсантов в Шадринское летное училище Курганской области. Константин мечтал быть летчиком — один едет в Шадринск. После года обучения у него находят начальную стадию туберкулеза и направляют на лечение в санаторий. Из училища комиссуют, —

вспоминает внук поэта [7].

Начинаются его скитания по стране, так как у него не было поддержки родных.

> Потом ему удалось устроиться на небольшой масляный завод. Начальник разрешал ему питаться и спать на заводе. А позже даже поселил в своем доме. Однажды он в лесу рубил дрова и поранил ногу. Пришлось пролежать в больнице чуть ли не год (хотели ногу даже ампутировать, но потом как-то обошлось), —

пишет его внук [7].

Совсем молодой, без поддержки родных он долго скитался, полубосой, полураздетый, голодный. А сколько ему пришлось пережить за это время!

> ...и с поезда на рынок
> Спешил не на авто,
> Шагал я без ботинок,
> А также без пальто.
> Я думал, что базаром
> Идя сквозь суету,
> Легко, к тому же — даром,
> Я их приобрету.
> Но этой цели дерзкой
> Достичь, увы, не смог.
> Все дело милицейский
> Испортил паренек [2].

Так он оказался в Кургане, в ремесленном училище, где получил профессию крановщика. Курган к тому времени (конец 40-х) представлял собой город деревянных домов, озер и луж. Его как раз собирались отстраивать. Он его строил, работая на кране, он ему посвящал стихи:

> В Кургане мы учились и росли,
> О нем слагая и стихи, и песни.
> Ты по душе мне, бело-голубой,
> Ты близок и по духу, и по праву [2].

Город Курган, зауральский город, стал его второй родиной.

Во многих стихах он признавался в любви к городу, приютившему его:

> Ты, Курган, для меня
> Как для Штрауса Вена —
> Мы с тобой родня,
> Наша дружба нетленна [2].

Поэт называет этот край озерным, весенним, полным песен:

> Есть где-то манящие дали,
> Любую из них выбирай...
> А мне по душе Зауралье,
> Озерный мой, песенный край [2].

Позднее Константин Николаевич заочно окончил Курганский государственный пединститут, историко-филологический факультет. Он печатается в газетах, в сборниках стихов. Он член Союза журналистов СССР, редактор многотиражных газет, является одним из авторов путеводителя по Кургану «Мой город».

Его искренние, проникнутые романтикой стихи стали песнями, и фирма «Мелодия» выпустила пластинку с его песнями. Музыку к его стихам написал композитор Радыгин. В 1989 г. в Южно-Уральском книжном издательстве вышел сборник стихов и песен К. Н. Сульдина «Дома и звезды».

Счастливо сложилась судьба поэта: любящая и любимая жена, дочка, сын, а затем и внуки. Это как бы вознаграждение за раннее сиротство, скитания, голод.

> Он очень любил жизнь, несмотря на все трудности, которые выпали на его долю. Он радовался каждому солнечному дню, каждой маленькой радости. Никому никогда не завидовал, не стремился к богатству, но духовно был очень богат. В жизни он был отзывчивым и очень честным человеком, —

пишет его жена Нина Николаевна [8].

> Я был чудак, как Дон-Кихот,
> Я нес мечту свою вперед,
> Совсем не думая о том,
> Что позади остался дом,
> Что нету матери родной
> И рано стал я сиротой,
> Что нелегко придется мне
> Скитаться по родной стране.
> Но я дорогу пробивал
> И все невзгоды побеждал.
> Свои мне песни ветер пел,
> И подпевал я как умел.
> Романтик и в душе поэт,
> Я покорить хотел весь свет [2].

Любя Зауралье, он на всю жизнь сохранил память о своей малой родине. Жена поэта рассказывала в своем письме краеведам:

> Он так много рассказывал нам о своем селе, о красоте реки Тубы, о красоте сибирской тайги, что мне казалось, я там жила... [8].

Два раза он посетил свое село, встретился с друзьями детства. На родину он привез сборники своих стихов, которые подарил друзьям, школе, библиотеке.

> Заболел я романтикой снова,
> Надоели мне тишь и уют.
> Берега Енисея родного
> Снова в юность вернуться зовут [2].

2 февраля 1997 г. Константин Николаевич Сульдин ушел из жизни. Нина Николаевна пишет в своем письме учащимся нашей школы:

> Это был чистый, цельный человек, прекрасный муж и отец.

Поэзия К. Н. Сульдина трогательна мальчишескими воспоминаниями о войне и убедительна зрелыми рассуждениями об отчизне, проста и правдива, как сама судьба этого талантливого человека.

Список литературы и источников

[1] *Бурмага А. И.* «Есть страна такая». Абакан, 1997. 156 с.
[2] *Сульдин К.* Дома и звезды: стихи и песни. Курган: Южно-Уральское книжное издательство, 1989. 48 с.
[3] *Сульдин К.* Мой город. Путеводитель по Кургану. Курган: Южно-Уральское книжное издательство, 1990. 50 с.
[4] О личном фонде Сульдина Константина Николаевича — журналиста, поэта, члена Союза журналистов СССР. URL: http://gako.archives.kurganobl.ru/o_lichnom_fonde_suldina_konstantina_nikolaevicha___zhurnalista__poeta___chlena_soyuza_zhurnalisto.
[5] Материалы Шалоболинского музея, личные архивы жителей села.
[6] Письма одноклассниц Константина Сульдина — Александры Степановны Лопатиной, Надежды Ивановны Медведевой.
[7] Письмо внука Константина Сульдина.
[8] Письмо жены поэта Нины Николаевны Сульдиной.

Семья красноярских купцов-золотопромышленников Кузнецовых в истории развития образования и культуры в Енисейской губернии

М. Е. Серебренникова,
краевед, г. Красноярск

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается о купеческой династии золотопромышленников, внесших значительный вклад в историю развития образования и культуры в Енисейской губернии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА золотопромышленники, почетный гражданин, Кузнецовы, купцы, именные премии, благотворительность, гимназия.

26 сентября 1727 г. вышел царский указ, разрешающий поиски золота в Енисейской провинции. С 1819 г. в России начинается частновладельческая добыча золота на приисках, с 1829 г. — в Сибири. В 1838 г. частная добыча золота разрешалась лишь потомственным и личным дворянам, почетным гражданам и первой гильдии купцам Западной и Восточной Сибири. В 1835 г. уральские и сибирские купцы объединились и создали на паях одну из первых в России Удерейскую золотопромышленную компанию, которая 20 апреля 1835 г. была утверждена. В 1848 г. одна только Енисейская тайга дала свыше 1350 пудов золота, что составляло ¾ всей добычи золота в России. Для эксплуатации золотых приисков в Енисейской губернии, для добычи золота, платины и сопутствующих металлов была учреждена контора золотопромышленного товарищества Кузнецовых. Дата образования товарищества относится приблизительно к 1837 г. [5, л. 1]. В 1830-х гг. начал разведку и добычу золота в Минусинском округе Иван Кириллович Кузнецов — первый из династии Кузнецовых. С 1829 по 1832 г. кандидат на пост Красноярского городского головы. С 1835 по 1838 г., 1844 г. — городской голова, первый купец-первогильдиец Красноярска. В 1846 г. Ивана Кирилловича Кузнецова удостоили звания потомственного почетного гражданина города Красноярска. За щедрые пожертвования И. К. Кузнецов имел три золотые медали на Анненской и Владимирской лентах с надписью «За полезное», а на Александровской ленте — с надписью «За усердие» [11, л. 29].

Золотопромышленные дела продолжил сын Ивана Кирилловича Кузнецова — Петр Иванович Кузнецов. Потомственный почетный гражданин, золотопромышленник-купец первой гильдии, трижды избирался городским головою: 1853–1856, 1862–1865, 1871–1875 гг. За отличия Петр Иванович был награжден двумя золотыми медалями, орденами св. Станислава II степени, Анны II и III степеней [12, л. 7].

Петр Иванович повел дело после отца хорошо, окружив себя старыми служащими и новыми рекомендованными. Золотопромышленные дела продолжили и его потомки. Прииски открывались, разрабатывались, покупались, продавались и сдавались в аренду [6, л. 25].

В конце февраля 1854 г. граф Н. Н. Муравьев-Амурский был в Красноярске, встречался с П. И. Кузнецовым и пригласил его в качестве торгового представителя отправиться в экспедицию.

Иван Кириллович Кузнецов

Петр Иванович Кузнецов

Затраты П. И. Кузнецова на Амурскую экспедицию составили огромнейшую сумму, более 2,5 миллиона рублей [1, с. 349, 351].

Часовня, Краеведческий музей Красноярска, Мартьяновский музей в Минусинске, драмтеатр, первая лечебница, женская гимназия (в настоящее время это пединститут на пр. Мира), «Дом семейных торжеств» на «Кузнецовском подворье» — все эти здания созданы благодаря Кузнецовым.

Получая доход, Кузнецовы вкладывали средства в развитие медицины и образования. На постройку женской гимназии Александра Федоровна Кузнецова, жена Петра Ивановича Кузнецова, внесла 10 тысяч рублей [9, л. 88].

В 1886 г. почетной попечительницей женской гимназии Александрой Федоровной Кузнецовой было сделано еще одно крупное пожертвование — 30 тысяч рублей. Александр Петрович Кузнецов был членом попечительного совета женской гимназии [8, л. 22], с 1879 г. — почетный попечитель Красноярской учительской семинарии [10, л. 16].

В 5-м приходском училище (открыто в 1888 г.) почетная блюстительница Александра Петровна Кузнецова содержала рукодельный класс.

Кузнецовы вносили средства в стипендиальный фонд Общества содействия учащимся сибирякам в Санкт-Петербурге и входили в состав этого общества. За 25 лет Общество содействия учащимся сибирякам выдало стипендий на сумму 227 980 рублей [2, с. 24, 25].

Большие пожертвования выделили Кузнецовы и на постройку дома в Санкт-Петербурге для Бестужевских курсов [2, с. 18].

Действительную помощь народному образованию оказывали общества попечения о начальном образовании.

В Красноярске такое общество было образовано в 1884 г. Александр Петрович Кузнецов 23 лет состоял в Обществе попечения о начальном образовании, был на протяжении 15 лет почетным блюстителем четвертого городского начального училища с момента его основания — 24 июля 1889 г. [3, с. 40–41].

Члены семейства Кузнецовых были попечителями сельских училищ, которые находились на территории, заселенной инородцами (хакасами). «Преуспеянию этих училищ много содействовали своими трудами и материальной поддержкой потом-

Здание Красноярской женской гимназии

ственные почетные граждане Иннокентий Петрович Кузнецов и Иван Петрович Кузнецов», — писала губернская газета [2, с. 16, 17]. Иннокентий Петрович Кузнецов любезно предоставлял книги из своей библиотеки для Аскизского училища.

Евдокия Петровна Кузнецова более 20 лет была попечительницей Владимирского приюта, за это время внесла денежные средства на сумму около 25 тысяч рублей [2, с. 48].

Кузнецовыми были подарены Красноярской городской библиотеке 1300 экземпляров книг [2, с. 39]. Множество коллекций из предметов старины, картины, книги, фотографии, рукописи, гербарии и прочее были переданы Кузнецовыми в музеи городов Минусинска, Иркутска, Томска, Красноярска [7, л. 210].

Кузнецовы выделили средства на постройку Минусинского музея и передали множество экспонатов и предметов из собственных коллекций. Евдокия Петровна помогала Минусинскому музею не только деньгами, но и книгами, сама занималась ботаническими коллекциями. Предоставила Николаю Михайловичу Мартьянову средства для поездки за границу и в западную часть России для ознакомления с музейным делом и оплачивала его другие поездки, которые он совершал с целью сбора материала для музея [2, с. 46, 47].

На создание Краеведческого музея в Красноярске дочь Петра Ивановича Кузнецова — Юлия Петровна (Кузнецова) Матвеева и ее муж Иннокентий Алексеевич Матвеев пожертвовали 4500 рублей, основой музея послужили коллекции из семьи Кузнецовых [2. с. 51].

В 1888 г. важным событием для Сибири было открытие Томского университета — первого в Сибири. Из 761 923 рублей на постройку университетских зданий частной благотворительности принадлежит 361 923 рубля. На учебно-вспомогательные учреждения и пособия студентам было пожертвовано 293 936 рублей [4, с. 8].

Петр Иванович Кузнецов еще задолго до закладки фундамента главного корпуса Томского университета, в 1877 г. приобрел для библиотеки более 500 книг на свои средства. Иннокентий Петрович Кузнецов пожертвовал учебному заведению солидные денежные средства и подарил большое количество книг [4, с. 39, 83], а его коллекции послужили основой музея истории, археологии и этнографии [2, с. 41].

Стипендиальный фонд пожертвований частными лицами Томскому университету к десятилетию со дня открытия достиг 400 тысяч рублей. А. П. Кузнецов внес 43 тысячи рублей. В дореволюционной Сибири особым уважением пользовались именные премии потомственного почетного гражданина А. М. Сибирякова и потомственного гражданина сына Петра Ивановича Кузнецова — Льва Петровича Кузнецова [2, с. 9–11].

Лев Петрович Кузнецов завещал денежные средства на именные премии за лучшие печатные сочинения о Сибири по истории и антропологии [2, с. 105].

Красноярский драматический театр им. А. С. Пушкина — это тоже заслуга Кузнецовых. В 1873 г. при поддержке городских властей, и прежде всего Петра Ивановича Кузнецова, на Острожной площади в новом деревянном здании распахнул двери первый красноярский театр. Первый театр сгорел во время пожара. Александр Петрович Кузнецов был председателем Общества любителей драматического искусства и хлопотал о постройке нового театра [2, с. 55].

17 февраля 1902 г. народный дом — театр открылся. На постройку здания было затрачено 60 тысяч рублей, на отделку — 4000 рублей и на электрическое освещение — 2700 рублей. От Александры Петровны Кузнецовой поступил взнос 20 тысяч рублей [2, с. 60].

В связи со столетним юбилеем со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина театр был назван Пушкинским. В состав директоров городская дума избрала Александра Петровича Кузнецова.

Александр Петрович, его сестры и братья, особенно Иннокентий, принимали участие в спектаклях. Иннокентий Петрович Кузнецов писал сценарии.

Знаменитый художник В. И. Суриков получил обучение в Академии художеств на средства П. И. Кузнецова [2, с. 23].

Кузнецовы помогли поступить в Красноярскую гимназию Николаю Федоровичу Катанову, который окончил ее с золотой медалью и впоследствии стал известным хакасским ученым — тюркологом.

Кузнецовы жертвовали средства на исследовательские экспедиции, писали и издавали книги, дарили коллекции в музеи, способствовали развитию исторического краеведения. Без истории семьи Кузнецовых сегодня невозможно представить ни историю Красноярска, ни историю Енисейской губернии, ни историю Сибири и всей России. Благие пожелания с XIX в. были основательны и надежны, сохранились до наших дней в виде архитектурных строений, отдельных мест и исторических зданий, которые несут функциональное назначение и хранят имена людей, причастных к их созданию.

Список литературы и источников

[1] *Барсуков И. П.* Граф Муравьев-Амурский. М., 1891. С. 349, 351.
[2] *Мешалкин Н. П.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX — начало XX вв. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1995. С. 9, 11, 16–18, 23–25, 39, 41, 48, 51, 55, 60, 105.
[3] Отчеты совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за трехлетие 1910–1912 гг. Красноярск, 1913. С. 40–41.
[4] Первый университет в Сибири. Томск: Изд-е ред. «Томского вестника», 1889. С. 8.
[5] ГАКК. Ф-140. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[6] ГАКК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 136. Л. 25.
[7] ГАКК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 212. Л. 210.
[8] ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
[9] Там же. Л. 88.
[10] ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.
[11] ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 191. Л. 29.
[12] Там же. Л. 7.

Список сокращений

АГМ — Архив города Минусинска
АКГУ — Архив Курганского государственного университета
АКМ — Ачинский краеведческий музей
АМКМ — Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова
АОАГБ — Архивный отдел администрации г. Бийска
АМЗШ — Архив Шушенского музея-заповедника
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАНИИО — Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГКУ РХ — Государственное казенное учреждение Республики Хакасия
ГУНБКК — Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края
ЕКМ — Енисейский краеведческий музей
ИРЛИ — Институт русской литературы и искусства
КанКМ — Канский краеведческий музей
КГА — Красноярский городской архив
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей
КХМ — Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова
МЗШ — Музей-заповедник «Шушенское»
МКМ — Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова
НАРХ — Национальный архив Республики Хакасия
НБ ТГУ ОРКП — Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников
НГА — Новосибирский городской архив
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦВМА — Центральный военно-морской архив
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Список авторов

Аладышкин Иван Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург (i-bez@yandex.ru)

Андюсев Борис Ермолаевич — кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск (asocvn@mail.ru)

Артамонова Надежда Яковлевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан (lazar1918@yandex.ru)

Асочакова Валентина Нестеровна — доктор исторических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан (asocvn@mail.ru)

Байкалов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ (baikalchik@yandex.ru)

Баранцева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан (barantzeva@inbox.ru)

Баташев Михаил Сергеевич, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

Бойко Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск (vpbojko@yandex.ru)

Бойко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (iv.boj@mail.ru)

Борисова Алла Павловна, краевед, г. Красноярск (alla.borisowa1940@yandex.ru)

Брюханова Елена Александровна, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (brelenochka@mail.ru)

Буркина Елена Васильевна, заслуженный учитель Российской Федерации, почетный гражданин Шарыповского района, краевед, председатель Историко-родословного общества Шарыповского района Красноярского края (Lena4907@mail.ru)

Вдовин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск (vdovin2002@bk.ru)

Вовченко Ксения Алексеевна, студент, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва (ksukuznecova13@gmail.com)

Воног Евгений Анатольевич, преподаватель кафедры журналистики и литературоведения, Институт филологии и языковых коммуникаций Сибирского федерального университета, г. Красноярск (vonog.ea@gmail.com)

Гарин Евгений Евгеньевич, преподаватель, Военный учебный центр при Сибирском федеральном университете (garinee1990@yandex.ru)

Голодяев Константин Артёмович, научный сотрудник, МАУК «Музей Новосибирска», г. Новосибирск (golod62@mail.ru)

Гридинберг Ирина Николаевна, член Красноярского буддийского центра, г. Красноярск

Гряникова Галина Андреевна, аспирант, специалист по УМР, кафедра отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул (gryanikova2711@gmail.com)

Гуськова Ирина Борисовна, историк театра, председатель межрегиональной общественной организации «Фонд В. А. Теляковского», г. Москва

Давыдова Любовь Викторовна, заведующая Туринским филиалом ГАУК Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера», г. Туринск (dqlia@mail.ru)

Дементьев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, г. Красноярск (dementjev.ap@yandex.ru)

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул (demtchikev@mail.ru)

Доржу Зоя Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Тувинский государственный университет, г. Кызыл (zoyadorzhu@yandex.ru)

Дубик Ирина Михайловна, студент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (ira.dubik.oo@mail.ru)

Дубовая Юлия Сергеевна, научный сотрудник КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск (yu.dubowaya@yandex.ru)

Ермилова Валентина Васильевна, научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск (vermilova65@gmail.com)

Ермишина Надежда Дмитриевна — кандидат исторических наук, доцент, профессор Национального исследовательского университета «МЭИ», г. Москва (nad-er@yandex.ru)

Есин Роман Сергеевич — Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск (silvarium@mail.ru)

Загидулина Татьяна Андреевна — кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск (zagig@rambler.ru)

Задорин Артём Викторович — старший преподаватель, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск (a.zadorin2013@yandex.ru)

Звягин Сергей Павлович — доктор исторических наук, доцент, профессор, Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово (whitesiberia@narod.ru)

Зырянова Вера Александровна — краевед, с. Казанцево Шушенского района Красноярского края (zyryanova.vera@bk.ru)

Игнатьева Евгения Андреевна — аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск (jane.rose.gnr@yandex.ru)

Иргит Оттук Юрьевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Тувинский научный центр, г. Кызыл (irgit_o6x@mail.ru)

Исаева Нионила Николаевна — профессор, доктор искусствоведения, КГПУ им. В. П. Астафьева (isaevann@mail.ru)

Калистратов Александр Александрович — научный сотрудник, Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова, г. Енисейск (aleksandr.kalistratov98@mail.ru)

Карпухина Дина Ванцетовна — ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск (dina_museum@mail.ru)

Квашнин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тобольск (ukwa@yandex.ru)

Кебак Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск (kta_06@list.ru)

Кискидосова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», г. Абакан (tak_74@mail.ru)

Кладова Ксения Юрьевна — старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, г. Курган (ks-klad@mail.ru)

Кожаева Альбина Алексеевна — магистрант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (a.kozhaeva18@mail.ru)

Кокоулин Владислав Геннадьевич — доктор исторических наук, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск (kwladislaw@yandex.ru)

Комарова Юлия Олеговна — главный хранитель фондов Музея-заповедника «Шушенское», аспирант СФУ, г. Красноярск (kjo-shush@yandex.ru)

Комгорт Марина Валерьевна — доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень (komgort@mail.ru)

Константинов Александр Васильевич — председатель Забайкальского регионального отделения РГО, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета, г. Чита (konstant1956@mail.ru)

Копылов Иван Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель СибГУ им. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск (Kopilov_ivan@mail.ru)

Корникова Яна Руслановна — студентка 4-го курса, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (kornikovayana@gmail.com)

Кострыкина Наталья Витальевна — соискатель кафедры культурологии и искусствоведения ГИ СФУ, преподаватель кафедры журналистики и литературоведения ИФиЯК СФУ, редактор УПЛ «ТВ СФУ» (nkost90@mail.ru)

Крыжановская Яна Станиславовна — доктор культурологии, доцент, зав. кафедрой культурологии и музеологии, Хабаровский государственный институт культуры, г. Хабаровск (krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru)

Кужугет Айлана Калиновна — доцент, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл (akumin@mail.ru)

Кузнецова Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения, факультет бизнес-коммуникаций и информатики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (Mv39@yandex.ru)

Кулик Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург (kulik54@mail.ru)

Куперштох Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук», г. Новосибирск (nataly.kuper@gmail.com)

Кухта Светлана Васильевна — ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск (svetla-90@mail.ru)

Кучерова Ирина Владимировна — старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела, Музей-заповедник «Шушенское», пгт Шушенское Шушенского района Красноярского края (berzina2010@mail.ru)

Лазарева Любовь Николаевна — кандидат исторических наук, Московский государственный областной университет, г. Москва (laz_dom@mail.ru)

Леонтьев Евгений Викторович — старший научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск (martianov-muzey@mail.ru)

Литвинова Оксана Александровна — кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул (litox69@mail.ru)

Лукьянов Владимир Александрович, независимый исследователь, Красноярский край, Козульский район, д. Шарловка (Coolval.1@yandex.ru)

Майзик Елена Игоревна — старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск (lena.k.elena@mail.ru)

Макаров Николай Поликарпович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск (mnp1955@bk.ru)

Малюченко Лариса Владимировна — директор, МБУК «Канский краеведческий музей», г. Канск (km35631@yandex.ru)

Мамонтова Дарья Андреевна — магистрант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (darya.mamontova_1998@mail.ru)

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан (sozor@mail.ru)

Мариловцев Дмитрий Владимирович — заведующий научно-просветительским отделом, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск (dima.marilovtzev@yandex.ru)

Мариненко Людмила Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск (lmarinenko@sfu-kras.ru)

Мезит Людмила Эдгаровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В. П. Астафьева, г. Красноярск (mezit@yandex.ru)

Менщиков Владимир Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Курганский государственный университет, г. Курган (vmen1@yandex.ru)

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, профессор, БУ «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут (olegmilevsky@mail.ru)

Мозгалевская Елена Андреевна — кандидат исторических наук, педагог-организатор, руководитель музея «Лесное: из прошлого в будущее» ГБУ ДО Дом детского творчества «Союз» Выборгского района г. Санкт-Петербурга (mozgalevskea@mail.ru)

Московченко Галина Александровна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики, математики и информационных технологий, Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, г. Курган (moskovchenkogala@mail.ru)

Муренко Денис Игоревич — аспирант, Институт истории СО РАН; ассистент, НГУЭУ, г. Новосибирск (denismurenko@yandex.ru)

Негодина Ирина Ивановна — заведующая отделом «Музей декабристов», МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск (martianov-muzey@mail.ru)

Нилогов Алексей Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан (nilogov1981@yandex.ru)

Орехова Наталья Алексеевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск (orehova.vladimir2010@yandex.ru)

Орлов Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, г. Бийск (orlovd2010@mail.ru)

Перепич Наталья Владимировна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки и композиции, Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского, г. Красноярск (muza97@mail.ru)

Понкратова Ирина Юрьевна — доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан (ponkratova1@yandex.ru)

Прищепа Евгений Валерьевич — кандидат исторических наук, ГБНИУ Республики Хакасия «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», г. Абакан (pri-evg@mail.ru)

Резник Марина Васильевна — магистрант 2-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск (reznikmar@mail.ru)

Рубцов Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (rubzov@bk.ru)

Рычков Борис Евлампиевич, краевед, г. Донецк (boris-rychkov@rambler.ru)

Рябченко Анатолий Андреевич — студент 4-го курса, ИИМО, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (an2ir@mail.ru)

Самрина Елена Васильевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан (esamrina@mail.com)

Семочкина Валентина Федоровна — заведующая сектором краеведения при МБУК «Межпоселенческий РДК», филиал Шалоболинский СДК, с. Шалоболино Курагинского района Красноярского края (semochkina.vala@mail.ru)

Сентябова Мария Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры кафедра истории и политологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск (m.v._redko@mail.ru)

Серебренникова Марина Евгеньевна — краевед, г. Красноярск (sme1957@mail.ru)

Сидорина Елена Юрьевна — заведующая научной библиотекой, Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск (kort50@yandex.ru)

Ситникова Елена Владимировна — кандидат архитектуры, доцент, Томский государственный архитектурно-строительнйы университет, г. Томск (elensi@vtomske.ru)

Скобелев Дмитрий Олегович — кандидат экономических наук, директор, ФГАУ НИИ «Центр экологической промышленной политики», г. Москва (dskobelev@eipc.center)

Смирнова Марина Ивановна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культурологии, Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва (SmirnovaMI@mpei.ru)

Софронова Ольга Геннадьевна, специалист по охране труда, МАОУ СШ №149, г. Красноярск

Тараканова Ольга Семёновна — член Союза писателей России, общественный деятель, г. Минусинск (olgataraka@yandex.ru)

Тишкина Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул (tvtishkina@mail.ru)

Топчеев Валентин Владимирович — старший научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, г. Минусинск (Oksana7777-11@mail.ru)

Уланов Илья Викторович — младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (ussr-ilya@yandex.ru)

Уланова Александра Владимировна — лаборант-исследователь, Иркутский государственный университет, г. Иркутск (verensk1987@gmail.com)

Ульянова Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург (oulianova@mail.spbstu.ru)

Филиппов Вячеслав Викторович — историк авиации, г. Москва (akira.62@mail.ru)

Фирер Наталья Демьяновна — доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры базовых дисциплин, Лесосибирский педагогический институт — филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск (ntlfrr@gmail.com)

Фисюков Вячеслав Александрович — студент 4-го курса, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск (v.fisyukov@g.nsu.ru)

Хмырова Светлана Рудольфовна — кандидат исторических наук, заведующая образовательным отделом, МБУК «Канский краеведческий музей», г. Канск (hmyrovasvetlana@yandex.ru)

Хоменко Денис Юрьевич, преподаватель, Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск (khomenko_denis@mail.ru)

Хромых Александр Станиславович — кандидат исторических наук, учитель обществознания, педагог-организатор, лицей МГИМО им. А. М. Горчакова, г. Москва (khromikh-alex@mail.ru)

Худышкина Светлана Петровна — заместитель директора по основной деятельности, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова» (svetlana_petrovna_ok@mail.ru)

Цысь Валерий Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и документоведения, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск (tsysv@rambler.ru)

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск (roshist@mail.ru)

Чебодаева Маина Петровна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник, ХакНИИЯЛИ, г. Абакан (chebodaevamp@mail.ru)

Чернышов Виктор Владимирович — ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск (vikchern73@yandex.ru)

Чупилко Юлия Александровна — аспирант кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан; заведующая отделом фондов Музея-заповедника «Шушенское», пгт Шушенское (zykova_yu@mail.ru)

Чуркин Михаил Константинович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск (proffchurkin@yandex.ru)

Чуркина Наталья Ивановна — доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, г. Омск (n_churkina@mail.ru)

Шекшеев Александр Петрович — кандидат исторических наук, Хакасская республиканская организация общества «Мемориал», г. Абакан (Turan47@yandex.ru)

Шерстянникова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, СибГУ им. М. Ф. Решетнева (lena_kolesnikova@list.ru)

Явнова Лариса Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, г. Бийск (lar.javnova@yandex.ru)

Научное издание

ОТ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ К ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ДВА ВЕКА, ОДНА ИСТОРИЯ

Материалы VIII Сибирского исторического форума (Красноярск, 21–23 сентября 2021 г.)

Тексты публикуются в авторской редакции

Ответственный редактор
А. П. Дементьев

Технический редактор, верстальщик
А. В. Ульверт

Корректор
Е. М. Уварова

Объем данных: 23,6 Мб

Подписано к использованию: 06.12.2021.

Размещено в открытом доступе
на сайте https://sibhistory.ru в разделе «Архив»

ЕНИСЕЙСКАЯ СИБИРЬ
YENISEY SIBERIA
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ ХАКАСИЯ ТЫВА KRASNOYARSK REGION KHAKASSIA TYVA

ISBN 978-5-9903608-2-2
9 785990 360822